

132
Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

VIII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

В

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большеви^ков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. VIII

1906 Г О Д

46 — 66 тысяча

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

*Печатается по постановлению
IX съезда Р.К.П.*

ТИПОГРАФИЯ
ГОСУД. ИЗДАТ.
ИМЕНИ ГУТЕНБЕРГА.
ЛЕНИНГРАД,
СТРЕМЯННАЯ, 12.

1907 год

1906 год.

Ноябрь.

Особое мнение, внесенное на I Всероссийскую Конференцию Р. С.-Д. Р. П. от имени 14 делегатов соц.-дем. Польши, Латышского края, С.-Петербурга, Москвы, Центр. Промышленной области и Поволжья ¹⁾.

Тактика бойкота Государственной Думы, способствовавшая правильной оценке народными массами безвластия и несамостоятельной роли данного учреждения, нашла себе полное оправдание в комедии законодательной деятельности Гос. Думы и в ее разгоне ²⁾.

Но контр-революционное поведение буржуазии и соглашательская тактика российского либерализма воспрепятствовали непосредственному успеху бойкота и заставили пролетариат принять борьбу с помещичьей и буржуазной контр-революцией также и на почве думской кампании.

Эту борьбу вне Думы и в самой Думе социал-демократия должна вести в интересах развития классового сознания пролетариата, дальнейшего разоблачения перед всем народом конституционных иллюзий и развития революции.

В виду такого положения вещей и с указанной целью Российская С.-Д. Рабочая Партия должна принять самое энергичное участие в настоящей думской кампании.

Основными задачами социал-демократической избирательной и думской кампании является, во-1-х, выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства. Во-2-х, выяснение народу возможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, выяснение необходи-

мости вооруженного восстания, Временного Революционного Правительства и Учредительного Собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В-3-х, картинка Первой Думы и выяснение банкротства российского либерализма, в особенности же выяснение того, насколько опасна и гибельна для дела революции была бы первенствующая и руководящая роль в освободительном движении либерально-монархической партии к.-д.

Как классовая партия пролетариата, социал-демократия должна во всей избирательной и думской кампании оставаться безусловно самостоятельной, не сливая и здесь ни в коем случае ни своих лозунгов, ни своей тактики ни с какой другой оппозиционной или революционной партией.

Поэтому на первой ступени избирательной кампании, т.-е. перед массами, она должна по общему правилу выступать безусловно самостоятельно и выставлять только партийные кандидатуры.

Исключения из этого правила допустимы только в случаях крайней необходимости и лишь с партиями, вполне принимающими основные лозунги нашей непосредственной политической борьбы, т.-е. признающими необходимость вооруженного восстания и борющимися за демократическую республику. При этом такие соглашения могут простирались лишь на выставление общего списка кандидатов, ни в чем не ограничивая самостоятельности политической агитации социал-демократии.

В рабочей курии с.-д. партия выступает безусловно самостоятельно, не вступая в соглашения, ни с какой другой партией.

На высших ступенях выборов, т.-е. в собраниях выборщиков в городах, уполномоченных и выборщиков в деревнях, допустимы частные соглашения исключительно для пропорционального распределения мест по числу голосов у партий, заключающих соглашение. При этом социал-демократия различает в отношении демократической последовательности и решительности следующие основные типы буржуазных партий: а) с.-р., п. п. с. ³⁾ и подобные им республиканские партии *); б) н.-с. и трудовики ⁴⁾ подобного типа **). в) к.-д. ⁵⁾.

*„Пролетарий“ № 8
от 23 ноября 1906 г.*

*.) Сюда, может быть, относятся и с.-с. (сионисты-социалисты).

**.) Сюда, может быть, относятся некоторые езрейские демократы.

Об этих вопросах мы, без еврейских с.-д., не компетентны судить.

Проект обращения к избирателям.

Товарищи-рабочие и все граждане России! Приближается время выборов в Гос. Думу. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет всех вас принять участие в выборах, чтобы помочь сплочению сил, способных действительно бороться за свободу.

Народные массы в нашей революции борются против господства чиновников и полиции, помещиков и капиталистов, а прежде всего против самодержавного царского правительства. Массы борются за землю и волю, за свержение той шайки погромщиков и палачей, которая подкупом, обманом, зверским насилием, тюрьмами и военно-полевыми судами отвечает на требования миллионов и десятков миллионов.

Октябрьской стачкой 1905 г. рабочие всей России вырвали у царя силой обещание свободы и законодательных прав Думы ⁶⁾. Царское правительство нарушило эти обещания. Избирательный закон ⁷⁾ урезал права крестьян и рабочих в пользу помещиков и капиталистов. Права самой Думы были сведены почти до нуля. Но и это еще не главное. Главное — то, что все свободы и права оставались пустой бумажкой, ибо действительная власть, действительная сила была по-прежнему всецело в руках царского правительства. Никакая Дума не может дать и не даст земли и воли народу, пока действительная власть будет в руках погромщиков и палачей свободы.

Вот почему революционные рабочие вместе с большинством сознательных борцов за свободу из других слоев народа бойкотировали Думу⁸⁾. Бойкот Думы был попыткой отнять у погромщиков дело созыва народных депутатов. Бойкот Думы был предупреждением народу не верить пустым бумажкам, был призывом к борьбе за настоящую власть. Бойкот не удался, потому что делу свободы изменила либеральная буржуазия. Партия „народной“ свободы, кадеты, эта партия либеральных помещиков и „просвещенных“ буржуазных говорунов, отвернулась от героической борьбы пролетариата, обозвала безумством восстание крестьян и лучшей части войска и пошла на выборы, устраиваемые погромщиками⁹⁾. Благодаря предательству кадетской буржуазии, всему народу приходится на время считаться с законами и выборами, которые погромщики устроили, погромщики подделали, погромщики превратили в издевательство над народом.

Но, участвуя теперь в выборах, мы можем и должны раскрыть глаза народу на необходимость борьбы за власть, на тщету

кадетской игры в конституцию. Граждане всей России! Подумайте над тем уроком, который дала нам первая Дума!

Борцы за свободу и за землю для крестьян были перебиты, отправлены в ссылку, засажены в тюрьмы. Большинство в Думе принадлежало кадетам. Эти либеральные буржуа боялись борьбы, боялись народа, ограничивались речами и ходатайствами, призывали к терпеливому ожиданию, стремились к соглашению, к сделке с правительством погромщиков. И царь, видя, что перед ним не борцы, а пресмыкающиеся буржуа, прогнал их вон за неугодные речи.

Рабочие, крестьяне и все трудящиеся! Не забывайте этого великого урока! Помните, что когда осенью 1905 года во главе борющегося народа стояли революционные рабочие, когда к стачке рабочих, к восстанию рабочих присоединялись восстания крестьян и сознательных солдат,—тогда правительство шло на уступки. А когда весной и летом 1906 года во главе народа встала либерально-монархическая буржуазия, кадеты, партия колебаний между властью народа и властью погромщиков, тогда вместо уступок депутаты получили удар полицейской ноги, разогнавшей Думу.

Разгон Думы показывает всем, как тщетны и бесплодны кадетские ходатайства, как необходима поддержка пролетарской борьбы. Рабочий класс октябрьской стачкой вырвал обещание свободы. Он собирается теперь с силами, чтобы посредством всенародного восстания вырвать на деле свободу из рук врага, чтобы свергнуть царское правительство, учредить республику, выборность всех без исключения властей в государстве, и созвать через Временное Революционное Правительство Всенародное Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Борясь за свободу, рабочий класс добивается того, чтобы она служила не богатым только и знатным, а всему народу. Рабочим нужна свобода, чтобы развернуть широкую борьбу за полное освобождение труда от гнета капитала, за уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, за социалистическое устройство общества. Никакое равенство, даже равенство мелких хозяев, крестьян, в пользовании общенародной землей, не спасет народ от нищеты, безработицы и угнетения, пока существует господство капитала. И только сплочение всех рабочих, при поддержке их массами трудящихся, может свергнуть иго капитала, давящего рабочих всех стран. В социалистическом обществе свобода и равенство не будут обманом; трудящиеся не будут раздроблены мелким обособленным хозяйничаньем; накопленное общим тру-

дом богатство будет служить массе народа, а не угнетать ее; господство трудящихся уничтожит всякое угнетение какой бы то ни было национальности, религии или одного пола другим.

Товарищи-рабочие и все граждане России! Пользуйтесь выборами, чтобы укрепить настоящих борцов за свободу и за социализм, чтобы открыть глаза всем и каждому на настоящие цели и истинный характер различных партий!

Кроме социал-демократов, три главных группы партий участвуют в выборах: черносотенцы, кадеты, трудовики.

Черносотенцы, это—партии, поддерживающие правительство. Они стоят за самодержавную монархию, за полицейскую власть, за сохранение всей помещичьей земли. Это—партия монархистов, союз русского народа, партия правового порядка, торгово-промышленная партия, союз 17-го октября, партия мирного обновления¹⁰⁾. Все это—прямые враги народа, прямые защитники правительства погромщиков, правительства, разогнавшего Думу, правительства военно-полевых судов.

Кадеты (к.-д. или «партия народной свободы») — главная партия либерально-монархической буржуазии. Либеральные буржуа колеблются между народом и правительством погромщиков. На словах они—против правительства; на деле они больше всего боятся борьбы народа; на деле они хотят сделки с монархией, т.-е. с погромщиками, против народа. Кадеты предлагали в Думе каторжные законы против печати и против собраний. Кадеты были в Думе против передачи вопроса о земле местным комитетам, выбранным всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Кадеты, это—либеральные помещики, которые боятся того, как бы крестьяне сами не решили вопроса о земле по своему. Кто не хочет, чтобы народных депутатов могла разгонять полицейская власть, кто не хочет, чтобы крестьянам навязали столь же газорительный выкуп, как в 1861 г.,—тот пусть позаботится о том, чтобы вторая Дума не могла быть опять кадетской Думой.

Трудовики, это—партии и группы, выражающие интересы и взгляды мелких хозяев, преимущественно мелких крестьян. Самая робкая из этих партий—«трудовая народно-социалистическая партия»; она немногим лучше кадетов. Далее идет думская «Трудовая Группа», лучшие члены которой, вроде Оникко, шли после разгона Думы на помощь к восстающему народу. Самая революционная из трудовых партий—«социалисты-революционеры» (эс-эры, с.-р.). Трудовики склонны решительно,—иногда вплоть до восстания,—отстаивать интересы крестьянской массы в борьбе за землю и волю, но они далеко не всегда умеют освободить

даться от влияния либеральных буржуа и от буржуазных взглядов во всей своей деятельности. Мелкий хозяйчик стоит на распутье в великой всемирной борьбе труда с капиталом: стремиться ли к тому, чтобы „выйти в люди“ по-буржуазному, чтобы самому стать хозяином, или же стремиться к тому, чтобы помочь пролетариату свергнуть господство буржуазии. Мы, социал-демократы, воспользуемся выборами, чтобы сказать крестьянской массе и всем друзьям крестьянства: крестьяне только тогда смогут добиться земли и воли, если они будут действовать не ходатайствами, а борьбой, если они будут верить не царю и не посулам либеральных буржуа, а верить в силу дружной борьбы рука об руку с рабочим классом.

Партия социал-демократов есть партия сознательного и борющегося пролетариата. Она не верит ни в какие обещания буржуазии, она ищет спасения от нищеты и нужды не в укреплении мелкого хозяйства, а в сплоченной борьбе всех трудящихся за социализм.

Товарищи - рабочие и все вы, служащие у капитала! Вы видели все, что когда правительство отняло начатки свободы, буржуазия стала отнимать у рабочих все их завоевания, стала опять удлинять рабочий день, уменьшать заработную плату, увеличивать штрафы, усиливать всяческие прижимки, притеснять или прогонять сознательных рабочих. Только победой свободы могут рабочие и служащие обеспечить свои завоевания от буржуазии, добиться 8-часового рабочего дня, лучшей платы и сносных условий жизни. И только сплоченной, дружной, беззаветно-смелой борьбой во главе всех трудящихся масс может рабочий класс завоевать действительную свободу всему народу.

Товарищи - рабочие и все граждане России! Подавайте голоса за кандидатов Российской Социал-Демократической Рабочей Партии! Она борется за полную свободу, за республику, за выборность чиновников народом. Она борется против всякого национального угнетения. Она борется за всю землю для крестьян, без всякого выкупа. Она поддерживает все требования сознательных матросов и солдат, добиваясь замены постоянной армии всеобщим вооружением народа.

Товарищи-рабочие и все граждане России! Голосуйте за кандидатов Российской Социал-Демократической Рабочей Партии!

О блоках с кадетами.

Меньшевики при помощи бундовцев провели на Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. допустимость блоков с кадетами. Ликует кадетская печать и разносит благую весть во все концы мира, подталкивая легонечко меньшевиков еще ступенькой пониже, еще на один шаг вправо подальше. Читатель найдет в другом месте решения конференции, особое мнение революционных с.-д. и их проект обращения к избирателям ¹¹⁾. Здесь же мы попытаемся обрисовать общее и основное политическое значение блоков с к.-д.

Хороший материал для такой обрисовки дает № 6 „Соц.-Демократа“ ¹²⁾ и особенно редакционная статья „Блок крайней левой“. Начнем с одного из самых характерных мест этой статьи.

Нам говорят,—пишет „С.-Д“,—что „меньшевики, которые ставили себе задачей толкать на революционный путь всю Думу, после ее разгона покинули свою позицию и заключили блок с революционными партиями и группами, который выразился, во-первых, в издании двух общих прокламаций,—к армии и к крестьянству, во-вторых,—в образовании комитета для координирования действий в виду предстоявшей забастовки. Эта ссылка на прецедент основана на крупном недоразумении. В указанном случае наша партия заключила с другими революционными партиями и группами не политический блок, а боевое соглашение, которое мы всегда считали целесообразным и необходимым“.

Курсив „Социал-Демократа“.

...Не политический блок, а боевое соглашение... Побойтесь бога, товарищи-меньшевики! Ведь это нечто не только бессмысленное, но и прямо малограмотное. Одно из двух: или вы под блоком разумеете только парламентские соглашения, или не только парламентские. Если первое,—тогда блок есть боевое соглашение для парламентского боя. Если второе,—тогда боевое соглашение есть политический блок, ибо „бой“, не имеющий политического значения, это — не бой, а просто драка.

Товарищи-меньшевики, за своими редакторами, право, приглядывайте, а то ведь стыдно становится за социал-демократию.

— Не происходит ли галиматья, преподнесенная читателю в органе Ц. К., от простой обмоловки? от неловкого выражения?

— Совсем нет. Не в том состоит ошибка „Соц.-Демократа“, что у него получился курьез, а, наоборот, курьез получился от того, что в основе всех его рассуждений и всей его позиции есть корен-

ная ошибка. Бессмысленное сочетание слов: «*не* политический блок, *а* боевое соглашение» *), не случайно, а необходимо и неизбежно произошло из той основной «бессмыслицы» меньшевизма, которая состоит в непонимании того, что теперь в России парламентский бой всецело подчинен, и притом самым непосредственным образом, условиям и характеру боя внепарламентского. Другими словами: отдельный логический промах выражает общее непонимание меньшевиками всей роли и всего значения Думы в современной революционной обстановке.

Мы, конечно, не станем подражать меньшевикам и их вождю Плеханову в их приемах полемики с нами по вопросу о «бое» и о «политике». Мы не станем упрекать их за то, что они, вожди с.-д. пролетариата, способны заключать неп~~о~~литическое боевое соглашение.

Мы обращаем внимание на следующий вопрос: почему должны были наши меньшевики войти после разгона Думы в блок только с революционными партиями и группами? Конечно, не потому, что это давно проповедывал (исключительно из ненависти к меньшевикам) какой-то анархо-бланкист Ленин. Объективные условия заставили меньшевиков, вопреки всем их теориям, заключить именно такой революционный, анти-кадетский блок. Объективные условия, помимо воли и помимо сознания меньшевиков, привели к тому, что диалектическое развитие мирного парламентского боя в первой Думе превратило его в несколько дней в совершенно немирный, непарламентский бой. Не созданный меньшевиками (благодаря кадетским спорам на их глазах), не заключенный формально политический блок,—выражавшийся в общности желаний и политических ближайших стремлений, в общности средств борьбы за ближайшие политические цели,—этот несозданный «политический блок» превратился силою вещей в «боевое соглашение». И наши мудрецы так растерялись от этой неожиданности, непредусмотренной в Плехановских письмах эпохи первой Думы, что закричали: «это *не* политический блок, *а* боевое соглашение!».

Потому-то и не годится никуда ваша политика, любезные товарищи, что вы предусматриваете соглашения для такого «боя», который недействителен, фиктивен, лишен решающего значения, и прозевываете условия такого «боя», который всем ходом рос-

*) И надо же было случиться такому казусу, что меньшевики, всегда упрекавшие нас в противопоставлении „боя“ „политике“, сами как раз и построили все свое рассуждение на этом противопоставлении.

сийской революции выдвигается на сцену с непреодолимою силою, который проистекает даже из условий, на первый взгляд самых что ни на есть мирных, парламентских, конституционных,—проистекает даже из таких условий, которые воспевали думские Родичевы в речах об обожаемом, неответственном монархе.

Вы делаете как раз ту ошибку, в которой зря обвиняете большевиков. Ваша политика не есть боевая политика. Ваш бой не есть действительно-политический бой, а есть игрушечно-конституционный бой, есть парламентский кретинизм. Для «боя», которого могут потребовать условия завтра же, у вас одна линия соглашений,—для «политики» у вас другая линия соглашений. И поэтому вы не годитесь ни для «боя», ни для «политики», и только для роли кадетских подголосков.

У нас в партии много спорят теперь о значении слова «блок». Один говорит: блок—это общий список. Другой: нет, блок, это—общая платформа. Глупые все эти споры, схоластические. Суть дела ни капли не меняется от того, более тесные или менее тесные соглашения вы назовете блоками. Суть спора вовсе не в том, допустимы ли тесные или нетесные соглашения. Кто думает так, тот погрязает в схоластике. Суть спора в том, что вкладывается в политическое содержание этой техники. Суть спора состоит в том, по какой линии должен социалистический пролетариат заключать соглашения с буржуазией, неизбежные, вообще говоря, в буржуазной революции. Большевики могут разойтись между собой в частности: нужны ли соглашения на выборах с той или иной партией революционной буржуазии, но суть спора между большевиками и меньшевиками совсем не в этом. Суть спора все та же: должен ли социалистический пролетариат в буржуазной революции идти позади либерально-монархической буржуазии или впереди революционно-демократической буржуазии.

Статья «Блок крайней левой» дает массу образчиков того, как сбивается мысль у меньшевиков с политической сути разногласия на пустые мелочи. Тактикой блока автор статьи сам называет (стр. 2, столб. 3) и общую платформу, и общий список. И в то же время он утверждает, что мы защищаем «блок» с трудовиками и эс-эрами, а меньшевики защищают не блок, а только «частичные соглашения» с кадетами. Ведь это же ребячество, любезные товарищи, а не аргументация!

Сравните резолюцию меньшевиков, принятую на Всероссийской Конференции, и резолюцию большевиков. Вторая ставит для соглашений с эс-эрами более тесные условия, чем первая—для

соглашений с кадетами. Это неоспоримо, ибо, во-1-х, большевики допустили соглашения только с партиями, борющимися за республику и признающими необходимость вооруженного восстания, а меньшевики допустили соглашения с „опозиционно-демократическими партиями“ вообще. Значит, большевики определили понятие революционной буржуазии ясными политическими признаками, а меньшевики вместо политического определения дали одно технически-парламентское словечко. Республика и вооруженное восстание — определенные политические категории. Оппозиция — термин только парламентский. Этот термин так неясен, что включает и октябристов, и мирнообновленцев, и всех, недовольных правительством. Правда, добавка: „демократические“ вносит политический момент, но он неопределен. Под ним разумеются кадеты. А это как раз неправда. Назвать „демократической“ монархическую партию, — партию, допускающую верхнюю палату, партию, предлагавшую каторжные законы о собраниях и печати, партию, выкинувшую из ответного адреса прямое, равное и тайное голосование, партию, отрицавшую земельные комитеты, выбранные всем народом, — значит обманывать народ. Это — очень резкое слово, но оно справедливо. Меньшевики обманывают народ относительно демократизма кадетов.

Во-2-х, большевики допускают соглашения с буржуазными республиканцами только как „исключение“. Меньшевики не требуют того, чтобы блоки с кадетами были лишь исключением.

В-3-х, большевики безусловно запрещают какие бы то ни было соглашения в рабочей курии („ни с какой другой партией“). Меньшевики допускают блоки и в рабочей курии, ибо запрещены здесь только соглашения с группами и партиями, „не стоящими на точке зрения классовой борьбы пролетариата“. Это не случайность, ибо на конференции были меньшевики с пролетарски-классовым чутьем, которые спорили против этой нелепой формулировки, но были побиты преобладающим числом меньшевиков. Вышло нечто совершенно неопределенное и туманное, оставляющее полный простор всякому авантюризму. А, кроме того, вышла совсем уже скверная для марксиста мысль, будто другая партия, кроме социал-демократической, может быть признана „стоящей на точке зрения классовой борьбы пролетариата“.

Ну, как же не назвать после этого по меньшей мере ребячеством попытки доказать, что большевики признают более тесный блок с республиканской буржуазией, эс-эрами, чем меньшевики с монархической, с кадетами??

Совершенно лживое рассуждение о более и менее тесных

блоках служит для затушевывания политического вопроса о том, с кем и зачем допустимы блоки. Возьмите „Проект избирательной платформы“, напечатанный в № 6 „Социал-Демократа“ ¹³⁾. Этот документ — один из массы тех документов меньшевистской политики, которые доказывают наличность идейного блока меньшевиков с кадетами. Резолюция конференции о необходимых „поправках“ к этому проекту избирательной платформы воочию показывает это. Подумайте только: конференции социал-демократов пришлось напоминать своему Ц. К., что из нелегального издания нельзя опускать лозунг республики, что нельзя ограничиться общими туманными словами о ходатайстве и борьбе, а необходимо точно назвать и охарактеризовать с пролетарской точки зрения разные партии, что надо указать на необходимость восстания, подчеркнуть классовый характер социал-демократии! Напоминать Ц. К. С.-Д. партии о необходимости подчеркнуть в первом избирательном воззвании партии ее классовый характер, — только глубокая ненормальность, коренная ошибка во взглядах Ц. К. могла привести к возможности такого напоминания.

Еще неизвестно, будут ли заключаться у нас и насколько широко практические соглашения с к.-д. А идейное соглашение, идейный блок уже на-лицо: затушевывание в проекте избирательной платформы различия точки зрения пролетариата и точки зрения либерально-монархической буржуазии *). Наоборот, в большевистском проекте обращения к избирателям мы видим указание не только на это различие, но и на различие точки зрения пролетариата и точки зрения класса мелких хозяйчиков.

В вопросе об избирательных блоках именно эта принципиальная, идейная сторона должна быть выдвинута на первый план. Напрасны все попытки меньшевиков оправдаться: мы-де будем самостоятельны во всей избирательной агитации, мы ни в чем не урежем ее и лишь в последнюю минуту вставим своих кандидатов в список к.-д.!

Это — неправда. Мы уверены, конечно, что лучшие из меньшевиков искренне желают этого. Но дело не в их желаниях, а в объективных условиях современной политической борьбы. Эти условия вызывают то, что каждый шаг меньшевиков в их из-

*) Эта ошибка меньшевиков — не первая. В знаменитой думской декларации Р. С.-Д. Р. П. ¹⁴⁾ они сделали ту же ошибку. Они обвиняли большевиков в эс-эровщине, а сами стерли различие взглядов с.-д. и трудовиков, так что эс-эровские газеты эпохи Думы называли думскую декларацию с.-д. плагиатом эс-эровских идей! Напротив, в нашем контр-проекте думской декларации ¹⁵⁾ наше отличие от мелких буржуа было ясно показано.

бирательной кампании уже загрязнен кадетизмом, уже характеризуется затемнением точки зрения с.-д. Мы показали это на примере проекта избирательной платформы и покажем сейчас на целом ряде других документов и рассуждений.

Главный довод меньшевиков—черносотенная опасность. Первая и основная фальшь этого довода: с черносотенной опасностью нельзя бороться кадетской тактикой и кадетской политикой. Суть этой политики—примирение с царизмом, то-есть с черносотенной опасностью. Первая Дума достаточно показала, что кадет не борется с черносотенной опасностью, а говорит невероятно подлые речи о невинности и неотвественности монарха, заведомого вождя черносотенцев. Поэтому, проводя в Думу кадетов, меньшевики не только не борются с черносотенной опасностью, а, напротив, затуманивают глаза народу, затемняют действительное значение черносотенной опасности. Бороться с черносотенной опасностью посредством проведения в Думу кадетов, это все равно, что бороться с погромом посредством речи лакея Родичева: «дерзость—считать монарха ответственным за погром».

Второй грех ходячего довода—молчаливая уступка социал-демократом кадету гегемонии в демократической борьбе. Почему при раздроблении голосов, обеспечивающем победу черносотенца, мы будем виноваты в том, что не вотировали за кадета, а не кадет будет виноват в том, что не вотировал за нас?

— Мы в меньшинстве,—отвечают, проникшиеся христианским смирением меньшевики.—Кадетов больше. Кадеты не могут же объявить себя революционерами.

— Да! Но это не довод за то, чтобы с.-д. объявляли себя кадетами. Нигде в мире при половинчатом исходе буржуазной революции не было и быть не могло, чтобы с.-д. оказывались в большинстве против буржуазных демократов. И везде, во всех странах, первое самостоятельное выступление с.-д. в избирательной кампании встречалось воплем и лаем либералов, обвинявших социалистов в пособничестве черносотенцам.

Мы очень спокойно встречаем поэтому обычный возглас меньшевика: большевики проводят черносотенцев. Всем социалистам кричали это все либералы. Отказываясь от борьбы с к.-д., вы оставляете под идейным влиянием кадетов массы пролетарского и полупролетарского элемента, который способен пойти за с.-д. *).

*) Кадеты сами начинают признаваться, что им грозит на выборах опасность слева (буквальные слова „Речи“ в отчете о Петербургской губернии). Своими криками о черносотенной опасности кадеты водят за нос меньшевиков, чтобы отстранить от себя опасность слева!!

Не сегодня, так завтра, вам, если вы не перестанете быть социалистами, придется пойти в самостоятельный бой, несмотря на черносотенную опасность. А сегодня легче и нужнее сделать правильный шаг, чем завтра. В III Думу (если она будет созываться после второй) вам еще труднее будет порвать блок с к.-д., вы еще больше запутаетесь в противоестественных отношениях к предателям революции. А действительная черносотенная опасность, повторяем,—вовсе не черные мандаты в Думе, а погромы, военно-полевые суды. С этой действительной опасностью вы затрудняете борьбу народу, надевая ему на глаза кадетские шторы.

Третья фальшь ходячего довода: неправильная оценка Думы и ее роли. В прелестной статье: „Блок крайней левой“ меньшевики должны были признать, в опровержение своих обычных уверений, что суть дела не в технических соглашениях, а именно в коренном политическом различии двух тактик.

В этой статье читаем:

„Тактика „блока“, сознательно или бессознательно, рассчитана на то, чтобы в будущей Думе образовалось сплоченное революционное меньшинство со стертой с.-д-ой окраской, которое вело бы систематическую войну с думским большинством так же, как и с правительством, и, в известный момент, опрокинувши Думу, провозгласило бы себя Временным Правительством. Тактика частичных соглашений направлена к тому, чтобы использовать по возможности Думу, как целое, т.-е. думское большинство, для борьбы с самодержавным строем, сохраняя при этом в Думе все время крайнюю позицию самостоятельной с.-д-ской фракции“.

Насчет „стертой окраски“ мы уже сказали, что именно меньшевики повинны в этом, и в выборах в рабочей курии, и в более свободном допущении блоков, и в идейном подмене с.-д-изма кадетизмом. Насчет „провозглашения“ Временного Правительства точно так же смешно утверждение меньшевиков, забывающих, что дело не в провозглашении, а во всем ходе и успехе восстания. Временное Правительство, не являющееся органом восстания, есть пустое слово или пустая авантюра.

Но, по существу вопроса, меньшевики нечаянно сказали святую истину в приведенной цитате. Действительно, все сводится именно к тому, жертвуем ли мы ради „сплошной“ либеральной Думы („Дума в целом“) самостоятельностью с.-д. в избирательной кампании или нет? Действительно, для большевиков важнее полная самостоятельность избирательной кампании, полная (а не полукадетская) социал-демократичность на-

шей политики и нашей фракции. А для меньшевиков важнее сплошная кадетская Дума с большим числом полукадетски прошедших с.-д. Два типа Думы: 200 черных, 280 к.-д., 20 с.-д. или 400 к.-д. и 100 с.-д. Мы предпочитаем первый тип и считаем ребячеством принимать за устранение черной опасности устранение черных из Думы.

Для нас линия везде одна: и в бое выборном, и в бое думском, и в бое уличном—с оружием в руках. Везде: с.-д. с революционной буржуазией против предателей кадетов. А меньшевики «думский» бой ведут вместе с кадетами (поддержка Думы в целом и кадетского министерства), а на случай восстания меняют политику и заключают *«не политический блок, а боевое соглашение»*. Поэтому прав был тот большевик, который сказал на конференции: поддержав блоки с к.-д., бундовцы контрабандой провезли поддержку кадетского министерства.

Выписанная нами цитата—превосходное подтверждение того, как блоки с кадетами превращают в пустую фразу хорошие слова меньшевистской резолюции о лозунгах в избирательной кампании: «организовать силы революции внутри Думы» (а не организовать придаток к кадетам, дезорганизуя действительные силы революции?),—«обнаружить бессилие Думы», (а не скрыть от масс бессилие кадетов?),—«разъяснить массам иллюзорность надежд на мирный исход борьбы» (а не укреплять в массах влияние плетущей иллюзии партии к.-д.?)

И кадетская печать превосходно учла политическое значение меньшевистских блоков с к.-д. Мы сказали выше: позади либералов или впереди революционеров. Мы сошлемся в подтверждение этого на нашу политическую прессу.

Найдете ли вы сколько-нибудь серьезные и массовые подтверждения того, что большевики идут позади буржуазных революционеров, в зависимости от них? Смешно и говорить об этом. Вся печать российская показывает наглядно, и все враги революционеров признают, что именно большевики ведут самостоятельную политическую линию, увлекая за собой отдельные группы и лучшие элементы буржуазных революционеров.

А буржуазные оппортунисты? Они обладают вдесятеро большей печатью, чем все с.-д. и с.-р. вместе. И именно они самостоятельно ведут политическую линию, превращая меньшевиков в энзов в простые подголоски.

Из резолюций меньшевиков вся кадетская печать приводит только места о блоках и опускает «бессилие Думы», «организацию сил революции внутри Думы» и прочие вещи. Кадеты

не только опускают эти вещи, но прямо бранят их, говоря то о „фразах“, то о „непоследовательности“ меньшевиков, то о «невыдержанности лозунгов меньшевизма», то о «пагубном влиянии большевиков на меньшевиков».

Что это означает? Это означает, что независимо от нашей воли, вопреки желаниям лучших из меньшевиков, политическая жизнь всасывает их кадетское дело и отбрасывает их революционные фразы.

Кадет кладет себе в карман помощь меньшевиков, треплет Плеханова по плечу за проповедь блоков, и тут же, презрительно грубо, как обожравшийся награбленной прибылью купец, кричит: мало этого, г.г. меньшевики! Надо еще идейное сближение! (смотри статьи «Товарища» по поводу письма Плеханова), — мало этого, г.г. меньшевики, надо еще прекратить или во всяком случае изменить полемику! (смотри лево-кадетский «Век», передовую о резолюциях нашей Конференции). Я уже не говорю о «Речи», которая просто обрывает тоскующих по кадетам меньшевиков, заявляя: «мы идем в Думу законодательствовать», а не революцию делать!

Бедные меньшевики, бедный Плеханов! Их любовные послания к кадетам прочтены с удовольствием, но их еще не пускают дальше передней.

Взгляните на выступление Плеханова в буржуазной, кадетской газете «Товарищ». С каким восторгом встретили его г. Прокопович и г-жа Кускова¹⁶⁾, те самые, которых Плеханов в 1900 г. изгнал из с.-д. партии за попытки ее буржуазного развращения. Теперь Плеханов принял тактику знаменитого прокоповичевского и кусковского «Credo»¹⁷⁾, — и бернштейнианцы¹⁸⁾ нагло посылают ему воздушные поцелуи, крича: мы, буржуазные демократы, всегда говорили это!

А Плеханову, чтобы попасть в кадетскую переднюю, пришлось перед всем народом отречься от своих вчерашних заявлений.

Вот вам факты.

В № 6 «Дневника», в июле 1906 г., после разгона Думы, Плеханов писал, что партии, которые участвуют в движении, должны столкнуться. Для того, чтобы вместе бить, надо предварительно сговориться. «Партии, враждебные нашему старому порядку, должны... согласиться между собой на счет основной идеи этой пропаганды. А после разгона Думы такой идеей может служить только идея Учредительного Собрания»...

...«Только» идея Учредительного Собрания. Таков был план политического блока и боевого соглашения у Плеханова в июле 1906 года.

Через пять месяцев, к ноябрю 1906 г., Плеханов изменяет линию соглашения. Почему? Неужели изменилось с тех пор взаимоотношение партий, требующих Учредительного Собрания и не требующих его?

Кадеты с тех пор, по общему признанию, ушли еще дальше вправо. И Плеханов идет в кадетскую печать, умалчивая об Учредительном Собрании, о котором запрещено говорить в либеральных передних.

Неужели не очевидно, что этот социал-демократ поскользнулся?

Но этого мало. В том же № 6 «Дневника» Плеханов говорил прямо о кадетях. Плеханов разъяснял тогда (это было так давно, давно!) корыстно-классовый характер кадетского недоверия к идее Учредительного Собрания. Плеханов писал тогда о кадетях буквально следующее:

«Кто откажется от пропаганды этой идеи (Учредительного Собрания) под тем или другим предлогом, тот даст ясно понять, что он, в сущности и не ищет достойного ответа на действия г. Столыпина и К^о, что он, хотя бы и скрепя сердце, примиряется с этими действиями; что он восстает против них только на словах, только для виду» (Курсив наш).

Отправившись теперь в кадетскую газету, Плеханов проповедь блока избирательного начал с осуществления блока идейного. В кадетской газете Плеханов не захотел сказать народу, что кадеты примиряются с Столыпинской шайкой¹⁹), что они восстанут только для виду.

Почему не захотел Плеханов в ноябре 1906 г. повторить сказанное им в июле 1906 года?

Вот что значат «технические» блоки с к.-д., и вот почему мы ведем беспощадную борьбу с допускающими эти блоки социал-демократами.

Не рано ли ликуете, г.г. кадеты? Без блоков будут выбирать с.-д. на Кавказе и на Урале, в Польше и Латышском крае, в Мюсковской центральной области и, вероятно, в Питере.

Никаких блоков с кадетами! Никакого примирения с теми, кто примиряется с Столыпинской шайкой!

Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина.

Допущение блоков с кадетами окончательно определило физиономию меньшевиков, как оппортунистического крыла рабочей партии. Против блоков с кадетами мы развертываем и должны развернуть самую широкую и самую беспощадную идейную борьбу. Эта борьба всего лучше воспитает и сплотит массы революционного пролетариата, которые в нашей самостоятельной (на словах только, а на деле, т.-е. без блоков с кадетами) избирательной кампании получают новый материал для развития своего классового самосознания.

Возникает вопрос, как совместить эту беспощадную идейную борьбу с партийной дисциплиной пролетариата. Вопрос этот надо прямо поставить и сразу же выяснить вполне, чтобы не было никаких недоразумений и никаких колебаний в практической политике революционной социал-демократии.

Рассмотрим сначала принципиальную, затем практическую, непосредственно всех интересующую, сторону этого вопроса.

Принципиально мы уже не раз определяли наш взгляд на значение дисциплины и на понятие дисциплины в рабочей партии. Единство действий, свобода обсуждения и критики,—вот наше определение. Только такая дисциплина достойна демократической партии передового класса. Сила рабочего класса—организация. Без организации масс пролетариат—ничто. Организованный, он—все. Организованность есть единство действия, единство практического выступления. Но, разумеется, всякие действия и всяческие выступления ценны лишь потому и постольку, поскольку они двигают вперед, а не назад,—поскольку они идейно сплачивают пролетариат, поднимая его, а не принижая, не возвращая, не расслабляя. Безыдейная организованность — бессмыслица, которая на практике превращает рабочих в жалких прихвостней власть имущей буржуазии. Поэтому без свободы обсуждения и критики пролетариат не признает единства действий. Поэтому сознательные рабочие никогда не должны забывать, что бывают такие серьезные нарушения принципов, которые делают обязательным разрыв всяких организационных отношений.

Чтобы какой-нибудь литературный наездник не перетолковал моих слов, я перейду сейчас же от общей к конкретной постановке вопроса. Не требует ли допущение с.-д.-ми блоков с кадетами полного разрыва организационных отношений, т.-е. раскола? Мы думаем, что нет, и все большевики так думают. Во-1-х, меньше-

вики только еще становятся, нетвердо и неуверенно, на путь практического оппортунизма *en grand*. Еще не высохли чернила, которыми Мартов писал свое отречение от допускавшего блоки с к.-д. Череванина,—писал в те времена, когда из Женевы не было еще дано кадетского пароля²⁰). Во-2-х,—и это еще гораздо важнее,—объективная обстановка современной борьбы пролетариата в России такова, что она толкает с непреодолимой силой к о п р е д е л е н н ы м решительным шагам. Пойдет ли революция к большому подъему (как думали мы) или к полному упадку (как думают, боясь сказать это, некие с.-д.),—в о б о и х случаях тактика блоков с к.-д. разлетится в прах неизбежно и в не очень далеком будущем. Не впадая в интеллигентскую нервность, мы о б я з а н ы поэтому сохранить теперь партийное единство, полагаясь на выдержку революционного пролетариата, на его здоровый классовый инстинкт. В-3-х, наконец, практически в настоящей избирательной кампании решение меньшевиков и Ц. К. в пользу блоков не связывает местных организаций и не навязывает всей нашей партии в целом этой позорной тактики блоков с к.-д.

Теперь о конкретной постановке вопроса. Насколько обязательны решения Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П.?—и директивы Ц. К.?—и насколько автономны местные организации партии?

Эти вопросы вызвали бы, несомненно, нескончаемые споры в нашей партии, если бы сама конференция не разрешила их. Все члены конференции были согласны в том, что ее решения и е-обязательны и никого ни в чем не связывают, ибо конференция—учреждение совещательное, а не решающее. Делегаты ее не выбраны демократически, а подобраны Ц. К.-ом от указанных им организаций в указанном им числе. Поэтому большевики, латыши и поляки на конференции не тратили время на отделку меньшевистской резолюции о блоках, не вырабатывали компромиссов (вроде признания бойкота правильным на-ряду с допущением блоков с монархической буржуазией!), а прямо п р о т и в о-поставили свою платформу, свои лозунги, свою тактику избирательной кампании. Именно такое поведение большевиков и было безусловно необходимо на совещательной конференции, которая должна была не заменять съезд, а подготовить его,—не разрешить вопроса, а ярче и точнее поставить вопрос,—не закрыть, не затушевать внутрипартийную борьбу, а направить ее, сделать более цельной и более идейной.

Пойдем дальше. Постановления конференции становятся (с теми или иными изменениями) директивами Ц. К. Директивы Ц. К.

обязательны для всей партии. В каких пределах обязательны они по данному вопросу?

Разумеется, в пределах постановлений съезда и в пределах признанной съездом автономии местных организаций партии. Об этих пределах споры опять могли бы быть нескончаемы и неразрешимы (ибо резолюция Объединительного съезда запрещает всякие блоки с буржуазными партиями в избирательной кампании), — если бы конференция не приняла, с согласия и меньшевиков и большевиков и членов ЦК, одной из своих наименее каучуковых резолюций. Отсутствие фракционных делений при голосовании этой резолюции — один из важных залогов единства и боевой способности рабочей партии.

Вот текст этой резолюции:

„Конференция выражает свое убеждение, что в пределах одной и той же организации для всех ее членов обязательно проводить все касающиеся избирательной кампании решения, принятые компетентным органом местных организаций, в пределах общих директив ЦК, при чем ЦК может запрещать местным организациям выставлять не чисто-соц.-демократические списки, но не должен „обязывать их выставлять не чисто-с.-д.е списки“.

Подчеркнутые нами места устраняют бесконечные споры и, можно надеяться, устранят нежелательные и опасные трения. Общие директивы ЦК не могут выйти за пределы признания блоков с к.-д. допустимыми. Все с.-д. без различия фракций объявляли при этом, что блоки с к.-д. все же нечто не очень приличное, ибо запрещать их мы все ЦК-ту предоставляли, а предписывать их не предоставляем.

Вывод ясен. Перед партией две платформы. Одна — 18-ти делегатов конференции, меньшевиков и бундовцев. Другая — 14-ти делегатов, большевиков, поляков, латышей *). Компетентные органы местных организаций вольны выбирать, видоизменять, дополнять, заменять эти платформы новыми. После решения компетентных органов мы все, члены партии, действуем как один человек. Большевик в Одессе должен класть в урну бюллетень с именем кадета, хотя бы даже большевика при этом тошнило. Меньшевик в Москве должен класть в урну бюллетень с именами одних только с.-д., хотя бы его душа и тосковала по кадетам.

Но выборы еще не завтра. Пусть же сплываются теснее все революционные с.-д., и развертывают самую широкую, самую

*) См. выше 5 — 6 стр. этого тома. Ред.

беспощадную идейную борьбу против блоков с кадетами, тормозящих революцию, расслабляющих пролетарскую классовую борьбу, развращающих гражданское сознание масс!

*„Пролетарий“ № 8
от 23 ноября 1906 г.*

Как армавирские социал-демократы ведут избирательную кампанию?

На выборах в первую Думу армавирские с.-д. заключали блоки с кадетами. Об этом писала в свое время „Волна“²¹⁾, резко порицая армавирцев. По этому поводу писал тогда в Армавир и Ц. К. нашей партии, ставя на вид тамошним товарищам нарушение ими директивы Объединительного съезда.

Теперь у армавирских товарищей есть, должно быть, практический опыт насчет того, что значат блоки с кадетами. По крайней мере в их новейшей партийной литературе они не только не проповедают блоков с кадетами, а, напротив, говорят о кадетях всю правду прямо. Мы не станем придирается к литературной форме армавирских изданий, это было бы мелочно и мелко. Мы приведем только рельефные места, показывающие тактику армавирцев.

Перед нами № 1 газеты „Армавирский Пролетарий“, издание Армавирского Комитета Р. С.-Д. Р. П., помеченное октябрём 1906 г. и вышедшее в 5.000 экземпляров.

В передовой статье читаем:

„Пусть кадеты, купцы, чиновники, помещики, либералы танцуют под дудку правительства, пролетариат не пойдет на поклон и примерение“.

В следующей статье, специально посвященной призыву готовиться к выборам, говорится:

„Сплотитесь, голосуйте, берите Думу! Довольно посидели на бархатных креслах Таврического Дворца бары-кадеты. Пора мозолистым рукам рабочих вышвырнуть этих болтунов и дармоедов!“

„Торопитесь обеспечить свое пролетарское место в Думе, чтобы из кадетской говорильни сделать ее революционным полем битвы с палачем народа, проклятым самодержавием“.

В листке „К избирателям“, помеченном ноябрём 1906 года и изданном в 3.000 экземпляров, Армавирский Комитет пишет:

„Понял народ, что только силой да властью возьмет он то, что

ему безвластная кадетская Дума... Поведем через нее, через эту Думу, свою революцию, введем в лице своих депутатов в Таврический дворец народную мощь, разложим в новой Думе руками своих депутатов жаркий костер революционного пламени и раздуем его бурным дыханием всей пролетарской и революционной России. В новую Думу, в новую Думу!!

„...Товарищи и граждане! Наша будущая Дума не будет черносотенной, не будет и кадетской — она будет пролетарской и крестьянской — нашей полновластной Думой“.

Повторяем, было бы мелочно придирааться к форме или к частностям этих обращений.

Важен их дух. Важна самостоятельная политика армавирских с.-д., прошедших через чистилище блоков с говорунами и дармоедами:

Вот вам надежды на с.-д., господа из „Речи“ и „Товарища“, из „Века“ и „Русских Ведомостей“²²⁾! Вот вам „опасность слева“, о которой обмолвилась на - днях „Речь“!

На борьбу же, все революционные с.-д.! На борьбу против блоков с кадетами! Товарищи меньшевики пройдут, подобно армавирицам, через чистилище блоков с оппортунистами буржуазии и вернутся к революционной социал-демократии.

*„Пролетарий“ № 8.
от 23 ноября 1906 г.*

Декабрь.

Новое сенатское разъяснение.

В обстановке сколько-нибудь открытой политической борьбы жизнь дает замечательно быстро и замечательно яркую проверку всякого тактического шага. Не все еще делегаты Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. успели, вероятно, добраться до своих мест и дать отчет партийным организациям, как спорный вопрос о блоках с к.-д. получил совсем новое освещение. А этот вопрос стоит теперь в центре всех политических вопросов дня.

На конференции Р. С.-Д. Р. П. не возникало ни у кого из делегатов даже мысли о том, чтобы с.-д. могли хоть сколько-нибудь ослаблять или даже вообще видоизменять свои самостоятельные тактические лозунги в избирательной кампании. Формально, в резолюции, предложенной Ц. К.-ом партии и принятой 18-тью голосами против 14 (большевики, поляки, латыши), полная самостоятельность платформы и лозунгов Р. С.-Д. Р. П. поставлена во главу угла. Никакие сколько-нибудь постоянные союзы с другими партиями на почве какого бы то ни было «смягчения» нашей платформы безусловно не допускаются. И весь спор между правым и левым крылом с.-д. шел исключительно о том, выдерживают ли на деле правые с.-д. эту принципиальную позицию? Не впадают ли они в противоречие с ней, допуская блоки с к.-д.? Не является ли искусственным, фиктивным, только словесным разграничение «технических» и идейных соглашений?

Но... должно быть, и в нашей партии, т.-е. в ее реальной «конституции», есть учреждение вроде сената, есть возможность путем сенатских разъяснений²³⁾ превращать партийные «законы», решения официальных органов партии, в их прямую противоположность. Новое сенатское разъяснение постановлений Р. С.-Д. Р. П. явилось, как и следовало ожидать, из Женевы. Напечатано было

оно в кадетской газете «Товарищ» в виде «Гласного ответа» (совсем как у Лассалья) ²⁴⁾ Г. Плеханова одному читателю этой газеты, «не считающему себя ни буржуа, ни социал-демократом». Наш партийный почти-Лассаль поспешил на помощь читателю газеты, которая является фактически органом ренегатов социал-демократии.

Читатель «Товарища» спрашивал Г. Плеханова, между прочим, о том, «какова могла бы быть, по его мнению, общая избирательная платформа левых и крайних левых партий». Г. Плеханов ответил: «на этот вопрос нет и не может быть другого ответа, кроме этих двух слов: полновластная Дума».

«Нет и не может быть другого ответа»... Этим словам нашего почти-Лассалья суждено, вероятно, стать «историческими», по крайней мере в Гоголевском смысле этого слова. Г. Плеханов соблагоизволил в свое время выслушать доклад о том, что существует некий Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., что собирается какая-то Всероссийская Конференция этой партии, что и Ц. К. и эта Конференция вырабатывают свой ответ на вопросы, интересующие не только г-жу Кускову и г-на Прокоповича, нынешних сотрудников Г. Плеханова, но и социалистических рабочих России. Нисколько не смущаясь этим, Г. Плеханов провозгласил: «нет и не может быть другого ответа, кроме моего». И эти высокомиловитые слова печатаются в кадетской газете как раз в такой момент, когда вся читающая Россия знает уже другой ответ, данный всеми представителями и областных учреждений и центрального учреждения всей Росс. С.-Д. Рабочей Партии.

«История» получается, поистине, из числа таких, героем которых бывал не раз Ноздрев.

Но перейдем к существу единственного в своем роде и неподражаемого ответа нашего неподражаемого Г. Плеханова.

Прежде всего, мы видим, что он не допускает даже и мысли о возможности соглашений на первой стадии без общей избирательной платформы. Нам, большевикам, этот взгляд чрезвычайно нравится. Меньшевикам, признавая это, Г. Плеханов оказывает медвежью услугу. Мы постоянно указывали на Конференции, в спорах с меньшевиками и бундовцами, а также, и в № 8 «Пролетария», что соглашения на первой стадии не могут не повлиять на наше партийное выступление перед массами, что, следовательно, эти соглашения неминуемо и неизбежно, вопреки нашим желаниям и планам, получают окраску известного идейного сближения, известного затемнения, ослабления, притупления политической самостоятельности с.-д. Г. Плеханов, со свойственными ему ловкостью и партийным тактом, поддержал нашу атаку против меньшевиков. Он

прямо признал даже больше того, на чем мы настаивали, признав общую платформу, т.-е. прямой идейный блок с к.-д.

Оказывается, что не только в российском государстве, но и в Российской С. - Д. Р. П. сенатские разъяснения компрометируют того, в чью пользу они пишутся.

Далее. Пусть вдумается читатель в непосредственный смысл плехановского «кадетски-социал-демократического» лозунга: «полновластная Дума»,—независимо от отношения к нему разных партий. Слова «полновластная Дума» означают требование полновластия Думы. Какой Думы? Очевидно, той, в которую теперь будут выбирать депутатов, на основании закона 11 декабря и сенатских разъяснений, российские граждане. Для этой Думы Г. Плеханов предлагает требовать полновластия. Очевидно, он убежден, что эта Дума не будет черносотенной, ибо для черносотенной Думы он не мог бы требовать полновластия. Выставлять лозунг: «полновластная Дума» и в то же время кричать о серьезной опасности черносотенной Думы значит побивать самого себя. Это значит подтверждать мнение большевиков, что серьезной опасности черносотенной Думы на деле нет, и что кадеты выдумывают или преувеличивают в отдельных случаях эту опасность в своих корыстных целях, именно, чтобы ослабить у рабочих и у всей революционной демократии веру в собственные силы, чтобы отстранить от партии к.-д. действительно грозящую ей «опасность слева». Сама «Речь», официальный орган к.-д., признала эту опасность в отчете кадетов о положении выборной кампании в Петербургской губернии.

Перейдем к действительному политическому содержанию плехановского лозунга. Изобретатель его в восторге от него. «Эта общая формула,—пишет он,—в своем алгебраическом виде совершенно точно выражает самую насущную теперь и для левых и для крайних левых политическую задачу», позволяя сохранить, без урезок, всю полноту всех остальных своих требований. «Кадеты не могут представлять себе полновластную Думу так, как должны представлять ее себе социал-демократы. Но и тем и другим нужна полновластная Дума. Поэтому и те и другие обязаны бороться за нее».

Из этих слов Плеханова ясно, что он сам сознает неизбежность различного понимания этого лозунга кадетами и социал-демократами. Лозунг один, «общий», но кадеты не могут «представлять себе» значения этого лозунга так, как социал-демократы.

Спрашивается, для чего же тогда общий лозунг? и для чего вообще выставлять перед массой лозунги и платформы?

Для того ли, чтобы соблюсти благовидную внешность? чтобы прикрыть нечто, не подлежащее разъяснению перед массами? что-

бы за спиной народа проделать парламентский маневр, сулящий всякие выгоды? или для того, чтобы поднять классовое самосознание масс и действительно уяснить им их настоящие политические задачи?

Всем и каждому известно, что буржуазные политики везде и всегда выставляют перед народом всякие лозунги, программы и платформы для обмана народа. Буржуазные политики всегда называют себя, особенно перед выборами, и либералами, и прогрессистами, и демократами, и даже «радикалами-социалистами», только для того, чтобы заполучить голоса и обмануть народ. Это—безусловно всеобщее явление всех капиталистических стран. Маркс и Энгельс даже говорили поэтому о буржуазных депутатах, *die das Volk vertreten und zertreten*,—что они представляют народ и подавляют его посредством своих депутатских полномочий.

И вот «старейший» русский социал-демократ, основатель социал-демократии, для первой общепартийной избирательной кампании выставляет платформу, которую заведомо будут толковать кадеты в одном, социал-демократы в другом смысле! Что это? Как это?

Ведь если к.-д. и с.-д. не могут одинаково представлять себе полновластную Думу,—значит, и в широких народных массах не может быть одинакового представления о ней, ибо и к.-д. и с.-д. выражают известные интересы тех или иных классов, известные стремления или предрассудки их. Плеханов, очевидно, считает кадетское представление о полновластной Думе неправильным, а всякое неправильное представление о политических задачах вредно народу. Следовательно, Плеханов выставляет лозунг в такой форме, которая заведомо приносит вред народу, оставляя неразъясненным и прикрытым некоторое неправильное представление. Говоря просто и прямо, это значит обманывать рабочих и весь народ ради видимости и единства к.-д. и с.-д.

В чем состоит неправильность представления кадетов о полновластной Думе? Плеханов умалчивает об этом. Это умолчание, во-первых, доказывает, что Плеханов пользуется избирательной кампанией (выставление избирательной платформы есть уже шаг избирательной кампании) не для развития сознания народа, а для затемнения его. А, во-вторых, это умолчание подрывает всякий смысл у Плехановского вывода: «и к.-д. и с.-д. нужна полновластная Дума». Это просто прикрытая словесными изворотами бессмыслица: сказать, что двум разным партиям нужна одна и та же вещь, понимаемая ими различно. Значит, не одна и та же: первый встречный поймает Плеханова на логическом промахе. Можно, пожалуй, на-

звать и самодержавную монархию и демократическую республику буквой «а» и сказать, что разные партии вольны подставлять различные арифметические величины под эту общую алгебраическую формулу. Это будет чисто-плехановской логикой, или, вернее, плехановской софистикой.

По существу дела, Плеханов говорит прямую неправду, будто и к.-д. и с.-д. нужна полновластная Дума или еще более: полновластное народное представительство, о котором идет речь все время во второй половине его статьи. Полновластное народное представительство есть Учредительное Собрание, и притом Учредительное Собрание, существующее не рядом с монархом, а по низвержении царского правительства. Если Плеханов забыл эту простую истину, то мы посоветуем ему прочитать программу Р. С.-Д. Р. П. и особенно последний абзац ее, где как раз об этом говорится.

Кадетам не нужно такое, действительно полновластное народное представительство, оно опасно им и губительно для представляемых ими интересов. Оно исключает любезную их сердцу и дорогую для буржуазного кармана монархию. Оно лишает их надежды на выкуп за помещичьи земли. Это до такой степени верно, что даже Плеханов в № 6 своего «Дневника» говорил о корыстно-классовом недоверии к.-д. к идее Учредительного Собрания, о том, что, боясь Учредительного Собрания, кадеты примиряются со Столыпинской шайкой.

В № 8 «Пролетария» мы уже процитировали эти места из № 6 «Дневника» Плеханова, указав, что Плеханов должен теперь отречься от своих вчерашних заявлений. Фраза его: «и кадетам нужна полновластная Дума» есть именно такое отречение от своих слов.

Из основной неправды Плеханова вытекает с логической неизбежностью ряд других. Неправда, что «полновластное народное представительство само есть предварительное условие осуществления всех остальных... требований всех передовых партий», что «без него ни одно из этих требований не осуществится», что борьба левых и крайних левых начнется тогда, когда «оно (полновластное народное представительство) будет на-лицо». Полновластное народное представительство есть завершение революции, доведение ее до конца, есть полная победа ее. А кадеты хотят приостановить революцию, прекратить ее уступочками и прямо говорят это. Внушая рабочим и всему народу веру в то, что кадеты способны бороться за полную победу революции, Плеханов трижды обманывает народные массы.

«У нас есть пока только полновластный г. Столыпин», пишет Плеханов. Не знаем, обмолвка ли это или тоже подделка под кадетов («полновластная Дума=царская Дума с назначенными царем министрами из думского большинства»), или увертка цензуры ради? Столыпин не только не полновластен, а совершенно ничтожный лакей царя и царской придворной шайки черносотенцев. Если Плеханова не убедили в этом думские разоблачения о погромах, то пусть почитает либеральные газеты о всемогущем влиянии союза русского народа.

«Теперь,—говорит Плеханов,—и левые и крайние левые партии обязаны вместе выступать против тех, которые не хотят полновластного, а пожалуй, и вовсе никакого, народного представительства».

Следовательно, обязаны выступать против кадетов, которые не хотят полновластного народного представительства.

Плеханов благополучно побил самого себя, показав нам, под видом борьбы с доктринерством, образец самого худшего, иезуитского доктринерства. С точки зрения фракционной, большевики могли бы радоваться его выступлению, ибо сильнее удара меньшевистской тактике нельзя бы себе и представить. Как члены единой Р. С.-Д. Р. П., мы испытываем ощущение стыда от выступления Г. Плеханова.

Официальный орган к.-д. «Речь» ответил Плеханову так, что самые кроткие с.-д. излечатся теперь, пожалуй, от своих оппортунистических иллюзий. Первый ответ «Речи», передовая в № 226 (25 ноября), есть сплошное издевательство над протянувшим руку Плехановым, и притом издевательство со стороны либерала, не забывшего нападений Плеханова и его коллег в «Искре» на оппортунизм либералов. «И в данном случае,—писал, смеясь над Плехановым, орган к.-д.,—г. Плеханов употребляет заслуживающее всякого уважения и признания усилие, чтобы сдвинуть своих товарищей немножко вправо с самой правой из занятых ими позиций». Но... но мы все же должны возражать.

И возражения кадета есть типичный ответ фабриканта рабочему, который обратился к нему с просьбой, отделившись от товарищей-рабочих, обращающихся сообща с требованием, подкрепленным стачкой.—Ты пришел с просьбой? Хвалю. Но что мне толку от тебя, если твои неразумные коллеги поступают не по твоему? Что мне толку от тебя, если ты не договариваешь до конца? Полновластная Дума! Как же! Стану я компрометировать себя в глазах людей порядка. Надо сказать: министерство из думского большинства. Тогда мы согласимся на общую платформу вместе с с.-д.!

Таково содержание ответа „Речи“, пересыпанного тонкими насмешками и над наивной „алгеброй“ Плеханова и над тем, что он в ноябре 1904 г. был в руководящей коллегии с.-д. (Плеханов был тогда членом редакции Ц. О. и председателем Верховного „Совета“ Р. С.-Д. Р. П.)²⁵⁾, — коллегии, отказавшейся от знаменитого парижского соглашения с буржуазной демократией. Тогда был как раз „алгебраический знак“, иронизирует „Речь“, именно: „демократический режим“. Мы понимали под этим конституционную монархию, эс-эры, пошедшие на соглашение, — демократическую республику. Вы отказались тогда, Г. В. Плеханов? Вы поумнели теперь? Мы, кадеты, хвалим вас, но для дела вы должны пойти еще вправо.

И „Речь“ признается открыто, что к.-д. с лозунгом „Учредительное Собрание“ тоже водили за нос народ Мы, к.-д., хотели Учредительного Собрания „с сохранением прерогативы (т.-е. прав) монарха, а вовсе не республиканского Учредительного Собрания. Нам выгодно было привлекать сочувствие масс этим обманом, но теперь нам важнее привлечь сочувствие царской шайки. Поэтому долой „опасный“, „двусмысленный“, „безнадежный“, „льстящий вредным революционным иллюзиям“, лозунг „полновластная Дума“. Мы требуем от с.-д. их прежнего, цекистского, лозунга: поддержка министерства из думского большинства, и при том „с последствиями“, вытекающими из этого лозунга. А последствия эти не ослаблять, а усиливать (sic) кадетское большинство в Думе.

И в следующем номере „Речи“ редакционная статья специально разъясняет черносотенной царской шайке (под видом разъяснения вопроса Плеханову), что кадетам не нужна „полновластная“ Дума. Объявить Думу полновластной есть государственный переворот. На это кадеты никогда не пойдут. „К полновластной Думе мы, кадеты, нисколько не стремимся и не обязаны стремиться“. „Неужели г. Плеханов, вопреки своей обычной прозорливости, не извлек из хода событий“ этого урока?

Да, насмешка кадетов над обычной прозорливостью Плеханова попала не в бровь, а в глаз. Из всего хода событий русской революции Плеханов не научился понимать кадетов. Он наказан поделом, наказан тем, что кадеты с презрением отвергли руку, протянутую социал-демократом, действовавшим независимо от своей партии и вопреки ее воле.

Ответ „Речи“ Плеханову имеет также общее политическое значение. Кадеты правят не по дням, а по часам. Они, не стесняясь, говорят, что войдут в сделку с черносотенной монархией и разобьют „вредные революционные иллюзии“.

Рабочие всей России, мы уверены, извлекут для себя не мало пользы из этого урока. Вместо блоков с к.-д. они пойдут на самостоятельную избирательную кампанию, перетянут к себе революционную буржуазию и столкнут окончательно в яму политического предательства шайку буржуазных политиканов, надувающих народ фразерством о «народной свободе»!

*„Пролетарий“ № 9
от 7 декабря 1906 г.*

Кризис меньшевизма.

Проповедь беспартийного рабочего съезда и блоков с кадетами,—несомненно, знаменует некоторый кризис в тактике меньшевиков. Принадлежа к числу принципиальных противников всей их тактики вообще, мы не могли бы, конечно, сами решать вопрос о том, насколько назрел этот кризис для внешнего, так сказать, проявления. Тов. Ю. Ларин²⁶⁾ пришел к нам на помощь в своей новой, крайне поучительной, брошюре: «Широкая рабочая партия и рабочий съезд» (М. 1906 г., склад при издательстве «Нов. Мир»).

Тов. Ю. Ларин говорит нередко от имени большинства меньшевиков. Он называет себя, и с полным правом, ответственным представителем меньшевизма. Он работал и на юге и в Питере в самом «меньшевистском» районе, Выборгском. Он был делегатом на Объединительном съезде. Он писал постоянно и в «Голосе Труда», и в «Откликах Современности»²⁷⁾. Все эти факты крайне важны для оценки брошюры, значение которой в правдивости автора, а не в его логике,—в его сообщениях, а не в его рассуждениях.

В основу рассуждений о тактике марксист должен положить оценку объективного хода революции. Большевики, как известно, пытались сделать это в предложенной Объединительному съезду резолюции о современном моменте²⁸⁾. Меньшевики сняли сами свою резолюцию об этом. Тов. Ларин чувствует, видимо, что снимать таких вопросов нельзя, и пытается рассмотреть ход нашей буржуазной революции.

Он различает два периода. Первый, охватывающий весь 1905 г., есть период открытого массового движения. Второй, с 1906 г.,—мучительно-медленная подготовка «фактического торжества дела свободы», «осуществления народных стремлений». В этой подго-

товке коренную роль играет деревня, без помощи которой „раз-единенный город был сломлен“. Мы переживаем „внутренний, по внешности как бы пассивный, рост революции“.

„То, что называется аграрным движением,—постоянное брожение, не переходящее в повсеместные попытки активного нападения, мелкая борьба с местным-начальством, с помещиками, задержка налогов, карательные экспедиции,—все это представляет путь наимыгоднейший для деревни с точки зрения экономии, если не ее сил, что сомнительно, то ее результатов. Не истощая деревни окончательно, принося ей, в общем, больше облегчений, чем поражений, он могущественно разлагает опоры старой власти так, что создает условия, при которых она должна будет неминуемо капитулировать или пасть от первого же серьезного испытания, когда придет время“. И автор указывает, что в 2—3 года изменится личный состав полиции и войска, заполнится элементами недовольной деревни: „наши сыны будут у солдатах“, как сказал автору один крестьянин.

Вывод т. Ларина двоякий: 1) У нас „деревня успокоиться не в состоянии. Австрийский 1848 г.²⁹⁾ у нас повториться не может“. 2) „Русская революция не идет путем всенародного вооруженного восстания в действительном смысле этого слова, как северо-американская или польская“.

Остановимся на этих выводах. Первый из них обоснован автором слишком фельетонно и формулирован слишком неточно. Но по существу автор близок к истине. Исход нашей революции действительно зависит больше всего от устойчивости в борьбе многомиллионной массы крестьянства. Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьянством. Решающая роль за деревней не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы.

Если бы т. Ларин продумал свой вывод и поставил его в связь со всем ходом развития идей социал-демократии о нашей буржуазной революции, то он оказался бы лицом к лицу с старым положением ненавистного ему большевизма: победоносный исход буржуазной революции в России возможен лишь как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства³⁰⁾. По существу дела Ларин пришел именно к этому взгляду. Признать его открыто мешает ему только то качество меньшевиков, которое он сам бичует, именно: неуверенность и робость мысли. Стоит срав-

нить рассуждения на указанную тему Ларина и цекистского „С.-Д-та“, чтобы убедиться в приближении Ларина по этому вопросу к большевикам. Ведь „С.-Д.“ договорился до того, что кадеты — городская бессословная буржуазия, прогрессивная, а трудовики — сельская, сословная, не прогрессивная! „С.-Д.“ не заметил бессословной городской демократии (низов городской бедноты) у трудовиков!

Далее. Деревня успокоиться не может, говорит Ларин. Доказал ли он это? Нет. Он совсем не учел роли крестьянской буржуазии, систематически подкупаемой правительством. Он мало вдумался и в то, что получаемые крестьянами „облегчения“ (понижение аренды, „сокращение“ помещиков и полиции и т. п.) усиливают распад деревни на контр-революционных богатеев и массу бедноты. Таких больших обобщений на основании такого малого материала делать не следует: шаблоном пахнет.

Но доказуемо ли вообще положение: „деревня успокоиться не может?“ И да и нет. Да — в смысле солидно-обоснованного анализа вероятных последствий. Нет — в смысле полной несомненности этих последствий для данной буржуазной революции. Аптекарскими весами не взвесишь того, как уравниваются растущие и переплетающиеся новые контр-революционные и новые революционные силы деревни. Это вскрыет до конца только опыт. Революция в узком смысле, это — острая борьба, и только в самой борьбе, в исходе ее проявляется и вполне познается действительная сила всех интересов, всех стремлений, всех задатков.

Задача передового класса в революции — познать верно направление борьбы и исчерпать все возможности, все шансы победы. Такой класс должен первым встать на непосредственно-революционный путь и последним его покинуть для других, более „будничных“, более „обходных“ путей. Этой истины совсем не понял т. Ларин, рассуждающий очень много и (как увидим ниже) очень неумно о стихийных порывах и о планомерном действии.

Перейдем ко второму выводу — относительно вооруженного восстания. Тут Ларин еще более повинен в робости мысли. Его мысль рабски следует старым образцам: с.-американскому и польскому восстанию. Вне их он не хочет знать восстания „в действительном смысле слова“. Он говорит даже, что наша революция не идет путем „формального“ (I) „форменного“ (II) вооруженного восстания.

Курьез: меньшевик, заслуживший себе шпоры войной с формализмом, договорился до формального вооруженного восстания!

Пеняйте на себя, тов. Ларин, если ваша мысль так сдавлена формальным и форменным. Большевики иначе смотрели и смотрят на дело. Задолго до восстания, на III-ем съезде, т.-е. весной 1905 г., они в особой резолюции подчеркнули связь массовой стачки с восстанием. Меньшевики любят обходить это молчанием. Напрасно. Резолюция III-го съезда—фактическое доказательство того, что мы с максимальной возможной степенью приближения предвидели особенности народной борьбы в конце 1905 года. И восстание мы мыслили совсем не «по типу» С. Америки или Польши, где и речи не могло быть о массовой стачке.

А после декабря мы указывали (проект резолюции к Объединительному съезду) на изменение отношения стачки к восстанию, на роль крестьянства и войска, на недостаточность военных вспышек, на необходимость соглашения с революционно-демократическими элементами войска.

И события подтвердили еще раз, в течение думского периода, неизбежность восстания в русской освободительной борьбе.

Рассуждения Ларина о формальном восстании—самое неприличное для с.-д. невежество в истории переживаемой революции или игнорирование этой истории с ее особыми формами восстания. Тезис Ларина: «русская революция не идет путем восстания» есть насмешка над фактами, ибо оба периода свобод в России (и октябрьский и думский) показали именно «путь» восстания, конечно, не американских и не польских, а русских, эпохи XX-го века. Рассуждая «вообще» об исторических примерах восстаний в странах с преобладанием деревенских или городских элементов, об Америке и Польше, и отказываясь от малейшей попытки изучить или хотя бы наметить особенности русского восстания, Ларин повторяет коренную ошибку «неуверенной и робкой» мысли меньшевизма.

Вдумайтесь в его конструкцию «пассивной» революции. Несомненно, длительные периоды подготовки нового подъема, нового натиска или новых форм движения вполне возможны. Но не будьте же доктринерами, господа: взгляните, что значит это «постоянное брожение» деревни наряду с «мелкой борьбой», «карательными экспедициями» и сменой личного состава полиции и войска? Ведь вы не понимаете того, что сами говорите. Описываемое вами положение дел есть не что иное, как длительная партизанская война, перерываемая рядом все более широких и сплоченных взрывов солдатских восстаний. Вы повторяете сердитые и бранные слова по адресу «партизанов», «анархистов» «анархо-бланкистов-большевиков» и проч. и сами в то же

время рисуете картину революции по-большевистски! Смена личного состава войска, замещение его «элементами недовольной деревни». Что это значит? Может ли не проявляться наружу это «недовольство» деревни, одетой в матросские куртки и солдатские мундиры? Может ли оно не проявляться, когда в стране идет «постоянное брожение» родной солдату деревни? Когда в стране идет «мелкая борьба», с одной стороны, и «карательные экспедиции», с другой? И можно ли представить себе, в эпоху черносотенных погромов, насилий правительства, издевательства полиции, иное проявление этого солдатского недовольства, как военные восстания?

Повторяя кадетские фразы («революция наша не идет путем восстания», эту фразу пустили в оборот именно кадеты в конце 1905 года; см. Миллюковскую «Народную Свободу»),—вы в то же время сами рисуете неизбежность нового восстания: «власть падет от первого серьезного испытания». Думаете ли вы, что серьезное испытание власти возможно в широком, пестром, сложном народном движении без предварительного ряда несерьезных и частичных испытаний? что общая стачка возможна без ряда частных? общее восстание без ряда дробных, мелких, необщих?

Если в войске растет элемент недовольной деревни и если революция в общем идет вперед,—значит неизбежно восстание в форме ожесточеннейшей борьбы с черносотенным войском (ибо черносотенцы тоже организуются и учатся, не забывайте этого! Не забывайте, что есть социальные элементы, питающие сознательное черносотенство!), борьбы и народа и части войска. Значит, надо готовиться, готовить массы, готовить себя к более планомерному, дружному и наступательному восстанию, вот что вытекает из посылок Ларина, из его кадетской сказки о пассивной (??) революции. Меншевики «свалили на ход русской революции собственную тоску и уныние» (58), признается Ларин. Именно так! Пассивность, это—качество мелко-буржуазной интеллигенции, а не революции. Пассивны—те, кто признает заполнение армии элементами недовольной деревни, неизбежность постоянного брожения и мелкой борьбы,—и в то же время с благодушием Ивана Федоровича Шпоньки утешает рабочую партию: «русская революция не идет путем восстания».

А «мелкая борьба»? Вы находите, почтенный Ларин, что она есть «наивыгоднейший путь для деревни с точки зрения результатов»? Вы поддерживаете это мнение, несмотря на карательные экспедиции, включая даже эти экспедиции тоже в наивыгоднейший путь? А подумали ли вы хоть чуточку, чем отличается мелкая борьба от партизанской войны? Ничем, почтенный тов. Ларин.

За плохими примерами Америки и Польши вы просмотрели те особые формы борьбы, которые породило русское восстание, более затяжное, более упорное, с более длительными промежутками между крупными сражениями, чем восстания старого типа.

Тов. Ларин совсем запутался и не свел концов с концами. Если подпочва революции в деревне есть, если революция ширится и черпает новые силы, если армию заполняет недовольный мужик, а в деревне идет и затягивается постоянное брожение и мелкая борьба, то это значит, что правы большевики, которые борются против отстранения вопроса о восстании. Мы вовсе не проповедуем восстания в любой момент, при всяких условиях. Но мы требуем того, чтобы мысль с.-д. не была неуверенна и робка. Если вы признаете условия для восстания,—признавайте и самое восстание,—признавайте особые задачи партии в связи с восстанием.

Называть мелкую борьбу «наивыгоднейшим путем», т.-е. наивыгоднейшей формой борьбы народа в особую эпоху нашей революции,—и в то же время отказываться признать активные задачи партии передового класса на почве этого «наивыгоднейшего пути», значит не уметь мыслить или нечестно мыслить.

II.

«Теория пассивности»—так можно бы назвать рассуждения Ларина о «пассивной» революции, подготавливающей «падение старой власти от первого серьезного испытания». И эта «теория пассивности», естественный продукт робости мысли, налагает печать на всю брошюру нашего кающегося меньшевика. Он ставит вопрос: почему наша партия, при громадном идейном влиянии, так слаба организационно? Не потому, отвечает Ларин, что наша партия интеллигентская. Это старое «казенное» (словечко Ларина) объяснение меньшевиков никуда не годно. Потому, что для переживаемой эпохи объективно не нужна была иная партия и не было объективных условий для иной партии. Потому, что для «политики стихийных порывов», какова была политика пролетариата в начале революции, и не нужна была партия. Нужен был лишь «технический аппарат для обслуживания стихии» и «стихийных настроений», для пропагандистско-агитационной работы между двумя порывами. Это была не партия в европейском смысле слова, а «узкое—120 тысяч на 9 миллионов—объединение молодых рабочих конспираторов»; семейных рабочих мало; большинство готовых на общественную деятельность рабочих—вне партии.

Теперь минует пора стихийных порывов. Расчет заступает место простого настроения. Вместо «политики стихийных порывов» вырастает «политика планомерного действия». Нужна «партия европейского типа», «партия объективно-планомерного политического действия». Вместо «партии-аппарата» нужна «партия-авангард», «куда было бы собрано все, что может выдвинуть из себя пригодного для активной политической жизни рабочий класс». Это—переход к «европейской партии действия на основе расчета». На смену «официальному меньшевизму с его половинчатой и неуверенной практикой, с его унынием и непониманием своего положения», «приходит здоровый реализм европейской социал-демократии». «Голос его довольно явственно звучит уже не с сегодняшнего дня в устах Плеханова и Аксельрода,—единственных, собственно говоря, европейцев в нашей «варварской» среде»... И, конечно, смена варварства европеизмом обещает смену неудач удачами. «Где господствует стихийность, там неизбежны ошибки в оценке, неудачи на практике». «Где стихия,—там утопизм, где утопизм,—там неудача».

В этих рассуждениях Ларина опять бросается в глаза вопиющее несоответствие между крохотным ядром верной, хотя и не новой, мысли и огромной шелухой прямо уже реакционного недомыслия. Меду—ложка, дегтя—бочка.

Совершенно несомненно и неоспоримо, что рабочий класс всех стран—по мере того, как развивается капитализм, по мере того, как накапливается опыт буржуазной революции или буржуазных революций, а также неудачных социалистических,—растет, развивается, учится, воспитывается, организуется. Другими словами: он идет в направлении от стихийности к планомерности,—от руководства одним настроением к руководству объективным положением всех классов, от порывов к выдержанной борьбе. Все это так. Все это столь же старо, как мир, и столь же применимо к России XX-го века, как и к Англии XVII-го века, к Франции 30-х годов XIX века и к Германии конца XIX-го века.

Но в том-то и беда Ларина, что он совсем не в состоянии переварить того материала, который дает социал-демократу наша революция. Противопоставление русского варварства порывов европейской планомерности увлекает его всецело, как новая картинка ребенка. Высказывая трюизм, относящийся ко всем эпохам вообще, он не понимает, что наивное применение этого трюизма к эпохе непосредственно-революционной борьбы превращается у него под рукой в ренегатское отношение к революции. Это было бы трагикомично, если бы искренность

Ларина не устраняла всяких сомнений насчет того, что он бес-
сознательно подпевает ренегатам революции.

Стихийные порывы варваров, планомерное действие евро-
пейцев... Это чисто кадетская формула и кадетская идея, идея
предателей русской революции, восторгающихся «конституцион-
ностью» в духе Муромцева, объявившего: «Дума—часть прави-
тельства»³²⁾ или лакея Родичева³³⁾, восклицавшего: «Дерзость—
считать монарха ответственным за погром». Кадеты создали це-
лую литературу ренегатов (Изгоевы, Струве, Прокоповичи, Пор-
тугаловы³⁴⁾ et tutti quanti), поносивших безумство стихии,
то-есть революцию. Либеральный буржуа, как известное животное
в басне, не в состоянии поднять вверх взора и понять, что
только благодаря «порыву» народа и держится у нас хотя бы
тень свободы.

И Ларин, с наивным отсутствием критики, плетется за либе-
ралом. Ларин не понимает, что в затронутом им вопросе есть
две стороны: 1) противопоставление стихийной борьбы плано-
мерной борьбе такого же размаха, таких же форм и 2) проти-
вопоставление революционной (в узком смысле) эпохи контр-ре-
волюционной или «только конституционной». Логика у Ларина
из рук вон плоха. Стихийную политическую стачку он противо-
поставляет не планомерной политической стачке, а планомерному
участию, скажем, в Булыгинской Думе. Стихийное восстание—
не планомерному восстанию, а планомерной профессиональной
борьбе. И поэтому его марксистский анализ сбивается на ме-
щански-плоский апофеоз контр-революции.

Европейская социал-демократия есть «партия объективно-пла-
номерного политического действия», восторженно лепечет Ла-
рин. Дитя! Он не замечает, что восторгается особенно узким
«действием», которым вынуждены были ограничиваться евро-
пейцы в эпохи отсутствия непосредственно-революционной борь-
бы. Он не замечает, что восторгается планомерностью подза-
конной борьбы и поносит стихийность борьбы за силу и
власть, определяющие пределы «подзаконного». Он сравнивает
стихийное восстание русских в декабре 1905 г. не с «планомер-
ными» восстаниями немцев в 1849 г., французов в 1871 году,
а с планомерностью роста немецких профессиональных союзов.
Он сравнивает стихийную и неудачную общую стачку русских в
декабре 1905 г. не с «планомерной» и неудачной общей стач-
кой бельгийцев в 1902 году, а с планомерной речью Бебеля или
Вандервельда в парламенте.

Поэтому, того всемирно-исторического прогресса в массовой

борьбе пролетариата, который знаменуют собой стачка в октябре 1905 г. и восстание в декабре 1905 г., Ларин не понимает. А тот регресс русской революции (временный, по его собственному взгляду), который выражается в необходимости подзаконного подготовительного действия (профессиональные союзы, выборы и т. п.), он возводит в прогресс от стихийного к планомерному, от настроения к расчету и т. д.

Поэтому взамен морали революционного марксиста (вместо стихийной политической стачки нужна планомерная политическая стачка; вместо стихийного восстания нужно планомерное восстание) получается мораль ренегата-кадета (вместо «безумства стихии»: стачки, восстания, нужно планомерное подчинение столыпинским законам и планомерная сделка с черносотенной монархией).

Нет, товарищ Ларин, если бы вы усвоили себе дух марксизма, а не одни только слова, вы знали бы отличие революционного диалектического материализма от оппортунизма «объективных» историков. Вспомните хотя бы сказанное Марксом о Прудоне ³⁵⁾. Марксист не зарекается от подзаконной борьбы, от мирного парламентаризма, от «планомерного» подчинения рамкам исторической работы, определенным Бисмарками и Беннигсенами, Столыпинскими и Милюковыми. Но марксист, используя всякую, даже реакционную почву для борьбы за революцию, не опускается до апофеоза реакции, не забывает о борьбе за наилучшую возможную почву деятельности. Поэтому марксист первый проводит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонить в колокол еще тогда, когда филистеры спят рабским сном верноподданных. Поэтому марксист первый вступает на путь прямой революционной борьбы, идет к непосредственной схватке, разоблачая примиренческие иллюзии всяких социальных и политических межумков. Поэтому марксист последний покидает путь непосредственно-революционной борьбы, покидает лишь тогда, когда исчерпаны все возможности, когда нет и тени надежды на более короткий путь, когда призыв готовиться к массовым стачкам, к восстанию и т. п. явно теряет почву. Поэтому марксист отвечает презрением тем бесчисленным ренегатам революции, которые кричат ему: мы «прогрессивнее» тебя, мы раньше отказались от революции! Мы раньше «подчинились» монархической конституции!

Одно из двух, товарищ Ларин. Думаете ли вы, что нет уже почвы для восстания и для революции в тесном смысле вообще?

Тогда скажите это прямо и докажите нам по-марксистски, экономическим анализом, учетом политических стремлений разных классов, разбором значения идейных течений. Доказали? Тогда мы объявляем фразерством речи о восстании. Тогда мы говорим: у нас была не великая революция, а великий кукиш в кармане. Рабочие! Буржуазия и мещане (крестьяне в том числе) предали и покинули вас. Но мы на созданной ими, вопреки нашим усилиям, почве будем работать упорно, терпеливо и выдержанно для социалистической революции, которая не будет так половинчата и убога, так богата фразами и бедна творчеством, как революция буржуазная!

Или вы действительно верите в то, что говорите, товарищ Ларин? Вы верите в то, что идет рост революции, что мелкая борьба и глухое брожение готовят через каких-нибудь 2—3 года новую недовольную армию и новое «серьезное испытание»? что «деревня не может успокоиться»? Тогда вы должны признать, что «порывы» выражают собою силу общенародного возмущения, а не силу отсталого варварства,—что наш долг превращать стихийное восстание в планомерное, работая выдержанно и упорно. в течение долгих месяцев, хотя бы даже лет, над таким превращением, а не отречься от восстания, как делают всякие Иуды.

Теперьшая же ваша позиция, т. Ларин, есть именно «тоска и уныние», «неуверенность и робость» мысли, сваливание своей пассивности на нашу революцию.

Именно это, и только это, означает ваше ликующее объявление бойкота ошибкой. Это близорукое и пошлое ликование. Если «прогрессивно» отречение от бойкота, то всех прогрессивнее правые кадеты из «Русских Ведомостей», которые воевали с бойкотом Булыгинской Думы³⁶⁾, звали студентов «учиться, а не бунтовать». Мы не завидуем этой прогрессивности ренегатов. Мы думаем, что объявлять «ошибкой» бойкот Виттевской Думы³⁷⁾ (в созыв которой не верил никто за какие-нибудь 3—4 месяца) и умалчивать об ошибке тех, кто звал участвовать в Булыгинской Думе, значит заменять материализм революционного борца «объективизмом» профессора, пресмыкающегося перед реакцией. Мы думаем, что лучше положение тех, кто последним, испытав действительно всё на пути прямой борьбы, пошел в Думу, пошел в обходный путь, чем положение тех, кто звал в Булыгинскую Думу первым, накануне народного восстания, которое смело эту Думу.

А для Ларина тем более непростительна эта кадетская фраза

об ошибочности бойкота, что он правдиво говорит о том, как меньшевики «придумывали всякие мудрые и хитрые штуки, начиная от выборного начала и земской кампании и вплоть до собирания партии путем участия в выборах с целью бойкота в Думу (57). Меньшевики звали рабочих выбирать в Думу, сами не веря в то, что можно идти в Думу. Не правильнее ли была тактика тех, кто, не веря в это, бойкотировал Думу? Кто объявлял обманом народа наименование Думы «властью» (какое наименование раньше Муромцева дали ей меньшевики в резолюции Объединительного съезда)? Кто пошел в Думу лишь тогда, когда буржуазия окончательно изменила прямому пути бойкота и заставила нас идти в обход, но не с той целью и не так, как идут кадеты?

III.

Противопоставление партии-аппарата и партии-авангарда, которое делает Ларин, или партии борцов с полицией партии сознательных политических борцов, кажется глубоким и полным «чисто-пролетарского» духа. На деле это совершенно такой же интеллигентский оппортунизм, как и соответственное противопоставление, делавшееся в 1899—1901 годах рабочемысленцами и акимовцами³⁸).

С одной стороны, когда есть объективные условия для непосредственно-революционного натиска масс, тогда «обслуживание стихии» есть высшая политическая задача партии. Противопоставлять такую революционную работу «политике» значит низводить политику до политиканства. Это значит превозносить политику думской борьбы, ставя ее выше политики масс в октябре и декабре,—т.-е. именно переходить с пролетарски-революционной на интеллигентски-оппортунистическую точку зрения.

Всякая форма борьбы требует соответственной техники и соответственного аппарата. Когда главной формой борьбы в силу объективных условий становится парламентская борьба, в партии неизбежно усиливаются черты аппарата для парламентской борьбы. Наоборот, когда объективные условия порождают борьбу масс в виде массовых политических стачек и восстаний, партия пролетариата должна иметь «аппараты» для «обслуживания» именно этих форм борьбы, и само собою разумеется, что это должны быть особые «аппараты», непохожие на парламентские. Организованная партия пролетариата, которая бы при-

знавала наличность условий для народных восстаний и не заботилась о соответственном аппарате, была бы партией интеллигентских болтунов; рабочие ушли бы от нее в анархизм, буржуазный революционизм и т. п.

С другой стороны, состав политически руководящего авангарда каждого класса, пролетариата в том числе, тоже зависит и от положения этого класса и от главной формы его борьбы. Ларин жалуется, например, на то, что у нас преобладает в партии рабочая молодежь, что семейных рабочих у нас мало, что они отходят от партии. Эта жалоба русского оппортуниста напомнила мне одно место у Энгельса (чуть ли не в «Жилищном вопросе», «Zur Wohnungsfrage»). Возражая какому-то пошлому буржуазному профессору, немецкому кадету, Энгельс писал: разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь? Мы—партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы—партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы—партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первой пойдет молодежь.

Нет, предоставим лучше кадетам подбирать «уставших» старцев в 30 лет, «поумневших» революционеров и ренегатов социал-демократии. Мы всегда будем партией молодежи передового класса!

И у Ларина самого прорывается откровенное признание насчет того, почему ему так жаль уставших от борьбы семейных людей. Понабрать бы таких уставших побольше в партию, это сделало бы ее «тяжеле на подъем, подрывая почву под политической авантюрой» (стр. 18).

Вот так-то лучше, добрый Ларин! К чему лукавить и обманывать самого себя? Вам нужна не партия-авангард, а партия-аррьергард, чтобы потяжеле была на подъем. Так и надо говорить прямо!

...«Подрывать почву под политической авантюрой»... Бывали поражения революции и в Европе, бывали июльские дни в 1848, майские в 1871 годах, но социал-демократов, коммунистов, которые бы видели свою задачу в том, чтобы объявлять «авантюрой» выступления масс в революции,—этого еще не бывало. Для этого надо было, чтобы в революционные марксисты записались (надо надеяться, ненадолго) бесхарактерные и трусливые, неуверенные в себе и падающие духом при всяком повороте событий к реакции российские мещане, называемые, с позволения сказать, «интеллигенцией».

...«Подрывать почву под авантюрой»! Но если так, то первый

авантюрист — сам Ларин, ибо он называет «мелкую борьбу» наивыгоднейшим путем революции, ибо внушает массам веру в рост революции, в заполнение армии через 2 — 3 года недовольной деревней, в грядущее «падение старой власти» от «первого же серьезного испытания»!

Но Ларин — авантюрист еще и в другом, гораздо более худшем и более мелком смысле. Он — защитник рабочего съезда и «беспартийной партии» (его словечко!). Вместо социал-демократии нужна «Всероссийская Рабочая Партия», — потому «рабочая», что в нее надо взять мелко-буржуазных революционеров, с.-р., п. п. с., белорусскую громаду и проч.

Ларин — поклонник Аксельрода. Но услугу он оказал ему медвежью. Он так превознес его «юношескую энергию», его «истинное партийное мужество» в борьбе за рабочий съезд, он так горячо его обнял, что... задушил в своих объятиях! Туманная «идея» Аксельрода о рабочем съезде убита на-смерть наивным и правдивым практиком, который сразу взял и выпалил все то, что надо было скрыть для успешной пропаганды рабочего съезда. Рабочий съезд — значит «снятие вывески» (стр. 20 у Ларина, для которого социал-демократизм — одна вывеска), значит слияние эс-э-рами и с профессиональными союзами.

Правильно, тов. Ларин! Спасибо хоть за правдивость! Рабочий съезд действительно значит все это. Именно к этому повел бы он даже против воли созывателей. И именно поэтому рабочий съезд теперь есть мелкая оппортунистическая авантюра. Мелкая, ибо никакой широкой идеи тут нет в подкладке, а только усталость интеллигента от упорной борьбы за марксизм. Оппортунистическая — по той же причине и потому, что в рабочую партию впускают тысячи далеко не определившихся еще окончательно мелких буржуа. Авантюра, ибо при современных условиях такая попытка принесла бы не мир, не положительную работу, не сотрудничество эс-эров и эс-дэков, которым Ларин отводит любезно роль «пропагандистских обществ внутри широкой партии» (стр. 40), а безграничное увеличение борьбы, раздоров, расколов, спутанности идейной, дезорганизации практической.

Одно дело — предсказать, что эс-эровский «центр», по отпадении эн-эсов и максималистов, должен притти к эс-декам. Другое дело — лезть за яблоком, которое только зреет, но еще не созрело. Либо шею сломите, почтеннейший, либо желудок испортите сырыми фруктами

Ларин аргументирует «от Бельгии» — совсем так, как в 1899 го-

ду Р. М. (редактор «Рабочей Мысли») и г. Прокопович (когда он переживал «стихийные порывы» социал-демократа и не «поумнел» еще настолько, чтобы стать «планомерно действующим» кадетом). К книжечке Ларина аккуратненько приложен аккуратненький перевод устава бельгийской рабочей партии! Добрый Ларин забыл перевести в Россию промышленные условия и историю Бельгии. После ряда буржуазных революций, после десятилетий борьбы с мелко-буржуазным квази-социализмом Прудона, при гигантском, едва ли не высшем в свете, развитии промышленного капитализма, — рабочий съезд и рабочая партия в Бельгии были переходом от непролетарского социализма к пролетарскому. В России, в разгар буржуазной революции, плодящей неизбежно мелко-буржуазные идеи и мелко-буржуазных идеологов, при наличии растущего «трудолического» течения в смежных слоях крестьянства и пролетариата, при наличии Соц.-Дем. Рабочей Партии с десятилетней почти историей, рабочий съезд есть плохая выдумка, слияние с эс-эрами (кто их знает? может, 30 тысяч, а может и 60 тысяч—говорит Ларин простодушно) есть интеллигентская причуда.

Да, да, история умеет пользоваться иронией! Годы и годы трубили меньшевики о близости большевиков к эс-эровщине. И вот большевики отвергают рабочий съезд между прочим и именно потому, что он затемнил бы различие точек зрения пролетария и мелкого хозяиника (см. резолюцию П. К. в № 7 «Пролетария»). А меньшевик стоит за слияние с эс-эрами в связи с защитой рабочего съезда. Это бесподобно.

— Я не хочу растворить партию в классе,—оправдывается Ларин.—Я хочу объединить только авангард, 900 тысяч из 9 миллионов (стр. 17 и стр. 49).

Берем официальные цифры фабрично-заводской статистики за 1903 год. Всего фабрично-заводских рабочих—1.640.406. В том числе в заводах, имеющих свыше 500 рабочих,—797.997; в заводах, имеющих свыше 100 рабочих,—1.261.363. Число рабочих в крупнейших заводах (800 тыс.)—немногим ниже цифры Ларина для объединенной с эс-эрами рабочей партии!

Итак, Ларин не надеется на то, чтобы мы в России, имея уже теперь до 150—170 тысяч членов социал-демократической партии, при 800 тысяч. рабочих в крупнейших заводах, при крупных горных предприятиях (не вошедших в этот итог), при массе чисто пролетарских элементов в торговле, в сельском хозяйстве, в транспорте и т. д.,—чтобы мы могли вскоре завоевать для социал-демократии

900 тысяч пролетариев, как членов партии?? Это чудовищно, но это факт.

Но неверие Ларина есть только робость мысли интеллигента.

Мы вполне верим в осуществимость такой задачи. В противовес аванюре «рабочего съезда» и «беспартийной партии» мы выдвигаем лозунг: расширение впятеро и вдесятеро нашей социал-демократической партии, но только преимущественно и почти исключительно чисто-пролетарскими элементами и исключительно под идейным знаменем революционного марксизма *).

Теперь, после года великой революции, при быстроте развития всяких партий, пролетариат выделяется в самостоятельную партию быстрее, чем когда-либо. Выборы в Думу помогут этому (конечно, если не идти на оппортунистические блоки с к.-д.). Измены буржуазии вообще и мелкой в особенности (э н - э с ы) укрепят революционную социал-демократию.

Мы добьемся Ларинского «идеала» (900 тысяч членов партии)—мы даже перегоним этот идеал посредством упорной работы на том же пути, а не посредством авантюры. Расширять партию пролетарским элементом теперь действительно надо. Это ненормально, что в Питере всего 6 тысяч членов партии (81 тысяча рабочих в Спб. губернии на заводах с 500 и более рабочими; всего 150 тыс. рабочих),—что в центральном промышленном районе всего 20 тысяч членов партии (377 тысяч рабочих в заводах с 500 и больше рабочими; всего 562 тысячи рабочих). Рабочих надо уметь включать **) в партию: в таких центрах впятеро и вдесятеро больше. В этом Ларин вполне и безусловно прав. Но мы не должны впадать в интеллигентское малодушие и интеллигентскую нервность. Мы добьемся этого на нашем соц.-дем. пути, без авантур.

Единственным «отрадным явлением» в брошюре т. Ларина является его горячий протест против блоков с к.-д. В другой статье

*) Включение профессиональных союзов в партию, которое предлагает Ларин, нерационально. Это сузит рабочее движение и его базу. Для борьбы с хозяевами мы всегда объединим гораздо большее число рабочих, чем для социал-демократической политики. Поэтому (вопреки не вер н о м у утверждению Ларина, что большевики высказывались против беспартийных профессиональных союзов)—поэтому мы за беспартийные профсоюзы, как был за них еще в 1902 году автор «якобинской» (по мнению оппортунистов, якобинской) брошюры: „Что делать?“.

**) Говорим: „уметь включать“, ибо число рабочих социал-демократов, несомненно, во много раз превышает в таких центрах число членов партии. У нас есть рутина, надо бороться с ней. Надо уметь приспособить, где следует, loose Organisation — более свободные, широкие, доступные пролетарские организации. Наш лозунг: расширение Социал-Демократической Рабочей Партии против беспартийного рабочего съезда и беспартийной партии!

этого номера нашей газеты читатель найдет подробные цитаты на этот счет, в связи с характеристикой всех шатаний меньшевизма по этому важному вопросу *).

Здесь же нас интересует общая характеристика меньшевизма таким «авторитетным» свидетелем, как меньшевик Ларин. Именно по поводу блоков с к.-д. он протестует против «упрощенно-казенного меньшевизма». «Меньшевизм казенный», пишет он, способен желать «самоубийственного соединения с противниками с.-д-тии из буржуазного лагеря». Мы не знаем, сумеет ли Ларин проявить в отстаивании своих взглядов против Плеханова больше характера, чем Мартов. Но Ларин восстает против «официального» и «казенного» меньшевизма не только по поводу блоков с к.-д. «Все отживающее, говорит, напр., Ларин по адресу меньшевизма, приобретает казенный отпечаток!! (стр. 65). Меньшевизм отживает, уступая место «европейскому реализму». «Отсюда вечная тоска, половинчатость, неуверенность меньшевизма» (стр. 62). Про разговоры о рабочем съезде он пишет: «Какой-то недоговоренностью, робостью мысли, может быть, просто не решающейся громко высказать то, что уже назрело внутри, запечатлены все эти разговоры» (стр. 6) и т. п.

Мы знаем уже подкладку этого кризиса меньшевизма, этого вырождения его в казенщину **): — неуверенность мелко-буржуазного интеллигента в возможности дальнейшей революционной борьбы, боязнь признать революцию законченной, боязнь признать реакцию окончательно победившей. «Меньшевизм был лишь инстинктивной, полустихийной тоской по партии», говорит Ларин. Меньшевизм — стихийная тоска интеллигента по куцой конституции и мирной законности, скажем мы. Меньшевизм, это — якобы объективная апология реакции, исходящая из революционной среды.

*) См. статью: „Меньшевики и соглашения с кадегами“ в № 9 „Пролетария“. Ред.

**) Опять ирония истории! Меньшевики кричали о „формализме“ и „бюрократизме“ большевиков с 1903-го года 40). С тех пор у них в руках были все время обще-партийные „бюрократические“ и „формальные“ прерогативы. И теперь меньшевик констатирует вырождение меньшевизма в казенщину. Лучшей реабилитации для себя большевики не могли бы и желать. Ларин не там ищет казенщины меньшевизма, где она действительно коренится. Источник казенщины, — это тот оппортунизм, который под видом европеизма внедряют в меньшевиков Аксельрод и Плеханов. Европеизм в отраженной идеологии и привычках швейцарского мещанина нет и следа.

Мещанская Швейцария, это — лакейская настоящей Европы, Европы революционных традиций и обостренной классовой борьбы широких масс. А казенщина сказалась вполне хотя бы в той постановке вопроса о рабочем съезде у Плеханова (рабочий съезд против партийного съезда), против которой так горячо и искренно протестует Ларин.

Большевики с самого начала, еще в женевской газете «Вперед» (январь—март 1905 г.)⁴¹⁾, еще в брошюре «Две тактики» (июль 1905 г.)⁴²⁾ ставили вопрос совсем иначе. Нисколько не заблуждаясь насчет противоречивости интересов и задач разных классов в буржуазной революции, они тогда же прямо заявляли: возможно, что русская революция кончится конституционным выкидышем. Как сторонники и идеологи революционного пролетариата, мы выполним свой долг до конца,—мы через все измены и подлости либералов, через все шатания, через всю робость и неуверенность мелких буржуа пронесем наши революционные лозунги,—мы исчерпаем действительно до конца все революционные возможности,—мы будем гордиться тем, что первые вступили на путь восстания и последние покинули этот путь, если он на самом деле стал невозможен. И в настоящее время мы далеко, далеко не признаем еще всех революционных возможностей и перспектив исчерпанными. Мы прямо и открыто проповедуем восстание и упорную, настойчивую, длительную подготовку к нему.

А когда мы признаем революцию конченной, мы прямо и открыто скажем это. Мы снимем с нашей платформы перед всем народом все наши непосредственно-революционные лозунги (вроде Учредительного Собрания). Мы не будем обманывать себя и других иезуитскими софизмами (вроде Плехановской «полновластной Думы» для кадетов)*). Мы не будем оправдывать реакции, называть реакционный конституционализм почвой для здорового реализма. Мы скажем и докажем пролетариату, что измены буржуазии и шатания мелких хозяйчиков погубили революцию буржуазную, и что сам пролетариат подготовит и проведет теперь новую, социалистическую революцию. И поэтому на почве упадка революции, т.-е. полной измены буржуазии, мы уже ни в каком случае не пойдем ни в какие блоки не только с оппортунистической, но даже и с революционной буржуазией,—ибо упадок революции означал бы превращение буржуазного революционизма в пустую фразу.

Вот почему нас нисколько не задевают те сердитые слова, которых так много бросает Ларин по нашему адресу, крича о близком кризисе большевизма, о том, что он выдохся, что мы волочились всегда за меньшевиками и т. д. Все эти попытки кольнуть и ущипнуть вызывают только снисходительную улыбку.

От большевиков отпадали и будут отпадать отдельные лица, но в нашем направлении не может быть кризиса. Дело в том, что мы с самого начала (см. «Шаг вперед, два назад») заявляли: ни-

*) См. выше. 27 стр. этого тома. Ред.

какого особого «большевистского» направления мы не создаем, мы отстаиваем лишь везде и всегда точку зрения революционной социал-демократии⁴³). А в социал-демократии, вплоть до социальной революции, неизбежно будут оппортунистическое и революционное крыло.

Достаточно беглого взгляда на историю «большевизма», чтобы убедиться в этом.

1903—1904 год. Меньшевики проповедуют демократизм в организации. Большевики называют это интеллигентской фразой, впредь до открытого выступления партии. Меньшевик-Рабочий в Женевской брошюре (1905 г.)⁴⁴) признает, что на деле никакого демократизма у меньшевиков не было. Меньшевик Ларин признает, что их «разговоры о выборном начале» были «придумыванием», были попыткой—«обмануть историю» и что на деле в меньшевистской «Спб. группе выборного начала не было еще и осенью 1905 года» (стр. 62). А после октябрьской революции большевики первые сразу объявили в «Новой Жизни» переход к демократизму в партии на деле⁴⁵).

1904 г., конец. Земская кампания. Меньшевики тянутся за либералами. Большевики не отрицают (вопреки часто распространяемой басне) «хороших демонстраций» перед земцами, но отвергают «плохие рассуждения интеллигентов»*), говоривших, что на арене борьбы две силы (царь и либералы), что выступление перед земцами есть демонстрация высшего типа. Теперь меньшевик Ларин сам признает, что земская кампания была «придумыванием» (стр. 62), была «мудрой и хитрой штукой» (стр. 57).

1905 год, начало. Большевики открыто и прямо ставят вопрос о восстании, о подготовке к нему. В резолюции III-го съезда они предсказывают соединение стачки с восстанием. Меньшевики виляют, отговариваются от задач восстания, толкуют о вооружении масс жгучей потребностью самовооружения.

1905 г., август—сентябрь. Меньшевики (Парвус в новой «Искре») зовут участвовать в Булыгинской Думе. Большевики зовут к активному бойкоту ее, к непосредственной проповеди восстания⁴⁶).

1905 г., октябрь—декабрь. Народная борьба в форме стачек и восстаний смела Булыгинскую Думу. Меньшевик Ларин признает в письменном заявлении на Объединительном съезде, что меньше-

*) В № 1 Женевского „Вперед“ (январь 1905 г.) фельетон, посвященный критике „плана земской кампании“, носил заглавие: „О хороших демонстрациях пролетариев и о плохих рассуждениях некоторых интеллигентов“. (См. стр. 24—28 тома VI. Собр. соч. Н. Ленина. Р. с. д.)

вики в эпоху высшего подъема революции действовали по-большевистски. В зачаточных органах Временного Правительства мы, с.-д., участвуем вместе и рядом с революционной буржуазией.

1906 г., начало. Меньшевики в тоске. В Думу не верят и в революцию не верят. Они зовут выбирать в Думу для бойкота Думы (Ларин, стр. 57). Большевики выполняют свой долг революционеров, делая все возможное для бойкота второй Думы, которой не верил никто в революционных кругах.

1906 г., май — июнь. Думская кампания. Бойкот не удался в силу измены буржуазии. Большевики ведут революционную работу на новой, хотя и худшей почве. Во время Думы наша тактика, революционных с.-д., еще яснее отделяется от оппортунизма в глазах всего народа: критика к.-д. в Думе, борьба за освобождение трудящихся от влияния к.-д., критика думских иллюзий, проповедь революционного сближения левых групп Думы⁴⁷⁾.

1906 г., июль. Разгон Думы. Меньшевики мечутся, высказываясь за немедленную стачку-демонстрацию и за частичные выступления. Большевики протестуют. Ларин, говоря об этом, умалчивает о протесте 3-х членов Ц. К., напечатанном для членов партии. Ларин говорит неправду об этом инциденте. Большевики указывают на нелепость демонстрации, стоят за более позднее восстание⁴⁸⁾. Меньшевики подписывают призывы к восстанию вместе с революционной буржуазией⁴⁹⁾.

1906 г., конец. Большевики признают, что измены буржуазии заставляют пойти в обходный путь, пойти в Думу. Долой всякие блоки! Долой в особенности блоки с кадетами! Меньшевики за блоки.

Нет, товарищ Ларин, нам не приходится стыдиться такого хода борьбы между революционным и оппортунистическим крылом российской социал-демократии!

*„Пролетарий“ № 9
от 7 декабря 1906 г.*

Пролетариат и его союзник в русской революции.

Так озаглавил К. Каутский последнюю главу своей статьи в только что вышедших номерах «Neue Zeit»: «Движущие силы и перспективы русской революции». Как и другие работы Каутского, эта статья выйдет, несомненно, вскоре в русском переводе. Ознакомиться с ней безусловно необходимо всем социал-демократам, — не потому, что от немецкого теоретика марксизма

можно было ждать ответа на злободневные вопросы нашей тактики (плюхи были бы русские с.-д., если бы они ждали таких ответов издалека),—а потому, что Каутский замечательно логично рассматривает основы всей с.-д. тактики в буржуазной российской революции. Всем членам нашей партии, всем сознательным рабочим, заваленным мелкой будничной работой, оглушенным избитыми пошлостями беспринципных либерально-буржуазных писак, особенно важны такие произведения вдумчивых, знающих и опытных с.-д., которые позволяют подняться выше обыденщины, вникнуть в коренные вопросы тактики пролетариата, представить себе яснее принципиальные тенденции и самые методы мышления разных течений в социал-демократии.

Новейшая статья Каутского особенно важна в этом отношении, ибо она дает возможность сравнить характер вопросов, заданных Плехановым Каутскому (среди других иностранных социалистов), со способом ответа Каутского на некоторые из этих вопросов.

Плеханов, которого кадет Мельгунов метко назвал сегодня (10 дек.) в «Товарище» «прежним лидером и теоретиком русской социал-демократии», спрашивал Каутского (1) об «общем характере» русской революции: буржуазная она или социалистическая? (2) об отношении с.-д. к буржуазной демократии и (3) о тактике с.-д. при выборах в Думу.

Вождь русских оппортунистов желал выудить от Каутского одобрение блоков с к.-д. Вождь немецких революционных с.-д. разгадал, что автор вопросов подсовывает ему ответ на то, о чем прямо не говорится в вопросах, и предпочел ответить Плеханову с спокойным, обстоятельным, пропагандистски написанным разъяснением того, как должен марксист ставить вопросы о буржуазной революции и о буржуазной демократии вообще. Присмотримся же внимательнее к этому разъяснению Каутского.

Поверхностно было бы рассматривать русскую революцию, как движение, направленное к свержению абсолютизма. Надо рассматривать ее, как пробуждение широких масс народа к самостоятельной политической деятельности. Такова основная посылка Каутского.

Это значит вот что. Поверхностен был бы тот анализ задач социал-демократии, который ограничивается указанием на достижение политической свободы (свержения абсолютизма) и «общность» этой задачи у разных классов. Надо посмотреть на положение масс, на объективные условия их жизни, на различие классов внутри их, на реальное содержание той свобо-

ды, к которой они на деле стремятся. Не из общей фразы надо выводить единство интересов, не от «политической свободы» вообще заключать к совместной борьбе разных классов, — а, наоборот, из точного анализа положения и интересов разных классов надо выводить, насколько именно и в чем именно тождественна или совпадает (и совпадает ли?) их борьба за свободу, их стремление к свободе. Не по-кадетски, не по-либеральному следует рассуждать, не так, как г.г. Прокоповичи и К^о, а по-марксистски.

Далее. Если исходная точка — интересы масс, то гвоздь русской революции — аграрный (земельный) вопрос. О поражении или победе революции надо заключать не на основании насилий правительства и проявления «реакции» (которая всецело заполняет внимание многих кадетообразных с.-д.), а на основании учета положения массы в борьбе за землю.

Сельское хозяйство есть основа народного хозяйства России. Земледелие в упадке, крестьяне разорены. Даже либералы (Каутский цитирует кадетов Петрункевича и Мануилова)⁵⁰⁾ сознают это. Но, указывая на общность этого взгляда у либералов и социалистов, Каутский не удовлетворяется этим. Он не позволяет себе сделать отсюда кадетский вывод: «значит, с.-д. должны поддерживать кадетов». Он сразу переходит к анализу классовых интересов и показывает неизбежность половинчатости либералов в аграрном вопросе. Признавая упадок земледелия вообще, либералы не понимают капиталистического характера земледелия и вытекающего отсюда вопроса об особых причинах задержки именно капиталистической, а не иной какой, эволюции.

И Каутский подробно разбирает одну из этих особых причин, именно недостаток капитала в России. Заграничный капитал играет у нас особенно выдающуюся роль. Это задерживает капиталистическое развитие земледелия. Вывод Каутского: «Упадок сельского хозяйства, наряду с ростом сил промышленного пролетариата, является главной причиной современной русской революции».

Вы видите: Каутский изучает, внимательно и осторожно, особый характер буржуазной революции в России, а не обходит этих особенностей, подобно кадетам и кадетообразным с.-д., посредством доктринерской ссылки на «общий характер» всякой буржуазной революции.

Дальше Каутский разбирает разрешение аграрного вопроса. Он не довольствуется и здесь избитой либеральной фразой: вот и кадетская Дума за землю для крестьян (смотри писания Пле-

ханова). Нет. Он показывает, что одно увеличение надела без громадной денежной помощи крестьянину есть ничто. Абсолютизм не в состоянии действительно помочь крестьянству. А либералы? Они требуют выкупа. Выкуп же не может не разорить крестьян. «Только конфискация крупного землевладения» (курсив Каутского) способна значительно увеличить земельный надел крестьянина, не возлагая на него нового бремени. Но либералы самым решительным образом противятся конфискации.

На этом рассуждении Каутского стоит остановиться. Кто сколько-нибудь обстоятельно знаком с партийными оттенками в революционных кругах России, тот знает, что оппортунисты обеих революционных партий, именно по вопросу о выкупе не только заразились либеральным взглядом, но извращали еще при этом Каутского. Наши меньшевики и на Объединительном съезде и на целом ряде собраний в Петербурге (напр., Дан в своих летних отчетах о съезде перед питерскими рабочими) указывали на неправильность того пункта аграрной программы, который прошел при помощи большевиков, потребовавших вставить непременно конфискацию вместо «отчуждения» (смотри первоначальный проект Маслова)⁵¹). Наши меньшевики говорили, что это неверно, что настаивать на конфискации может только вульгарный революционизм, что для социального переворота не важно, будет ли выкуп или нет, и при этом ссылались на брюшину Каутского «Социальная революция», где Каутский по отношению к социалистической революции вообще разъясняет допустимость выкупа. И эс-эровские меньшевики, полукадеты, энэсы, совершенно так же защищали свой поворот к либерализму в вопросе о выкупе (в одном из выпусков «Нар.-соц. Обозрения») и также ссылались на Каутского.

Каутский, вероятно, не знает ни поведения меньшевиков в этом вопросе, ни значения политики эн-эсов и их группы. Но своей постановкой вопроса о выкупе в русской революции он дал опять-таки всем нашим оппортунистам замечательное поучение насчет того, как не следует рассуждать. Нельзя из общих посылок о соотношении выкупа и конфискации в разных революциях, или в социалистической революции вообще, делать вывода о выкупе в России 1905—1906 годов. Надо поступать наоборот. Надо разобрать, какие классы у нас в России вызвали особенности нашей постановки вопроса о выкупе, из интересов этих классов вывести политическое значение данного вопроса в данной революции и тогда уже оценить правильность или неправильность взглядов разных партий.

Само собою разумеется, что, идя таким путем, Каутский пришел не к затушевыванию различия между либералами и революционерами в вопросе о выкупе (к чему всегда приходят плехановцы и эн-эсы), а к выяснению глубины этого различия. Плеханов, задавая свои вопросы Каутскому, прикрывал различие «оппозиционного» и «революционного» движения посредством отстранения конкретных вопросов. Каутский сбросил прочь эти плехановские прикрытия, извлек на свет Божий важный вопрос о выкупе и показал Плеханову, что против революционного движения крестьян борются «по-своему» не только черносотенцы, но и либералы.

«Без отмены постоянного войска,—пишет Каутский,—без прекращения постройки военного флота, без конфискации всего состояния царской фамилии и монастырей, без государственного банкротства, без конфискации крупных монополий, поскольку они находятся еще в руках частных лиц, жел. дорог, нефтяных источников, горных рудников, железоделательных заводов и пр.—неоткуда взять те громадные суммы, которые необходимы для русского сельского хозяйства, чтобы вырвать его из его ужасного состояния».

Припомните обычные меньшевистские речи об утопии и фантазерстве большевиков, напр., речи Плеханова на съезде по поводу требований соединить вопросы аграрный и политический (отмена постоянного войска, выборность чиновников народом и т. д.). Плеханов хихикал над отменой постоянного войска и выборностью чиновников народом! Плехановская «Современная Жизнь» одобряет направление «Нашего Дела», называя политический оппортунизм «политическим материализмом» (??) и противопоставляя его «революционной романтике».

Оказывается, что осторожный Каутский идет гораздо дальше самого крайнего большевика, выставляет гораздо более «утопические» и «романтические» (с точки зрения оппортуниста) требования в связи с аграрным вопросом!

Каутский требует не только конфискации помещичьих земель, не только отмены постоянной армии, но и конфискации крупных капиталистических монополий!

И Каутский вполне последовательно замечает сейчас же после приведенного места: «Ясно, что либералы пугаются столь гигантских задач, столь решительных изменений в существующих имущественных отношениях. По существу, они хотят продолжать вести теперешнюю политику, оставляя неприкосновенными основы эксплуатации России иностранными капиталами. Они твердо

стоят за постоянное войско, которое в их глазах одно только в состоянии обеспечить порядок и сохранить им их собственность»...

Плеханов протестует: с ним поступили несправедливо; он спрашивал Каутского только о поддержке оппозиционных партий на выборах в Думу, а ему отвечают не на тему! Выборы в Думу и—отмена постоянного войска! Какая причуда анархической мысли фантаста, какая революционная романтика вместо требуемого оппортунистом «политического материализма»!

А Каутский продолжает себе «бестактно» критиковать либералов в ответ на вопрос о выборах в Думу. Он обвиняет их за то, что они хотят выжимать по-прежнему из русского народа по миллиарду рублей на военщину и платежи по займам. «Они (либералы) думают, что учреждение Думы достаточно для того, чтобы чудом раздобыть из-под земли миллиарды». «Либерализм столь же мало способен на это (удовлетворить русских крестьян), как и царизм». Каутский посвящает специальную главу выяснению отношений либерализма к социал-демократии. Он указывает, что в России нет буржуазной демократии старого шаблона, в которой годами устойчивое положение занимала городская мелкая буржуазия. В отличие от Запада, в России городская мелкая буржуазия «никогда не будет надежной опорой революционных партий».

«В России нет прочного остова буржуазной демократии». Этот вывод Каутского основан и на анализе особого положения мелкой буржуазии в городах и на учете того, что классовый антагонизм между капиталистами и пролетариатом развит в России неизмеримо сильнее, чем в эпохи буржуазных революций «старого шаблона». И значение этого вывода громадно. Именно в этом пункте лежит центр тяжести всей той «поправки», которую внес Каутский в постановку вопроса Плехановым,—поправку, равносильной коренному изменению.

Плеханов в своих вопросах оперирует со старым шаблоном буржуазной демократии, не более того. Он употребляет затасканное слово, совершенно забывая определить на основании русских данных, какой степенью демократизма, какой прочностью его и т.д. обладают те различные слои, которые теперь в России выступают в качестве буржуазной демократии. Заслуга Каутского в том, что он подметил этот основной грех Плеханова и принялся разъяснять ему практически тот метод, которым надо приходиться к действительному пониманию буржуазной демократии в России. И под умелым ана-

лизом Каутского из затасканного старого шаблона стали получаться очертания живых общественных сил России: городско-го мещанства,—класса помещиков, либеральничающих на грошик и поддерживающих черносотенную контр-революцию на целковый,—капиталистов, боящихся пуще огня пролетариата,—и, наконец, крестьянства.

Туманный вопрос об отношении к «буржуазной демократии» (французского типа 40-х годов прошлого века?) исчез. Туман был рассеян. А ведь этим туманом и застилали глаза народу наши Прокоповичи, Кусковы, Изгоевы, Струве и прочие либералы, на руку которым играет Плеханов. Вместо тумана старых шаблонов действительно марксистский анализ показал нам совсем особое соотношение демократизма разных слоев и элементов русской буржуазии.

При помощи этого анализа Каутский определяет то особое отношение между российским либерализмом и революционностью крестьян, которое сознательно скрывают кадеты и по слепоте не видят многие с.-д.-ты! «Чем революционнее становится крестьянин, тем реакционнее становится крупный землевладелец, тем более перестает он быть, как был раньше, столпом либерализма, тем неустойчивее становятся либеральные партии, тем более подаются вправо либеральные профессора и адвокаты в городах, чтобы не потерять окончательно связи с своей прежней опорой». Этот процесс «ускоряет банкротство либерализма».

Только вскрыв корни этого банкротства либерализма уже в современной русской революции, Каутский переходит к непосредственному ответу на вопросы Плеханова. Прежде чем отвечать, поддерживать ли «оппозицию», надо уметь понять (разъясняет Каутский), в чем классовая опора и классовая сущность этой «оппозиции» (или русского либерализма), и в каком отношении находится развитие революции и революционных классов к положению и интересам либерализма. Выясняя это в первую голову, Каутский сначала приходит к банкротству либерализма, а потом уже посвящает читателя в интересующий Плеханова вопрос: поддерживать ли оппозицию на выборах в Думу? Неудивительно, что на две трети Плехановских вопросов Каутскому вовсе не понадобилось отвечать...

Зато ответы Каутского, не удовлетворяя Плеханова, помогут мыслить правильно массе русских социал-демократов.

(1) Буржуазная революция в России или социалистическая? Нельзя так ставить вопроса, говорит Каутский. Это—старый

шаблон. Русская революция, конечно, не социалистическая. О социалистической диктатуре пролетариата («единоличное господство» его) не может быть и речи. Но эта революция и не буржуазная, ибо «буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России». «Там, где пролетариат выступает самостоятельно, буржуазия перестает быть революционным классом».

И Каутский с энергией, превосходящей обычные большевистские «бестактности» против либералов, заявляет, что наша буржуазия больше боится революции, чем реакции, что она абсолютизм ненавидит за порождение им революции, что она политической свободы хочет для прекращения революции! (А Плеханов наивно отождествлял в своих вопросах борьбу оппозиции со старым порядком и борьбу против покушений правительства раздавить революционное движение!)

Этот первый ответ Каутского есть самое блестящее подтверждение всей коренной основы тактики большевизма. Начиная с женеvских газет «Вперед» и «Пролетарий» и продолжая брошюрой «Две тактики», русские большевики всегда основу своей борьбы с меньшевизмом видели в извращении правыми с.-д. понятия: «буржуазная революция». Сотни раз говорили мы и показывали на бесчисленных заявлениях меньшевиков, что понимать категорию «буржуазная революция» в смысле признания за буржуазией главенства и руководящей роли в русской революции есть опoшление марксизма. Буржуазная революция вопреки неустойчивости буржуазии, посредством парализования неустойчивости буржуазии, вот как формулировали большевики основную задачу с.-д. в революции.

Анализ Каутского дает нам самое полное удовлетворение. То, на что мы претендовали,—отстаивание позиции революционной социал-демократии против оппортунизма, отнюдь не создание какого-то «оригинального» большевистского направления,—Каутский подтвердил вполне, и это подтверждение тем ценнее, что оно дано изложением существа дела, а не простым генеральским «одобрением» той или иной фракции.

(2) Каутский не только считает «весьма возможным», что в ходе революции победа достанется с.-д. партии», но объявляет также обязанностью социал-демократов «внушать своим приверженцам уверенность в победе, ибо нельзя успешно бороться, отказываясь наперед от победы».

Этот вывод Каутского есть второе блестящее подтверждение

тактики большевизма. Кто сколько-нибудь знаком с литературой двух направлений в социал-демократии, тот должен знать, что меньшевики всеми силами оспаривали возможность и целесообразность победы социал-демократии в современной русской революции. Меньшевики еще на своей конференции весной 1905 г. (с участием Плеханова, Аксельрода и проч.) приняли резолюцию, что с.-д. партия не должна стремиться к завоеванию власти⁵²). И с тех пор эта мысль: с.-д. не могут стремиться к победе, с.-д. в буржуазной революции проходят красной (или черной?) нитью через всю литературу и всю политику меньшевизма.

Эта политика есть оппортунизм. Победа с.-д. в теперешней русской революции весьма возможна. Мы обязаны внушать уверенность в этой победе всем сторонникам рабочей партии. Нельзя успешно бороться, если наперед отказываешься от победы.

Эти простые и ясные истины, засоренные Плехановской софистикой и схоластикой, должны быть продуманы и усвоены всей нашей партией.

(3) Думать, что «все те классы и партии, которые стремятся к политической свободе, должны просто-на-просто действовать совместно, чтобы добиться ее», значит «иметь в виду лишь политическую поверхность совершающегося».

Это—третье подтверждение большевизма. Нельзя из одной только ссылки на то, что к.-д. «по-своему борются за свободу», заключать о совместном действии с ними. Это азбука марксизма, засоренная лишь временно Плехановым и Аксельродом с их поклонниками.

(4) Каков же тот класс, который может помочь с.-д. пролетариату победить в теперешней революции, поддержать его и определить границы медленно осуществимых преобразований? Этот класс, по мнению Каутского, крестьянство. Только у него есть «прочная общность экономических интересов» на все время революции». «В общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии и возможность ее победы, но эта же общность определяет и пределы возможного использования этой победы».

Это значит: не социалистическая диктатура пролетариата, а демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Иными словами Каутский формулировал давнюю основную посылку всей тактики революционных с.-д. в отличие и от оппортунистов,

и от «увлекающихся». Всякая действительная и полная победа революции может быть только диктатурой, говорил Маркс, имея в виду, конечно, диктатуру (т.-е. неограниченную ничем власть) массы над кучкой, а не обратно. Но нам важна, разумеется, не та или иная формулировка большевиками их тактики, а сущность этой тактики, целиком подтверждаемая Каутским.

Кто хочет мыслить по-марксистски, а не по-кадетски о роли пролетариата в нашей революции, о возможном и необходимом «союзнике» его,—тот должен притти к взглядам революционной, а не оппортунистической социал-демократии на основы пролетарской тактики.

*„Пролетарий“ № 10
от 20 декабря 1906 г.*

По поводу одной статьи в органе Бунда.

Поставленная в условия нелегального предприятия, наша газета лишена возможности сколько-нибудь правильно следить за с.-д. органами, выходящими в России на других языках кроме русского. Между тем без тесного и постоянного общения с.-д. всех национальностей России наша партия не может стать действительно всероссийской.

Поэтому мы обращаемся с убедительной просьбой ко всем товарищам, знающим латышский, финский, польский, еврейский, армянский, грузинский и др. языки и получающими с.-д. газеты на этих языках, помочь нам в осведомлении русских читателей о состоянии с.-д. движения и о тактических взглядах не-русских с.-д. Помощь может выразиться не только в доставлении обзоров с.-д. литературы по известному вопросу (подобно помещенным в «Пролетарии» статьям о полемике п. с.-д. с. п. п. с и ю взглядах латышей на партизанскую борьбу), но и в присылке переводов отдельных статей или даже наиболее рельефных мест той или иной статьи.

Недавно один товарищ прислал нам перевод статьи: «Платформа избирательной кампании», помещенной за подписью М. в № 208 (от 19 ноября) органа Бунда «Volkszeitung». Мы не имеем данных для суждения о том, насколько выражает эта статья взгляды всей редакции, но во всяком случае она отражает известные течения среди еврейских с.-д. И русским с.-д., привыкшим к постановке вопроса только большевистской или меньшевистской, необходимо знать такие течения. Вот перевод этой статьи:

«Энергия и влияние, которые наша партия может развивать

при выборах, прежде всего зависит от ясности и определенности нашей позиции и лозунгов. Перед нами стоят важные государственные и общественные вопросы, и наша задача состоит в том, чтобы поставить эти вопросы настолько ясно и определенно, чтобы ответ на них возможен был один и ответ именно наш. Если наша позиция будет недостаточно определена, тогда не помогут никакие усовершенствованные организационные аппараты. Значение платформы избирательной кампании всецело определяется ясностью нашей позиции.

«VII-ой съезд Бунда в общих чертах определил нашу тактику. Она заключается в следующем: разгон Думы ясно показал широким слоям населения, что нет никакой возможности мирным путем добиться земли и воли и что единственный выход—вооруженное восстание. Это отнюдь не значит, что выборы в новую Думу меняют тактику революционную на мирно-конституционную, так как выборы эти происходят при сознании необходимости тактики революционной; избиратель будет требовать от своего депутата превратить Думу в революционный орган народных масс. Наша задача при выборах состоит в том, чтобы выяснить избирателям это положение, требующее превращения самих выборов в арену борьбы для мобилизации революционных народных масс.

«За период думских сессий, а тем более с разгоном Думы страна сделала крупный шаг вперед в развитии своего политического сознания, благодаря чему революционные партии и рассчитывают иметь успех на выборах. При первых выборах мелко-буржуазный избиратель подавал свой голос за кадета, выражая этим свой пламенный протест против зверских действий правительства. Все еще не расставшись с конституционными иллюзиями, этот избиратель был уверен, что к.-д. добудут ему земли и воли. Думская тактика разбила эти иллюзии и убедила его, что добиться земли и воли можно только борьбой, а никак не мирным путем. Перед избирателем стал вопрос, как бороться и кто на эту борьбу способен: кадеты ли с их дипломатическим парламентаризмом, а в лучшем случае с их оружием «пассивного сопротивления», или партии революционные с их тактикой борьбы. Ясно, что когда перед избирателями стоит вопрос, как добиться действительной свободы, они признают способными на эту борьбу партии революционные, а никак не конституционные.

«Кадеты это поняли и они из кожи лезут вон, стараясь махнуть рукой на все те уроки, которые им преподнесла жизнь; они стараются ослабить прогресс политического сознания страны до той степени, на которой это сознание находилось накануне первых вы-

бюров. «Ни шагу вперед!» кричат они, «забудьте то, чему научила вас история», задача новых выборов, пишут они, состоит в том, чтобы создать те политические условия, при которых работала первая Дума. Народ должен послать в Думу прежнее думское большинство, тем самым он приведет политическое положение страны к тому моменту, когда единственным выходом было ответственное министерство думского большинства» («Речь» № 189). «Если России нужна действительная конституция, говорит «Речь» в 196 номере, и действительное народное представительство, тогда народ пошлет в Думу таких представителей, которые повторят то, что первая Дума высказала в своем ответном адресе на тронную речь⁵³⁾, и которые возьмутся за то, что не давали делать первой Думе». Невольно возникает вопрос, что будет, если и второй Думе не «дадут» делать того, что рассчитывала делать первая Дума. На этот вопрос к.-д. отвечают, что «правительству придется уступить твердой, мирно и законно выраженной воле избирателей» («Речь» № 195). Кадеты отлично понимают, что их сила покоится на почве конституционных иллюзий, а потому они всеми силами стараются привить избирателям то мнение, которое господствовало накануне первых выборов, и насадить веру во всемогущую силу «твердой, мирно и законно выраженной воли избирателей». Сила революционных партий заключается не в вере избирателей «во всемогущую силу твердой, мирно и законно выраженной воли избирателей», а как раз наоборот в их недоверии к этой силе, в их ясном понимании необходимости революционной борьбы.

«Наша задача, следовательно, по отношению к избирателю заключается в том, чтобы поставить перед ним в самой категорической форме вопрос: желает ли он, чтобы большинство будущей Думы осталось прежнее, с его гибкой тактикой, которая не в состоянии добиться чего бы то ни было; желает ли он, чтобы будущая Дума лишь «повторяла» то, что говорила первая, или же она не должна ограничиваться пустым разговором и должна приняться за более действительные средства борьбы. Должна ли новая Дума «привести к тому политическому положению» момента июня и июля, который ни к каким результатам не привел, или же она должна сделать шаг вперед на пути действительной победы народа.

«Этот вопрос должен служить нашей платформой избирательной борьбы. Необходимо создать вокруг кадетской партии атмосферу наибольшего недоверия в их способность добиться земли и воли; необходима энергичная безжалостная критика того способа борьбы, пассивного сопротивления, который они придумали в Гельсингфорсе⁵⁴⁾, и раскрыть перед народом все бессилие, всю невыдержанность их методов борьбы.

«Только при этом необходимом условии период второй Думы сделает шаг вперед в сравнении с периодом первой Думы».

Вчитываясь в эту статью, мы видим в ней довольно точное отражение взглядов бундовской делегации на последней Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. Как известно, эта делегация голосовала, с одной стороны, вместе с меньшевиками, за допущение блоков с к.-д., а, с другой стороны, вместе с большевиками, за коренное исправление цекистского «проекта избирательной платформы» (добавление лозунга республики, указания на восстание, точной характеристики партий, поправка в смысле более определенного выяснения классовой сущности с.-д. партии и т. д.: смотри резолюцию Конференции о «поправках» к платформе в № 8 «Пролетария») ⁵⁵⁾.

Приведенная нами статья товарища М. потому и кажется такой большевистской статьей, что мы видим здесь одну только шуйцу Бунда, десница же скрывается в статьях, защищающих блоки с к.-д.

Во всяком случае бундовцы смотрят на блоки с к.-д. не меньшевистски. На их примере особенно рельефно оправдывается известное изречение: *Si duo faciunt idem, non est idem*, — «когда двое делают одно и то же, то это уже не есть то же». Между этими двумя есть известное различие, и это различие не может не проявиться на их способе делать то же, на их приемах, на результате их «делания того же» и т. д. Блоки с к.-д. у меньшевиков и блоки с к.-д. у бундовцев — не одно и то же. У меньшевиков блоки с к.-д. вполне вяжутся с их общей тактикой, — у бундовцев не вяжутся. И от этого получается то, что статьи вроде приведенных, особенно отчетливо вскрывают непоследовательность, невыдержанность бундовцев, вчера проводивших бойкот, сегодня оправдывающих бойкот Виттевской Думы и в то же время признающих допустимость блоков с к.-д. У меньшевиков блоки с к.-д. естественно и непринужденно выступают, как идейные блоки. У бундовцев эти блоки предназначаются на роль только «технических» блоков.

Но политика имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц или партий. Бундовец предполагает, что блок будет только технический, а политические силы всей страны располагают так, что выходит блок идейный. После кадетских восторгов, вызванных меньшевистским решением Конференции, после знаменитого, геростратовского, письма Плеханова в «Товарище» о «полновластной Думе», едва ли есть надобность доказывать это *).

*) См. выше 27 стр. этого тома. Р е д.

Вдумайтесь хорошенько в утверждение автора статьи: «Кадеты отлично понимают, что их сила покоится на почве конституционных иллюзий, а потому они всеми силами стараются привить избирателям» эти иллюзии.

«Сила кадетов покоится на почве конституционных иллюзий»... Верно ли это и что это собственно значит? Если это неверно, если сила кадетов основывается на том, что они выдающиеся представители буржуазной демократии в буржуазной российской революции, тогда верна общая тактическая линия меньшевизма, или с.-д. правого крыла. Если это верно, если сила к.-д. не в силе буржуазной демократии, а в силе иллюзий народа, тогда верна общая тактическая линия большевизма, или с.-д. левого крыла.

В буржуазной революции нельзя с.-д. не поддерживать буржуазной демократии,—таково основное положение Плеханова и его присных; и из этого положения прямо и непосредственно делают вывод о поддержке к.-д. А мы говорим: посылка верна, а вывод (никуда не годен, ибо надо еще разобрать, какие партии или течения выражают собой в данный момент действительно способную на борьбу силу буржуазной демократии. И к.-д., и трудовики, и с.-р.,—все это «буржуазная демократия», с точки зрения марксистского, т.-е. единственно научного анализа. «Сила» к.-д. не есть боевая сила буржуазной народной массы (крестьянство, городское мещанство), не есть экономическая и денежная сила класса помещичьего (черносотенцы) и класса капиталистов (октябристы): это «сила» буржуазной интеллигенции, которая не есть самостоятельный экономический класс и не представляет поэтому никакой самостоятельной политической силы; это, значит, «сила» узурпированная, зависящая от влияния буржуазной интеллигенции на другие классы, поскольку они не успели еще выработать себе ясной самостоятельной политической идеологии, поскольку они подчиняются идейному руководству буржуазной интеллигенции; это прежде всего «сила» тех ошибочных мнений о сущности демократии и о способе борьбы за нее, мнений, которые в буржуазной массе народа проводятся и культивируются буржуазной интеллигенцией.

Отрицать это—значит с ребяческой наивностью обольщаться звоном слов: «партия нагодной свободы», значит закрывать глаза на общеизвестные факты, что за кадетами не стоит ни масса, ни решающие величины помещичьего и капиталистического элементов.

Признать это—значит признать задачей дня для рабочей партии борьбу с влиянием к.-д. на народ,—признать эту борьбу отнюдь не потому, чтобы мы мечтали о буржуазной революции без

буржуазной демократии (нелепость, приписываемая нам с.-д-тами правого крыла),—а потому, что к.-д. мешают развернуться и проявиться действительной силе буржуазной демократии.

В партию к.-д. входит меньшинство помещиков России (масса помещиков черносотенна), меньшинство капиталистов (масса их—октябристы). В нее входит большинство, масса только буржуазной интеллигенции. Отсюда соблазняющая политических младенцев и политически обессилевших старцев эффективность политики к.-д., их шум, треск, триумф дешевых успехов, их господство в либеральной журналистике, в буржуазной науке, и пр. И отсюда же дутость этой партии, которая развращает народ предательской проповедью соглашения с монархией,—но не имеет никакой силы добиться на деле какого-нибудь соглашения.

К.-д. не буржуазная демократия, а воплощенное предательство буржуазией демократии,—точно так же, как французские, скажем, радикалы-социалисты или немецкие социал-либералы—не интеллигентские социалисты, а воплощенное предательство социализма интеллигенцией. Поэтому поддержка буржуазной демократии требует разоблачения всей дутости квази-демократизма кадетов.

Поэтому величайший вред революции и делу рабочего класса приносят плехановцы, которые кричат нам неустанно: надо бороться с реакцией, а не с кадетами!

Любезные товарищи! В том-то и состоит ваше недомыслие, что вы не понимаете значения нашей борьбы с к.-д. В чем гвоздь и суть этой борьбы? В том ли, что к.-д. буржуа? Конечно, нет. В том, что к.-д. пустые болтуны о демократии, предатели борющейся демократии.

Теперь: влияют ли к.-д. на массу народа, на буржуазно-демократическую массу народа? Разумеется, и влияют крайне широко, массой газет и т. д. и т. д. Ну вот и смотрите: можно ли звать буржуазно-демократическую массу народа на борьбу с реакцией, не разоблачая теперешних идейных вождей этой массы, вредящих делу буржуазной демократии? Нельзя, любезные товарищи.

Бороться с реакцией значит прежде всего оторвать массы идейно от реакции. Но сила и живучесть идейного влияния «реакции» на массы заключается вовсе не в черносотенном, а именно в кадетском влиянии. Это не парадокс. Черносотенец—враг открытый и грубый, который может жечь, убивать, громить, но не может убеждать даже серого мужика. А кадет убеждает и мужика, и мещанина—и убеждает в чем? В том, что монарх безответственен, что возможно мирным путем (т.-е. оставляя власть за мо-

нархией) добиться свободы, что выкуп, подстроенный помещиками, есть самая выгодная для крестьян передача им земли и т. д. и т. п.

Поэтому нельзя убедить в необходимости серьезной борьбы ни наивного мужика, ни наивного мещанина, не подорвав влияния на него кадетских фраз, кадетской идеологии. И кто говорит: «надо бороться с реакцией, а не с к.-д.», тот не понимает и действительных задач борьбы, тот сводит суть борьбы не к убеждению масс, а к физическому воздействию, тот вульгарно понимает борьбу: дескать реакцию «бей», а кадета «бить» не стоит.

Конечно, бить с оружием в руках мы будем пока не кадета, и даже не октябриста, а только правительство и его прямых слуг,—и когда мы действительно побьем их, кадет будет за деньги так же распинаться во имя республиканской демократии, как теперь он распинается (за профессорское 20-ое число, или за адвокатский гонорар) во имя монархической демократии. Но чтобы на деле побить реакцию, надо освободить массы от идейного влияния кадетов, живо представляющих этим массам задачи и суть борьбы с реакцией.

Вернемся к бундовцам. Неужели они могут не видеть теперь, что допущенные ими «технические» блоки с к.-д. уже стали на деле могучим орудием укрепления доверия к к.-д. (а не создания атмосферы недоверия) в народных массах? Только слепые могут не видеть этого. Идейный блок всех меньшевиков с.-д., и бундовцев в том числе, с к.-д. есть факт, а статьи вроде статьи товарища М.—хорошие, но невинные, платонические, мечтания.

*„Пролетарий“ № 10
от 20 декабря 1906 г.*

Подделка правительством Думы и задачи социал-демократии.

Царское правительство неуклонно продолжает «вести работу» по подделке Думы. Предостерегая доверчивых российских обывателей от увлечения конституционностью, мы писали еще до начала этой подделки (№ 5 «Пролетария», от 30 сентября 1906 г.), что готовится новый государственный переворот, именно: изменение избирательного закона 11-го декабря 1905 года, готовится перед второй Думой. «Несомненно,—писали мы тогда,—что правительство внимательнейшим образом изучает теперь» вопрос о том, «оставлять ли старый избирательный закон»*).

*) См. 2 часть VII тома Собр. Соч. Н. Ленина, стр. 72—77. Ред.

Да, правительство царя изучало, изучает, пожалуй, даже изучило уже этот вопрос. Изменить избирательный закон оно предпочло путем сенатских разъяснений. Теперь оно делает новые шаги по части стеснения свободы агитации (если можно еще стеснить российскую свободу) и подтасовки выборов. На днях вышла инструкция, запрещающая выдачу бланков избирательных записок нелегализованным партиям? Закрывание газет становится все более военно-полевым. Аресты усиливаются. Производятся обыски и облавы с самой прозрачной целью раздобыть имена выборщиков и влиятельных избирателей, «убрать» тех и других. Одним словом, избирательная кампания в полном разгаре,—острит россиянин.

До какого предела дойдет правительство в своей военно-полевой подделке Думы,—этого знать никому не дано. Почему бы не арестовывать выборщиков и в день выборов и после выборов? В законе—держится еще в России это глупое слово!—говорится о неприкосновенности депутатов Думы, но о неприкосновенности выборщиков нет и речи. Наша печать еще при выборах в первую Думу указывала на это обстоятельство. Тогда «Витте прозевал»,—как думает черносотенная царская шайка, а на деле, тогда правительство было еще слишком слабо после декабрьского восстания, чтобы перейти к занятию следующей линии укреплений революции. Теперь контр-революция собралась с силами и она поступает вполне правильно с своей точки зрения, ломая конституцию (которой могли верить только наивные кадеты). Люди реакции—не чета либеральным Балабайкиным. Они—люди дела. Они видят и знают по опыту, что сама малейшая свобода в России ведет неизбежно к подъему революции. Они вынуждены поэтому идти все дальше и дальше назад, разрушать все больше и больше октябрьскую конституцию, задвигать все больше всякими заслонками приоткрытый было политический клапан.

Нужно все безграничное тупоумие российского кадета или беспартийно-прогрессивного интеллигента, чтобы вопить по этому поводу о безумии правительства и убеждать его встать на конституционный путь. Правительство не может поступать иначе, отстаивая царскую власть и помещичьи земли от прикрытого, придавленного, но не уничтоженного напора снизу. И мы скажем правительству: что ж! задвигайте ваши заслонки, затыкайте приоткрытые клапаны. Пока клапаны были приоткрыты, свежий воздух подавал жару в котле. Когда вы клапаны закроете,—взрыв может получиться самый для нас желательный. Наше дело—воспользоваться пошире перед массами народа превосходной столыпин-

ской агитацией, превосходными столыпинскими разъяснениями «сущности конституции».

Но тут-то и выступает вся пропасть различия между тактикой либерально-монархической буржуазии и тактикой социалистического пролетариата. Социал-демократия проповедует борьбу, разъясняет народу на всех и всяческих уроках истории неизбежность борьбы, готовится к ней, отвечает на усиление реакции усилением революционной агитации. Либералы не могут проповедывать борьбы, ибо они боятся ее. На усиление реакции они отвечают развращающим сознание народа конституционным хныканьем и—усилением своего оппортунизма. Либералы поступают так, как это изобразил метко и картинно трудовик Седельников на митинге 9-го мая в доме Паниной. Когда либерала обругают, он говорит: слава богу, что меня не ударили. Когда его ударят, он благодарит бога, что его не убили. Когда его убьют, он возблагодарит бога за то, что его бессмертную душу избавили от тленной земной оболочки.

Когда столыпинская черносотенная банда цыкнула на кадетов и открыла поход против их революционности,—кадеты завопили: неправда, мы—не революционеры, мы—благонамеренные! Долой Выборгское воззвание⁵⁶), долой блоки с левыми, долой лозунг самого правого из правых с.-д., Плеханова, «полновластная Дума», долой вредные революционные иллюзии! Мы идем в Думу законодательствовать. Когда черносотенная шайка объявила, что кадетам, как партии нелегализованной, не дадут бланков избирательных записок,—кадеты возопили: это «меняет постановку вопроса о соглашениях» (передовица в «Речи» от 13 декабря)! Это «усиливает значение единственной зарегистрированной партии оппозиции, мирного обновления». «При соглашениях необходимо принять это во внимание»! А когда кадетского выборщика, ползком проползшего в мирнообновленский список, потащат в участок,—кадеты возблагодарят бога за то, что у нас не отняли все же совсем конституции. Единственная вполне безопасная партия—октябристы, скажут тогда наши рыцари права,—и разве мы не говорили всегда, что стоим на почве манифеста 17-го октября?

Как думают об этом товарищи-меньшевики? Не следует ли поспешить созывом новой партийной конференции и объявить допустимыми соглашения с мирнообновленцами, а то и с октябристами? Ведь они тоже хотят «полусвободы», как аргументирует сегодня (14 дек.) переконфуженный Плеханов в газете бывших социал-демократов!

Вопрос о мирнообновленцах не случайно выплыл у кадетов. Он ставился и раньше, до инструкций о бланках избирательных

записок. Даже левые кадеты «Товарища» (называемые некоторыми шутниками «почти-социалистами») еще в № от 5 декабря причисляли к прогрессивным партиям и мирнообновленцев, считая всего 6 прогрессивных партий (к.-д., с.-д., с.-р., н.-с., п. д. р. и м. о.). В том же № «Товарища» бывшие социал-демократы обрушились своим страшным гневом на плакат о трех главных партиях, приложенный к № 8 «Пролетария». Это—«политическая недобросовестность»,—вопили друзья Плеханова, относить Гейдена⁵⁷⁾ к черносотенцам!

Мы очень рады, что заставили ренегатов социал-демократии защищать вчерашнего октябриста, который после разгона Думы протестовал против Выборгского воззвания и разговаривал о министерстве со Столыпиным.

Только половчее надо бы защищать его, г.г. сотрудники Плеханова! Все знают, что на первых выборах октябристы (Гейден и Шипов⁵⁸⁾ в том числе) бывали в блоке с черными. Вы готовы забыть это за перемену названия партии? Но на той же самой (4-й) странице «Товарища» от 5 декабря читаем, что в союзе 17 октября есть течение, стоящее за соглашение с партией м. о. и что это течение даже преобладает в петербургском отделении союза. А несколько ниже приводится известие, что «главная управа объединенного русского народа» допускает блок с октябристами, почему «Товарищ» и отказывается признать октябристов конституционалистами.

Неправда ли, хорошо? Октябристов мы отказываемся назвать конституционалистами за то, что черные допускают блок с ними. А мирнообновленцев мы называем прогрессивными, несмотря на то, что октябристы допускают блок с ними.

О, премудрые пискари пресловутой прогрессивной «интеллигенции»!

Защита интеллигентскими радикалами мирнообновленцев, поворот центрального органа партии к.-д. к мирному обновлению тотчас после инструкции о бланках, это все—типичные образчики либеральной тактики. Правительство шаг вправо,—а мы два шага вправо! Глядишь—мы опять легальны и мирны, тактичны и лояльны, приспособимся и без бланков, приспособимся всегда применительно к подлости!

Это кажется либеральной буржуазии реальной политикой. Этим ползучим реализмом (по прекрасному выражению одного с.-д.) они гордятся, считают его верхом политической тактичности и дипломатически-мудрой тактики. На самом же деле это не только самая глупая и самая предательская, но и самая бесплодная тактика,

благодаря которой немецкие кадеты, начиная от франкфуртских болтунов⁵⁹⁾ и кончая пресмыкающимися перед Бисмарком национал-либералами⁶⁰⁾, на полвека с лишним после буржуазной революции укрепили государственную власть в руках юнкеров (черносотенных помещиков, Дорреров, Булацелей, Пуришкевичей⁶¹⁾),—говоря по-русски) и в руках «общитого парламентскими формами военного абсолютизма».

Пора бы понять и нашим меньшевикам, пленяющимся этой политикой кадетов и перенимающим ее, что единственно реальна в хорошем, а не пошлом смысле слова, политика революционного марксизма. На ухищрения и повороты реакции отвечать надо не приспособлением вправо, а углублением и расширением революционной проповеди в пролетарских массах, развитием духа революционной классовой борьбы и революционных классовых организаций. Этим и только этим вы укрепляете силу единственных борцов против реакции при всех и всяческих поворотах и ухищрениях ее. Отвечая же на черносотенные проделки правительства приспособлениями своей тактики вправо, вы раздробляете и ослабляете этим единственную, способную на борьбу силу, силу революционных классов, вы засоряете их революционное самосознание мишурой политиканских «маневров».

Меньшевики сначала были против соглашений с кадетами. Соглашения осудил Мартов. Их с негодованием отверг Ю. Ларин. Не одобрял их даже Ник. Иорданский. Под влиянием сенатских разъяснений (наших реакционных сенатов в Женеве⁶²⁾ и в Питере) Мартов и К^о приспособились вправо. Они за блоки с кадетами, но не правее кадетов, боже упаси! С «оппозиционно-демократическими партиями (резолуция Всероссийской Конференции, принятая 18-ю против 14, по предложению Ц. К.)—не правее того!

Но вот кадеты повертывают к мирнообновленцам. И вы тоже, товарищи-меньшевики? В ответ на сенатские разъяснения—блоки с к.-д., в ответ на изъятие бланков—блоки с м.-о.? Что же будете вы делать в ответ на аресты выборщиков??

Ваш отказ от действительно революционной проповеди в массах есть уже факт. Вы уже не боретесь с иллюзиями мирного пути и с носителями этих иллюзий, кадетами. Вы только и заняты черносотенной опасностью. А ваши «тонкие маневры» общих списков с к.-д. построены на песке. Реальное содержание революционной социал-демократической работы в массах вы ослабляете, а выигрыш от политиканства достанется не вам,—может быть, даже не кадетам,—может быть, даже не мирнообновленцам, а октябристам! На подделку Думы вы отвечаете подделкой революционно-социал-

демократической тактики—ни Думы вы этим не улучшите, ни социализма не укрепите, ни революции не двинете.

Политика беспринципного практицизма есть самая непрактичная политика.

На подделку Думы рабочий класс должен ответить не притуплением, а обострением своей революционной агитации, отделением от жалких предателей кадетов в своей избирательной кампании.

*„Пролетарий“ № 10
от 20 декабря 1906 г.*

Предисловие к брошюре Либкнехта⁶³): „Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!“.

Брошюра Либкнехта, предлагаемая в переводе русскому читателю, имеет особый интерес в настоящее время, накануне выборов во вторую Думу, когда вопрос об избирательных соглашениях живо интересует и рабочую партию, и общественное мнение либеральной буржуазии.

Мы не будем здесь останавливаться на общем значении брошюры Либкнехта. Читателю необходимо обратиться к сочинению (Фр. Меринга⁶⁴) об истории германской социал-демократии и к ряду других произведений наших немецких товарищей, чтобы ясно представить себе это значение и понять правильно отдельные места брошюры, допускающие кривотолки, если взять их вне той обстановки, когда и как они были сказаны.

Нам важно отметить здесь приемы рассуждения Либкнехта. Важно показать, как он подходил к вопросу о соглашениях, чтобы помочь русскому читателю самостоятельно подойти к разрешению интересующего нас вопроса о блоках с кадетами.

Либкнехт несколько не отрицает того, что соглашения с буржуазно-оппозиционными партиями «полезны»—и с точки зрения «парламентских мандатов», и с точки зрения привлечения «союзника» (якобы союзника) против общего врага, реакции. Но в том и обнаруживается действительно политический ум и испытанный социал-демократизм ветерана германских социалистов, что он не ограничивается этими соображениями. Он разбирает, не является ли «союзник» скрытым врагом, которого особенно опасно пустить в свои ряды? Борется ли действительно и как борется этот союзник против общего врага? Не связана ли польза согла-

шений, с точки зрения увеличения числа парламентских мандатов, с вредом в отношении более длительных и более глубоких задач пролетарской партии?

Возьмем хоть эти три, намеченные мною сейчас, вопроса и посмотрим, понимает ли значение их такой, напр., защитник соглашений русских с.-д. с кадетами, как Плеханов. Мы увидим, что Плеханов ставит вопрос о соглашениях невероятно узко. Кадеты хотят бороться с реакцией, значит... соглашения с кадетами! Дальше этого Плеханов не идет, дальнейший разбор вопроса кажется ему доктринерством. Неудивительно, что социал-демократ, настолько забывший требования социал-демократической политики, оказался в соседстве и сотрудничестве с ренегатами социал-демократии, каковы г.г. Прокоповичи и прочие публицисты «Товарища». Неудивительно, что даже принципиальные единомышленники такого с.-д., меньшевики, либо смущенно молчат, не смея громко сказать того, что они думают о Плеханове, и отрекаясь от него на рабочих собраниях, либо прямо смеются над ним, как бундовцы в «Volkszeitung» и в «Нашей Трибуне».

Либкнехт учит нас тому, что в каждом союзнике из буржуазии социал-демократ должен уметь открыть его опасные стороны и не скрывать их. А у нас меньшевики кричат о том, что не с кадетами надо бороться, а с черносотенной опасностью! Как полезно было бы для таких людей вдуматься в слова Либкнехта: «глупые и жестокие насилия полицейских политиков, посягательства закона против социалистов—каторжного закона, закона против партий, проповедующих переворот, могут в нас вызвать чувство презрительного сожаления,—но врага, который протягивает нам руку для избирательного соглашения и втирается к нам, как друг и брат, такого врага и только такого мы должны бояться».

Вы видите: насилия полицейских, черносотенные законы имеет в виду и Либкнехт. И тем не менее он смело говорит рабочим: не этого врага, а избирательного соглашения с лже-другом надо бояться. Почему так думал Либкнехт? Потому, что он всегда считал силу борцов действительной силой только тогда, когда это есть сила сознательных рабочих масс. А сознательность масс не развращают насилия и каторжные законы,—ее развращают лже-друзья рабочих, либеральные буржуа, отвлекающие массы от настоящей борьбы посредством пустых фраз о борьбе. Наши меньшевики и Плеханов не понимают, что борьба с кадетами есть борьба за освобождение сознания рабочих масс от лживых кадетских мыслей и предрассудков на счет соединения народной свободы со старой властью.

Либкнехт настолько резко подчеркивал эту большую опасность ложных друзей по сравнению с прямыми врагами, что говорил: «введение нового закона против социалистов было бы меньшим злом, чем затушевывание классовой противоположности и партийных границ, благодаря избирательным соглашениям».

Переведите эту фразу Либкнехта на язык русской политики в конце 1906 года: «черносотенная Дума была бы меньшим злом, чем затушевывание классовой противоположности и партийных границ, благодаря избирательным соглашениям с кадетами». Какой дикий вопль подняли бы против Либкнехта за такую фразу перебежавшие от социализма к либералам писатели «Товарища» и и подобных газет! Как часто слышали мы на рабочих собраниях и со страниц меньшевистских изданий такие же «осуждения» большевиков за подобные мысли, какие выпали на долю Либкнехта (стр. 54 предлагаемой брошюры). Но большевики так же мало испугаются этих воплей и этих осуждений, как мало испугался их Либкнехт. Только плохие социал-демократы способны пренебрежительно говорить о том вреде, который приносят рабочим массам ирисосеживающиеся к ним посредством избирательных соглашений либеральные предатели народной свободы.

Кстати об этом предательстве либерализма. Наши оппортунисты, Плеханов в том числе, кричат: бестактно говорить у нас и теперь о предательстве либерализма. Плеханов написал даже целую брошюру, чтобы поучить бестактных социалистов-рабочих вежливому обращению с кадетами. До какой степени неоригинальны плехановские мысли, до какой степени затасканы еще немецкими либеральными буржуа плехановские фразы, это яснее всего показывает брошюра Либкнехта. Оказывается, что Плеханов «козырял» против революционных социал-демократов той самой детской сказкой о волке и пастухе, которою пробовали немецкие оппортунисты запугать и Либкнехта: дескать, вы так приучите всех слышать ваши крики: «волк! волк!», что, когда придет волк, вам не поверит никто. Метко ответил Либкнехт немецким многочисленным единомышленникам теперешнего Плеханова: «во всяком случае интересы партии охраняются осмотрительными людьми не хуже, чем зубоскалами».

Возьмем второй намеченный нами вопрос: борется ли действительно наша либеральная буржуазия, т.е. кадеты, против черносотенной опасности и как борется? Плеханов не умеет ни поставить этого вопроса, ни разрешить его посредством внимательного разбора политики кадетов в революционной России. Из «общего понятия» о буржуазной революции Плеханов, нарушая азбуку мар-

ксизма, выводит конкретное отношение русских с.-д. к кадетам, вместо того, чтобы из изучения реальных особенностей русской буржуазной революции выводить общее понятие о взаимоотношении буржуазии, пролетариата и крестьянства в современной России.

Либкнехт учит нас рассуждать иначе. Когда ему говорили о борьбе либеральной буржуазии с реакцией, он отвечал разбором того, как она боролась. И он показывал,—в предлагаемой брошюре и во многих других статьях,—что немецкие либералы (со всем как наши кадеты) «предают свободу», что они сближаются с «юнкерами (помещиками) и духовенством», что они не сумели быть революционными в революционную эпоху.

«С того момента,—говорит Либкнехт,—когда пролетариат начинает выступать, как класс, обособившийся от буржуазии и по своим интересам враждебный ей, буржуазия перестает быть демократической».

А наши оппортунисты, точно в насмешку над правдой, величают кадетов (даже в резолюциях партийных с.-д. конференций) демократами, хотя кадеты отрицают демократизм в своей программе, признают верхнюю палату и т. п., хотя они предлагали в Г. Думе каторжные законы против собраний и боролись против образования без разрешения начальства местных земельных комитетов на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования!

Либкнехт вполне справедливо осуждал употребление слова революция, как пустой фразы. Когда он говорил о революции, он действительно верил в нее,—он действительно разбирал все вопросы и все шаги тактики не только с точки зрения интересов минуты, а с точки зрения коренных интересов всей революции. Либкнехту случалось, как и русским революционным с.-д., переживать тяжелые переходы от непосредственно-революционной борьбы к убогой, гнусной, подло-черносотенной конституции. Либкнехт умел приспособляться к этим тяжелым переходам, умел работать для пролетариата на всякой, даже самой худой, почве. Но он не ликовал при этом, переходя от борьбы против подлой конституции к работе на почве этой конституции, не хихикал над теми, кто все сделал, чтобы не допустить появления на свет подобной «конституции». «Осторожность» Либкнехт видел не в том, чтобы поскорее лягнуть ногой падающую (хотя бы временно падающую) революцию, чтобы поскорее приспособиться к куцой конституции. Нет, старый вестерн революции видел «осторожность» пролетарского вождя в том, чтобы позже всех малодушных и трусливых буржуа переходить на почву «приспособления» к тому, что рождается из временных поражений революции. Практическая политика—гово-

рит Либкнехт—принуждала нас приспособляться к учреждениям того общества, в котором мы живем; но каждый новый шаг по пути приспособления к современному общественному порядку давался нам с трудом и делался лишь с большой осторожностью. Это вызывало не мало насмешек с разных сторон. Но тот, кто боится вступить на эту покатую плоскость, во всяком случае более надежный товарищ, чем тот, кто смеется над нашей осторожностью».

Запомните эти золотые слова, товарищи рабочие, бойкотировавшие Виттевскую Думу. Вспоминайте почаще эти слова, когда жалкие педанты будут смеяться перед вами над бойкотом Думы, забывая, что под знаменем бойкота Булыгинской Думы разгорелось первое (и до сих пор единственное,—но, мы уверены, не последнее) народное движение против подобных учреждений. Пусть предатели-кадеты гордятся тем, что они раньше всех согласились добровольно ползти на брюхе под законами контр-революции. Сознательный пролетариат будет гордиться тем, что он дольше всех стоял с высокоподнятым знаменем и шел в открытый бой,—гордится тем, что он падал только под тяжелыми ударами в битве, что он дольше всех делал попытки и звал народ подняться еще раз, ринуться массой и задушить врага.

Перейдем, наконец, к третьему и последнему из намеченных нами вопросов. Не вредят ли соглашения на выборах тому, что нам особенно дорого: «чистоте принципов» социал-демократизма? Увы! На этот вопрос русская политическая действительность уже дала ответ,—ответ фактами, вызывающими краску стыда у сознательных рабочих.

Меньшевики уверяли в резолюциях, клялись и божились на собраниях, что они идут только на технические соглашения, что они продолжают идейную борьбу с кадетами, что они ни за что, ни за что не уступят ни на волос своей социал-демократической позиции, своих чисто-пролетарских лозунгов.

И что же? Никто иной, как Плеханов, отправился в переднюю кадетских газет, чтобы преподнести народу «средний» лозунг, и не кадетский и не социал-демократический, всем приятный, ни для кого не обидный: «полновластная Дума». Нужды нет, что этот лозунг прямо обманывает народ, засоряет ему глаза,—лишь бы соглашение было с либеральными помещиками! Но кадеты презрительно прогнали Плеханова, социал-демократы от-

вернулись от него, одни смущенно, другие с негодованием. Он остался теперь один и изливает свою злобу, браня большевиков за «бланкизм», публицистов «Товарища» за «нескромность», меньшевиков за недипломатичность, браня всех, кроме себя! Бедный Плеханов, как жестоко оправдались на нем прямые и ясные, гордые и резкие слова Либкнехта о принципиальном вреде соглашений!

А «товарищ» Васильев (тоже из швейцарской кухни выглянувший на революцию) предложил в «Товарище» (17 дек.), прямо ссылаясь на Плеханова, по-просту распустить с.-д. партию и временно—только временно!—слиться с либералами. Да, не даром говорил Либкнехт, что и у них в партии едва ли кто-нибудь хотел уклонения «от партийных принципов». Дело не в хотении, а в том, к чему сила вещей приводит партию за ошибочный шаг. И у Плеханова хотения были самые хороши: мирком да ладком с кадетами против черносотенной опасности,— а вышел один срам и скандал для социал-демократии.

Товарищи-рабочие, читайте внимательней брошюру Вильгельма Либкнехта и постороже проверяйте тех, кто советует вам гибельные для пролетариата и для дела свободы соглашения с кадетами!

Декабрь 1906 года.

Политическое положение и задачи рабочего класса.

После разгона Думы правительство сдерживало возмущение страны только посредством военного террора. Усиленные и чрезвычайные охраны, аресты без конца, военно-полевые суды⁶⁵), карательные экспедиции, все это, вместе взятое, нельзя назвать иначе, как военным террором.

Правительство испытывало свою силу на этом военном подавлении освободительного движения. Хватит силы,—вовсе не созовем Думы, сразу удовлетворим желания союза русского народа и тому подобных «истинно-русских» партий черносотенцев. Не хватит силы,—созовем еще раз, попытаемся переделать избирательный закон, попытаемся обеспечить черносотенную Думу или укротить кадетскую Думу. Так рассуждало правительство.

Военной силы беспощадного подавления хватило до сих пор, по крайней мере, только на то, чтобы посредством сенатских разъяснений отнять, вопреки закону, избирательное право у ты-

соты и десятков тысяч рабочих, неимущих крестьян, железнодорожников. Финансовые затруднения правительства чрезвычайно усилились. Займа пока не удастся добыть. Грозит неминуемое банкротство. Внутри страны правительство не может опереться ни на одну партию, колеблясь между шайками хулиганов (истинно-русские люди) и октябристами. Вполне спеться оно не могло даже и с октябристами.

При таких условиях начинается избирательная кампания во вторую Думу. Обыватель запуган. На него удручающе повлияли военно-полевые суды. Он находится под впечатлением правительственного хвастовства, что Дума будет послушной. Он поддается настроению и готов простить все ошибки кадетам, готов выбросить за борт все то, чему научила его первая Дума, и голосовать за кадета, лишь бы не прошел черносотенец.

Со стороны обывателя такое поведение понятно. Обыватель никогда не руководится твердым мирозозерцанием, принципами цельной партийной тактики. Он всегда плывет по течению, слепо отдаваясь настроению. Он не может рассуждать иначе, как противопоставляя черной сотне самую скромную из оппозиционных партий. Он не в состоянии самостоятельно обдумать опыт первой Думы.

Но то, что естественно для обывателя, непростительно для партийного человека и совсем уже не прилично для социал-демократа. Прислушайтесь, в самом деле, к доводам тех социал-демократов, которые зовут социалистов рабочих голосовать за кадетов (все равно, за одних ли только кадетов там, где социал-демократы отказались вовсе выставлять своего кандидата, или за кадета вместе с социал-демократом, где есть общий список). Вместо доводов вы услышите один только припев, один крик страха и отчаяния: как бы не прошли черносотенцы! голосуйте все за кадетов! составляйте общие списки с кадетами!

Социал-демократ, член рабочей партии, не может опускаться до такой обывательщины. Он должен дать себе ясный отчет в том, какие действительные общественные силы ведут борьбу, какое действительное значение имеет Дума вообще и господствовавшая в первой Думе партия кадетов в особенности. Кто рассуждает о современной политике пролетариата, не обдумав всех этих вопросов, тот никогда не может прийти к сколько-нибудь верным выводам.

За что идет теперь борьба в России? За свободу, т. е. за власть народных представителей в государстве, а не старого правительства. За землю для крестьян. Правительство всеми силами

борется против этих стремлений, отстаивает свою власть, свою землю (ибо самые богатые помещики принадлежат к числу самых знатных и наиболее высокопоставленных лиц в государстве). Правительство имеет против себя рабочих и массу крестьянской бедноты, а также, разумеется, и городской бедноты, о которой не к чему говорить отдельно, ибо у нее нет особых интересов в отличие от основных интересов пролетариата и крестьянства.

Как относятся к борьбе высшие классы, помещики и буржуазия? Сначала, до 17-го октября, большая часть их были либеральны, т.е. сочувствовали свободе, даже помогали так или иначе борьбе рабочих. Буржуазия была недовольна самодержавным порядком управления и требовала себе тоже участия в государственных делах. Буржуазия называла себя демократичной, т.е. стоящей за народную свободу, чтобы найти поддержку в народе своим стремлениям. Но после 17-го октября буржуазия удовлетворилась тем, что получено, т.е. участием помещиков и капиталистов в государственных делах и обещаниями свободы со стороны уцелевшей старой власти. Буржуазия испугалась самостоятельной борьбы пролетариата и крестьянства, провозгласив: довольно революции!

До 17-го октября была одна широкая либерально-буржуазная партия земцев, собиравшихся на свои знаменитые полулегальные съезды и издававших за границей журнал «Освобождение». После 17-го октября участники земских съездов раскололись: дельцы-капиталисты и более крупные или по-крепостнически хозяйничающие помещики ушли в партию октябристов, т.е. прямо перешли на сторону правительства. Другая часть, в особенности адвокаты, профессора и прочая буржуазная интеллигенция образовали партию к.-д. (конституционалистов-демократов). Эта партия тоже повернула против революции, тоже испугалась рабочей борьбы, тоже провозгласила: довольно! Но она хотела и хочет прекратить борьбу более тонкими средствами, маленькими уступками народу, выкупом для крестьян и т. п. Партия кадетов обещала народу свободу и крестьянам землю, если народ будет выбирать кадетов в Думу. Социал-демократы понимали, что это обман народа, и потому бойкотировали Думу. Но темные крестьяне и запуганные обыватели провели все же кадетов в Думу. Кадеты, вместо борьбы за свободу, стали из Думы звать народ к успокоению, а сами добиваться назначения их в царские министры. И Думу разогнали за неугодные речи, за то, что социал-демократы и более смелые депутаты обращались к народу с думской трибуны и звали его на борьбу.

Теперь даже самые слепые или темные люди должны понять, какова партия кадетов. Это партия не народных борцов, а буржуазных ходатаев, посредников-торгашей. Только тогда рабочие и сознательные крестьяне в состоянии будут добиться своих целей, когда масса перестанет верить в партию к.-д., когда масса поймет необходимость самостоятельной борьбы. Поэтому голосовать за кадетов и проповедывать такое голосование значит ослаблять сознание масс, их сплоченность и готовность к борьбе.

Перед сознательными рабочими встает теперь совсем иная задача. Против обывательской растерянности и безыдейности они должны выступить с последовательной, выдержанной, стройной, социалистической проповедью в избирательной кампании.

Ближайшая задача сознательных рабочих разъяснить всей массе пролетариата и всем передовым представителям крестьянства, какова действительная борьба, каково действительное положение разных классов в этой борьбе.

Рабочие больше всех классов пошли вперед за время нашей революции. Они все в массе тянут теперь к социал-демократии. Здесь более усиленная, более широкая работа, конечно, необходима, но она уже направляется по торному пути. Всего важнее и всего труднее работа в крестьянстве. Крестьяне, это класс мелких хозяйчиков. Класс этот поставлен в гораздо менее выгодные условия борьбы за свободу и борьбы за социализм, чем рабочие. Крестьяне не объединены вместе крупными предприятиями, а раздроблены мелким, обособленным хозяйничаньем. Крестьяне не видят перед собой такого открытого, явного, единого врага, как рабочие—капиталиста. Крестьяне сами отчасти хозяева и собственники; поэтому они всегда тянутся за буржуазией, хотят подражать ей, мечтают о развитии и укреплении своей мелкой собственности, а не об общей борьбе рабочего класса с классом капиталистов.

Вот почему вся масса крестьянской бедноты всегда и во всех странах оказывалась менее устойчивой в борьбе за свободу и за социализм, чем рабочие. Вот почему и у нас в России крестьянские депутаты в Думе, трудовики, не сумели еще, несмотря на все уроки кадетского предательства, отделаться от влияния либеральной буржуазии, от ее взглядов, от ее предрассудков, от ее приемов в политике,—приемов, якобы хитрых, тонких, состоящих из красивых «маневров», а на деле глупых, праздных и позорных для всякого истинного борца.

Сознательные рабочие! Пользуйтесь избирательной кампанией, чтобы вполне раскрыть глаза народу! Не поддавайтесь убежде-

ниям тех благомыслящих, но слабых и неустойчивых людей, которые зовут вас к составлению общих списков с кадетами, к ватемнению сознания масс посредством общих лозунгов с кадетами. Относитесь критически к ходячим крикам, воплям и страхам насчет черносотенной опасности. Действительная и коренная опасность для русской революции, это—неразвитость массы крестьянства, нестойкость его в борьбе, непонимание им всей пустоты и всего предательства буржуазного либерализма. Боритесь с этой опасностью, говорите всю правду открыто и до конца всей народной массе, этим вы отвлечете ее от пустозвонов кадетов и привлечете к поддержке социал-демократии. Этим и только этим вы можете побороть действительную черносотенную опасность. И никакие сенатские разъяснения, никакие казни, никакие аресты не отнимут у народа такой работы, работы повышения гражданского и классового сознания масс, работы по организации их во имя самостоятельных, а не либерально-буржуазных задач борьбы.

*„Тернии Труда“ № 1
от 24 декабря 1906*

Предисловие к брошюре К. Каутского: „Движущие силы и перспективы русской революции“.

Русские передовые рабочие давно знают К. Каутского, как своего писателя, умеющего не только обосновать и разъяснить теоретическое учение революционного марксизма, но и применить его с знанием дела, с серьезным разбором фактов, к сложным и запутанным вопросам русской революции. И теперь, когда внимание социал-демократов чуть не всецело иногда поглощает безыдейная трескотня либеральных Петрушек, с их вольными и невольными подголосками, когда мелочи «парламентской» техники заслоняют перед многими принципиальные вопросы пролетарской классовой борьбы, когда унылое настроение овладевает сплошь и рядом даже порядочными людьми, принижая их умственные и политические способности,—теперь втрое важнее для всех социал-демократов России внимательно прислушаться к мнению Каутского по основным вопросам русской революции. И даже не столько прислушаться к мнению Каутского, сколько вдуматься в его постановку вопроса,—ибо Каутский не так легкомысленен, чтобы болтать о малознакомых ему конкретных вопросах русской тактики, не так невежественен в русских

делах, чтобы отделяться общими мерами или некритическим повторением самого модного выкрика.

Каутский отвечает на вопросы, с которыми Плеханов обратился к ряду иностранных социалистов. И, отвечая на эти вопросы,—вернее, выбирая из этих неумно постановленных вопросов то, о чем можно вести с пользой для дела беседу между социалистами всех стран,—Каутский начинает с скромной оговорки. «По отношению к русским товарищам я чувствую себя в положении учащегося, когда речь идет о русских делах». Эта скромность—не фальшивое скромничанье «генерала» от социал-демократии, который начинает с мещанских ужимок, чтобы кончить какой-нибудь выходкой бурбона. Нет. Каутский на деле ограничился ответом только на такие вопросы, разбираясь в которых он может помочь мыслящим социал-демократам России в их самостоятельной работе анализа конкретных задач и ловушек дня. Каутский отказался быть генералом, который командует: направо или налево! Он предпочел сохранить положение далеко стоящего, но зато вдумчивого товарища, показывающего, каким путем мы должны сами искать ответа.

Плеханов спрашивал Каутского, во-1-х, об «общем характере» русской революции: буржуазная она или социал-демократическая? Во-2-х, об отношении с.-д. к буржуазной демократии. В-3-х, о поддержке с.-д. партией партий оппозиционных на выборах в Думу.

Вопросы эти подобраны, на первый взгляд, очень «тонко». Но пословица не даром поговорит: «Где тонко, там и рвется». Дело в том, что в этих вопросах сколько-нибудь знающий и внимательный человек сразу видит тонкую... подделку. Это—подделка, во-первых, в том смысле, что перед нами образчик метафизики, против которой Плеханов любит пышно декламировать, не умея изгнать ее из своих собственных конкретно-исторических рассуждений. Это—подделка, во-вторых, в том смысле, что вопрошаемый искусственно загоняется в одну маленькую и до убожества узкую загородочку. Только при полной, можно сказать девственной, невинности в вопросах политики можно не заметить того, как Плеханов нарочно начинает издалека, подталкивая легонечко вопрошаемого к оправданию... блоков с кадетами!

Подгонять простоватого собеседника к оправданию блоков с определенной партией и не называть этой партии;—толковать о революционном движении и не различать революционной и оппозиционной буржуазной демократии;—намекать, что буржуазия «борется» по-своему, т.-е. иначе, чем пролетариат, и не го-

ворить прямо и ясно, в чем же тут на деле различие; — ловить собеседника, как галченка, на приманку Амстердамской резолюции⁶⁶), которая должна прикрыть от иностранца действительное содержание спорных вопросов русской социал-демократии; — вывести конкретное положение об определенной тактике в определенном случае, об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей фразы, об «общем характере» революции, вместо того, чтобы этот «общий характер русской революции» вывести из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции; — разве же это не подделка? Разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?

Да—да, нет—нет, а что сверх того, то от лукавого! Либо буржуазная, либо социалистическая революция, а остальное можно «вывести» из основного «решения» посредством простых силлогизмов!

Громадной заслугой Каутского является то, что он, отвечая на подобные вопросы, сразу понял суть дела и суть ошибки, заключенной уже в формулировке самых вопросов. Каутский, в сущности, ответил на Плехановские вопросы тем, что отбросил Плехановскую постановку вопроса! Каутский ответил Плеханову тем, что исправил Плехановскую постановку вопроса. Критика Плехановской постановки вопроса, данная Каутским, вышла при этом тем убийственнее, чем мягче и осторожнее поправлял он инициатора анкеты. «Мы хорошо поступим, — пишет Каутский, — если усвоим себе ту мысль, что мы стоим перед совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни один старый шаблон».

Это не в бровь, а в глаз против Плехановского вопроса: буржуазная ли революция у нас по общему ее характеру или социалистическая? Это—старый шаблон, говорит Каутский. Нельзя так ставить вопроса, это не по-марксистски. Революция в России не буржуазная, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения России. И революция в России—не социалистическая, ибо она никоим образом не может привести пролетариат к единственному господству или диктатуре. Социал-демократия может победить в русской революции и должна стремиться к этому. Но победой теперешней революции не может быть победа только пролетариата без помощи других классов. Какой же класс является, в силу объективных условий теперешней революции, союзником пролетариата? Крестьянство: «прочная общность ин-

тересов на все время революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством».

Все эти положения Каутского дают самое блестящее подтверждение тактики революционного крыла российской социал-демократии, т.-е. тактики большевиков. И это подтверждение тем более ценно, что Каутский, отстранив от себя конкретные и практические вопросы, сосредоточил все внимание на систематическом изложении общих основ социалистической тактики в нашей революции. Он показал, что затасканный Плехановым прием рассуждения: «революция буржуазная—надо поддерживать буржуазию» не имеет ничего общего с марксизмом. Он признал таким образом хорошую ошибку нашего с.-д. оппортунизма, т.-е. меньшевизма, против которой еще с начала 1905 года вели борьбу большевики.

Далее, анализ Каутского, исходившего не из общих фраз, а из разбора положений и интересов определенных классов, подтвердил тот вывод, который находили «бестактным» наши кадетские подголоски, именно: что буржуазия больше боится в России революции, чем реакции, что абсолютизм она ненавидит за порождением им революции, что политической свободы она хочет для прекращения революции.

Сопоставьте это с наивностью веры в кадета у нашего Плеханова, который незаметно отождествил в своих вопросах борьбу оппозиции со старым порядком и борьбу против покушений правительства—раздавить революционное движение! В отличие от шаблонного взгляда меньшевиков на «буржуазную демократию», Каутский показал ее революционные и неревolutionные элементы, показал банкротство либерализма, неизбежность тем более быстрого поворота либералов вправо, чем самостоятельное и сознательное становится крестьянство. Буржуазная революция, совершаемая пролетариатом и крестьянством вопреки неустойчивости буржуазии,—это коренное положение большевистской тактики всецело подтверждено Каутским.

Каутский показывает, что в ходе революции победа вполне может достаться с.-д. партии, и что эта партия должна внушать своим сторонникам уверенность в победе. Большевистская боязнь с.-д. победы в данной революции опять-таки всецело опровергается выводом Каутского. Смешные потуги Плеханова «подвести» задачи нашей революции «под Амстердамскую резолюцию» выступают особенно комично наряду с простым и ясным положением Каутского: «нельзя успешно бороться, если наперед отказываешься от победы».

Еще рельефнее выступает коренная разница между методами Каутского и вождя теперешних наших оппортунистов, Плеханова, когда мы читаем у первого: думать, что «все те классы и партии, которые стремятся к политической свободе, должны просто-на-просто действовать вместе, чтобы добиться» значит «иметь в виду лишь политическую поверхность совершающегося». Это звучит так, как будто Каутский прямо имеет в виду ту компанийку перебежавших к либералам социал-демократов, г.г. Португаловых, Прокоповичей, Кусковых, Богучарских, Изгоевых, Струве и пр., которые именно указываемую Каутским ошибку и делают (водя при том за собою Плеханова). То обстоятельству, что Каутский не знает писаний этих господ, только усиливает значение его теоретического вывода.

Нечего и говорить, что основные положения всех русских с.-д. о несоциалистическом характере крестьянского движения, о невозможности возникновения социализма из мелкого крестьянского производства и т. д. целиком разделяет Каутский. Социалистам-революционерам, любящим уверять, что они «тоже согласны с Марксом», весьма поучительно будет подумать над этими словами Каутского.

В заключение, несколько слов об «авторитетах». Марксисты не могут стоять на обычной точке зрения интеллигента-радикала с его якобы революционной отвлеченностью: «никаких авторитетов».

Нет. Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты, — но, разумеется, в том только смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых борцов против угнетения и эксплуатации, борцов, проводивших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором. Авторитет всемирной борьбы пролетариата нужен пролетариям каждой страны. Авторитет теоретиков всемирной социал-демократии нужен нам для уяснения программы и тактики нашей партии. Но этот авторитет не имеет, конечно, ничего общего с казенными авторитетами буржуазной науки и полицейской политики. Этот авторитет есть авторитет более разносторонней борьбы в тех же рядах всемирной социалистической армии. Насколько важен он для расширения кругозора борцов, настолько недопустима была бы в рабочей партии претензия решать со стороны, издали, практические и конкретные вопросы ближайшей политики. Коллективность передовых сознательных рабочих каждой страны, ведущих непосредствен-

ную борьбу, всегда будет наибольшим авторитетом во всех таких вопросах.

Таков наш взгляд на авторитетность мнений и Каутского, и Плеханова. Теоретические работы последнего—главным образом критика народников и оппортунистов—остаются прочным приобретением с.-д. всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вожь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик, Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским с.-д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна—немецким. И с этой кадетообразной политикой Плеханова, вернувшегося в лоно изгнанных им в 1899—1900 г.г. из с.-д. партии г.г. Прокоповичей и К^о, мы должны вести самую беспощадную войну.

Что этот тактический оппортунизм Плеханова есть сплошное отрицание основ марксистского метода,—доказывает лучше всего знакомство с ходом рассуждения Каутского в предлагаемой читателю статье.

Декабрь 1906 года.

Как относятся к выборам в Думу партии буржуазные и партия рабочая?

Газеты переполнены известиями о подготовке выборов. Каждый почти день мы узнаем то о новом «разъяснении» правительства, вычеркивающего еще и еще один разряд неблагонадежных граждан из избирательного списка,—то о новых преследованиях, запрещении собраний, закрытии газет, арестах предполагаемых выборщиков и кандидатов. Черносотенцы подняли голову. Они гикают и улюлюкают наглее, чем когда бы то ни было.

Неудобные правительству партии тоже готовятся к выборам. Эти партии уверены, и вполне справедливо уверены, в том, что масса избирателей сумеет сказать свое слово, выразить посредством выборов свое настоящее убеждение, вопреки всем проделкам, придирам, мелким и крупным притеснениям, направленным против избирателя. Уверенность эта основывается на том, что самые свирепые преследования, самые невыносимые придиры отнимут, самое большее, сотни, тысячи, допустим десятки тысяч, избирателей по целой России. Но ведь настроение массы и отношение ее к пра-

вительству от этого не изменится. Можно выкинуть из списка 10—20 тысяч избирателей, скажем, по Петербургу, но полторастоты-сячная масса столичных избирателей от этого только сжимается, уходит в себя, прячется, притихает на время, но не исчезает и не меняет своего массового настроения, а если меняет, то, конечно, не в пользу правительства. И поэтому, пока в корне не изменен избирательный закон, пока не поправлены окончательно все остатки выборной легальности (они еще могут быть поправлены посредством систематического ареста выборщиков: от Столыпина надо ждать всего худшего!),—до тех пор остается несомненным, что настроение массы решит результаты выборов—и, конечно, не в пользу правительства с его черносотенцами.

И все, кто не стоит на стороне правительства, надеются на избирательную массу. Но если вы присмотритесь к тому, в чем состоит собственно надежда на массу, как относятся те или иные партии к массе, то вы увидите целую пропасть различия между партиями буржуазными и партией пролетариата.

Кадеты стоят во главе либерально-буржуазных партий. На выборах в первую Думу они позорно изменили делу борьбы, отказались от бойкота, пошли покорно на выборы сами и повели за собой неразвитую массу. Теперь они надеются на косность этой массы, на стеснение агитации и выборной кампании левых партий. Кадетская надежда на массу состоит в надежде на неразвитость и забитость массы: дескать, в нашей программе и тактике масса не разберется, дальше мирного и легального, самого мирного и самого робкого протеста не пойдет—не потому, что не хочет, а потому, что не пустят. Будут голосовать за нас, ибо у левых нет ни газет, ни собраний, ни листков, ни гарантий от произвольных арестов и преследований,—вот как мыслит кадет. И он гордо поднимает очи к небу: благодарю тебя, господи, что я не похож на одного из этих «крайних»! я—не революционер, я сумею приспособиться, самым покорным и самым нижайшим образом приспособиться к любым мероприятиям, я даже избирательные бланки достану от мирнообновленцев.

Поэтому вся предвыборная кампания кадетов направлена на запугивание массы черносотенной опасностью, на запугивание массы опасностью от крайних левых партий, на приспособление к обывательщине, к трусости и дряблости мещанина, на уверение его в том, что кадеты всего безопаснее, всего скромнее, всего умереннее, всего аккуратнее. Ты испугался, обыватель?—спрашивают читателя каждый день кадетские газеты.—Положись на нас! Мы не будем тебя пугать, мы против насилий, мы покорны правительству,

положись только на нас и мы все для тебя устроим «по возможности»! И за спиной запуганных обывателей кадеты пускают в ход все уловки, чтобы уверить правительство в своей лояльности, уверить левых в своем свободолюбии, уверить мирнообновленцев в своей близости к их партии и к их бланкам.

Никакого просвещения сознания масс, никакой агитации, поднимающей массы, никакого разъяснения последовательно-демократических лозунгов, торговля мандатами за спиной запуганного обывателя,—вот предвыборная кампания всех партий либеральной буржуазии, начиная от беспартийных (из «Товарища») и кончая партией демократических реформ.

Отношение рабочей партии к массе—прямо противоположное. Не то нам важно, чтобы обеспечить себе сделками местечко в Думе. Наоборот, сами эти местечки важны лишь потому и постольку, поскольку они могут послужить развитию сознания масс, повышения их политического уровня, организации их не во имя обывательского благополучия, не во имя «спокойствия», «порядка» и «мирного (буржуазного) благоденствия», а во имя борьбы, борьбы за полное освобождение труда от всякой эксплуатации и от всякого гнета. Лишь потому и постольку важны для нас и местечки в Думе и вся избирательная кампания. Рабочая партия все надежды возлагает на массу, но на массу не запуганную, не пассивно подчиняющуюся, не покорно несущую ярмо, а массу сознательную, требовательную, борющуюся. Рабочая партия с презрением должна относиться к обычному либеральному приему: запугивать обывателя призраками черносотенной опасности. Вся задача с.-д.—развивать в массе сознание того, в чем состоит действительная опасность, действительная задача борьбы тех сил, которые не в Думе имеют свой источник, не в думских прениях находят полное выражение, не в Думе решают вопрос о будущем России.

Рабочая партия предостерегает поэтому массы от закулисных избирательных проделок кадетской буржуазии, от ее оступляющего сознания крика: доверьте нам, адвокатам, профессорам и просвещенным помещикам, дело борьбы с черносотенной опасностью!

Доверяйте только своей социалистической сознательности и своей социалистической организации,—говорит массам рабочая партия. Отдать первенство в борьбе и право руководить ею либеральным буржуа, значит продать дело свободы за шумиху фраз, за мишуру модных и ярких вывесок. Никакая черносотенная опасность в Думе не принесет такого вреда, как развращение сознания масс, идущих слепо за либеральной буржуазией, за ее лозунгами, за ее кандидатурными списками, за ее политикой.

Среди тех масс, к которым обращается рабочая партия, численно преобладает крестьянство и всевозможные слои мелкой буржуазии. Они решительнее кадетов, честнее их, способнее в тысячу раз на борьбу, но в политике они слишком часто идут на поводу у кадетских болтунов. Они колеблются и сейчас между борющимся пролетариатом и соглашательской буржуазией.

Проповедники блоков с кадетами вредят не только пролетариату и всему делу свободы. Они вредят развитию сознания мещанской и крестьянской бедноты. Они не исполняют своего прямого долга: освобождать их из-под влияния либеральной буржуазии. Посмотрите на трудовиков, «народных социалистов» и с.-ров. Они колеблются и тоже занимаются преимущественно проектами сделок с кадетами. Вожди трудовиков, не сумев создать своей партии, удешевляют свои думские ошибки, призывая массы голосовать за кадетов (Аникин через газетных репортеров, Жилкин в «Товарище» и проч.). Это—прямая измена делу крестьянской борьбы, прямая выдача мужика либеральному помещику, который также ограбит крестьян выкупом по «справедливой» оценке, как ограбили мужика его предки в 1861 году. А «народные социалисты»? Их даже кадеты, смеясь, называют «кадетами второго призыва» (Милюков в «Речи»). Их вожди (Анненский и др.) тоже призывают к блокам с кадетами. Их крохотная партия (по сведениям благоволящего к ним «Товарища», более слабая, чем даже партия мирного ограбления,—каких-нибудь 2.000 человек на Россию!)—простой придаток кадетов. С.-ры держат себя тоже двусмысленно: и в октябрьский период и в период первой Думы они прикрывали свой раскол с н.-с-ми, шли вместе с ними, вели одни и те же газеты. Теперь они не ведут никакой открытой и самостоятельной борьбы, не выступая достаточно широко, открыто и резко против «кадетов второго призыва», не дают массам никакого исчерпывающего материала для критики этой партии, не разворачивают никакой принципиальной оценки всей избирательной кампании и всех избирательных соглашений вообще.

Великая историческая обязанность рабочей партии—способствовать созданию самостоятельной политической партии рабочего класса. Этому делу вредят проповедники блоков с кадетами.

Другая великая обязанность—освобождать массы разоряющегося, бедствующего, гибнущего мещанства и крестьянства от влияния идей и предрассудков либеральной буржуазии. Этому делу так же вредят проповедники блоков с кадетами. Они не отрывают мужика от либерала, а укрепляют эту противоестественную связь, гибельную для дела свободы и для дела пролетариата. Они не пре-

достерегают крестьянскую массу от закулисной либеральной политики (или вернее политиканства с дележом мест в Думе), а освящают это политиканство своим участием в нем.

Долой всякие блоки! Рабочая партия должна быть на деле самостоятельна в своей избирательной кампании, а не на словах только. Она должна дать всему народу и особенно всей пролетарской массе образец идейной, стойкой, смелой критики. Этим и только этим мы привлечем массы к действительному участию в борьбе за свободу, а не к игрушечному либерализму кадетских предателей свободы.

*„Тернии Труда“ № 2
от 3 декабря 1906 г.*

1907 год.

Январь.

Плеханов и Васильев.

Отношение меньшевистской с.-д. печати к известным геро-стратовским выступлениям Плеханова в «Товарище» заслуживает внимания всей партии рабочего класса. Виднейший представитель меньшевистского течения, вождь меньшевиков, как его называют открыто и постоянно все либеральные газеты, выступает публично с предложением общей платформы с.-д. и к.-д.

И меньшевики молчат!

У них точно нет ни газет, ни сборников, ни листков, ни учреждений, ни коллегий, нет ни одной партийной организации. Их точно не касается то, что говорит перед всей Россией их вождь об их политике...

Но мы все прекрасно знаем, что у меньшевиков имеются и организации—даже такие влиятельные, как Ц. К.—и всевозможные органы. Поэтому молчание их только лишний раз подтверждает всю фальшь их позиции. Одни бундовцы выделяются из меньшевистской массы. Они восстали против лозунга «полновластная Дума», в своей, к сожалению, почти неизвестной русским газете «Volkszeitung». Они высмеяли Плеханова и в издаваемой ими по-русски «Нашей Трибуне». Они доказали этим по крайней мере, что имеют смелость иметь свое мнение, признавать на деле, а не на словах только свою партийную организацию, обязанную высказываться открыто и прямо по всем политическим вопросам, обязанную ставить свой политический долг перед пролетариатом выше личной приязни, кумовства и почтения к персонам... *).

*) Мы сейчас только получили выписку из грузинского с.-д. органа тифлиских меньшевиков „Цин“ („Вперед“) от 8 декабря. Тифлиские меньшевики решительно оспаривают Плеханова, заявляя, что его соображения в пользу лозунга

Какое это безобразное явление в рабочей партии! Преобладающее в партии течение, имеющее Ц. К. в своих руках, не смеет заговорить об ошибках одного из своих членов. На всех собраниях, при всяком споре перед рабочими, при всякой дискуссии с большевиками меньшевики клянутся и божатся, что они с Плехановым не согласны. А в печати они молчат: ни единого официального заявления какой бы то ни было партийной ячейки. Что же это такое? Отрекаться втихомолку и подтверждать официальным молчанием? Бранить за глаза и молчать в присутствии... барина. Так поступают только... угадайте сами, почтеннейшие, кто так поступает.

А рабочим и всей партии мы скажем: нельзя доверять тем политическим вождям, которые исчезают со всеми своими коллегиями перед наездническим наскоком кого бы то ни было. Нельзя доверять. При всяком окончательном решении все эти «вожди» будут поступать не так, как они говорят, а так, как за них говорит некто третий.

Между прочим. Поведение Плеханова и меньшевиков в данном инциденте—хорошая иллюстрация к ходячим толкам об интеллигентском характере нашей партии. Да, непомерно у нас влияние непролетарской интеллигенции на пролетариат, это правда. Не будь этого, разве могла бы пролетарская партия снести хоть одну неделю выходки Плеханова и отношение к ним меньшевиков? Как наглядно обнаруживается здесь истинный характер толков о беспартийном рабочем съезде. Вот если бы нашу партию заменила легальная рабочая (просто рабочая, не социал-демократическая) партия,—как того желают Ларин, публицисты «Нашего Дела» и «Современной Жизни»,—вот тогда для таких выступлений, как Плехановское, был бы полный простор. Пиши в любых газетах, вступай в любые литературские или общеполитические блоки с кем угодно, предлагай от своего имени, не считаясь ни с какой партийной организацией, свои лозунги! Полная свобода для интеллигентской индивидуалистиче-

„полновластная Дума“ ошибочны, что с.-д. не могут подразумевать Учр. Собрание под этим лозунгом. Лозунг „полновластная Дума“—пишут они—„был бы урезыванием нашей программы“. Далее, доказывается, что и для к.-д. не приемлем этот лозунг и что вообще об общей платформе с.-д. и к.-д. не может быть и речи. Общая платформа „есть урезывание крыльев нашей партийной самостоятельности, загашивание различий в воззрениях с.-д-тии и буржуазных партий“.

Верно, товарищи тифлиские меньшевики! С удовольствием констатируем, что вопреки Ц. К-ту и большинству меньшевиков русских бундовцы и кавказцы не уклонялись от своего долга прямо назвать ошибкой мнение Плеханова и все его выступление.

ской натуры при полной неоформленности беспартийной рабочей массы. Разве это не идеал старого Прокоповического «Credo» (за которое мы с Плехановым в 1899—1900 годах обрушились на Прокоповича и изгнали его со всеми его присными из с.-д. партии)? «Credo»—это квинт-эссенция с.-д. оппортунизма—поведывало неполитические, беспартийные рабочие союзы для экономической борьбы и либеральную политическую борьбу. Блоки с кадетами и беспартийный рабочий съезд—это не что иное, как «Credo» 1899 года, переизданное в 1906—1907 годах.

Плехановские выступления в «Товарище», это—не что иное, как осуществление на деле Ларинского предложения: свободные пропагандистские общества всех и всяческих «социалистов»—с позволения сказать, социалистов,—на фоне беспартийных рабочих организаций. На деле Плеханов выступал в «Товарище» не как член партии, не как член одной из партийных организаций. Это—факт, которого никакими софизмами не устранить, от которого никакое «отмалчивание» меньшевистского Ц. К. не спасет известной фракции нашей партии. На деле Плеханов выступал именно по-Ларински, как внепартийный социалист в внепартийном «социалистическом» органе с внепартийным несоциалистическим и даже *антисоциалистическим* предложением.

Васильев⁶⁷⁾ пошел по стопам Плеханова. Швейцария, благодаря ее свободе от традиций русского революционного пролетариата, дает нам все более и более «передовых» оппортунистов.

Васильев—видный меньшевик. Он работал вместе с меньшевиками и притом не с случайными меньшевиками в каком-нибудь захолустье, а с самыми видными и самыми ответственными меньшевиками. Поэтому пренебрежительно относиться к Васильеву меньшевики не в праве.

И Васильев прямо ссылается на Плеханова. Более того. Он прямо опирается на него. Он называет опозорившее с.-д. партию выступление Плеханова в кадетской печати с предложением общей с к.-д. платформы—«мужественным окликом». Он «сожалеет», что «у других партий Плехановых не находится».

Усердия у Васильева много, а ума мало. Хотел похвалить Плеханова, и в похвалу ему выпалил: «у других партий Плехановых, к сожалению, не находится». Это бесподобно! Добрый Васильев, он явился инициатором употребления слова «Плехановы» в нарицательном смысле, в смысле политиков, действующих в одиночку независимо от своей партии. Отныне будут, вероятно, говорить: «Плехановы в Васильевском смысле этого слова»...

Похлопывая по плечу «Плехановых», Васильевы ставят точки над i. Авторы «Credo» в 1899 г., г.г. Прокоповичи и К^о, говорили о чисто-рабочем движении без революционной 'бациллы. Васильевы говорят о революции, которая должна родить «конституцию», и только, родить без всяких акушеров, без революционеров. Отсутствие акушеров, отсутствие революционеров, отсутствие революционного народа,—вот лозунг Васильева.

Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тигранами банкиров, как республику без республиканцев. Пора родиться новому Щедрину, чтобы высмеять Васильева и меньшевиков, защищающих революцию посредством лозунга «отсутствие» революционеров, «отсутствие» революции.

Вправе ли мы так толковать «выступление» Васильева? Вправе ли мы ставить с ним рядом меньшевиков?

Конечно, да! Вся статья, все мысли, все предложения Васильева пропитаны насквозь «планом» помочь родить конституцию посредством убийства революции. «Расстаться на время» со всеми программами вообще, слить всех с.-д. и с.-р. и т. и. с кадетами в одну либеральную партию, соединить всех в борьбе за «политическую конституцию» «без одновременного решения экономических программ» (так и стоит в письме: без решения программ. Швейцарские советчики русского пролетариата не всегда умеют говорить по-русски),—разве же это не есть желание спасти конституцию посредством отречения от революции?

Революция, в настоящем, серьезном значении немыслима без «решения экономических программ». Революцию могут делать только массы,двигаемые глубокими экономическими нуждами. Падение абсолютизма в России, действительное падение, было бы неизбежно экономическим переворотом. Только совсем девственно-невинные в социализме люди могут не понимать этого. Выкинуть экономические программы значит выкинуть экономические основные причины революции, значит выкинуть экономические интересы, толкающие на великую, невиданно-самоотверженную борьбу массы забитого, запуганного, темного народа. Это значит—выкинуть массы, оставить шайку интеллигентских языкоблудов и заменить социалистическую политику либеральным языкоблудием.

«Что пользы крестьянам от того, что их дело было выдвинуто Думой, которая и была распущена главным образом из-за аграрного вопроса?» Разве это рассуждение не заслуживает то-

го, чтобы Васильеву при жизни поставить памятник за непревзойденный нигде в мире социалистический оппортунизм?

И разве это (мы переходим к последнему из двух поставленных выше вопросов)—не меньшевистское рассуждение?

Ехать в одном вагоне до Твери с кадетами, не мешая друг другу, говорит Плеханов. Ехать вместе с кадетами в Думу, соединяясь с нереволюционной партией (на время! «на короткое время»! дополняет меньшевиков Васильев) для революционных целей, говорят меньшевики. Ехать вместе до кадетского министерства, говорил недавно наш Ц. К.

Ехать так ехать, поддакивает Васильев, «не толкая друг друга, не пугая друг друга». «Теперь же, в данный момент, она (борьба классов и групп) убийственна и преступна».

Классовая борьба преступна, вредить конституции революционными требованиями (вроде: полновластная Дума, Учредительное Собрание и т. д.) преступно. Как бы ни отрекались меньшевики от Васильева (до сих пор, положим, они еще не отрекались от него), им никогда не стереть того, что именно эта идея лежит в основе и блоков с к.-д., и поддержки требования думского министерства, и всех поездок вместе до Твери и проч. и проч.

Васильев,—конечно, *unicum*. Но ведь и единственные в своем роде явления природы существуют лишь в известном окружении, рождаются лишь из известной обстановки. Васильев, конечно, Монблан оппортунизма. Но ведь Монбланов не бывает среди степей. Монбланы существуют только среди альпийских высот. Васильевы являются миру только рядом с «Плехановыми», Череваниными и *tutti quanti* до Прокоповича.

А благодаря «Плехановым в Васильевском смысле» г. Струве получает возможность говорить, как говорил он на собрании в Соляном Городке 27 декабря («Товарищ» от 28 декабря), что «все нынешние противники к.-д. будут в недалеком будущем кадетами. «Товарищ» уже называют кадетской газетой. Народных социалистов называют социал-кадетами, меньшевиков—полукадетами. Г. В. Плеханова многие считают кадетом, и действительно много из того, что говорит теперь Плеханов, кадеты могут приветствовать. Жаль только, что он этого не сказал, когда к.-д. были в одиночестве. Неисправимыми могут оказаться только большевики, а потому их удел—попасть в исторический музей».

Благодарим за комплимент, неловкий г. Струве! Да, мы попадем в тот исторический музей, имя которому: «история революции в России». Наши большевистские лозунги, большевистский бойкот Булыгинской Думы, большевистские призывы к массовой стачке и восстанию (еще на III съезде) связаны неразрывно и навсегда с октябрьской революцией в России. И это место в музее мы используем даже в течение самых долгих (на худой конец) лет или десятилетий реакции, используем, чтобы воспитывать в пролетариате ненависть к предательской октябристско-кадетской буржуазии, воспитывать презрение к интеллигентской фразе, к мелко-буржуазной хлюпкости. Это место в музее мы используем, чтобы при всяких, даже самых худых политических условиях, проповедывать рабочим непримиримую классовую борьбу, учить их готовиться к новой революции,—более независимой от половинчатости и дряблости буржуазии, более близкой к социалистической революции пролетариата.

А ваше место в музее, почтеннейший г. Струве,—место ликующих и празднующих в моменты торжества контр-революции. В такие моменты вы всегда будете иметь повод ликовать—ликовать вследствие того, что революционеры пали, сраженные в борьбе, и сцена принадлежит либералам, которые пали добровольно, легли ниц перед врагом, чтобы ползком ползти «применительно к подлости».

Если революции, вопреки нашим ожиданиям, не суждено подняться еще раз, не суждено вырвать власть у царской шайки,—вы долго будете героем контр-революции, а у нас будет одно «место в музее», зато хорошее место: место октябрьской народной борьбы. А если революция, как мы верим, поднимется еще раз,—от жалких кадетов в неделю же останется и следа, борьба масс пролетариата и разоренного крестьянства пойдет опять под большевистскими лозунгами. Революция может только лежать в прахе при гегемонии кадетов. Она может побеждать только при гегемонии большевистской социал-демократии.

*„Пролетарий“ № 11
от 7 января 1907 г.*

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ВЫБОРЫ В ДУМУ

*Написано
15 января 1907 г.*

*Напечатано
в январе 1907 г.
Издат. „Новая Дума“*

Социал-демократия и выборы в Петербурге.

Конференция петербургской с.-д. организации приняла решение не заключать блока с кадетами, а предложить соглашение трудовикам и социалистам-революционерам. Меншевики внесли ряд протестов по формальным основаниям и, будучи в меньшинстве, покинули конференцию.

Либеральные газеты уже подняли большой шум по поводу этого происшествия. Они предвидят раскол в с.-д. партии и спешат сделать целый ряд политических выводов. Крайне важно ввиду всего этого, чтобы всякий сознательный рабочий дал себе полный отчет в том, что собственно происходит в с.-д. организации Петербурга, и как следует относиться к происходящему.

Мы намерены поэтому рассмотреть основные вопросы, возникающие по поводу этого происшествия, именно: 1) состав конференции; 2) непосредственный повод ухода меньшевиков—попытка Ц. К. разделить конференцию на две части, городскую и губернскую, и 3) значение всего происшествия, особенно в виду происходящей в Петербурге избирательной кампании.

I.

Условия созыва и состав с.-д. конференции.

Конференция петербургской организации должна была вынести окончательное решение по самому важному политическому вопросу настоящего времени, именно: заключать ли соглашения с кадетами на первой стадии выборов в Думу или нет?

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия организована демократически. Это, значит, что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения; при чем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии—выборные, подотчет-

ные, сменяемые. Делами петербургской организации заведует выборный Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. Верховным же учреждением петербургской организации, ввиду невозможности собрать вместе всех членов партии (около 6.000 человек), является конференция представителей организации. На эту конференцию все члены организации имеют право посылать представителей: по одному делегату на определенное число членов партии,—напр., по 1 делегату на каждые 50 членов партии, как было принято по отношению к последней конференции. Эти представители должны быть выбраны всеми членами партии, и решение представителей является верховным и окончательным решением вопроса для всей местной организации.

Но это еще не все. Для того, чтобы решение вопроса было действительно демократическое, недостаточно собрать выборных представителей организации. Необходимо, чтобы все члены организации, выбирая представителей, в то же время самостоятельно и каждый за себя высказались по спорному вопросу, интересующему всю организацию. Демократически организованные партии и союзы не могут принципиально отказываться от такого опроса всех без исключения членов—по крайней мере, в важнейших случаях и особенно тогда, когда речь идет о таком политическом действии, в котором масса выступает самостоятельно, напр.: стачка, выборы, бойкот какого-нибудь крупного местного заведения и т. п.

Почему в этих случаях признается недостаточность посылки представителей? Почему требуется опрос всех членов партии или так называемый «референдум»? Именно потому, что для успеха массовых действий необходимо сознательное и добровольное участие каждого отдельного рабочего. Стачка не может пройти дружно, выборы не могут пройти сознательно, если каждый рабочий вполне сознательно и добровольно не решил для себя вопроса: бастовать или нет? Голосовать за кадетов или нет? Все политические вопросы невозможно решать опросом всех членов партии; это была бы вечная, утомительная, бесплодная голосовка. Но важнейшие вопросы и притом такие, которые прямо связаны с определенным действием с нами масс, необходимо решать, во имя демократизма, не только посылкой представителей, но и опросом всех членов партии.

Вот почему Петербургский Комитет постановил, чтобы выборы делегатов на конференцию происходили обязательно после обсуждения членами партии вопроса о том, следует ли заключать соглашения с кадетами, после голосования всеми членами партии этого вопроса. Выборы, это—такое дело, в котором непосредственно

участвует масса. Социалисты главной силой считают сознательность масс. Значит, всякий член партии должен сознательно решить вопрос, голосовать ли за кадетов на выборах или нет. Только после открытого обсуждения этого вопроса всеми собравшимися членами партии, становится возможным для каждого принять то или другое сознательное и твердое решение. Только на основании такого решения выбор представителей на конференции не будет уже делом кумовства, приязни или привычки («мы, мол, своего Николая Николаевича или Ивана Ивановича выберем!»), а делом сознательного определения самими «низами» (т.-е. всеми членами партии) своего же собственного политического поведения *).

Выборы в Думу, т.-е. первоначальное и основное голосование за уполномоченных или за выборщиков, будут производиться не через представителей, а каждым избирателем в отдельности. Значит, если мы хотим быть на деле, а не на словах только, социалистами, организованными в действительно демократическую, рабочую партию, то мы должны добиваться, чтобы каждый рабочий уяснил себе вопрос, голосовать за кадетов или нет. Недостаточно доверить представительство знакомому Ивану Иванычу или хорошему человеку Сидору Сидорычу,—надо сознательно разобрать по существу спорный вопрос в «низах». Лишь тогда демократическое решение будет сознательно-демократическим решением массы, не только решением посланных «по знакомству» представителей.

Петербургский Комитет есть выбранный руководитель всей с.-д. организацией Петербурга и Спб. губ. Чтобы руководить массой в таком деле, как выборы в Думу, он обязан был (если признает демократизм не только на словах) добиваться сознательного участия в выборах всей массы. А чтобы участие всей массы в выборах было сознательное и дружное, необходимо, чтобы не только представители партии, но и каждый член партии дал определенный ответ своему П. Комитету: стоит ли он за соглашения с кадетами или нет.

Таково значение «дискуссий», т.-е. обсуждения самого спорного вопроса перед выборами представителей. На каждом собрании

*) Некоторые говорят, что выбор представителя, даже без голосования избирателями вопроса по существу, может основываться на знании взглядов представителя. Но это верно лишь тогда, когда речь идет о всей совокупности взглядов представителя, а не об одном специальном вопросе, связанном с действием самой массы. Отказ от голосования платформы (за блоки с кадетами или против) означал бы при таких условиях неясность взглядов избирателя, нерешительность его, неполное согласие его с своим представителем.

членов партии, прежде чем произвести выборы представителей на конференцию, необходимо было сначала о б с у д и т ь спорный политический вопрос, необходимо было выслушать докладчика от П. К., т.-е. от руководящей местной организации, а также предоставить слово сторонникам других взглядов. После обсуждения все члены партии голосуют, стоят ли они за соглашения с кадетами или нет. Голосование проверяют члены контрольной комиссии, в которой есть представители обоих течений (если в организации имеется два течения по данному вопросу). Только при соблюдении этих условий П. К. действительно может знать сознательное мнение всей массы партийных членов и может, след., руководить не в слепую, а опираться на полное уяснение вопроса массой.

Это объяснение было нам необходимо потому, что на конференции возникли споры по поводу «дискуссий» и опроса всех членов партии.

Неосновательность таких споров тем более очевидна для членов партии, что в письме самого Ц. К. от 10 ноября относительно решения вопроса (заключать ли соглашения) местными организациями прямо рекомендуется «предварительное обсуждение» вопроса всеми членами партии.

Посмотрим теперь на самый состав конференции. Первоначально допущены были на нее все представители, выбранные в той или другой организации, без проверки выборов (т.-е. без проверки «мандатов» или полномочий). Всех представителей, или делегатов, было 71, в том числе 40 большевиков и 31 меньшевик. Вот распределение этого числа по отдельным районам:

Василеостровский	7	большев.,	6	меньшев.	Всего 13
Выборгский	2	"	5	"	" 7
Городской	5	"	7	"	" 12
Железнодорожный	1	"	2	"	" 3
Латышский	2	"	—	"	" 2
Московский	4	"	5	"	" 9
Нарвский	—	"	—	"	" —
Невский	2	"	1	"	" 3
Окружной	9	"	2	"	" 11
Ремесленный (приказчий)	4	"	1	"	" 5
Петербургский	3	"	2	"	" 5
Эстонский	—	"	—	"	" —
Военная организация	1	"	—	"	" 1
В с е г о	40	большев.	31	меньшев.	Всего 71

Отсутствовали при этом два делегата от эстонцев (оба большевика) и один от латышей (меньшевик). С ними были бы 42 большевика и 32 меньшевика.

Отсюда видно, что и первоначально, до всякой проверки полномочий, большевики имели преобладание. Следовательно, все и всякие толки по поводу «искусственности» преобладания большевиков падают сами собой. Жалобы на то, что большевики не утвердили всех полномочий, перенесены теперь меньшевиками даже в буржуазную печать. Забыли только сообщить этой печати, что и до проверки мандатов, до всякого пересмотра полномочий, большинство все равно было за большевиками!

Чтобы еще яснее и притом окончательно вырешить этот вопрос о преобладании на конференции, возьмем не число мандатов (полномочий), а все число поданных членами партии голосов.

Мы получим тогда такую картину:

Неоспоренных голосов	1.848	за больш. и	787	за меньш.
Оспоренных	300 *)	„	946	„
Всего голосов	2.148	за больш. и	1.733	за меньш.

Итак, всего членов партии голосовало около 4.000 (3.881 чел.). Перевес большевиков составляет свыше 400 голосов.

Несомненно, таким образом, что если бы даже все оспоренные голоса признать правильными, все-таки крупный перевес остается за большевиками. Значит, споры из-за правильности или неправильности той или иной части голосов касались вовсе не вопроса о преобладании большевиков; споры шли о том, как провести во всей полноте принцип демократического представительства.

Почему же все-таки большевики отменили часть полномочий (мандатов)? Потому, что оспоренные мандаты нельзя было признать правильными. А неправильные мандаты нельзя поставить на одну доску с правильными, никем не оспоренными.

Какие мандаты оспаривались? Такие, при получении которых были допущены неправильности, например, не было контроля со стороны членов контрольной комиссии, не было дискуссий (обсуждения) до голосований, не было голосований «по платформам» (т.-е. не было опроса всех голосующих, стоят ли они за соглашения с кадетами или против). Неправильные мандаты нельзя признать демократически полученными.

Теперь спрашивается, как же было поступить с оспоренными мандатами? Разобрать в отдельности каждый случай было невозможно. Для этого пришлось бы просидеть лишний день, а у кон-

*) Сюда же относятся 185 голосов, признанных, по решению конференции, вполне правильно собранными. Без них неоспоренных голосов будет 1.663.

ференции было времени в о б р е з: едва-едва успели к тому сроку, когда рабочие должны были отправляться на выборы уполномоченных (7-го января).

Оставался один выход: повесить «норму представительства» для всех оспоренных мандатов, т.-е. считать для них по одному мандату не на каждые 50, а на каждые 75 голосов. Такой прием был принят по 3-м соображениям: 1) он устранял произвол и взаимное раздражение при оценке отдельных спорных мандатов; 2) он ставил в одинаковые условия мандаты, оспоренные той или другой стороной; 3) он основывался на решении П. К., принятом задолго до конференции,—именно: П. К. решил, что в тех случаях, когда демократические выборы на конференцию совершенно неосуществимы (напр., нельзя по полицейским условиям созвать собрания), допустить представителей, выбранных не вполне демократически, но при этом повышать норму представительства, т.-е. допускать 1 не от 50, а от 75, от 100 и т. п.

Возьмите теперь число оспоренных и неоспоренных голосов. От неоспоренных, считая 1 делегата на 50 голосов, имеем: 37 большевиков и 16 меньшевиков. От оспоренных, считая 1 делегата на 75 голосов, имеем: 4 большевика и 12 меньшевиков. Итого 41 большевик (плюс 1 от военной организации, где демократические выборы невозможны) и 28 меньшевиков.

По районам эти, окончательно утвержденные, 70 мандатов распределялись так:

Василеостровский	7	большев.	6	меньшев.	Всего 13
Выборгский	2	"	4	"	" 6
Городской	5	"	7	"	" 12
Железнодорожный	1	"	2	"	" 3
Латышский	2	"	1	"	" 3
Московский	4	"	4	"	" 8
Нарвский	—	"	—	"	" —
Невский	2	"	1	"	" 3
Окружной	9	"	1	"	" 10
Ремесленный (приказчий)	4	"	—	"	" 4
Петербургский	3	"	2	"	" 5
Эстонский	2	"	—	"	" 2
Военная организация	1	"	—	"	" 1

В с е г о 42 большев. 28 меньшев. Всего 70

Отсюда видно, что жалобы на состав конференции совершенно неосновательны. Конечно, если перед несведующей публикой кричать об отмене мандата такого-то, о непризнании полномочия такого-то,—это может произвести впечатление на минуту, если публика не вдумается в дело. Но ведь это не спор, а пустая перебранка.

Стоит только ознакомиться со всеми данными о составе конференции, и сразу ясно станет, что в повышении нормы представительства для всех оспоренных голосов не было ничего произвольного. Ведь не случайно же оказалось 2.635 голосов бесспорных, никем не оспоренных, и только 1.246 голосов оспоренных! И нельзя же серьезно утверждать, что масса оспоренных голосов были случайно оспорены, без каких-нибудь оснований.

Подумайте, напр., о том, что значит голосование «без платформ», которое так часто производили меньшевики (только поэтому у них и набралось чуть не до тысячи оспоренных голосов). Это значит, что опроса всех членов партии, стоят ли они за соглашения с кадетами или против кадетов, не производится. Выборы делегатов происходят без такого опроса или без платформ. Значит, конференция не может знать в точности мнение самих членов партии! Значит, сама масса о спорном вопросе (касающемся действия массы) не опрашивается. Разве можно при этом избежать неправильностей?

Разве может искренний сторонник демократизма в организации защищать такие голосования? Демократизм состоит не в том, чтобы масса по знакомству доверяла отдельным своим представителям, а в том, чтобы вся масса сама подавала сознательно голос по существу важнейших вопросов.

Наконец, жалобы на состав конференции надо признать совершенно неосновательными еще и потому, что в Петербурге за последнее время был ряд подобных конференций. Год тому назад была конференция по вопросу о бойкоте. Преобладание осталось за большевиками. Во время первой Думы была конференция по вопросу о поддержке требования думского (т.-е. кадетского) министерства⁶⁹). Преобладание осталось за большевиками.

Не смешно ли слышать теперь, что преобладание большевиков по вопросу о соглашениях на выборах с кадетами могло быть случайно?

II.

Вопрос о разделении конференции.

Центральный комитет партии, состоявший из преобладающего числа меньшевиков, предъявил петербургской конференции требование разделиться на городскую и губернскую. На неисполнение этого требования пробуют сослаться меньшевики в оправдание своего ухода.

Посмотрим же, было ли это требование законно по уставу партии, было ли оно обязательно для конференции, было ли оно осуществимо.

Устав нашей партии⁷⁰⁾ совершенно определенно устанавливает демократическую организацию ее. Организация вся строится снизу, на основе выборности. Местные организации объявлены, по уставу партии, самостоятельными (автономными) в своей местной деятельности. Центральный Комитет, по уставу, объединяет и направляет всю работу партии. Ясно отсюда, что в определение состава местных организаций он вмешиваться не в праве. Раз организация строится снизу, вмешательство сверху в ее состав было бы полнейшим нарушением всего демократизма, всего устава партии. Допустим, что организация по тем или другим причинам соединяет разнородные части, например, соединяет вместе город и губернию. При демократическом строе удержать это соединение (или предписать его) по приказу сверху нельзя. Значит, разделение возможно лишь по желанию снизу: город может отделиться от губернии, и никто ему запретить этого не может. Губерния может отделиться от города, и никто ей этого запретить не может. Если снизу ни одна сколько-нибудь крупная, сколько-нибудь обособленная часть организации не заявила требования о выделе,—значит Ц. К. не мог убедить в необходимости отделения ни одной влиятельной части организации! Пытаться при таких условиях навязать разделение сверху есть насмешка над демократизмом, насмешка над уставом партии. Это значит ни больше и ни меньше, как пытаться употребить власть Ц. К. во зло, т.-е. не в интересах партийного единства, а в интересах одной части партии (меньшевиков), употребить власть для искажения воли и решения местных работников.

Ц. К. настолько чувствовал несостоятельность своего требования, что в письменном общем постановлении выразился очень осторожно. Общее постановление Ц. К. рекомендует всем партийным организациям «по возможности» (буквальное выражение!) принаровлять рамки организации к рамкам избирательных округов. Об обязательности такого совета не могло быть и речи,—и не было речи. Что Ц. К. преследовал какие-то особые цели по отношению именно к Петербургу,—видно из того, что ни в одном другом городе России Ц. К. не требовал разделения конференции. Например, в Вильне в городскую конференцию входят также с.-д., представители заведений, находящихся за чертой города, т.-е. в другом из-

бирательном округе. О разделении Виленской конференции Ц. К. и не думал поднимать вопроса!

В Одессе тоже была одна общая конференция, хотя и там часть заведений находится вне полицейской черты города. Да можно ли назвать хоть один крупный город, в котором бы рамки организации соответствовали полицейскому делению на город и часть губернии? Можно ли серьезно говорить о том, чтобы в крупных городах, центрах рабочего с.-д. движения, отделять пригороды, отделять самые крупные зачастую фабрики, самые пролетарские «предместья»? Это—такая грубая насмешка над здравым смыслом, что только самые неразборчивые в поисках повода к расколу люди могли ухватиться за такой повод.

Посмотрите на районы Петербурга, чтобы убедиться в неосуществимости требования разделить конференцию. Чтобы совершить разделение организации вообще или конференции в частности на городскую и губернскую, надо либо знать адрес, местожительство каждого члена партии, либо иметь уже готовые ячейки, отделы, районы, образованные по территориальному признаку, т.-е. районы, составленные на основании местожительства членов партии или места нахождения фабрик в том или ином полицейском участке.

А мы видим, что в С.-Петербурге (как, вероятно, и в большинстве городов России) районы, подрайоны и низшие ячейки образованы не только по территориальному (местному) признаку, но и по профессиональному признаку (то или иное ремесло, занятие рабочих и населения вообще) и по национальному признаку (различная национальность, иной язык).

Например, в С.-Петербурге есть железнодорожный район. Он составлен по профессиональному признаку. Как его разделить на городскую и губернскую часть? По месту жительства каждого отдельного железнодорожника: Петербург, Колпино, другие станции? Или по месту нахождения поездов, которые, к несчастью для нашего Ц. К., имеют обыкновение передвигаться от «города» Петербурга «в губернию» и даже в разные губернии? Попробуйте разделить латышский район! А дальше еще идут эстонский и военная организация.

Даже территориальные районы нельзя разделить. Рабочие на конференции указали на это сами. Встает рабочий Московского района и говорит: я знаю фабрики в нашем районе, находящиеся недалеко от городской черты. Когда кончаются работы, сразу видно, что часть рабочих направляется в «город»,

другая—«в губернию». Как же мы теперь делить здесь будем? И рабочие прямо смеялись над предложением Ц. К.

Только очень наивные люди могут не замечать белыми нитками сшитой подкладки всего происшествия. Только очень наивные люди могут говорить: надо было все же попробовать разделиться «приблизительно», «по возможности».

Если делить приблизительно, значит, надо допустить некоторый произвол, ибо точно разделить латышский, железнодорожный и др. районы невозможно. А всякий произвол вызвал бы новые, бесконечные протесты, жалобы, новые постановления Ц. К., дал бы бездну новых поводов к расколу. Посмотрите на список районов (приведенный выше)—вы увидите, что могли бы найтись люди, которые объявили бы чисто городскими, несомненно городскими только четыре района: Василеостровский, Городской, Выборгский, Петербургский. Почему только эти? Потому, что в них получилось бы преобладание меньшевиков. А каким образом можно бы оправдать такой произвол?

А каким образом оправдал Ц. К. тот произвол, что Вильну он и не подумал делить, а от С.-Петербурга потребовал разделения? Если вы станете спорить против произвола, кто будет решать окончательно ваш спор? Ведь тот же самый Ц. К...

Даже самые наивные люди поймут теперь, что жалобы на состав конференции и на ее отказ разделиться—простой отвод глаз. А суть дела в том, что меньшевики решили не подчиниться большинству петербургской организации и произвести раскол накануне выборов, чтобы переместиться от социалистов-рабочих к кадетам.

III.

Что значит уход меньшевиков с конференции?

Сделанный нами вывод может показаться иному читателю слишком резким. Но мы думаем, что скрывать, затушевывать правду в серьезном политическом деле—вещь, недостойная социалиста. Надо называть вещи своими именами. Надо разоблачать всяческие отговорки и отводы глаз, чтобы рабочая масса вполне ясно понимала суть дела. Только буржуазные партии смотрят на выборы, как на закулисную игру и дележку добычи. Рабочая же партия должна прежде всего добиваться того, чтобы народ правильно понял отношение между партиями, правильно по-

нял свои интересы и задачи борьбы, правильно понял суть того, что происходит за кулисами.

Мы видели, что жалобы на состав конференции петербургской организации Р. С.-Д. Р. П., на ее нежелание разделиться—пустые отговорки. Мы знали, что суть дела—простая. Меньшевики желали во что бы то ни стало соглашения с кадетами. Меньшевики знали, что большинство членов петербургской организации не разделяет этого взгляда. Меньшевики решили на все-русской конференции подчиняться в каждой местности решению местной организации. Теперь они нарушили свое обещание, пытаясь расколом достигнуть своих целей.

Ушедшие с конференции 31 меньшевик уже объявили сегодня (13 янв.) в петербургских газетах, что они предлагают блок и кадетам и всем трудовым партиям, не только социалистам-революционерам и трудовикам (которым предложила соглашение конференция), но и «народным социалистам».

Дело, значит, совсем ясное. Сознательный пролетариат решил вести самостоятельную избирательную кампанию. Мелкая буржуазия (трудовики в том числе) колеблется, бросается от одной стороны к другой, она способна предпочесть принципиальной борьбе сделку с кадетами. Меньшевики, это—мелко-буржуазная часть рабочей партии. В последнюю минуту, придравшись к самым пустяковинным отговоркам, они покидают революционный пролетариат и переходят на сторону кадетов.

Правильность этого вывода лучше всего подтверждают кадетские газеты. А ведь кадетов никто уже не заподозрит в сочувствии взглядам петербургской, т.-е. большевистской, социал-демократии!

Взгляните на центральный орган кадетской партии, газету «Речь». Всем прекрасно известно, что вместе с газетой «Товарищ» она постоянно толкала меньшевиков к расколу и старалась всячески расхваливать их, тщательно отделяя их от большевиков. Как только стало известно, что меньшевики ушли с конференции с.-д., «Речь» сейчас же (11 янв.) печатает редакционную статью «Социал-демократическая конференция и соглашения». Эта статья прямо приветствует «решительность» меньшевиков, приветствует раскол, начатый ими. Эта статья прямо заявляет, что «вне блока революционных партий в тесном смысле» (т.-е. вне петербургских с.-д. и тех, кому они предложили соглашение, т.-е. с.-р. и комитета трудовой группы) остаются «меньшевики и народные со-

циалисты» (самая умеренная, полукадетская из мелко-буржуазных, трудовых партий).

И кадеты прямо заявляют, что они готовы «возобновить» переговоры с этими «обеими умеренно-социалистическими партиями». Они прямо заявляют, что «совершившаяся в среде социалистических партий дифференциация (разделение) обещает до некоторой степени приблизить и понятия умеренных социалистов о думской тактике к нашим собственным (т.-е. кадетским) понятиям».

Эти слова главной кадетской газеты чрезвычайно важны. Кадеты не только оценивают практические результаты меньшевистского поворота. Кадеты ясно видят, что устраиваемый меньшевиками раскол имеет принципиальное значение, т.-е. что это раскол на деле изменяет отношение меньшевиков к основным взглядам на политическую борьбу, на задачи рабочего класса. Кадеты прекрасно поняли, что меньшевики повернули не только в смысле практического допущения соглашений, но также повернули в сторону основных взглядов буржуазии, отделились от пролетарской политики, приблизились к буржуазной политике. «Речь» прямо говорит, что умеренные социалисты (т.-е. меньшевики) приближаются к кадетской тактике, признают на деле кадетское первенство и руководство. Еще не зная того, примут ли с.-р. и трудовики предложение с.-д. конференции, кадеты уже учитывают вполне определенное соотношение политических сил: либеральная буржуазия руководит умеренной мелкой буржуазией и мелко-буржуазной частью пролетариата; революционный пролетариат идет самостоятельно, увлекая за собой в лучшем случае (лучшем для нас, худшем—для кадетов) только часть мелкой буржуазии.

Именно так рисуют дело кадеты. И нельзя не признать, что кадеты здесь вполне правы. Как солнце в малой капле воды,—отражается в маленьком петербургском происшествии постоянное, всем капиталистическим странам неизбежно свойственное соотношение политики либеральной буржуазии, рабочего класса и мелкой буржуазии. Везде и всегда либеральная буржуазия стремится местечками подкупить неразвитую массу, чтобы отвлечь ее от революционной социал-демократии. Кадеты начинают применять в России «английский» способ борьбы буржуазии с пролетариатом, борьбы не насилем, а подкупом, лестью, разъединением, задабриванием «умеренных», проведением их в министры, в депутаты, в выборщики и т. п.

Фраза о «возобновлении» переговоров в кадетской «Речи» то-

же вполне ясна. Пока с.-д. были едины, и революционеры с.-д. преобладали среди них,—переговоры были прерваны. Теперь, когда «обе умеренные социалистические партии» откололись от революции,—теперь кадеты заявляют: «переговоры могли бы возобновиться».

Если читателю не вполне ясен практический смысл этих слов, то мы объясним их ему. Кадеты давали два места (из шести) левым, именно: одно место рабочей курии, одно—социалистам вообще. Переговоры порвались. Теперь «умеренных социалистов» кадеты опять зовут: вернись, покупатель, мы могли бы и сойтись! Либо мы дадим теперь одно место меньшевику, другое—«народному социалисту», либо расщедримся даже на три места.

Вот что значат слова кадетов о «возобновлении» переговоров: левым мы не уступали, а умеренным из левых мы уступим!

Наивный или неопытный в политике человек может сколько угодно качать головой, выражать сомнения, соболезновать и т. п.,—дело от этого не изменится. Ведь не важно, как именно получился известный результат, важен самый результат (т.-е. для кадетов это не важно, а для рабочей массы, желающей сознательно относиться к политике, это очень важно).

Как именно велись переговоры меньшевиков с кадетами, мы не знаем,—письменно ли, словесно или даже простым намеком. Возможно, что видные умеренные меньшевики просто намекали перед кадетскими вождями на вероятный раскол среди с.-д., намекали на допустимость порайонных соглашений. И кадеты, конечно, на лету схватывали намек: «они» расколют петербургских с.-д., а мы «их» вставим в районный список! «Они»—нам, а мы—«им». Разве это менее действительная, менее деловая, менее прочная сделка, чем если бы «они» прямо пошли к Кутлеру, Милюкову или Набокову⁷¹⁾ и прямо сказали: мы вам расколем петербургскую с.-д. конференцию, а вы нас проведите через какой-нибудь районный список?

Это факт, что именно такова политика либеральных буржуа и оппортунистов с.-д. во всех конституционных странах. Русские рабочие должны научиться понимать эту политику, если они не хотят, чтобы их шутя могли водить за нос. Еще Чернышевский сказал: кто боится испачкать себе руки, пусть не берется за политическую деятельность. Кто участвует в выборах и боится испачкать себе руки, раскапывая грязь буржуазного политиканства, тот пусть уходит прочь. Наивные белоруч-

ки только вредят в политике своей боязнью прямо смотреть на суть дела.

Другой отзыв буржуазной печати, всецело подтверждающий нашу оценку раскола, есть отзыв г-жи Кусковой в «Товарище» (10 января). Она точно также приветствует меньшевиков, подстрекает их на окончательный раскол, отсоветует им «компромиссы» с большевиками, обещает им помощь от имени «рабочедельцев».

Чтобы понять эту статью г-жи Кусковой, надо знать, кто она такая. Мы расскажем об этом, ибо большинство рабочих не знает этого.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия основана в 1898 году⁷²). В 1899 году г-жа Кускова и г. Прокопович были членами партии, именно: членами ее заграничной организации, во главе которой стоял тогда Плеханов, бывший тогда революционным социал-демократом. Г-жа же Кускова и тогда, как и теперь, была оппортунисткой, защищала мелко-буржуазные взгляды в социал-демократии, отстаивала бернштейнианство, т.-е. в конечном счете подчинение рабочего класса либеральной политике. Всего яснее выразила г-жа Кускова свои взгляды в знаменитом «Credo» (читается: «крэдо», значит—символ веры, программа, изложение миросозерцания). В этом «Credo» говорилось: рабочие должны вести экономическую борьбу, а либералы—политическую. «Рабочедельцы»⁷³) (тогдашнее название оппортунистов в социал-демократии) тяготели в сущности к такому же взгляду. Плеханов объявил этим взглядам войну не на живот, а на смерть (в чем ему помогли русские революционные с.-д.) и расколол на этой почве заграничную организацию Р. С.-Д. Р. П. Он выпустил против оппортунистов и особенно г-жи Кусковой брошюру «Vademesum» («Спутник» для рабочедельцев).

Тогда г-жа Кускова была изгнана из с.-д. партии. Вместе с г. Прокоповичем она ушла к либералам, к кадетам. Потом она ушла и от кадетов, стала «беспартийной» писательницей в «беспартийно»-кадетском «Товарище».

Г-жа Кускова—не одиночка. Она—типичный образчик мелко-буржуазной интеллигенции, вносящей оппортунизм в рабочую партию и странствующей от с.-д. к кадетам, от кадетов к меньшевикам и т. д.

Вот какие люди бьют в барабан и кричат ура, приветствуя раскол, устраиваемый меньшевиками среди петербургских с.-д.

Вот каким людям выдают дело пролетариата рабочие, идущие за меньшевиками.

IV.

Политические партии и предстоящие выборы в Петербурге.

Как же обстоит дело с выборами теперь в Петербурге?

Теперь уже ясно, что на выборах будет три главных списка кандидатов: список черносотенный, список кадетский и список социал-демократический.

К первому примкнут октябристы, ко второму, вероятно, — меньшевики и н.-с., к третьему, может быть, трудовики и с.-р., хотя вполне возможно, что эти колеблющиеся партии, не давшие до сих пор окончательного ответа, тоже пойдут (отчасти вследствие раскола среди с.-д.) за кадетами.

Есть ли в Петербурге черносотенная опасность, т.-е. опасность победы черносотенцев на выборах? Меньшевики, переходящие теперь от социалистов к кадетам, говорят, что да.

Они говорят вопиющую неправду.

Даже в кадетской «Речи», в осторожной, дипломатической, оберегающей интересы либералов в каждой мелочи, даже в этой «Речи» мы читаем у г. Вергежского, что на избирательных собраниях октябрист совсем в загоне, что избиратель колеблется между кадетами и социалистами.

Все данные о всех предвыборных собраниях, о впечатлении, произведенном Лидвалиадой, судом над убийцами Герценштейна, разоблачениями подвигов черносотенцев и т. д., показывают ясно, что среди избирателей правые партии никаким уважением не пользуются.

Кто теперь еще толкует о черносотенной опасности на выборах, тот обманывает себя и обманывает рабочую массу. Теперь уже ясно видно, что крики о черносотенной опасности есть кадетская попытка завлечь к себе малосознательную массу.

Черносотенная опасность состоит не в опасности черносотенного голосования, а в возможных насилиях правительства, в возможных арестах выборщиков и т. п. Против этой опасности надо искать средства не в соглашении с кадетами, а в развитии революционного сознания и революционной решимости масс. Кадеты же больше всех и препятствуют развитию этого сознания и этой решимости.

Действительно серьезная борьба в Петербурге идет между кадетами и социал-демократами. Трудовые партии доказали свою слабость, доказали тем, что идут за самой умеренной и попула-

детской «народно-социалистической» партией,—и тем, что вообще не проявляют никакой самостоятельности и твердости.

Если бы меньшевики не изменили социалистам накануне выборов,—несомненно, что трудовики и с.-р. приняли бы наши условия. Несомненно, что масса избирателей, состоящая в Петербурге, как и везде, из бедноты, пошла бы за социалистами и трудовиками, а не за кадетами. Выборы в Петербурге имели бы тогда значение серьезного боя, перед всей Россией выдвигающего в ясной и отчетливой форме основные вопросы о будущем русской революции *).

Измена меньшевиков затрудняет для нас дело выборов, но от этого еще более важным становится принципиальное значение самостоятельной кампании с.-д. У пролетариата нет и быть не может иных средств против шатания мелкой буржуазии, как развитие классового сознания и сплоченности масс, обучение их на опыте политического развития.

Пока трудовики колеблются, пока меньшевики торгуются, мы должны всеми силами вести самостоятельную агитацию. Пусть знают все, что с.-д. идут во всяком случае и безусловно на выставление своего списка. И пусть все бедные слои избирателей знают, что им предстоит выбор между кадетами и социалистами.

Над этим выбором должны подумать избиратели. Это размышление дает во всяком случае крупное приобретение в деле развития сознания масс,—в деле более важном, чем приобретение местечка Иксу или Игреку у кадетов. Если массы городской бедноты еще раз пойдут на обещания кадетов, еще раз прельстятся шумихой либеральных фраз и либеральных посулов «мирного» прогресса, «мирного» законодательства господ Гурко и господ Кутлеров-Милюковых,—то события скоро разоблачат последние иллюзии.

Революционная социал-демократия должна говорить всю правду массам и идти неуклонно своим путем. Кто ценит действительные завоевания русской революции, сделанные пролетарской борьбой, у кого есть инстинкт человека трудящегося и эксплуатируемого, тот пойдет за партией пролетариата. И правильность

*) Интересно в этом отношении собрание коломенских избирателей, бывшее на днях. „Трудовик“ Водовозов (ставший трудовиком, видимо, только для того, чтобы потащить трудовиков в хвосте кадетов) голосует и проводит решение: дать кадетам два места из шести в общем левом блоке. О, наивность! Чтобы давать меньшую часть мест, надо сначала победить, г. Водовозов, а не плестись за к.-д.! И даже такое собрание с таким запевалой показало своим голосованием, что масса настроена левее к.-д. Такую массу мы обязаны поставить перед выбором: за либеральную буржуазию или за революционный пролетариат.

взглядов этой партии будет все яснее и яснее для масс с каждым этапом развития русской революции.

П о с л е с л о в и е.

Передовица «Речи» от 14-го января дает новые подтверждения сказанному нами выше о замечании меньшевистского перехода от социалистов к буржуазии. «Речь» торжествует по поводу того, что ее предвидение оправдалось, что меньшевики отказываются в Петербурге и устраивают свою особую организацию». Так и случилось,—говорит газета, ссылаясь на свои предыдущие номера.—Часть социал-демократии, хотя и не наиболее влиятельная, зато наиболее склонная к парламентской деятельности, пошла навстречу нашим предложениям.

Да, это правда. Меньшевики пошли навстречу стремлению либеральных буржуа отколоть оппортунистическую часть рабочей партии и подчинить ее руководству кадетов. Мы видели выше, что «Речь» отделила уже меньшевиков и н.-с.-ов от революционных партий, назвав их «умеренными социалистами». Теперь «Речь» делает шаг далее. Она говорит, что и социал-народники (н.-с.), вероятно, предпочтут блок с кадетами. Она говорит: «меньшевики решительно пошли навстречу созданию общего оппозиционного блока». «Возможность оппозиционного блока кадетов, меньшевиков и социал-народников надо признать значительно увеличившейся после отказа большевиков».

Итак, три блока или во всяком случае три основных политических силы на выборах признали теперь сами кадеты: правительственный блок, оппозиционный блок, революционный блок. Это деление вполне правильное. Мы отмечаем, что сила вещей приводит кадетов к признанию наших давних и настоячивых указаний. И мы отмечаем также, что в революционном «блоке» вполне твердо стоит пока одна только революционная социал-демократия. Другие элементы и в частности революционная мелкая буржуазия («социалисты-революционеры») все еще колеблются.

Принципиальное значение перехода меньшевиков на сторону кадетов выясняется все больше и больше. Хорошие слова меньшевистских избирательных платформ и принципиальных резолюций (напр., на всероссийской с.-д. конференции), слова о том, что они будут разоблачать иллюзии мирного пути, что они советуют выбирать в Думу не ходатаев, а борцов и т. д., и пр., и т. п.,—все эти слова оказались только словами. На деле меньшевики поступали так, что кадеты повели их за собой, за своей полити-

кой. На деле меньшевики оказались в «оппозиционном блоке», т.-е. стали простым придатком кадетов.

Мало того. Передовица «Речи» от 14-го янв. раскрывает также и то, какую цену намерены кадеты заплатить меньшевикам за поддержку кадетов и за вступление в оппозиционный блок. Цена эта—одно место в Думе, отнимаемое у рабочей курии. Слушайте:

«Так как вместе с тем (т.-е. вместе с образованием оппозиционного блока из кадетов, м-ков и н.-с.) уменьшилось количество претендентов на думские места, то, может быть, при новой комбинации окажется возможным принять предложение партии народной свободы и ограничиться двумя местами из шести. Конечно, теперь в этом предложении придется, по всей вероятности, сделать некоторое изменение. Место, которое предназначалось для лица, избранного рабочей курией, после решения Конференции, очевидно, уже не может быть предоставлено рабочему-большевику. При новом составе блока меньшевики могли бы смотреть на это место, как на свое законное достояние. Другое место из числа двух, уступаемых партией народной свободы, в таком случае осталось бы за народно-социалистическим блоком».

Превосходная сделка! Можно поздравить кадетов с дешевой покупкой! Все за те же два «уступаемых» местечка приобрести себе и все мелко-буржуазные партии, и мелко-буржуазную часть рабочей партии,—и притом на счет рабочих!

Рабочие должны потерять право на своего представителя от рабочей курии вследствие того, что меньшевики отказались от социал-демократов и стали умеренно-социалистической партией (по оценке «Речи»), вошли в оппозиционный блок. Рабочие Петербурга теряют предоставленное им кадетами право распоряжаться своим местом потому, что меньшевики пошли не за революционными с.-д., а за кадетами. За «сделочку» с кадетами меньшевики получают «уступочку» не за счет кадетов, а за счет рабочих... Какой великолепный образчик буржуазных уступок «народу»! Поборникам «народа» буржуазия готова дать местечко, если эти поборники переходят на сторону буржуазии...

Уполномоченные и выборщики от рабочей курии, наверное, увидят теперь, какие выгоды—не только принципиальные, но и практические—несет с собою для них соглашение с кадетами. Не ясно ли, что кадеты давали (не дают, а давали) одно место рабочей курии вследствие искреннего сочувствия их интересам действительной свободы действительного народа, а вовсе не ради привлечения на сторону буржуазии темной, нуждающейся массы?

УСЛЫШИШЬ СУД ГЛУПЦА...

(Из заметок с.-д. публициста)

Написано
15 января 1907 г.

Напечатано брошюрой
в январе 1907 г.
Измтоизд. „Новая Дума“.

„Услышишь суд глупца“ ...

(Из заметок с.-д. публициста).

Буржуазная печать судит и рядит по поводу решения петербургской с.-д. конференции. Общий хор либералов,—начиная с чопорно-официальной «Речи» и кончая уличным листком «Сегодня»,—ликование по поводу раскола, производимого меньшевиками, торжество по поводу возврата этих блудных сынов «общества» в лоно «оппозиционного блока», по поводу освобождения их из-под влияния «революционных иллюзий».

Социал-демократам, которые действительно стоят на стороне революционного пролетариата, не мешает поставить вопрос:

А судьи кто?

Возьмем едва ли не лучшего из судей—газету «Родная Земля» от 15 янв. Направление этой газеты, несомненно, левее кадетского. По всем данным, можно назвать это направление трудовическим. Как на документальное подтверждение такой политической характеристики, можно указать на сотрудничество в этой газете г. Тана. Г. Тан значится в опубликованном списке членов организационного комитета «трудовой (народно-социалистической) партии».

Итак, судьи—трудовики.

Они осуждают большевиков и одобряют, подобно кадетам, план меньшевиков. В отличие от кадетов, они хотят только, чтобы в общем блоке всех левых партий кадетам было предоставлено не более 2—3 мест.

Таков приговор. Посмотримте мотивы.

«В центре спора, несомненно, стоит вопрос о том, существует или нет в Петербурге черносотенная опасность».

Неправда. Если вы беретесь судить большевистскую социал-демократию в передовой статье политической газеты, вы обязаны знать то, о чем вы судите. Вы сами говорите в той же передовой:

«спор, возгоревшийся в настоящее время около резолюций (социал-демократической) конференции представляет несомненный общественный интерес». Кто выражает желание публично участвовать в интересующем всех споре и обнаруживает сразу незнание «центра» спора, тот рискует получить в лицо наименование не из лестных...

Революционная социал-демократия много раз уже во всех своих неоднократных политических заявлениях разъясняла и подчеркивала, что «центром» споров о тактике во время выборов нельзя считать вопрос о так называемой черносотенной опасности.

Почему нельзя? Потому, что тактика рабочей партии во время выборов должна быть лишь применением к одному частному случаю общих основ социалистической тактики пролетариата. Выборы представляют из себя лишь одно и притом далеко не самое важное, не самое существенное (особенно в революционную эпоху) поприще борьбы социалистического пролетариата за свободу и за уничтожение всякой эксплуатации. Кроме борьбы посредством избирательных бюллетеней, существует еще—и неизбежно разгорается в революционные эпохи—борьба иного рода. Об этой иной борьбе склонны забывать мнящие себя образованными интеллигенты, у которых сочувствие свободе сидит не дальше, как на кончике языка. О ней склонны забывать мелкие хозяйчики, которые стоят в стороне от самой острой и повседневной борьбы с капиталом и его прислужниками. Но об этой борьбе не забывает пролетарий.

И поэтому для сознательного пролетария тактика во время выборов может быть лишь приспособлением к особой, именно избирательной, борьбе его общей тактики, а ни в каком случае не переменой основ его тактики, не передвижением «центра» этой тактики.

Основы социалистической тактики во время революции состоят в том, чтобы передовой класс, пролетариат, шел во главе народной революции (происходящая теперь в России революция есть буржуазная революция в том смысле, что завоевание всей свободы и всей земли народу нисколько не избавит нас от господства буржуазии; ясно, что такой общественно-экономический характер революции не мешает ей быть народной революцией). Передовой класс должен поэтому неуклонно разоблачать перед всеми массами лживость всяких надежд на переговоры и соглашения со старой властью вообще, на соглашение помещиков и крестьян в земельном вопросе в частности. Передовой класс должен самостоятельно вести линию неуклонной борьбы, поддерживая лишь тех, кто действительно борется, лишь в той мере, в какой они борются.

Таковы основы социалистической тактики, предписывающие

рабочей партии классовую самостоятельность, как правило, сотрудничество и соглашение только с революционной буржуазией и только как исключение.

Либералы не понимают этих основ с.-д. тактики. Им чужда идея классовой борьбы, их отталкивает противопоставление сделок и переговоров—народной революции. Но социал-демократы в принципе все, и большевики и даже меньшевики, признают основы этой тактики. Г. г. трудовики, которые берутся вести политический орган, не зная азбуки в современных тактических вопросах социализма, могут прочесть об этом хотя бы в избирательной платформе с.-д. партии—платформе меньшевиков, преобладающих в Ц. К.

«Граждане, говорит эта платформа, в Думу надо выбирать таких людей, которые хотят не только для России свободы, но стремятся помочь народной революции для завоевания этой свободы... Большинство первой Думы, руководимое партией «народной свободы», надеялось добиться свободы и земли путем мирных переговоров с правительством.. Выбирайте же, граждане, борцов революции, которые вместе с вами будут продолжать великое дело, начатое в январе, октябре и декабре прошлого (1905) года».

«Центр спора», в котором ничего не поняли наши трудовики, состоит в том, допустимы ли принципиально соглашения с кадетами с этой точки зрения. На этот вопрос петербургская с.-д. конференция ответила, вслед за 14-ю делегатами всероссийской конференции (Р. С.-Д. Р. П.), отрицательно. Соглашения с партией сделок и переговоров с старой властью недопустимы. Союзниками в «народной революции» кадеты быть не могут. Присоединение их к «борцам революции» не усиливает, а ослабляет борцов, работу которых тормозят кадеты, выступающие теперь прямо против борьбы, против всяких революционных лозунгов.

Не заметив этого принципиального отношения большевистской социал-демократии к кадетам, наши судьи «слона» не заметили.

Эти трудовики всецело находятся под идейным влиянием либеральной буржуазии. Для них выборы заслонили всё, результаты выборов заслонили дело просвещения масс в ходе выборной кампании. Они понятия не имеют о том, что полная ясность, определенность, недвусмысленность избирательной агитации имеет громадное значение для верного своим принципам социал-демократа, который останется верен своей революционной позиции, хотя бы его соблазнили перспективой получить местечко в Думе, хотя бы его пугали перспективой остаться в столице без мандата в Думе. Трудовики же забыли все принципы, забыли все основные задачи ре-

волюции, поддавшись либеральной перепалке: они ничего не видят, ничего не понимают, ни о чем не заботятся и бормочут только— «одно место, два места, три места!».

«...Центр вопроса... существует ли в Петербурге черносотенная опасность»...

Итак, черносотенную опасность вы сводите к опасности черносотенной победы на подделываемых правительством выборах! Поймите же, господа, что, ставя так вопрос, вы признаете правительство уже окончательно победившим, а дело свободы, о которой вы болтаете, уже окончательно проигранным! Вы не видите сами и мешаете народным массам видеть ту реальную черносотенную опасность, которая проявляется не в голосованиях, а в определении условий голосования (сенатские разъяснения и предстоящая отмена избирательного закона 11 декабря), в уничтожении результатов голосования (разгон Думы). Вы становитесь всецело на пошлую либеральную точку зрения, ограничивая свои помыслы—и помыслы сбиваемых вами с толку народных масс—борьбой на почве поддельного и подделываемого закона. Черносотенной опасности в виде возможного ареста всех выборщиков вы не видите. То, что от вас и всецело от вас зависит,—то, что дает во всяком случае прочное и существенное приобретение революции, именно: развитие революционного сознания масс вполне выдержанной агитацией, это вы теряете. А то, за чем вы хотите гоняться, зависит от столыпинских проделок, от нового разъяснения сената, от нового полицейского нарушения закона о выборах. Следовательно, вы совершенно так же боретесь с «черносотенной опасностью», как французские буржуазные республиканцы борются с монархической опасностью: именно—посредством укрепления монархических учреждений и монархической конституции в республике. Ибо, поселяя в народе мысль, что черносотенная опасность состоит в опасности черносотенного голосования, вы укрепляете невежество самых неразвитых масс относительно действительного источника и действительного характера черносотенной опасности.

Но пойдем дальше. Допустим, что дальнейших сенатских разъяснений относительно выборов и выборщиков не будет. Перейдем к вопросу о победе тех или иных партий на голосовании в Петербурге при данной избирательной системе.

Трудовики не могут отрицать, что правые партии сильно скомпрометированы, что союз 17 октября терпит поражения, одно позорнее другого, что «в последнее время октябристы совсем при- тихли, ошеломленные тяжелыми ударами слева», что «общество полевело».

Но... Щедрин давно уже переводит на общепонятный язык это либеральное российское «но»—не растут уши выше лба, не растут!—но «технические затруднения», «не посылают литературы», «не дают бюллетеней», «полицейские стеснения»...

Вот она, психология российского интеллигента: на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник.

От полицейских стеснений должны помочь блоки с кадетами! Почему же не с октябристами, которые «хотят» конституции, и которые гарантированы от «стеснений»? Поистине, российская политическая логика: избирательные соглашения, как средство борьбы против непосылки почтой литературы, против невыдачи бюллетеней... Против чего вы боретесь, господа?

— Против тех «законов», на основании которых производятся полицейские безобразия и объявляются «незаконными», не получающими бюллетеней, известные партии.—Как же вы боретесь?

— Ну, конечно, посредством соглашения с партией, которая либо получит бюллетени от мирнообновленцев, либо войдет еще в сделку со Столыпиным до Думы, либо останется тоже без бюллетеней!

Русский чиновник (в 20 лет радикал, в 30 либерал, в 40 просто чиновник) привык либеральничать в 4-х стенах и показывать кукиш в кармане. Избирательную кампанию он тоже рассматривает с точки зрения кукиша в кармане. Нужно ли влиять на массы? Пустяки, ведь почта не пересылает нашей литературы.

Не следует ли издавать и распространять литературу помимо «почты» и подобных ей учреждений?

— Пустяки! Это старые революционные иллюзии, не соответствующие «широкой» конституционной работе. Широкая конституционная работа состоит в том, чтобы надуть начальство: «они» будут меня среди с.-д. или с.-р. искать, а я в кадетском списке спрячусь так, что меня не разыщут! Правительство будет меня искать, как революционера, а я надую и правительство, и революционеров, я перебегу в «оппозиционный блок». Вот я какой хитрый!

— Но не выйдет ли отсюда, о, почтенный политический деятель, что вы надуете и массы, которые перестанут отличать все от «оппозиции» коленопреклоненных либералов?

— Пустяки! Какие там еще массы?.. ну, дадим местечко рабочей курии... И потом, с известной точки зрения мы все за свободу... революция стала общенациональной... кадеты тоже готовы бороться по-своему...

Спрашивается, кроме полицейских соображений есть ли у наших трудовиков политические соображения? Есть. Они состоят

в том, что надо приспособляться не к энергичному и подвижному, а к сидящему дома, забитому или сонному избирателю. Слушайте, как рассуждает «левая» газета:

«По настроениям митингов нельзя еще судить о настроении всей массы избирателей... На митингах бывает не более $\frac{1}{10}$ части всех избирателей—конечно, наиболее энергичных и живых, подвижных людей».

Поистине, достаточное основание, чтобы плестись в хвосте наименее энергичных, наиболее мертвых, неподвижных кадетских избирателей! Трагедия русского радикала: он десятки лет вздыхал о митингах, о свободе, пылал бешеной (на словах) страстью к свободе,—попал на митинг, увидел, что настроение левее, чем его собственное, и загрустил: «трудно судить», «не более $\frac{1}{10}$ », «поосторожнее бы надо, господа!». Совсем как пылкий тургеневский герой, сбежавший от Аси,—про которого Чернышевский писал: «Русский человек на rendez-vous»⁷⁴).

Эх, вы, зовущие себя сторонниками трудящейся массы! Куда уж вам уходить на rendez-vous с революцией,—сидите-ка дома; спокойнее, право, будет; и дела не придется иметь с этими опасными «наиболее энергичными и живыми, подвижными людьми». Вам под стать неподвижные обыватели!

А, может быть, вы теперь на простеньком примере и смекнете, в чем «центр спора» из-за соглашения с кадетами?

Именно в том, почтеннейший, что обывателя мы хотим встряхнуть и превратить в гражданина. А для этого надо заставить его сделать выбор между обывательской политикой раболепствующего перед (тьфу! тьфу!) «конституцией» кадета и между революционной политикой социалистического пролетариата.

«Блок всех левых партий» есть потопление «одной десятой наиболее энергичных и живых, подвижных людей» в массу равнодушных, спокойных, сонных, есть подчинение желающих бороться (и способных в решительную минуту увлечь за собой массы) и желающим так же неприлично лойляльничать, как кадеты в первой Думе, так же торговаться с Столыпиным и подлю перебегать на его сторону, как кадет Львов.

Реакция наступает на вас, она отняла уже добрую треть завоеваний октября, она грозит отнять и остальные две трети. А вы корчите из себя людей порядка, вы защищаетесь тем, что апеллируете к обывательской психике: никаких наступлений, никакой революции, мы идем в Думу законодательствовать, мы ограничиваемся обороной, мы стоим на почве закона!

Когда поймете вы, что ограничиться обороной значит уже при-

знать себя разбитым морально? Да вы и на самом деле разбитые морально люди. Вы только и годны на то, чтобы отдать свои голоса кадету.

«Заставить обывателя сделать выбор», говорили мы. Именно, заставить. Ни одна социалистическая партия в мире не могла вырвать массы из-под влияния базирующихся на обывательской психике либеральных или радикальных буржуазных партий без некоторого толчка, без некоторого сопротивления, без риска первого опыта: кто на деле защищает свободу, кадеты или мы?

Если есть соглашение с кадетом, обывателю не надо думать об этом. За него уже обдумали дело политиканы из радикальных болтунов и с.-д. оппортунистов, обдумали на rendez-vous с кадетами. Обыватель полевел (не по нашей вине, не в силу нашей партийной проповеди, а в силу Столыпинского усердия), обыватель полевел,—и довольно с нас. Полевел, значит, будет за «блок всех левых»! И будет вся обывательская масса, а не то что какая-нибудь одна десятая беспокойных... виноват, подвижных... людей. Надо и собрания, и всю политику подгонять под струсившего обывателя, вот что значит на деле блок с кадетами!

А мы говорили: надо не только листочки и платформы, не только резолюции и речи, а всю политику и избирательную кампанию вести так, чтобы противопоставлять струсившему обывателю решительного борца. И противопоставить это можно только посредством противопоставления двух различных списков: кадетского и социал-демократического. В столице, печать которой расходится по всей России, в столице, где находятся центры всех партий, в столице, которая идейно-политически руководит всей страной,—в тысячу раз важнее дать образец не политики обывательского благодушия, а политики, достойной октябрьского борца, вырвавшего кусочек свободы,—политики, достойной пролетариата.

Наши фразы о необходимости сознать ошибки «миролюбивой» кадетской Думы, о необходимости сделать шаг дальше,—останутся пустыми фразами, если мы сами не сделаем шага дальше против обывательской, обломовской идеи: «блок всех левых партий». Наши призывы идти вперед прозвучат фальшью и не зажгут сердца народных борцов, если мы сами, «руководители», «вожди», устроим в столице, перед глазами всех народов России, шаг на месте: под ручку с теми же самыми кадетами, на основе «полюбовного» распределения мест, по-хорошему, все сообща, все за одно, все за свободу... Чего уж там разбирать еще? И какая беда, если меньшевик Иван Иванович сказал когда-то гусака кадету Ивану Никифору?.

«...На митингах бывает не более $\frac{1}{10}$ части всех избирателей»... Хорошо, господин радикал. Поверим вам, в виде исключения, на слово,—сделаем вам эту уступку за то... за то, что вы аргументируете так неловко.

Одна десятая избирателей, это составляет 13.000 из 130.000 по всему Петербургу. Эти тринадцать тысяч наиболее энергичных и живых, подвижных избирателей настроены левее кадетов. Спрашивается, можно ли, находясь в здравом уме и твердой памяти, утверждать, что энергичные посетители митингов не ведут за собой известного числа менее энергичных домоседов-избирателей? Всякий понимает, что этого нельзя допустить, что в полуторамиллионном городе есть, даже помимо газет и собраний, тысячи иных путей и каналов, которыми просачивается настроение передовиков во всю массу. Всякий понимает,—и все выборы во всех странах подтверждают это,—что за каждым энергичным избирателем, посетителем митингов, имеется не по одному, а по несколько избирателей-домоседов.

На прошлых выборах из 150.000 петербургских избирателей подали голоса 60.000. Из них около 40.000 за кадетов, около 20.000 по всему Петербургу за правых. Мы слышали, от самого нашего г. радикала, не желающего быть «оптимистом»... (боже упаси! наши радикалы хотят быть «солидными людьми») вроде немецких радикалов 40-х годов прошлого века)... Мы слышали от него, что октябристы совсем притихли, и мы знаем из фактов об их полном поражении. Мы слышим теперь о 13.000 энергичных избирателей, настроенных левее кадетов. Подумайте о том, что отношения между этими цифрами видоизменяются сильно по отдельным участкам. Подумайте о том, сколько голосов стоит обыкновенно за избирателем, посещающим митинги.

Вам станет ясно, что опасность черносотенного голосования в Петербурге, в смысле опасности прохождения в Думу правых из-за раздробления голосов кадетов и социалистов, есть вздорная сказка. Ведь для того, чтобы в Петербурге прошли в Думу правые, необходимо, чтобы в большинстве участков не только раздробились голоса вообще, но раздробились именно так, чтобы и кадеты и социалисты, взятые порознь, имели голосов меньше, чем имеет список черных. Это явная бессмыслица.

И мы говорим поэтому прямо: если черносотенная опасность не проявится с вне-«конституционной» стороны (а в оценке этой стороны и лежит центр тяжести различной тактики кадетов и социалистов), то раздробление голосов кадетов и социалистов не может дать победы правым в Петербурге.

Опасность черносотенного и с х о д а выборов в Петербурге есть о б м а н н а р о д а, распространяемый кадетами, «радикалами» и всякими оппортунистами и служащий интересам о б ы в а т е л ь щ и н ы в политике. Сказка об этой черносотенной опасности служит на деле интересам кадетов, которых она помогает ограждать от опасности слева,—служит отступлению масс, которых не заставляют в самом акте голосования отличить «законодательствующего» кадета-буржуа от социалиста, ведущего народ на борьбу.

И поэтому, когда общий хор либералов, трудовиков и оппортунистов с.-д. возглашает по нашему адресу: вы изолированы!—мы отвечаем спокойно: мы очень рады, что изолировали себя от обмана. Мы очень рады, что изолировали себя от грязного дела. Ибо в Петербурге, после 9 января 1905 г. ⁷⁵⁾, после октября 1905 г. ⁷⁶⁾, перед 130.000-ной массой избирателей проводить в Думу Кутлеров, Набоковых, Струве и К⁰ есть безусловно грязное дело.

Мы предсказываем трудовикам и с.-д. оппортунистам, которые заранее ликуют, что кадеты протащат в Думу их, а не большевиков, — мы предсказываем им, что если II Дума будет кадетской, то им, трудовикам и с.-д. оппортунистам, будет стыдно за проведение в Думу кадетов. Теперь они прямо будут отвечать за это. А кадеты во II Думе уйдут настолько вправо (это видно из всего их поведения и всей их политической литературы за последний год), что изболчать их придется даже крайним оппортунистам. В I Думе кадет Львов повернул к мирнообновленцам и к оправданию черносотенного разгона Думы. Во II Думе (если история не принесет нам крутого поворота, от которого разлетятся в прах все мелкие сделки с кадетами и все кадеты),—во II Думе кадетские Львовы покажут себя не в конце, а в начале.

Берите же, господа, себе местечки в Думе от кадетов! Мы не завидуем вам. Мы возьмем себе предупреждение массы рабочей и мелко-буржуазной столичной массы. Мы возьмем себе развитие в ней—не только посредством речей, но и посредством самих выборов—сознания пропасти между кадетами и социалистами.

Каждому свое,—а «смешивать два эти ремесла есть тьма охотников, мы не из их числа».

«И они—говорит передовик «Родной Земли» про большевиков—будут даже более одиноки теперь, чем раньше, так как прежние бойкотисты, эсеры, теперь не только идут на выборы, но и стоят за блок с кадетами!»

Ново и интересно. Мы уже отмечали как-то раз, что эсеры ведут себя во всем вопросе об избирательных соглашениях не как

политическая партия, а как интеллигентская клика, ибо открытых политических выступлений их организаций по этому вопросу мы не видели. И теперь, если газета, в которой пишет г. Тан, не говорит прямой неправды и не повторяет непроверенного слуха, то мы сделаем дальнейший вывод,—именно тот: с.-р-ы ведут себя в вопросе об избирательных соглашениях политически нечестно или, по крайней мере, с такой шаткостью, которая неотделима от политической опасности.

Всем и каждому известно, что конференция петербургской с.-д. организации отвергла блок с к.-д. и предложила против них выборное соглашение трудовикам и эс-эрам. Резолюция наша напечатана во всех газетах.

Переговоры между П. К. Р. С.-Д. Р. П. и соответствующими учреждениями с.-р. и Комитета Трудовой группы уже имели место. Расхождения касались исключения нами эн-эсов (н.-с.—«народные социалисты») и числа мест. Если тем не менее эс-эры, начав переговоры с нами после нашего заявления о безусловном решении дать сражение в Петербурге кадетам, начали или продолжали переговоры с кадетами о блоке, то очевидно, что эс-эры поступили политически нечестно.

Мы говорим открыто: идем в бой с кадетами. Кто за нас?

И эс-эры ведут переговоры *и* с нами, *и* с кадетами!

Повторяем: правду ли сказал передовик «Родной Земли», мы не знаем. Оставить вовсе без внимания прямое утверждение органа, в котором пишет член организационного комитета партии н.-с.—г. Тан, мы не можем. О блоке эс-эров с эн-эсами мы знаем из газет и из сообщений эс-эров в переговоре с нами (хотя условия этого блока и его настоящий характер нам неизвестны: тут тоже какая-то закулисная игра ведется).

Наш долг, следовательно, поставить вопрос публично и открыто, чтобы все знали о поведении такой-то политической партии. До сих пор соотношение партий определялось у нас только по программам и литературе,—это, ведь, одни слова в конечном счете. I Дума обрисовала некоторые партии на их деятельности. Теперь мы и выборы непременно должны использовать и используем для полного просвещения масс относительно действительного характера партий.

Что эс-эры скрывают нечто из своих отношений к эн-эсам, это теперь политический факт. Что на деле эс-эры идут в хвосте у отколовшейся от них оппортунистической партии, это тоже факт. На деле, значит, эс-эры в смысле революционной самостоятельности и решимости гораздо хуже, чем

они кажутся. И если они пойдут на блок с кадетами,—да еще ради местечка не для себя, а для эн-эсов,—то мы будем иметь превосходный агитационный материал для разъяснения петербургским рабочим марксистского положения о полной неустойчивости и обманчивой внешности мелко-буржуазных (хотя бы и революционных) партий.

От таких партий «изолировать» себя мы считаем не только делом чести для социал-демократа, но и единственно расчетливой политикой. Только расчет у нас ведется не с точки зрения мест в Думе, а с точки зрения всего рабочего движения в целом, с точки зрения коренных интересов социализма.

Но вернемся к «Родной Земле». До какого легкомыслия доходит эта газета, показывает следующая фраза:

«Вообще постановления конференции большевиков сделаны, по видимому, поспешно и неосмотрительно. Чем, в самом деле, трудовики лучше эн-эсов?»

Это «в самом деле», поистине, бесподобно. Автор — такой круглый невежда в политике, что он даже и не замечает того, что ходит нагишом,—совсем как австралийский дикарь. И это—образованные политики мелкой буржуазии!

Ну, что же делать, примемся за «проклятую обязанность» публициста: разжевывать жвачку и учить азбуке.

Трудовики, т.-е. Комитет Трудовой Группы, к которому обратилась Спб. с.-д. конференция, и эн-эсы возникли из Трудовой Группы в первой Думе. В этой Тр. Группе было 2 крыла: оппортунистическое и революционное. Нагляднее всего обнаружилось различие между ними в различии двух аграрных проектов Трудовой Группы: проекта 104-х и проекта 33-х⁷⁷⁾.

Общего между этими проектами 1) то, что они стоят за переход земли от помещиков к крестьянам; 2) то, что они пропитаны насквозь духом мелко-буржуазной утопии, утопии «поравнения» мелких хозяев (хотя бы в известном отношении) в обществе товарного производства.

Различие этих проектов состоит в том, что первый проникнут боязнью мелкого собственника произвести слишком крутой переворот, втянуть в движение слишком большие и слишком бедные массы народа. Превосходно выразил этот «дух» проекта 104-х один из авторов его и лидеров эн-эсов, г. Пешехонов⁷⁸⁾, сославшийся на заявление «хозяйственных мужичков» в Думе: «нас послали получить землю, а не отдать ее». Это значит, что наряду с утопией мелко-буржуазного поравнения у этого крыла трудовиков ясно выражены корыстные интересы более зажиточной

части крестьянства, боящейся, как бы ей не пришлось „отдавать“ (при предположении всеобщего „поравнения“, как мыслит себе социализм мелкий буржуа). Взять у помещика, но не отдать пролетарию,— вот лозунг партии хозяйственных мужичков.

Проект же 33-х предлагает немедленную и полную отмену частной собственности на землю. „Поравнительная“ утопия здесь тоже есть и в таком же масштабе, но боязни „отдать“ нет. Это—утопия не оппортунистического, а революционного мелкого буржуа, не хозяйственного мужика, а разоренного мужика, не мечта нажиться от помещика на счет пролетария, а мечта облагодетельствовать всех, и пролетариев в том числе, посредством поравнения. Это—не боязнь втянуть в движение самые широкие и самые бедные массы, а желание втянуть их в борьбу (желание, не сопровождающееся умением и пониманием дела) *).

После Думы это различие двух течений у трудовиков повело к образованию двух различных политических организаций: Комитета Трудовой Группы и партии н.-с. Первая организация приобрела себе почетное в истории русской революции место своими июльскими воззваниями. До сих пор, насколько известно публике, она этого своего хорошего имени еще не испортила, нигде от воззваний не отрекалась, в хоре нытиков, кисляев и ренегатов не участвовала.

Вторая же организация именно период разгона Думы использовала для того, чтобы при столыпинском режиме легализоваться,— чтобы в легальной печати, т.-е. огражденная от критики слева, „разносить“ вышеупомянутые воззвания, рекомендовать народу „пока“ не задевать известных учреждений старой власти и так далее. Конференция Спб. с.-д. организации выразилась поэтому про эту партию еще слишком мягко, сказав об „уклончивом отношении ее к основным вопросам внедумской борьбы“.

Итак, политические факты до сих пор были таковы, что мелко-буржуазные или трудовые партии ясно разделились на партии революционного мелкого буржуа (с.-р. и Комитет Трудовой Группы) и партию оппортунистического мелкого буржуа (н.-с.). Так как для с.-д. избирательная кампания есть одно из средств политического просвещения масс, то мы и здесь, отделив две трудовические партии от третьей, заставили обывателя подумать о причинах этого разделения. А подумавши и разузнавши в чем дело, обыватель сделает сознательный выбор.

*) По адресу этих,—да и других,—мелко-буржуазных революционеров мы могли бы сказать, как один поэт анархист сказал по нашему адресу: «Ломать мы будем вместе,—строить—нет».

В заключение, нельзя не отметить, что наивный невежественный передовик „Родной Земли“ пускается в то же время в забавные софизмы, чтобы оправдать свою позицию. Не бесполезно разобрать один софизм, имеющий такой вид, чтобы как раз удовлетворять филистеров:

„Неправы большевики и в том случае, если черносотенной опасности нет. Потому что в таком случае нет необходимости в блоке с с.-р. и трудовиками, и с.-д. партия может с большою пользою для чистоты своего классового содержания выступать на выборах вполне самостоятельно“.

Вот, дескать, мы каковы,— думает этот радикал,— даже о чистоте классового содержания судить можем!

Да, современный газетный писатель „может“ судить обо всем, но понимать дела он не понимает, и знаний у него нет. Неверно, будто необходимость соблюдать чистоту классовой позиции исключает всякие соглашения. Думать так — значит доводить до абсурда взгляды марксизма, превращать их в карикатуру. И точно так же неверно, будто нет необходимости блока с с.-р., если нет черносотенной опасности.

Полная самостоятельность избирательной кампании С.-Д. Рабочей Партии есть общее правило. Исключения, однако, приходится допускать всякой живой и массовой партии,— только в разумных и строго ограниченных пределах. В эпоху буржуазной революции все с.-д. допускали политические соглашения с революционной буржуазией и тогда, когда совместно работали в Советах Рабочих, Крестьянских, Солдатских, Железнодорожных и т. д. Депутатов, и тогда, когда подписывали известный манифест Совета Рабочих Депутатов (декабрь 1905 г.) или июньские воззвания (июль 1906 г.). Передовик „Родной Земли“, очевидно, не знает самых общеизвестных фактов, касающихся роли разных партий в русской революции. Революционная социал-демократия отвергает беспринципные соглашения, отвергает вредные и ненужные соглашения, не связывать себе руки вообще и на все случаи она и не думает. Это было бы ребячеством. Платформа 14-ти делегатов Всероссийской с.-д. конференции *) документально доказала это.

Далее. „Необходимость“ соглашения с с.-р. и трудовиками в Петербурге вытекает из кадетской опасности. Если бы автор передовицы в „Родной Земле“ знал тот предмет, о котором он взялся говорить, то ему было бы известно, что даже среди социал-демократов — сторонников соглашений с кадетами — есть влиятельнейшие

*) См. выше 5—6 стр. этого тома. Р е д.

организации (напр., Бунд), которые признают необходимость блока с революционной буржуазией в случае кадетской опасности, когда нет черносотенной опасности. В Петербурге возможно было бы не только провести избирательную кампанию в духе революционного и социалистического воспитания масс (этого-то мы, с.-д., во всяком случае достигнем), но и победить кадетов, если бы не изменили меньшевики с.-д., если бы за всеми социалистами пошли все революционные трудовики. А раз мы ведем избирательную кампанию, мы не вправе упускать ни единой возможности победы, лишь бы при этом не было принципиальных нарушений социалистической тактики.

Что серьезная борьба в Питере ведется только между кадетами и социал-демократами, это доказано предвыборными собраниями (то же относится и к Москве, при чем можно добавить, что результаты всех частичных анкет, напр., газеты «Век», или профессионального союза приказчиков «Единение и Сила» тоже подтвердили это положение).

Что соглашение с кадетами есть идейно-политическая гегемония кадетов над их союзниками, это доказывает и вся политическая печать и весь характер переговоров. Кадеты диктуют условия. Кадеты громогласно определяют значение соглашений (вспомните их отзывы о меньшевиках и н.-с., «умеренные социалистические партии», «оппозиционный блок»). От кадетов просят равенства числа мест, как максимальной уступки.

И так же несомненно, что соглашение с.-д. с революционно-демократическими партиями означает гегемонию с.-д. над мелкой буржуазией. Печать с.-д. открыто, ясно и всесторонне развила все свои взгляды, тогда как с.-р. и Комитет Трудовой группы вовсе не высказались самостоятельно по вопросу о соглашениях. Основной тон взят социал-демократами. Об урезывании их социалистических воззрений, их классовой точки зрения нет и не может быть речи. В распределении мест им тоже не подумает никто предложить меньшую долю. Их кампания в рабочей курии идет безусловно самостоятельно и показывает их преобладание.

При таких условиях бояться повести с собой на бой с кадетами союзников из революционной мелкой буржуазии было бы просто смешно. Даже эн-эсов мы могли бы при таких условиях зести за собой, если бы это оказалось необходимым для дела. Принципиальность нашей партии от этого нисколько не пострадала бы: линия остается той же; борьба с главенствующей партией либеральных буржуа-соглашателей ведется нами не менее энергично. Ни один здравомыслящий человек не скажет, что

мы пошли за эн-эсами (давая им, вместе с с.-р. и Комитетом Трудовой группы, два места из шести). Напротив, это означало бы на деле самостоятельную кампанию с.-д. и отрыв нами от кадетов одного из кадетских придатков. Неужели не ясно, что задачам борьбы с кадетами не только не противоречит, а, напротив, прямо служит мобилизация против них полу-кадетов, если последние идут в наш список?

Конференция петербургской с.-д. организации поступила правильно, высказав открыто и публично свое отрицательное отношение к эн-эсам. Мы обязаны были предупредить революционных трудовиков от такой якобы трудовической партии. Если революционные трудовики оказываются зависящими от формальной совершенно самостоятельной партии н.-с.,—пусть это будет заявлено публично. Нам очень важно вытащить этот факт на свет Божий, заставить признать его, сделать из него все выводы в широкой агитации перед рабочими, перед всем народом.

А затем вопрос о том, лучшего или худшего качества трудовиков мы получаем в союзники по борьбе в Петербурге с кадетами,—этот вопрос мы будем решать чисто деловым образом. Принципиальную линию мы определили. В бой мы идем во всяком случае самостоятельно. Ответственность за наименее надежных трудовиков мы открыто сняли с себя и возложили на других.

* *
* *

Левые кадеты «Товарища» пробовали посмеяться над большевиками, когда они еще в ноябре заявили: в Петербурге борются три главные партии: черносотенцы, кадеты и социал-демократы⁷⁹).

Rira bien qui rira le dernier (хорошо смеется тот, кто смеется последним).

Наше предвидение оправдалось.

В Петербурге будет три списка кандидатов в Думу: черносотенный, кадетский и социал-демократический.

Гражданё, выбирайте!

Написано
20 января 1907 г.

Напечатано брошюрой
в январе 1907 г.
Книгоизд. «Новая Дума».

Со ступеньки на ступеньку.

Выборы в Петербурге дают замечательно поучительный материал для изучения на деле характера различных партий и классовых тенденций или классового значения их политики.

Всего интереснее в этом отношении два факта: переговоры кадетов с вождем черносотенного правительства, Столыпиным, и переговоры мелко-буржуазных партий с либеральными помещиками, кадетами.

О переговорах кадетов с черносотенцами мы знаем пока немного: аудиенция Милюкова у Столыпина,—попытки легализовать партию к.-д. ценою отказа от блока с левыми. Эти переговоры ведутся совсем секретно, и разоблачение их принадлежит будущему.

Другие переговоры до известной степени на виду у всех. Роль оппортунистов с.-д. выступает тут особенно отчетливо.

Зачем откололись они от петербургской социал-демократии?

Для сделки с к.-д.

Но кадеты не идут на сделку с одними меньшевиками.

И вот меньшевики заключают блок со всеми мелко-буржуазными партиями, т.-е. с с.-р., с трудниками и с н.-с.

Отколовшиеся от социал-демократии оппортунисты идут к мелкой буржуазии!

В чем состоят условия этого блока?

В том, чтобы сообща войти в соглашение с кадетами о предоставлении левому блоку трех думских мест из шести.

Нам известно, что договор меньшевиков с мелко-буржуазными партиями заключен был письменно,—была по крайней мере общая резолюция. Сообщить ее публике новые союзники, видимо, не хотят или не спешат.

Нам известно также, что в переговорах о заключении этого блока принимал участие тов. Дан, будучи не уполномочен на это ни группой отколовшихся петербургских с.-д. (31 чел.), ни какой-либо другой партийной организацией.

Мы не могли и мечтать о лучшем подтверждении ходом политических событий нашего постоянного утверждения,—что меньшевики представляют из себя оппортунистическую, мелко-буржуазную часть рабочей партии, отличающуюся такой же беспринципностью и шаткостью, как вся мелкая буржуазия вообще.

Подумайте в самом деле над тем, что проделывают меньшевики! Не они ли кричали на весь мир о том, что они хранят классовую чистоту социал-демократии от большевиков, клонящихся будто бы к мелко-буржуазным эс-эрам.

И вот события разоблачают их. Большевики открыто предлагают мелкой буржуазии пойти за пролетариатом против либеральных буржуа.

Меньшевики отказываются и тайно (ибо условий их блока никто не знает, а тов. Дана никто не уполномочивал) вступают в блок со всеми, даже самыми правыми (н.-с.) мелкими буржуа, чтобы вместе совершить передачу находящихся под их влиянием рабочих под руководство либеральной буржуазии.

Все мелко-буржуазные партии и меньшевики в том числе (не даром „Речь“ зачислила уже их в „оппозиционный блок“, отделившийся от революции, и назвала н.-с. и меньшевиков „умеренно-социалистическими партиями“) предпочитают торговаться с либералами, чем бороться вместе с пролетариатом.

Пусть подумают хорошенько все сознательные рабочие Петербурга о том, куда ведут рабочую партию меньшевики.

Каков же, спрашивается, результат этих переговоров мелкого буржуа с либералами?

Пока мы знаем только из сегодняшних газет (19 января), что вчера состоялось в Петербурге собрание представителей с.-р., Трудовой группы н.-с. и меньшевиков (т. е. всего нового мелко-буржуазного блока) с кадетами. Кадеты, по этому сообщению, решительно отказались дать 3 места „левому блоку“. „Левый“ же блок отказался принять два места.

„Речь“ замечает по этому поводу: „Представители с.-д. большевиков на Конференцию не явились“. Да, мы не ходим вместе с мелкими буржуа предавать рабочую партию либералам!

Что же дальше? Неизвестно. Торговля мелко-буржуазного блока с к.-д., вероятно, будет еще продолжаться.

Но в партии с.-р. есть, как передают, рабочий комитет, решительно осуждающий блоки с к.-д. Насколько правды в этом сообщении, мы не знаем, ибо эс-эры умышленно скрывают от публики и условия своего блока с эн-эсами (никто не знает даже, когда именно и кем именно он заключен!), и течения внутри их собственной партии по вопросу о блоках с к.-д.

Сегодня (19 января) «Речь» сообщает постановление Петербургского комитета с.-р., подтверждающие слухи о том, что рабочая часть партии с.-р. не стоит за блоки с к.-д. Вот сообщение «Речи»:

«Петербургский комитет партии с.-р., войдя в соглашение (какое? когда? на каких условиях?) с группами Трудовой и н.-с., постановил обратиться к фракциям с.-д. партии—большевикам и меньшевикам,—с предложением создать соглашение социалистических (?) групп для наиболее целесообразного проведения пред (?)-выборной кампании,—при чем, если не состоится соглашение с обеими фракциями, то остановиться на соглашении с фракцией большевиков. При создании общего социалистического соглашения представители с.-р. должны отстаивать (!?) недопустимость соглашения с к.-д. и самостоятельность выступления социалистического соглашения.

«Если, однако, большинство групп (?) найдет более целесообразным не самостоятельное выступление, а техническое (!?) соглашение с к.-д., то П. К. партии с.-р. подчиняется (!) решению большинства (большинства иных партий!), ставя неизменным условием такого соглашения предоставление в этом случае всех мест, приходящихся на долю социалистических групп, исключительно рабочей курии».

Можно обещать премию в миллион рублей тому, кто поймет что-нибудь в этой тарабарщине! Отстаивать недопустимость соглашений с к.-д. и—предварительно войти в блок с н.-с., которые стоят всецело за к.-д.! Требовать от к.-д. трех мест исключительно для рабочей курии,—и в то же время идти на «конференцию» с к.-д. вместе с н.-с. и трудовиками, которые не ставят таких условий! Хвастать своей самостоятельностью, как партии в отличие от «групп»,—и в то же время подчиняться «большинству», т.-е. трем группам (трудовики, н.-с., меньшевики)! Мудрый Эдип, разреши!

И рабочие уполномоченные с.-р. (Московского района) одо-

брюют подобную мелко-буржуазную размазню, прикрывающую предательство их интересов либералам! Но эти рабочие добавляют: «выразить свое глубокое негодование меньшевистской фракции с.-д. по поводу ее obstructивного поведения по отношению к остальным социалистическим группам и партиям».

О, наивные эс-эровские пролетарии!

Отчего же, негодуя против меньшевиков, вы не негодуете против П. К. партии с.-р.? И те, и другие одинаково волокут вас под крылышко либералов.

Подкладка этой распри внутри мелко-буржуазного блока ясна. Грозит разрыв с к.-д. Эн-эсы и меньшевики склонны, пожалуй, взять себе два местечка от к.-д. и предать остальную мелкую буржуазию, так же, как меньшевики предали пролетариат!

Вот где зарыта собака!

Со ступеньки на ступеньку. Предать рабочую партию и уйти в мелко-буржуазный блок. Предать мелко-буржуазный демократический блок и уйти к кадетам! Скатертью дорога!

А Милюков беседует на аудиенции со Столыпиным: «Извольте видеть, ваше-ство, я расколол революцию и оторвал от нее умеренных! На чаек бы с вашей милости»... Столыпин: «Н-да, я походатайствую о вашей легализации. Знаете, Павел Николаевич, вы лаской раздробляете рабочую сволочь, а я ее дубьем буду. Вот мы тогда с обеих сторон... По рукам, Павел Николаевич!».

*„Пролетарий“ № 12
от 25 января 1907 г.*

Протест 31-го меньшевика.

Мы только что получили печатный листок: «Почему мы были вынуждены оставить конференцию? (заявление 31 члена конференции, внесенное в Ц. К.)».

О принципиальной стороне дела меньшевики не говорят здесь ни единого слова! Переход от рабочей партии в мелко-буржуазный блок (меньшевики, с.-р., трудовики и н.-с.), а из этого последнего к кадетам,—все это, должно быть, не интересно для пролетариата. По существу объясняться протестанты не желают, они стоят только на формальной почве.

Посмотрим же на их формальные доводы. Доводы эти троякие: 1) История П. К. и его недемократическая организация.

2) Неправильность утверждения мандатов конференцией. 3) Отказ конференции разделиться на городскую и губернскую.

Относительно 1-го довода мы спросим: при чем тут П. К.? Ведь на конференцию были произведены особые выборы?

По существу меньшевики говорят вопиющую неправду про историю П. К. и его недемократическую будто бы организацию. Стоит отметить прямо как курьез, что, напр., латышский район (на включение которого меньшевики жалуются) включен еще до Объединительного съезда, т.-е. тогда, когда в П. К. было поровну и большевиков и меньшевиков. Следовательно, меньшевики сами добровольно признали правильность включения латышей более полугода тому назад! Или еще: меньшевики жалуются, что П. К. допускал кооптацию известного числа членов. Они забывают добавить, что провели эту допустимость кооптации сами же меньшевики! Можно судить по этим примерам о справедливости этой запоздалой критики того, как складывался П. К.

Довод второй. Конференция, видите ли, неправильно утвердила мандаты. Меньшевики не желают признавать приказчицких голосов и дают такое распределение голосов, признаваемое ими за единственное правильное: большевики—1.560 плюс за платформу революционного блока 180, всего—1.740, меньшевики—1.589. Или мандатов, считая и остатки: большевики—35, меньшевики—32 (см. страницу 8 меньшевистского листка).

Нам остается только подчеркнуть, что и по мнению наших строгих критиков большевики имели и должны были иметь перевес на конференции!

Ведь всем известно, товарищи, что «диссиденты» (платформа революционного блока) тоже большевики. И раз вы сами признаете, что большевики имели бы 35 мандатов против 32 даже в том случае, если бы мандаты утверждались меньшевиками, тогда к чему же весь шум?

Вы сами вынуждены признать, что петербургская социал-демократия есть большевистская социал-демократия.

Но посмотрим еще на то, как критикуют меньшевики проверку мандатов конференцией.

Приказчицьи голоса они вовсе не желают считать. Почему? «Под предлогом невозможности собраний—читаем в листке—руководящий коллектив приказчиков, после попытки опроса своих членов, давшей всего около 100 голосов, получил от П. К. право избрать 5 представителей, считая неизвестно почему по 1 на 60 членов при 313 всех организованных приказчиков»... (стр. 4).

Трудность устроить собрание приказчиков всем известна. Где же основания назвать это «предлогом»? Где основания вовсе выкинуть 313 организованных (т.-е. членов партии) приказчиков? Не признаете ли вы сами попытку опроса, т.-е. принятые коллективом меры к тому, чтобы высказались все члены партии?

А повышая норму с 50 до 60, П. К. тем самым признал уже и сам не вполне демократический характер представительства.

Московский район. Среди опротестованных голосов меньшевики считают 185 большевистских голосов. При этом сами же авторы листка в графе: «мотивы опротестования выборов» пишут буквально следующее: «Опротестованы условно, в случае неутверждения большевиками аналогичных выборов в другом районе».

Не правда ли, хорошо? Меньшевики опротестовали большевистские мандаты условно, на случай!! Подводя итоги, они сами говорят, что «число голосов, действительно подлежавших неутверждению», равнялось у большевиков не 300, а 115, то-есть сами признают, что 185 подлежали утверждению!

Итак, «условное» опротестование голосов, действительно подлежащих утверждению,—вот приемы меньшевиков!

И эти люди позволяют еще себе говорить о неправильности представительства на конференции...

Число бесспорных голосов меньшевики сами считают у большевиков 1.376, у меньшевиков—795. Значит, любезные товарищи, вы даже при допущении невиданно-оригинального приема «условного опротестования» не могли опротестовать подавляющей массы большевистских голосов!

Из опротестованных большевиками (по данным листка) 789 меньшевистских голосов выделяются 234 голоса по Выборгскому району. В графе: «мотивы опротестования» читаем: «Выборы не по платформам, хотя были прения». Прения нисколько не доказывают, что сами голосующие высказались за блоки с кадетами,—и, следовательно, конференция поступила правильно, отказав отдать сторонникам блоков с к.-д. такие голоса, которые прямо и недвусмысленно за это не высказались. Конференция повысила норму представительства от этих 234.

Далее, большевики опротестовали 370 голосов франко-русского подрайона (Городской район). В графе: «мотивы опротестования» читаем: «без платформ—100, а часть (270) из них двухстепенными выборами с прениями».

Вы видите; голоса приказчиков долой, несмотря на «попыт-

ку опроса». Голоса меньшевиков все надо признать, несмотря на двухстепенные выборы, па деле ничем не отличающиеся от способа, каким приказчики послали представителей! Нет, товарищи-меньшевики, плоха ваша защита меньшевистских мандатов!

Относительно разделения конференции меньшевики говорят совсем кратко: «несмотря на всю рациональность этого предложения»... конференция отвергла его (стр. 5). А на следующей странице нескромно раскрыта тайна этой «рациональности»: «в пределах самого города огромное большинство (?!) принадлежало меньшевикам» (если считать голоса по-меньшевистски, т.-е. если всех приказчиков выкидывать, всех франко-русских и выборгских включать!).

Вот в чем дело! Рационально было разделить, чтобы подделать меньшевистское преобладание. Нехитрая штука. Отчего же вы забыли рассказать, товарищи, о том, как бы это разделить «рационально» железнодорожный, например, район? или отчего Ц. К. не делал рационального предложения разделиться виленской конференции, одесской и т. д.??

Формальные протесты меньшевиков—пустая, несерьезная придирка. Seriously их решение перекинуться к кадетам. Об этом же 31 протестант хранит полнейшее молчание.

*„Пролетарий“ № 12
от 25 января 1907 г.*

ВЫБОРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ
И
ЛИЦЕМЕРИЕ 31 МЕНЬШЕВИКА

*Написано
20 января 1907 г.*

*Напечатано брошюрой
в январе 1907 г.
Книгоизд. „Новая Дума“*

Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика.

В газете „Товарищ“ напечатаны сегодня (20 января) обширные выдержки из воззвания 31 меньшевика, отколовшихся от социалистической организации накануне выборов в Спб.

Напомним сначала в двух словах фактическую историю того, что проделали отколовшиеся от с.-д. меньшевики после своего ухода с конференции.

1) Отколовшись от с.-д. рабочих, они вступили в блок с мелкой буржуазией (с.-р., трудовики и н.-с.) ради совместного торга о местечках с кадетами. Письменный договор об этом вступлении отколовшихся с.-д. в мелко-буржуазный блок они скрыли от рабочих и от публики.

Но мы не теряем надежды, что этот договор будет все же опубликован, и тайное станет явным.

2) Как составная часть мелко-буржуазного блока (неправильно именуемого в газетах „левым блоком“), отколовшиеся меньшевики торговались с кадетами о предоставлении этому блоку трех мест из шести. Кадеты давали два места. Не сторговались. Заседание мелко-буржуазной „конференции“ (выражение не наше, а взятое из газет) с к.-д. было 18-го января. О нем сообщали „Речь“ и „Товарищ“. „Речь“ объявляет сегодня соглашение несостоявшимся (хотя мы, конечно, должны быть готовы к тому, что за спиной переговоры все еще ведутся).

Меньшевики об этом своем „выступлении“ для продажи кадетам голосов рабочих не сообщают пока в печати.

Они, вероятно, дадут отчет мелко-буржуазному блоку, частью которого они были во время переговоров, а не рабочей партии!

Они, вероятно, не желают рассказывать о том, почему участником переговоров был тов. Дан, не уполномоченный на это ни группой 31-го, ни какой другой партийной организацией.

Таковы дела 31-го меньшевика.

Каковы же слова их?

Их первое рассуждение состоит в том, что, отвергнув черносотенную опасность в Спб., большевики не имели права высказываться за соглашение с с.-р. и трудовиками, не нарушая будто бы постановлений Всероссийской Конференции, требующих самостоятельного выступления с.-д. при отсутствии черносотенной опасности.

Все это рассуждение—сплошная неправда.

31 отколовшийся меньшевик обманывают читающую публику. Никакого формального запрещения соглашений с с.-р. и трудовиками при отсутствии черносотенной опасности никогда ни одно партийное учреждение не выпускало. Такое соглашение имеет место, например, в Москве, и Ц. К. не опротестовал его.

Мало того. До какой степени извращают истину 31 меньшевик, ссылаясь на постановление Всероссийской с.-д. Конференции, видно из следующего. Всем известно, что постановления этой (совещательной) Конференции приняты меньшевиками и бундовцами против большевиков, поляков, латышей. И вот эти самые бундовцы, проводившие решение Всероссийской с.-д. Конференции, официально признали допустимость блоков с с.-р. и революционной демократией вообще в случае отсутствия черносотенной опасности, но при наличии кадетской опасности. Об этом было постановление Ц. К. Бунда, никем не опротестованное. Об этом писалось и в русском органе Бунда, «Нашей Трибуне», и все грамотные русские с.-д. знают об этом.

31 меньшевик обманывают рабочих и всю читающую публику.

Мы разъяснили еще, что Всероссийская с.-д. Конференция предоставила Ц. К. везде и повсюду исключать не социал-демократов из с.-д. списков, т.-е. требовать безусловно самостоятельного выступления с.-д. Нигде еще этим правом Ц. К. не пользовался, фактически признавая автономию Бунда и всех остальных организаций Р. С.-Д. Р. П.

Далее 31 меньшевик недоволен тем, что Конференция исключила народных социалистов (н.-с. или социал-народников) из блока трудовиков. 31 меньшевик пишет: «Всем известно, что эти три партии» (с.-р., н.-с. и трудовики, последние никакой партии не образуют) «уже давно заключили между собою в Спб. тесный блок и действуют объединенно».

Опять неправда. Во-1-х, нигде и никогда не было официально заявлено, что этот блок заключен и что условия его действительно делают его «тесным». Были только самые неопределен-

иые газетные заметки, полагаться на которые в серьезных делах при официальных сношениях между партиями невозможно. Во-2-х, что блок трех трудовых партий и групп не был особенно «тесным», доказывается тем, что с.-р. и Комитет Трудовой Группы, к которым с.-д. Конференция обратилась, начали с нею переговоры без эн-эсов. Нельзя называть тесным блок, который не мешает одной части блокирующихся вести переговоры независимо от другой части. До сих пор никакого официального ответа эс-эров, требующего от нас допущения соглашения с эн-эсами, еще не последовало. В-3-х, на той же странице «Товарища», где перепечатано сообщение 31-го меньшевика, напечатана «резолюция петерб. ком. партии с.-р. от 16-го янв.». Примечание к этой резолюции гласит: «Выход из соглашения (именно из соглашения с.-р., трудовиков и н.-с.) группы н.-с. не расторгает соглашения. Выход же другой социалистической группы или партии расторгает соглашение»

Итак, факты доказали, что, назвав трудовический блок тесным, 31 меньшевик сказали неправду.

Конференция Петербургской с.-д. была права, отделив н.-с. Права была она, во-1-х, принципиально, ибо не подлежит сомнению, что н.-с. самая правая, самая надежная, всего ближе стоящая к кадетам трудовая партия. И права была она, во-2-х, в практически-политическом отношении, ибо верно наметила ту линию разделения между трудовыми партиями, которая обнаружилась неизбежно в ходе политической кампании. Теперь уже всем и каждому ясно, что если бы трудовики все-таки навязали нам эн-эсов (ради победы над кадетами в Петербурге было бы, конечно, смешно бояться включения эн-эсов в трудовой блок), то ответственность за ненадежных трудовиков легла бы всецело на с.-р., а не на с.-д. Партия рабочая позаботилась о том, чтобы все рабочие и все граждане знали действительное различие между более надежными и менее надежными трудовиками, позаботилась о возложении ответственности за плохих трудовиков на с.-р., а не на партию пролетариата.

Какой же вывод получается из этих перипетий с эн-эсами?

Вывод тот, что меньшевики поступили беспринципно, войдя в мелко-буржуазный блок без всякого разбора, не умея сделать то, что обязаны делать с.-д. в избирательной кампании, именно: учить массы строгому и правильному различению партий. Меньшевики поторопились усесться в один мелко-буржуазный блок вместе с эн-эсами, т.-е. полукадетской группой!

Большевики поступили принципиально выдержанно. Они на-

чали с того, что открытой резолюцией, всюду напечатанной от имени официального с.-д. учреждения, оповестили всех и каждого о ненадежности партии н.-с. И большевики достигли теперь того, что наиболее революционные трудовики (именно с.-р.) сами объявили, что н.-с. могут выйти из трудового блока, не расторгая его!

Большевики достигли отделения революционных трудовиков от оппортунистических трудовиков. Меньшевики сами по уши влезли в оппортунистический мелко-буржуазный блок.

Большевики открыто и во всеуслышание позвали трудовиков за собой на битву с кадетами и достигли уже теперь несомненных политических результатов, не входя еще ни в какой блок ни с кем. Меньшевики тайно от рабочих и беспринципно пролезли в мелко-буржуазный блок, чтобы поторговаться с кадетами.

Рабочие могут судить поэтому, куда ведут их на деле меньшевики.

Третье и последнее рассуждение 31 меньшевика состоит в том, что соглашение с.-д. с трудовиками в Петербурге не уменьшает, а увеличивает черносотенную опасность. Это утверждение до такой степени нелепо или лицемерно, что мы приведем доводы меньшевиков полностью:

«Общий список с.-д. с народниками будет достаточно популярен, чтобы оторвать много голосов от кадетов, но его будет недостаточно, чтобы одержать по всему Петербургу победу,—особенно недостаточно, если вина за несостоявшееся соглашение всех революционных и оппозиционных партий будет в глазах массового избирателя падать на с.-д. и их союзников. А в таком случае усиленное отрывание голосов от кадетов пойдет целиком на пользу объединившихся черносотенцев, которые побьют и кадетский список, и левый».

Все это рассуждение—сплошное лицемерие, которое должно прикрыть торговлю за места меньшевиков с кадетами.

В самом деле, подумайте только о том, что говорят меньшевики: соглашение с.-д. с трудовиками увеличивает черносотенную опасность, ибо отрывает много голосов у к.-д.! Очень хорошо, любезнейшие товарищи! Но как, по вашему мнению, когда опаснее победа черносотенцев—тогда ли, когда все нечерносотенные голоса разделятся на два списка, или тогда, когда они разделятся на три списка? Положим, у черных 1.000 голосов, у всех остальных 2.100. Когда опаснее победа черных: тогда ли, когда 2.100 разделятся между двумя списками, или тогда, когда они разделятся между тремя?

Чтобы решить эту головоломную задачу, 31 меньшевик могут обратиться за помощью к гимназисту первого класса.

А мы пойдем дальше. Мало того, что 31 меньшевик говорят прямую нелепость, прикидываясь непонимающими того, что при соглашении с.-д. с трудовиками в Петербурге будет всего два античерносотенных списка, при отсутствии же соглашения может оказаться три. Мало этого.

31 меньшевик отличаются, кроме того, таким невежеством по истории первых выборов, что они не знают отношения черных и кадетских голосов в Петербурге на выборах в первую Думу. Мы не даром взяли такой пример: 1.000 голосов у черных, 2.100 у всех остальных. Этот пример типичен для 9 участков Петербурга из 12 на выборах в первую Думу!

В 9-ти участках, дающих вместе 114 выборщиков из 160, наименьшее число голосов, поданных за к.-д., превосходит более чем вдвое наибольшее число голосов, поданных за черных или за так называемый блок правых.

Что это означает?

Это означает то, что если в Петербурге будет два „левых“ (т.-е. нечерносотенных) списка, то никакое мыслимое разделение голосов между левыми не может дать победы черным.

Так как 31 меньшевик, видимо, нетверды в первых начатках арифметики, то мы им поясним это: пусть они попробуют разделить 2.100 на такие две части, чтобы 1.000 черных голосов могла побить и ту и другую из этих частей.

Пусть меньшевики ломают себе голову над этой задачей так же, как и над тем, увеличивает или уменьшает черносотенную опасность выставление трех списков вместо двух.

Думать, что черные будут в этом году сильнее на выборах в Петербурге, чем в прошлом году, нет никаких оснований. Ни один здравомыслящий политик не решится утверждать этого. Все видят, что черные совсем опозорили себя после разоблачения Лидвалиады⁸⁰⁾, убийства Герценштейна⁸¹⁾ и т. д. Все знают, что вести о победе левых на выборах идут теперь со всех концов России.

При таких условиях крики о черносотенной опасности — либо круглое невежество, либо лицемерие. А лицемерить нужно тем, кто скрывает свои настоящие цели и действует тайком. Большевики кричат о черносотенной опасности для того, чтобы отвлечь внимание рабочих от тех проделок, которые они совершают или совершали вчера, входя в мелко-буржуазный блок и торгуясь с кадетами.

При двух левых списках никакое разделение голосов не может дать победы черным в Петербурге, если не возрастет число голосов черных по сравнению с прошлыми выборами,— а все признаки говорят об уменьшении, а не возрастании этого числа голосов.

Значит, меньшевики входили в мелко-буржуазный блок и торговались с кадетами вовсе не для борьбы с черносотенной опасностью,—это ребяческая выдумка, которой можно обмануть только совсем темного или совсем глупого человека.

Меньшевики торговались с кадетами, чтобы протащить своего человека в Думу, вопреки рабочим при помощи к.-д.,—вот в чем состоит простая разгадка всех этих странствований от с.-д. к мелко-буржуазному блоку, от мелко-буржуазного блока к кадетам.

Только совсем наивные люди могут не видеть этой подкладки меньшевистских действий, прикрываемой криками о черносотенной опасности.

Поэтому и настаивали меньшевики, будучи в мелко-буржуазном блоке, на трех местах в Думе, чтобы иметь для себя на верное одно местечко. Если бы кадеты дали только два места, то меньшевики могли бы не получить ни одного. Одно из этих мест прямо давали кадеты народникам (н.-с.), а другое кадеты не решались отнять у рабочей курии. В рабочей же курии неизвестно еще, кто победит.

Вот почему меньшевики скрыли от публики и то, по какому полномочию действовал тов. Дан, и то, в чем состояли условия их вступления в мелко-буржуазный блок, и то, каковы были в точности прения на «конференции» мелко-буржуазного блока с к.-д. и т. д. и т. д. Мы и до сих пор, после такого поведения меньшевиков, не знали и не можем знать, куда они пойдут после отказа кадетов. Соединятся ли эн-эсы с меньшевиками, чтобы выклянчить у кадетов два местечка в ущерб рабочей курии (о возможности такого решения говорила одна из передовиц «Речи»)? Или они пойдут на самостоятельные с.-д. списки, т.-е. на выставление трех левых списков в Петербурге вместо двух? Или они вернутся к с.-д. рабочей партии и ее решению после неудачной прогулки в гостиную мелких буржуа и в переднюю кадетов?

Если бы меньшевики действительно руководились боязнью черносотенной опасности, а не страстью получить местечко от кадетов, разве они могли бы разойтись с к.-д. из-за вопроса о числе мест?

Когда социалист действительно верит в черносотенную опасность и искренне борется с нею, — он отдает свои голоса либералу без торгашества, а не порывает переговоров из-за того, чтобы вместо трех мест уступали ему два. Например, при перебаллотировке в Европе черносотенная опасность бывает на-лицо, когда либерал получил, скажем, 8.000 голосов, черносотенец или реакционер 10.000, а социалист 3.000. Если социалист верит, что черносотенная опасность есть действительная опасность для рабочего класса, он голосует за либерала. У нас в России перебаллотировок нет, но соответствующий перебаллотировкам случай может быть на второй стадии выборов. Если из 174 выборщиков, допустим, 86 черных, 84 кадета и 4 социалиста, то социалисты должны отдать свои голоса кадетскому кандидату, и ни единый человек во всей Р. С.-Д. Р. Партии не спорил еще до сих пор против этого.

А меньшевики уверяют, что боятся в С.-Петербурге черносотенной опасности, в то же время разрывают с кадетами из-за вопроса о двух или трех местах!

Это явное лицемерие, долженствующее прикрыть торгашество мелко-буржуазной части рабочей партии из-за местечка в Думе, выпрошенного у кадетов.

И совершенно таким же лицемерием являются теперь толки меньшевиков о самостоятельной кампании с.-д. в Петербурге, без трудовиков. Напр., г. Левицкий — меньшевик — говорил 19-го января в театре Немецки, по отчету «Товарища», следующее: «С.-д. пожертвовали самостоятельностью избирательной кампании лишь для того, чтобы предотвратить черносотенную опасность. Раз это не удалось, то с.-д. должны, по крайней мере, стремиться развить широкую агитацию, а поэтому оратор высказался за самостоятельное выступление с.-д.».

Спрашивается, неужели этот Левицкий, если он находится в здравом уме и твердой памяти, не лицемерит? Раз не удалось «предотвратить черносотенную опасность» созданием одного общего списка всех левых с к.-д. включительно, — то поэтому Левицкий желает трех левых списков, кадетского, социал-демократического и трудовического!

Что это такое, как не метание потерявшего всякую почву под ногами оппортуниста, который думает заставить нас забыть о том, что меньшевики позавчера заседали в мелко-буржуазном блоке, а вчера торговались с кадетами!

Меньшевики изменили рабочим, перекинулись к кадетам и

теперь, когда эта грязная проделка не удастся, хотят очиститься фразой о самостоятельном выступлении с.-д.! Это именно пустая, служащая только для отвода глаз, фраза, ибо при трех левых списках черные действительно могли бы пройти в С.-Петербурге только в силу разделения левых, а меньшевики сами укрепили позицию мелко-буржуазного блока, отказавшись от пролетарской партии и войдя в этот блок для совместного торга с кадетами.

Меньшевикам действительно есть теперь, от чего „очищаться“,— до такой степени опозорили они себя всем своим поведением в выборной кампании в С.-Петербурге. Меньшевикам действительно теперь ничего не остается, как пустая и звонкая фраза, ибо они сами серьезно не верят в возможность чистого с.-д. списка теперь в Петербурге.

Большевиков же мы со всей энергией предупреждаем от доверия к этим звонким и лицемерным фразам.

Большевикам не от чего „очищаться“, им не в чем каяться. Наша политическая линия, осмеянная сначала всей буржуазной печатью столицы, подтверждается теперь великолепно и наглядно всем ходом событий. Становится ясной вздорность сказок о черносотенной опасности. Становится очевидной кадетская опасность. Приподнимается завеса над политикой кадетов, вождь которых получает (или получил?) теперь аудиенцию у Столыпина.

Большевики не вступали тайком от рабочей партии в мелко-буржуазный блок. Они не укрепляли этого блока, санкционируя участие полукадетской партии н.-с. среди трудовиков. Они не сделали ни единого шага, не сказали ни единого слова, которые бы мелко-буржуазные партии могли истолковать, как отказ с.-д. от самостоятельного выступления.

В то время, как Милюков путался в ногах у Столыпина, в то время, как меньшевики и трудовики всех цветов путались в ногах у Милюкова,—большевики одни стояли вполне твердо, ни на минуту не прекращали того, о чем теперь вспомнил, рассердившись на кадетов, т. Левицкий и иже с ним.

И поэтому мы ни в каком случае не должны делать теперь той глупости, о которой болтают растерявшиеся и лицемерные меньшевики, не должны отказываться от революционного блока, от поддержки социалистов мелкой буржуазией против кадетов.

Именно потому, что большевики, не колеблясь, сразу взяли верную линию, они достигли того, что теперь перед всеми выяснилась на деле шаткость трудовиков и твердость рабочей

партии (кроме оппортунистического привеска ее, разумеется). Выяснилось на деле, что именно с.-д. пролетариат идет самостоятельно своим путем, направляя все остальные элементы против черных и против либералов, освобождая все мелко-буржуазные партии и течения из-под влияния кадетской идеологии и кадетской политики, определяя во всеуслышание степень надежности и пригодности революционных и оппортунистических групп среди трудовиков.

И теперь бояться повести за собой всех трудовиков, испытывавших горечь кадетского доброжелательства и готовых бороться с кадетами, было бы непростительным ребячеством и проявлением бесхарактерности в политике.

31 меньшевик, запутавшиеся в торгашестве с кадетами, сами вынуждены против своей воли признать: «общий список с.-д. и трудовиков будет достаточно популярен, чтобы оторвать много голосов от кадетов!.. Да, именно так! И именно поэтому мы не можем пренебрегать задачей подорвать гегемонию кадетов в столице, на которую обращены взоры всей России.

Нам достаточно оторвать от кадетов по нескольким участкам половину их голосов плюс один лишний голос, и мы победим, ибо воспользуемся всеми выгодами разделения буржуазии черносотенной и буржуазии либерально-соглашательской (опасности же здесь нет, ибо у кадетов больше чем в два раза голосов по 9 участкам, чем у черных).

С каждым днем выясняется все больше, что меньшевики взяли неправильный политический курс, крича о черносотенной опасности. Выясняется более левый состав уполномоченных и борщиков, чем в прошлом году. Вместо нелепого и постыдного пособничества либеральным помещикам (не оправдываемого черносотенной опасностью, ибо ее нет) перед нами встает полезная и ответственная роль: гегемонии пролетариата над демократической мелкой буржуазией в борьбе против подчинения неразвитых масс руководству либералов.

Первые выборы в Думу дали победу кадетам, и эти либеральные буржуа всеми силами стараются закрепить и увековечить свою гегемонию, основанную на отуплении масс, на отсутствии у них самостоятельной мысли, самостоятельной политики.

Наш прямой долг приложить все усилия, чтобы именно в Петербурге собрать вокруг себя всех, способных бороться с черными и кадетами, собрать во имя задач народной революции, во имя самостоятельности миллионных народных масс.

И мы сделаем это, ни на йоту не жертвуя полной идейной самостоятельностью своей с.-д-ской агитации, ни в чем не отступая от своих социалистических целей и полного изложения их, не отказываясь ни на минуту от разоблачения всех шатаний и предательств мелкой буржуазии.

Твердой ногой на непоколебимо прочной позиции борьбы за свободу и борьбы за социализм стоит одна только революционная социал-демократия.

Выборы по рабочей курии в Петербурге.

Обращаем внимание читателей на прекрасный материал по вопросу о выборах в рабочей курии в Спб., сообщаемый в печатаемом ниже «Отчете» организатора Семянниковского подрайона ⁸²).

Необходимо всем местным, районным и подрайонным, работникам с.-д. в Петербурге собрать подобные же данные по всем заводам, чтобы проверить правильность выводов, которые получаются по Невскому району. Надо знать по каждому заводу, какие кандидаты боролись (большевики, меньшевики и с.-р.), сколько голосов получил каждый кандидат, сколько всех рабочих.

Знать это необходимо для проверки всей нашей с.-д. политики в рабочей массе с точки зрения укрепления нашей партии.

Данные по Невскому району вполне подтверждают тот вывод, о котором говорит теперь «весь социал-демократический Петербург». Эс-эры усилились особенно на крупных заводах. Эс-эры побеждали меньшевиков. Большевики побеждали эс-эров.

Из 23 заводов Невского района на 12-ти заводах были выставлены большевистские кандидаты. Они получили 11 мест, а с.-р. только 2. На остальных 11 заводах были выставлены меньшевистские кандидаты. Они получили 6 мест, а эс-эры 12!

Рассмотрим политическое значение этой победы эс-эров над меньшевиками.

Прежде всего необходимо отметить, что преобладание с.-д. по числу уполномоченных указывает явственно на преобладание числа заведений, в которых с.-д. имеют организационные ячейки. Более подробные данные, наверное, подтвердят поэтому то наблюдение, которое было уже сделано социал-демократами в октябрьские дни свобод, именно, что с.-р. не ведут никакой прочной и длительной серьезной, организационной работы в пролетариате, а действуют, если можно так выразиться, налетом, «срывая»

резолуции на митингах во время подъема настроения, пользуясь всяким оживлением, чтобы „сорвать“ и мандаты посредством трескучих и эффектных „революционных“ фраз и речей.

Этот элемент эс-эровской победы, по всей вероятности, будет констатирован всяким добросовестным исследователем и в миновавших только что выборах по рабочей курии в Петербурге. В конечном счете, дело сводится здесь к тому, что „революционная“ мелко-буржуазная партия к солидной и упорной пролетарской работе неспособна,— при малейшей перемене настроения она совсем исчезает с горизонта рабочих предместий. Только в отдельные моменты удается ей эксплуатировать малую еще политическую подготовку масс, „пленив“ якобы широкой (на деле расплывчатой и интеллигентски-мишурной) постановкой вопроса, играя на неразвитости классового сознания, демагогически используя традиционную „тягу к земле“ в тех случаях, когда есть еще связи с деревней и т. д. и т. п.

Буржуазный характер революции, естественно, приводит к тому, что на рабочие кварталы „налетают“ от времени до времени тучи, радикальной и шумно-революционной буржуазной молодежи, которая не имеет под собой никакой классовой опоры и инстинктивно идет к пролетариату, как к единственной серьезной борющейся за свободу силе, когда в воздухе носится новый подъем, новый натиск революции. Эс-эровские ораторы на рабочих митингах, это своего рода буревестники, показывающие, что у пролетариата является настроение, что он несколько уже отдохнул, копи силы после былых поражений, что в нем широко и глубоко начинает опять бродить нечто, ведущее к новой схватке с самодержавием.

Сопоставление октябрьского и „думского“ периодов с современными выборами и простой свод данных о прочных организационных ячейках эс-эров, несомненно, подтвердят это объяснение.

Но было бы, конечно, величайшим легкомыслием ограничиваться этим объяснением и закрывать глаза на то, что именно на крупнейших, наиболее сознательных и испытанных в борьбе заводах эс-эры победили социал-демократов. К счастью, однако, мы знаем уже теперь, что на деле крайняя левая буржуазной демократии побеждала вовсе не социал-демократию, а оппортунистическое опошление социал-демократии.

Революционная буржуазная демократия пассивала перед революционной социал-демократией, побеждая на деле только тех, кто плетется в хвосте неревolutionных буржуа, кто стоит за блоки с к.-д. Об этом совершенно недвусмысленно свидетельствуют

и показания с.-д. работников о характере эс-эровских выступлений и данные о моменте эс-эровской «победы» над меньшевиками.

Выборы были в Петербурге 7-го и 14-го января. Как раз рабочий Петербург узнал, что 31 меньшевик откололись от с.-д. Конференции для торгашества с кадетами о местечках в Думу. Всю неделю затем ликовала и шумела вся буржуазная печать С.-Петербурга, хваля меньшевиков, усаживая их рядом с кадетами, поощряя их отречение от революции и переход в «оппозиционный блок», в «умеренно-социалистические партии» и т. д., и т. д.

Разгром меньшевиков на крупных заводах есть первое предостережение, которое пролетарские массы дали шатающимся интеллигентским выразителям оппортунизма!

Меньшевики повернули к кадетам,—пролетариат Петербурга отвернулся от меньшевиков.

Эс-эры использовали момент раскола в социал-демократии, использовали негодование рабочих против кадетоподобных меньшевиков, использовали бойко и бесцеремонно. В предместьях они громили с.-д. за блок с кадетами (умалчивая о большевиках и о П. К. Р. С.-Д. Р. П.), а в городе они сами торговались с кадетами! Теперь понятно, почему они так усердно скрывали и скрывают от публики и свои взгляды, и свои постановления о блоках с кадетами, и свои блоки с эн-эсами и прочее, и прочее, и прочее... Все грехи меньшевизма они творят тайком, а перед рабочими срывают хлопки, срывают мандаты своим разномом меньшевизма!

Упомянутый выше организатор Семянниковского Подрайонного Союза Р. С.-Д. Р. П. пишет в своем отчете о выборах на громадном Семянниковском заводе: вопреки протестам большевиков меньшевики выставили кандидатуру тов. Х. «На предвыборном собрании в заводе выступавший интеллигент с.-р. подвергнул беспощадной критике меньшевистские доводы товарища Х. за соглашение с кадетами, и тов. Х., как говорили рабочие, сел в лужу». Поражение меньшевиков перед массой было полное. «Когда масса узнала,—читаем в том же отчете,—что с.-д. кандидаты стоят за соглашение с кадетами, что эти кандидаты—меньшевики, то прямо говорилось здесь же (на заводе), что за меньшевиков голосовать не будут».

Вполне понятно становится отсюда, почему меньшевики при выборах на с.-д. конференцию были против голосования по платформам, т.-е. против прямого голосования самих масс по вопросу о блоках с к.-д.!

«...В фабричном подрайоне у меньшевиков на Невском стеа-

риновом заводе. рабочий Н. М., которого наместили в уполномоченные, прямо заявил: «Я, после того, как узнал, что с.-д. за соглашения с к.-д., перехожу к с.-р.». И перешел, и был выбран в уполномоченные!».

Вот до какого позора довели социал-демократию эти жалкие оппортунисты, способные накануне выборов отказываться от рабочей партии ради того, чтобы торговаться о местечках с кадетами!

Для всякого соц.-демократа, который дорожит честью и добрым именем пролетарской партии, отсюда может быть только один выход: беспощадная война с меньшевизмом в Петербурге. Мы должны изгнать из рабочих предместий людей, которые своей кадетской политикой отталкивают рабочих от социализма к революционной буржуазии.

Эс-эры ютняли у меньшевиков крупнейшие заводы. Мы снова ютнимем их у эс-эров. Мы будем преступниками, если станем считаться перед лицом насущных политических задач с формалистическими рамками и заскорузлыми иерархическими соображениями. Мы должны направить новые агитаторские силы, новую революционную с.-д. литературу именно в крупнейшие заводы, чтобы разъяснить им, как они попали из рук кадетолюбивых меньшевиков в руки кадетолюбивых эс-эров!

Весь ход выборной кампании в Петербурге, все данные о бесконечных шатаниях меньшевиков, об их вступлении (после откола от рабочей партии) в мелко-буржуазный блок, о том, как они вместе с с.-р. торговались из-за местечек с кадетами,—все это дает нам богатейший материал для борьбы и с меньшевиками, и с эс-эрами на крупных заводах в Петербурге.

Крупные заводы должны стать и станут прочной и недостижимой ни для оппортунистов, ни для революционных мелких буржуа опорой революционной социал-демократии.

*„Пролетарий“ № 12
от 25 января 1907 г.*

Как голосовать на выборах в Петербурге?

(Есть ли опасность победы черносотенцев на выборах в Петербурге?)

Вскоре предстоят выборы по городу Петербургу в Государственную Думу. Городские избиратели, число которых составляет около 130 тысяч, должны выбрать по всему городу 160 выборщиков. Эти 160 выборщиков, вместе с 14 выборщиками от рабочих, выберут 6 депутатов в Думу.

— Кого же следует выбирать в Думу?

На выборах в Петербурге борются три главные партии: черносотенцы (правые партии), кадеты (партия так называемой народной свободы) и социал-демократы.

Возможно, что мелкие партии и направления (трудовики, беспартийные, народные социалисты, радикалы и проч.) присоединятся частью к списку кадетов, частью к списку социал-демократическому. Окончательно это еще не решено.

Во всяком случае несомненно, что списков кандидатов по Петербургу будет три: черносотенный, кадетский, социал-демократический.

Все избиратели должны поэтому ясно понять, кого они проведут в Думу:

— черносотенцев ли, т.е. правые партии, которые стоят за правительство военно-полевых судов, за погромы и насилия?

— кадетов ли, т.е. либеральных буржуа, которые идут в Думу законодательствовать, т.е. соглашаться с господами Гурко⁸³), имеющими и законодательные права, и право разгонять неугодную Думу?

— социал-демократов ли, т.е. партию рабочего класса, борющегося во главе всего народа за полную свободу и за социализм, за освобождение от эксплуатации и угнетения всех трудящихся?

Пусть каждый избиратель знает: надо сделать выбор из трех партий. Надо решить, кому отдать свой голос: защитнику полицейского произвола и насилий или либеральному капиталисту, торгующемуся через господ Кутлеров с господами Гурко, или защитнику интересов рабочего класса и всех трудящихся?

Граждане-избиратели! Вам говорят, что возможно соглашение кадетов и социал-демократов, составление ими общего списка.

Это неправда. Знайте все, что в Петербурге будет во всяком случае три списка, черносотенный, кадетский и социал-демократический.

Вам говорят, что если у кадетов и социал-демократов будет два разных списка, то они могут раздробить голоса и таким образом, сами помочь победе черносотенцев.

Это неправда. Мы сейчас докажем вам, что даже при самом худшем случае раздробления голосов, т.е. даже в том случае, если во всех участках по Петербургу голоса поделятся поровну между каде́тами и социал-демократами,—

даже в этом случае победа черносотенцев на выборах в Петербурге невозможна.

Всем известно, что на выборах в первую Думу в Петербурге было два главных списка кандидатов, кадетский и черносотенный (или так называемый блок, союз правых партий). Кадеты победили во всех участках Петербурга.

Теперь будет три списка: черносотенный, кадетский и социал-демократический. Значит, социал-демократы рассчитывают отколоть себе часть голосов от кадетов и привлечь тех, кто не голосовал на выборах в первую Думу.

Вам говорят, что это разделение кадетских и социал-демократических голосов может дать победу черносотенцам, ибо вместе кадеты и социал-демократы были бы сильнее черносотенцев, а порознь могут оказаться слабее, т.-е. быть разбиты.

Чтобы проверить, возможно ли это, возьмем цифры о голосовании по всем участкам Петербурга на выборах в первую Думу. Посмотрим, как делились голоса между кадетами и черносотенцами в разных участках. При этом мы будем брать везде самые худшие случаи, т.-е. наименьшее число голосов за кадета (ибо разные кандидаты получали разное число голосов) и наибольшее число голосов за черносотенца.

Далее, наименьшее число голосов за кадета мы разделяем пополам, предполагая, что социал-демократ отколет ровно половину голосов (это самый худший случай для нас, самый лучший для черносотенцев).

Сравним теперь по участкам эту половину наименьшего числа голосов, поданных за кадета, с наибольшим числом голосов, поданных за черносотенца. Получим такие цифры (*см. таблицу на стр. 159*).

Из этих цифр ясно видно, что даже при самом худшем разделении кадетских голосов на две части, черносотенцы победили бы на выборах 1906 года только в трех участках из 12-ти. Они имели бы только 46 выборщиков из 174 (160 по городу и 14 от рабочих). Это значит, что черносотенцы не могли бы пройти в Думу на первых выборах даже в том случае, если бы по всем участкам кадетские голоса разделились на две равные части между списками кадетским и социал-демократическим.

Итак, те, кто пугает избирателя возможностью победы черносотенцев при разделении голосов между кадетами и социал-демократами, **обманывают народ.**

Голосование в Петербурге на выборах в первую Думу.

У Ч А С Т К И.	Наименьшее число голосов, поданное за кадетск. спис.	Половина этого числа.	Наибольшее число голосов, подан. за спис. правых партий.	Число выбор- щиков.
Адмир.	1.395	697	668	5
Ал.-Нев.	2.929	1.464	1.214	16
Казанск.	2.135	1.067	985	9
Нарвск.	3.486	1.743	1.486	18
Выборгск.	1.853	926	652	6
Петерб.	4.788	2.394	1.729	16
Колом.	2.141	1.070	969	9
Московск.	4.937	2.468	2.174	20
Спасск.	4.873	2.436	2.320	15
Литейн.	3.414	1.707	2.097	15
Рождеств.	3.241	1.620	1.066	14
Вас.-Остр.	3.540	1.770	2.250	17

От разделения голосов кадетских и социал-демократических черносотенцы не могут победить.

Кадеты умышленно распространяют ложные слухи о „черносотенной опасности“, чтобы отвлечь избирателя от голосования за социалистов.

Граждане-избиратели! Не верьте побасенкам, будто от разделения кадетских и социал-демократических голосов могут победить черносотенцы. Голосуйте свободно и решительно по своему убеждению: за черносотенцев, за либеральных буржуа или за социалистов.

Но, может быть, кадеты, распространяющие через газеты „Речь“, „Товарищ“, „Сегодня“, „Родную Землю“, „Русь“, „Страну“ и проч. и проч. ложные слухи о „черносотенной опасности“, может быть, они попробуют выдвинуть еще другие доводы, другие увертки?

Рассмотрим все возможные доводы.

Может быть, кадетские голоса разобьются не на два, а на три списка? Тогда ведь черносотенцы победят во всех участках и пройдут в Думу?

Нет. Кадетские голоса не могут разбиться на три списка, потому что всего будет в Петербурге три списка. Кроме черносотенцев, кадетов и социал-демократов ни одна сколько-нибудь значительная партия не выставляет своих самостоятельных списков.

Все существующие в России партии имеют в Петербурге своих представителей. Все партии и все направления уже высказались относительно выборов. Ни одна партия, кроме трех главных названных нами, ни одна группа и не думает о самостоятельном выступлении на выборах. Все мелкие партии, все направления, кроме трех главных, колеблются только между этими тремя списками. Все прогрессивные, сочувствующие свободе, партии и группы колеблются только между кадетами и социал-демократами.

Ни одна из «трудовых» партий, ни социалисты-революционеры, ни комитет трудовой группы, ни народные социалисты, не выразили желания выставлять самостоятельные списки. Напротив, все эти трудовые партии ведут переговоры о присоединении либо к кадетскому, либо к социал-демократическому списку.

Итак, те, кто будет говорить, что кадетские голоса могут разделиться на три списка, **обманывают народ**. В Петербурге будет всего-на-всего три главных списка: черносотенный, кадетский и социал-демократический.

* * *

Второй возможный довод. Говорят, что сенатские разъяснения уменьшили число избирателей, особенно из бедноты, и что от этого кадеты могут не набрать такого числа голосов, какое было у них на выборах в первую Думу.

Это неправда. Всего избирателей было в Петербурге на выборах в первую Думу около 150.000, а теперь около 130.000. В голосовании же участвовало прошлый год всего около 60—70 тысяч. Значит, опасаться изменения в настроении и взглядах массы избирателей нет никаких оснований. Не может подлежать никакому сомнению, что из 130.000 избирателей в Петербурге большинство принадлежит к малосостоятельным

слоям населения, которые только по недоразумению, по недостатку знаний, только в силу предрассудка могли бы предпочесть капиталиста рабочему. Если все социалисты исполняют свой долг агитации и просвещения городских масс, то из 130.000 избирателей они наверное могут рассчитывать не на один, а на несколько десятков тысяч.

* * *

Третий возможный довод. Говорят, что черносотенцы могут усилиться на выборах в нынешнем году и что нельзя судить на основании прошлогодних цифр.

Это неправда. Из всех газетных сообщений, из всего хода собраний, из данных о положении разных партий вытекает, что в Петербурге черносотенцы не сильнее, а, вероятно, гораздо слабее, чем в прошлом году. Народ стал сознательнее, октябристы проваливаются на каждом собрании, а разгон Думы и политика правительственных насилий, политика Гурко-Лидваля окончательно отталкивают от правительства избирателей. На первых выборах черносотенцы еще храбрились, а теперь они совсем уже притихли, как только дело стало подходить к голосованию.

* * *

Четвертый возможный довод. Говорят, что правительство не дает бюллетеней левым партиям, не разрешает им ни собраний, ни газет и т. д. и что поэтому надежнее и безопаснее соединиться всем левым в один список с кадетами.

Это неправильно. Если правительство прибегает к насилию и нарушению закона, нарушению свободы выборов, то настроение массы избирателей от этого крепнет. Мы, социал-демократы, не торопимся на собраниях в глазах избирателей, а выигрываем от того, что полиция закрывает всего чаще собрания за наши речи. А что касается борьбы с нарушением закона правительством, то чем же тут помогает соглашение с кадетами? Оно не поможет, а повредит, ибо кадеты самая трусливая и самая склонная к предательству оппозиционная партия. Неужели совместно с партией, в которой сидит вчерашний товарищ Витте и Дурново⁸⁴), бывший министр Кутлер, неужели с этой партией можно действительно бороться против нарушения законов министрами?? Наоборот, именно потому, что господа Кутлеры гораздо ближе к господам Дурново и Столыпинным, чем к рабочей и к при-

казничьей массе, именно поэтому мы в интересах борьбы за свободу должны держаться независимо от партии господ Кутлеров, от партии кадетов.

Допустим, правительство решило схватить, арестовать левых выборщиков. Разве тут поможет соглашение с кадетами? Или следует в самом деле социалистам положиться на то, что кадет Кутлер похлопочет за революционеров перед своими вчерашними товарищами, министрами Столыпина и Гурко?

Недавно газеты сообщили, что г. Милуков, вождь кадетов, получает аудиенцию у Столыпина для переговоров о легализации кадетской партии¹⁾. Не следует ли социалистам положиться на то, что господа кадеты „выхлопочут“ легализацию партии трудовиков, социалистов-революционеров и социал-демократов?

Социалист, у которого есть стыд и совесть, не пойдет никогда в общем списке с Кутлерами и Милуковыми.

* * *

Могут ли социал-демократы победить на выборах в Петербурге? Кадетские газеты, пользуясь тем, что правительство не разрешает социал-демократических газет, твердят на все лады читателям, что о победе социал-демократов на выборах без кадетов не может быть и речи.

Это неправда. Победа социал-демократов в Петербурге против черносотенцев и против кадетов вполне возможна.

Кадеты прикидываются, будто они не видят этого, нарочно забывая о том, что от разделения голосов может выиграть всякая партия, а вовсе не одни черносотенцы. Черносотенцы могут выиграть три участка из 12 при разделении поровну голосов между кадетами и социал-демократами.

Социал-демократы могут выиграть 12 участков из 12, при разделении голосов между кадетами и черносотенцами.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на приве-

*) На предвыборном собрании в Тенишевском училище 22-го января г. Водозовов заявил, что г. Милуков был у Столыпина и вошел в сделку с ним, и что партия народной свободы ответственна за своих лидеров. Г. Гредескул, не отрицая этого факта, заявил, что, если г. Милуков и был у Столыпина, то это было сделано в интересах страны и партии.

денные выше цифры. Они показывают, что, имея в каждом участке на один голос больше половины кадетских голосов (на прошлых выборах), можно победить во всем Петербурге.

Для этого надо иметь по 9-ти «обеспеченным» участкам Петербурга (выключая три, где могут победить черные) не менее, чем 14.274 голосов.

А разве это невозможно, чтобы социал-демократы собрали в Петербурге 15—20 тысяч голосов?

Одних приказчиков и конторщиков, имеющих избирательное право, считается в Петербурге от 30 до 50 тысяч. Профессиональная газета приказчиков «Голос Приказчика» велась в социал-демократическом духе. Если бы все социалисты дружно вели агитацию среди приказчиков, не отказываясь при этом принять в свой список и трудовиков, то одни уже эти торгово-промышленные служащие могли бы дать победу общему социал-демократическому и трудовическому списку.

А ведь, кроме того, есть еще очень и очень много бедных квартиронанимателей, которые вполне способны понять, что социалисты лучше защищают их интересы, чем либеральные домовладельцы-помещики, богатые адвокаты и чиновники, Петрунkevичи, Родичевы, Винаверы, Кутлеры ⁸⁵).

Посмотрите на предвыборные собрания в Петербурге. Даже кадетские газеты, страшно извращающие в пользу кадетов отчеты об этих собраниях, вынуждены признать, что серьезная борьба ведется между кадетами и социалистами, а вовсе не между правыми и левыми. Предвыборные собрания в Петербурге доказывают неоспоримо, что социал-демократы, особенно в союзе с трудовиками, сильнее кадетов в Петербурге.

Сколько избирателей пройдет через предвыборные собрания? Осторожные люди считают, что не более десятой части всего числа избирателей. Возьмем даже эту, наименьшую цифру. Получаем 13.000 избирателей. Далее, можно наверное предположить, что каждый посещавший митинги избиратель приведет с собой на выборы не менее двух непосещавших митинги избирателей. Из этих 39.000 избирателей, судя по всем данным и наблюдениям, 20.000 будут за социал-демократов, присоединяющих к себе трудовиков.

Таким образом, и по этим данным выходит, что победа социал-демократов в Петербурге против кадетов и против черносотенцев вполне возможна.

Пусть же знают все избиратели Петербурга, что от них зависит всецело, победят ли кадеты или социал-демократы.

* * *

Предвыборную кампанию в Петербурге социалисты ведут прежде всего и главным образом для просвещения масс и сплочения их. Социалисты добиваются полного уяснения самой массой тех задач, которые стоят теперь перед народом в борьбе за свободу. Либералы же хлопочут только о местечках в Думе, не заботясь о ясной и отчетливой мысли самих избирателей.

Либералы, т.-е. кадеты, и идущие за ними шаткие колеблющиеся люди производят иногда голосования на предвыборных собраниях и проводят на некоторых подавляющим большинством решение о необходимости соглашения всех левых с тем, чтобы два места из шести получили кадеты.

И те, кто предлагает такое решение, и те, кто голосует за него, относятся бессознательно к выборам в Петербурге. Соглашения «всех левых» в Петербурге не будет и не может быть. В Петербурге будет три списка: черносотенный, кадетский и социал-демократический.

А затем, смешно даже и голосовать то, чтобы кадеты получили два места из шести. Кто действительно хочет такого результата, тот должен понять, что достигнуть его нельзя сделкой с кадетами. Достигнуть этого можно, но только тем, чтобы голосовать за социал-демократов.

В самом деле, если победа социал-демократов в Петербурге будет частичная, то тогда—и только тогда—мог бы получиться желаемый для некоторых результат (шесть мест—левым, из них два—кадетам). Допустим, например, что социал-демократы побеждают только в четырех участках, хотя бы в Спасском, Московском, Петербургском и Выборгском. Они имеют тогда 60 выборщиков, а вместе с рабочей курией 74 выборщика. У черных (допустим худший случай, который очень, очень мало вероятен) 46 выборщиков (Литейный, Рождественский и Василеостровский участки). У кадетов остальные 54 выборщика. Вот каким путем можно было бы действительно добиться левых депутатов в Думу от Петербурга с преобладанием более левых, чем кадеты. Торгашеством с кадетами, которым занимаются неумные и шаткие люди, этого нельзя добиться.

* * *

Повторим вкратце наши выводы.

В Петербурге борются на выборах только три главные партии, и перед избирателями будет три списка кандидатов: черносотенный, кадетский и социал-демократический.

Опасность победы черносотенцев в Петербурге есть вздорная и лживая выдумка.

Даже при наихудшем разделении кадетских голосов между кадетами и социал-демократами победа черносотенцев невозможна.

Сказку о «черносотенной опасности» в Петербурге нарочно подогревают кадеты, чтобы отвлечь от себя действительно грозящую им опасность победы социалистов.

Трудовики, социалисты-революционеры и некоторые мелкие группы не решили еще, идти за кадетами или за социал-демократами.

В Петербурге вполне возможна полная победа социал-демократов и против черносотенцев, и против кадетов.

Избиратели должны подавать свои голоса по убеждению и сочувствию, а не из страха перед вымышленной черносотенной опасностью.

За правительство,—за либеральных буржуа,—или за социал-демократов?

Граждане, выбирайте!

„Зрение“ № 1

от 25-го января 1907 г.

Выборы в Петербурге и кризис оппортунизма.

6-го января собралась обще-городская Петербургская конференция. Конференции предстояло решить вопрос о том, быть или не быть в столице соглашениям с кадетами.

Несмотря на воззвания Плеханова к «товарищам-рабочим», печатавшиеся в «Товарище», несмотря на истерические статьи г-жи Е. Кусковой, несмотря на угрозы Плеханова занести рабочих в список «врагов свободы», если они захотят отстаивать самостоятельную социал-демократическую позицию, несмотря на более или менее заманчивые обещания кадетов—петербургский организованный и сознательный пролетариат оказался настолько политически-зрелым, что после дискуссий и голосований высказался в большинстве против каких бы то ни было соглашений с кадетами. Ясно было, что и конференция, избранная организованными

рабочими—после дискуссий и голосований по платформе *) высказается в том же духе.

Мы не имеем места в «Пролетарии», чтобы подробно останавливаться на ходе занятий конференции, которой к тому же не мало уже посвящено литературы. Тут, однако, важно отметить, что наши оппортунисты так далеко зашли в своей буржуазно-соглашательской политике, что решение конференции для них стало неприемлемым. Ясно было с самого открытия конференции, что петербургские меньшевики, поддерживаемые Ц. К-м не подчинятся ее решению. Друзья кадетов искали лишь поводов поврать с революционной социал-демократией. Каков бы ни был повод, он должен был быть найден. Не удалось уйти с конференции из-за мандатов,—меньшевики воспользовались рекомендацией Ц. К. решать вопросы избирательной тактики непосредственно заинтересованными в них избирательными единицами, чтобы уйти из-за вопроса о разделении конференции на две части: специально городскую и окружную. На место партийных подразделений подставлялись административно-полицейские единицы. Следуя указаниям меньшевиков, надо было бы не только отделить от конференции окружной район, но и разбивать до сих пор единые районы, как-то: Невский, Московский, Нарвский, переорганизовывать партию, не так, как это выгодно партии, а так, как это выгодно было администрации.

Ясно было также, что, как бы ни был решен вопрос о разделении конференции, большинство все же высказалось бы против соглашений с кадетами. Меньшевики ушли, и на радость всей буржуазной печати решили вести в Петербурге самостоятельную кампанию, вести борьбу со своими же товарищами по партии, расколоть петербургский пролетариат ради соглашения с буржуазной и монархической партией — «народной свободы».

Как было не ликовать буржуазной печати! Бульварная газета «Сегодня» в особой передовице торжественно заявила, что меньшевики своим решением спасли Россию, а официальный орган кадетов «Речь» в награду меньшевикам обещал дать место в рабочей курии «меньшевику», но ни в коем случае не «большевику».

Первый результат самостоятельного выступления меньшевиков: буржуазия начала диктовать свою волю рабочей курии.

Между тем, продолжавшая заседать после ухода меньшевиков конференция решила ввиду отсутствия черносотенной опас-

*) Исключение составили меньшевистские Выборгский район и Франко-Русский подрайон, где голосование происходило не по платформам.

ности в Петербурге и с целью подорвать гегемонию кадетов и освободить из-под их влияния мелкую демократическую буржуазию — войти в соглашение на определенных условиях распределения мест (2—рабочей курии, 2—с.-д., 1—с.-р., 1—трудовикам) с эс-эрами и трудовиками.

Буржуазная печать ликовала: трудовики и эс-эры заключили блок с эн-эсами, блок этот льнет к кадетам, меньшевики отделились — большевики изолированы! Революционная тактика осуждена, «мирные средства» торжествуют, да здравствует соглашение с монархией, долой путь массовой народной борьбы.

Расколов социал-демократов, обессилив революционную гидру пролетариата, кадеты не стесняясь вошли в сделку... с г. Столыпиным. По сообщениям газет, Милюкову на-днях назначена аудиенция у премьер-министра, премьер-министр ставит условием легализации кадетской партии—никаких блоков с левыми. Кадеты дают всему «левому»—на деле мелко-буржуазному—блоку (эн-эсы, эс-эры, трудовики и меньшевики) всего лишь 2 места из 6 депутатских мест на Петербург. Чтоб уступить «галерке», кадеты готовы выбросить назойливому мелко-буржуазному блоку—2 места. Уверенные, что левый блок на это не пойдет,—кадеты ведут переговоры с главою черносотенцев—Столыпиным.

Картина изменяется. Начинается избирательная кампания. Устраиваются предвыборные собрания. Меньшевики, очень, очень мало выступающие на них, робко лепечут: соглашения с кадетами. Большевики, выступающие на всех собраниях, зовут пролетариев и полупролетариев в единую рабочую партию—социал-демократическую, зовут всех избирателей-революционеров и демократов в единый революционный блок против черносотенцев и кадетов. Кадеты не дают говорить; большевикам аплодируют. Городская демократия—рабочая и мелко-буржуазная—идет на-лево, стравливая с себя иго кадетов.

Картина изменяется: «соглашатели» рвут и мечут. Они говорят о большевиках с пеной у рта. Долой большевиков! В трогательном единении «Новое Время» и «Товарищ», октябристы и кадеты, Водовозовы и Громаны⁸⁶⁾ предпринимают священный поход против красного призрака большевизма. Если большевизм когда-либо нуждался в оправдании своей революционной классовой тактики, он это оправдание нашел в том бешенстве, с которым нападает на него вся буржуазная печать. Если мелко-буржуазной революционной демократии, искренне стремящейся к осуществлению своих лозунгов, нужен был наглядный урок—она нашла этот урок в том презрении, с которым отнеслась к ней крупная и средняя бур-

жуазия, в той соглашательской (с правительством) политике, которую ведут кадеты за спиной народа.

Революционная социал-демократия говорит всей демократической городской и деревенской бедноте: только в союзе с пролетариатом, только в освобождении от кадетской опеки, только в решительной и последовательной борьбе с самодержавием найдешь ты спасение свое. Если ты достаточно для этого созрела—ты пойдешь вслед за пролетариатом. Не созрела для этого—ты останешься под опекой кадетов, а пролетариат, как бы ни кончилась избирательная кампания, как бы ни кончились между вами торги из-за мест, идет и будет идти своей особой, классовой, революционной дорогой.

Меньшевизм переживает тяжелое испытание. Избирательная кампания стала краеугольным камнем его оппортунистической тактики. Часть социал-демократии попала под гегемонию буржуазных идеологов. Буржуазные идеологи безжалостно третируют меньшевиков, как «умеренных социалистов» (выражение «Речи»), на которых всегда можно рассчитывать. Их друзья справа не считаются с ними и только... рассчитывают на их верную службу кадетам. Часть социал-демократии дошла до такого позора, когда либеральная буржуазия обращается с ней, как с своим послушным орудием, когда революционно-настроенный пролетариат предпочитает голосовать скорее за эс-эров (как это было при выборе уполномоченных в цитадели меньшевизма—Выборгском районе), чем за таких социал-демократов.

Кризис оппортунизма близится. Соглашение с «соглашателями» наносит решительный удар меньшевизму. Васильевы, Малишевские и Ларины проложили дорогу к... кладбищу. В рядах меньшевиков смятение и самоисключение. Мартов изгоняет из партии Васильевых и Малишевских. Пусть же рабочие изгонят из партии дух меньшевизма!

„Пролетарий“ № 12
от 25 января 1907 г.

Февраль.

Как голосовать на выборах в Петербурге?

(Кому выгодны сказки о черносотенной опасности?)

Социал-демократы революционного направления давно уже указывали, что сказки о черносотенной опасности умышленно выдумываются и распространяются кадетами, которые хотят отдалить от себя опасность слева.

Социал-демократов не слушали. Либеральная печать хором кричала и кричит о черносотенной опасности. Мелко-буржуазные радикалы, народники, наивно вторили либералам. Оппортунисты социал-демократии тоже плелись за либералами и опускались иногда (как, напр., в Петербурге) до прямого штрейкбрехерства по отношению к пролетариату.

Посмотрите же, что показывают выборы?

Все видят теперь, что настроение избирателей передвинулось влево. Черносотенцы разбиты на выборах несравненно более сильно, чем в прошлом году. Революционные социал-демократы оказались правы. Черносотенная опасность на голосованиях есть сказка, пущенная в ход кадетами, которые за спиной народа торгуются со Столыпиным. Известно, что в Петербурге г. Водовозов, голосовавший в прошлом году за кадетов, отвернулся теперь от них, разоблачив публично визит Милокова к Столыпину! И Милоков должен был признать этот факт. Милоков продолжает только скрывать от народа, какие условия легализации кадетов предлагал ему Столыпин!

В своих газетах кадеты из кожи лезут теперь, чтобы доказать Столыпину свою умеренность, скромность, лояльность, свою независимость от «левых», свою готовность бороться с ними,

Не правда ли, какая выгодная и удобная политика? Столыпина и его друзей, т.-е. черносотенцев, улещивать посредством отречения от «левых», посредством борьбы с левыми в печати, на собраниях, на выборах. А левых — или вернее простачков и штрейкбрехеров из левых — улещивать криками о черносотенной опасности: голосуйте, дескать, за кадетов, чтобы не раздробить голосов!

Именно, такую политику вели кадеты и в Москве. Г. Кокошкин, бывший член Думы и один из самых видных кадетов, писал в день выборов в «Русских Ведомостях»:

«Каждому ясно, что левый блок не может привлечь к себе голоса тех беспартийных, которые колеблются между «октябристами» и «кадетами»; он не может отбить ни одного голоса у «союза 17 октября». Но отбить голоса у партии народной свободы и тем способствовать торжеству реакции он может, и к этому только практическому результату и сведется его деятельность в случае успеха».

Так писал г. Кокошкин утром в день выборов. И выборы показали, что г. Кокошкин говорил вопиющую неправду. Результат деятельности левого блока показал, что торжество правых было невозможно в Москве, сколько бы голосов мы ни отбили у кадетов!

Московские выборы доказали, что сказка о черносотенной опасности есть кадетская ложь, повторять которую отныне могут лишь сознательные штрейкбрехеры из левых.

Возьмите цифры голосов по участкам. Мы приводим их полностью ниже в заметке: «Предварительные данные о московских выборах». Эти цифры показывают, что в 14-ти участках из 16*) число голосов, поданных за октябристов, было меньше половины кадетских и левых голосов, взятых вместе. Значит, в 14-ти участках левые своим самостоятельным выступлением ни в коем случае не могли «способствовать торжеству реакции».

Г. Кокошкин лгал, клеветал на левый блок, как на пособника реакции!

Г. Кокошкин запугивал избирателей лживой выдум-

*) Всего в Москве 17 избирательных участков. Но по 17-му, Пятницкому, нет полных данных. К.-д. получили здесь не менее 1.488 голосов, октябристы, кажется, около 600; левый блок, кажется, около 250.

кой о черносотенной опасности, чтобы отвлечь избирателя от голосования за левый блок.

Г. Кокошкин, как и петербургские кадеты, боится постановки даже перед цензовым избирателем вопроса по существу, вопроса о принципиальном сочувствии избирателя партии Столыпинских собеседников или социал-демократии и грудовикам. Г. г. Кокошкины, как и петербургские кадеты, спекулируют не на сознательность избирателя, а на запуганность мещанина, одурманенного воем либерально-холопствующей печати о черносотенной опасности.

И московские выборы действительно были выборами запуганных мещан. Вот подтверждение этому из источника, который наверное уже никто не заподозрит в сочувствии «большевикам».

«Биржевые Ведомости» от 29 янв. поместили письмо специально командированного ими корреспондента о том, как «Москва выбирает выборщиков». Вот что пишет этот корреспондент:

«Выбравшись из строя, избиратели отходят далеко в сторону и начинают делиться впечатлениями.

— Ну, что ж, за Грингмута⁸⁷⁾, небось, подал?—спрашивает подрядчик своего мастера.

— Да что вы, Сергей Петрович, мы за кадетов,—отвечал низенький и кругленький, точно боченок, мастер.

— А отчего не за левый блок?—допытывается подрядчик.

— Опасно, голоса разобьются,—отвечает мастер».

Вот почему городской обыватель голосовал в массе за кадетов в Москве! Обыватель голосовал против левых не из антипатии к ним, а потому что «опасно — голоса разобьются», т. е. потому, что он поверил кадетским лгунам, воспользовавшимся монополией ежедневных либеральных газет для одурачения обывателя.

Выборы 28-го января в Москве показали, что голоса не могли разбиться, при четырех списках, так, чтобы была опасность победы черных.

Кадеты провели за нос в Москве напуганного обывателя. Пусть знают эти петербургские избиратели, пусть не попадают второй раз на удочку торгующихся со Столыпиным кадетов!

Мы обращаем еще внимание читателей на сравнение данных

(по 9 участкам Москвы,—более полных данных у нас нет, к сожалению, под руками) за 1906 и за 1907 год. Известно, что все кадетские подполоски и штрейкбрехеры из левых вопят о сенатских разъяснениях, которые, дескать, доказывают, что на данные 1906 года нельзя опереться, что в 1907 году на выборах надо ждать худшего, что есть теперь черносотенная опасность.

И что же показала Москва? В 1906 г. по 9-ти участкам было подано голосов за к.-д. 13.220, за правых 5.669 (окт.) плюс 690 (монархисты), всего 6.359, а может быть даже несколько больше, ибо из приводимых нами цифр видно, что о числе голосов монархистов нет вовсе сведений по нескольким участкам из этих девяти.

В 1907 г. по тем же участкам было подано голосов против черных 14.123 (в том числе 11.441 за к.-д. и 2.682 за левых), а за черных 5.902 (в том числе 4.412 за октябристов и 1.490 за монархистов).

Итак, несмотря на сенатские разъяснения, число голосовавших в 1907 году немного даже выше, чем в 1906 г. (20.025 против 19.579). Число голосов против черных выше, чем в 1906 г. (14.123 против 13.220); число голосов за черных ниже, чем в 1906 г. (5.902 против 6.359).

Опыт Москвы фактически доказывает, что на данные 1906 г. вполне можно полагаться, ибо данные 1907 года показывают шаг к лучшему.

А что поворят цифры по Петербургу за 1906 г.? Эти цифры говорят, что в 9-ти участках, дающих 114 выборщиков, максимальное число голосов за черных в 1906 г. было более, чем вдвое ниже минимального числа голосов за кадетов *).

Значит, при разделении голосов против черных на кадетские и левые, невозможна в Петербурге победа правых. Даже выборы выборщиков городскими избирателями по Петербургскому уезду, состоявшиеся 29 января, показывают, что черносотенная опасность есть лживая кадетская сказка. Даже среди этих избирателей, которым всего труднее было достать списки

* Цифры эти приведены полностью в „Зрении“ № 1. Перепечатываем их ниже еще раз, чтобы они были известны всем петербургским избирателям.

и приехать на выборы, черные получили так мало голосов, что не могли победить ни при каком разделении голосов. За кадетов было подано минимум 1.099 голосов, за с.-д.—603, за октябристов—652, за союз русского народа—20. Какое бы число голосов ни оторвали мы здесь от кадетов, правые не могли бы пройти!

И поэтому мы заявляем теперь с полной решительностью: те, кто призывает в Петербурге голосовать за кадетов во имя черносотенной опасности, чтобы не разделились голоса,—те сознательно лгут и обманывают избирателя. Те, кто устранился от выборов в Петербурге, хотя бы по одному участку во имя черносотенной опасности, те сознательно лгут и обманывают избирателя, прикрывая свое штрейкбрехерство по отношению к левому блоку.

В Петербурге, как и в Москве, нет черносотенной опасности, а есть кадетская опасность. Есть опасность того, что темный и запуганный обыватель подаст голос за кадета не из антипатии к левому блоку, к социал-демократам и трудовикам, а из внушенного ему лживой кадетской печатью страха перед разделением голосов.

С этой «опасностью» должны бороться все те, кто хочет сознательного голосования избирателей в Петербурге.

В Петербурге нет черносотенной опасности, есть кадетская опасность. Поэтому непростительным штрейкбрехерством по отношению к левым будет воздержание в тех трех участках (Василеостровский, Рождественский и Литейный), где возможна при разделении голосов (судя по данным 1906 г.) победа черных. Эти три участка дают 46 выборщиков из всего числа 174 (160 по городу и 14 от рабочей курии). Значит, повлиять на исход выборов эти участки не могут. А повлиять на победу левых или кадетов они очень могут. Допустим, с.-д. и трудовики побеждают в 4-х участках, Спасском, Московском, Петербургском, Выборгском (берем наудачу). Тогда у левых 74 выборщика (60 от города и 14 от рабочих). Если кадеты победят по всем остальным участкам, тогда они имеют 100 выборщиков и проводят всех своих депутатов в Думу! Если же в трех названных выше участках пройдут черные (числом 46), тогда кадетов будет только 54 и кадеты вынуждены будут соединяться с левыми, получая два места в Думе из шести.

Значит, тот, кто воздерживается в трех «черных» участках

Петербурга, тот тайком служит кадетам, тот штрейкбрехер по отношению к левому блоку!

Граждане-избиратели! Не верьте тем обманщикам, которые говорят вам об опасности раздробления голосов в Петербурге. Не верьте лживым рассказам о черносотенной опасности в Петербурге.

В Петербурге нет черносотенной опасности. В Петербурге не могут победить правые вследствие деления голосов на кадетские и левые.

Голосуйте не из страха перед «опасностью», выдуманной лжецами кадетами (забегающими с заднего крыльца к Столыпину), голосуйте по совести и по убеждению.

За либеральных буржуа, которые хотят навязать крестьянам разорительный выкуп,—которые предают крестьянское дело в руки либеральных помещиков,—которые тайно торгуются со Столыпиным, ведут переговоры с черносотенцами?

Или за социал-демократическую рабочую партию, за партию пролетариата, поддержанного всеми партиями трудовиков?

Граждане, голосуйте за левый блок!

*„Зрение“ № 2
от 4-го февраля 1907 г.*

Предварительные данные о московских выборах.

Либеральные и прислуживающиеся либералам газеты все еще кричат о черносотенной опасности в Москве и Петербурге!

Чтобы показать, до какой степени лживы эти крики и фразы, приводим в систематической форме все опубликованные до сих пор в петербургских газетах данные о московских выборах.

Для сравнения приводим также данные о выборах за 1906 г. в городе Москве из газеты «Наша Жизнь» от 28 марта 1906 г.

О значении тех и других данных, еще и еще раз доказывающих полную лживость побасенок о «черносотенной опасности», мы говорим в другом месте.

Число голосов, поданных на выборах в городе Москве в 1907 г. за

Участки гор. Москвы.	Конст. дем.	Октяб- ристов.	Монар- хистов.	Левый блок.
Арбатский	1348	514	154	214
Басманный	934	462	113	155
Городской	643	266	107	61
Лефортовский	938	631	244	190
Мясницкий	1331	551	191	191
Пречистенский	1183	538	161	175
Пресненский	1196	550	187	458
Рогожский	1565	963	267	286
Серпуховский	469	189	69	101
Сретенский	1239	403	106	303
Сущевский	2061	700	398	841
Хамовнический	1011	647	197	297
Якиманский	1153	552	171	241
Тверской	1730	680	189	313
Яузский	1117	299	75	162
Мещанский	1839	838	262	689
По 16 уч.	19757	8783	2891	4677

В 1906 году.

Участки гор. Москвы.	Конст. дем.	Октяб- ристы.	Монар- хисты.	Левый блок.
Арбатский	1269	700	?	—
Сущевский	2867	930	103	—
Пресненский	1662	646	150	—
Пречистенский	1810	734	—	—
Тверской	1810	850	174	—
Городской	571	362	50	—
Сретенский	1368	640	40	—
Яузский	600	300	?	—
Басманный	1263	507	83	—
По 9 уч.	13320	5669	690	—
По тем же 9 уч. в 1907 г. .	11441	4412	1499	2682

Таким образом, выборы в Москве доказали лживость сказок о черносотенной опасности. Напоминаем еще раз, что данные о выборах в Петербурге в 1906 г. доказали то же самое:

Голосование в Петербурге на выборах в первую Думу.

Участки.	Наименьшее число гол., под. за кадетск. спис.	Половина этого числа.	Наибольш. чис. голосов, подан- ных за список правых партий.	Число выбор- щиков.
Адмиралтейский.	1395	697	688	— 5
Александрово-Невский	2929	1464	1214	— 16
Казанский	2135	1067	985	— 9
Нарвский	3486	1743	1486	— 18
Выборгский	1853	926	652	— 6
Петербургский	4788	2394	1729	— 16
Коломенский	2141	1070	969	— 9
Московский	4937	2468	2174	— 20
Спасский.	4373	2436	2320	— 15
Литейный	3414	1707	2097	+ 15
Рождественский.	3241	1620	2066 ⁸⁸)	+ 14
Вас.-Островский	3540	1770	2250	+ 17

„Зрение“ № 2
от 4 февраля 1907 г.

Политическая Лидвалиада.

В зале гражданских инженеров на собрании 24 января произошел по сообщению (от 26 янв.) «Телеграфа» следующий случай.

«На эстраду входит В. В. Водовозов и напоминает собранию инцидент в театре Неметти. «Я спрашивал там, правда ли, что Милюков ведет переговоры со Столыпиным за спиной избирателя. В ответ слышались крики: «ложь! клевета!», а проф. Гредескул ответил ему, что Милюков—честный человек, которому партия безусловно доверяет. Я нисколько не сомневаюсь в личной честности Милюкова, но переговоры эти велись. Их не отрицает и Милюков. Сегодня в газете «Речь» он пишет, что говорил со Столыпиным по поводу легализации партии народной свободы, при чем ему были сделаны неприемлемые предложения. М и л ю-

ков однако скрывает, какие же это предложения. Если они гнусны, их нужно огласить, нужно все-народно пригвоздить... к позорному столбу!»

«— Закрываю собрание!—провозглашает пристав.

«Публика с шумом и свистками направляется к выходу. Устроители собрания обращаются к Водовозову с резкими упреками, а пристав посылает к эстраде пару городских,—на всякий случай».

Г. Водовозов заслужил не резкие упреки, а признательность за свои попытки разоблачить переговоры Милюкова со Столыпиным. Упрекать за это политического деятеля могут только либо обыватели, не понимающие обязанностей гражданина, либо люди, желающие скрыть от народа проделку кадетов. Не знаем уж, к какой из этих категорий принадлежали устроители собрания, в котором докладчиком был кадет Набоков.

Вопрос о переговорах Милюкова со Столыпиным имеет громадное значение. Тысячу раз неправы те, кто склонен пренебрежительно относиться к этому вопросу, отмахиваться от него, объявлять его не имеющим значения скандальчиком. Кто боится скандала, тот не сознает своего гражданского долга разоблачать политические Лидвалиады.

А переговоры Милюкова со Столыпиным есть именно кусочек политической Лидвалиады, где вместо уголовно-наказуемой денежной корысти и мошенничества мы имеем политически недобросовестное и преступное торгашество партии, злоупотребляющей великими словами «народная свобода».

Мы уже указывали в газете «Труд», что Милюков скрывает от народа, в чем состояли «условия» Столыпина. Скрывает он и то, одна ли была аудиенция или несколько, и когда они были. Скрывает он и то, Столыпин ли позвал его к себе или Милюков попросил аудиенции. Скрывает он, наконец, и то, были ли решения по поводу этого в п. к. и в ц. к. кадетов, были ли сообщения из центра в провинцию.

Нетрудно видеть, что от этих данных зависит полная оценка кадетской зубатовщины. Скрывают от народа только дурные вещи. Г. Водовозов прав, что их нужно огласить. И г. Водовозов обязан продолжать свои разоблачения, если он хочет, чтобы сознающие свои политические обязанности граждане смотрели на него, как на честного и выдержанного, стойкого политика, а не как на гонящегося за сенсацией журналиста. Когда речь идет о гнусности в делах общенародных, долг гражданина заставить укрывателей заговорить.

Кто знает нечто об этих гнусностях и хочет выполнить

долг гражданина, тот обязан заставить Милюковых привлечь себя к суду за клевету и на суде разоблачить кадетского вождя,—за спиной народа, в разгар выборного боя народа со старым режимом, бегающего с заднего крыльца к вождю старого режима!

Мы ставим г. Милюкову и партии к.-д. открытые вопросы:

1. Когда была аудиенция или когда именно были аудиенции Милюкова (и его друзей?) у г. Столыпина?

2. Приглашал ли Столыпин к себе Милюкова? И не было ли при этом известно Милюкову кое-что о тех «гнусных» (по словам г. Водовозова) условиях, о коих Столыпин хотел говорить с Милюковым?

3. Когда именно было заседание п. к. и ц. к. кадетов (или обоих комитетов вместе) по поводу предложений Столыпина? Не решали ли там сделать некоторые шаги навстречу этим предложениям? Не писалось ли об этом кой-чего в провинцию?

4. В какой связи стоит аудиенция Милюкову у Столыпина и вообще некоторые шаги обоих сих мужей навстречу друг к другу,—с характером кадетского поведения на «конференции» 18-го января с мелко-буржуазным блоком?

Мы еще вернемся—и, вероятно, не раз—к разоблачениям насчет «аудиенции» кадета у черносотенца. Мы еще докажем со всеми доступными далеко стоящему человеку с документами в руках, что именно в этих переговорах кадетов с черносотенцами лежит причина неудачи того общего блока «левых» с к.-д., которого многие желали и с которым мы всегда боролись.

А пока мы скажем:

Пусть знают г. Милюков и партия к.-д., что не один Водовозов, а еще многие и многие люди приложат все усилия для разоблачения этой политической Лидвалиады!

„Зрение“ № 2

от 4 февраля 1907 г.

Итоги выборов по рабочей курии в Петербурге.

Несмотря на то, что собрание точных материалов о ходе выборов в рабочей курии подвигается медленно (большевики издали печатный опросный листок и распространили его), все же общий характер выборов выяснился.

Несомненно, что эс-эры усилились более, чем мы ожидали.

Это признают даже меньшевики («Наш Мир» № 1). В губернской рабочей курии они отвоевали 4-х выборщиков из 10. В городской они побеждены с.-д.-ами, которые завоевали всех 14 выборщиков, но число голосов за кандидатов с.-р. оказалось значительное (110—135 за с.-р.; 145—159 за с.-д. из 269 голосовавших).

Далее. Тот факт, что эс-эры победили нас в особенности на крупнейших заводах, равным образом никем не отрицается.

Меньшевики отрицают следующий и наиболее важный для уяснения причин наших неудач факт, именно: что эс-эры побеждали преимущественно меньшевиков.

В № 1 «Нашего Мира», в специальной статье о выборах по рабочей курии, они замалчивают этот вопрос, лицемерно ссылаясь на ослабление с.-д.-тии фракционной борьбой и затухая, что именно меньшевики довели эту фракционную борьбу до раскола и до такого «кадетизма» в своей тактике, который оттолкнул передовых рабочих.

Но даже те данные, которые собраны теперь, доказывают все более и более правильность нашего первоначального (№ 12 «Пролетария») вывода,—именно, что эс-эры побеждали меньшевиков *).

О Невском районе это доказано данными по отдельным заводам в № 12 «Пролетария». Обратное, голословное, заявление в № 1 «Нашего Мира» есть простой курьез.

Относительно Московского района это доказывает помещаемая в настоящем номере корреспонденция⁸⁹⁾.

Относительно Выборгского района сами меньшевики («Наш Мир» № 1) дают такие цифры; по городу (меньшевики) 17 с.-д., 12 с.-р. и 2 неопределившихся. По губернской части района, где работали только большевики, 7 с.-д., ни одного эс-эра.

Эти цифры еще не окончательно доказательны. Но в общем они вполне подтверждают наш вывод, что именно меньшевики разбиты эс-эрами. Попытка «Нашего Мира» сослаться на то, что в губернской части Выборгского района эс-эры вовсе не выступали и, «следовательно, не было никакой конкуренции», явно несостоятельна. Во-первых, является вопрос, почему именно в этом предместьи Спб. не выступали с.-р.-ы, а в других выступали? Не играло ли тут роль то, что «конкуренция» эс-эров заранее всей предварительной работой была исключена отсюда? Во-2-х, точных данных о том, кто был кандидатом, меньшевики не дают. Данных по заводам они тоже не дают. В-3-х, мы знаем из газет,

*) См. выше 153—156 стр. этого тома. Ред.

что именно в Выборгском районе эс-эры на собраниях побивали меньшевиков за их «кадетизм».

Так, «Речь» от 24 января сообщает о собрании 21 января в доме Нобеля (Нюстадская, 11). Говорил, по отчету «Речи», с.-д. Гурвич, который винил крайние левые партии в бойкоте Думы («Речь» пишет курсивом об этой помощи, оказываемой кадетам на собрании левых!). Гурвич обвинял народников в «мелких торгах», сорвавших блок с к.-д. Народник Бикерман, отвечая Гурвичу, назвал «заявление предыдущего оратора о мелких торгах—клеветой». Народник Смирнов доказывал, что меньшевик Гурвич «ничем не отличается от к.-д.». Смирнов ссылаясь на то, как кадет Гредескул публично «хвалил» Гурвича.

Таков отчет «Речи». Из него ясно видно, что эс-эры побивали меньшевика перед рабочими именно за их отношение к кадетам.

По Невскому, Московскому и Выборгскому районам успех эс-эров особенно бросался всем в глаза. И именно по этим районам выясняется теперь причина этого успеха: оппортунисты с.-д. роняют престиж социал-демократии перед передовым пролетариатом.

Но если нам пришлось поплатиться за правых с.-д. потерей 4-х мест из 10 в губернской рабочей курии, зато мы поправили дело в городской рабочей курии.

И поправили мы его, как видно из дальнейшего, именно тем, что развернули перед всеми уполномоченными тактику революционной, а не оппортунистической социал-демократии.

Всего рабочих уполномоченных по городу было 272. Из них с.-д. и сочувствующих с.-д. считали 147, т.-е. больше половины. Остальные были лишь отчасти определенные эс-эры (54), отчасти неопределенные (55), беспартийные (6), правый 1 и 9 трудовиков, «левых» (двое из них к.-д.) и т. под.

П. К. развернул самую энергичную деятельность среди уполномоченных. Был поставлен на обсуждение всех интересующий вопрос о выборах в Спб., о тактике: с кадетами или против кадетов. Представители П. К. Р. С.-Д. Р. П. выясняли уполномоченным позиции революционной социал-демократии, меньшевики выступали с защитой своей тактики.

28 января состоялось решающее собрание уполномоченных всех партий. Присутствовало 200—250 человек. Большинством против 10—12 была принята резолюция, всецело одобряющая большевистскую тактику, требующая поддержки левого блока и прямо направленная против меньшевиков, против «скрытой» поддержки кадетов.

Вот текст этой резолюции:

«Припимая во внимание:

«1) что успех левых списков, уже выставленных с.-д., с.-р., трудовиками и нар.-соц., в противовес спискам черносотенным и кадетским, по городской курии имеет чрезвычайную политическую важность;

«2) что такой успех возможен лишь при дружной поддержке левых списков всеми левыми партиями,—

«собрание уполномоченных от рабочих разных фабрик и заводов предлагает всем левым партиям поддерживать общие левые списки и ни в каком случае, ни в одном районе г. Петербурга не выставлять каких-либо отдельных списков и не оказывать хотя бы в скрытом виде поддержки кадетам.

«Собрание уполномоченных, опираясь на мнение масс, выражает пожелание, чтобы товарищи соц.-дем. меньшевики вошли в соглашение левых и содействовали успеху левого списка на выборах в Петербурге».

Итак, по городу Петербургу, который хотели отделить от губернии меньшевики, представители всего пролетариата осудили тактику меньшевиков!

Преобладание сочувствующих большевистской тактике сознательных рабочих в Петербурге, выступившее ясно уже на с.-д. конференции, окончательно доказано этим решением уполномоченных.

28-го января представители рабочих масс в последний раз призвали меньшевиков бросить тактику «скрытых» поддержек кадетам, тактику штрейкбрехерства по отношению к левому блоку.

Но меньшевики даже теперя не подчинились воле пролетариата. 1-го февраля в «Речи» появились выдержки из их воззвания, в котором они бросают палки под колеса левому блоку. 29-го января поздней ночью беспартийные прогрессисты Коломенского района порвали свой письменный договор с меньшевиками после того, как все представители левого блока выяснили прогрессистам неприемлемость меньшевистского условия («свобода действий» для выборщиков, т.-е. свобода перекидываться к кадетам!).

30 января состоялось собрание уполномоченных от рабочих, принадлежащих к Р. С.-Д. Р. П. и сочувствующих этой партии. Из числа таких уполномоченных присутствовало большинство—98 чел. Представитель П. К. Р. С.-Д. Р. П. тов. В. предложил рассмотреть вопрос о подчинении будущих выборщиков с.-д.-тов директивам П. К. при выборах членов Гос. Думы. Он

указал, что вопрос этот при нормальных условиях не мог бы возбудить никаких сомнений или разногласий, так как директивы П. К., конечно, обязательны для всех членов петербургской организации. Но, в настоящее время, значительная часть организации, большинство меньшевиков,—откололась и заявила, что выборщики-меньшевики сохраняют за собою свободу действий. Представитель П. К. отметил, что подчинение выборщиков от рабочих этой директиве юридически-неоформленной, отколовшейся части организации означало бы довершение начатого меньшевиками раскола и противоречило бы принятому подавляющим большинством решению общего собрания уполномоченных содействовать в избирательной кампании левому блоку. Против этого возражали меньшевики—члены П. К., товарищи М. и А., настаивавшие на том, что выборщики от рабочих должны считаться только с мнением уполномоченных. Подавляющим большинством была принята предложенная от имени П. К. резолюция следующего содержания: «Собрание признает обязательным для выборщиков подчинение при выборах директивам П. К.».

Меньшевики из всех сил боролись против этой резолюции. Самые видные и ответственные меньшевики не постеснились идти даже в такую минуту, накануне выборов, против П. К. Они внесли «поправку»: вместо П. К. сказать «Петербургской организации».

Но рабочие поняли уже меньшевистскую тактику раскола ради кадетов. Ораторам меньшевикам кричали «довольно!». Поправка, тайком вводившая оправдание раскола, была отвергнута подавляющим большинством.

После этого перешли к вопросу о назначении кандидатов в выборщики от Р. С.-Д. Р. П. Пет. Комитет представил на рассмотрение собрания список рекомендованных им 14-ти кандидатов, выбранных из 21-го, намеченных порайонными собраниями уполномоченных. Предложено было взять за основу этот список, что и было подавляющим большинством принято, несмотря на возражения меньшевиков, усматривавших в этом «правительственное давление»; при этом представителем П. К. тов. В. было разъяснено, что никакого правительственного давления тут нет, что П. К. имеет авторитет лишь постольку, поскольку он ему дан доверием организованного социал-демократического петербургского пролетариата и, представляя рекомендуемый список, исполняет только лежащую на нем, как на руководящем центре организации, обязанность. Все кандидатуры были обсуждены, при нем один из кандидатов, по предложению представителя П. К.,

был заменен другим, и затем произведено было голосование, в результате которого оказалось, что весь список П. К. был принят значительным большинством голосов.

Список П. К. накануне выборов появился во всех газетах.

Выборы (1 февраля) дали победу сплотившимся с.-д. Весь список П. К. прошел полностью. Все 14 выборщиков—с.-д.!

Из этих 14-ти—восемь большевиков, четыре меньшевика (один, собственно, синдикалист, а не меньшевик) и два нефракционных с.-д., стоящих за левый блок.

По городской рабочей курии большевики исправили урон, понесенный с.-д-тией в губернской рабочей курии.

Пусть беснуется теперь сколько угодно «Речь» (см. № от 3 февр.), говорящая о том, что большевики не дали эс-эрам даже пропорционального меньшинства.

Мы никогда не обещали пропорциональности эс-эрам,—да и не доказал ее еще никто, ибо нет данных о числе голосов. Только мы же первые начали собирать эти данные.

Мы оставили за собой полную свободу борьбы в рабочей курии против всех партий.

И, благодаря выступлению революционной социал-демократии из всех выборщиков от рабочих по Петербургу и Петербургской губернии, оказалось только 4 эс-эра, 20 с.-д.

На следующих выборах мы завоюем все места социал-демократии.

*„Пролетарий“ № 13
от 11 февраля 1907 г.*

Некоторые данные о выборах по рабочей курии на юге России.

Наш призыв ко всем российским с.-д. организовать сбор точных данных о выборах по рабочей курии не остался безрезультатным. Мы получили уже 93 заполненных печатных бланка, которые нами были розданы петербургским товарищам. По районам эти 93 листка распределяются так: Петербургская Сторона—7, Васильевский остров—22, Выборгский район—18, Московский—18, Городской—28. Просим товарищей поспешить доставлением остальных листков, чтобы сведения были полны, особенно по крупным заводам. Тогда мы напечатаем итоги данных.

Из провинции нам доставлены сведения по шести заводам Екатеринбургской губернии. Приводим эти сведения в форме

таблички, чтобы показать товарищам, какие данные интересуют партию и какие выводы должны мы делать из опыта первых партийных выборов по рабочей курии (с м. т а б л и ц у н а с т р. 185).

Разумеется, мы не знаем, насколько типичны эти данные и насколько можно распространять получающиеся из них выводы на всю Екатеринославскую губернию. Надо собрать полные данные для окончательных выводов.

Пока можно отметить только два обстоятельства. Процент участвующих в голосовании рабочих не высок. Повидимому, социал-демократическая работа не достаточно глубока, недостаточно захватывает массу. В общем, менее трети общего числа рабочих участвует в выборах. Всего ниже процент участвующих на Трубопрокатном заводе: 200 из 850, т.-е. менее четверти. Всего выше на заводе Эзау: 130 из 350, т.-е. более трети.

Конкуренция эс-эров выступает на двух заводах: Эзау и Брянском. На последнем эс-эры победили меньшевиков! Крупнейший завод дал четырех эс-эров в уполномоченные.

Таким образом, первоначальные (правда, очень частичные) данные ю юге подтверждают вывод севера: эс-эры бьют меньшевиков — точно в назидание оппортунистам! точно в поучение людям, с непростительным легкомыслием отмахивающимся от революционной буржуазной демократии и тянущимся за либерально-монархической буржуазной демократией!

В общем числе уполномоченных (10) эс-эры составляют 40 проц., т.-е. две пятых. Но общее число голосов, поданных за эс-эров, составляет менее трети, 815 из 2.710. Стоит отметить, что, несмотря на победу по крупнейшему заводу, эс-эры оказываются получившими меньшую долю голосов, чем доставшаяся им доля уполномоченных. Это показывает, как неосновательны и голословны были претензии петербургских эс-эров, уверявших, что у них должна быть бóльшая доля голосов, чем приведенная ими доля уполномоченных. Без документальной статистики по заводам со сведениями о числе поданных голосов выставить таких утверждений нельзя.

Будем надеяться, что товарищи по всей России продолжат сбор сведений по указанным образцам, чтобы вся партия могла ясно и точно представить себе результаты своей кампании и научиться познавать причины своих сравнительных неудач.

*„Пролетарий“ № 13
от 11 февраля 1917 г.*

НАЗВАНИЕ ЗАВОДА.	Число рабо-чих.	Число упод.-помощн.членов.	Кто выбран в уполном.	Число голо-вовавш. ра-бочих.	Число голосов, поданных за				
					с.-д. б.	с.-д. м.	с.-р.	бесп. прав.	
Завод Эзау	350	1	С.-д. меньш.	130	—	112	15	—	3
Паровозн. мастерская	2.700	2	С.-д. меньш.	800	—	650	—	—	—
Паровозн. депо	700	1	С.-д.	230	230		—	—	—
Гвоздильный	700	1	С.-д. больш.	250	250	—	—	—	—
Трубопрокатный	850	1	С.-д. меньш.	300	—	195	—	—	5
Брянский рельсопрок.	4.350	4	С.-р.	1.100	—	300	803	—	—
Итого по 6 заводам	9.650	10	6 с.-д. 4 с.-р.	2.710	250	1.257	815	—	8
						230			
						1.773			

Значение выборов в Петербурге.

Предвыборная кампания в Петербурге подходит к концу. До выборов осталось три дня, и когда читатель будет иметь перед собой эти строки, будут известны уже результаты петербургского голосования.

Казалось бы, нельзя и говорить о значении петербургских выборов до их исхода. Но это не так. Предвыборная кампания в Петербурге имеет такую длинную историю; эта кампания дала такую массу необыкновенно поучительного политического материала, что значение ее определилось уже вполне. Каковы бы ни были результаты выборов,—петербургская кампания 1906—1907 годов составила уже, несомненно, крупный и самостоятельный этап в истории русской революции.

Неотъемлемым завоеванием революции в избирательной кампании Петербурга является, прежде всего, выяснение взаимоотношения политических партий, настроения (а, следовательно, также и интересов и всего политического положения) разных классов, а затем проверка на деле, на крупном, открытом, массовом деле тех или иных ответов на коренные вопросы с.-д. тактики в буржуазной российской революции.

Главные события предвыборной кампании в Петербурге пронеслись с быстротой вихря. И в этом вихре, когда приходилось во что бы то ни стало и немедленно действовать, обрисовались, как никогда, истинная природа и сущность разных партий и течений. В этом вихре не удержались никакие формальные связи, никакие партийные традиции,—раскалывались организации, нарушались обещания, менялись решения и позиции, каждый день приносил крупнейшие новости. Столкновение разных партий и разных течений были необыкновенно остры, полемика—резкая и в обычное время—перешла в свалку. И это не от того, что невоздержан русский человек, не от того, что он испорчен подпольем, не от того, что мы не воспитаны,—так могут объяснять дело только филистеры.

Нет, причина острых столкновений и бешеной борьбы заключалась в глубине классовых различий, в антагонизме социальных и политических тенденций, которые вскрылись под влиянием событий неожиданно быстро, потребовали немедленных «шагов» от каждого, всех столкнули, заставили борьбой отстоять, *auskämpfen*, свое настоящее место, свою истинную линию.

В Петербурге находятся центры всех партий. Это—фокус политической жизни России. Пресса имеет не местное, а общена-

циональное значение. И неизбежно вышло поэтому так, что петербургская предвыборная борьба партий явилась величайшей важности симптомом, знамением и прообразом многих дальнейших, и парламентских и непарламентских, битв и происшествий русской революции.

Сначала на очереди стоял как будто мелкий, второстепенный, «технический» вопрос о соглашениях всех оппозиционных и революционных партий против черносотенной опасности. Под прикрытием этого «простого» вопроса таились на деле основные политические вопросы: 1) об отношении правительства к либералам, кадетам; 2) об истинных тенденциях кадетов; 3) о гегемонии кадетов в освободительном движении в России; 4) о тенденциях трудовых, мелко-буржуазных партий; 5) о классовой общности и политической близости умеренных эн-эсов и революционных эс-эров; 6) о мелко-буржуазной или оппортунистической части с.-д. рабочей партии; 7) о гегемонии пролетариата в освободительном движении; 8) о значении видных, открытых и не видных, скрытых элементов и «потенций» революционной мелко-буржуазной демократии в России.

И все это замечательное богатство политических вопросов ставила и разрешала сама жизнь, самый ход избирательной кампании. Ставились эти вопросы против воли и помимо сознания многих партий,—решались они «насильственно» вплоть до разрыва всяких традиций,—и конечный результат получился самый неожиданный для громадной массы участвующих в кампании политиков.

— Большевиков вывезла кривая,—говорит, качая головой по поводу всех этих неожиданностей, обыватель.—Им повезло счастье.

Такие речи напомнили мне одно место из недавно вышедших писем Энгельса к Зорге. 7 марта 1884 года Энгельс писал к Зорге:

«Две недели тому назад был у меня племянник из Бармена, независимый консерватор, я говорю ему: «Мы дожили теперь в Германии до такого положения, что можем просто сложить руки и заставить наших врагов работать на нас. Отмените ли вы исключительный закон против социалистов, сделаете ли вы его еще свирепее, или несколько мягче,—все равно. Что бы вы ни делали, вы работаете нам на руку».—Да,—ответил он,—все условия замечательно складываются в вашу пользу.—«Ну, конечно,—ответил я,—условия не складывались бы в нашу пользу, если бы мы уже 40 лет тому назад не определили верно этих условий и не действовали сами на основе этого верного определения». Племянник ничего не ответил.

Большевики могут сослаться не на 40 лет, конечно,—мы сравниваем здесь с очень большим небольшое,—но на месяцы и годы определенной ими уже заранее тактики с.-д. в буржуазной революции. Большевики на деле сложили руки в течение самых важных и решительных моментов предвыборной кампании в Петербурге,—и условия работали на нас. Все наши враги, начиная от серьезного и беспощадного врага, Столыпина, и кончая «врагами» с бумажным мечом, ревизионистами, работали на нас.

Вся оппозиция, все левые были против большевиков в начале выборной кампании в Петербурге. Все возможное, все мыслимое было сделано против нас. А вышло по нашему.

Отчего? Оттого, что мы задолго оценили гораздо правильнее (еще с «Двух тактик» 1905 года, в Женеве) отношение правительства к либералам и отношение мелко-буржуазной демократии к пролетариату.

Какая причина сорвала почти налаженный блок кадетов со всеми «левыми», кроме большевиков? Переговоры Милюкова со Столыпиным. Столыпин поманил—кадет отвернулся от народа и попольз, как щенок, к черносотенному хозяину!

Случайность это? Нет, это—необходимость, ибо основные интересы либерально-монархической буржуазии толкают ее в каждый решительный момент от революционной борьбы совместно с народом к соглашению с реакцией.

Какая причина вызвала полную неустойчивость и бесхарактерность всех мелко-буржуазных (народнических и трудовых) партий и мелко-буржуазной части рабочей партии, меньшевиков? Почему они колебались и шатались, метались направо и налево, тянулись за кадетами и молились на кадетов?

Не в силу личных качеств Сидора или Карпа, а в силу того, что мелкий буржуа неизбежно тяготеет к шествованию по стопам либерала, в хвосте у него, не веря в себя, не умея перенести временного «изолирования», не умея спокойно и твердо встретить вой буржуазных псов, не веря в самостоятельную революционную борьбу масс, пролетариата и крестьянства, откачиваясь от роли руководителя в буржуазной революции, отказываясь от своих лозунгов, приспособляясь и подделываясь под Милюковых...

А Милюковы подделываются под Столыпина!

Большевики самостоятельно определили свою линию и выкинули перед народом заранее свое знамя, знамя революционного пролетариата.

Долой лицемерные побасенки о черносотенной опасности, о «борьбе» путем нанесения визитов Столыпиным! Кто хочет на деле свободы народа, кто хочет на деле победы революции,— пусть идет за нами и против черносотенной шайки, и против торгашей кадетов.

Мы идем сами в бой во всяком случае. Мы не боимся «изолировать» себя от ваших мелких и дрянных, мелочных и жалких проделок и сделок.

С пролетариатом за революцию—или с либералами за переговоры со Столыпиным, выбирайте, избиратели! выбирайте, господа народники! выбирайте, товарищи-меньшевики!

И, определив свою линию, мы сложили руки. Мы ждали исхода начавшейся свалки. 6-го января наша конференция выкинула наше знамя. До 18-го января путался Милюков в ногах у Столыпина, путались меньшевики, народники и беспартийные в ногах у Милюкова.

Все запутались. Все дипломатничали и все переругались и перегрызлись так, что не могли идти вместе.

Мы не дипломатничали, а ругали всех во имя ясно и открыто выставленных принципов революционной борьбы пролетариата.

И все, способные на борьбу, пошли за нами. Левый блок стал фактом. Гегемония революционного пролетариата стала фактом. Он повел за собой всех трудящихся и большую часть меньшевиков, даже интеллигентов.

Его знамя водрузилось на выборах в Петербурге. И, каковы бы ни были результаты этих первых в России серьезных выборов с участием всех партий,—знамя самостоятельного, ведущего свою линию, пролетариата уже водружено. Оно будет развиваться и над думской и над всеми другими видами борьбы, которые поведут революцию к победе.

Привлечь к себе силой своей самостоятельности, своей выдержанности, своей твердости массу угнетенного, забитого крестьянства, массу колеблющейся, шаткой, неустойчивой мелко-буржуазной демократии, оторвать ее от предательской либеральной буржуазии, контролировать таким образом эту буржуазию и во главе народного массового движения раздавить проклятое самодержавие,—такова задача социалистического пролетариата в буржуазной революции.

Предисловие к русскому переводу брошюры: „К. Маркс. Письма к Кугельману“.

Издавая отдельной брошюрой полное собрание опубликованных в немецком социал-демократическом еженедельнике «Neue Zeit» писем Маркса к Кугельману, мы ставили своей задачей познакомить русскую публику ближе с Марксом и с марксизмом. В переписке Маркса личным делам его уделено, как и следовало ожидать, очень много места. Для биографа все это—чрезвычайно ценный материал. Но для широкой публики вообще и для рабочего класса России в особенности бесконечно более важны те места писем, которые содержат теоретический и политический материал. Именно у нас, в переживаемую нами революционную эпоху, особенно поучительно вникнуть в тот материал, который рисует Маркса непосредственно откликающимся на все вопросы рабочего движения и всемирной политики. Вполне права редакция «Neue Zeit», что «нас возвышает знакомство с обликом людей, мысль и воля которых сложилась в условиях великих переломов. Для русского социалиста в 1907 году это знакомство вдвойне необходимо, ибо оно дает массу самых ценных указаний на непосредственные задачи социалистов во всех и всяких переживаемых его страной революциях. Россия именно теперь переживает «великий переворот». Политика Маркса в сравнительно бурные 1860 годы очень и очень часто должна служить прямым образцом для политики социал-демократа в современной русской революции.

Мы позволим себе поэтому лишь вкратце отметить особенно важные в теоретическом отношении места из переписки Маркса,—и подробнее остановиться на его революционной политике, как представителя пролетариата.

Выдающийся интерес, с точки зрения более полного и глубокого уяснения марксизма, представляет письмо от 11 июля 1868 г. (стр. 61 и след.). Маркс излагает здесь, в форме полемических замечаний против вульгарных экономистов, чрезвычайно отчетливо свое понимание т. наз. «трудовой» теории стоимости. Именно те возражения против теории стоимости Маркса, которые всего естественнее возникают у наименее подготовленных читателей «Капитала» и которые всего усерднее подхватываются поэтому дюжинными представителями «профессорской», буржуазной «науки»,—разобраны здесь Марксом коротко, просто, замечательно ясно. Маркс показывает здесь, каким путем он шел и каким путем надо идти к объяснению закона стоимости. Он учит, на при-

мере самых обыденных возражений, своему методу. Он выясняет связь такого чисто (казалось бы) теоретического и отвлеченного вопроса, как теория стоимости, с «интересами господствующих классов», требующими «увекочения путаницы». Остается пожелать, чтобы всякий, начинающий изучать Маркса и читать «Капитал», читал и перечитывал названное нами письмо вместе с штудированием первых и наиболее трудных глав «Капитала».

Другие, особенно интересные в теоретическом отношении, места писем, это—оценка Марксом различных писателей. Когда читаешь эти отзывы Маркса, живо написанные, полные страсти, обнаруживающие захватывающий интерес ко всем крупным идейным течениям и анализу их,—чувствуешь себя как бы слушающим речь гениального мыслителя. Кроме мимоходом брошенных отзывов о Дицгене⁹⁰), особенного внимания читателей заслуживают отзывы о прудонистах (стр. 31). «Блестящая» интеллигентская молодежь из буржуазии, бросающаяся «в пролетариат» в периоды общественного подъема, неспособная проникнуться точкой зрения рабочего класса и упорно, серьезно работать «в ряду и в шеренге» пролетарских организаций, обрисована несколькими штрихами поразительно ярко.

Вот отзыв о Дюринге⁹¹) (стр. 53), как бы предвосхищающий содержание написанной девять лет спустя Энгельсом (вместе с Марксом) знаменитой книги «Anti-Dühring». Есть русский перевод Цедербаума, к сожалению, не только с пропусками, но прямо плохой перевод, с ошибками. Тут же отзыв о Тюнене⁹²), задевающий точно также теорию ренты Рикардо. Маркс уже тогда, в 1868 году, решительно отвергал «ошибки Рикардо», которые он окончательно опроверг в третьем томе «Капитала», вышедшем в 1894 году, и которые до сих пор повторяют ревизионисты—начиная от нашего ультра-буржуазного и даже «черносотенного» г. Булгакова⁹³) и кончая «почти ортодоксом» Масловым⁹⁴).

Интересен также отзыв о Бюхнере⁹⁵) с оценкой вульгарного материализма и списанной у Ланге⁹⁶) (обычный источник «профессорской» буржуазной философии!) «поверхностной болтовни» (стр. 68).

Перейдем к революционной политике Маркса. У нас в России удивительно распространено среди социал-демократов какое-то мещанское представление о марксизме—будто революционный период с его особыми формами борьбы и специальными задачами пролетариата является чуть ли не аномалией, а «конституция» и «крайняя оппозиция»—правилом. Нда в одной стране в мире нет

в данную минуту такого глубокого революционного кризиса, как в России,—и ни в одной стране нет «марксистов» (принижающих и вульгаризирующих марксизм), которые бы так скептически, филистерски относились к революции. Из того, что содержание революции буржуазно, у нас делают плоский вывод о буржуазии, как двигателе революции, о подсобных, несамостоятельных задачах пролетариата в этой революции, о невозможности пролетарского руководства ею!

Как разоблачает это плоское понимание марксизма Маркс в письмах к Кугельману! Вот письмо от 6-го апреля 1866 года. Маркс в это время закончил свой главный труд. Оценку немецкой революции 1848 года он дал уже окончательно за 14 лет до этого письма. Свои социалистические иллюзии о близкой социалистической революции в 1848 году он сам опроверг в 1850 году. И в 1866 году он пишет, только еще начиная наблюдать нарастание новых политических кризисов:

«Поймут ли, наконец, наши филистеры (речь идет о немецких либеральных буржуа), что без революции, которая устранил Габсбургов и Гогенцоллернов, дело в конце концов должно привести опять к 30-летней войне⁹⁷)...» (27—28 стр.).

Ни тени иллюзий насчет того, что ближайшая революция (она произошла сверху, а не снизу, как ждал Маркс) устранил буржуазию и капитализм. Самое ясное и отчетливое констатирование того, что она устранил лишь прусскую и австрийскую монархию. И какая вера в эту буржуазную революцию! Какая революционная страстность пролетарского борца, понимающего громадную роль буржуазной революции для социалистического движения вперед!

Три года спустя, констатируя накануне краха Наполеоновской империи во Франции «очень интересное» общественное движение, Маркс прямо с восторгом говорит о том, что «парижане начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе». И, описав вскрывшуюся при этой оценке прошлого борьбу классов, Маркс заключает (стр. 77): «И вот кипит весь котел у чародейки-истории! Когда-то у нас (в Германии) дойдет до этого!».

Вот чему поучиться следовало бы у Маркса российским интеллигентским марксистам, расслабленным скептицизмом, отупленным педантизмом, склонным к покаянным речам, быстро устающим от революции, мечтающим, как о празднике, о похоронах революции и замене ее конституционной прозой. Им следовало бы по-

учиться у теоретика-вождя пролетариев вере в революцию, уметь звать рабочий класс к отстаиванию до конца своих непосредственно-революционных задач, твердости духа, не допускающей малодушного хныканья после временных неудач революции.

Педанты марксизма думают: это все этическая болтовня, романтика, отсутствие реализма! Нет, господа, это—соединение революционной теории с революционной политикой,—то соединение, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом⁹⁸). Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы. И тот не марксист, кто теорию, трезво констатирующую объективное положение, извращает в оправдание существующего, доходя до стремления подделаться поскорее к каждому временному упадку революции, бросить поскорее «революционные иллюзии» и взяться за «реальное» крохоборство.

Маркс в самые мирные, казалось бы, «идиллические», по его выражению,—«безотраднo-болотные» (по словам ред. «Neue Zeit») времена умел нащупывать близость революции и поднимать пролетариат до сознания им его передовых, революционных задач. Наши русские интеллигенты, филистерски упрощающие Маркса, в самые революционные времена учат пролетариат политике пассивности, покорного следования «по течению», робкой поддержке самых неустойчивых элементов модной либеральной партии!

Оценка Марксом Коммуны—венец писем к Кугельману. И эта оценка особенно много дает при сопоставлении ее с приемами российских с.-д. правого крыла. Плеханов, малодушно воскликнувший после декабря 1905 г.: «Не надо было братья за оружие», имел скромность сравнивать себя с Марксом. Маркс тоже, дескать, тормозил революцию в 1870 году.

Да, Маркс тоже тормозил ее. Но посмотрите, какая бездна открывается при этом, самим Плехановым взятом, сравнении между Плехановым и Марксом.

Плеханов в ноябре 1905 года, за месяц до апогея первой русской революционной волны, не только не предостерегал решительно пролетариат, а, напротив, прямо говорил о необходимости учиться владеть оружием и вооружаться. А когда через месяц борьба вспыхнула,—Плеханов без тени анализа ее значения, ее роли в общем ходе событий, ее связи с прежними формами борьбы, поспешил разыграть кающегося интеллигента: «Не нужно было братья за оружие».

Маркс в сентябре 1870 года, за полгода до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет без-

умиём, сказал он в известном адресе Интернационала. Он вскрыл заранее националистические иллюзии насчет возможности движения в духе 1792 г. Он умел не задним числом, а за много месяцев сказать: «Не надо браться за оружие».

И как он повел себя, когда это безнадежное, по его собственному сентябрьскому заявлению, дело стало осуществляться в марте 1871 года? Может быть, Маркс использовал это (как Плеханов декабрьские события) только для «ущемления» своих врагов, прудонистов и бланкистов, руководивших Коммуной? Может быть, он стал брюзжать, как классная дама: я говорил, я предупреждал, вот вам ваша романтика, ваши революционные бредни? Может быть, он проводил коммунаров, как Плеханов декабрьских борцов, назиданием самодовольного филистера: «Не надо было браться за оружие»?

Нет. 12-го апреля 1871 года Маркс пишет восторженное письмо Кугельману, письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего.

Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении.

Это — попытка, говорит он, разрушить бюрократически-военную машину, а не просто передать ее в другие руки. И он поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским «геройским» рабочим. «Какая гибкость,—пишет он,—какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!» (стр. 115)... «История не знает еще примера подобного героизма».

Историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего. Ох, если бы поучились у Маркса наши русские с.-д. в оценке исторической инициативы русских рабочих и крестьян в октябре и декабре 1905 года!

Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед исторической инициативой масс, — и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие!» Разве это не небо и земля?

И, как участник массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью, сидя в изгнании в Лондоне, Маркс принимается критиковать непосредствен-

ные шаги «безумно-храбрых» парижан, «готовых штурмовать небо».

О, как насмехались бы тогда над Марксом наши нынешние «реальные» мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906—1907 г.г. революционную романтику! Как издевались бы люди над материалистом, экономистом, врагом утопий, который преклоняется перед «попыткой» штурмовать небо! Сколько бы слез снисходительного смеха или сострадания пролили всякие человеки в футляре по поводу бунтарских тенденций, утопизма и проч. и проч. по поводу этой оценки к небу рвущегося движения!

А Маркс не проникся премудростью пискарей, боящихся обсуждать технику высших форм революционной борьбы. Он обсуждает именно технические вопросы восстания. Оборона или наступление?—говорит он, как если бы военные действия шли под Лондоном. И он решает: непременно наступление, «надо было сейчас же итти на Версаль»...

Это писано в апреле 1871 года, за несколько недель до великого кровавого мая...

«Надо было сейчас же итти на Версаль» повстанцам, начавшим «безумное» (сентябрь 1870 г.) дело штурмования неба.

«Не надо было браться за оружие» в декабре 1905 года, чтобы отстоять силой первые покушения отнять захваченные свободы...

Да, Плеханов не даром сравнил себя с Марксом!

«Вторая ошибка»—продолжает свою техническую критику Маркс—«Центральный Комитет» (военное начальство—заметьте это—речь идет о Ц. К. национальной гвардии) «слишком рано сложил свои полномочия...»

Маркс умел предостерегать вожakov от преждевременного восстания. Но к пролетариату, штурмующему небо, он относился как практический советчик, как участник борьбы масс, поднимающих все движение на высшую ступень, несмотря на ложные теории и ошибки Бланки⁹⁹) и Прудона.

«Как бы там ни было—пишет он,—парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания».

И Маркс, не скрывая от пролетариата ни одной ошибки Коммуны, посвятил этому подвигу произведение, которое до сих пор служит лучшим руководством в борьбе за «небо»,—

и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных «свиней».

Плеханов посвятил декабрю «произведение», которое стало почти евангелием кадетов.

Да, Плеханов недаром сравнивал себя с Марксом.

Кугельман ответил Марксу, видимо, какими-то выражениями сомнения, указаниями на безнадежность дела, не реализм в противоположность романтике, — по крайней мере, он сравнил Коммуну — восстание с мирной демонстрацией 13 июня 1849 г. в Париже.

Маркс немедленно (17 апреля 1871 года) читает суровую отповедь Кугельману.

«Творить мировую историю, — пишет он, — было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимых благоприятных шансов.

Маркс в сентябре 1870 года называл восстание безумием. Но когда массы восстали, Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы с полной точностью была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он выше всего ставит то, что рабочий класс героически, самоотверженно, инициативно творит мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее творит, не имея возможности наперед непогрешимо учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализует «легко было предвидеть... не надо было браться...».

Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе.

Нашим нынешним квази-марксистам, любящим цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не умение творить будущее, — совсем непонятна, даже чужда в принципе такая постановка вопроса. Плеханов и не подумал о ней, когда приступал после декабря 1905 года к задаче «тормозить»...

Но Маркс именно этот вопрос и ставит, не забывая несколько того, что в сентябре 1780 года он сам признал безумие восстания.

«Буржуазные версальские каналы,—пишет он,—поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого-угодно числа вожаков».

Этим мы и закончим краткий обзор уроков достойной пролетариата политики, которые преподает Маркс в письмах к Кугельману.

Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо».

5 февраля 1907 г.

Вторая Дума и вторая волна революции.

События разворачиваются с быстротой, которую пельзя не назвать прямо революционной. Четыре дня тому назад мы писали по поводу избирательной кампании в Петербурге, что политическая группировка уже наметилась: революционная социал-демократия одна только поднимает самостоятельно, решительно и гордо знамя беспощадной борьбы против насилий реакции, против лицемерия либералов. Мелко-буржуазная демократия (включая сюда и мелко-буржуазную часть рабочей партии) колеблется, поворачивая то к либералам, то к революционным с.-д.

Сегодня выборы в Петербурге. Результаты их не могут изменить указанного соотношения общественных сил. А вчерашние выборы в Думу, давшие уже 217 членов из 524, т.-е. более двух пятых, рисуют ясно состав второй Думы, рисуют ясно складывающуюся у нас на глазах политическую ситуацию.

По данным «Речи», склонной, конечно, подкрашивать дело в пользу к.-д., 205 выборных членов Думы распределяются так: правых—37, националистов-автономистов—24, кадетов—48, прогрессистов и беспартийных—16, беспартийных левых—40, народников—20 (13 трудовиков, 6 с.-р. и 1 н.-с.) и с.-д.—20.

Перед нами, несомненно, более левая Дума, чем предыдущая. Если дальнейшие выборы дадут такие же результаты, то мы получим на 500 членов Думы такие крупные цифры: правых—90, националистов—50, кадетов—125, прогрессистов—35, беспартийных левых—100, народников и с.-д.—по 50. Разумеется, это—примерный расчет, который мы делаем лишь для нагляд-

ности, но правильность крупных итоговых цифр едва ли может быть теперь подвергнута сомнению.

Пятая часть правых; две пятых—умеренных либералов (либерально-монархических буржуа, включая сюда националистов, кадетов и часть, если не всех, прогрессистов); две пятых левых (в том числе одна пятая беспартийных, одна пятая—партийных, народников и с.-д. поровну),—вот какой состав второй Думы вырисовывается перед нами на основании предварительных данных.

Что же это значит?

Самый дикий, самый бесстыдный произвол черносотенного правительства, реакционнейшего во всей Европе. Самый реакционный избирательный закон во всей Европе. Самый революционный в Европе состав народного представительства в самой отсталой стране!

Это быющее в глаза противоречие выражает с полной наглядностью основное противоречие всей современной русской жизни, выражает всю революционность переживаемого нами момента.

С великого дня 9-го января 1905 г. прошло два года революции. Мы пережили долгие и тяжелые периоды бешеной реакции. Мы пережили короткие, «светлые промежутки» свобод. Мы пережили два великих народных взрыва стачечной и вооруженной борьбы. Мы пережили одну Думу и дважды повторенные выборы, которые оформили окончательно партийную группировку, дали чрезвычайно резкую группировку населения, недавно понятия не имевшего ни о каких политических партиях.

За два года мы изжили наивную—у одних, грубокорыстную—у других веру в единство освободительного движения, изжили ряд иллюзий о мирном, конституционном пути, приобрели опыт массовых форм борьбы, дошли до самых жестоких и крайних, до последних мыслимых приемов борьбы, до вооруженной борьбы одной части населения против другой. Озлобилась и ожесточилась буржуазия и помещики. Устал обыватель. Размяк и раскис российский интеллигент. Подняла голову партия либеральных говорунов и либеральных предателей, кадетов, спекулируя на усталость от революции, выдавая за свою гегемонию свою фамусовскую готовность подличать до невозможности.

А внизу, в глубокой толще пролетарских масс и масс разоренного, голодного крестьянства революция шла вперед, неслышно и незаметно подкапывая устои, будя самых сонных громах гражданской войны, расталкивая самых неподвижных бы-

строй сменой «свобод» и зверских насилий, затишья и парламентского оживления, выборов, митингов, горячки «союзной» работы.

В результате—новая, еще более левая, Дума, и впереди—новый еще более грозный и более несомненный революционный кризис.

Слепые должны увидеть теперь, что перед нами именно революционный, а не конституционный кризис. Сомнения невозможны. Дни русской конституции сочтены. Новая схватка надвигается неумолимо: либо победа революционного народа, либо такое же бесславное исчезновение второй Думы, как и первой, а затем отмена избирательного закона и возврат к черносотенному самодержавию *sans phrases*.

Как мизерны стали вдруг наши недавние «теоретические» споры, освещенные прорвавшимся теперь ярким лучом восходящего революционного солнца! Не смешны ли вопли жалкого, испуганного, малодушного интеллигента о черносотенной опасности на выборах? Не подтвердилось ли блестяще сказанное нами в ноябре (№ 8 «Пролетария»): «своими криками о черносотенной опасности кадеты водят за нос меньшевиков, чтобы отстранить от себя опасность слева»? *)

Революция учит. Революция силой возвращает на революционную колею тех, кто по бесхарактерности или слабоумию постоянно сбивается в сторону. Меньшевики хотели блохов с к.-д., единства «оппозиции», возможности «использовать Думу как целое». Они делали все возможное (и все невозможное вплоть до раскола партии, как в Петербурге), чтобы создать сплошную либеральную Думу.

Ничего не вышло. Революция сильнее, чем думают оппортунисты-маловеры. Революция может только лежать в прахе при гегемонии кадетов, она может побеждать только при гегемонии большевистской социал-демократии.

Дума получается именно такая, как мы рисовали ее в полемике с меньшевиками, в № 8 «Пролетария» (ноябрь 1906 г.). Это—Дума резких крайностей, Дума размытой революционным потоком умеренной и аккуратной середины, Дума Крушеванов¹⁰⁰⁾ и революционного народа. Большевистская социал-демократия высоко поднимет в этой Думе свое знамя и скажет массе мелко-буржуазных демократов,—как сказала она ей на петербургских выборах: выбирайте между кадетским торгашеством со Столыпиными и совместной борьбой в рядах народных масс! Мы, про-

*) См. выше 28 стр. этого тома, Р е д.

летариат всей России, идем на эту борьбу. За нами—все, кто хочет свободы народу, земли для крестьянства!

Кадет уже чувствует, что подул ветер с другой стороны, что падает быстро политический барометр. Не даром разнервничались до того всякие Милюковы, что разделись нагишом и завопили о «красных тряпках»—на улице (в кабинетах Столыпиных эти субъекты всегда ругали тайком «красную тряпку»!). Не даром говорит сегодняшняя «Речь» (7 февраля) о «скачках» политического барометра, о колебаниях правительства—не то «между отставкой министерства, не то между каким-то пронунциаменто¹⁰¹», черносотенно-военным погромом, самый срок которого уже назначается на 14-ое». И плачет, тоскует выхолощенная душа российского либерала: неужели, дескать, опять «политика стихийных рефлексов»...

Да, жалкие герои жалкого безвременья! Опять революция. Мы с восторгом приветствуем приближающуюся волну стихийного народного гнева. Но мы сделаем все, от нас зависящее; чтобы новая борьба была как можно менее стихийной, как можно более сознательной, выдержанной, стойкой.

Правительство давно уже пустило в ход все колеса своей машины насилий, погромов, дикого зверства, обмана и огуплений. И теперь уже все колеса расхлябаны, все испробовано вплоть до артиллерии в селах и городах. А народные силы не только не истощены, а именно теперь и строятся все более широко, мощно, открыто и смело. Черносотенное самодержавие и—левая Дума. Положение безусловно революционное. Борьба в самой острой форме безусловно неотвратима.

Но именно потому, что она неотвратима, нам не к чему форсировать, подгонять, подхлестывать ее. Об этом пусть заботятся Крушеваны и Столыпины. Наша забота—со всей ясностью, прямо, беспощадно-открыто разоблачать правду перед пролетариатом и крестьянством, раскрыть им глаза на значение идущего шквала, помочь им организованно, с хладнокровием идущих на смерть людей встретить врага,—как встречает неприятеля солдат, лежащий за окопом и готовый после первых выстрелов перейти в бешеное наступление.

«Стреляйте первыми, господа буржуа!» говорил Энгельс в 1894 г. по адресу немецкого капитала. «Стреляйте первыми, господа Крушеваны и Столыпины, Орловы и Романовы!» скажем мы. Наше дело—помочь рабочему классу и крестьянству раздавить черносотенное самодержавие, когда оно бросится само на нас.

Поэтому—никаких преждевременных призывов к восстанию! Никаких торжественных манифестов к народу. Никаких провозглашений. Буря сама идет на нас. Не надо бряцать оружием.

Надо готовить оружие,—и в прямом, и в переносном смысле слова. Надо готовить прежде всего и больше всего сплоченную и крепкую своим сознанием, своей решимостью армию пролетариата. Надо удешевить работу нашей агитации и организации среди крестьянства—и того, которое голодает в деревне, и того, которое послало на военную службу прошлой осенью своих сыновей, переживших великий год революции. Надо сорвать все и всякие идеологические прикрытия и затушевания революции, надо устранить всякие сомнения и колебания. Надо просто, спокойно, в самой доступной народу, бесхитростной форме сказать как можно громче и ярче: борьба неизбежна. Пролетариат примет бой. Пролетариат все отдаст, все силы свои бросит в это сражение за свободу. Пусть знает разоренное крестьянство, пусть знают солдаты и матросы, что решается судьба русской свободы.

*„Пролетарий“ № 13
от 11 февраля 1907 г.*

*Написано 7 февраля
1907 года.*

Итоги выборов в Петербурге.

На выборах в Петербурге победили кадеты. Они провели 151 выборщика по 11 участкам. Левый блок победил только в одном участке, Выборгском, проведя 9 выборщиков из 160.

Основные особенности петербургских выборов: увеличение процента голосовавших почти по всем участкам, затем ослабление правых. Кадеты идут на первом месте, собрав 28.798 голосов (считая по максимальным числам голосов за их кандидатов). На втором месте идет левый блок, собравший 16.703 голоса. На третьем—октябристы, 16.613 гол. На четвертом—монархисты, 5.270 голосов.

Итак, по сравнению с Москвой. крупный шаг вперед. Отвоеван один участок. С третьего места в ряду списков левые передвинулись на второе. Процент голосов, поданных за левый блок, составил 13 проц. по Москве. В Петербурге почти вдвое больше—25 проц.

Разумеется, тут сыграли роль и несколько более широкая агитация и политическое влияние общих выборов в Думу, дав-

ших гораздо более левых, чем ожидали. В Москве ни одна ежедневная газета не печатала списков выборщиков левого блока. В Петербурге—несколько газет: «Товарищ» поднял даже, говорят, свой тираж весьма значительно именно со времени его «полевания». В Москве не было бюро для справок и заполнения левых списков. В Петербурге были. В Москве большинство мелко-буржуазных обывателей поверило кадетской басне о черносотенной опасности. В Петербурге явственно уже сказалось, что эта вера мелких буржуа и оппортунистов надорвана.

Приводим данные по участкам, беря везде максимальные числа голосов, полученные кандидатами разных списков (цифры «Речи»):

Участки города Петербурга.	Наибольшее число голосов, поданных за				Разница в числе голосов между к.-д. и левыми.	Сколько голосов нужно было нам оторвать от к.-д., чтобы победить?
	Кадетов.	Левый бл. к.	Октябрист.	Монархист.		
Спасский	3.397	1.644	1.514	624	— 1.753	877
Нарвский.	2.377	1.643	1.326	307	— 735	368
Литейный	2.776	919	2 153	667	— 1.857	929
Коломенский	1.318	1.122	1 068	236	— 196	99
Вас.-Остр.	2.313	1.949	2.102	418	— 364	183
Рождественский.	2.784	1.325	1.195	537	— 1.459	730
Казанский	1.749	583	998	201	— 1.160	581
Адмиралтейский	955	246	725	196	— 709	355
Московский	5.100	1.702	2.233	706	— 1.398	699
Ал.-Невский	2.735	1.421	799	588	— 1.314	658
Петербургский	3 282	2.751	1.851	541	— 528	265
Выборгский.	1.012	1.339	649	249	+ 737	—
Всего	28.798	16.703	16.613	5.270		По пяти не безнадежн. участкам. 1.573 гс.л.

Эти данные позволяют сделать ряд интересных выводов.

Прежде всего,—о «черносотенной опасности». Выборы доказали, что ее нет. Наши многократные заявления и предупрежде-

ния, повторенные всеми большевиками вплоть до «Тернист Труд» и до «Зрения», оправдались полностью.

Не могли пройти черные по Петербургу ни при каком разделении голосов между кадетами и левыми!

Мало того. Даже если бы октябристы и монархисты шли вместе (вещь невозможная особенно в Петербурге, где немцы октябристы на Вас. Острове едва не поссорились даже с союзом 17 окт.),—даже тогда черные не могли бы победить в Петербурге! Это увидит всякий, кто даст себе труд произвести весьма нехитрые вычисления с приведенными цифрами. Сумма кадетских и левых голосов (45 с полов. тыс.) более чем вдвое превышает сумму октябристских и монархистских голосов (22 тыс.). При всяком мыслимом разделении голосов между данными четырьмя списками, при всяких «шагах» правых, черносотенной опасности не было.

Мелкие буржуа—народники и оппортунисты с.-д., кричавшие вслед за кадетами о черносотенной опасности,—обманули народ. Мы это сказали до выборов. Выборы доказали нашу правоту.

Петербургская бесхарактерность и политическая близорукость, свойственная мелко-буржуазному интеллигенту и обывателю, обнаружили себя на деле. Хотя и далеко не в такой степени, как в Москве, выборы в Петербурге все же были выборами запуганных и одураченных кадетами мещан. Вся литература перед выборами в Петербурге, начиная от «Речи» и кончая тоскливо защищавших левый блок (оправдывающимся в своем сочувствии к левым?) «Товарищем», полна бездны данных, свидетельствующих о том, как запугивали кадеты и кадетские подголоски обывателя призраком выдуманной ими опасности черносотенного голосования.

Кадеты отвлекали от себя опасность слева криками об опасности черносотенного голосования, а сами в это время ходили к Столыпину и обещали ему поумнеть, полойяльнее стать, от левых отделиться. Столыпин сам признал, по словам сегодняшнего (9 февр.) «Товарища», что он знает кое-что об этом повороте кадетов вправо!

Далее. Результаты петербургских выборов дают возможность ответить на вопрос: что принесли нам эти выборы? удалось ли нам своей прямой, антикадетской, проповедью разбудить новые слои равнодушных ранее избирателей и привлечь их к политической жизни? насколько оторвали мы плетущихся за либе-

ралами мелких буржуа от либералов и перетянули их на сторону пролетариата?

Для суждения об этом сопоставим прежде всего данные о кадетских и левых голосах (по-прежнему, тахіта) в 1906 и в 1907 годах.

Числа поданных голосов (наибольшие).

Участки города Петербурга.	В 1906 г.	В 1907 году.			Разница последнего и первого столбца.
	За к.-д.	За к.-д.	За левых.	Вместе.	
Спасский.	5.006	3.397	1.644	5.051	32
Нарвский.	3.578	2.377	1.643	4.020	442
Литейный	3.767	2.776	919	3.695	— 72
Коломенский	2.243	1.318	1.122	2.440	197
Вас.-Остров.	3.777	2.313	1.949	4.262	485
Рождественский.	3.393	2.784	1.325	4.109	716
Казанский	2.242	1.749	589	2.838	— 96
Адмиралтейский	1.553	955	246	1.201	— 352
Московский	5.124	4.100	1.702	5.802	678
Алекс.-Невский	2.991	2.735	1.421	4.156	1.165
Петербургский	4.946	3.282	2.754	6.036	1.090
Выборгский	1.988	1.012	1.389	2.401	513
Итого	40.611	28.798	16.703	45.501	4.910

Из этих данных совершенно ясно вытекает соотношение голосований за оппозицию и за революцию в 1906 г. и в 1907 г. Из завоеванных нами 17 тысяч голосов (в круглых цифрах) мы тысяч 12 оторвали от кадетов, тысяч 5 привлекли из равнодушной ранее (частью бойкотистской) массы.

При этом сразу выдвигается разница между «безнадежными» участками, т.-е. такими, где мы, видимо, не могли победить в 1907 г. ни при каком напряжении сил, и небезнадежными участками. Напр., во главе «безнадежных» участков Адмиралтейский и Литейный. Перевес кадетских голосов над нашими громадный. Чем это объясняется?

Причина ясна. Состав населения—чиновничий в первом, крупно-буржуазный во втором (на это указывали до выборов «Тернии Труда»). Где нет торгово-промышленного пролетариата, где преобладают чиновники, там не могла победить социал-демократия, поддержанная трудовиками. Здесь понизилось даже число голосовавших: интереса нет! Здесь мы только оторвали около четвертой части кадетских голосов на сторону левого блока.

На другом полюсе стоят небезнадежные участки, где социал-демократия, поддержанная трудовиками, разбудила массу новых элементов, подняла из болота и спячки к политике городскую бедноту. Это—Александрово-Невский и Петербургский участки. Здесь прирост числа голосов против черных, т.-е. и к.-д. и левых вместе, составляет больше тысячи в каждом участке. Здесь большая часть левых голосов не оторванные от к.-д., а новые. Голос борьбы, голос социал-демократии и трудовиков разбудил того, кого не мог поднять слащаво-ноющий голос кадета.

В Петербургском участке нам надо было оторвать от к.-д. всего 265 голосов,—и мы бы победили. 265 вдобавок к 2.754,—ясно, что победа была вполне возможна. И ясно также, что городская беднота далеко не пролетарского типа, приказчики, извозчики, мелкие квартиронаниматели поднялись здесь за левых. Ясно, что призыв социал-демократии, поддержанной трудовиками, не пропал даром, что элементы населения, способные идти дальше кадетов, левее кадетов, здесь есть в очень внушительном числе.

В Ал.-Невском участке борьба была несравненно труднее. Надо было оторвать от к.-д. 658 голосов для победы. 658 вдобавок к 1.421—довольно высокое число, но все же меньше половины. Такие участки, где увеличение числа наших голосов в полтора раза дало бы нам победу, считать безнадежными мы не в праве.

Участок Колуменский легко смог бы дать нам победу: для этого надо было оторвать всего 99 голосов от к.-д. В участке Василеостровском, где почти наравне шли три главные списка—кадетский, октябристский и левый—мы победили бы, если бы оторвали 183 голоса от кадетов. В участке Нарвском для победы надо было оторвать 368 голосов от к.-д.

Итог. Левый блок в Петербурге—несомненно, привлек приказчика и городского мелкого буржуа, поднял часть их впервые к политической жизни, оторвал весьма значительную часть их от кадетов.

Безнадежно-унылая точка зрения на недоступность социал-демократических идей, при промежуточной стадии поддержки социалистов трудовиками, для торгово-промышленного служащего опровергнута бесповоротно петербургскими выборами. Мы можем, если захотим и сумеем, сотни и тысячи городской бедноты по каждому участку столицы пробуждать к политической борьбе. Мы можем юрывать сотни приказчиков, конторщиков и т. д. по каждому участку от партии торгующихся с Столыпинным либеральных буржуа. Работать не покладая рук в этом направлении—и гегемония предателя кадета над городской беднотой—будет сломана. Еще одного выборного боя с левым блоком в Петербурге кадеты не вынесут! Они будут разбиты наголову при данном избирательном законе, если еще раз пойдут на бой после новых месяцев «Столыпинской» агитации и Милюковского торгашества!

В самом деле. Легко видеть, что и на этих выборах левому блоку очень немногo не доставало для победы. Безнадежны были только участки Адмиралтейский, Литейный, Спасский, Рождественский, Казанский и Московский. Во всех этих пяти участках нам следовало бы увеличить число своих голосов более чем в полтора раза,—вещь, едва ли мыслимая при каком угодно напряжении выборной агитации, распространении литературы и проч. (т.-е., вернее, мыслимая, но не при Столыпинской военно-полевой свободе выборов!). Два первые из этих участков социально недоступны для с.-д. и для трудовиков. Четыре последние доступны, но наша работа среди торгово-промышленных служащих здесь еще была слишком, слишком слаба.

Из остальных шести участков по одному мы победили при первом же выступлении левого блока. По четырем нам недоставало для победы оторвать от к.-д. всего 99—368 голосов. По одному надо было юрывать 658 голосов. Всего по этим пяти участкам достаточно было оторвать **1.573** голоса от кадетов,—и левый блок победил бы, завоевал бы весь Петербург!

Едва ли кто решится сказать, что оторвание 1.573-х голосов по пяти участкам было бы не под силу с.-д., если бы они работали дружно,—если бы торговавшиеся с кадетами оппортунисты не оттянули заключения левого блока на очень долгое время,—если бы отколовшаяся часть меньшевиков не сыграла роль штрейкбрехеров по отношению к левому блоку.

Что такое штрейкбрехер? Человек, связанный с борющимся пролетариатом и подставляющий ему ногу в момент коллективной борьбы.

Подходит ли под эти признаки отколовшийся меньшевик? Конечно, да, ибо он сорвал единство с.-д. организации в Петербурге, внес разлад в ряды борющихся, перекидывался к кадетам в самый разгар борьбы, наконец, прямо мешал нам даже после заключения левого блока. Достаточно вспомнить, что левый блок заключен 25-го января, а 28-го отколовшиеся меньшевики в «Товарище» звали воздерживаться в пяти участках! 1-го февраля те же меньшевики («Речь») печатали воззвание, пугающее мещанина черной опасностью!

Да мало еще того. В сегодняшней «Речи» мы читаем на 3-ей странице при описании выборов по Петербургской части: на одном из бюллетеней значилось: «Воздерживаюсь от голосования. Меньшевик».

Пусть подумают читатели хорошенько над значением этого примера!

28-го января меньшевики напечатали в «Товарище» постановления исполнительного органа отколовшейся части. В пункте VI-ом этих постановлений петербургский участок был прямо исключен из числа тех участков, где есть черносотенная опасность.

В п. VI-ом прямо заявлялось, что в петербургском участке целесообразно соглашение с левыми. В пункте III-м прямо говорилось, что, если даже соглашение с левыми не состоится, меньшевики зовут голосовать за левых, где нет «явной» черносотенной опасности. И все-таки «меньшевик» воздерживается по Петербургскому участку!! Как же поступали отколовшиеся меньшевики по другим участкам?

Как же можно после этого уклониться от признания того факта, что именно штрейкбрехерство части меньшевиков сорвало избирательную победу левого блока в Петербурге, при полном отсутствии черносотенной опасности?

Пусть же учится пролетариат на шатаниях и изменах мелкой буржуазии. Мы всегда будем твердо и смело выкидывать свое знамя раньше других. Мы всегда будем звать мелких буржуа из-под крылышка либералов на сторону пролетариата. И эта тактика—единственная революционная пролетарская тактика в буржуазной революции—даст нам победу при всяком оживлении массовой политической борьбы.

Саратов, Нижний—первая победа; Москва, Петербург—первый натиск. Довольно, господа кадеты! Приходит конец обманыванию городской бедноты либеральными помещиками и буржуазными адвокатами. Пусть Столыпины с Милюковыми ругают «красную тряпку». Социал-демократия стоит на своем посту с красным знаменем перед всеми трудящимися и эксплуатируемыми ¹⁰²⁾.

„Пролетарий“ № 13
от 11 февраля 1907 г.

Написано 9 февраля
1907 года.

Проекты резолюций к пятому съезду Р. С.-Д. Р. П. ¹⁰³⁾.

1. О современном моменте демократической революции.

Принимая во внимание:

1) что переживаемый Россией экономический кризис, не обнаруживая признаков близкой ликвидации, в своем затяжном течении порождает по-прежнему громадных размеров безработицу в городах, голод в деревнях;

2) что в связи с этим обостряется классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, борьба между помещиками и крестьянством, а также между подкупаемым правительством крестьянской буржуазией и деревенской беднотой;

3) что политическая история России за истекший год, начиная с первой Думы и кончая новыми выборами, показывает быстрый рост сознательности всех классов, выразившийся в громадном усилении крайних партий, в упадке конституционных иллюзий, в ослаблении «центра», т.-е. либерально-буржуазной партии к.-д., стремящейся прекратить революцию посредством уступок, приемлемых для черносотенных помещиков и самодержавия;

4) что направленная к этой цели политика партии к.-д. ведет к наименьшему освобождению производительных сил буржуазного общества, к полному неудовлетворению основных нужд пролетариата и масс крестьянства и к необходимости постоянного насильственного подавления этих масс.

Принимая это во внимание, совещание признает:

1) что развивающийся на наших глазах политический кризис представляет из себя не конституционный, а революционный кризис, который ведет к непосредственной борьбе масс пролетариата и крестьянства против самодержавия;

2) что предстоящую думскую кампанию следует поэтому рассматривать и использовать лишь как один из эпизодов революционной борьбы народа за власть;

3) что социал-демократия, как партия передового класса, ни в каком случае не может поддерживать в настоящее время кадетской политики вообще и кадетского министерства в частности. Социал-демократия должна приложить все усилия, чтобы вскрыть перед массами предательский характер этой политики; разъяснить им стоящие перед ними революционные задачи; доказать им, что только при высокой сознательности и крепкой организованности масс возможные уступки самодержавия в состоянии превратиться из орудия обмана и развращения в орудие дальнейшего развития революции.

2. Об отношении к буржуазным партиям.

Принимая во внимание:

1) что перед социал-демократией в настоящее время выдвигается с особенной настоятельностью задача определить классовое содержание различных непролетарских партий, учесть взаимоотношение классов в данный момент и в соответствии с этим определить свое отношение к другим партиям;

2) что социал-демократия всегда признавала необходимость поддержки всякого оппозиционного и революционного движения, направленного против существующего в России общественно-го и политического порядка;

3) что на социал-демократии лежит обязанность сделать все для выполнения пролетариатом роли вождя в буржуазно-демократической революции,—

принимая это во внимание, совещание признает:

1) что черносотенные партии (союз русского народа, монархисты, совет объединенного дворянства и проч.) все решительнее и определеннее выступают как классовая организация крепостников-помещиков, все наглее вырывают из рук народа завоевания революции и тем вызывают неизбежное обострение революционной борьбы; социал-демократия должна разоблачать теснейшую связь этих партий с царизмом и с интересами крупного крепостнического землевладения, разъясняя необходимость непримиримой борьбы за полное уничтожение этих остатков варварства;

2) что такие партии, как союз 17 октября, торгово-промышленная партия, отчасти партия мирного обновления и т. д. представляют из себя классовые организации части помещиков и в особенности крупной торгово-промышленной буржуазии, еще не заключившие окончательной сделки о дележе власти с самодер-

жавной бюрократией на основе какой-либо цензовой и самой анти-демократической конституции, но вполне уже ставшие на сторону контр-революции и явно поддерживающие правительство *); социал-демократия [используя в целях развития революции столкновения этих партий с черносотенным самодержавием] должна [вместе с тем] вести с такими партиями самую беспощадную борьбу;

3) что партии либерально-монархической буржуазии и главная из этих партий—к.-д. определенно отвернулись уже теперь от революции и преследуют задачу прекращения ее путем сделки с контр-революцией; что экономической основой таких партий является часть средних помещиков и средней буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция, тогда как часть демократической городской и деревенской мелкой буржуазии идет еще за этими партиями только в силу традиции и будучи прямо обманываема либералами; что идеал этих партий не выходит за пределы упорядоченного буржуазного общества, защищенного монархией, полицией, двухпалатной системой, постоянной армией и проч. от посягательств пролетариата; социал-демократия должна использовать в интересах политического воспитания народа деятельность этих партий, противопоставляя их лицемерно-демократической фразеологии последовательный демократизм пролетариата, разоблачая распространяемые ими конституционные иллюзии и беспощадно борясь против их гегемонии над демократической мелкой буржуазией;

4) что народнические или трудовые партии (н.-с., трудовая группа, с.-р.) более или менее близко выражают интересы и точку зрения широких масс крестьянства и городской мелкой буржуазии, колеблясь между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против помещичьего землевладения и крепостнического государства; эти партии облачают свои в сущности буржуазно-демократические задачи более или менее туманной социалистической идеологией; социал-демократия должна неуклонно разоблачать их псевдо-социалистический характер и бороться с их стремлением затушевать классовую противоположность между пролетарием и мелким хозяйчиком,—а с другой стороны, всеми силами вырывать их из-под влияния и руководства либералов, заставляя эти партии делать выбор между политикой к.-д.

*) Вариант, предложенный меньшинством: „буржуазии, вполне уже ставшие на сторону контр-революции, явно поддерживающие правительство и ставящие своей задачей осуществление цензовой и самой анти-демократической конституции“.

и политикой революционного пролетариата и принуждая их таким образом становиться на сторону с.-д. против черносотенцев и против к.-д.;

5) вытекающие отсюда совместные действия должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска одновременно против реакции и против предательской либеральной буржуазии.

Примечание. В угольчатых скобках поставлено то, что вычеркивается меньшинством, внесшим вышеуказанный вариант.

3. О классовых задачах пролетариата в современный момент демократической революции.

Принимая во внимание:

1) что демократическая революция в России идет к новому подъему, при чем на сторону контр-революции становится крупно-капиталистический помещичий класс, а на сторону революции вслед за пролетариатом новые слои мелкой буржуазии и крестьянства;

2) что классовые интересы пролетариата в буржуазной революции требуют создания условий наиболее успешной борьбы против имущих классов за социализм;

3) что единственным возможным способом создания и обеспечения этих условий является доведение до конца демократической революции, т.-е. завоевание демократической республики, полного самодержавия народа и необходимого для пролетариата минимума социально-экономических приобретений (8-часовой рабочий день и другие требования с.-д. программы-минимум);

4) что довести до конца демократическую революцию в состоянии только пролетариат при том условии, что он, как единственный до конца революционный класс современного общества, поведет за собой массу крестьянства, придавая политическую сознательность его борьбе против помещичьего землевладения и крепостнического государства;

5) что роль руководителя демократической революции обеспечивает в наибольшей степени пролетариату возможность поднять его социально-экономическое положение, всесторонне развить его классовое самосознание и развернуть его классовую деятельность не только в экономической, но и в широко-политической области,— совещание признает:

1) что главной задачей пролетариата в настоящий историче-

ский момент является доведение до конца демократического переворота в России;

2) что всякое умаление этой задачи неминуемо приводит к превращению рабочего класса из вождя народной революции, ведущего за собой массу демократического крестьянства, в пассивного участника революции, плетущегося в хвосте либерально-монархической буржуазии;

3) что все организации партии должны руководить деятельностью пролетариата по осуществлению им этой задачи, ни на минуту не забывая самостоятельных социалистических целей пролетариата.

4. О тактике с.-д. в Гос. Думе.

1) Тактика бойкота Гос. Думы, способствовавшая правильной оценке народными массами безвластия и несамостоятельной роли данного учреждения, нашла себе полное оправдание в комедии законодательной деятельности первой Гос. Думы и в ее разгоне;

2) но контр-революционное поведение буржуазии и соглашательская тактика российского либерализма воспрепятствовали непосредственному успеху бойкота и заставили пролетариат принять борьбу с помещичьей и буржуазной контр-революцией также и на почве думской кампании;

3) эту борьбу вне Думы и в самой Думе социал-демократия должна вести в интересах развития классового сознания пролетариата, укрепления и расширения его организации, дальнейшего разоблачения перед всем народом конституционных иллюзий и в интересах развития революции;

4) непосредственно-политическими задачами с.-д. в предстоящей думской кампании является, во-1-х, выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства, во-2-х, выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, выяснение необходимости вооруженного восстания, Временного Революционного Правительства и Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования;

5) для выполнения своих основных социалистических, а также непосредственно - политических задач, социал-демократия, как классовая партия пролетариата, должна оставаться безусловно самостоятельной, должна образовать в Думе партийную с.-д. фрак-

цию и не сливать ни в каком случае ни своих лозунгов, ни своей тактики ни с какой другой оппозиционной или революционной партией;

6) в частности относительно деятельности революционной социал-демократии в Думе необходимо разъяснить следующие, выдвигаемые в настоящую минуту всем ходом политической жизни, вопросы:

1) на первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандистская, агитационная и организационная роль с.-д. думской фракции, как одной из наших партийных организаций. Именно этим, а не непосредственно «законодательным» целям должны служить и законопроекты с.-д. думской фракции, в особенности по таким вопросам, как улучшение жизненных условий и обеспечение свободы классовой борьбы пролетариата, ниспровержение крепостнического помещичьего гнета в деревне, помощь голодающим крестьянам, борьба с безработицей, избавление матросов и солдат от казарменной каторги и т. д.;

2) так как царское правительство, несомненно, не уступит своих позиций до решительной победы революционного народа, а потому конфликт Думы и правительства неизбежен при всякой тактике Думы за исключением того случая, если бы Дума предала народные интересы на жертву черной сотне, то с.-д. фракция и с.-д. партия, считаясь исключительно с ходом развивающегося вне Думы в силу объективных условий революционного кризиса, не должна ни вызывать несвоевременных конфликтов, ни искусственно предотвращать или отсрочивать конфликт путем принижения многих лозунгов, способного лишь дискредитировать в глазах массы социал-демократию и оторвать ее от революционной борьбы пролетариата;

3) вскрывая буржуазную сущность всех непролетарских партий и противопоставляя всем их законопроектам и пр. свои собственные, социал-демократия должна также постоянно бороться против кадетской гегемонии в освободительном движении, заставляя мелко-буржуазную демократию делать выбор между лицемерным демократизмом кадетов и последовательным демократизмом пролетариата.

5. Об обострении массовой экономической нужды и экономической борьбы.

Принимая во внимание:

1) что ряд фактов свидетельствует о крайнем обострении экономической нужды пролетариата и его экономической борь-

бы (локаут в Польше; движение среди рабочих Петербурга и Иваново-Вознесенска в целях борьбы против дороговизны жизненных продуктов; широкое стачечное движение в Московском промышленном районе; тревожные призывы органов профессиональных союзов готовиться к острой борьбе и т. д.);

2) что по всем признакам эти различные проявления экономической борьбы концентрируются так, что есть основания ожидать повсеместного массового экономического выступления, вовлекающего гораздо более широкие слои пролетариата, чем раньше;

3) что вся история российской революции показывает, что все могучие подъемы революционного движения возникали только на основе подобных массовых экономических движений;— принимая это во внимание, совещание признает, что

1) необходимо всем партийным организациям обратить самое серьезное внимание на это явление; собрать более полный материал и поставить вопрос об этом в порядке дня V-го партийного съезда;

2) необходимо сосредоточить возможно большее количество партийных сил на экономической агитации в массах;

3) необходимо считаться именно с этим экономическим движением, как с коренным источником и важнейшей основой всего развивающегося революционного кризиса в России.

6. О беспартийных рабочих организациях в связи с анархо-синдикалистическим течением в пролетариате.

Принимая во внимание:

1) что в Р. С.-Д. Р. П. наметилось, в связи с агитацией тов. Аксельрода за беспартийный рабочий съезд ¹⁰⁸), течение (Ларин, Щегло, Эль, Ивановский, Милов ¹⁰⁸), одесское издание «Освобождение Труда»), направленное к уничтожению с.-д. рабочей партии и к замене ее беспартийной политической организацией пролетариата;

2) что наряду с этим вне партии и прямо против партии ведется среди пролетариата анархо-синдикалистская агитация, бросающая тот же лозунг беспартийного рабочего съезда и беспартийных организаций («Союзное Дело» и его группа в Москве, анархистская печать в Одессе и т. д.);

3) что, несмотря на резолюцию ноябрьской Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П., замечается ряд дезорганизаторских

действий в нашей партии, направленных к созданию беспартийных организаций;

4) что, с другой стороны, Р. С.-Д. Р. П. никогда не отказывалась от использования в момент большего или меньшего революционного подъема определенных беспартийных организаций вроде Совета Рабочих Депутатов для усиления влияния с.-д. в рабочем классе и упрочения с.-д. рабочего движения (смотри сентябрьские резолюции П. К. и М. К. о рабочем съезде в №№ 3 и 4 «Пролетария»);

5) что на почве начинающегося подъема является возможность устраивать или использовать в целях развития социал-демократии беспартийные представительные учреждения рабочего класса, как-то: Советы Рабочих Депутатов, советы рабочих уполномоченных и т. п., при чем организации с.-д. партии должны иметь в виду, что при правильной, прочной и широкой постановке с.-д. работы в массах пролетариата подобные учреждения могут фактически оказаться излишними;—

принимая это во внимание, совещание признает:

1) что необходима самая решительная принципиальная борьба с анархо-синдикалистским движением в пролетариате и с Аксельродовскими и Ларинскими идеями в социал-демократии;

2) что необходима самая решительная борьба со всякими дезорганизаторскими и демагогическими попытками изнутри Р. С.-Д. Р. П. ослабить партийную организацию или использовать ее для замены социал-демократии беспартийными политическими организациями пролетариата;

3) что допустимо участие организаций с.-д. партий, в случае необходимости, в общепартийных советах рабочих уполномоченных, Советах Рабочих Депутатов и съездах их представителей, а также устройство таких учреждений при условии строго-партийной постановки этого дела в целях развития и укрепления с.-д. рабочей партии;

4) что в целях расширения и укрепления влияния социал-демократии на широкие массы пролетариата необходимо, с одной стороны, усилить работу по организации профессиональных союзов и с.-д. пропаганду и агитацию внутри их, а, с другой стороны, привлекать все более и более широкие слои рабочего класса к участию во всякого рода партийных организациях.

Петербург, 20 февраля 1907 года.

Сегодня собирается вторая Дума. Условия ее созыва, условия выборов внешние и внутренние, условия ее работы,—все это изменилось по сравнению с первой Думой. Ждать простого повторения событий было бы явной ошибкой. Но, с другой стороны, во всех изменениях, происшедших за истекший политический год, столь богатый превратностями судьбы, заметна одна основная черта, которая показывает, что движение поднялось в общем на высшую ступень, идя зигзагообразным путем, но неуклонно вперед и вперед.

Эта основная черта может быть выражена кратко таким образом: поправление верхов, полевение низов, обострение политических крайностей. И не только политических, но и социально-экономических прежде всего. Последние события перед второй Думой особенно характерны тем, что при кажущейся неподвижности политической поверхности шла невидная, нешумная, но глубокая работа роста массового сознания—и рабочего класса и самых обширных слоев крестьянства.

Военно-полевая конституция мало изменилась за истекший год. Но политическая передвижка классов громадна. Возьмите черносотенцев. В начале это была, прежде всего, кучка полицейских бандитов, за которой шла небольшая часть совсем темного, одуряченного, иногда прямо подпаиваемого простонародья. Теперь во главе черных партий—совет объединенного дворянства ¹⁰⁶). Крепостник-помещик сплотился и окончательно «сознал себя» в революции. Черные партии становятся классовой организацией тех, кто должен защищать не на живот, а на смерть самые угрожаемые современной революцией блага: крупнейшее землевладение,—этот остаток крепостной эпохи, привилегии высшего сословия, возможность вершить государственные дела путем личных связей с камарильей ¹⁰⁷) и т. д.

Возьмите кадетов. Из явно и открыто буржуазных партий эта считалась, несомненно, самой «передовой». И как она ушла вправо! Нет уже прошлогоднего колебания между реакцией и народной борьбой. Есть прямая ненависть к этой народной борьбе, прямое, цинично возвещаемое стремление прекратить революцию, усесться спокойно, договориться с реакцией, начать вить уютное—для помещика капиталистического пошиба и для фабриканта — «гнездышко» монархической конституции, конституции

узкой, корыстно-классовой, беспощадно-суровой по отношению ко всем народным массам.

Теперь уже нельзя повторить ошибки, в которую впадали многие, говорившие, что кадеты стоят влево от центра, что водораздел между партиями свободы и партиями реакции проходит вправо от них. Кадеты—центр, и этот центр налаживает все юткровеннее свою сделку направо. Политическая перегруппировка классов сказалась в том, что кадетской опорой стал ведущий капиталистическое хозяйство помещик и широкий слой буржуазии. А демократические, мелко-буржуазные слои явно отодвигаются от кадетов, только в силу традиции, привычки, иногда вследствие прямого обмана идут за ними.

В деревне резче и нагляднее сказывается главная борьба современной революции: против крепостничества, против помещичьего землевладения. Крестьянину ярче, чем городскому мелкому буржуа, бросается в глаза недемократизм кадета. Крестьянин отвернулся еще решительнее от кадета. Крестьянские выборщики едва ли не более всех других вытеснили кадетов из губернских избирательных собраний.

В городах не стоит на первом плане антагонизм крестьянина и помещика, этот самый глубокий и типичный для буржуазной революции антагонизм народной свободы и крепостничества. В городах пролетарий сознал уже другую гораздо более глубокую противоположность интересов, которая породила социалистическое движение. Рабочая курия в общем и целом по России дала сплошь социал-демократов, мало эс-эров, совсем ничтожное количество членов иных партий. Но и в городской мелко-буржуазной демократии поворот низов влево, от к.-д. несомненен. По данным кадетского статистика г-на Смирнова в «Речи», в 22 городах с 153 тысячами избирателей, выбиравших из четырех списков, монархисты получили 17 тыс. голосов, октябристы—34, левый блок—41 тыс., кадеты—74 тыс. В первый же выборный бой, при громадной силе кадетской ежедневной печати, кадетской легальной организации, кадетской лжи об опасности прохождения черных, при подпольном существовании левых—оторвана от кадетов такая громадная масса голосов, что поворот приказчика, мелкого служащего, низшего чиновника, бедного квартирнанимателя очевиден. Еще одного такого боя кадеты не выдержат. Городская демократия ушла от них к трудовикам и социал-демократам.

Против черносотенного совета объединенных дворян, против

окончательно струсившей и отвернувшейся от революции либеральной буржуазии мобилизовался весь пролетариат, мобилизуется громадная масса демократической мелкой буржуазии, особенно крестьянства.

Политическая перегруппировка классов так глубока, так широка, так могуча, что никакой военно-полевой гнет, никакие сенатские разъяснения, никакие ухищрения реакции, никакие потоки кадетской лжи, монополюно заливавшей всю ежедневную печать, ничто не могло помешать отражению этой перегруппировки в Думе. II Дума показывает обострение глубокой, массовой, окрепшей организационно, сознательной борьбы различных классов.

Задача момента—понять этот основной факт, уметь теснее связать различные части Думы с этой могучей опорой внизу. Не на верхи, не на правительство надо смотреть, а на низы, на народ. Не на мелочи думской техники надо обращать внимание. Не пошлые соображения о том, как бы притаиться, притихнуть и не дать разогнать Думу, не рассердить Столыпина и К^о,—не эти пошлые кадетские соображения должны занимать демократа. Все внимание, все силы духа он должен направить на то, чтобы укрепить приводный ремень между большим колесом, начавшим сильно двигаться внизу, и маленьким колесиком наверху.

Социал-демократия, как партия передового класса, теперь более чем когда-нибудь, должна взять на себя инициативу выпрямиться во весь рост, заговорить самостоятельно, решительно и смело. Во имя социалистических и чисто классовых задач пролетариата она должна показать себя авангардом всей демократии. Отделиться от всех мелко-буржуазных слоев и прослоек нам надо,—но не для того, чтобы замкнуться в якобы гордом одиночестве (это значило бы на деле помочь либеральным буржуа, пойти в хвосте за ними), а для того, чтобы освободить себя от всяких колебаний от всякой половинчатости и уметь вести за собой демократическое крестьянство.

Выврать из-под гегемонии либералов остатки демократии, повести ее за собой, научить ее опираться на народ, сплотиться с низами, развернуть шире свое знамя перед всем рабочим классом, перед всей массой разоренного и голодающего крестьянства, вот с какой первой задачей входит социал-демократия во II Думу.

Мелко-буржуазная тактика.

«Товарищ» от 21 февраля опубликовал извлечения из принятых последним, экстренным, съездом партии с.-р. постановлений. Постановления посвящены вопросу о думской тактике.

По поводу этих постановлений можно и должно сказать очень многое. Мы не в состоянии здесь остановиться на коренном грехе этих, как и всех вообще, эс-эровских постановлений: на отсутствии классового анализа разных партий. Тактика, заслуживающая названия тактики, не может быть установлена без такого анализа. Сравнение эс-эровских постановлений с платформой революционной социал-демократии (резюльции, выработанные совещанием представителей нескольких большевистских организаций 15—18 февраля *); они будут опубликованы на-днях **) даст нам повод не раз еще вернуться к этой мысли.

Не будем останавливаться также на несколько чрезмерном подчеркивании эс-эрами той азбучной истины, что революционеры вовсе не стремятся «создавать внешние (?), несущественные конфликты», «ускорять разгон Думы» и т. п. Это—частность.

Гвоздем эс-эровской тактики, с точки зрения насущных задач момента, является следующее постановление:

«4. Съезд находит, что резкая партийная группировка внутри Думы при изолированном выступлении каждой отдельной группы и острой междупартийной борьбе могла бы совершенно парализовать деятельность оппозиционного большинства и тем дискредитировать в глазах трудящихся классов самую идею народного представительства. Съезд считает поэтому необходимым, чтобы партийные депутаты приложили все усилия для организации возможно более постоянного и согласованного выступления всех социалистических и крайних левых фракций; специально же в вопросах борьбы с думской правью и с правительством за свободы и политические права народа, стремиться к отдельным, возможно более согласованным выступлениям революционно-социалистической части Думы с ее оппозиционной частью, при чем все эти, как длительные, так и частичные, согласованные выступле-

*) Сегодняшняя „Современная Речь“ (22-го февр.) на стр. 3 правильно указывает состав этого совещания и перепечатывает частичку одной из шести принятых резолюций. Читатели должны иметь в виду, что даже и в этой частичной перепечатке есть ошибки.

**) См. выше 28—215, стр. этого тома. Ред.

ния должны происходить на началах, ни в чем не противоречащих основным принципам партийной программы и тактики.

Великолепное изложение принципиальных основ мелко-буржуазной тактики! Великолепное разоблачение ее полной шаткости!

«Длительные (I) и частичные согласованные выступления», «возможно более постоянные (I) и согласованные»... Как пусты эти слова, раз нет и попытки выяснить, какая именно общность интересов каких именно классов лежит в основе всей этой «согласованности»! Мы, революционные с.-д., признаем общие выступления партии пролетариата и партий демократической мелкой буржуазии против черных и против кадетов, как партии предательского либерализма. Эс-эры до такой степени не понимают этой классовой основы российской революции, что толкуют, с одной стороны, вообще о согласовании социалистических и крайних левых фракций, т.-е. о затушевании противоречий между пролетариатом и мелким производителем;—а, с другой стороны, о согласовании против черных революционно-социалистической и оппозиционной части Думы.

Нет, мы с вами, господа, ни о постоянных соглашениях, ни о согласованности выступлений вообще не будем и говорить. Согласуйтесь сначала вы с нами в политике борьбы и с черными и кадетами, согласуйтесь на деле—таков наш ультиматум. Такова наша линия политики в демократической революции. Как на выборах в Петербурге, так и по всякому вопросу современной революции, мы будем заявлять: пролетариат без колебаний идет в бой и с черными, и с к.-д. Пока мелкие буржуа колеблются, пока они идут за к.-д.,—беспощадная борьба с мелкими буржуа. Бросили ваших кадетов? Согласны идти против кадетов? Если так и если это не на бумаге сказано, а делом показано,—тогда и только тогда с.-д. в демократическом выступлении окажутся в бою вместе с вами.

Но всего замечательнее, пожалуй, первая часть приведенной резолюции. Подумайте только: «резкой партийной группировкой внутри Думы», «острой фракционной борьбой» *) можно «дискредитировать в глазах трудящихся классов самую идею народного представительства»! Это уже эс-эровские «Плехановы» в «Васильевском» смысле слова!

*) „Речь“ от 22 февраля посвятила особую статью за пепедовой на рвским резолюциям. Прочитировав именно это место о вреде „резкой партийной группировки“, орган либеральных буржуа пишет: „Таким образом исходная точка новой тактики определена совершенно верно“. Именно! эс-эровская тактика верна с точки зрения интересов либеральной буржуазии вообще и ее сделки с реакцией в особенности!

Нет, господа. Принцип классовой борьбы есть основа всех учений и всей политики с.-д. Пролетарии, крестьяне, мещане—не малые дети, чтобы идея представительства померкла в их глазах от острых споров и резкой борьбы классов. Не миндальничать должны мы перед ними, а напротив учить их с думской трибуны ясному различению партий, пониманию их классовой основы, затушевываемой ловкими буржуа.

В том-то и состоит все преступление меньшевистской политики в Думе, что с думской трибуны не хотят или не умеют говорить народу всю правду о классовом характере разных партий, о тайных торгах Милюковых со Столыпиными, о коренном различии в целях демократии между крестьянином и либералом,—в целях социализма между крестьянином и пролетарием.

Но на меньшевистской политике, начатой молчаливым катаклизмом шаров по указке кадета, не сошелся еще свет клином.

Это полное непонимание классовой основы «оппозиционного» либерализма, который тайно проторговывает свободу и демократию Столыпиным и К^о, есть основа той оппортунистической тактики, которую ведут мелкие буржуа (трудовики, н.-с., с.-р.) и мелко-буржуазное крыло рабочей партии, меньшевики.

Борьба с черными служит отводом глаз и благовидной отговоркой. На деле эта мелко-буржуазная тактика применяется при полной невозможности черносотенной победы, как было, например, на выборах в Петербурге и на выборах думского председателя. И трудовики (эс-эры—самостоятельны фиктивно; на деле они связаны с трудовиками и представляют из себя лишь левое крыло их, как доказали выборы в Петербурге и как доказывает теперешняя группировка партий во второй Думе),—и трудовики и меньшевики поддерживают гегемонию кадетов, вот в чем суть мелко-буржуазной тактики. Либералы не только в России, но и повсюду в Европе очень долго вели за собой демократическую мелкую буржуазию, слишком раздробленную, неразвитую, нерешительную, чтобы стать самостоятельной,—и слишком по-хозяйски настроенную, чтобы идти за пролетариатом. Ахиллесова пята мелко-буржуазной политики—неумень и неспособность избавиться от идейной и политической гегемонии либеральных буржуа. Мелкие буржуа—прихвостни кадетов не в силу случая, а в силу основных экономических особенностей всякого капиталистического общества. Основная задача социал-демократии,—задача, совершенно чуждая пониманию меньшевиков—состоит поэтому в неуклонном разрушении гегемонии либерала над демократом, в неуклонном освобождении мелко-буржуазной массы из-под кры-

лышка кадетов и в подчинении ее воздействию, влиянию социал-демократии.

«Постоянно согласованные выступления»—предлагает нам трудящийся. Благодарим покорно! Для того, чтобы связаться с людьми, которых, как пьяницу к рюмке, тянет к кадету? С людьми, которые месяцами просились в блок с кадетами на выборах в Петербурге, которые шли, как бараны, на кадетское собрание 19 февраля и голосовали за кадетов, продающего демократию? Благодарим покорно!

*„Новый Луч“ № 4
от 23 февраля 1907 г.*

Платформа революционной социал-демократии

I.

Партийный съезд созывается, как известно, через несколько недель. Надо самым энергичным образом браться за подготовку к съезду, за обсуждение основных тактических вопросов, которые партия должна вырешить на этом съезде.

Ц. К. нашей партии наметил уже порядок дня съезда, опубликованный в газетах. Центральными пунктами в этом порядке являются: 1) «Ближайшие политические задачи» и 2) «Государственная Дума». Что касается до второго пункта, то необходимость его ясна сама собою и не может вызвать споров. Первый пункт, по нашему мнению, тоже необходим, но в несколько иной формулировке или, вернее, с несколько измененным содержанием.

Чтобы немедленно начать общепартийное обсуждение задач съезда и подлежащих его решению тактических вопросов, совещание представителей обеих столичных организаций нашей партии и редакционной коллегии «Пролетария» выработало, накануне созыва второй Думы, печатаемые ниже проекты резолюций*). Мы намерены дать очерк того, как понимало совещание свои задачи, почему выдвинуло на первую очередь проекты резолюций именно по таким-то вопросам и какие основные мысли наметило в этих резолюциях.

Вопрос первый: «Ближайшие политические задачи».

По нашему мнению, нельзя так ставить вопроса перед съездом Р. С.-Д. Р. П. в переживаемую нами эпоху. Эта эпоха—революционная. Все с.-д. без различия фракций согласны в этом. Достаточно взглянуть на принципиальную часть той резолюции, которая была принята меньшевиками и бундовцами

*) См. стр. 208—215 этого тома. Ред.

на Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. в ноябре 1906 г., чтобы убедиться в правильности нашего положения.

А в революционную эпоху нельзя ограничиться определением ближайших политических задач, нельзя по двум причинам. Во-первых, в такие эпохи основные задачи с.-д. движения выдвигаются на первый план, требуют обстоятельного разбора их, не в пример эпохам «мирного» и мелкого конституционного строительства. Во-вторых, нельзя в такую эпоху определить ближайшие политические задачи, ибо революция тем и отличается, что возможны и неизбежны крутые ломки, быстрые повороты, неожиданные ситуации, резкие взрывы. Достаточно указать на возможность и вероятность разгона левой Думы и изменения избирательного закона в черносотенном духе, чтобы понять это.

Хорошо, например, австрийцам было определять свою «ближайшую» задачу: борьбу за всеобщее избирательное право, когда все признаки указывали на то, что продолжается эпоха более или менее мирного, последовательного и преемственного конституционного развития. А у нас, разве не говорят даже меньшевики в упомянутой выше резолюции о невозможности мирного пути, о необходимости выбирать в Думу не ходатаев, а борцов? Разве не признают они борьбу за Учредительное Собрание? Представьте себе европейскую страну с сложившимся и упрочившимся на известное время конституционным строем, в которой могла бы идти речь о лозунге: «Учредительное Собрание», о противополжении «ходатая» «борцу» в Думе,—и вы поймете, что «ближайшие» задачи определять при таких условиях нельзя так, как их определяют теперь на западе. Чем успешнее будет думская работа с.-д. и революционной буржуазной демократии, тем вероятнее взрыв недумской борьбы, которая ставит нас совсем перед особыми ближайшими задачами.

Нет. Нам надо обсудить на партийном съезде не столько ближайшие, сколько основные задачи пролетариата в переживаемый момент буржуазной революции. Иначе мы окажемся в положении людей, беспомощных и теряющихся при всяком повороте событий (как и бывало уже не раз в 1906 г.)¹⁰⁸. «Ближайшие» задачи мы все равно определить не можем,—как и не сможет никто предсказать, продержится ли неделю, месяц или полгода вторая Дума и избирательный закон 11 декабря 1905 года. А понимание основных задач с.-д. пролетариата в нашей революции у нас еще общепартийным путем не выработано. И без такой выработки никакая выдержанная, принципиальная полити-

ка невозможна,—никакая погоня за определением «ближайших» задач не может быть успешна.

Объединительный съезд не принял резолюции об оценке момента и о задачах пролетариата в революции, не принял, несмотря на то, что соответствующие проекты были представлены обоими течениями в с.-д. партии*),—несмотря на то, что вопрос об оценке момента был поставлен в порядок дня и обсуждался на съезде. Стало быть, все признавали эти вопросы важными, но большинство Стокгольмского съезда сочло их тогда недостаточно выясненными. Несобходимо возобновить разбор этих вопросов. Мы должны рассмотреть, во-1-х, каковым является, по основным тенденциям общественно-экономической и политической эволюции, переживаемый нами революционный момент; во-2-х, какова политическая группировка классов (и партий) в современной России; в-3-х, каковы в такой момент, при такой политической группировке общественных сил, основные задачи С.-Д. Рабочей Партии.

Конечно, мы не закрываем глаз на то, что некоторые меньшевики (а может быть и Ц. К.) под вопросом о ближайших политических задачах разумели просто-на-просто вопрос о поддержке требования думского, т.-е. кадетского, министерства.

Плеханов со свойственной ему,—и высокопохвальной, конечно,—стремительностью в подталкивании меньшевиков направо, выступил уже с защитой этого требования в «Русской Жизни» (от 23 февраля).

Мы думаем, что это важный, но подчиненный вопрос, что не могут марксисты ставить его отдельно, без оценки данного момента нашей революции, без оценки классового содержания партии к.-д. и всей ее современной политической роли. Сводить этот вопрос к чистому политизму, к «принципу» ответственности министерства перед палатой в конституционном строе вообще, значило бы всецело покинуть точку зрения классовой борьбы и переходить на точку зрения либерала.

Вот почему наше совещание связало вопрос о кадетском министерстве с оценкой современного момента революции.

В соответствующей резолюции мы прежде всего в мотивировке, начинаем с вопроса, который всеми марксистами признается за основной, с вопроса об экономическом кризисе и экономическом положении масс. Совещание приняло формулировку: кризис «не обнаруживает признаков быстрой ликвидации». Фор-

1) См. II приложение к VII тому сочинений Н. Ленина. Р е д .

мулировка эта, пожалуй, чересчур осторожна. Но для с.-д. партии, конечно, важно установить бесспорные факты, наметить основные штрихи, предоставляя научную разработку вопроса партийной литературе.

На почве кризиса мы констатируем (пункт второй мотивов) обострение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией (факт несомненный, и проявления этого обострения общеизвестны) и затем обострение социальной борьбы в деревне. В деревне нет на-лицо ярких, сразу бросающихся в глаза событий, вроде локаутов, но уже такие меры правительства, как ноябрьские аграрные законы («подкуп крестьянской буржуазии»), свидетельствуют, что борьба обостряется, что помещики вынуждены направлять все усилия на раскол крестьянства для ослабления общекрестьянского натиска.

К чему приведут в конце концов эти усилия, мы не знаем. Все «незаконченные» (выражение Маркса) буржуазные революции «кончались» переходом зажиточного крестьянства на сторону порядка. Социал-демократия во всяком случае должна сделать все для развития сознания самых широких слоев крестьянства, для уяснения ими происходящей в деревне классовой борьбы.

Далее, в 3-м пункте констатируется основной факт политической истории России за год: «поправление» высших и «полевение» низших классов. Мы думали, что в особенности в революционные эпохи с.-д.-тия должна на своих съездах подводить итоги периодам общественного развития, применяя к ним свои марксистские методы исследования, уча другие классы оглядываться назад и относиться к политическим событиям принципиально, а не с точки зрения интереса минуты или успеха на несколько дней, как относится буржуазия, презирующая, собственно говоря, всякую теорию и боящаяся всякого классового анализа переживаемой истории.

Усиление крайностей есть ослабление центра. Центр—это не октябристы, как ошибочно думали некоторые с.-д. (Мартов в том числе), а кадеты. В чем объективно-историческая задача этой партии? На этот вопрос марксисты должны ответить, если они хотят остаться верны своему учению. Резолюция отвечает: «в прекращении революции путем уступок, приемлемых (ибо к.-д. стоят за добровольное соглашение) для черносотенных помещиков и самодержавия». В известной работе К. Каутского: «Социальная революция» было хорошо разъяснено, что реформа отличается от революции сохранением власти за классом угнетателей, которые подавляют восстание угне-

таемых путем уступок, приемлемых для угнетателей без уничтожения их власти.

Объективная задача либеральной буржуазии в буржуазно-демократической революции именно такова: сохранить ценою „разумных“ уступок монархию и помещичий класс.

Осуществима ли эта задача? Это зависит от обстоятельств. Безусловно неосуществимый марксист не может ее признать. Но такой исход буржуазной революции означает: 1) наименьшую свободу развития производительных сил буржуазного общества (экономический прогресс России будет несравненно быстрее при революционном уничтожении помещичьего землевладения, чем при преобразовании его по кадетскому плану), 2) неудовлетворение основных нужд народной массы и 3) необходимость насильственно подавить их. Без насильственного подавления масс кадетское „мирное“ конституционное развитие неосуществимо. Это мы должны твердо запомнить и внедрить в сознание масс. Кадетский „социальный мир“ есть мир для помещика и фабриканта, есть „мир“ подавленного крестьянского и рабоче-го восстания.

Столыпинская военно-полевая репрессия и кадетские „реформы“, это — две руки одного угнетателя.

*„Пролетарий“ № 14
от 4 марта 1907 г.*

*Написано после
23 февраля 1907 г.*

Устроители раскола о будущем расколе.

„Русская Жизнь“ подняла смешной вопль по поводу отношения „Нового Луча“ к думской социал-демократической фракции. (Статья „Даже тут“ № 25.)

Смешной потому, что „Русская Жизнь“ выбрала обходный путь вместо того, чтобы попытаться хоть что-нибудь ответить по существу на нашу критику поведения фракции.

Мы говорили, что наша фракция ни в коем случае не должна была голосовать за кадетского кандидата в председатели.

Мы говорили, что наша фракция, как таковая, ни в коем случае не должна была ходить к кадетам и народовцам на частные совещания.

Мы говорили, наконец, что поведение фракции может повести к расколу, ибо линия этого поведения противоречит духу и букве постановлений Стокгольмского съезда партии.

Мы обращались, наконец, к большевистской части нашей фракции с призывом вести самую беспощадную борьбу с оппортунизмом большинства фракции и неуклонно отстаивать в ней позицию революционной социал-демократии.

Мы писали по этому поводу очень много; мы посвятили поведению фракции в вопросе о президиуме целый ряд статей, освещающих дело со всех сторон.

Со стороны «Русской Жизни»—никаких возражений по существу; ни единой серьезной попытки защитить тактическую линию меньшевиков, фактически руководящих думской фракцией.

Мы вправе были ждать—ждали,—что «Русская Жизнь» попытается доказать, что ее тактическая линия вполне соответствует постановлениям Стокгольмского съезда Р. С.-Д. Р. П., что именно эта линия и есть та линия, которая должна привести нашу фракцию в Думе к гегемонии над всей левой частью Думы.

Но ничего этого мы не дождались. Вместо всего этого—куча жалких слов, смешных воплей о том, что «Новый Луч» травит думскую социал-демократическую фракцию, что «Новый Луч» толкает большевистскую часть фракции на немедленный раскол.

Вместо ответа по существу, лицемерный вызов: «Пусть «Новый Луч» выскажется яснее. Пусть он поставит точки над i. И пусть он помнит евангельский совет: «что делаешь, делай скорее».

Товарищи! Вы поистине великолепны в вашей развязности. Ваши вопли о расколе со стороны большевиков—перл правды и искренности.

Единственная партийная организация, в которой существует теперь раскол и в крайне тяжелой форме,—это петербургская. Кто расколол ее?—Раскололи меньшевики. Раскололи против воли организованных рабочих в угоду кадетам, ссылаясь на черносотенную опасность, которой в Петербурге не оказалось. И до сих пор, несмотря на это, меньшевики упрямо не желают восстановить целостность петербургской организации, упрямо стремятся расширять и углублять этот раскол.

Большевики всеми силами боролись против допустимости соглашений с кадетами на выборах. Но на конференции партии в ноябре месяце соглашения были признаны допустимыми. Большевики обязались на конференции подчиняться решениям местных организаций и везде, где местные организации сочли нужным войти в избирательные соглашения с кадетами, «свято и нерушимо» выполнили свой партийный долг. Меньшевики приняли на себя такое же обязательство, но, убедившись, что органи-

зованные рабочие Петербурга не согласны идти вслед за ними на поводу у кадетов,—раскололи организацию.

И теперь волят о расколе! Что касается вызова, брошенного нам «Русской Жизнью», то ответ на него ни в коем случае не может поставить нас в затруднение. Над всеми и у нас и без того поставлены точки: их может видеть каждый, имеющий очи.

Единство партии нам в высшей степени дорого. Но чистота принципов революционной социал-демократии для нас дороже. Мы подчинились и подчиняемся воле большинства Стокгольмского съезда партии. Мы считаем необходимым исполнять все его постановления. Но мы требуем, чтобы эти постановления выполнялись центральными руководящими органами партии. И оппортунистические шатания меньшевиков, все их попытки отступить в угоду кадетам от линии, намеченной съездом, встречали и будут встречать с нашей стороны беспощадную критику и неуклонный отпор. Это—наше право. Это—наш долг. От этого права мы никогда не откажемся, от этого долга мы никогда не отступимся. И если раскол произойдет, он будет означать только то, что меньшевики сами растоптали постановления, ими же проведенные на Стокгольмском съезде. Иного раскола не может быть и не будет. И этот раскол будет означать лишь одно: окончательное превращение меньшевиков в кадетского вассала.

«Красное знамя пролетариата дрогнуло в руках думской социал-демократической фракции,—писали мы третьего дня.—Кадеты требуют, чтобы оно склонилось перед ними. В тот день, когда волею меньшевиков свершится этот невероятный позор, свершится и раскол, потому что в этот день меньшевики перестанут быть частью Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

*„Новый Луч“ № 5
от 24 февраля 1907 г.*

О тактике оппортунизма.

Плеханов прекратил свое молчание, которое было единственной разумной тактикой с его стороны после знаменитого предложения общего лозунга с.-д. и к.-д. «полновластная Дума». Плеханов выступил в «Русской Жизни» с новой попыткой толкнуть нашу партию к кадетам, с попыткой навязать лозунг поддержки «ответственного министерства», уже отвергнутый партией в период первой Думы.

Разберем рассуждение Плеханова.

Прежде всего надо отметить, что, усердно воюя с большевиками, Плеханов говорит прямую неправду об их точке зрения. Именно, он совершенно определенно приписывает нам желание «итти на пролом», желание и стремление принять бой «теперь же».

Чтобы показать читателям, до чего неправ Плеханов, приведем цитату из официального большевистского издания, помеченного 12-ым февраля: «...Борьба... неотвратима. Но именно потому, что она неотвратима, нам не к чему форсировать, подгонять, подхлестывать ее. Об этом пусть позаботятся Крушеваны и Столыпины. Наша работа—со всей ясностью, прямо, беспощадно-открыто разоблачать правду перед пролетариатом и крестьянством, раскрыть им глаза на значение идущего шквала, помочь им организованно, с хладнокровием... встретить врага... «Стреляйте первыми, господа буржуа!» говорил Энгельс в 1894 году по адресу немецкого капитала. «Стреляйте первыми, господа Крушеваны!» скажем мы... Поэтому никаких преждевременных призывов».

Неправда ли, как легко выполняет почтенный Плеханов задачу «критика»? Никаких преждевременных призывов—заявляют за полторы недели до Думы организации большевиков.—Большевики хотят принять бой «теперь же», твердит Плеханов в статье, напечатанной 23 февраля, хотя «итти на пролом».

Конечно, это самый простой, дешевый и легкий способ разнести большевиков—приписать им вздорную мысль и потом шуметь и браниться («неразумное усердие», «бестолковость», «хуже измены», и проч., и т. п.). Но напрасно забывает Плеханов, что на большевиков нельзя валить как на мертвых, что большевики простой справкой с официальным документом покажут всем и каждому, насколько не верны слова Плеханова. И Плеханову будет стыдно. И Плеханов начнет понимать тогда, что безнаказанно не удастся ему повторять про большевиков такие вещи, которые до сих пор только «Новое Время» повторяло про революционеров.

Перейдем к существу поднятого Плехановым вопроса о поддержке рабочей партией лозунга: «ответственное министерство». Плеханов защищает этот лозунг так:

«Одно из двух. Или быстро увеличивающиеся силы революции уже теперь переросли силы правительства, и в таком

случае требование ответственного министерства может и должно послужить сигналом для решительного боя с реакцией.

«Или же сила революции еще не переросла силы сопротивления государства, и тогда решительный бой еще не уместен; но и тогда названное требование должно быть поддержано, как прекрасное воспитательное средство, развивающее политическое сознание народа и тем самым подготовляющее его для победоносного боя в будущем.

«Стало быть, и в том и в другом случае с.-д. депутаты не могут не сделать указанное требование своим в интересах народа, в интересах революции».

Это рассуждение очень поучительно. Возьмем сначала его первую часть. Мы допускаем, значит, вместе с Плехановым, что силы революции переросли силы правительства. Если бы это было так, то требование ответственного министерства было бы, во-1-х, ненужно; во-2-х, вредно; в-3-х, не было бы поддержано либералами.

(1) Оно было бы ненужно, ибо подобный «сигнал для решительного боя» есть во всяком случае косвенный сигнал, а не прямой. Этот «сигнал» не выражает определенной мысли о действительно решительном бое с реакцией, а, напротив, выражает мысль о такой уступке, на которую может пойти добровольно и сама реакция. Мы не отрицаем, что, вообще говоря, допустима при юсовых условиях подача сигналов не к решительному бою, а к предварительной мелкой схватке, даже и демонстрации, симулирующей бой. Но это другой вопрос. А при тех посылках, которые сделал Плеханов (силы революции уже переросли и т. д.), ненужность косвенного сигнала очевидна.

(2) «Силы революции уже переросли силы реакции»... Что это значит? Включает ли это сознательность сил революции? Плеханов, вероятно, согласится, что включает. Народ, не сознавший революционных задач, не может оказаться достаточно силен для победы в решительном бое над реакцией. Теперь дальше: выражает ли правильно разбираемое нами требование задачи революции в борьбе с реакцией? Нет, не выражает, ибо ответственное министерство, во-первых, вовсе не есть переход власти к народу, не есть даже переход власти к либералам, а есть, по существу, сделка или попытка сделки реакции с либералами; во-вторых, даже и действительный переход власти к либералам не способен, в силу объективных условий, осуществить основные требования революции. Мысль эта

прямо выражена в процитированном Плехановым месте статьи «Сборника первого», и Плеханов даже не попытался прикоснуться по существу вопроса к этой мысли.

Спрашивается теперь, какое же значение для решительного (условие Плеханова) боя с реакцией имеет лозунг, неправильно выражающий требования революции (силы которой уже переросли—условие Плеханов!—силы правительства)? Ясно, что безусловно вредное. Этот лозунг означает затемнение сознания масс, идущих в решительный бой. Выставлять этот лозунг—все равно, что звать на решительный бой и в то же время указывать такой объект боя, который ничего не решает; звать: «стреляй в корову, а метить в ворону».

С полной точностью определить перед боем, чьи силы «уже переросли» силы врага, никогда нельзя. Только педанты могут мечтать об этом. В понятие «переросших силы врага сил» входит ясное сознание задач борющимися. Предполагая «решительность» боя и в то же время затемняя это сознание, Плеханов прямо вредит революции. Вот это, поистине, «хуже измены», почтенный критик! «Силы» достаточно для победы над реакцией, а «вождь» зовет войска к борьбе за сделку с реакцией... Плеханов сравнил себя в шутку с римским полководцем, который казнил сына за преждевременный бой. Шутка остроумная. Ну, если бы я был «сыном» в момент решительного боя, когда «силы революции уже переросли силы правительства», я бы, ни секунды не колеблясь, застрелил (или, по-римски, заколол) «папашу», дающего лозунг сделки с реакцией, и спокойно предоставил бы будущим Моммсенам разбираться в том, был ли мой поступок убийством изменника, казнью его или преступлением против чинопочитания.

(3) Когда мы в эпоху первой Думы спорили против лозунга: «ответственное министерство», мы ограничивались двумя приведенными доводами. Теперь надо прибавить третий: если бы требование ответственного министерства могло стать, прямо или косвенно, сигналом для решительного боя «революции» с реакцией, то либералы сами сняли бы это требование.

Почему надо теперь прибавить этот довод? Потому, что либералы (к.-д. в том числе) сильно ушли вправо после первой Думы и выступили решительно против революции. Потому, что Головин¹⁰⁹), поддержанный плохими эс-деками за либерализм, сказал первую же речь не либеральную, не кадетскую, а октябристскую.

Если Плеханов настолько отстал от русских дел, что не знает этого, то его статья, конечно, заслуживает снисхождения. Но его доводы, по существу, остаются, независимо от отдельных ошибок его, в корне неправильными.

Переходим ко второму случаю. Силы революции еще не переросли сил реакции, решительный бой еще не уместен. Тогда значение лозунга состоит в его влиянии на развитие политического сознания народа, говорит Плеханов. Это правда. Но тогда—и тут Плеханов тысячу раз неправ—подобный лозунг развращает, а не просвещает сознание народа; затемняет, а не революционизирует его; деморализует, а не воспитывает. Это до такой степени ясно, что на развитии этой мысли мы можем не останавливаться,—по крайней мере, до следующей беседы с почтеннейшим Плехановым.

И выходит: куда ни кинь—все клин. Доросли силы революции или не доросли, а Плехановский лозунг во всяком случае «доросшим» до сознания социал-демократического пролетариата считать нельзя. Этот лозунг приносит в жертву коренные интересы демократии и всей нашей революции—просвещение масс насчет задач реальной борьбы народа за реальную власть—приносит их в жертву временным, случайным, побочным, путанным, либеральным лозунгам, задачам и интересам.

А в таком принесении в жертву коренных задач пролетариата половинчатым и спутанным задачам либерализма и состоит сущность оппортунизма в тактике.

Еще несколько слов в заключение. Плеханов пробует щипать пса в своей статье за бойкот. обстоятельно мы поговорим с ним об этом тогда, когда он от щипков пожелает перейти к борьбе по существу. А пока заметим одно. Сын римского полководца все же победил—острил Плеханов—в своем преждевременном бое, а за большевиками числятся пока одни только поражения.

Плохая у вас память, г. Плеханов. Припомните-ка Булыгинскую Думу. Припомните, как Парвус и новая «Искра», поддерживаемая Вами, стояли тогда против бойкота ¹¹⁰). Большевики были за бойкот.

Развитие революции принесло полную победу большевизма, от которого в октябрьско-ноябрьские дни меньшевики отличались только увлечениями Троцкого.

Так было—так будет, почтеннейший г. Плеханов. Когда революция падает, тогда берущие на себя задним числом

роль «римских полководцев» педанты выходят на авансцену с своими ламентациями. Когда революция поднимается,—выходят так, как хотят революционные с.-д., сколько бы их ни сравнивали «с нетерпеливыми юношами».

„Новый Луч“ № 5
от 24 февраля 1907 г.

Большевики и мелкая буржуазия.

Под таким названием поместили «Новые Силы» статью, которая дает хороший повод к некоторым разъяснениям.

Газета недовольна нашим «избитым» делением буржуазии на мелкую, революционную, и либеральную. За кадетов, несомненно, голосовали многие мелкие буржуа, говорит орган трудовиков, повторяя обычный меньшевистский довод.

Да, за кадетов голосовали многие мелкие буржуа. Это правда. Но о классовом характере партии нельзя судить только потому, что за нее в данную минуту голосовали между прочим такие-то и такие-то элементы. Несомненно, что за немецких с.-д. голосуют многие мелкие буржуа, за немецкий «центр» многие рабочие. Но «Новые Силы» понимают, вероятно, что отсюда нельзя заключить о неверности «избитого» деления трудящихся классов на мелкую буржуазию и пролетариат.

Вся история к.-д. партии в целом и последние выборы в особенности ясно показали, что классовую основу этой партии составляет помещик, ведущий капиталистическое хозяйство, средний буржуа и буржуазный интеллигент. Масса народа, т.-е. широкие слои городского мещанства и затем крестьянства, чужда этой партии, которая боится всякой самостоятельности масс, воюет с ней, защищает выкуп, борется с местными аграрными комитетами на основе «4-хвостки» и т. д. Только поэтому и получилось такое поразительно быстрое отпадение мелкой буржуазии от к.-д. на последних выборах. Крестьянство, как известно, совсем провалило кадетов и больше всех содействовало их поражению в губернских избирательных собраниях. Городское мещанство, как мы уже ютмечали в № 1 «Нового Луча»*), сразу доставило 41 тыс. голосов левому блоку в городах против 74 тыс. голосов к.-д., несмотря на отсутствие у левых ежедневной печати и т. д.

Кадеты—партия либеральных буржуа. Экономическое положение этого класса заставляет его бояться победы крестьян и

*) См. выше 217 стр. этого тома. Ред.

сплоченности рабочих. Отсюда неизбежная, а вовсе не случайная, тенденция к.-д. поворачивать вправо, в сторону сделки с реакцией, тем быстрее, чем быстрее левеют народные массы. Не случайность, а экономическая необходимость вызвала то, что после разгона Думы пролетариат, крестьянство и городская мелко-буржуазная беднота страшно полевели, революционизировались, кадеты же страшно поправились. Жалеть об этом, пытаться изменить или остановить этот процесс могут только мещане и филистеры в политике.

Наша с.-д. задача иная: ускорить процесс освобождения масс из-под гегемонии к.-д. Поддерживают эту гегемонию традиция, старые связи и влияние либералов, их хозяйственная гегемония над мелким буржуа, их роль, как буржуазной интеллигенции, либерального чиновничества и т. д. Чем яснее будут сознавать массы свои интересы, тем скорее поймут они враждебность либералов массовому движению, тем скорее политически обособятся от либералов в те или иные демократические, революционные организации, союзы, партии и т. п. В частности, крестьянство, составляющее в России восемь или девять десятых всей мелкой буржуазии, борется прежде всего за землю. Либеральный помещик (а таковой есть еще в России: землевладельческая курия дала 24,4% кадетов и левее на последних выборах) стоит в этой борьбе против крестьянина, и либеральный чиновник, буржуазный интеллигент очень близок к либеральному помещику. Вот почему крестьянство гораздо решительнее и быстрее высвобождается из-под влияния к.-д., чем городская мелкая буржуазия. Победа крестьянства в борьбе за землю есть настоящая экономическая основа победы буржуазной революции в России. Либералы (к.-д. в том числе) против победы крестьянства; они отстаивают выкуп, т.-е. превращение крестьянина частью в грессбауэра, частью в кнехта при помещике прусского типа. Вот почему невозможна в России победа буржуазно-демократической революции без высвобождения крестьянства из-под политической гегемонии либералов. Победа крестьянства уничтожает помещичье землевладение и дает полнейший простор развитию производительных сил на чисто капиталистической основе. Победа либералов сохраняет помещичье землевладение, лишь слегка очищая его от крепостнических черт и ведя к наименее быстрому, наименее свободному развитию капитализма, к развитию типа, так сказать, прусского, а не американского.

Этой экономической, классовой основы русской революции не

понимают «Новые Силы», говоря: по социально-экономическим требованиям мелкая буржуазия ближе к либералам, по политическим—к пролетариям, а «центр тяжести революции» переносится к «политике». Все это рассуждение «Новых Сил» сплошная путаница. Мелкий буржуа, и крестьянин в том числе, конечно, ближе к либералу, чем к пролетарию, ближе как хозяин, как мелкий производитель. Поэтому немисливо политически и прямо реакционно было бы в смысле социализма слияние в одну партию мелких буржуа и пролетариев (чего хотят с.-р.). Но в современной, буржуазной-демократической, революции в России борьба идет теперь вовсе не из-за антагонизма хозяев и рабочих (так будет в социалистической революции), а из-за антагонизма крестьянина и помещика: к этой, экономической, а вовсе не «политической», борьбе тяготеет «центр тяжести революции».

Но если наша революция буржуазна по своему экономическому содержанию (это несомненно), то отсюда нельзя делать вывод о руководящей роли буржуазии в нашей революции, о буржуазии, как движущей силе ее. Такой вывод, обычный у Плеханова и меньшевиков, есть опoшление марксизма, карикатура на марксизм. В буржуазной революции может быть руководителем и либеральный помещик вместе с фабрикантом, купцом, адвокатом и т. п.,—и пролетариат вместе с массой крестьян. Буржуазный характер переворота остается в обоих случаях, но рамки его, условия его выгоды для пролетариата, условия его выгоды для социализма (то-есть для быстроты развития производительных сил прежде всего) совершенно различны в первом и во втором случае.

Отсюда большевики выводят основную тактику социалистического пролетариата в буржуазной революции: вести за собой демократическую мелкую буржуазию, особенно крестьянскую, отрывать ее от либералов, парализовать неустойчивость либеральной буржуазии, развивать борьбу масс за полное уничтожение всех следов крепостничества, помещичьего землевладения в том числе.

Вопрос о думском президиуме был частным вопросом общей тактики с.-д. в буржуазной революции. С.-д. должны были вырывать трудовиков у к.-д., либо голосуя за трудовика, либо воздерживаясь демонстративно, с объяснением своего воздержания. «Новые Силы» признали теперь, что идти на совещание с к.-д. была ошибка левых. Это ценное признание. Но «Новые Силы» жестоко заблуждаются, думая, что «эта была ошибка практического расчета, а не ошибка принципиальная». Такое мнение, как

мы показали, покоится на непонимании основ, принципов, тактики социалистического пролетариата в буржуазной революции.

Только с этой точки зрения можно найти правильный ответ на те частные вопросы, которые причиняют головную боль «Новым Силам».

Как «гарантировать, что и признанные «Новым Лучем» за союзников мелкие буржуа не отвернутся от левых и не перебегут в к.-д. лагерь»? Именно потому, что этого нельзя гарантировать, мы против всяких постоянных соглашений с трудóвиками. Наша линия «врозь итти, вместе бить» и черных и кадетов. Именно так мы поступили на выборах в Петербурге и будем поступать всегда.

От кадетов можно оттолкнуть часть мелких буржуа,—возражают «Новые Силы».—Можно, как мы и откололи часть кадетского «Товарища» на выборах в Петербурге. Чтобы достигнуть этого, нужно твердо итти своим, революционным, путем, не оглядываясь на то, что будет говорить кадетская Марья Алексеевна.

Работа законодательства «неизбежно должна быть отдана в руки к.-д.». Ничего подобного. Кадеты, как вожди либерального «центра» Думы, имеют перевес над черными без нашей поддержки. Поэтому мы должны выставлять свои, не либеральные и не мелко-буржуазные, а с.-д.-ие законопроекты, писанные не канцелярским, а революционным языком, и ставить их на голо-са. Пусть их провалят и черные, и к.-д. Тогда мы переходим к беспощадной критике кадетского проекта и к систематическому внесению поправок. Кончены поправки,—мы воздерживаемся при голосовании кадетского проекта в целом, предоставляя кадетам бить черных и не беря на себя ответственности перед народом за убожество и пошлость кадетского лжедемократизма.

*„Новый Луч“ № 6
от 25 февраля 1907 г.*

Близкий разгон Думы и вопросы тактики.

Газеты полны известиями, слухами, догадками о близком разгоне Думы.

Вероятно ли это? Если взглянуть на объективное положение вещей, то придется сделать вывод: более чем вероятно. Для правительства созыв Думы был вынужденной необходимостью. Надо было попытаться еще раз, при наивысших возможных репрессиях, созвать народное представительство ради соглашения

с буржуазией. Опыт явно не удался. Военно-полевые суды и все прочие прелести столыпинской конституции чрезвычайно помогли революционной агитации в незатронутых дотоле массах и дали из глубины мужицких масс левую Думу. Кадеты, эта партия центра в русской революции, ослаблены по сравнению с первой Думой. Кадеты поправились несомненно, но при такой Думе в такой момент правительство совершенно не в состоянии заключать с ними сделки. С октябристами кадеты могли бы слиться, и они неуклонно идут к этому: достаточно назвать г. Струве и г. Головина. Но в том-то и особенность данного положения, что нет кадетско-октябристского большинства в Думе. Весь «центр» безнадежно раздавлен обостренной борьбой крайних: монархистами справа и левой частью Думы. Эта часть достигает двух пятых. Ее роль в Думе громадна. Ее влияние в народных массах очень велико. Ее растущая связь с этими массами не может быть оборвана никакими полумерами. Разгон Думы диктуется для правительства необходимостью: не прибегая к насилию, оно не в состоянии выпутаться из создавшегося положения. «Законность» этого создавшегося положения только отягчает кризис, ибо его истинная сила в народных массах не может не быть больше, чем его «законное», т.-е. просеянное через десятки и сотни полицейских сил, выражение.

Разгон Думы более, чем вероятен: он неизбежен именно потому, что мы переживаем, по существу дела, вовсе не конституционный, а революционный кризис. И именно поэтому было бы самой вредной, смешной и жалкой политикой прятать себе голову под крыло, пытаться отговориться от неизбежных следствий данного политического положения, пытаться словами, фразами затушевать яркое, ослабить резкое, затемнить очевидное.

Политику этого рода ведут кадеты. Сегодня г. Изгоев пишет в «Речи»: «Сберечь Думу—почти не в нашей власти». Почти правильно. «Через 3—4 месяца, когда своей законодательной работой Дума приобрела бы авторитет в стране, положение могло бы стать иным». Это не только правильно, но очевидно. А очевидное видно и правительству.

Но г. Изгоев боится неподкрашенной правды и начинает метаться: «Но будут ли в ее распоряжении эти 3—4 месяца? Заколдованный круг, из которого нет выхода. Выход не в улице «организованной» или «неорганизованной», выход был бы в том случае, если бы у власти стояли люди, проникнутые истинным патриотизмом»...

Ну, конечно! Сами заколдовали себя словесными пустышками,

сами загноили себя в тупик слащавых фраз и теперь плачут, жалуются, тоскуют... Поистине, образец растерянного, слезоточивого и импотентного филистера!

Пусть не думает читатель, что такие речи Изгоева—случайные выходы случайного кадетского писателя. Нет. Это—резюме политики, намеченной официально партией к.-д., главенствующей партией, которая провела своего председателя. В той же «Речи» читаем: «После продолжительных дебатов в вечернем заседании парламентской фракции народной свободы, 25-го февраля, по вопросу об отношении к декларации правительства постановлено: отнестись к ней молчаливо, не выражая ни доверия, ни недоверия, и перейти к рассмотрению текущих вопросов. Если же правые партии с провокационной целью внесут формулу, выражающую доверие министерству, постановлено вотировать против нее. В случае же предложения крайних левых (с.-д.) выразить недоверие,—партия народной свободы решила внести свою формулу перехода к очередным делам. Впрочем, есть надежда, что относительно этого вопроса будет достигнуто предварительное соглашение всей оппозиции, к чему уже склоняются с.-р., н.-с. и трудовики». Добавим, что наша с.-д. думская фракция, по словам «Русской Жизни», решила «выступить вполне самостоятельной»,—решение, которое мы горячо приветствуем.

Но политика кадетов, это, право, нечто бесподобное. Сказать: «выражаю недоверие» неосторожно. Надо беречь Думу. Сказать: «не выражаю доверия», это можно.—Ну, разве же это не политические «человеки в футляре»? Разве это не филистеры, которые перед лицом неминуемо надвигающейся бури надвигают себе на глаза свой ночной колпак и твердят: мы осторожны... мы бережем... Вы бережете свой филистерский колпак, и ничего более, почтенные рыцари «народной свободы»!

И что может быть смешнее этого названия «провокацией» формулы правых о доверии министерству? Законнейшее право каждого члена Думы, естественнейший ответ народного представителя на вопрос министерства: моя программа такова, желает ли Дума работать со мной в этом духе? Только полнейшей растерянностью кадетов можно объяснить, что они написали эту бессмыслицу. Нет, господа, ночной колпак—не защита от контрреволюции. Право роспуска Думы есть архи-«законное» право на почве той конституции, которую жалкие либералы так глупо превозносили и так предательски убеждали народ взять в серьез. Нельзя увернуться от того, что министерство просит Ду-

муо ее желаний выполнять такую-то программу. А ответ: „не выражаю доверия“ будет все равно превосходным и совершенно достаточным „конституционным“ поводом для роспуска Думы: даже без помощи Ковалевских ¹¹¹⁾ можно найти десятки „конституционных прецедентов“ роспуска парламента за отказы правительству в гораздо менее важных вещах, чем... чем... чем военно-полевые суды и карательные экспедиции.

Какой же отсюда вывод? Вывод тот, что глупо играть в конституцию, когда ее нет. Глупо закрывать глаза на то и умалчивать о том, что сочтены дни даже теперешней русской „почти что конституции“, что неизбежна отмена избирательного закона и возврат к полному самодержавию.

Что же делать? Aussprechen was ist, сказать то, что есть. Правительство безусловно вынуждено распустить Думу. Ему выгодно, чтобы она разошлась молча, покорно проделывая конституционную комедию, не открывая глаза народу на неизбежность государственного переворота. И трусливые кадеты своей бесподобной, несравненной, „исторической“ формулой: „отнестись молчаливо“, вместо „выражаю недоверие“ сказать „не выражаю доверия“, — только помогают правительству совершить молчаливый государственный переворот.

Действительные сторонники свободы, действительные представители народа должны поступить иначе. Они должны понять, что продолжение существования Думы вовсе не зависит от вежливости, осторожности, бережливости, дипломатичности, тактичности, молчаливости и прочих молчалинских добродетелей. Они должны с думской трибуны, во всеуслышание, просто и прямо, сказать народу всю правду вплоть до того, почему неизбежен разгон Думы, государственный переворот и возврат к чистому самодержавию. Правительству нужно молчать об этом. Народу нужно знать это. Народные представители, — пока они еще народные представители! — должны сказать это с думской трибуны.

Положение вполне ясное. Другого выбора нет: или бесславное молчалинство, подставляющее покорно голову, или спокойное, но твердое заявление народу о том, что совершается первый акт государственного народного переворота черносотенцев.

Только народная борьба может помешать этому. И народ должен знать всю правду.

Будем надеяться, что социал-демократы в Думе скажут ее ему

*„Пролетарий“ № 14
от 4 марта 1907 г.*

*Написано
27 февраля 1907 года.*

Кадеты и трудовики.

Тов. Д. Кольцов повторяет в № 49 «Русской Жизни» обычное меньшевистское рассуждение в защиту политики поддержки кадетов. Но делает он это так прямолинейно и наивно, что положительно остается только поблагодарить его за доведение ошибочной теории до абсурда.

«С кем у с.-д. больше общих точек соприкосновения,—спрашивает он в статье: «Кадеты и буржуазная демократия»,—с городской или сельской демократией? От кого с.-д-тия может скорее ожидать поддержки в своей борьбе со всеми культурными, религиозными, национальными и т. п. предрассудками? Кто скорее будет поддерживать все меры, клонящиеся к свободному развитию производительных сил? Стоит поставить эти вопросы, кардинальные для с.-д-ческой политики, и ответ будет ясен сам собой. Все, что говорится в «Коммунистическом Манифесте» о революционной роли буржуазии, остается столь же верным в XX столетии, как оно было верно в XIX-м, столь же верным в России, как оно было верно в Англии... и т. д. Что касается сельской демократии, то, несмотря на свои революционные аллюры, она будет в очень многих случаях отстаивать старые изжитые формы производства и общественности... Когда большевики говорят о кадетях, они забывают о стоящей за ними городской демократии, и, наоборот,—все крестьянство у них олицетворяется в парламентской группе эс-эров и трудовиков. Это значит за деревьями не видеть леса, за парламентским представительством не видеть социальных интересов широких народных масс».

Мы от всей души приветствуем этот переход меньшевиков к выяснению принципиальных основ наших тактических разногласий. Давно пора.

Итак, кадеты—прогрессивная городская буржуазия, трудовики—отсталая сельская буржуазия. К этому сводится ваш «марксизм».

Но если так, почему вы не говорите открыто и прямо этого перед всей партией? Почему вы не заявляете в проекте резолюции для партийного съезда со всей определенностью, что во имя «Комм. Манифеста» Р. С.-Д. Р. П. обязана поддерживать кадетов против трудовиков.

Мы были бы очень рады такому заявлению с вашей стороны. Мы вас давно звали на это, еще перед Объединит. съездом,

когда мы в своем проекте резолюции об отношении к буржуазным партиям определили классовое содержание и к.-д. и эс-эров, приглашая вас дать свое определение.

Как вы ответили на наш вызов?

Вы уклонились от него. В вашем проекте резолюции к Объединительному съезду нет попытки выразить мысль, что к.-д. прогрессивная городская демократия, а трудовики (Крестьянский союз, с.-р. и т. п.)—отсталая сельская. В вашей резолюции Объединит. съезда об отношении к буржуазным партиям есть только курьезное, по своей растерянности, повторение Амстердамской резолюции ¹¹²⁾.

Теперь мы повторили свой вызов. Мы вновь выдвинули вопрос о марксистском определении классовой основы различных буржуазных партий в России. Мы напечатали соответственный проект резолюции.

И мы убеждены, что вы опять не примете вызова. Мы убеждены, что вы не решитесь в проекте официальной меньшевистской резолюции написать, что кадеты—прогрессивная городская буржуазия, что они—больше чем трудовики содействуют политике свободного развития производительных сил и т. д. и т. п.

Дело обстоит так.

Главным экономическим вопросом в современной буржуазной революции в России является вопрос о борьбе крестьянства за землю. Эта борьба necessarily вызывается отчаянным положением крестьянства, обилием остатков крепостничества в русской деревне и т. д. Эта борьба толкает крестьянскую массу и к решительной демократизации политических отношений (ибо без демократического устройства государства крестьяне не могут ослабить крепостников-помещиков) и к уничтожению помещичьего землевладения.

Вот почему с.-д. ставят в своей программе конфискацию помещичьих земель. Только крайние оппортунисты среди с.-д. не сочувствуют этой программе, защищают замену слова «конфискация» словом «отчуждение», но боятся открыто выступить с таким проектом.

Кадеты—партия либеральной буржуазии, либеральных помещиков, буржуазной интеллигенции. Если Д. Кольцов сомневается насчет помещичьей окраски кадетов, то мы укажем ему два факта: 1) состав кадетской фракции в I-й Думе. Справьтесь у Бородина, тов. Кольцов, и вы увидите, сколько там помещиков; 2) аграрный проект кадетов есть, по существу дела, план ка-

питалистического помещика. И выкуп земли, и превращение крестьянина в кнехта, и составление местных земельных комиссий из помещиков и крестьян поровну с председателями от правительства, все это яснее ясного показывает, что политика кадетов в аграрном вопросе есть политика сохранения помещичьего землевладения путем очистки его от некоторых крепостнических черт, путем разорения мужика выкупом и закабаления его чиновникам. А это сводит экономическое значение кадетской аграрной политики к замедлению развития производительных сил.

Наоборот, конфискация помещичьих земель и полная победа крестьянской демократии означает максимум возможной при капитализме быстроты развития производительных сил.

В проекте наших резолюций к V съезду прямо выражена эта оценка экономического значения кадетской политики. Еще раз: пожалуйста, выразите столь же прямо свою «марксистскую» теорию, тов. Д. Кольцов!

Сравнение аграрных проектов кадетов и трудовиков и их отношения к вопросам политической демократии (закон о собраниях в I Думе¹¹³), отношения к разным типам устройства местных с.-х. комитетов, программа партии к.-д. и трудовой группы в I-й Думе, и пр. и т. д.), все это показывает, что кадеты — партия либералов, стремящаяся и вынужденная стремиться прекратить революцию путем примирения свободы с старой властью (в ущерб свободе), помещика и крестьянина (в ущерб крестьянину). Трудовые же партии (н.-с., трудовики и с.-р.) это — городская и особенно сельская (т.-е. крестьянская) мелко-буржуазная демократия, вынужденная стремиться к дальнейшему развитию революции.

Победа революции в России возможна только в том случае, если пролетариат поведет за собой демократическое крестьянство и против старого порядка и против либералов.

Это положение, определяющее основы всей большевистской тактики, подкреплено замечательным образом всем опытом I Думы и последумского периода. Только сводя к этим основам наши споры, мы превращаем их из перебранки в разрешение коренных вопросов буржуазной революции в России.

Поэтому мы приветствуем откровенность и прямоту т. Кольцова, повторяя свой вызов: пусть меньшевики попытаются оформить, ясно и недвусмысленно выразить эти мысли о кадетях и трудовиках.

Выборы в Думу и задачи русской социал-демократии.

Исход выборов в Думу характерен для физиономии и силы различных классов.

Избирательное право в России—не прямое и не равное. Крестьяне выбирают, прежде всего, десятидворников; эти выбирают из своей среды крестьянских «уполномоченных»; уполномоченные—крестьянских выборщиков, и выборщики, в заключение, вместе с выборщиками от других сословий—депутатов в Думу. Соответствующий порядок выборов существует для землевладельческой, городской и рабочей курий, при чем число выборщиков, которые приходится на каждую в отдельности из этих курий, установлены законом в интересах и в пользу высших классов, помещиков и буржуазии. К тому же не только революционные, но и оппозиционные партии подвергаются варварским, незаконным полицейским репрессиям; затем,—полное отсутствие свободы печати и собраний, произвольные аресты и высылки, действующие в большей половине России военно-полевые суды и связанное с ними исключительное положение.

Как, однако, при таких обстоятельствах, стало возможным, что новая Дума вышла гораздо оппозиционной и революционной, чем первая?

Для ответа на этот вопрос нам нужно, прежде всего, рассмотреть данные относительно распределения выборщиков по отдельным партиям в связи с партийно-политическим составом второй Думы, по сведениям кадетского органа «Речи», которые охватывают приблизительно $\frac{9}{10}$ всех выборщиков Европейской России (за исключением Польши, Кавказа, Сибири и т. д.). Мы берем пять главных политических групп, так как не хватает более детальных сведений о политической окраске выборщиков. Первую группу составляют правые. Сюда принадлежат так наз. «черносотенцы» (монархисты, союз русского народа и т. д.), которые стоят за возвращение к полному самодержавию в его чистой форме, призывают к безудержному военному террору против революционеров и к убийству наподобие члена Думы Герценштейна, инсценируют «погромы» и т. д. Сюда дальше принадлежат так называемые «октябристы» (так называется в России партия крупных промышленников), которые тотчас после царского манифеста 17 октября 1905 года примкнули к контр-революции и сейчас вся-

чески поддерживают правительство. При выборах эта партия нередко заключала блоки с монархистами.

Вторую группу составляют «беспартийные». Мы увидим в дальнейшем, что много выборщиков и депутатов, особенно из крестьянства, прикрылись этим именем, чтобы избежать репрессий за свои революционные убеждения.

Третью группу образуют либералы. Во главе либеральных партий стоит конституционно-демократическая (так называемая «кадетская» партия) или партия «народной свободы». Это—партия центра в русской революции; она стоит между помещиками и крестьянами. Буржуазия пытается примирить оба класса. Оценка партии либеральной буржуазии—кадетов—представляет важнейший пункт разногласий между двумя направлениями внутри русской социал-демократии.

В Думе стоят на стороне русских либералов не из политических убеждений, но по соображениям оппортунизма также польские «черносотенцы»—партия «народовых демократов», которые в Польше всеми средствами, до доносов и убийств включительно, ведут борьбу против революционного пролетариата.

Четвертую группу составляют «прогрессисты». Это не название партии, но так же, как и «беспартийные», ничего не говорящее условное обозначение, цель которого в первую очередь служить прикрытием против полицейских преследований.

Наконец, пятую группу образуют левые. Сюда принадлежат партии социал-демократов и соц.-революционеров, народных социалистов (которые соответствуют приблизительно французским радикалам-социалистам) и так наз. «*трудоуики*»—совсем еще бесформенная организация крестьянской демократии *).

Трудоуики, народные социалисты и соц.-революционеры по своему классовому характеру мелко-буржуазные и крестьянские демократы. Иногда выборщики отдельных революционных групп старались прикрыться во время избирательной кампании общим именем «левые», чтобы надежнее избежать полицейских преследований.

Цифры «Речи» сейчас покажут правильность наших выводов о социальном составе партий.

*) В немецкой прессе эта партия часто называется „рабочей группой“, что, по-видимому, указывает на родство с рабочим классом. По существу, в России такое родство—чисто словесное. Поэтому лучше оставить слово „трудоуики“ без перевода, охватывая при помощи его мелко-буржуазную, именно деревенскую демократию.

І. Число выборщиков.

П А Р Т И И .	51 губерния Европейской России.								Большие города.	
	Землевладельч.		Городская.		Крестьянская.		Рабочая.		ИТОГО.	
	Выборщ.	%	Выборщ.	%	Выборщ.	%	Выборщ.	%	Выборщ.	%
Правые	1.224	70,9	182	13,9	761	33,8	—	—	2.170	40,0
Беспартийные	81	4,7	27	2,1	248	11,0	2	1,4	358	6,6
Либералы	154	8,9	504	38,7	103	4,6	—	—	761	14,0
Прогрессисты	185	10,7	280	21,5	561	24,9	3	2,1	1.029	18,9
Левые	82	4,8	311	23,8	52	25,7	110	96,5	1.115	20,5
ИТОГО	1.726	100,0	1.304	100,0	2.258	100,0	145	100,0	5.433	100,0
									1.668	100,0

И. Число думских депутатов.

П А Р Т И И.	51 - уюерня Европейской Россн.						Польша.		Кавказ.		Сибирь и восточные губернн.		По всей Российской импернн.	
	От губерний		От крестьян- ской курии.		От крупных городов.									
	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%
	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%	Депутат.	%
Правые	85	25,7	4	7,5	5	18,5	1	2,7	2	7,1	—	—	97	19,8
Беспартнйные	18	5,4	3	5,7	—	—	—	—	—	—	1	7,1	22	4,5
Либералы	82	24,8	10	18,9	17	63,0	32	86,5	9	32,2	6	42,9	156	31,8
Прогресснсты	20	6,0	10	18,9	—	—	3	8,1	2	7,1	—	—	3	7,1
Левые	126	38,1	26	49,0	5	18,5	1	2,7	15	53,6	7	50,0	180	36,8
ИТОГО	331	100,0	53	100,0	27	100,0	37	100,0	28	100,0	14	100,0	490	100,0

Как видно из приведенных таблиц, большие города составляют особую группу, а именно: Петербург выбирает 6 депутатов, Москва—4, Варшава и Ташкент—по 2, остальные города—по 1, всего 19 городов—27 депутатов. Остальные члены Думы выбираются в избирательных собраниях отдельных губерний сообща всеми четырьмя куриями; но, сверх того, в каждой губернии выборщики от крестьян выбирают 1 депутата от крестьянской курии. Таким образом получается три группы депутатов: от губернских избирательных собраний, крестьянской курии и от больших городов.

Какая-нибудь дюжина выборщиков прогрессивного или левого блока могла лишь на почве счета быть поделена между отдельными партийными группами; вся сумма цифр, очевидно, дает вполне надежный материал для понимания классового строения различных русских партий.

Рабочая курия избирает в провинции и, прежде всего, конечно, в больших городах почти без исключения «левых», именно 96,5%.

Из 140 левых выборщиков рабочей курии—84 социал-демократа, 52 левых без точного обозначения (по большей части тоже социал-демократы) и 4 соц.-революционера. Таким образом русская социал-демократия, несмотря на лживые утверждения либералов, которые желали бы наложить на нее штамп революционно-интеллигентской партии,—настоящая рабочая партия. В Петербурге—городе и губернии—из 24 выборщиков рабочей курии выбрано 20 социал-демократов и 4 соц.-революционера; в Москве—городе и губернии—только соц.-демократы, именно 35 и т. д.

В крестьянской курии сразу выступает удивительная несоразмерность: среди крестьян-выборщиков 33,8% принадлежат к правым, тогда как среди думских депутатов, которые избраны теми же выборщиками крестьянской курии, только 7,5% правых. Ясно, что выборщики от крестьян только называли себя правыми, чтобы избежать правительственных репрессий. Русская пресса констатировала это явление более чем в 100 случаях, и выборная статистика еще более окончательно удостоверяет это.

Относительно крестьянской курии нельзя судить о выборщиках, но исключительно только о том, к какой партии причисляют себя их депутаты. Мы видим, что крестьянская курия в дальнейшем образует стоящую налево группу поблизости к рабочей курии. Крестьяне выбрали 7,5% правых и 67,95% левее либералов! Крестьянин в России большей частью мыслится, как революционер,—это урок выборов во вторую Думу. Это—факт большой важности, потому что он доказывает, что революция в России далеко еще не достигла своего конца. Пока не удовлетворены требо-

вания крестьян, пока он по крайней мере не успокоился, революция должна продолжаться. Но, конечно, революционный голос крестьян не имеет ничего общего с социал-демократией: крестьянин — буржуазно-демократический революционер и совсем не социалист. Он борется не за передачу всех средств производства в руки общества, но за отчуждение крестьянством земли у помещиков.

Типичное партийно-политическое выражение находит буржуазно-демократическое революционное сознание крестьянства в партиях «трудовиков», с.-р-ов и народн. социалистов. Из 53 думских депутатов от крестьянской курии 24 принадлежат к этим крестьянским демократам (10 левых, 10 трудовиков, 4 с.-р.), и в дальнейшем весьма вероятно, что из 10 «прогрессистов» и 3 «беспартийных», которые избраны от крестьян, большинство принадлежит к трудовикам. Мы говорим: вероятно, потому что после первой Думы трудовиков безжалостно преследовали, и крестьяне достаточно предупреждены не называть себя «трудовиками», хотя по существу дела они согласны в Думе с «трудовиками». Так, например, важнейшим законодательным проектом «трудовиков» в 1-й Думе был аграрный, известный под именем «проекта 104» (существенное содержание этого проекта заключается в немедленной национализации земли у помещиков и в будущем — крестьянских наделов, а также в уравнительном землепользовании). Этот проект — самый значительный показатель политического мышления крестьянской массы в важнейших вопросах крестьянской жизни. Этот проект был подписан только 70 «трудовиками» и 25 крестьянами, которые называли себя беспартийными или не дали вообще никакого ответа на вопрос об их партийной принадлежности!

Таким образом «трудовая» группа в России — несомненно партия сельской крестьянской демократии. Это — революционная партия, но не социалистическая, а буржуазно-демократическая.

В городской курии можно проводить различие между большими и малыми городами. В малых городах политические противоречия между отдельными классами не так сильно выражены, нет больших масс пролетариата (которые образуют особую рабочую курию), здесь правые слабее. В больших городах беспартийных выборов совершенно нет, здесь число лишенных окраски «прогрессистов» совершенно ничтожно; за то здесь правые сильнее, а левые слабее. Причина — простая: пролетариат крупных городов образует особую рабочую курию, которая не внесена в нашу таблицу выборщиков *). Мелкая буржуазия здесь гораздо малочисленнее,

*) Для этого нет точных указаний. Поэтому цифры выборщиков от рабочей курии вычеркнуты из таблицы. Мы имеем точные сведения только о 37 рабочих

чем в небольших городах. Преобладает крупная индустрия: она представлена частью правыми, частью либералами.

Данные о составе выборщиков с очевидностью указывают, что основу либеральных партий (главным образом, следовательно, «кадетов») составляют городская и, прежде всего, крупная промышленная буржуазия. Уклон вправо этой буржуазии, которая чувствует испуг перед самостоятельностью и силой пролетариата, с очевидностью ясен, если сравнить крупные и мелкие города. В последних городская (т.-е. буржуазная) курия гораздо сильнее пропитана левыми элементами.

С этим вопросом стоят в тесной связи главные споры русских социал-демократов. Одно крыло (так называемые «меньшевики») считают кадетов и либералов за прогрессивную городскую буржуазию в противоположность реакционной деревенской мелкой буржуазии («трудовики»). Отсюда, буржуазия признается за движущую силу революции, и провозглашается политика поддержки кадетов. Другое крыло (так наз. «большевики») считает либералов за представителей крупной индустрии, которые из страха перед пролетариатом стремятся к возможно скорому окончанию революции, идут на компромиссы с реакцией.

«Трудовиков» это крыло считает за революционную мелкобуржуазную демократию и держится мнения, что они склонны занять радикальную позицию в важнейшем для крестьянства земельном вопросе, — конфискации крупного землевладения. Отсюда вытекает тактика «большевиков»: они не признают поддержки предательской либеральной буржуазии, т.-е. «кадетов», и стараются отвлечь демократическую мелкую буржуазию от влияния либералов; они хотят оторвать крестьянского и городского мелкого буржуа от либералов и вести за пролетариатом, как авангардом в революционной борьбе. Русская революция по своему социально-экономическому содержанию — буржуазная революция, но ее движущая сила, однако, не либеральная буржуазия, а пролетариат и демократическое крестьянство. Победа революции возможна лишь посредством революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Если мы желаем ориентироваться относительно прочности союза между либералами и мелкой городской буржуазией, то нам

выборщиках. Эти принадлежат без исключения к левым. Общее число всех выборщиков-рабочих в Европейской России составляет по закону 208. Из них мы имеем точные данные относительно 145, что вместе с только что упомянутыми 37 выборщиками от рабочей курии крупных городов, составляет 182, т.-е. $\frac{9}{10}$ общего числа выборщиков-рабочих.

особенно интересна статистика числа голосов, поданных в крупных городах за партийные блоки. По данным статистика Смирнова в 22 больших городах на монархистов падает 17.000 голосов, на октябристов—34.500, на кадетов—74.000 и на левый блок—41.000 *).

Во время выборов во II Думу разгорелась ожесточенная борьба между обоими крыльями соц.-демократии, меньшевиками и большевиками, по вопросу, заключать ли блок с кадетами, или против кадетов с «трудовиками». В Москве сторонники большевиков—сильнее. Там образовался «левый блок», и меньшевики вошли в его состав. В Петербурге меньшевики также были слабее, и здесь также во время выборов образовался «левый блок», но меньшевики не примкнули к нему и вышли из организации. Возник раскол, который продолжается еще сегодня. Меньшевики ссылались на опасность, которая грозит от «черносотенцев», т.е. они опасались победы на выборах «черных» против расколовшихся голосов левых и либералов. Большевики объясняли эту опасность выдумкой либералов, у которых была лишь цель увлечь мелко-буржуазную и пролетарскую демократию под крыло буржуазного либерализма. Цифры показывают, что сумма голосов левых и кадетов более чем вдвое превышала соединенные голоса октябристов и монархистов **). Раскол голосов оппозиции не мог, следовательно, помочь победе правых.

Эти цифры, которые охватывают более чем 200.000 городских избирателей, а также и данные относительно общего состава II-й Думы, доказывают, что действительный политический смысл блоков соц.-демократов и кадетов лежит вовсе не в устранении «черной» опасности (это мнение, если оно еще заслуживает внимания, вообще ложно), но в уничтожении самостоятельной политики рабочего класса и в его подчинении гегемонии либералов.

Корень спора между обоими крыльями русской социал-демократии лежит в решении, признавать ли гегемонию либералов, или стремиться к гегемонии рабочего класса в буржуазной революции.

*) Под „левым блоком“ разумеется избирательный блок социал-демократов с мелко-буржуазными партиями (в первую голову „трудовиками“, понимая это слово в самом широком смысле и считая левым крылом этой группы соц.-революционеров). Этот блок был направлен и против правых и против либералов.

**) По расчетам того же г. Смирнова, в 16 городах, где явилось на выборы 72.000 избирателей и боролись не 4, а 2 (или 3) списка, оппозиция получила 58,7% и правые 21%. Здесь также первое число больше чем вдвое превышает второе. Здесь также опасность от „черносотенцев“ была обманчивым пугалом со стороны либералов, которые много говорили об опасности справа, хотя в действительности боялись „левой опасности“ (выражение, которое мы заимствуем из кадетского органа „Речь“).

То обстоятельство, что левые при первом соглашении социал-демократов и «трудовиков» против кадетов в 22 городах при неслыханных трудностях, какие встречала агитация, завоевали 41.000 голосов, т.-е. превзошли октябристов и получили более половины голосов либералов, служит для большевиков доказательством, что демократическая мелкая буржуазия в городах идет за кадетами больше в силу привычки и ухищрений либералов, чем из-за вражды этих слоев к революции.

Переходим теперь к последней курии, к землевладельческой. Здесь ясно находим сильное преобладание правых: 70,9% выборщиков—правые. Отвращение крупного землевладельца к революции и его уклон в сторону контр-революции под впечатлением борьбы крестьян за землю—неизбежная необходимость.

Если мы теперь сравним состав избирательных групп на губернских избирательных собраниях и состав Думы со стороны политической окраски депутатов, избранных на этих собраниях, то заметим, что «прогрессист» большею частью только имя, за которым скрываются левые. Среди выборщиков 20,5% левых и 18,9% «прогрессистов». Из депутатов 38% принадлежат к левым! Правые имеют только 25,7% депутатов и, однако, насчитывали 40% выборщиков; но если мы откинем от последних—выборщиков от крестьян (мы уверены, что только агенты русского правительства, которые фальсифицировали известия о выборах, могли счесть их за правых), то получим 2170—764=1406 примыкающих к правым выборщиков, т.-е. 25,8%. Оба результата совершенно согласны между собой. Либеральные выборщики, очевидно, прячутся частью за именами «беспартийных», частью—«прогрессистов», а крестьяне даже за «правыми».

Сравнение с инородческими частями России, Польшей и Кавказом, дает новое доказательство, что настоящей движущей силой буржуазной революции в России не является буржуазия. В Польше совсем нет революционного крестьянского движения, никакой городской буржуазной оппозиции, почти нет либералов. Против революционного пролетариата стоит реакционный блок из крупной и мелкой буржуазии. Там победили поэтому «народовые демократы». На Кавказе революционное крестьянское движение очень сильно, сила либералов там почти одинакова с русскими, но левые здесь—самая сильная партия, % левых в Думе (53,6%) примерно одинаков с % депутатов, вышедших из крестьянской курии (49%). Только рабочие и революционно-демократическое крестьянство могли бы завершить буржуазную революцию. В прогрессирующей, высоко капиталистически развитой

Польше не существует аграрного вопроса в русском смысле, совсем не существует революционной борьбы крестьянства за конфискацию земель у помещиков. Поэтому в Польше революция вне пролетариата не имеет никакой прочной точки опоры. Классовые противоречия приближаются там к западно-европейскому типу. Обратное явление встречаем мы на Кавказе.

Заметим еще здесь, что 180 левых, по подсчету «Речи», распределяются между отдельными партиями в следующем порядке: 68 левых, 9 народн. соц. (правое крыло «трудовиков»), 28—соц.-революционеров и 46—социал-демократов... В сущности последних насчитывают теперь уже 65. Либералы вынуждены уменьшать число социал-демократов.

По классовому строению можно эти группы свести к двум рядам: на демократическую мелкую буржуазию, на городскую и особенно сельскую,—падает 134 депутата, на пролетариат—46 депутатов.

Мы видим в общем, что в России классовое расслоение разных партий выступает с необычайной ясностью. Крупные землевладельцы принадлежат к «черносотенцам», монархистам и октябристам. Крупные промышленники представлены октябристами и либералами. По приемам хозяйничанья помещики в России делятся на таких, которые ведут хозяйство полуфеодальными способами, ведут работу при помощи скота и инвентаря крестьян (крестьянин здесь закабален помещику), и на таких, которые уже ввели современные капиталистические формы хозяйствования. Среди последних—не мало либералов.

Городская мелкая буржуазия представлена «либералами» и «трудовиками», деревенская мелкая буржуазия—«трудовиками» и особенно их левым крылом,—соц.-революционерами. Пролетариат имеет своих представителей в социал-демократии. При очевидной отсталости капиталистического развития России, это выпуклое выступление партийных группировок согласно с классовым строением общества, объясняется только бурным революционным настроением эпохи, когда партии образуются гораздо быстрее и когда классовое самосознание растет и отчеканивается бесконечно быстрее, чем в эпохи застоя или так называемого мирного прогресса.

*Напечатано в органе
немецкой социал-демократии: „Die Neue Zeit“
(„Новое Время“) № 26 от 27 марта 1907 г.
за по письму: „N. Linitsch“.*

Платформа революционной социал-демократии.

II.

Прошло восемь дней со времени опубликования первой нашей статьи на эту тему*)—и политическая жизнь принесла уже целый ряд крупных событий, подтвердивших сказанное нами тогда и проливших яркий свет «совершившегося (или совершающегося?) факта» на затронутые тогда больные вопросы.

Поворот кадетов вправо запечатлел уже себя в Думе. Поддержка Родичевыми Столыпина проповедью умеренности, осторожности, легальности, успокоения, невозбуждения парода, — и поддержка, знаменитая «всемерная» поддержка Столыпиным Родичева стали фактом ¹¹⁴).

Этот факт блестяще подтвердил правильность нашего анализа современного политического положения анализа, сделанного до открытия второй Думы, в проектах резолюций, составленных 15—18 февраля**). Мы отказались следовать предложению Ц. К. и обсуждать «ближайшие политические задачи», мы указали на полную несостоятельность подобного предложения в революционную эпоху, мы заменили этот вопрос о политике минуты вопросом об основах социалистической политики в буржуазной революции.

И неделя революционного развития всецело оправдала наше предвидение.

Мы разобрали прошлый раз мотивированную часть нашего проекта резолюции. Центральным пунктом этой части было констатирование того, что ослабленная партия «центра», т.-е. либерально-буржуазная партия к.-д., стремится прекратить революцию посредством уступок, приемлемых для черносотенных помещиков и для самодержавия.

Еще вчера, можно сказать, Плеханов и его единомышленники из правого крыла Р. С.-Д. Р. П. объявляли эту идею большевизма, упорно отстаиваемую нами в течение всего 1906-го года (и даже раньше, с 1905 года, со времени выхода брошюры «Две тактики»), — объявляли ее полу-фантастической догадкой, порожденной бунтарским взглядом на роль буржуазии или по меньшей мере несвоевременным предупреждением и т. д.

*) См. выше 222—226 стр. этого тома. Ред.

**) См. выше 208—215 стр. этого тома. Ред.

Сегодня все видят, что мы были правы. «Стремление» кадетов начинает осуществляться, и даже такая газета, как «Товарищ», едва ли не больше всех ненавидевшая большевизм за беспощадное разоблачение кадетов, говорит по поводу опровергаемых «Речью» слухов *) о переговорах к.-д. с черносотенным правительством: «дыму без огня не бывает».

Нам остается только приветствовать это возобновление «большевистской недели» в «Товарище». Нам остается только отметить, что история подтвердила все наши предостережения и лозунги, история разоблачила все легкомыслие (в лучшем случае легкомыслие) тех «демократов» и некоторых даже, к сожалению, социал-демократов, которые отмахивались от нашей критики кадетов.

Кто говорил в эпоху первой Думы, что кадеты торгуются за спиной с правительством? Большевики ¹¹⁶⁾. И потом оказалось, что такое лицо, как Трепов, было за кадетское министерство.

Кто всех энергичнее вел кампанию разоблачений по поводу Милюковского визита к Столыпину 15-го января в разгар выборной борьбы (якобы - борьбы) партии, якобы народной свободы с правительством? Большевики ¹¹⁷⁾.

Кто напомнил на предвыборных собраниях в Петербурге и в первые дни второй Думы (смотри газету «Новый Луч»), что заем 1906 года в два миллиарда франков фактически дан Дубасовым ¹¹⁸⁾ и К^о при косвенной помощи к.-д., которые отклонили формальное предложение Клемансо ¹¹⁹⁾ восстать открыто, от имени партии, против этого займа? Большевики.

Кто накануне второй Думы во главу угла политики последовательного (т.-е. пролетарского) демократизма поставил разоблачение «предательского характера политики к.-д.»? Большевики.

Самый легкий ветерок сдул, как пушинку, все толки о поддержке требования думского министерства или ответственного министерства, или требования подчинить исполнительную власть

*) Эти строки были уже написаны, когда мы прочли в передовой статье „Речи“ от 13 марта: „Когда будут опубликованы точные данные о пресловутых переговорах кадетов с правительством в июне прошлого года, страна узнает, что если в чем-нибудь можно упрекать кадетов за эти переговоры „за спиной народа“, то разве в той самой неусупчивости, о которой говорит „Россия“. Да, вот именно „когда будут опубликованы!“. А пока кадеты, не смотря на вызовы, не публикуют „точных данных“ ни о переговорах в июне 1906 г. ¹¹⁵⁾, ни о переговорах в январе 1907 г. (15 янв.—визит Милюкова к Столыпину), ни о переговорах в марте 1907 г. И факт переговоров за спиной народа остается фактом.

законодательной и т. п. Плехановские мечты сделать из этого лозунга сигнал к решительному бою или средство просвещения масс оказались мечтами добродушного филистера. Наверное, никто уже и не решится теперь серьезно поддерживать такие лозунги. Жизнь показала — или, вернее, стала показывать, — что на деле здесь идет речь вовсе не о «принципе» более полного и более последовательного проведения «конституционного начала», а именно о сделке кадетов с реакцией. Жизнь показала, что правы были те, кто за либеральной внешностью якобы прогрессивного общего принципа усматривал и показывал узкоклассовые интересы запуганного либерала, называющего хорошими словами гадкие и грязные вещи.

Правильность выводов первой нашей резолюции подтверждена, таким образом, гораздо скорее, чем мы могли ожидать, и гораздо лучше: не логикой, а историей; не словами, а делами; не постановлениями эс-деков, а событиями революции.

Вывод первый: «развивающийся на наших глазах политический кризис представляет из себя не конституционный, а революционный кризис, который ведет к непосредственной борьбе масс пролетариата и крестьянства против самодержавия».

Второй, непосредственно вытекающий из первого: «предстоящую думскую кампанию следует поэтому рассматривать и использовать лишь как один из эпизодов революционной борьбы народа за власть».

В чем сущность разницы между конституционным и революционным кризисом? В том, что первый может быть разрешен на почве данных основных законов и порядков государства, второй же требует ломки этих законов и крепостнических порядков. До сих пор мысль, выраженную в наших выводах, разделяла вся российская социал-демократия без различия фракций.

Только в самое последнее время среди меньшевиков усилилось течение, которое склоняется к прямо противоположному взгляду, к тому, чтобы отбросить помыслы о революционной борьбе, оставаясь при данной «конституции» и действуя на ее почве. Вот знаменательные пункты проекта резолюции об отношении к Гос. Думе, составленного «т. т. Даном, Кольцовым, Мартыновым, Мартовым, Негоревым и др. при участии группы практиков» и напечатанного в № 47 «Русской Жизни» *) (есть также издание в виде отдельного листа):

«...2) воздвигающаяся на центральное место в русской ре-

*) 24 февраля 1907 г.

волюции задача непосредственной борьбы за власть сводится (?) при настоящем соотношении общественных сил (?), главным образом, к вопросу (?) о борьбе за (?) народное представительство;

«...3) выборы во вторую Думу, давшие значительное количество последовательных (?) сторонников революции, показали, что в народных массах назревает сознание необходимости этой (?) борьбы за власть»...

Как ни путано, как ни сбивчиво изложение этих пунктов, но тенденция проглядывает ясно: вместо революционной борьбы пролетариата и крестьянства за власть—свести задачи рабочей партии к либеральной борьбе за данное народное представительство или на его почве. Остается выждать, все ли действительно меньшевики признают в настоящее время, или на пятом съезде партии, такую постановку вопроса.

Во всяком случае поворот кадетов вправо и «всемерное» одобрение их Столыпиным скоро заставит правое крыло нашей партии поставить вопрос ребром: или продолжать политику поддержки кадетов и встать таким образом окончательно на дорожку оппортунизма, или совершенно порвать поддержку кадетов и принять политику социалистической самостоятельности пролетариата и борьбы за освобождение демократической мелкой буржуазии из-под влияния и гегемонии кадетов.

Третий вывод нашей резолюции гласит: «Социал-демократия, как партия передового класса, ни в коем случае не может поддерживать в настоящее время кадетской политики вообще и кадетского министерства в частности. Социал-демократия должна приложить все усилия, чтобы вскрыть перед массами предательский характер этой политики; разъяснить им стоящие перед ними революционные задачи; доказать им, что только при высокой сознательности и крепкой организованности масс возможные уступки самодержавия в состоянии превратиться из орудия обмана и развращения в орудие дальнейшего развития революции».

Мы не отрицаем вообще возможности частичных уступок и не зарекаемся от использования их. Текст резолюции не оставляет на этот счет никаких сомнений. Возможно также, что и кадетское министерство будет подходить в том или ином отношении под категорию «уступок самодержавия». Но партия рабочего класса, не отказываясь принимать «уплату по частям» (выражение Энгельса), ни в каком случае не должна забывать другой, особенно важной и особенно часто упускаемой из виду либералами и оппортунистами стороны дела, именно: роли «уступок», как орудия обмана и развращения.

Социал-демократ, если он не хочет превратиться в буржуазного реформиста, не может забывать этой стороны. Меньшевики непростительно забывают ее, говоря в вышеуказанной резолюции: «...социал-демократия будет поддерживать все усилия Думы подчинить себе исполнительную власть»... Усилия Гос. Думы, это значит усилия большинства Думы. Большинство Думы, как показал уже опыт, может складываться из правых и к.-д. против левых. «Усилия» подобного большинства могут подчинять себе «исполнительную власть» так, чтобы ухудшать положение народа или явно обманывать его.

Будем надеяться, что меньшевики просто увлеклись здесь: всех усилий большинства теперешней Думы в указанном направлении они поддерживать не будут. Но характерно, конечно, что могли принять такую формулировку выдающиеся вожди меньшевизма.

Поворот кадетов вправо заставляет фактически всех с.-д., без различия фракций, принять политику отказа от поддержки кадетов, политику разоблачения их предательства, политику самостоятельной и последовательно революционной партии рабочего класса.

*„Пролетарий“. № 15
от 25 марта 1907 г.*

*Петербург,
12 марта 1907 года.*

Март.

Как не следует писать резолюций.

Нельзя не поблагодарить т.т. меньшевиков за опубликование в № 47 «Русской Жизни» (24 февраля) первого проекта резолюции, (выработанного т.т. Даном, Кольцовым, Мартыновым, Мартовым, Негоревым и др. при участии группы «практиков»). (Есть также издание отдельным листком.) Чтобы серьезно готовиться к партийному съезду, необходимо заранее печатать проекты резолюций и обстоятельно разбирать их.

Посвящена резолюция отношению к Г. Думе.

Пункт 1-й:

В настоящее время, после семимесячного господства самой необузданной диктатуры, не встречавшей организованного противодействия терроризованных народных масс, деятельность Гос. Думы, пробуждая внимание этих масс к политической жизни страны, может и должна способствовать их мобилизации и развитию их политической активности.

Что хотели этим сказать? Что Дума лучше бездумья? Или это подход к тому, что нужно «беречь Думу»? Видимо, мысль авторов именно такова. Но она не выражена. На нее есть только намеки. Резолюцию нельзя писать намеками.

Пункт 2-й:

Воздвигающаяся (вероятно, опечатка вместо: выдвигающаяся) на центральное место в русской революции задача непосредственной борьбы за власть сводится при настоящем соотношении общественных сил, главным образом, к вопросу о борьбе за народное представительство.

Этот пункт не даром удостоился похвал «Речи» (передовая

от 27 февраля: «для российской социал-демократии это огромный шаг вперед»... «успех политического сознания»). Это, действительно, прямо чудовищный пункт.

Как это задача борьбы за власть может сводиться к вопросу «о борьбе за представительство»?! Что значит «борьба за народное представительство»? Какое это «настоящее соотношение общественных сил»? В предыдущем пункте говорилось только, что «семимесячное господство самой необузданной диктатуры не встречало организованного противодействия терроризованных народных масс». Неужели отсутствие организованного ютпора масс в течение 7 месяцев при явном и громадном полевении масс, сказавшемся в конце этих семи месяцев на выборах, говорит что-либо о «соотношении общественных сил»??

Это—какая-то почти невероятная неясность политической мысли.

Соотношение общественных сил явно изменилось за последние полгода в том смысле, что ослаблен «центр», либералы; окрепли и усилились крайности: черносотенники и «левые». Выборы во вторую Думу неопровержимо доказали это. Значит, соотношение общественных сил вследствие обострения политических противоречий (и экономических тоже: люкауты, голодовка и т. д.) стало более революционным. Каким чудом могли наши меньшевики притти к обратному выводу, заставившему их ослаблять революционные задачи («борьба за власть»), принимая их до каких-то либеральных задач («борьба за народное представительство»)?

«Необузданная диктатура» и левая Дума,—ясно, что отсюда вытекает обратный вывод: либеральная задача бороться на почве народного представительства или за сохранение его есть мещанская утопия, ибо в силу объективных условий такая задача не выполнима без «непосредственной борьбы за власть».

Меньшевистская политическая мысль двигается вперед подобно раку.

Вывод из второго пункта: меньшевики сбились с позиции революционных с.-д. на позицию либералов. Заключительная «туманность» второго пункта («борьба за народное представительство») на деле выражает идею либеральной буржуазии, которая сваливает свою «терроризованность» революцией на «терроризованность народных масс» и под этим предлогом спешит отказаться от борьбы революционной («непосредственная борьба за власть») в пользу борьбы якобы легальной («борьба за народное представительство»). Столыпин скоро научит, должно быть, меньшеви-

ков тому, что такое «при настоящем соотношении общественных сил» «борьба за народное представительство»!

Пункт 3-й:

Выборы во II-ю Думу, давшие значительное количество последовательных сторонников революции, показали, что в народных массах назревает сознание необходимости этой борьбы за власть.

Что это? Как это? Во 2-м пункте из настоящего соотношения общественных сил выводилась замена борьбы за власть борьбой за представительство, а теперь из итогов выборов выводится назревание в массах сознания необходимости «этой» борьбы за власть!

Путаница это, товарищи! Надо бы переделать примерно так: Пункт второй: «Выборы во вторую Думу показали, что в народных массах назревает сознание необходимости непосредственной борьбы за власть». Пункт третий: «Поэтому стремление либеральной буржуазии ограничить свою политическую деятельность борьбой на почве данного народного представительства выражает с идейной стороны безнадежное тупоумие наших либералов, а с материальной стороны их (неосуществимое в данный момент) стремление прекратить революцию путем сделки с реакцией». Если бы вдобавок к этому наши марксисты в 1-м пункте постарались определить, какие экономические причины вызвали обострение политических крайностей в народе, то тогда могло бы получиться нечто связное.

Затем, что это такое «последовательные сторонники революции»? Очевидно, тут имеется в виду мелко-буржуазная демократия, главным образом, крестьянская, т.-е. трудовики (в широком смысле, включая и н.-с. и с.-р.), ибо отличие второй Думы от первой именно таково. Но, во-первых, это опять намек, а резолюции не пишутся намеками. А во-вторых, это же неверно, товарищи! За наименование трудовиков «последовательными сторонниками революции» мы вас формально должны обвинить в эс-э-р-ст-вующей ереси. Последовательным (в строгом смысле слова) сторонником буржуазной революции может быть только пролетариат, ибо у класса мелких производителей, мелких хозяев, неизбежны колебания между стремлениями хозяйскими и стремлениями революционными,—например, у с.-р. на выборах в Петербурге между стремлением продаться кадетам и стремлением идти в бой против кадетов.

Поэтому вы согласитесь, вероятно, с нами, товарищи, что надо выразиться осторожнее,—примерно в том духе, как составлена большевистская резолюция (см. «Н. Луч» от 27 февраля):

„...Трудовые партии... более или менее близко выражают интересы и точку зрения широких масс крестьянства и городской мелкой буржуазии, колеблясь между подчинением гегемонии либералов“ (выборы в Петербурге, выбор кадета в председатели Думы) „и решительной борьбой против помещичьего землевладения и крепостнического государства“...

Кстати, нельзя не отметить, что в этой резолюции т. Кольцов (вместе с другими меньшевиками) относит трудовиков к последовательным сторонникам революции, а в № 49 «Русской Жизни» тот же Кольцов относит трудовиков к сельской демократии, которая в отличие от городской (т.-е. от кадетов) «будет в очень многих случаях отстаивать старые изжитые формы производства и общественной». Некругло, ведь, это выходит, товарищи!

Пункт 4-й:

Наличность в составе Думы таких последовательных сторонников революции, поднимая и укрепляя доверие народных масс к этому учреждению, облегчает ему возможность стать действительным центром общенародной борьбы за свободу и власть.

Вывод «симпатичный», что и говорить. Но логика опять хромает. Этим пунктом меньшевики заканчивают всю мотивировочную часть резолюции. Больше по этому вопросу они вообще не говорят в резолюции ни слова. И вывод получается хромой.

Если «последовательные сторонники революции» составляют в Думе не большинство, а только «значительное количество» (как говорит—и совершенно правильно говорит—пункт 3-й), то ясно, что есть еще и противники революции и непоследовательные сторонники революции. Значит, есть «возможность», что Дума в целом «станет действительным центром» непоследовательной демократической политики, а вовсе не «общенародной борьбой за свободу и власть».

В этом случае получилось бы одно из двух: (1) Либо доверие народных масс к этому учреждению стало бы не подниматься и не укрепляться, а понижаться и ослабляться. (2) Либо политическое сознание народных масс было бы развращаемо вследствие того, что политика непоследовательных сторонников революции была бы воспринимается массами, как последовательная демократическая политика.

Отсюда совершенно ясно, что из сделанных меньшевиками посылок неизбежно вытекает почему-то опущенный ими вывод: партия пролетариата, как последовательного сторон-

пики революции, должна неуклонно добиваться того, чтобы сторонники революции не совсем последовательные (например, трудовики) шли за рабочим классом против непоследовательных сторонников революции и особенно против заведомых сторонников прекращения революции (например, кадетов).

Отсутствие у меньшевиков этого вывода приводит к тому, что у них совершенно не сходятся концы с концами. Выходит так, что по случаю значительного количества в Думе «последовательных сторонников революции» следует голосовать... за заведомого сторонника прекращения революции!

Совсем нехорошо выходит, товарищи!

Заключительная часть разбираемой резолюции гласит (берем пункт за пунктом) так:

Соц.-дем.—разоблачая иллюзорные представления о Гос. Думе, как о действительно законодательном учреждении, выясняет народным массам, с одной стороны, истинный характер Думы, которая фактически является учреждением законосовещательным, а с другой,— возможность и необходимость использовать это учреждение как бы несовершенно оно ни было, в целях дальнейшей борьбы за народное владычество, принимает участие в законодательной работе Думы, руководствуясь при этом следующими положениями...

Это—ослабленное выражение той мысли, которая сильнее выражена в резолюции IV-го (Объединительного) съезда в словах о «превращении» Думы в «орудие революции», о доведении масс до сознания «полной непригодности Думы» и т. д.

...I а) Соц.-дем. подвергает своей критике, с точки зрения интересов городского и сельского пролетариата и последовательного демократизма, предложения и законопроекты всех непролетарских партий и противопоставляет им свои требования и предложения, связывая в этой работе ближайшие политические задачи с социально-экономическими нуждами пролетарских масс и с запросами рабочего движения во всех его формах.

Примечание. Когда это требуется обстоятельствами, соц.-дем. поддерживает, как меньшее зло, те из законопроектов других партий, которые, будучи проведены в жизнь, могут стать в руках народных масс орудием революционной борьбы за достижение действительной демократической свободы...

В этом примечании выражена мысль о необходимости участия с.-д. в буржуазно-реформаторской работе на почве Думы. Не рано ли, товарищи? Не сказали ли вы сами об иллюзор-

ности представления о Думе, как о действительно законодательном учреждении? Вы хотите поддерживать такие буржуазные законопроекты, которые, будучи проведены в жизнь, могут принести пользу в дальнейшей борьбе.

Подумайте над этим условием: «будучи проведены в жизнь». Цель вашей поддержки—способствовать проведению в жизнь «меньшего зла». Но ведь проводит-то в жизнь не Дума, а Дума плюс Гос. Совет плюс верховная власть! Значит, гарантий того, что своей поддержкой вы содействуете проведению «меньшего зла» в жизнь, никаких нет. А поддерживая «меньшее зло», голосуя за него, вы, несомненно, берете этим на себя, на пролетарскую партию, частицу ответственности за половинчатое буржуазное реформаторство, за комедиантскую, в сущности,—и вами самими признанную за комедиантскую!—законодательную работу Думы!

Из-за чего же проделывать эту рискованную «поддержку»? Ибо она рискует непосредственно ослабить революционное сознание масс, к которому вы сами апеллируете, а практическая польза ее «иллюзорна»!

Вы пишете резолюции не о реформаторской работе вообще (тогда пришлось бы только сказать, что с.-д. от нее не зарекаются), а о второй Думе. Вы уже сказали, что в этой Думе есть значительное число «последовательных сторонников революции». Значит, вы имеете в виду уже определившийся партийный состав Думы. Это факт. Вы знаете, что в данной Думе не только есть «последовательные*)» сторонники революции, но и «непоследовательные сторонники реформ», не только левые и трудовики, но и кадеты, при чем последние сами по себе сильнее правых (кадетов и примыкающих к ним, народовцы в том числе, около 150 против 100 правых). При таком положении дел в Думе, вам ради проведения в жизнь «меньшего зла» нет надобности его поддерживать, вам достаточно воздержаться при борьбе реакции с «непоследовательными сторонниками реформ». Практический результат (в смысле проведения законопроектов в жизнь) будет при этом тот же, а в смысле идейно-политическом несомненно, что вы выигрываете цельность, чистоту, выдержанность, убежденность своей позиции, как партии революционного пролетариата.

Разве может революционный с.-д. пренебрегать этим обстоятельством?

*) Прошу читателя всегда иметь в виду необходимость сделанной мной выше к этому слову поправки.

Меньшевики смотрят на верхи, вместо того, чтобы смотреть на низы. Они смотрят больше на осуществимость «меньшего зла» путем сделки «непоследовательных сторонников реформы» с реакцией (ибо именно таково действительное значение проведения в жизнь законопроектов), чем на развитие сознания и боевой способности у «последовательных сторонников революции», которых в Думе, по их словам, «значительное число». Меньшевики смотрят сами и приучают народ смотреть на соглашение кадетов с самодержавием (проведение в жизнь «меньшего зла», реформ), а не на обращение более или менее «последовательных сторонников революции» к массе. Это не пролетарская, а либеральная политика. Это значит на словах провозглашать иллюзорность законодательных прав Думы, а на деле укреплять в народе веру в законодательные реформы через Думу и ослаблять веру в революционную борьбу.

Будьте последовательнее и честнее, товарищи-меньшевики! Если вы убеждены, что революция кончилась, если из этого вашего (может быть, научным путем полученного?) убеждения вытекает отсутствие веры в революцию, тогда нечего и говорить о революции, тогда надо свои непосредственные задачи сводить к борьбе за реформы.

Если же вы верите в то, что вы говорите, если вы действительно считаете «значительное количество» депутатов второй Думы «последовательными сторонниками революции», тогда на первый план вы должны поставить не поддержку (никчемную практически, вредную идейно поддержку) реформ, а прояснение революционного сознания у этих сторонников, укрепление в них посредством давления пролетариата революционной организованности и решимости.

А то ведь у вас выходит верх нелогичности и путаницы: во имя развития революции рабочая партия ни словом не определяет своих задач по отношению к более или менее «последовательным сторонникам революции», посвящая зато особое примечание задаче поддерживать «меньшее зло», непоследовательных сторонников реформ!

«Примечание» надо бы переделать примерно так: «Ввиду того, что в Думе есть значительное количество более или менее последовательных сторонников революции, с.-д. в Думе должны при обсуждении тех законопроектов, которые хотят провести в жизнь непоследовательные сторонники реформ, обращать главное внимание на критику половинчатости и ненадежности этих законопроектов, на заключающееся в них соглашение либералов

с реакцией, на выяснение более или менее последовательным сторонникам революции (необходимости решительной и беспощадной революционной борьбы. При голосовании же таких законопроектов, которые представляют из себя меньшее зло, с.-д. воздерживаются, предоставляя либералам одним «побеждать» реакцию на бумаге и отвечать перед народом за проведение в жизнь «либеральных» реформ при самодержавии».

...б) Соц.-дем. пользуется обсуждением как различных законопроектов, так и государственного бюджета, чтобы вскрывать не только отрицательные стороны существующего режима, но и все классовые противоречия буржуазного общества...

Очень хорошая цель. Чтобы вскрывать классовые противоречия буржуазного общества, надо сводить партии к классам. Надо бороться с духом «беспартийной», «единой» «оппозиции» в Думе и беспощадно вскрывать классовую узость тех же, например, кадетов, которые всего больше претендуют на затушевывание «классовых противоречий» посредством клички якобы «народной свободы».

Пожелаем, чтобы меньшевики не только говорили о вскрывании классовых противоречий буржуазного общества (а «не только» гнусностей самодержавия), но и делали это...

...в) В бюджетном вопросе соц.-дем., руководится принципом: „ни копейки безответственному правительству“...

Прекрасный принцип, который был бы совсем хорош, если бы вместо: «безответственному» стояло иное слово, указывающее не на ответственность правительства перед Думой (это фикция при данной «конституции»), а на «ответственность» его перед верховной властью (это не фикция, а реальность, ибо действительная власть не у народа, и сами меньшевики говорят о назревании «борьбы за власть»).

Надо было сказать: «ни копейки правительству, пока вся власть не будет в руках народа».

II. Соц.-дем. пользуется правом запросов для разоблачения перед народом истинного характера существующего правительства и полного противоречия всех его действий с интересами народа; для выяснения положения рабочего класса в городе и деревне и условий его борьбы за улучшение своего политического и экономического положения; для освещения той роли, какую играют по отношению к рабочему классу как правительство и его агенты, так и имущие классы и представляющие их политические партии..

Очень хороший пункт. Жаль только, что до сих пор (19 марта) мало пользовались наши думские эс-деки этим правом запроса.

...III. Поддерживая на почве этой работы самое тесное общение с рабочими массами и стремясь, в своей законодательной деятельности, быть выразительницей их организованного движения, соц.-дем. содействует организации их, как и вообще народных масс, для поддержки Думы в ее борьбе со старым режимом и создания условий, которые дали бы возможность Думе выходить в своей деятельности за пределы сковывающих ее основных законов...

Во-первых, о «законодательной» деятельности социал-демократов говорить не приходится. Надо было сказать: «думской деятельности».

Во-вторых, лозунг «поддержки Думы в ее борьбе со старым режимом» совершенно не вяжется с посылками резолюции и является, по существу, неправильным.

В мотивах резолюции говорится о революционной борьбе за власть и о наличии в Думе «значительного количества последовательных сторонников революции».

Почему же здесь вполне ясная, революционная категория «борьба за власть» подменена расплывчатой «борьбой со старым режимом», т.-е. выражением, прямо включающим реформаторскую борьбу? Не переделать ли мотивы в том духе, что вместо «иллюзорной» борьбы за власть воздвигается «задача борьбы за реформы»?

Почему здесь речь идет о поддержке «Думы», а не о поддержке «последовательных сторонников революции» массами? Выходит ведь, что меньшевики зовут массы поддерживать не последовательных сторонников реформ!! Нехорошо выходит, товарищи.

Наконец, слово о поддержке «Думы», в ее борьбе со старым режимом, по существу, плодят прямо неверные мысли. Поддерживать «Думу», значит поддерживать большинство Думы. Большинство, это — кадеты плюс трудовики. Значит, вы *implicite*, т.-е. не говоря этого прямо, дали характеристику кадетов: они «бьются со старым режимом».

Такая характеристика неверна и неполна. Таких вещей не говорят полунамеком. Их надо говорить прямо и ясно. Кадеты не «бьются со старым режимом», а стремятся реформировать, подновить этот самый старый режим, преследуя уже теперь вполне ясно и открыто соглашение со старой властью.

Умалчивать об этом в резолюции, оставлять это в тени, значит сбиваться с пролетарской точки зрения на либеральную.

...IV. Содействуя этой своей деятельностью развитию народного движения, направленного на завоевание Учредительного Собрания, социал-демократия будет поддерживать, как этап в этой народной борьбе, все усилия Гос. Думы подчинить себе исполнительную власть, расчищая таким образом почву для перехода всей государственной власти в руки народа...

Это—самый важный пункт резолюции, содержащий пресловутый лозунг «думского» или «ответственного» министерства. Надо разобрать этот пункт и с точки зрения формулировки и, затем, по существу.

Крайне странно формулирован этот пункт. Меньшевики не могут не знать, что вопрос этот из самых важных. Они не могут не знать далее, что такой лозунг уже выставлялся однажды Центральным Комитетом нашей партии, именно во время первой Думы, и что тогда партия не приняла этого лозунга. Это до такой степени верно, что даже думская с.-д. фракция первой Думы, состоявшая, как известно, только из меньшевиков и имевшая лидером такого выдающегося меньшевика, как тов. Жордания,—даже эта фракция не приняла лозунга «ответственное министерство», ни разу ни в одной речи в Думе не выставив его!

Казалось бы, этого слишком достаточно для особенно внимательного отношения к вопросу. А вместо этого мы видим перед собой самый небрежно составленный пункт в резолюции, вообще недостаточно обдуманной.

Почему вместо ясного лозунга «ответственное министерство» (Плеханов в «Русской Жизни») или «министерство из думского большинства» (резолюция Ц. К. в эпоху первой Думы) выбрана новая, гораздо более туманная, формулировка? Есть ли это только пересказ того же самого «ответственного министерства» или нечто иное? Разберемся в этих вопросах.

Каким образом могла бы Дума подчинить себе исполнительную власть? Либо легально, на почве данной (или слегка измененной) монархической конституции, либо нелегально, «выходя за пределы сковывающих ее основных законов», свергая старую власть, превращаясь в революционный конвент, во Временное Правительство и т. п. Первая возможность означает именно то, что принято выражать словами: «думское» или «ответственное» министерство. Вторая возможность—активное участие «Думы» (т.-е. большинства Думы) в непосредственно-революционной

борьбе за власть. Других путей «подчинения» Думе исполнительной власти быть не может, а частного вопроса о том, как бы могли переплестись между собой различнейшие пути, здесь ставить не приходится. Перед нами не научно-академический вопрос о том, какие ситуации вообще возможны, а практически-политический вопрос о том, что именно должна с.-д-тия поддерживать и чего не должна.

Вывод отсюда ясен. Новая формулировка как бы нарочно придумана для сокрытия существа спорного вопроса, для сокрытия истинной воли съезда, выражением которой должна стать резолюция. Лозунг «ответственное министерство» вызвал и вызывает резкие споры среди с.-д. Поддержка революционных шагов Думы не вызывала и не вызывает не только резких, но, пожалуй даже, никаких разногласий среди с.-д. Что сказать после этого про людей, которые предложили резолюцию, затушевывающую разногласия посредством объединения спорного и бесспорного под одной общей расплывчатой формулой? Что сказать про людей, предложивших запечатлеть решение съезда в таких словах, которые ничего не решают, давая возможность одним разуть под этими словами революционные шаги Думы, «выходящей за пределы» и пр., другим—разуть под этим сделку Милюкова со Столыпиным о вступлении кадетов в министерство?

Про людей, поступающих так, самое мягкое, что может быть сказано: они отступают, набрасывая флер на некогда ясную, некогда открыто выраженную, программу поддержки кадетского министерства.

И в дальнейшем, поэтому, мы оставим в стороне эту запутанную и безнадежно запутывающую вопрос формулировку. Будем говорить только о существе вопроса, о поддержке требования «ответственного» (или, что все равно, кадетского) министерства.

Чем мотивирует резолюция необходимость поддерживать требование думского или ответственного министерства? Тем, что это—«этап в народной борьбе за Учредительное Собрание», что это—«почва для перехода всей власти в руки народа». Это—вся мотивировка. Мы ответим на нее кратким резюме наших доводов против поддержки с.-д-тией требования думского министерства.

1) Совершенно недопустимо для марксиста ограничиваться абстрактно-юридическим противопоставлением «ответственного» министерства «безответственному», «думского» самодержавному и т. п., как делает Плеханов в «Русской Жизни» и как делали

меньшевики всегда при разборе ими этого вопроса. Это либерально-идеалистическое, а не пролетарски-материалистическое рассуждение.

Надо разобрать классовое значение обсуждаемой меры. Кто сделает это, тот поймет, что содержание ее—сделка или попытка сделки самодержавия с либеральной буржуазией для прекращения революции. Объективно-экономическое значение думского министерства именно таково. Поэтому большевики имели полное право и основание говорить: думское или ответственное министерство, это на деле—кадетское министерство. Большевики сердились и кричали о подмене, подтасовке и пр. Но сердились они потому, что не хотели понять довода большевиков, сводивших юридическую фикцию («ответственно»-то будет думское министерство больше перед монархом, чем перед Думой, больше перед либеральными помещиками, чем перед народом!) к классовой основе. И как бы ни сердился т. Мартов, как бы ни кричал о том, что теперь даже Дума не кадетская,—он ни на йоту не ослабит этим непрекаемого вывода: по существу дела речь идет именно о кадетском министерстве, ибо гвоздь именно в этой либерально-буржуазной партии. Возможный смешанный состав думского министерства (кадеты плюс октябристы плюс «беспартийные» плюс даже плохенький «трудовик» или якобы «левый» и т. п.) несколько не изменил бы этого существа дела. Обходить это существо дела, как поступают меньшевики и Плеханов, значит обходить марксизм.

Поддержка требования думского или «ответственного» министерства есть, по существу дела, поддержка кадетской политики вообще и кадетского министерства в частности (как и сказано в первом же проекте большевистской резолюции к V-му съезду). Кто боится признать это, тот тем самым признает уже слабость своей позиции, слабость аргументов в пользу поддержки с.-д-тией кадетов вообще.

Мы всегда стояли и стоим на том, что с.-д-тия не может поддерживать сделки самодержавия с либеральной буржуазией, сделки, направленной к прекращению революции.

2) Большевики всегда рассматривают думское министерство, как шаг к лучшему, как облегчение дальнейшей борьбы за революцию, и разбираемая резолюция ясно выразила эту мысль. Но тут меньшевики делают ошибку, впадая в односторонность. Марксист не может ручаться за полную победу данной буржуазной революции в России: это значило бы впасть в буржуазно-демократический идеализм и утопизм. Наше дело—стремиться к

полной победе революции, но мы не вправе забывать, что бывали раньше и могут быть теперь неоконченные, половинчатые буржуазные революции.

Меньшевики же формулируют свою резолюцию так, что думское министерство оказывается обязательным этапом в борьбе за Учредительное Собрание и т. д. и т. д. Это прямо не верно. Марксист не вправе рассматривать думское министерство только с этой стороны, игнорируя объективную возможность двух типов экономического развития России. Буржуазно-демократический переворот в России неизбежен. Но он возможен при сохранении помещичьего хозяйства и постепенной трансформации его в юнкерски-капиталистическое (Столыпинская и либеральная аграрная реформа), возможен также при уничтожении помещичьего хозяйства и передаче земель крестьянству (крестьянская революция, поддерживаемая с.-д.-кой аграрной программой).

Марксист обязан рассматривать кадетское министерство не с одной, а с обеих сторон: как возможный этап борьбы за Учредительное Собрание и как возможный этап ликвидации буржуазной революции. По намерениям кадетов и Столыпина, думское министерство должно сыграть вторую роль; по объективному положению вещей; оно может сыграть и вторую и первую роль *)

Забывая о возможности (и об опасности) либерального ограничения и прекращения буржуазной революции, меньшевики сбииваются с точки зрения классовой борьбы пролетариата на точку зрения либералов, прикрашивающих и монархию, и выкуп, и две палаты, и прекращение революции и пр. и пр.

3) Переходя от экономически-классовой к государственно-правовой стороне вопроса, надо сказать, что меньшевики рассматривают думское министерство, как шаг к парламентаризму, как реформу, усовершенствующую конституционный строй и облегчающую пролетариату использование его для своей классовой борьбы. Но это опять-таки односторонняя точка зрения «отрадных явлений». В акте назначения министров из думского большинства (именно такого назначения добивались кадеты в первой Думе) нет одной, весьма существенной, черты реформы, нет за-

*) Мы делаем самое лучшее для Плеханова и меньшевиков предположение, именно: что кадеты выставят требование думского министерства. Вероятнее, что этого не будет. Тогда Плеханов (и меньшевики) будет так же смешон с своей поддержкой не выдвигаемого либералами лозунга, как был он смешон с „полновластной Думой“.

конодательного признания известной общей перемены в конституции. Это—акт до известной степени единичный, даже персональный. Он опирается на закулисные сделки, переговоры, условия. Не даром «Речь» признала теперь (в марте 1907 года!), что в июне 1906 г. были переговоры к.-д. с правительством, оглашению еще не (!) подлежащие. Даже кадетский подголосок «Товарищ» признал недопустимой эту игру в прятки. И неудивительно, что Победоносцев¹²⁰) (по газетным известиям) мог предложить такую меру: назначить либеральных, кадетских, министров, а потом разогнать Думу и сменить министерство! Это не было бы ютменной реформы, изменением закона, это было бы вполне закономерным, «конституционным актом» монарха. Поддерживая кадетские стремления к думскому министерству, меньшевики на деле, вопреки своей воле и сознанию, поддерживали закулисные переговоры и сделки за спиной народа.

Никаких «обязательств» при этом меньшевики с кадетов не брали и не могли брать. Они им дарили свою поддержку, давали ее в кредит, внося смуту и развращение в сознание рабочего класса.

4) Сделаем еще одну уступку меньшевикам. Допустим наилучший возможный случай, именно, что акт назначения думских министров окажется не только персональным актом, не только обманом народа и показной сделкой, а первым шагом действительной конституционной реформы, действительно улучшающей условия борьбы пролетариата.

Даже и в этом случае никак нельзя оправдать выставления с.-д-тией лозунга о поддержке требования думского министерства.

Это—этап к лучшему, почва для дальнейшей борьбы, говорят вы? Допустим. А разве не было бы, наверное, этапом к лучшему всеобщее, но не прямое, избирательное право? Почему же не объявить, что с.-д-тия поддерживает требование всеобщего, но не прямого избирательного права, как «этап» в борьбе за «4-хчленную формулу», как «почву для перехода» к этой формуле? Тут бы с нами были не только кадеты, но и педераки¹²¹) и часть октябристов! «Общенациональный» этап к народной борьбе за Учредительное Собрание—вот что значит поддержка с.-д-ей всеобщего, но не прямого и не тайного голосования!

Решительно никакой принципиальной разницы нет между поддержкой требования думского министерства и поддержкой требования всеобщего, но не прямого и не тайного голосования.

Оправдывать выставление лозунга «ответственное министер-

ство» тем, что это—этап к лучшему и т. п., значит не понимать основ в вопросе об отношении с.-д-тии к буржуазному реформаторству.

Всякая реформа лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, «этап» к лучшему. Но всякая реформа в капиталистическом обществе имеет двойственный характер. Реформа есть уступка, которую делают правящие классы, чтоб задержать, ослабить или затушить революционную борьбу, чтобы раздробить силу и энергию революционных классов, затемнить их сознание и т. д.

Поэтому революционная с.-д-тия, нисколько не отказываясь использовать реформы в целях развития революционной классовой борьбы («мы принимаем уплату и по частям», wir nehmen auch Abschlagszahlung—говорил Фридрих Энгельс), ни в каком случае не «делает своими» *) половинчатых буржуазно реформистских лозунгов.

Поступать так, значит действовать вполне по Бернштейну (Плеханову придется реабилитировать Бернштейна, чтобы защитить свою теперешнюю политику! Не даром орган Бернштейна, «Sozialistische Monatshefte», не нахвалится на Плеханова!), значит превращать социал-демократию в демократически-социалистическую партию реформ» (известное изречение Бернштейна в знаменитых его «Предпосылках социализма»).

Социал-демократия рассматривает реформы и использует реформы, как побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата.

И тут мы подходим к последнему нашему доводу против разбираемого лозунга:

5) Чем может социал-демократия на деле приблизить осуществление всяких реформ вообще, конституционных реформ в России в частности, думского министерства и его полезных для пролетариата результатов, в особенности? Тем ли, что она будет «делать своими» лозунги буржуазных реформистов, или тем, что она будет решительно отказываться «делать своими» подобные лозунги, продолжая неуклонно вести революционную классовую борьбу пролетариата под знаменем полных, неурезанных, лозунгов? Ответ на этот вопрос не труден.

«Делая своими» всегда половинчатые, всегда урезанные,

*) Плеханов в „Русской Жизни“: „...с.-д. депутаты не могут не сделать указанное требование („ответственное министерство“) своим в интересах народа, в интересах революции“...

всегда двуличные лозунги буржуазного реформаторства, мы на деле не усиливаем, а ослабляем вероятность, возможность и близость осуществления реформы. Ибо действительной силой, порождающей реформы, является сила революционного пролетариата, его сознательности, сплоченности, непреклонной решимости в борьбе.

Эти качества массового движения мы ослабляем и парализуем, пуская в массы буржуазно-реформаторские лозунги. Обычный буржуазный софизм состоит в том, что, уступая кое-что из своих революционных требований и лозунгов (ставя, например, «думское министерство» вместо «самодержавия народа» и Учред. Собрания, как «этап» и т. д.), мы усиливаем вероятность осуществления такой ослабленной меры, ибо за нее, дескать, будет стоять и пролетариат и буржуазия в той или иной ее части.

Это — буржуазный софизм, говорит международная революционная социал-демократия. Напротив, мы ослабляем этим вероятность осуществления реформы, ибо в погоне за сочувствием буржуазии, всегда делающей уступки лишь против воли, мы ослабляем революционное сознание масс, развращаем, затемняем его. Мы подделываемся к буржуазии, к ее сделке с монархией, принося этим вред развитию революционной борьбы масс. В результате всегда получается то, что реформы при такой тактике либо отсутствуют, либо оказываются чистым обманом. Единственная прочная опора реформ, единственная серьезная гарантия их нефиктивности, их использования для блага народа, это — самостоятельная революционная борьба пролетариата, не приносящая своего лозунгов.

Меньшевики, начиная с июня 1906 г., пускают в массы лозунг поддержки требования думского министерства. Этим они ослабляют и затемняют революционное сознание масс, принижают размах агитации, уменьшают вероятность осуществления этой реформы и возможность ее использовать.

Надо усиливать революционную агитацию в массах, бросать шире, развивать яснее наши полные, неурезанные лозунги, — э т и м мы приблизим, на хороший конец, полную победу революции, а, на худой конец, вырвем какие-нибудь половинчатые уступки (вроде думского министерства, всеобщего, но не прямого, избирательного права и т. п.) и обеспечим себе возможность превратить их в орудие революции. Реформы — п о б о ч н ы й продукт классовой борьбы революционного пролетариата. Делать «своим»

делом получение побочного продукта, значит впадать в либерально-буржуазный реформизм.

* * *

Последний пункт резолюции:

V. Рассматривая деятельность в Думе, как одну из форм классовой борьбы, с.-д. фракция в Думе сохраняет полную самостоятельность, входя в каждом отдельном случае в соглашения для агрессивных действий с теми партиями и группами, задачи которых в данный момент совпадают с задачами пролетариата, для оборонительных действий, направленных к охране самого народного представительства и его права — с теми партиями, которые заинтересованы в борьбе со старым режимом за торжество политической свободы.

Насколько хороша тут первая часть (до слова «входя»), настолько же плоха и прямо несуразна вторая.

Что это за смешное различие «агрессивных» и «оборонительных» действий? Не вспомнили ли наши меньшевики язык «Русских Ведомостей» 90-х годов прошлого века, когда либералы доказывали, что либерализм в России «охраняет», а реакция — «агрессивна»? Подумайте только: марксисты вместо «старых» делений политических действий на революционные и реформистские, на революционные и контр-революционные, на парламентские и на внепарламентские — преподносят нам новую классификацию: «оборонительные» действия «охраняют» данное; «агрессивные» идут дальше! Побойтесь Бога, товарищи-меньшевики! До какой степени надо было потерять всякое чутье революционной классовой борьбы, чтобы не заметить пошлого привкуса в этом различении «оборонительного» и «агрессивного»!

И как забавно, точно предмет в вогнутом зеркале, отражается в этой беспомощной формулировке та горькая (для меньшевиков) истина, которую им не хочется признать открыто! Меньшевики привыкли говорить о партиях вообще, боясь точно назвать и ясно разграничить их, привыкли накидывать флер общего наименования: «оппозиционно-демократические партии» и на кадетов и на левых. Теперь они чувствуют, что наступает перемена. Они чувствуют, что либералы в сущности способны теперь только охранять (посредством коленопреклонения, как «Русские Ведомости» «охраняли» земство в 80-х годах!) теперешнюю Думу и теперешнюю нашу, простите за выражение, «конституцию». Меньшевики чувствуют, что идти дальше

(быть «агрессивными»—бывают же такие гнусные термины!) либеральные буржуа не могут и не хотят. И это смутное сознание правды меньшевиками отразилось в забавной и до-нельзя путанной формулировке, по буквальному значению которой выходит, что с.-д. способны когда-нибудь входить в соглашения для действий, «задачи которых» не совпадают с задачами пролетариата!

Этот заключительный аккорд меньшевистской резолюции, эта смешная боязнь сказать прямо и ясно правду,—именно, что либеральные буржуа, к.-д., перестали совершенно помогать революции,—выражает великолепно весь дух всей разобранной нами резолюции.

Вместо послесловия.

Предыдущие строки были уже написаны, когда я получил резолюции февральской (1907 г.) конференции «союза Эстонского края» Р. С.-Д. Р. П.

На этой конференции выступали (должно быть, как делегаты от Ц. К.) товарищи-меньшевики М. и А. При обсуждении вопроса о Гос. Думе они, видимо, внесли ту самую резолюцию, которую я разбирал выше. И вот крайне поучительно посмотреть, какие изменения внесли в эту резолюцию товарищи эстонские социал-демократы. Приводим принятую конференцией резолюцию полностью:

Об отношении к Государственной Думе.

Для удовлетворения народных нужд Гос. Дума не имеет никакой власти и силы, так как вся власть находится по старому в руках врагов народа—царского самодержавия, бюрократии и кучки помещиков. Поэтому социал-демократия должна беспощадно уничтожать иллюзорные надежды на законодательную силу нынешней Гос. Думы и разъяснять народу, что только полномочное всенародное Учредительное Собрание, свободно избираемое вслед за уничтожением царского самодержавия самим народом, в состоянии удовлетворить народные требования.

В целях же развития классового самосознания пролетариата, политического воспитания народных масс, развития и организации революционных сил социал-демократия должна использовать и эту бесильную, немощную Гос. Думу. Ввиду этого социал-демократия

принимает участие в деятельности Гос. Думы на следующих основаниях:

I. Социал-демократия, исходя из интересов городского и сельского пролетариата и из принципов последовательного демократизма, критикует все предложения и законопроекты правительства и буржуазных партий и государственный бюджет и противопоставляет им свои требования и законопроекты, постоянно исходя при этом из требований и нужд широких народных масс, разоблачая такой своей деятельностью негодность существующего строя и классовые противоречия буржуазного общества.

II. Социал-демократия пользуется правом запроса для того, чтобы обнажать сущность и натуру нынешнего правительства и показать народу, что вся его деятельность направлена прямо против интересов народа, чтобы выяснить бесправное положение рабочего класса и освещать ту роль, которую играют правительство и господствующие классы и опирающиеся на них партии по отношению к рабочему классу. Между прочим, социал-демократия должна бороться против соглашательской и предательской партии кадетов, разоблачая их половинчатость и лицемерный демократизм, чтобы тем самым освободить из-под их гегемонии и влияния революционную мелкую буржуазию, заставляя ее идти за пролетариатом.

III. Как партия пролетарского класса, социал-демократия должна в Гос. Думе выступать всегда самостоятельно. Никаких постоянных соглашений или договоров, стесняющих свободу действий социал-демократии с другими революционными и оппозиционными партиями в Гос. Думе, социал-демократия заключать не должна. В отдельных случаях, когда задачи и шаги других партий совпадают с задачами и шагами социал-демократии,—с.д. может и должна вступать в переговоры с другими партиями относительно этих шагов.

IV. Так как у народа не может быть никаких соглашений с нынешним крепостническим правительством и только полновластное Учредительное Собрание в состоянии удовлетворить народные требования и нужды, то конференция не считает задачей пролетариата бороться за ответственное перед нынешней бессильной Думой министерство. Пролетариат должен бороться не под флагом ответственного министерства, а под флагом Учредительного Собрания.

V. Борясь таким образом, социал-демократическая фракция в Гос. Думе должна связать себя самым тесным образом с пролетарскими и широкими народными массами вне Думы и, содействуя организации этих масс, создавать революционную армию для ниспровержения самодержавия.

Комментарии излишни. В своей статье я пытался показать, как не следует писать резолюций вроде разобранной. В своей резолюции эстонские революционные социал-демократы показали, как следует исправлять непригодные резолюции.

*„Вопросы тактики“,
Сборник II.*

*Написано
19 марта 1922 года.*

Основы сделки ¹²²⁾.

Положение существенно изменилось с тех пор, как три недели тому назад писалась передовая статья 14-го номера «Пролетария». Правительство и кадеты, черносотенное самодержавие и либерально-монархическая буржуазия сделали шаг навстречу друг другу и готовятся соединить свои руки, чтобы совместным усилием задушить революцию и вместо земли и воли бросить народу жалкую подачку, обрекающую его на полуголодное и полурабское состояние. Присмотримся ближе к создавшемуся положению.

Два вопроса тяжелым камнем лежат на сердце у черносотенного самодержавия,—бюджет и аграрный вопрос. Без утверждения бюджета Думы—нет кредита. Без того, чтобы как-нибудь хоть на время прикрыть зияющую язву земельного вопроса, нет надежды хотя бы на непродолжительное спокойствие. Разогнать Думу без бюджета и аграрного закона, ею одобренных, правительство не смеет. Оно боится разгона Думы и в то же время кричит о нем, приводя в движение весь черносотенный аппарат союза русского народа, чтобы запугать робких и склонить к уступчивости колеблющихся. Оно хочет попробовать вырвать у Думы уступку, затыкая ей рот угрозой разгона. Ну, а потом видно будет, что делать с опозоренным, заплеванным и повергнутым в грязь «высоким» собранием. Отсюда просьбы утвердить бюджет, уверения, что министр финансов и не думает предлагать Гос. Думе вопрос о разрешении займа. Отсюда же корректные речи г. Васильчикова ¹²³⁾ о том, что правительство будет «охранять неприкосновенность тех граней, на которых соприкасаются» «интересы отдельных лиц, отдельных групп и отдельных сословий», но в то же время «сознает свою обязанность эту охрану простирать настолько, насколько намеченные грани совпадают с общими интересами государства. Там, где эти грани с этими интересами не совпадают, они

должны быть передвинуты». В этих словах, особенно в подчеркнутом нами месте, несомненно содержится едва заметный кивок в сторону кадетов, легкий намек на некоторую мыслимость кадетского «принудительного отчуждения».

Что же отвечают на все эти с трудом уловимые авансы кадеты? О! они изо всех сил стараются неуловимое сделать уловимым, прикрытое таинственными намеками и недомолвками—открытым и договоренным до конца. И потому в свою очередь дают правительству несравненно бóльшие авансы, раскрывают свою душу, хотя, по свойственной им осторожности, пока только на половину и робко протягивают руку, чтобы получить снисходительно протянутый им указательный палец г. Столыпина. В номере от 18 марта кадетский лейб-орган «Речь» оповещает весь мир о том, что партия народной свободы заканчивает выработку нового аграрного законопроекта, который делает эту партию «наилучше вооруженной для делового обсуждения земельного вопроса», при чем «при новой постановке вопроса гораздо более принято во внимание то, что принято называть реальным соотношением сил». На следующий день в заседании Думы депутат Кутлер произнес поистине «деловую» речь и ею несколько (хотя и далеко не вполне) приподнял тот вуаль, которым пока стыдливо прикрываются «реализм» и «деловой характер» нового плода законодательного творчества кадетской партии. Насколько можно было понять, деловитый реализм в данном случае сводится к тому, во-первых, что вместо «потребительной нормы» во многих местах крестьянам будет дано земли гораздо меньше,—«сколько окажется», как очень неясно выражается г. Кутлер. Повидимому, выходит так, что многие миллионы десятин помещичьей земли и при «принудительном отчуждении» могут свободно остаться неотчужденными. Это значит лишь несколько «передвинуть грани», как выражается г. Васильчиков. Вторая черта, характеризующая «реализм» нового законопроекта, изображается г. Кутлером в следующих выражениях: «земли, подлежащие отводу крестьянам», надо «отдать в окончательное крестьянское владение», так что «эти земли ни при каких условиях в будущем от них не будут отобраны», они будут «переданы крестьянам не во временное пользование, а в постоянное», при чем нужно будет «ограничить только право отчуждения и залога». Все это опять очень близко подходит к возвещаемому устами г. Васильчикова «намерению» правительства «распространить блага, приистекающие от начал собственности, и на ту громадную территорию крестьянского землевладения, которая до сих пор

этих благ была лишена». И, наконец, третий «деловой» признак нового аграрного кадетского законопроекта заслуживает особого внимания: прежде предполагали выкуп земли за счет казны, а теперь «известная часть расходов, предстоящих при земельной реформе, должна быть возмещена самими крестьянами примерно в половинном размере». Ну, чем же это отличается от того взноса крестьянами выкупных платежей в половинном размере, который был установлен правительством для 1906 года? Принципиальное согласие кадетского аграрного проекта с «предначертаниями» правительства и будет, таким образом, довольно ясно. Оно тем менее подлежит сомнению, что и кадетская принудительность отчуждения земли является фиктивной: кто же будет «принуждать» в кадетских земельных комитетах, когда они будут состоять на половину из крестьян, на половину из помещиков, а «примирять» их интересы будут чиновники? Сделка на мази. Не даром думский обозреватель «Речи» в номере от 20 марта замечает по поводу речи г. Васильчикова: «при такой постановке вопроса он переводится на почву деловую». А это ведь величайшая похвала в устах теперешних кадетов!

Что касается бюджета, то примирительная позиция кадетов по отношению к черносотенному самодержавию вырисовывается с достаточной ясностью в передовой статье того же номера «Речи» от 20 марта. Здесь «явной ложью» назван слух, «будто партия народной свободы предлагает отвергнуть бюджет в целом», здесь выражается уверенность, что «народные представители утвердят, вероятно, с известными изменениями, бюджет на 1907 год» и, наконец,—слушайте, господа! — здесь утверждается, что «если Дума получает доказательства готовности г. министра финансов идти навстречу расширению ее прав (в пределах «основных законов», конечно,—см. выше ту же статью),—в ее среде может зародиться больше доверия к правительству», а ведь «если бы Дума имела основание доверять г. министру финансов, она могла бы согласиться на формулу, сводящуюся к разрешению занять, сколько понадобится» (курсив наш). Это—перл, достойно заключающий собою всю эту длинную цепь позорных уступок, всей этой продажи в розницу народной свободы,—продажи в розницу, необходимой для того, чтобы в конце концов продать народную свободу оптом.

Кто имеет терпение проследить все подробности постыдного торга между черносотенцами и либеральными буржуа, насколько эти подробности вырисовываются к настоящему моменту,—для того сомнений нет: контр-революционные силы органи-

зуются для того, чтобы нанести окончательный, смертельный удар великому освободительному движению, чтобы сломить сильных и смелых борцов и обмануть и устранить наивных, робких и нерешительных. Правые, польское коло, кадеты смыкаются в одно целое для нанесения этого удара. Правительство запугивает кадетов и трудовиков воем натравленной ими самим черной сотни, требующей разгона Думы и уничтожения «подлой конституции». Кадеты запугивают тех же трудовиков ссылками на этот же самый вой и на мнимые намерения Столыпина немедленно разогнать Думу. Все эти угрозы и страхи нужны черносотенному самодержавию и либеральной буржуазии, чтобы лучше сговориться за спиной народа, чтобы, полюбовно поделившись, ограбить этот народ. Трудовики всех оттенков, не давайтесь в обман! Стойте на страже народных интересов! Помешайте грязной сделке кадетов с правительством! Товарищи-социал-демократы! мы уверены, что вы поймете положение, что вы пойдете во главе всех революционных элементов Думы, что вы раскроете трудовикам глаза на позорное предательство, совершаемое либерально-монархической буржуазией. Мы уверены, что вы грозно и громко с думской трибуны разоблачите это предательство перед всем народом,

„Пролетарий“ № 15
от 25-го марта 1907 г.

Петербург,
21 марта 1907 года.

Фр. Меринг о второй Думе.

В одном из последних номеров немецкого социал-демократического журнала «Die Neue Zeit» *) помещена передовица с обычным значком обычного «передовика» этого журнала, Франца Меринга. Автор отмечает, что в обычных прениях по поводу бюджета ораторы социал-демократы, Зингер и Давид, воспользовались случаем показать, как стойко защищает свою пролетарскую позицию якобы побежденная на последних выборах социал-демократия. Напротив, немецкие либералы, которые сплотились на выборах вместе с правительством против клерикального «центра» и против социал-демократии, оказались в самом жалком положении униженных союзников реакции. «Либеральная буржуазия,—говорит Меринг,—играет роль покорной рабыни (немецкое «Dirne», значит, собственно, «продажной женщины») ост-эльбских юнкеров за какую-нибудь жалкую подачку от нее».

*) № 23 (25 Jahrg .Bd. I.) от 9 марта н. ст. 1907 г.

Мы цитируем точно эти резкие слова, чтобы наглядно показать читателям, как отличается, по тону и по содержанию, социал-демократическая постановка вопроса о либералах в Германии от той постановки, которую часто встречаешь теперь в русских кадетских газетах. Как известно, эти газеты по поводу исхода выборов в Германии затаили совсем иную песню, заговорили об ошибках социал-демократии, которая, де, игнорировала буржуазную демократию или занимала «односторонне-враждебную позицию» по отношению к ней и т. п.

Но это—мимоходом. Нас интересует здесь оценка Мерингом не немецкого либерализма, а русской Думы и русского либерализма, лозунги которого («беречь Думу», вести «положительную работу») разбирает он замечательно метко и ярко.

Приводим полный перевод всей второй части статьи Меринга.

Немецкий либерализм и русская Дума.

... Чтобы понять все безмерное ничтожество этих дебатов*), полезно оглянуться на то, что было 60 лет тому назад, на берлинский объединенный ландтаг, когда буржуазия впервые препоясала свои чресла для парламентской борьбы. И в те времена геройского в ней было мало. Вот как характеризует ее Маркс: «Без веры в себя, без веры в народ, брюзжа против верхов, страшась низов, эгоистичная по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам, консервативная по отношению к революционерам; не доверяющая своим собственным лозунгам, боящаяся мирового урагана и эксплуатирующая его в свою пользу; лишенная всякой энергии, представляющая собой сплошной плагиат, она пошла, потому что в ней нет ничего оригинального, она оригинальна в своей пошлости, она торгуется сама с собой; без инициативы, без всемирно-исторического призвания—точно старик, над которым тяготеет проклятье, осужденный на то, чтобы извращать первые молодые порывы полного жизни народа и подчинять их своим старческим интересам—старик без глаз, без ушей, без носа—полная развалина».

И все-таки, несмотря на все это, тогдашняя буржуазия умела не выпускать деньги из рук и урезывать доходы короля и юнкеров, пока не обеспечено ее собственное право; она предпочитала скорее переносить королевскую немилость, чем пособлять королю выпутаться из банкротства ценою своего права первородства.

*) Речь идет о дебатах в рейхстаге по поводу бюджета.

По сравнению с теперешними свободомыслящими, либералы объединенного ландтага были тогда, во всяком случае, более прощительны. Они плевать хотели на болтовню о «положительной работе» и предпочитали скорее затормозить такое важное для благосостояния страны дело, каким была в то время постройка восточной железной дороги, чем примириться с отказом от своего конституционного права.

Воспоминание о том времени напрашивается тем более, что с заключением дебатов о бюджете в рейхстаге совпало открытие второй русской Думы. Несомненно, парламентская история русской революции до сих пор более походила на парламентскую историю прусской революции 1848 г., чем на парламентскую историю французской революции 1789 г.; история первой русской Думы поразительно напоминает в некоторых отношениях историю пресловутого «собрания соглашателей», заседавшего некогда в берлинском театре, напоминает до мелочей, вплоть до безрезультатно канувшего в воду призыва к неуплате податей, которое выпустило после разгона конституционно-демократическое большинство. И в Пруссии второй ландтаг, созданный правительством, носил, подобно теперешней русской Думе, более яркую оппозиционную окраску, а затем через месяц был вновь разогнан вооруженной силой. Не мало раздается голосов, которые и новой русской Думе пророчат ту же самую участь. А премудрые либералы дают великолепный совет: берегите Думу и завоевывайте доверие народа путем положительной работы». В том смысле, как это понимают либералы,—это самое глупое, что только можно посоветовать новой Думе.

История не любит повторений. Новая Дума—продукт революции, совсем непохожий на то, чем был некогда второй прусский парламент. Она выбиралась при таком гнусном и подлом давлении на выборы, по сравнению с которым пустяками является все то, что проделывал немецкий—имперский союз лжи». Да и среди левых теперешней Думы конституционная демократия не господствует более; теперешняя левая закалена сильной социалистической фракцией. С быстрым разгоном Думы дело тоже обстоит не так уж просто. Царизм не стал бы возиться со всей этой столь же утомительной, сколь и отвратительной процедурой давления на выборы, если бы от его желания зависело всецело, разогнать Думу или нет. Для кредиторов ему нужно народное представительство, которое спасает его от банкротства, и у него не осталось уже ни малейшей возможности—даже если бы ему и не приходилось так туго—измыслить еще более жал-

кую избирательную систему и проявить еще более грубое давление на выборы.

В этом отношении у прусской реакции 1849 г. был еще крупный козырь: отменив всеобщее избирательное право и введя трехклассную систему выборов, она получила такое так называемое народное представительство, которое не оказывало ей никакого серьезного сопротивления, а для государственных кредиторов являлось все же некоторой гарантией.

Именно выборы в новую Думу показали, что у русской революции гораздо более могучий размах, чем он некогда был у революции немецкой. Несомненно также, что новая Дума выбрана революцией не случайно, что революция намеревается использовать ее. Но революция изменила бы самой себе, если бы послушалась мудрых советов немецких либералов и старалась приобрести доверие народа «положительной работой» в их смысле; действуя так, она вступила бы на тот же жалкий и позорный путь, по которому шествует уже шестьдесят лет немецкий либерализм. То, что этот удивительный герой понимает под «положительной работой», повело бы лишь к тому, что новая Дума помогла бы царизму высвободиться из финансовых тисков и за это получила бы жалкую подачку в виде «реформ», какие умеет высиживать только министерство какого-нибудь Столыпина.

Поясним понятие «положительная работа» историческим примером. Когда национальное собрание в одну ночь лета 1789 совершило освобождение французских крестьян¹²⁴), гениально-продажный авантюрист Мирабо¹²⁵), величайший герой конституционной демократии, окрестил это событие крылатым словечком: «отвратительная оргия». А по нашему, это была «положительная работа». И наоборот, освобождение прусских крестьян, тянувшееся черепашьим шагом в течение 60 лет, с 1807 по 1865 г., при чем было грубо, безжалостно загублено бесчисленное количество крестьянских жизней—с точки зрения наших либералов было «положительной работой», о которой они звонят во все колокола. По нашему, это была «отвратительная оргия».

Итак—новая Дума, если она хочет выполнить свою историческую задачу, должна несомненно заняться «положительной работой». Относительно этого господствует отрадное единодушие. Вопрос только в том, какого рода должна быть эта «положительная работа». Мы с своей стороны надеемся и желаем, чтобы Дума оказалась орудием русской революции, ее породившей.

* *

*

Эта статья Меринга невольно вызывает на размышления по поводу современных течений в русской с.-д.-тии.

Нельзя не отметить, прежде всего, что автор, сравнивая русскую революцию 1905 и следующих годов с немецкой 1848—1849 годов, сопоставляет первую Думу с знаменитым «собранием соглашателей». Это последнее выражение принадлежит Марксу. Он прозвал так в своей «Новой Рейнской Газете»¹²⁶⁾ немецких либералов той эпохи. И его прозвище перешло в историю, как прочное достояние пролетарской мысли, оценивавшей буржуазную революцию.

«Соглашателями» звал Маркс немецких либералов революционной эпохи потому, что в основе политической тактики либеральной буржуазии лежала тогда «теория соглашения», соглашения короны с народом, старой власти с силами революции. Эта тактика выражала классовые интересы немецкой буржуазии в буржуазной немецкой революции: буржуазия боялась доведения революции до конца, боялась самостоятельности пролетариата, боялась полной победы крестьянства над его средневековыми эксплуататорами—помещиками, хозяйство которых сохраняло тогда не мало крепостнических черт. Классовые интересы буржуазии толкали ее на сделку с реакцией («соглашение») против революции, и либеральные интеллигенты, создавшие «теорию соглашения», прикрывали ей свое отступничество от революции.

Превосходная цитата, приведенная Мерингом, показывает ясно, как бичевал Маркс в революционную эпоху эту соглашательскую буржуазию. И кто знаком с Меринговским изданием произведений Маркса и Энгельса в 40-е годы, особенно статей их из «Новой Рейнской Газеты», тот знает, конечно, что таких цитат можно было бы привести целый ряд.

Пусть подумают над этим те, кто, подобно Плеханову, пытается сослаться на Маркса в оправдание тактики правого крыла с.-д. в российской буржуазной революции! Аргументация таких людей покоится на неудачном выборе цитат: они берут общие положения о поддержке крупной буржуазии против реакционной мелкой и без критики применяют их к русским кадетам, в русской революции.

Меринг дает хороший урок этим людям. Кто хочет посоветоваться с Марксом о задачах пролетариата в буржуазной революции, тот должен взять суждения Маркса, относящиеся и именно к эпохе немецкой буржуазной революции. И не даром так болезненно обходят эти суждения наши меньшевики! В этих суждениях мы видим самое полное, самое яркое выражение той

беспощадной борьбы с соглашательской буржуазией, которую ведут русские «большевики» в русской буржуазной революции.

Во время немецкой буржуазной революции Маркс считал основной задачей пролетариата—доведение революции до конца, завоевание руководящей роли пролетариатом, разоблачение предательства «соглашательской» буржуазии, выгывание народных масс и особенно крестьянства *) из-под влияния этой буржуазии. Это—исторический факт, замалчивать или обходить который могут только всеу приемлющие имя Маркса.

И в тесной, неразрывной связи с этим стоит оценка «положительной работы» и «отвратительной оргии» у Меринга.

Эта параллель его до такой степени попадает не в бровь, а в глаз российским либералам, кадетам, проводящим теперь во второй Думе утверждение бюджета военно-полевому самодержавию, что добавлять что-нибудь к словам Меринга по существу значило бы лишь ослаблять их.

Мы противопоставим постановке вопроса Меринга постановку вопроса правым крылом немецких с.-д. Читателям известно, конечно, что Меринг, как и вся редакционная коллегия «*Neue Zeit*», стоит на точке зрения революционной социал-демократии. Противоположную, оппортунистическую позицию занимают бернштейнианцы. Главным органом их является журнал «*Sozialistische Monatshefte*». В последней книжке этого журнала (апрель, 1907) находим статью некоего г. Романа Стрельцова: «Второй русский парламент». Статья переполнена рядом озлобленных выхонок против большевиков, которых автор для ядовитости, должно быть, называет «ленинианцами». До какой степени добросовестно осведомляет сей стрелец немецкую публику, видно хотя бы из того, что, цитируя самые резкие места из брошюр Ленина во время выборов в Петербурге, автор умалчивает о вероломном расколе, устроенном меньшевиками и вызвавшем борьбу на почве раскола!

Но это мимоходом. Нам важна принципиальная постановка вопроса бернштейнианцев. Меньшевиков и особенно Плеханова, он восхваляет, как реалистическое крыло российской социал-демократии. Центральный орган немецкой с.-д-тии, «*Vorwärts*» за фразу о том, что народ послал во вторую Думу не хода-

*) Немецкая буржуазия предает своих естественных союзников, крестьянство,—говорил Маркс в 1848 г., оценивая роль крестьянства в буржуазной революции.

таев (Fürsprecher), а борцов (Vorkämpfer), получает нагоняй от „реалиста“: „Vowärts“, повидимому, так же розово смотрит на теперешнюю ситуацию в России, как и „ленинианцы“ (стр. 295 названной книжки) *). Вывод автора ясен и определен. „Итак,— пишет он, заканчивая свою статью,—итак, беречь Думу (Erhaltung der Duma), такова пока цель всей оппозиции, взятой вместе“. И далее: социалисты не должны „растрачивать свои силы в совершенно бесполезной борьбе с кадетами“ (стр. 296, там же).

Предоставляем читателю сделать вывод из сравнения хода мысли Меринга об „отвратительной оргии“ и хода мысли господ Стрельцовых о лозунге „беречь Думу“.

Такое сравнение вполне способно заменить комментарий к большевистской и меньшевистской политике в теперешней Думе,— к проектам большевистской и меньшевистской резолюции об отношении к Гос. Думе.

*„Вопросы тактики“, Сборник II.
За подписью „К. Т“.*

Тактическая платформа меньшевиков.

Отдельным листком издана „Тактическая платформа к предстоящему съезду, выработанная Мартовым, Даном, Старовером, Мартыновым и др. при участии группы меньшевиков-практиков“.

В каком отношении находится эта платформа к той резолюции о Гос. Думе, которая выработана теми же лидерами меньшевизма и напечатана в № 47 „Русской Жизни“,—остается неизвестным. В листке, о котором мы говорим, нет ни слова о том, предполагено ли разработать детальнее излагаемые здесь тактические взгляды в виде проектов резолюций, по каким именно вопросам и т. д. Об этой неясности нельзя не пожалеть, ибо сама по себе „Тактическая платформа“ страдает крайней расплывчатостью и неопределенностью формулировок. Чтобы показать это, приведем полностью три заключительные те-

*) Кстати. Не лишнее, может быть, добавить, что мы во всяком случае глубоко и душевно признательны г-ну Стрельцову за его стремление опорочить большевиков пред немецкой социал-демократией. Г. Стрельцов так... искусно это делает, что лучшего союзника для пропаганды большевизма среди немецких с.-д. мы не могли бы желать. Старайтесь, старайтесь, г. Стрельцов!

зиса платформы, излагающие «очередные задачи с.-д-тии в ближайший период», при чем начнем с 3-го тезиса:

«...3) Развитие политической и организационной самостоятельности рабочих масс на почве отстаивания ими своих интересов, как класса наемных рабочих. Содействие со стороны партийных групп организационному строительству, развивающемуся среди широких слоев пролетариата на почве удовлетворения его ближайших профессиональных, политических и культурных потребностей, на почве борьбы за сохранение и расширение вырванных ими у старого порядка уступок».

Можно ли себе представить что-нибудь более расплывчатое, туманное, бессодержательное? «Тактическая ли это платформа» к съезду 1907 года или выдержка из популярной статьи о задачах рабочего класса вообще?

В порядок дня съезда поставлены, как известно, и вопрос о профессиональных союзах, и о рабочем съезде, и о советах уполномоченных,—все это конкретные вопросы данной эпохи, данной ступени развития рабочего движения. А нас угощают общими местами и фразами о «самостоятельности», точно нарочно желая скрыть свои мысли по выдвинутым жизнью и поставленным партией вопросам! Это не платформа, товарищи, а отписка. По таким вопросам, как, например, рабочий съезд, есть уже целая партийная литература, начиная от статей в официально-партийном «Социал-Демократе» и кончая рядом брошюр. Платформа пишется, чтобы дать ответ по существу, а не для того, чтобы отделаться от вопроса.

«...2) Решительная идейная борьба против всех попыток ограничить классовую самостоятельность пролетариата, против внесения в его сознание реакционных мещанских иллюзий и против всех тенденций, ведущих к замене организованной классовой борьбы анархическим террором и заговорщицеским авантюризмом».

Сердито сказано. Видать, что авторы хотели «сорвать сердце». Это их право, конечно, и мы не любители жалоб на резкость полемики. Полемизируйте как угодно резко, только говорите ясно, чего вы хотите. А ваш 2-й пункт ровно ничего не говорит определенного. Он «метит», как можно догадываться, в большевиков, но он не попадает в них вследствие расплывчатой формулировки. Все большевики, конечно, согласятся подписать обеими руками осуждение анархического террора, «заговорщицкого авантюризма», «реакционных мещанских иллюзий» и «попыток ограничить классовую самостоятельность».

Мы дадим добрый совет товарищам-меньшевикам. Если вы хотите, товарищи, порезче пополемизировать с большевиками и покрепче «ущемить» их, то пишите, пожалуйста, такие резолюции, которые были бы для нас неприемлемы. Надо раскрывать все скобки, а не набрасывать новый флер на поднятые давно вопросы! Возьмите пример с нас: наш проект резолюции о беспартийных политических организациях прямо говорит, что мы противники таких-то идей Аксельрода, такого-то течения, выразившегося в определенных произведениях литературы членов партии. В чем бы нас ни упрекнули за этот проект резолюции,—нас, наверное, не упреknут за неясность или за обход существа спора.

«...1) Пробуждение политической инициативы пролетарских масс путем организации их планомерного вмешательства в политическую жизнь во всех ее проявлениях.

«При этом, призывая пролетариат к поддержке всех прогрессивных классов в их совместной борьбе с реакцией, социал-демократия отвергает всякое прочное объединение с какой-либо из частей непролетарских классов, и там, где отдельные фракции этих классов между собой расходятся, поддерживает в каждом данном случае те действия, которые соответствуют интересам общественного развития. Свою революционную критику с.-д-тия в равной мере направляет против контр-революционных поползновений либеральной буржуазии и против утопических и реакционных предрассудков аграрно-мещанского социализма».

Мы нарочно поставили на последнее место этот пункт, ибо он один только является сравнительно содержательным в том смысле, что здесь затронуты принципиальные основы различной у меньшевиков и большевиков тактики. Но опять-таки только «затронуты», опять непомерно много воды и мало конкретного материала! Два первые предложения—труизмы, о которых естественно было разговаривать в печати в 1894—1895 годах, но прямо неловко говорить в 1907 году. Да и эти труизмы формулированы совсем небрежно: напр., «объединение» с другими классами с.-д-тия отвергает всякое вообще, а вовсе не только «прочное».

Только третье предложение касается основ тактики. Только здесь флер приподнимается хоть настолько, чтобы видны были очертания конкретных явлений нашей эпохи.

С.-д-тии противопоставлены здесь: 1) контр-революционные поползновения либеральной буржуазии; 2) утопические и реакционные предрассудки аграрно-мещанского социализма.

Директива, предлагаемая партии, состоит в том, чтобы в равной мере критиковать и то и другое.

Разберем обе части этого противопоставления и значение такой директивы.

Что разумеют товарищи под «контр-революционными поползновениями либеральной буржуазии», это не совсем ясно. О либеральной буржуазии вообще, без дальнейших определений, уместно было говорить в 1897, но никак не в 1907 году. Удивительно опаздывают товарищи-меньшевики! Мы имеем теперь политические партии в России, показавшие себя в первой и частью уже во второй Думе! Какая же это «тактическая платформа», если она все еще не заметила этих определенных партий в России?

Трудно допустить, чтобы под либеральной буржуазией разумелись октябристы. Очевидно, товарищи имеют в виду партии типа *к.-д.* (п. д. р., может быть, мирн. обновления¹²⁷), как явления того же типа). В этом убеждает также слово: «поползновения», ибо у октябристов мы наблюдаем не поползновение в духе контр-революции, а вся их политика стала уже контр-революционной.

Итак, речь идет о кадетских контр-революционных «поползновениях», т.-е. о том, что кадеты начинают уже вести практическую политику в контр-революционном духе.

Факт этот, несомненно, верен. Открытое и определенное признание его, несомненно, сблизило бы враждующие теперь течения в русской с.-д.-тии. Необходимость «революционной критики» подобных поползновений тоже совершенно бесспорна.

Пойдем дальше. Реакционным поползновениям либералов противопоставлены реакционные «предрассудки аграрно-мещанского социализма».

Мы недоумеваем. Как можно сравнивать и сопоставлять классы (либеральная буржуазия) с учениями (социализм)? практическую политику (поползновения) с взглядами (предрассудки)?? Это верх нелогичности. Чтобы связать концы с концами в тактической платформе, надо противопоставить: 1) один класс другому,—напр., либеральную буржуазию демократическому (или реакционному?) крестьянству; 2) одну политику другой,—напр., контр-революционную — революционной; 3) одни учения, взгляды и предрассудки — другим учениям, взглядам и предрассудкам. Это до такой степени очевидно, до такой степени элементарно, что невольно является сомнение:

случайна ли эта нелогичность у меньшевиков? не отражает ли логическая неясность неясности политической мысли?

Что «социализм» эс-эров, трудовиков, эн-эсов полон утопических и реакционных предрассудков, это бесспорно. Это, конечно, следует сказать при оценке указанных партий, как и было это сказано большевиками в их проектах резолюций и к IV-му и к V-му съезду. Повторяя эту бесспорную мысль в таком нелогичном сочетании, меньшевики, видимо, хватались за первое попавшееся соображение для оправдания своей политики поддержки кадетов. В самом деле, в тексте разбираемой платформы они не могли уже уклониться от мотивировки и попыток оправдания такой политики. Отношение либеральной буржуазии к крестьянству в русской буржуазной революции затронуто теперь меньшевиками. И это большой прогресс, конечно. После опыта первой и (отчасти) второй Думы нельзя уже ограничиться простой ссылкой на пресловутую фикцию «черносотенной опасности» для защиты избирательных соглашений с к.-д., голосования за председателя к.-д., поддержки лозунгов к.-д. Приходится поставить общий вопрос, который большевики выдвинули уже в брошюре «Две тактики» (июль 1905 г.), именно вопрос об отношении либеральной буржуазии и крестьянства к русской революции. Что же говорят теперь меньшевики, по существу дела, об этом вопросе?

«В России городская буржуазная демократия не подчинила себе всего народного хозяйства, а потому неспособна к самостоятельной революционной инициативе, как это было в буржуазных революциях прежних веков; в то же время крестьянство, образующее собой громадное большинство производителей, еще только начинает выходить из экономических и общественных условий до-буржуазного производства, а потому еще менее пригодно к роли самостоятельного руководителя революции».

Это единственная попытка экономическим анализом обосновать меньшевистскую политику по отношению к либералам и к крестьянству! «Крестьянство еще менее пригодно, чем городская буржуазная демократия»... в этих словах «еще менее» и должно заключаться оправдание политики поддержки кадетов.

• Почему же «еще менее»? Потому, что крестьянство «еще только начинает выходить из экономических и общественных условий до-буржуазного производства». Мотивировка явно неудовлетворительная. Если крестьянство «только начинает выходить», то ему мешают выходить «остатки крепостного

порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах». Так гласит первая же фраза нашей партийной аграрной программы. Из того обстоятельства, что тяжелый гнет остатков крепостничества лежит непосредственно на крестьянах, вытекает необходимость и неизбежность более глубокого, широкого и острого революционного движения против существующего порядка среди крестьян, чем среди либеральной буржуазии. О пригодности либеральных буржуа или крестьянства к роли руководителя революции не может быть и речи *); сравнительную же пригодность к «самостоятельной революционной инициативе» или, вернее, к самостоятельному участию в дальнейшем развитии революции либералов и крестьян меньшевики оценили прямо неверно.

Точка зрения меньшевиков на политическую роль крестьянства находится в противоречии как раз с теми основными положениями нашей аграрной программы, которые разделяются всей партией, и большевиками и меньшевиками.

Во-1-х, как мы уже указали, «тяжелый гнет остатков крепостничества лежит непосредственно на крестьянах». Следовательно, в современной буржуазно-демократической революции в России, крестьянство не может не быть более революционно, чем либеральная буржуазия, ибо сила, прочность, живучесть, острота революционного движения зависит от силы гнущих условий старины, пережившей себя.

Во-2-х, мы требуем в нашей аграрной программе «конфискации частновладельческих земель». Ничего подобного, ничего даже отдаленно приближающегося к столь радикальной экономической мере мы не требуем для либеральных буржуа. Почему? Потому что нет на-лицо объективных условий, которые вызывали бы среди либеральной буржуазии борьбу за конфи-

*) Вообще говоря, мы горячо приветствуем то обстоятельство, что меньшевики подняли в своей платформе вопрос о роли пролетариата, как руководителя в революции. Обсудить этот вопрос на съезде и принять резолюцию крайне желательно. Непригодность же крестьянства к роли руководителя меньшевики мотивировали слабо. Дело не в том, что крестьянство «только начинает выходить» из крепостничества, а в том, что основные условия мелкого производства (в земледелии и промышленности) заставляют мелкого производителя колебаться между «порядком» и «собственностью», с одной стороны, борьбой против старого порядка, с другой стороны. Точно также и относительно либеральной буржуазии меньшевики опустили главную причину ее ненадежности: боязнь пролетариата, необходимость опереться на орудия власти старого порядка в защиту «от посягательств пролетариата», как сказано в большевистской резолюции.

скацию весьма значительных частей собственности, «законной» с точки зрения старины. А в крестьянстве мы все признаем наличность этих объективных условий, ибо марксисты требуют конфискации не из-за любви к ультра-революционным мерам, а из сознания безвыходного положения крестьянских масс. Несравненно большая глубина буржуазно-демократической революционности крестьянства вытекает неизбежно из такой посылки нашей аграрной программы.

В-3-х, наша аграрная программа говорит о «поддержке революционных выступлений крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель». Здесь прямо признана необходимость определенным образом относиться к непосредственно-революционной борьбе крестьянства, к «выступлениям» массового характера, охватывающим громадное пространство и громадную долю населения страны. Ничего подобного этим революционным выступлениям нет у городской, не только «либеральной», т.-е. средней и частью крупной, но и демократической мелкой буржуазии. Никакой «поддержки» каких бы то ни было «конфискационных» планов городской буржуазии никогда не обещала и не могла обещать с.-д. рабочая партия. Отсюда уже видно, до какой степени неверно обычное рассуждение меньшевиков о «прогрессивной городской» и «отсталой сельской» буржуазии, рассуждение, на которое намекает и разбираемая платформа. Рассуждение это покоится на непонимании основных идей всей нашей программы по вопросу о борьбе с остатками крепостничества,—борьбе, составляющей экономическое содержание буржуазной революции в России.

В-4-х, политическая история России за истекший год, особенно первая Дума и выборы во вторую, показали ясно, что крестьянство, при всей своей неразвитости, раздробленности и т. д., сумело сразу положить начало образованию политических партий («трудовая» группа и т. д.), которые несомненно более демократичны, чем либерально-буржуазные партии (к.-д. в том числе). Достаточно сравнить аграрный проект к.-д. и «104-х», или отношение к.-д. и трудовиков к свободе собраний и составу местных земельных комитетов, или печать кадетов, успокаивающую народ и погашающую революционное движение водичей конституционных фраз, и печать трудовиков («Известия Крестьянских Депутатов» и т. д.), революционизирующую в демократическом смысле новые слои городской и сельской мелкой буржуазии.

Одним словом, с которой бы стороны вы ни подходили к

вопросу, придется признать, что сравнительная оценка либералов и трудовиков в корне ошибочна у меньшевиков.

Источник этой ошибки — непонимание происходящего буржуазного переворота в сельском хозяйстве России. Переворот этот возможен в двух формах: либо сохранение помещичьего землевладения путем некоторого очищения его от крепостнических черт и закабаления крестьянских батраков; либо уничтожение помещичьего землевладения путем конфискации его и передачи земли крестьянству (в форме национализации, раздела, «муниципализации» и т. д. и т. д.)*).

Буржуазный переворот в русском сельском хозяйстве абсолютно неизбежен. И переворот этот остается буржуазным (вопреки учению народников) также и во втором случае. Но переворот может произойти в первой или во второй форме, смотря по тому, победит ли демократическая революция или она останется неоконченной; — крестьянская ли масса будет определять ход и исход ее или либеральный помещик и фабрикант..

Буржуазный переворот в целях сохранения помещичьего землевладения проводят и Столыпин и либералы (партия к.-д.). Столыпин — в самых грубых и азиатских формах, способных разжечь борьбу в деревне и усилить революцию. Либералы боятся этого, не желая рисковать всем, стоят за уступки, но такие уступки, которые все же сохраняют помещичье землевладение: достаточно вспомнить выкуп и — самое главное — составление местных земельных комитетов из представителей помещиков и крестьян поровну с председательством агентов правительства! Такой состав местных земельных комитетов есть сохранение преобладания помещиков. Выкуп есть укрепление крестьянской буржуазии и закабаление крестьянского пролетариата. Вот этой основной, экономической, солидарности Столыпинской и кадетской аграрной реформы меньшевики не понимают.

Столыпин и кадеты расходятся в размерах уступок, в способе (грубо или тоньше) проведения реформы. Но и Столыпин и к.-д. за реформу, т.-е. за сохранение преобладания помещиков путем уступок крестьянину.

Пролетариат и крестьянство стоят за революцию, за уничтожение не только помещичьего преобладания, но всего помещичьего землевладения.

*) Я в особенности обращаю внимание читателя на то, что спорных вопросов аграрной с.-д. программы (раздел, национализация, муниципализация) я намеренно не касаюсь, беря лишь то, что не только формально принято съездом партии, но и по существу не вызывает споров или фракционных делений среди с.-д.тии.

Мы можем покончить революцию путем ничтожных уступок со стороны помещиков, говорит Столыпин.

Мы можем покончить революцию только путем более значительных уступок со стороны помещиков, говорят либералы (кадеты в том числе).

Мы хотим довести революцию до конца, уничтожив помещичье землевладение, говорят крестьяне и рабочие.

Отрицать такое соотношение аграрных программ—значит отрицать нашу собственную аграрную программу, говорящую о «конфискации частновладельческих земель», о «поддержке революционных выступлений крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель».

Признать же такое соотношение—значит признать тактическую линию с.-д.-тии: пролетариат должен вести за собой демократическое крестьянство против самодержавия и против либералов.

Меньшевики не случайно, поэтому, колеблются во всей своей тактике и неизбежно осуждены на колебания, пока они признают данную аграрную программу. Некоторые из них тяготеют к замене в программе слова «конфискация» словом «отчуждение», вполне последовательно выражая этим следующий шаг оппортунизма, чувствуя необходимость согласовать свою кадетскую политику с кадетской формулировкой аграрной программы.

Но этого еще не сделано. Этого не решаются даже предложить открыто, прямо и заранее влиятельные вожди меньшевизма. И шатания в политике получаются у них неизбежно.

Приходится вести политику поддержки кадетов и в то же время не решаться открыто провозгласить ее! И поддержка требования «думского министерства», и блохи с к.-д. ради фиктивной черносотенной опасности, и голосование за кадетского председателя Думы,—все это лишь частные проявления политики поддержки кадетов, политики подчинения пролетариата гегемонии либералов.

Но открыто защищать эту политику меньшевики не решаются. И занимаемое ими фальшивое положение толкает их, помимо их воли и сознания, к «придумыванию» фиктивных доводов вроде «черной опасности» на выборах, или вроде того, что «думское министерство» не есть половинчатая лжереформа, прикрывающая попытку сделки черносотенной камарильи с к.-д., или вроде того, что отнимая свои 60—70 голосов у Головина (по-

лучившего 356 голосов против 102), мы «рисковали» провалить кадета и т. д. и т. д.

Фальшивое положение заставляет подкрашивать кадетов. Избегают прямой характеристики этой партии по ее классовому составу и ее классовой опоре. Уклоняются от оценки съездом русских буржуазных партий. Говорят вместо «либеральная буржуазия» — «городская буржуазная демократия».

Эту, прямо неверную, характеристику кадетов*) защищают одним, очень благовидным на первый взгляд, доводом: статистика выборов показывает, что именно крупные города дают больше всего кадетских выборщиков. Довод этот несостоятелен: во-1-х, на выборах во вторую Думу в 22-х крупных городах, где был, по данным «Речи», левый блок, кадеты собрали 71 тыс. голосов, а левые 41 тысячу. Значит, сразу же, несмотря на поразительную слабость левых в деле легальной агитации (полное отсутствие ежедневных газет, полное отсутствие открытых бюро и т. д.), трудовики и с.-д. отвоевали больше трети кадетских голосов! Значит, к.-д. представляют верхи городской буржуазии, т.-е. именно либеральную буржуазию, а вовсе не городскую «демократию» вообще. Во-2-х, либеральная буржуазия во всех странах долго вела за собой многочисленные элементы низших слоев мелкой буржуазии в городе и деревне, вовсе не становясь от этого партией демократической, партией масс. Борьба социалистов с либералами за демократическую гегемонию над массой городской мелко-буржуазной бедноты есть долгая и трудная борьба. Сразу объявлять кадетов «городской демократией» значит отказываться от этой борьбы, отказываться от пролетарского дела, сдавать его либералам. В-3-х, отрицать то, что либеральные помещики составляют все еще одну из классовых опор партии к.-д., значит насиловать общеизвестные политические и экономические факты: и состав кадетской фракции в Думе, и, особенно, тесную связь буржуазной интеллигенции, адвокатов и т. д., с помещиками, зависимость первых от последних. Кадетская аграрная политика есть политика либерального помещика. Чем меньше становится либералов среди помещиков, тем быстрее превращается кадетская аграр-

*) В разбираемой платформе не сказано прямо, что кадеты есть партия городской буржуазной демократии, но именно таков смысл всего текста и всех выводов. Именно таковы «разъяснения» меньшевистской печати. Недоговоренность платформы подчеркивает лишь еще и еще раз, до какой степени необходимо поставить перед съездом вопрос о классовом содержании различных буржуазных партий и о нашем отношении к ним. Без этого не может быть выдержанной тактики.

ная политика в доброе пожелание «социального мира» со стороны бессильного буржуазного интеллигента. «Демократичными» кадеты не становятся от того, что продолжают мечтать о примирении и полюбовном соглашении октябриста-помещика с трудовиком-крестьянином *).

* * *

Коренная ошибка в определении взаимоотношения либеральной буржуазии и крестьянства проходит красной нитью через всю «тактическую платформу» меньшевиков. Вот еще формулировка ими этой ошибочной мысли:

«Предоставленный всецело самому себе и недостаточно поддержанный (!!) городской демократией, пролетариат склонялся (после октябрьско-декабрьского периода) к умалению той прогрессивной роли, которая в переживаемой революции вообще выпадает на долю этой последней и, соответственно этому, занял односторонне-враждебную позицию по отношению к ней»... «В силу усвоенного пролетариатом неправильного понимания исторической роли городской буржуазии, пролетариат начинает односторонне возлагать все свои революционные надежды на движение выступающего на историческую сцену крестьянства».

Это—замечательные места, которым следует войти в историю для характеристики «забвения себя» частью русской социал-демократии в 1907 году.

Ведь это не больше и не меньше, как целая покаянная речь социал-демократов перед либералами! Подумайте только: во время второй Думы, при явно выразившемся обострении политических крайностей между черносотенным и левым крылом Думы, при наличии революционного кризиса, назревания которого никто не решается отрицать, при явном повороте ослабленного либерального «центра» (к.-д.) вправо, при оттеснении либералов на

*) Как известно, правые кадеты, и г. Струве в том числе, предлагали выбрать в товарищи председателя второй Думы октябриста Капустина и трудовика Березина. Я готов назвать этот план „гениальным“ проявлением либерального... „остроумия“. Действительно, объективно дело обстоит именно так, что историческая миссия кадета состоит в примирении октябриста-помещика и трудовика-крестьянина. Левые кадеты из боязни левых не захотели открыто продемонстрировать это. Но это тем не менее непрекращаемый факт. Объективное положение вещей делает исторической задачей кадетов прекращение революции путем примирения октябристов-помещиков с трудовиком-крестьянином. И обратно: остаться незаконченной, не доведенной до конца российская революция может только в том случае, если бы оказалось возможным совместно „удовлетворить“ основные экономические интересы и октябристов-помещиков, и трудовиков-крестьян.

выборах демократическим крестьянством,—находятся с.-д., которые публично каются пред либералами в «односторонней враждебности» к ним, в умалении их прогрессивной роли! Что же это такое наконец? Тактическая ли платформа, обдуманная и взвешенная перед съездом самыми выдающимися вождями с.-д. рабочей партии, или вопль мелко-буржуазных интеллигентов, тосящих среди неподходящей им пролетарской обстановки?

«Пролетариат занял односторонне-враждебную позицию по отношению городской демократии»... В чем это выразилось? Мы перебираем в памяти политические события минувшего года. В бойкоте? Но это было, во-1-х, до Объединительного съезда, а авторы платформы обозревают события после него. А, во-2-х, при чем же тут «городская демократия»? Нет, видимо, речь идет не о бойкоте. Должно быть, о поддержке требования думского министерства и о блоках с к.-д. Тут было, действительно, проявлено пролетариатом враждебное отношение к кадетам, но вовсе не к городской демократии.

И кто выражал тогда в партии это враждебное отношение пролетариата? Большевики...

Авторы платформы нечаянно сказали большую правду, именно, что большевики в своей войне против поддержки требования «думского» министерства и против блоков с к.-д. выражали политику пролетариата. Это справедливо. А о смягчении враждебного отношения к либералам мечтает только мелко-буржуазная часть рабочей партии.

...Пролетариат, «недостаточно поддержанный городской демократией»...

Во-первых, тут особенно ясно выступает ошибочность смешения либералов (к.-д.) с городской демократией. «Левый блок» на выборах был, по данным «Речи», в 22 городах—в том числе в меньшевистских организациях также. В этих городах пролетариат был, несомненно, в значительной степени поддержан городской демократией—против кадетов (41 тыс. голосов за левый блок, 71 тыс. за к.-д.). Отсюда вывод—совсем не в пользу меньшевиков: пролетариат может и должен привлекать на свою сторону городскую (и сельскую) мелко-буржуазную демократию против либеральной буржуазии.

Во-вторых, если меньшевики говорят о недостаточной поддержке пролетариата либералами, то понимают ли они цену либеральной поддержки пролетариата? Ведь их платформа пишется в 1907 г., а вовсе не вне времени и пространства, как бы они ни старались придать ей наименее конкретный, наиболее воз-

душный характер. В 1902—1904 годах, даже в 1905 до октября и г. Струве, и либералы вообще не раз заявляли о поддержке ими пролетариата и на деле его поддерживали в натиске на самодержавие.

А после октября 1905 г.? Меньшевики не могут не знать, что либералы уже в декабре и после декабря отвернулись от пролетариата и прекратили всякую поддержку его революционной борьбы.

Спрашивается, кто же занял по отношению к кому односторонне-враждебную позицию?

Пролетариат по отношению к либералам?

Или либералы по отношению к пролетариату и по отношению к революции?

Или меньшевики по отношению к тактике пролетарской классовой борьбы?

* *

*

Два взгляда на российскую революцию после октября 1905 года сопоставлены меньшевиками, договорившимися до «односторонней враждебности», как нельзя более ярко. Либеральный взгляд—взгляд русских сторонников тех немецких Трейчке¹²⁸), которые объявили 1848 год «безумным годом»,—состоит в том, что пролетариат занял односторонне-враждебную позицию по отношению к либерализму, по отношению к конституционной легальности, по отношению к монархической конституции, по отношению к выкупу¹ и т. д.

Взгляд пролетариата—подобный взгляду всех европейских социалистов на европейские буржуазные революции—состоит в том, что либеральная буржуазия заняла односторонне-враждебную позицию по отношению к революции, по отношению к свободе, по отношению к демократии и т. д.

Меньшевики стремятся отклонить рабочую партию от второго взгляда к первому.

Рабочая партия всякую такую попытку меньшевиков будет встречать стремлением отклонить меньшевиков от рабочей партии к либералам.

* *
*

Мы вовсе не хотим сказать, что меньшевики вообще стремятся превратить рабочую партию в придаток либералам. В том-то и состоит отличие оппортунистов внутри рабочей партии от

либералов вне ее рядов, что первые искренне продолжают служить своей партии, но занимают при этом такую неправильную, неустойчивую, тактическую позицию, которая ведет к политическому подчинению пролетариата либерализму.

Эта неправильная позиция обладает таким «несчастливым» свойством, что, желая напасть на большевиков, меньшевики нападают на пролетариат и на пролетарское отношение к революции. Так бывает всякий раз, когда нападки меньшевиков действительно принципиальны, т.-е. касаются вопроса о причинах двух различных тактик. Иного рода нападки непринципиальны; их стоит только кратко отметить, чтобы поставить перед читателем вопрос: платформа ли перед нами или либеральная полемическая статья?

Напр., в «платформе» мы читаем, что «пролетарские массы» (sic!) «склоняются к вере в имеющее наступить политическое чудо западного (!!) восстания, которое возникнет независимо (!!) от развития внутреннего движения самого пролетариата и одним ударом (!!) поставит на место самодержавия политическое господство трудящихся классов».

До сих пор такие вещи в такой форме приписывали «пролетарским массам» только либеральные газеты. Что заставило меньшевиков заговорить здесь вообще о восстании, нам непонятно. Но такие речи о восстании в тактической платформе,—где нет ни единого слова о восстании, кроме цитированной фразы—не могут не вызвать вопроса: не следует ли вместо: «меньшевистская платформа» говорить отныне: «либеральная платформа»?

*„Вопросы тактики“,
Сборник I.*

Мягко стелют, да жестко спать.

Аграрные дебаты в Государственной Думе чрезвычайно поучительны. На речах вожakov разных партий необходимо остановиться подробнее и вникнуть в их содержание.

Главный пункт аграрного вопроса, несомненно, отношение к помещичьей земельной собственности. Крестьянство борется против нее, добываясь земли для себя. Как относятся к этой борьбе разные партии?

Социал-демократы прямо и открыто выдвинули требование отчуждения без выкупа. Представитель с.-д. Церетели¹²⁹) в своей речи энергично доказывал лживость защиты «прав» помещичьей собственности, разъяснял происхождение ее из хищ-

ничества, показывал все безмерное лицемерие речей о неотъемлемости частной собственности, опровергал премьер-министра, под «государственностью» понимавшего не народные интересы, а интересы той кучки помещиков с которой государственная власть кровно связана.

Добавьте к этому сделанное в конце речи тов. Церетели предложение передать вопрос на рассмотрение местных земельных комитетов (конечно, выбранных всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием),—и вы получите цельную и определенную картину пролетарской позиции в земельном вопросе. Права помещиков на землю отрицаются. Способ преобразования определяется отчетливо: местные комитеты,—это значит преобладание крестьянских интересов над помещичьими. Отчуждение без выкупа, это значит полное отстаивание интересов крестьян, непримиримая борьба с классовой корыстью помещиков.

Перейдем к трудовикам. Караваев¹³⁰⁾ не выдвинул принципа: «отчуждение без выкупа» с полной ясностью и определенностью. Представитель крестьян менее решительно предъявил требования народа к помещикам, чем представитель рабочих. Не было ясно выдвинуто требование передать вопрос местным комитетам, не был заявлен протест против затеи либералов (к.-д.) запрятать обсуждение острого вопроса в комиссию, подальше от народа, подальше от света гласности, подальше от свободной критики. Но, несмотря на все эти недостатки речи трудовика, по сравнению с речью с.-д.-та, мы все же должны признать, что трудовик защищал дело крестьян против помещиков. Трудовик раскрывал глаза народу на бедственное положение крестьянства. Он оспаривал выводы Ермолова¹³¹⁾ и других защитников помещичьего класса, опровергающих необходимость расщепления крестьянского землевладения. Он определял минимум крестьянской нужды в земле в 70 милл. дес. и разъяснял, что помещичьих, удельных и прочих земель для удовлетворения нужды крестьян есть более 70-ти милл. дес. Общий тон речи трудовика—повторяем, несмотря на подчеркнутые нами недостатки ее—был обращением к народу, стремлением раскрыть народу глаза...

Возьмем речь кадета Кутлера. Перед нами сразу открывается совсем иная картина. Чувствуется, что из лагеря вполне последовательных (с.-д.) или несколько колеблющихся (трудовики) защитников крестьян против помещиков мы попали в лагерь помещиков, которые понимают неизбежность «уступок», но прилагают все усилия, чтобы уступить поменьше..

Кутлер говорил о своем «согласии» с трудовиками, о своем «сочувствии» трудовикам только для того, чтобы позолотить пилюлю немедленных ограничений, урезок, сокращений, которые, дескать, необходимы в проекте трудовиков. Вся речь Кутлера полна всевозможных доводов против с.-д. и против трудовиков.

Чтобы не быть голословными, разберем речь Кутлера шаг за шагом.

Вступление. Книксен трудовикам. Кадет присоединяется к основной мысли, он горячо сочувствует... но... но... проект трудовой группы «не ограничивается простой и ясной задачей помочь крестьянскому малоземелью. Он идет дальше, он стремится пересоздать в корне все существующие земельные правоотношения» (цитаты везде по отчету «Товарища»).

Итак—«сочувствие» мужику на словах, ограничение мужицких требований на деле. За мужика—на словах, за помещика—на деле.

И при этом еще Кутлер уверяет Думу, что трудовой не ограничивается простой и ясной задачей! Подумайте только, читатель: трудовой говорит прямо о 70 миллионах земли. Их надо переместить из рук помещиков в руки крестьян. Это не «ясно», это не «просто»!!

Для «ясности» надо поговорить о трудовой норме, о потребительной норме, о норме наделения 1861-го года. И г. Кутлер говорит, говорит, говорит. Потоком слов обо всех этих ничемных вопросах он забивает головы слушателей, чтобы получить вывод: «по-моему,... не достаёт 30 милл. дес.» для доведения крестьянских наделов до нормы 1861 г., а эта норма еще ниже потребительной нормы. И только. И только по вопросу о размерах нужды и ее удовлетворения.

Но разве же это ответ о 70-ти миллионах? Ведь вы просто виляете, почтенный рыцарь «народной свободы», вы просто заговариваете зубы! Подлежат ли передаче крестьянам 70 милл. дес. земли или нет? Да или нет?

И, чтобы еще яснее показать сущность этих уверток, мы подкрепим ссылку трудового итоговым выводом новейшей поземельной статистики. По обследованию 1905 года, у частных лиц насчитано всего 101,7 милл. дес. земли. Из них 15,8 милл. у обществ и товариществ; 3,2 милл. дес. у владельцев, имеющих до 20 дес.; 3,3 милл. дес. у владельцев, имеющих от 20 до 50 десятин; 79,4 милл. дес. у владельцев, имеющих свыше 50 десятин. Число этих последних вла-

дельцев равняется всего 138.898. Значит, на каждого из них приходится в среднем по 594 десятины. Допустим, что мы оставляем на каждого из этих господ по 50 десятин. Это составит 6,9 милл. дес. Вычитаем 6,9 милл. дес. из 79,4—получаем свободных 72,5 милл. дес. помещичьей земли, не считая земель удельных, казенных, церковных, монастырских и пр.

Мы видим, что трудовик не вполне еще правильно определил количество земли, которое могут и должны получить крестьяне, хотя юбая его цифра (70 милл. дес.) близка к истине.

Итак, потрудитесь дать простой и ясный ответ, г.г. кадеты: надо передать ют помещиков крестьянам 70 милл. дес., да или нет?

Вместо прямого ответа наш бывший министр и теперешний либеральный лицемер вертится, как чорт перед заутреней, и восклицает патетически:

«Не юсть ли это право (право на землю, по проекту трудовой группы)—право войти в помещение, в котором все места уже заняты?»

Не правда ли, хорошо? Вопрос о 70-ти милл. дес. обойден. Крестьянам либеральный барин дает ответ: помещенеце занято.

Проглотив неприятный вопрос о 70-ти миллионах десятин (невежи эти мужики! пристали с какими-то 70 миллионами!), Кутлер начинает возражать трудовикам насчет «практической осуществимости» национализации земли.

Все это—злостное зубозаговариванье, ибо если останутся 70 милл. дес. у помещиков, то тогда нечего и национализировать! Но г. Кутлер для того и говорит, чтобы скрыть свои мысли

В чем состоит его возражение против национализации земли?

«Мне кажется, что можно себе представить политические условия, при которых проект о национализации земли мог бы получить силу закона, но я не могу представить себе в ближайшем будущем таких политических условий, при которых этот закон был бы действительно осуществлен.

Веско и убедительно. Либеральный чиновник, который всю жизнь «картинно спину гнул свою», не может себе представить таких политических условий, когда бы законодательная власть принадлежала представителям народа. Обыкновенно бывает так—намекает наш милый либерал,—что власть принадлежит кучке помещиков над народом.

Да, так бывает. Так обстоит дело в России. Но ведь речь идет о борьбе за народную свободу. Обсуждается именно вопрос о том, как изменить экономические и «политические условия» помещичьего господства. А вы возражаете ссылкой на то, что теперь власть у помещиков, и что надо понижать спину:

«Неосновательно и несправедливо осложнять простую и бесспорно полезную задачу помощи крестьянскому населению».

Не растут уши выше лба, не растут!

И г. Кутлер длинно-предлинно говорит о том, что вместо «неосуществимой» национализации нужно только «расширение крестьянского землепользования».

Когда речь шла о расширении крестьянского землевладения (а не землепользования, почтеннейший!) на 70 милл. дес. помещичьей земли,—тогда Кутлер перешел к вопросу о «национализации». А от вопроса о «национализации» он вернулся к вопросу о «расширении»... Авось, дескать, не вспомнят о 70 милл. дес.!

Г. Кутлер прямо защищает частную земельную собственность. Уничтожение ее он объявляет «величайшей несправедливостью». «Раз никто не предлагает уничтожить собственность вообще, то необходимо во всей силе признать существование собственности земельной».

Раз нельзя сегодня же сделать два шага вперед, «то необходимо» отказаться и от одного шага вперед! Такова логика либерала. Такова логика помещичьей корысти.

Единственным пунктом в речи г. Кутлера, касающимся защиты крестьянских, а не помещичьих интересов, можно бы на первый взгляд считать признание им принудительного отчуждения частных земель.

Но глубоко ошибся бы тот, кто доверился бы звуку этих слов. Принудительное отчуждение помещичьей земли выгодно крестьянам тогда и только тогда, если действительно помещики будут принуждены отдать крестьянам много земли и отдать дешево. А если помещики принудят крестьян заплатить дорого за жалкие клочки земли?

Слова: «принудительное отчуждение» ровно еще ничего не говорят, раз нет действительных гарантий того, что помещики не надуют крестьян.

Г. Кутлер не только не предлагает ни одной из этих гарантий, а, напротив, всей своей речью, всей своей кадетской позицией исключает их. Внедумской работы кадеты не хотят.

Местные комитеты они открыто проповедают в антидемократическом составе: представители от крестьян и от помещиков поровну с председателем от правительства! Это уже всецело означает принуждение крестьян помещиками.

Добавьте к этому, что оценку земли будут делать такие же помещичьи комитеты,—что на крестьян кадеты возлагают уже теперь (см. конец речи Кутлера) половину платежей за землю (другую половину заплатят тоже крестьяне, только в виде увеличившихся налогов!)—и вы убедитесь, что г.г. кадеты мягко стелют, да жестко спят.

С.-д. и трудовики говорили в Думе за крестьян. Правые и кадеты—за помещиков. Это—факт, и никакие увертки и фразы не скроют его.

*„Наше Эхо“, № 1
от 25 марта 1907 г.*

Дума и утверждение бюджета.

Вопрос об утверждении бюджета Думой имеет самое серьезное политическое значение. По букве закона, права Думы ничтожны¹³²⁾, и правительство несколько не связано согласием Думы в своих действиях. Но фактически известная зависимость правительства от утверждения бюджета Думой существует: это все признают, это особенно подчеркивают и либеральные буржуа, кадеты, склонные пышными фразами об этой зависимости заменять определение скромных границ этой скромной зависимости. Правительство нуждается в деньгах, заем необходим. А заем либо вовсе не удастся заключить без прямого или косвенного согласия Думы, либо удастся лишь с большими трудностями, на таких тяжелых условиях, которые сильно ухудшат положение.

Совершенно очевидно, что при таких условиях обсуждение Думой бюджета и голосование по поводу его имеет двойное политическое значение. Во-первых, Дума должна раскрыть глаза народу на все приемы того организованного хищничества, того систематического, беззастенчивого разграбления народного достояния кучкой помещиков, чиновников и всяких паразитов, которое называется «государственным хозяйством» России. Разъяснить это с думской трибуны, значит помочь народу в борьбе за «народную свободу», о которой так много говорят Балалайкины русского либерализма. Каковы бы ни были дальнейшие суды-

бы Думы и каковы бы ни были ближайшие шаги и «виды» правительства,—во всяком случае только сознательность и организованность народных масс решит в последнем счете исход борьбы за свободу. Кто не понимает этого, тот все приемлет имя демократа.

Во-вторых, беспощадная открытая критика бюджета и последовательно-демократическое голосование по поводу него имеют значение для Европы и европейского капитала, даже для широких слоев европейской средней и мелкой буржуазии, дающей российскому правительству г.г. Столыпинных деньги займы. И банкиры и другие тузы международного капитала дают деньги займы г.г. Столыпиным и К^о ради извлечения такой же прибыли, из-за которой «рискует» всякий другой ростовщик. Не будь уверенности в сохранности отданных в ссуду денег и в правильности получения процентов,—никакая любовь к «порядку» (а «Россия» желанный образец кладбищенского порядка для напуганной пролетариатом европейской буржуазии) не заставила бы раскошелиться всех этих Ротшильдов, Мендельсонов¹³³) и т. д. От Думы в очень значительной степени зависит, укрепить или ослабить у европейских магнатов денежного капитала веру в прочность и в платежеспособность фирмы «Столыпин и К^о». Да и банкиры не в состоянии были бы давать миллиардных займов, если бы широкая буржуазная масса Европы не доверяла русскому правительству. А массу эту систематически обманывают продажные буржуазные газеты всего мира, подкупаемые и банкирами и русским правительством. Подкуп распространенных европейских газет в пользу русских займов—«нормальное» явление даже Жоресу¹³⁴) предлагали 200.000 франков за отказ от кампании против русского займа: настолько ценит наше правительство «общественное мнение» даже тех слоев мелкой буржуазии во Франции, которые способны сочувствовать социализму.

Вся широкая мелко-буржуазная масса Европы обладает ничтожной возможностью проверить действительное состояние русских финансов, действительную платежеспособность русского правительства,—вернее, не обладает почти никакими средствами раскрытия правды. Голос Думы, о прениях и решениях которой будет знать вся европейская публика немедленно, имеет в этом отношении громадное значение. Никто не мог бы так много сделать для лишения Столыпиных и К^о европейской финансовой поддержки, как Дума.

Обязанность «оппозиционной» Думы вытекает отсюда сама собой. Выполняли эту обязанность только социал-демократы.

По признанию полукадетского «Товарища» именно с.-д. всех принципиальнее поставили вопрос в бюджетной речи Г. Алексинского¹³⁵). И вопреки мнению полукадетского «Товарища», с.-д. поступили правильно, внося ясную, прямую, отчетливую декларацию о недопустимости для социал-демократов утверждать бюджет, подобный российскому. Надо бы только добавить в декларации изложение социалистической точки зрения на бюджет классового буржуазного государства.

За социал-демократами пошли только крайние левые народники, т.-е. социалисты-революционеры. Массы крестьянской демократии, трудовики и народные социалисты, колеблются, как всегда, между либеральной партией и пролетариатом: мелкий хозяин тянется за буржуазией, хотя невыносимый гнет крепостнически-фискального «прижима» силой толкает его к борющемуся рабочему классу.

Либералы, пока за ними идут трудовики, продолжают руководить Думой. На указания социалистов на изменническую роль кадетов в вопросе о бюджете они отвечают... плохими шутками или нововременскими, меньшевистскими фразами вроде Струвенского восклицания об эффектном жесте социал-демократов и т. п.

Но ни шуточками, ни виляньем, ни фразами не отвертеться им от того, что обе указанные нами выше задачи демократов втоптаны в грязь буржуазным либерализмом.

Измена либералов революции, как мы не раз выясняли, состоит не в личных сделках, не в личном предательстве, а в классовой политике корыстного примирения с реакцией, прямой и косвенной поддержки ее. Именно эту политику и ведут кадеты в бюджетном вопросе. Вместо разъяснения народу правды они усыпляют внимание народа, нарочно выдвигая вперед канцелярских человек в футляре вроде Кутлера. Вместо разъяснения правды Европе они укрепляют позицию правительства, разменивая на мелочи свою критику и тем отказываясь перед глазами Европы подтвердить банкротство фирмы Столыпин и К^о.

Тайно кадеты и раньше вели эту трусливую, мещански-жалкую политику. Во время выборной кампании во вторую Думу в Петербурге было выяснено социал-демократами на народных собраниях, что кадеты помогли правительству в 1906 г. весной занять два миллиарда франков на расстрелы, военно-полевые суды и карательные экспедиции. Клемансо заявил кадетам, что поднимет кампанию против займа, если к.-д. партия формально выскажется за непринемлемость этого займа для русского

народа. Кадеты отказались это сделать и тем помогли достать деньги на контр-революцию. Об этой проделке они молчат. Но теперь в Думе тайное становится явным. Ту же невыразимо гнусную проделку они открыто совершают в Думе.

Пора с думской же трибуны разоблачить ее во всех деталях и сказать всю правду народу.

*„Наше Эхо“ № 2
от 27 марта 1908 г*

Интеллигентские воители против господства интеллигенции.

В № 13 «Народной Думы» напечатана бесконечно длинная резолюция о массовых рабочих организациях и о рабочем съезде, проектированная к предстоящему съезду группой литераторов и практиков меньшевиков. Имена литераторов, в отличие от других резолюций меньшевиков (о Г. Думе и «тактич. платформе»), не названы. Остается неизвестным, случаен ли этот пробел или он означает иную группировку меньшевиков по данному вопросу. Напомним, что такой горячий меньшевик и сторонник рабочего съезда, как Эль, заявил: «Лишь часть меньшевиков относится более или менее сочувственно к рабочему съезду» (стр. 82 сборника «О всероссийском рабочем съезде». К очередному съезду Р.С.-Д.Р.П.).

Но перейдем к содержанию резолюции. Она распадается на две части: А и Б. Первая часть дает в мотивировке бесконечное количество общих мест о пользе организации и объединения рабочих масс. «Для ради важности», как говорил Базаров, организация превращается даже в самоорганизацию. Правда, это словечко ничего на деле не выражает, никакой определенной мысли не содержит,—но зато оно излюблено сторонниками рабочего съезда! Нужды нет, что эта «самоорганизация» есть только интеллигентский выверт, приковывающий бедность действительных организационных идей,—рабочему никогда бы в голову не пришло выдумывать «самоорганизацию»...

В мотивах критикуется социал-демократия за «господствующую и определяющую роль, которую в ней играет интеллигенция по сравнению с ее пролетарскими элементами». Критика интересная. Мы не будем пока останавливаться на анализе ее действительного общественно-исторического значения,—ибо это по-

вело бы к большому отступлению от данной темы. Мы спросим только: товарищи «литераторы и практики меньшевики», отчего вы не начинаете с себя? Отчего врач не лечит сам себя? Ведь, в каждой фразе вашей резолюции сквозит то, что вы называете «господствующей и определяющей ролью интеллигенции»! Почему бы не начать вашей «интеллигенции» с того, чтобы отстраниться, предоставив «пролетарским элементам» выработку резолюции?? Где гарантия, что в проектируемых вами, «литераторами и практиками меньшевства», «самоорганизациях» не будет повторяться то же явление??

Ларин, Эль и мн. другие сторонники рабочего съезда «разносят» с.-д-тию за протаскивание резолюций. И во имя такой критики литераторы «протаскивают» новые прескучные и претягучие периоды о «самоорганизации»... Картина!

Отмечая в то же время «идейное и политическое влияние» русской с.-д. партии (т.-е. Р.С.-Д.Р.П.? или здесь нарочно выбрано более широкое слово, чтобы включить и г.г. Прокоповича, Кускову, Поссе и пр.?) на передовые слои пролетариата, резолюция говорит о желательности «соединения сил» русской с.-д-тии «с политически сознательными элементами пролетариата» (А, п. 6).

Попробуйте, товарищи, хоть раз подумать над теми словами, из которых вы плетете ваши фразы! Может ли быть «политически сознательный» пролетариат несоциал-демократ? Если нет, тогда ваши фразы сводятся к пустой тавтологии, надутой и претенциозной пустышке. Тогда надо говорить о расширении Р.С.-Д.Р.П. для включения действительных с.-д., в нее до сих пор не входящих.

Если да, то вы сознательным пролетарием объявляете и пролетария-эс-эра. В «политической сознательности» отказать ему смешно! И выходит, что под прикрытием громких фраз о «самоорганизации» и «самостоятельности» классовой партии, вы на деле проповедуете дезорганизацию пролетариата путем вовлечения непролетарских идеологов, путем смешения действительной самостоятельности (с.-д.) с несамостоятельностью, с зависимостью от буржуазной идеологии и буржуазной политики (с.-р.).

Шел в комнату,—попал в другую...

Совсем, как бывшие интеллигенты «экономисты» 1895—1901 годов, навязывавшие рабочим свою узость, свою неуверенность, малодушие, свои метания под флагом «самоорганизации», «чисто-рабочего» движения и т. п.!

Вывод из части А.: «съезд признает важнейшим очередным делом русской социал-демократии работу рука об руку с передовыми элементами рабочих масс (значит, также и рука об руку с эс-эрами рабочими, а не против них?) над сплочением последних в самостоятельные организации, какой бы политически скромный характер по обстоятельствам места и времени они подчас ни носили или должны были носить».

Что тут определенного, конкретного, выходящего за пределы интеллигентского вздыхания? О чем идет речь? Неизвестно.

Возьмем потребительные общества. Это, несомненно, сплочение рабочих. Характер их достаточно скромно политически. Есть ли это «самостоятельные» организации?? Это зависит от точки зрения. Для социал-демократов действительно самостоятельны только проникнутые социал-демократическим духом рабочие общества, и не только проникнутые «духом», но и связанные с с.-д. тактически, политически—путем вхождения в с.-д. партию или путем примыкания к ней.

Для синдикалистов, для «беззаглавцев», для сторонников Поссе, для эс-эров, для «беспартийных (буржуазных) прогрессистов» самостоятельны, наоборот, только те рабочие общества, которые не входят в с.-д. партию и которые не примыкают к ней, не связаны своей фактической политикой, своей тактикой именно с с.-д. и только с с.-д.

Это различие двух точек зрения нами не выдуманно. Всякий признает, что, действительно, есть именно такие две точки зрения, исключающие одна другую и борющиеся везде и повсюду, при всяком «сплочении» рабочих по тому или иному поводу. Это—непримиримые точки зрения, ибо для с.-д. «беспартийность» (в тактике и в политике вообще) есть лишь прикрытая и потому особенно вредная форма подчинения рабочих буржуазной идеологии, буржуазной политике.

Итог: по существу дела резолюция ничего не сказала в своем выводе. В лучшем случае, ее вывод—пустая фраза. В худшем—вредная фраза, сбивающая с толку пролетариат, затемняющая азбучные с.-д. истины, открывающая настежь дверь всяким деклассированным буржуа, которые во всех странах Европы много и долго вредили с.-д. рабочему движению.

Как следует исправить резолюцию?

Фразы надо выкинуть. Сказать надо просто: с.-д. должны содействовать устройству различных рабочих обществ, например, потребительных, заботясь при этом неуклонно о том чтобы вся-

кие рабочие общества служили очагом именно с.-д. пропаганды, агитации, организации.

Это была бы, действительно, «политически-скромная», но деловая и с.-д.-ая резолюция. А у вас, господа интеллигентские воители против «господствующей и определяющей роли интеллигенции»,—у вас получается не пролетарское дело, а интеллигентская фраза.

О второй части резолюции (Б) в следующий раз.

*„Наше Эхо“ № 5
от 30 марта 1907 г.*

Сердитая растерянность.

(К вопросу о рабочем съезде.)

Вторая часть разбираемой*) резолюции (Б) посвящена вопросу о рабочем съезде.

Об этом вопросе меньшевики столько уже писали и столько говорили, что не грех было бы получить резолюцию, действительно подводящую итоги, устраняющую недоразумения и разногласицу в толковании идеи, резолюцию, дающую ясную и определенную директиву партии. Достаточно сказать, что в новейшем перечне русской литературы о рабочем съезде (названная выше брошюра: «О всероссийском рабочем съезде») перечислено до 15 названий брошюр и журналов, трактовавших по-меньшевистски этот вопрос.

Посмотрим же на плоды всей этой «дискуссии».

Пункт первый мотивов:

Массовые рабочие организации, зарождающиеся и складывающиеся на почве одних только профессиональных, местных (?) и вообще (?) групповых (??) нужд и потребностей, сами по себе, без воздействия на них пролетарских социал-демократических партий или организаций, имеют непосредственную тенденцию суживать умственный и политический кругозор рабочих масс узкой сферой профессиональных и вообще частных интересов и повседневных потребностей отдельных слоев или групп пролетариата.

Какие это массовые организации могут складываться на почве групповых нужд,—Аллах ведает. Под группой разу-

*) См. разбор первой части в № 5 „Наше Эхо“. (См. 307—310 стр. этого тома. Ред.)

меют всегда нечто мелкое, диаметрально противоположное массе. Авторы резолюции нанизывают слова на слова, не думая о конкретном, определенном содержании.

Затем, что это значит: массовые организации на почве местных нужд? Какой тип организаций имеется здесь в виду,—опять остается неясным. Если речь идет о таких организациях, как потребительные общества, кооперативы и т. п.; то их отличительный признак заключается вовсе не в их местном характере. Любовь меньшевиков к ющим фразам, уклонение от конкретного изложения вопроса,—это—чисто интеллигентская черта. Она в корне своем чужда пролетариату и вредна с точки зрения пролетариата.

По буквальному значению слов «массовые рабочие организации на почве местных нужд и потребностей» включают в себя Советы Рабочих Депутатов. Это—очень известный в России тип массовых рабочих организаций в революционную эпоху. Можно сказать наверное, что редкая статья о рабочем съезде и о массовых рабочих организациях вообще обходится без указания на этот тип организации. Резолюция—точно в насмешку над требованиями точного и конкретного изложения определенных мыслей и лозунгов—ни слова не говорит о Советах Рабочих Депутатов, ни слова о советах рабочих уполномоченных и т. д.

Выходит так, что нам предподнесли какую-то недоговоренную критику каких-то местных массовых организаций, совершенно не затронув вопроса об их положительном значении, об условиях их деятельности и проч.

Далее, как бы вы ни исправляли по частям этот чудовищно-неуклюжий первый пункт мотивов, в нем остается общая, коренная неправильность. «Без воздействия пролетарских с.-д. партий» не только профессиональные, не только местные, не только групповые, но и массовые не местные политические организации «имеют тенденцию суживать кругозор рабочих».

Первый пункт мотивов должен, по замыслу авторов, объяснить переход к «общерусскому рабочему съезду»: дескать, местные, профессиональные и пр. организации суживают кругозор, а вот общерусский рабочий съезд и т. д. Но логика окончательно изменяет почтеннейшим «литераторам и практикам», ибо воздействие или отсутствие воздействия с.-д. возможно в обоих случаях! Вместо противопоставления вышла путаница...

Пункт второй мотивов:

Встретившая сочувствие в рабочих кругах мысль о созыве об-

шерусского рабочего съезда с целью положить на нем начало политическому объединению русских рабочих внесет объединяющее начало в организационное строительство рабочих масс и выдвинет перед ними на первый план общие интересы рабочего класса и его задачи в современной русской революции.

Во-1-х, правда ли, что пресловутая «мысль» встретила сочувствие в рабочих кругах? Пункт 5-ый мотивов той же резолюции гласит: «стремление самих рабочих к его (раб. съезда) созыву не проявилось еще какими-нибудь серьезными практическими шагами с их стороны для подготовки его».

Нечаянно здесь сказана правда. О рабочем съезде есть уже куча интеллигентских писаний и никаких серьезных практических шагов самих рабочих. Попытка свалить на рабочих интеллигентскую выдумку не удастся.

Далее. Что такое рабочий съезд? Его цель—«положить начало политическому объединению русских рабочих».

Итак, ни Р. С.-Д. Р. П. не положила еще такого начала, не положила его ни ростовская демонстрация 1902 года¹³⁶), ни летние стачки 1903 г.¹³⁷), ни 9 января 1905 г., ни октябрьская стачка 1905 г. До сих пор была история, но теперь ее более нет! «Начало» положено только тем, что Аксельрод и К⁰ придумали рабочий съезд... Это бесподобно.

Что это значит: «политическое» объединение рабочих? Если авторы не изобрели специально для данной резолюции новой терминологии, то это означает объединение вокруг определенной политической программы и тактики. Какой же именно?? Неужели наши интеллигенты не знают, что во всем мире есть и бывали политические объединения рабочих под знаменем буржуазной политики? Или к святой Руси это не относится? На святой Руси всякое политическое объединение рабочих тем самым уже является социал-демократическим объединением?

Бедные авторы резолюции запутались так беспомощно потому, что не посмели прямо выразить мысль, действительно лежащую в основе рабочего съезда и давно уже высказанную более искренними или более молодыми и горячими его сторонниками. Мысль эта состоит в том, что рабочий съезд должен быть беспартийным рабочим съездом. В самом деле, стоило ли бы говорить серьезно о партийном рабочем съезде??

Но сказать прямо и открыто правду: «беспартийно политическое объединение рабочих» наши меньшевики побоялись...

Конец пункта: мысль о созыве съезда «внесет объединяющее

начало в организационное строительство рабочих масс, выдвинет перед ними на первый план общие интересы рабочего класса и его задачи»... Сначала организационное строительство, а потом задачи, т.-е. программа и тактика! Не наоборот ли следует рассуждать, товарищи «литераторы и практики»? Подумайте-ка: можно ли объединить организационное строительство, если не объединено понимание интересов и задач класса? Подумавши, вы убедитесь, что нельзя.

А различные партии различно понимают общие интересы рабочего класса и его задачи в современной революции. Эти задачи даже в единой Р. С.-Д. Р. П. различно понимают меньшевики, сторонники Троцкого, большевики. Подумайте-ка, товарищи: могут ли эти разногласия не отразиться на рабочем съезде? не выплыть на нем? не осложнятся разногласиями с анархистами, эс-эрами, трудовиками и проч., и т. п. Может ли «мысль о созыве рабочего съезда» или созыв его устранить эти разногласия??

И выходит, что посул авторов резолюции: «мысль о созыве съезда внесет объединяющее начало и т. д.» есть либо невинное мечтание совсем молоденького и увлеченного последней прочитанной книжкой интеллигента, либо демагогия, т.-е. увлечение массы невыполнимым обещанием.

Нет, товарищи. Объединяет действительная борьба. Объединяет развитие партий, их продолжительная парламентская и внепарламентская борьба, объединяет всеобщая стачка и т. п. Но экспериментом созыва беспартийного съезда действительного объединения не внесешь, единства в понимании «интересов и задач» не установишь.

Конечно, можно сказать: борьба разных партий на рабочем съезде поведет к более широкой арене действия с.-д. и к их победе. Если так вы смотрите на рабочий съезд, то это надо сказать прямо, не суля молочных рек и кисельных берегов «объединяющего начала». Не говоря этого прямо, вы рискуете тем, что сбитые с толку и ослепленные посулами рабочие придут на съезд для объединения политики, увидят на деле громадные и непримиримые разногласия в политике, увидят невозможность немедленного объединения эс-эров, эс-деков и т. д. и уйдут разочарованными, уйдут с проклятиями по адресу обманувших их интеллигентов, по адресу «политики» вообще, по адресу социализма вообще. Неизбежным плодом такого разочарования будет крик: долой политику! долой со-

циализм! они разъединяют, а не объединяют рабочих! Какие-нибудь примитивные формы чистого трэд-юнионизма или наивного синдикализма усилятся от этого.

Конечно, социал-демократия в конце концов все победит, все испытания выдержит, всех рабочих сплотит. Но разве это довод за политику авантюр?

Пункт 3-ий мотивов:

Внося в разрозненные организационные попытки социально-активных (эк его загибает „для ради важности“!) масс пролетариата такую объединяющую конкретную цель, как созыв общего рабочего съезда (уже не общерусского, а общего! т.-е. общепартийного или беспартийного? Не бойтесь же, товарищи!), пропаганда и агитация в пользу его созыва в свою очередь даст сильный толчек стремлению этих слоев к самоорганизации (т.-е. значит без воздействия с.-д., ибо тогда это не будет самоорганизация?) и поднимет их активность в этом направлении.

Это называется отсылать от Понтия к Пилату. Пункт 2-й: рабочий съезд внесет объединяющее начало. Пункт 3-й: объединение на конкретной цели рабочего съезда даст толчек к самоорганизации. Для чего самоорганизация? Для рабочего съезда. Для чего рабочий съезд? Для самоорганизации. Для чего литераторские резолюции против господства интеллигенции? Для самоудовлетворения интеллигентов.

Пункт 4-й:

Ввиду растущей в рабочих кругах популярности мысли о рабочем съезде, пассивное и в особенности враждебное отношение со стороны партий (?? опечатка? с.-д. партии?) к попыткам проводить ее в жизнь открыло бы широкий простор беспринципным авантюристам для того, чтобы толкнуть рабочих на ложный путь, и бросило бы их в объятия разных демагогов.

Чрезвычайно сердитый пункт. Содержание его—сердитая растерянность. Кого бранят, сами хорошенько не знают,—и стреляют поэтому по своим.

Беру последний (V-й) выпуск «Отголосков». Е. Чарский пишет против Ю. Ларина: Ю. Ларин «открывает внезапно организационную панацею»... «неожиданная рецептура»... «путаница»... Ю. Ларин не замечает, что предлагает «сознательным» актом закрепить стихийные тенденции революции, прямо враждебные делу классового сплочения рабочих масс. И все это делается в интересах рабочего съезда»... «Во всяком случае, перед нами по-

чва, крайне благоприятная для всякого рода «земельной демагогии»... «Злоключения смятенной мысли тов. Ларина».

Кажется, довольно? Ларин обвинен меньшевиками и в демагогии и в авантюризме, ибо рецептура, панацея и прочие комплименты говорят именно об авантюризме.

Выходит, что метили в одного, попали в другого! Поистине, своя своих не познаша. Примите еще во внимание, что если Ларин для авторов резолюции попадает в авантюристы и демагоги, то Эль и К^о идут дальше Ларина. Эль прямо пишет («Всероссийский рабочий съезд», М. 1907 г.), что есть два течения в вопросе о рабочем съезде, что они, московские меньшевики, не согласны ни с «питерцами» (стр. 10), ни с Лариным. «Питерцы» хотят де только съезда рабочего авангарда, а это простая «вариация партийного съезда» (стр. 10—11). Ларин «считается в Питере еретиком и попустителем» (стр. 10). Ларин хочет «всероссийской рабочей партии». Москвичи хотят всероссийского рабочего союза.

Спрашивается, если Ларина так «стделали» в «Отголосках», то куда же отнести Эля, Ахмета Ц., Архангельского, Соломина и К^о? Выходит, что и Ларин и москвичи подпадают под сердитый 4-й пункт!

Но если вы сердитесь, любезные товарищи, и порицаете в своей резолюции «ложный путь», то вы обязаны по крайней мере сказать, где истинный путь. Иначе ваша сердитая расгерянность становится совсем смешной. А ведь вы, отвергая и «всероссийский рабочий союз» и «всероссийскую рабочую партию», ни словечка не говорите о том, для какой же практической цели вы хотите рабочего съезда!

Демагоги и авантюристы способны взяться за рабочий съезд для ложных целей. Поэтому должны сочувственно отнестись к рабочему съезду мы, с.-д., не указывая этому съезду никаких целей... Ей-богу, меньшевистская резолюция—настоящая коллекция всяческих несообразностей.

Пункт 5-ый:

С другой стороны, вопросы о задачах рабочего съезда, о путях и способах его подготовки еще очень мало выяснились в с.-д. кругах (ну, все же настолько выяснились, что и Ларин и москвичи задачи съезда, пути и способы указали ясно! Нечего прятать голову под крыло, товарищи-„питерцы“. От этого высиженные Аксельродом утята не переберутся из лужи на сушу!), что стремление самих рабочих к его созыву не проявилось еще какими-нибудь серьезными практическими шагами с их стороны для подготовки его

и что съезд только в том случае явится действительным, а не мнимым, выразителем коллективной воли сознательных слоев пролетариата и послужит делу его классового объединения, если созыв его подготовлен будет их собственной организованной самостоятельностью при усиленном планомерном содействии партии.

Это называется: начали за здравие, а кончили за упокой. Только-было Ларин и молодые москвичи проявили «самостоятельность»,—а на них уже питерцы прикрикивают: подожди! ты еще не выразитель коллективной воли! ты еще мало выяснил! созыв (беспартийного) съезда еще не подготовлен усиленным содействием партии!

Бедные товарищи Эль, Ахмет Ц. и К^о! Они было так весело, с таким увлекательным молодым задором размахнулись, издали целых два сборника статей о рабочем съезде, разобрали вопрос со всех сторон, разъяснили и «общеполитическое» его значение и организационное, и отношение к Думе, и отношение к партии, и отношение к «мелко-буржуазной стихии»,—и вдруг, какой с помощью Аксельрода поворот!

Мы боимся, что если до сих пор один Ларин «бунтовал» (помните: «еретик и попуститель») против казенного меньшевизма, то теперь этот бунт перейдет в восстание... Пообещал Аксельрод самостоятельность и истинно-рабочий съезд против господства интеллигенции,—а теперь литераторы «питерцы» решают и разъясняют, что надо понимать эту самостоятельность... с разрешения той же обруганной «интеллигентской» партии!

* * *

Неудивительно, что выводы из такой мотивировки получают прямо курьезные:

Исходя из всех соображений, съезд Р.С.-Д.Р.П. предлагает товарищам рабочим и интеллигентам (неужели? как милостиво со стороны борцов против „господства“ интеллигенции!) заняться (но не по-Ларински и не по-Ахметовски!) всесторонним обсуждением вопросов, относящимся к программе и задачам рабочего съезда, к пропагандистской, агитационной и организационной работе по его подготовке и к путям и способам его созыва.

Партийный съезд считает в то же время обязанностью партийных учреждений оказывать всяческую поддержку пропагандистским, агитационным и организационным попыткам, направленным на подготовку рабочего съезда; враждебную же агитацию против попыток

этого рода признает принципиально недопустимой, так как она стремится сохранить и упрочить устарелый партийный режим в русской социал-демократии, ставший уже несовместимым ни с современным уровнем развития и запросами группирующихся внутри и вокруг нее пролетарских элементов, ни с запросами революции.

Ну, как же не назвать этого сердитою растерянностью? Как не смеяться над такой резолюцией?

Партийный съезд запрещает защищать устарелый партийный режим, каковой режим сам этот съезд утверждает!

Партийный съезд никаких реформ устарелого режима не предлагает, даже пресловутый «рабочий съезд» (в целях непостижимого «политического объединения») откладывает и в то же время обязывает поддерживать... «попытки»!

Настоящее импотентное интеллигентское брюзжание: я недоволен современным, устарелым партийным режимом, не хочу сохранять и упрочивать его!—Отлично. Не хотите сохранять—предложите определенные изменения, мы их обсудим охотно. Скажите, будьте ласковы, какого рода рабочий съезд вам желателен?—Это еще не выяснено... стремление не проявилось... созыв не подготовлен. Надо заняться обсуждением.—Отлично. Резолюций писать о том, чтобы «заняться обсуждением», право, не стоит, дорогие товарищи, ибо мы и так обсуждаем уже давно. Но ведь рабочая партия не—клуб для интеллигентских «обсуждений», а боевая пролетарская организация. Обсуждение—обсуждением, а жить и действовать надо. В какой же партийной организации разрешается жить и действовать? в прежней?—Не смейте защищать устарелой прежней организации, не смейте сохранять и упрочивать ее!—Отлично и т. д.

Сказка про белого бычка. Интеллигент капризничает и сердится на свою собственную нерешительность, на свою собственную растерянность.

Таково последнее слово «казенного меньшевизма».

Хотя кругом да около, меньшевистские литераторы благополучно обошли назревший и поставленный как в жизни, так и в литературе вопрос: самостоятельная с.-д. рабочая партия или замена ее (вариант: подчинение ее) беспартийной политической организацией пролетариата?

Наша большевистская резолюция прямо и определенно решает этот вопрос, открыто ставя его. Уклоняться тут бесполез-

но,—все равно, будет ли проистекать уклончивость от растерянности или от благожелательного «примиренчества». Уклоняться бесполезно, ибо за меня предложена и работа для такой замены идет. Интеллигентские насадки меньшевизма высидели утят. Утята поплыли. Насадки должны выбирать: по воде или по суше? Ответ, даваемый ими (этот ответ можно довольно точно передать словами: и не по воде и не по суше, а по грязи), не есть ответ, отсрочка, оттяжка.

Аксельрод не мог удержать Ларина. Ларин не мог удержать Эля, Ахмета Ц. и К°. Эта последняя компания не может удержать анархо-синдикалистов.

По воде или по суше, господа?

Мы хотим итти по суше. Мы вам предсказываем, что чем усерднее, чем решительнее полезете вы в грязь, тем скорее вернетесь на сушу.

Для расширения и укрепления влияния с.-д. на широкие массы пролетариата, мы предлагаем не замену социал-демократии «рабочей партией» беспартийного типа, не «всероссийский рабочий союз», стоящий над партией, не рабочий съезд для неизвестных целей, а нечто простое, скромное, чуждое всякого прожектерства: необходимо, «с одной стороны, усилить работу по организации профессиональных союзов с.-д., пропаганду и агитацию внутри их, а с другой стороны, привлекать все более и более широкие слои рабочего класса к участию во всякого рода партийных организациях» (последний пункт большевистской резолюции).

Блазированным интеллигентам это кажется слишком «устарелым», слишком скучным. Пусть прожектерствуют: мы пойдем за рабочими и на «рабочий съезд» (если он осуществится), покажем там на деле правильность наших предсказаний и... и вернемся с разочарованными (вернее: с разочаровавшимися в некоторых интеллигентских вождях) рабочими к «устарелой» работе в профессиональных союзах и в партийных организациях всякого рода.

* *
*

Чем объясняется «рабочесъездовское» течение в нашей партии? Мы можем здесь только вкратце наметить три основные, на наш взгляд, причины: 1) интеллигентски-обывательскую усталость от революции; 2) своеобразие русского с.-д. оппортунизма, исторически развивающегося в направлении подчинения «чисто-рабочего» движения влиянию буржуазии; 3) непереваренные традиции октябрьской революции в России.

Ad 1) Участи рабочесъездовцев явственно сказывается утомление революцией и желание во что бы то ни стало легализовать партию, выкинуть всякую там республику, диктатуру пролетариата и пр. Легальный рабочий съезд—удобное средство для этого. Отсюда (отчасти и по второй причине) сочувствие эн-эсов, «беззаглавцев»-бернштейншанцев (из «Товарища» и т. п.) и кадетов такому съезду.

Ad 2) Возьмите первую историческую форму российского с.-д. оппортунизма. Начало массового рабочего движения (вторая половина 90-х годов прошлого века) породило этот оппортунизм в виде «экономизма» и струвизма. Связь того и другого не раз выясняли тогда и Плеханов и Аксельрод и все старейшие скривцы. Знаменитое Прокоповичевско-Кусковское «Credo» (1899—1900 г.г.) выразило эту связь рельефно: интеллигенция и либералы пусть ведут политическую борьбу, а рабочие—экономическую. Политическая рабочая партия—выдумка революционного интеллигента.

В этом классическом «Credo» ярко выражен исторический классовый смысл интеллигентского увлечения «чисто-рабочим» движением. Смысл этот—подчинение рабочего класса (во имя «чисто-рабочих» задач) буржуазной политике и идеологии. «Увлечение» интеллигентов выражало капиталистические тенденции подчинения неразвитых рабочих либералам.

Теперь, на высшей ступени развития мы видим то же самое. Блоки с кадетами, вообще политика поддержки кадетов—и беспартийный рабочий съезд, это две стороны одной медали, связанные так же, как либерализм и чисто-рабочее движение в «Credo». На деле беспартийный рабочий съезд выражает ту же капиталистическую тенденцию ослабления классовой самостоятельности пролетариата и подчинения его буржуазии. Эта тенденция выступает ярко в планах замены социал-демократии беспартийной рабочей организацией или подчинения ее этой последней.

Отсюда—сочувствие эн-эсов, «беззаглавцев», эс-эров и пр. идее «рабочего съезда».

Ad 3) Российская буржуазная революция создала своеобразные массовые организации пролетариата, не похожие на обычные европейские (профессиональные союзы и с.-д. партия). Это—Советы Рабочих Депутатов.

Схематически развивая подобные учреждения в систему (как делал Троцкий) или сочувствуя вообще революционному подъему пролетариата и увлекаясь «модной» фразой «революционного син-

дикализма» (как некоторые московские рабочесъездовцы), легко прийти не оппортунистическим, а революционным путем к идее рабочего съезда.

Но это—некритическое отношение к великой и славной революционной традиции.

На деле Советы Рабочих Депутатов и подобные им учреждения были органами восстания. Их сила и успех всецело зависели от силы и успеха восстания. Их возникновение только тогда было не комедией, а подвигом пролетариата, когда нарастало восстание. При новом подъеме борьбы, при переходе ее в эту фазу, неизбежны и желательны, конечно, подобные учреждения. Но их историческое развитие должно заключаться не в схематическом продолжении местных Советов Рабочих Депутатов до всероссийского рабочего съезда, а в превращении зачаточных органов революционной власти (именно такими органами были Советы Рабочих Депутатов) в центральные органы победившей революционной власти, в Революционное Временное Правительство. Советы Рабочих Депутатов и их объединение необходимы для победы восстания. Победившее восстание неминуемо создает иные органы.

* *

*

Зарекаться от участия в рабочем съезде российская социал-демократия, конечно, не должна, ибо развитие революции идет крайне зигзагообразным путем и может принести самые различные и своеобразные положения. Но одно дело—внимательно изучать различные условия то поднимающейся, то опускающейся революции, стараться использовать их,—и совсем другое дело заниматься путанным или анти-социал-демократическим проектерством.

*„Вопросы тактики“,
Сборник II*

А п р е л ь.

Аграрный вопрос и силы революции.

Газета «Трудовой Народ», орган трудовиков и членов Крестьянского союза, определяет соотношение сил в Думе по земельному вопросу, «вопросу жизни» для крестьянства.

«Дружно могут пойти в земельном вопросе, во имя интересов трудового народа, трудовики (100), н.-с. (14) и с.-р. (34); итого 148 человек. Допустим, что и с.-д. (64) по многим пунктам земельного вопроса будут с ними, итого 212 человек.

«А против них всех в земельном вопросе будут к.-д. (91), польское коло (46), беспартийные (52), октябристы и умеренные (32),—итого 221 чел.

«Против больше. Мы не считали ни мусульман (30), ни казаков (17); может быть, в лучшем случае, половина их отойдет к левым, половина к правым: все равно против больше, чем за земельный закон трудовиков».

В этом подсчете опущены еще монархисты (22), но добавление их только усиливает вывод трудовиков.

Этот вывод представляет интерес в двух отношениях: во-первых, он проливает свет на основной вопрос о соотношении общественных сил в современной русской революции; во-вторых, он помогает выяснить значение Думы и думской борьбы в освободительном движении.

Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства, и что результатом переворота неизбежно является дальнейшее развитие именно этих отношений производства. Говоря проще: подчинение всего общественного хозяйства власти рынка, власти денег остается и при самой полной свободе и при самой полной победе кре-

стьян в борьбе за землю. Борьба за землю, борьба за свободу есть борьба за условия существования буржуазного общества, ибо господство капитала остается в самой демократической республике и при каком угодно переходе «всей земли народу».

Тому, кто не знаком с учением Маркса, такой взгляд может показаться странным. Но убедиться в его правильности не трудно: стоит припомнить Великую Французскую Революцию и ее результаты, историю американских «свободных земель» и т. д.

Называя буржуазной современную революцию, с.-д. вовсе не хотят принизить ее задач, уменьшить ее значение. Наоборот. Борьба рабочего класса с классом капиталистов не может развернуться достаточно широко и кончиться победой, пока не свергнуты более древние исторические враги пролетариата.

Поэтому главной задачей пролетариата в настоящий момент является завоевание наиболее полной свободы и наиболее полное уничтожение помещичьего (крепостнического) землевладения. Только в такой работе, полной демократической ломки старого, полукрепостного, общества, пролетариат может вполне окрепнуть, как самостоятельный класс, вполне выделить свои особые, т.-е. социалистические задачи из общих «всему бесправному народу» демократических задач и обеспечить себе наилучшие условия наиболее свободной, широкой и усиленной борьбы за социализм. При не оконченном, не доведенном до конца буржуазно-демократическом освободительном движении пролетариату приходится гораздо больше тратить свои силы не на пролетарски-классовые, т.-е. не на социалистические, а на обще-демократические, т.-е. на буржуазно-демократические задачи.

Но может ли социалистический пролетариат совершать самостоятельно и в качестве руководящей силы — буржуазную революцию? Не означает ли понятие: буржуазная революция того, что совершить ее может только буржуазия?

На этот взгляд часто сбиваются меньшевики. Но этот взгляд есть карикатура на марксизм. Буржуазное — по своему общественно-экономическому содержанию — освободительное движение не является таковым по его движущим силам. Движущими силами его могут быть не буржуазия, а пролетариат и крестьянство. Почему это возможно? Потому, что пролетариат и крестьянство еще более, чем буржуазия, страдают от остатков крепостничества, еще более нуждаются в свободе и в уничтожении помещичьего гнета. Напротив, буржуазии полная победа грозит опасностью: полной свободой пролетариат воспользуется против буржуазии и

воспользуется тем легче, чем полнее свобода, чем полнее уничтожение помещичьей власти.

Отсюда—стремление буржуазии закончить буржуазную революцию на полпути, на полусвободе, на сделке со старой властью и с помещиками. Это стремление коренится в классовых интересах буржуазии. Оно проявилось уже так ярко в германской буржуазной революции 1848 года, что коммунист Маркс все острие пролетарской политики направил тогда на борьбу с «соглашательской» (выражение Маркса) либеральной буржуазией.

У нас в России буржуазия еще трусливее, пролетариат же гораздо сознательнее и лучше организован, чем немецкий в 1848 г. У нас полная победа буржуазно-демократического движения возможна только вопреки «соглашательской» либеральной буржуазии, только в том случае, если масса демократического крестьянства пойдет за пролетариатом в борьбе за полную свободу и за всю землю.

Вторая Дума подтверждает эту оценку еще более рельефно. Теперь даже крестьяне поняли, что либеральных буржуа, кадетов, надо причислять к правым, а крестьян и рабочих к левым. Правда, «трудовики», н.-с. и с.-р. постоянно колеблются между буржуазией и пролетариатом, оказываясь сплошь да рядом фактически политическим хвостом либералов. (Голосование за Головина, «тактика молчания», согласие сдать бюджет в комиссию и пр., и т. д.). Эти колебания не случайны. Они вытекают из классовой природы мелкой буржуазии.

Почему кадетов надо причислять к правым в таком жгучем вопросе, как земельный? Потому, что кадетская аграрная политика есть по существу дела помещичья политика. Кадетское «принудительное отчуждение» есть на деле принуждение крестьян помещиками к разорительному выкупу, ибо фактически и размеры выкупов, и размеры налогов определяют помещики: на местах помещики вместе с чиновниками будут преобладать в земельных комитетах (в первой Думе кадеты были против выбора их всеобщим голосованием), а в центральном общероссийском законодательстве помещики будут главенствовать через Гос. Совет и т. д. Кадетский «либерализм» есть либерализм буржуазного адвоката, который мирит крестьянина с помещиками и мирит в пользу помещика *).

*) Добавим также, по поводу фразы „Речи“, что о помещичьем характере кадетов можно говорить только на митингах, следующее: по известной книге „Члены II-й Гос. Думы“ (Спб. 1907) мы насчитали 79 определенных кадетов; из них 20 помещиков. Назовем Тучкова, Богуславского, Бычкова, Баку-

Перейдем ко второму вопросу. Кадеты и правые — большинство Думы. „Как выйти из этого?“ спрашивает „Трудовой Народ“. Ответ простой: чтобы „выйти из этого“, нужно подняться выше чисто думских словопрений.

Это было бы необходимо даже в том случае, если бы левые имели большинство в Думе, ибо Дума безвластна, и Гос. Совет „улучшит“ в интересах помещиков всякий думский проект. Это необходимо и теперь, — необходимо не в смысле субъективно-партийном, а в смысле объективно-историческом: без этого вопрос о земле может решиться только в пользу помещиков.

*„Наше Эхо“ № 7
от 1 апреля 1907 г.*

Анемичная Дума или анемичная мелкая буржуазия.

Растет понемногу число органов ежедневной печати, стоящих левее кадетов. Слышнее становится голос левой части Думы, стоящей между к.-д. и с.-д.

Новинкой явилась ежедневная печать „народных социалистов“. Их газета „Общественное Дело“ (воскресенье 1 апреля) сразу взяла в высшей степени характерный и знаменательный тон жалобы, сожаления, раскаяния.

На что они жалуются? На то, что Дума „анемична“ (т. е., говоря по-русски, малокровна и худосочна).

О чем они сожалеют? О долгом господстве лозунга „берегите Думу“.

В чем они раскаяваются? В своем содействии кадетской тактике.

Правда, это раскаяние далеко от того, чтобы быть полным, настоящим, искренним раскаянием, — тем раскаянием, которое составляет, по известному изречению, половину исправления. Раскаяние „народных социалистов“ настолько неискренно, что в первом же своем покаянном номере они отвечают нам злобной выходкой, что мы-де, социал-демократы большевики, „разрешаем расногласия, называя противника невеждой, жалким“ и т. д., что

ниша, Родичева, Богданова, Салазкина, Татарина, Стаховича, Иконникова, Савельева, Долгорукова, Челнокова, Головина, обоих Перелешиных, Волоцкого, Иорданского, Черноусовского. Подчеркнуты предводители дворянства, земские начальники и председатели земских управ.

мы «фактически неточно» приписываем противнику «вступление на соглашательский путь».

Мы бы не стали, конечно, занимать читателя этим вопросом об искренности народнического раскаяния, если бы этот вопрос не связывался самым тесным и непосредственным образом с вопросами, имеющими решающее значение в оценке всей второй Думы,—более того: в оценке всей российской революции.

Народники,—это три фракции Думы, солидарные в целом ряде основных вопросов, ведущие более или менее дружную общую политику, отражающие так или иначе интересы и точку зрения громадной массы русского народа.

Среди этой категории депутатов больше всего крестьян, и едва ли можно спорить против того, что широкая масса крестьянства всего точнее выразила свои потребности (и свои предразсудки) именно через эту, а не иную какую-нибудь, категорию депутатов Думы. Следовательно, вопрос о политике народников в Думе связан с вопросом о политике крестьянской массы, без участия которой не может быть и речи о победе освободительного движения.

Народные социалисты говорят явную и вопиющую неправду, будто с.-д. разрешают разногласия бранью или облыжно приписывают трудовикам (т.-е. народникам) соглашательство. Это неправда, господа, ибо с самого начала деятельности второй Думы, совершенно независимо от народников и борьбы с ними, с.-д. выразили уже ту оценку пресловутого лозунга «берегите Думу»,—оценку, к которой вы теперь, ковыляя, подходите.

«Берегите Думу!»—писал 21-го февраля наш коллега, Н. Р.,—вот возглас, постоянно срывающийся с уст буржуазных избирателей и повторяемый буржуазной печатью, не только кадетской, но и «левой»—вроде «Товарища»... Секрет сбережения Думы давно открыт черносотенно-октябристской печатью и правительством. Думу легко сбросить, если она будет «работоспособна» и «законопослушна», т.-е. если она будет раболепно распространяться перед правительством, не решаясь ни на что большее, чем робкие просьбы и униженные ходатайства. Думу легко сбросить, если она изменит делу всенародного освобождения и отдаст его в жертву черносотенной клике. Только в этом случае и можно сохранить Думу, если власть останется в старых руках. Это должно быть ясно для всех, этого нельзя забывать. Но разве можно сохранить Думу ценой измены! На этот вопрос социал-демократия громко и ясно отвечает: никогда! Изменническая Ду-

ма не нужна пролетариату и крестьянству. Недаром и московские крестьяне заявили в наказе своему депутату: «Пусть разгонят вас, но воле народа не изменяй». Если Дума будет заботиться главным образом о том, чтобы не раздражать правительство,—она лишится доверия народа, она не выполнит той задачи, которая лежит на ней: содействовать по мере возможности организации народных масс для победы над реакцией и торжества освободительного движения... Боятся только сильных. И уважают только сильных. Истерические вопли: «берегите Думу» не достойны свободного народа и его избранных.

Это написано на второй день после открытия второй Думы. И кажется, это ясно написано!

Народники, представляющие и в своей литературе, и в общей политике, и в Думе интересы разных слоев мелкой буржуазии, мелких хозяев (в городе, но особенно в деревне, т.-е. крестьян), начали теперь понимать, что с.-д. говорили правду. События подтвердили нашу политику.

Но, чтобы «не приходить слишком поздно», чтобы не превратиться в политика «задним умом»,—недостаточно учиться у событий. Надо понять ход событий, понять основные соотношения между классами, определяющие политику разных партий и всей Думы.

«Берегите Думу» есть кадетский лозунг, выражающий кадетскую политику. В чем ее суть? В соглашении с реакцией против требований народа. В чем выражается это соглашение? В подчинении таким учреждениям и таким рамкам деятельности, которые установлены реакцией. В превращении требований свободы и требований народа в мизерные, убогие, лживые «реформы», уместающиеся в этих рамках. Почему с.-д. называют эту политику либералов изменнической? Потому, что поражение всех неудавшихся буржуазных революций всегда оказывалось возможным лишь благодаря соглашению либералов с реакцией, т.-е. фактическому переходу их от народной свободы к реакции. Либеральный реформизм в революции есть измена народной свободе. А порожден он не случаем, а классовыми интересами буржуазии и части помещиков, боящихся народа и, особенно, рабочего класса.

«Берегите Думу», этот лозунг потому и имеет значение, что он ярко выражает общую линию этой изменнической политики. Отдельные проявления ее: тактика молчания в ответ на декларацию, оканчивание задач продовольственной и безработной

комиссий, окарнаание речей в Думе, размен Думы на комиссии, сдача бюджета в комиссию и проч

Народники, представители мелкой буржуазии, поддерживали и поддерживают эту политику кадетов. Народники голосовали за Головина, вместо того, чтобы воздерживаться. Народники участвовали в жалкой «тактике молчания», и эн-эсы, и эс-эры тоже. Только под повторным влиянием эс-деков народники начали отпадать от к.-д. Но и теперь и трудовики, и н.-с. и с.-р. колеблются во всей своей политике, не понимая задачи борьбы с кадетами и разоблачения их с Думской трибуны.

Эти колебания — результат анемичности мелкого буржуа.

«Анемичность» частью уставшего от революции, частью колеблющегося и шаткого от (социальной) природы мелкого буржуа,—основная причина «анемичности Думы». И мы скажем народникам: на зеркало неча пенять.

Не будьте анемичны в своей политике, порвите с кадетами, идите решительно за пролетариатом, предоставьте либералам беречь Думу, а сами открыто, смело и твердо оберегайте интересы и традиции освободительного движения—вот тогда ваше раскаяние будет, действительно, «половиной исправления»!

„Наше Эхо“ № 8
от 3 апреля 1907 г.

Торжествующая пошлость или кадетствующие эс-эры.

Вчера мы отметили, что народники как будто спохватились после месячного существования Думы и начали...—не скажу: понимать, но хоть чувствовать всю низость пресловутого кадетского лозунга: берегите Думу. Мы показали в статье по этому поводу, что кадетский лозунг—не случайность, а выражение политики, определяемой глубокими классовыми интересами буржуазии и помещиков.

Сегодня главный орган кадетов «Речь» (3 апреля) посвящает передовицу этому вопросу. «Резкие протесты левых газет последних дней,—пишет кадетский передовик,—против тактики «берегите Думу» являются довольно тревожным симптомом».

Так. Так. Мы рады, что раскаяние народников в «бережении Думы» замечено и кадетами. Значит, наше вчерашнее наблю-

дение—не ошибка. Значит, есть действительно течение в мелкой буржуазии от либеральных помещиков к рабочему классу. В час добрый!

Кадетская «Речь» восхваляет тактику «бережения Думы» в таких выражениях, которые следовало бы увековечить, как перл пошлости. Послушайте только: «ведь если Дума живет, это и есть сознательный плод ваших (оппозиций) усилий. Это есть первый осязательный результат вмешательства вашей воли в события. Это отсутствие фактов и есть само по себе факт величайшей важности, есть исполнение вами задуманного и проведенного плана».

Жаль, что не дожил Щедрин до «великой» российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу к «Господам Головлевым», он изобразил бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика: ты ждешь улучшения? Ты разочарован отсутствием перемены в порядках, основанных на голоде, на расстреливании народа, на розгах и нагайке? Ты жалуешься на «отсутствие фактов»? Неблагодарный! Но ведь это отсутствие фактов и есть факт величайшей важности! Ведь это сознательный результат вмешательства твоей воли, что Лидвали по-прежнему хозяйничают, что мужики спокойно ложатся под розги, не предаваясь зловредным мечтам о «поэзии борьбы».

Черносотенцев трудно ненавидеть: чувство тут уже умерло, как умирает оно, говорят, на войне после длинного ряда сражений, после долгого опыта стрельбы в людей и пребывания среди рвущихся гранат и свистящих пуль. Война есть война,—и с черносотенцами идет открытая, повсеместная, привычная война.

Но кадетский Иудушка Головлев способен внушить самое жгучее чувство ненависти и презрения. Ведь этого «либерального» помещика и буржуазного адвоката слушают, слушают даже крестьяне. Ведь он действительно засоряет глаза народу, действительно отупляет умы!..

С Крушеванами нельзя бороться словами, пером. С ними приходится бороться иначе. Бороться словом, пером против контрреволюции значит, прежде всего, больше всего разоблачать тех отвратительных лицемеров, которые во имя «народной свободы», во имя «демократии» воспевают политический застой, народное молчание, забитость превращенного в обывателя гражданина, «отсутствие фактов». Бороться надо с этими либеральными помещиками и буржуазными адвокатами, которые вполне довольны

тем, что народ молчит и что они могут безнаказанно, безбоязненно корчить из себя «государственных мужей», проливая елей умиротворения на тех, кто «бестактно» возмущается господством контр-революции.

Разве можно спокойно слушать и оставлять без бичующего ответа такие речи:

«День, когда дебаты в Таврическом дворце будут казаться такой же неизбежной принадлежностью дня, как обед днем и театр вечером, когда программа дня будет интересовать не всех вместе, а тех или других специально (!!), когда дебаты об общей политике станут исключением, а упражнения в беспредметном красноречии сделаются фактически невозможны, вследствие отсутствия слушателей,—этот день можно будет приветствовать, как день окончательного торжества представительного правления в России».

Это ты, Иудушка! День, когда секомые вместо «дебатов» будут молчать, теряя сознание, когда старая помещичья власть (подкрепленная «либеральными» реформами) будет так же обеспечена помещикам, как обеспечен либеральным Иудушкам обед днем, а театр вечером,—этот день будет днем окончательного торжества «народной свободы». День, когда контр-революция восторжествует окончательно, будет днем окончательного торжества конституции...

Так было — при всех европейских изменах буржуазии. Так будет... будет ли так, господа, в России?

Иудушки стараются очистить себя, доказывая, что и среди левых партий были и есть сторонники «бережения». К счастью, на этот раз среди сбитых с толку Иудушек фигурирует не эс-дек, а эс-эр. Кадеты цитируют места из Таммерфорсской речи какого-то эс-эра, зовущего к «сотрудничеству» с кадетами, оспаривающего своевременность и надобность борьбы с ними.

Мы не знаем этой речи, не знаем, верно ли цитирует ее «Речь».

Но мы знаем резолюцию последнего съезда эс-эров, а не отдельную речь,—и резолюция эта действительно выражает оупление мелкого буржуа, которого заговорил либеральный Иудушка.

В официальном органе партии с.-р. (№ 6, от 8 марта 1907 года) эта резолюция напечатана, и оказывается, что старые, февральские выдержки из нее приведены газетами правильно. Там действительно сказано черным по белому: «съезд (п. с.-р.) находит, что резкая партийная группировка внутри Думы, при

изолированном выступлении каждой отдельной группы и острой междупартийной борьбе, могла бы совершенно парализовать деятельность оппозиционного большинства и тем дискредитировать в глазах трудящихся классов самую идею народного представительства». «Речь» тогда же (22 февр.) похвалила эту пошлость. Мы тогда же (23 февраля) осветили ее, показали мелкобуржуазное происхождение и либерально-предательское значение подобной съездовской резолюции.

Будет ли политически убит Иудушкиным поцелуем какой-то эс-эровский вождь,—это нам неинтересно. Но кадетская резолюция эс-эровского съезда должна быть тысячу раз освещена перед рабочими, для предостережения шатких эс-деков, для разрыва всякой связи между пролетариатом и якобы революционными эс-эрами.

*„Наше Эхо“ № 9
от 4 апреля 1907 г.*

Предисловие к русскому переводу книги: „Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.“.

Предлагаемое русской публике собрание писем Маркса, Энгельса, Дицгена, Беккера и других вождей международного рабочего движения прошлого века представляет из себя необходимое дополнение к нашей передовой марксистской литературе.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на важности этих писем для истории социализма и для всестороннего освещения деятельности Маркса и Энгельса. Эта сторона дела не требует пояснений. Отметим только, что для понимания печатаемых писем необходимо знакомство с основными работами по истории Интернационала (см. Iekк: «Интернационал». Русский перевод в издании «Знания»), затем немецкого и американского рабочего движения (см. Фр. Меринг: «История германской социал-демократии» и Морис Хиллквит: «История социализма в Америке») и т. д.

Мы не намерены также пытаться дать здесь общий очерк содержания этой переписки и оценку различных исторических периодов, к которым она относится. Меринг превосходно выполнил это в своей статье: «Der Sorgesche Briefwechsel» Neue Zeit», 25 Jahrg., Nr. 1 und 2), которая приложена будет, вероятно, изда-

телем к настоящему переводу или появится в отдельном русском издании.

Для русских социалистов в переживаемую нами революционную эпоху, особенный интерес представляют те уроки, которые борющийся пролетариат должен вынести из знакомства с интимными сторонами деятельности Маркса и Энгельса на протяжении почти 30 лет (1867—1895). Неудивительно поэтому, что и в нашей с.-д. литературе первые попытки познакомить читателей с письмами Маркса и Энгельса к Зорге делались в связи с «боевыми» вопросами социал-демократической тактики в русской революции (Плехановская «Современная Жизнь», меньшевистские «Отклики»). На оценке тех мест печатаемой переписки, которые особенно важны с точки зрения современных задач рабочей партии в России, мы и намерены остановить внимание читателей.

Всего чаще высказывались Маркс и Энгельс в своих письмах о злободневных вопросах англо-американского и немецкого рабочего движения. Это понятно, ибо они были немцами, которые жили в то время в Англии и переписывались с своим американским товарищем. О французском рабочем движении и особенно о Парижской Коммуне Маркс высказывался гораздо чаще и обстоятельнее в тех письмах, которые он писал немецкому с.-д. Кугельману*).

Сравнение того, как высказывались Маркс и Энгельс по вопросам англо-американского и немецкого рабочего движения, чрезвычайно поучительно. Если принять во внимание, что Германия, с одной стороны, Англия и Америка,—с другой, представляют из себя различные стадии капиталистического развития, различные формы господства буржуазии, как класса, во всей политической жизни этих стран,—то указанное сравнение приобретает особенно большое значение. С научной точки зрения, мы наблюдаем здесь образчик материалистической диалектики, умение выдвинуть на первый план и подчеркнуть различные пункты, различные стороны вопроса в применении к конкретным особенностям тех или иных политических и экономических условий. С точки зрения практической политики и тактики рабочей партии, мы видим здесь образчик того, как творцы «Коммунистического Манифеста» определяли задачи борющегося пролетариата применительно к различным этапам национального рабочего движения разных стран.

*) См. „Письма К. Маркса к другу Кугельману“. Перевод под ред. и с предисловием Н. Ленина, Спб. 1907 г. (см. выше, стр. 190—197 этого тома. Ред.).

В англо-американском социализме Маркс и Энгельс всего резче критикуют его оторванность от рабочего движения. Красной нитью, через все их многочисленные отзывы о «С.-д. федерации» (Social Democratic Federation) в Англии и об американских социалистах, проходит обвинение в том, что они превратили марксизм в догму, в «окаменелую (starre) ортодоксию», что они видят в нем «символ веры, а не руководство для действия», что они не умеют приладиться к идущему около них, теоретически беспомощному, но живому, массовому, могучему рабочему движению. «Где были бы мы теперь,—воскликает Энгельс в письме от 27 января 1887 г.,—если бы мы в период времени 1864—1873 г. всегда хотели бы идти рука об руку только с теми, которые открыто признавали нашу программу?» А в предыдущем письме (28 декабря 1886 г.), касаясь вопроса о влиянии на рабочий класс в Америке идей Генри Джорджа ^{138 а)}, он пишет: «Один или два миллиона рабочих голосов, поданных в ноябре за действительную («bona fide») рабочую партию, в данную минуту бесконечно важнее, чем сотня тысяч голосов за безукоризненную в теоретическом отношении программу».

Это—очень интересные места. У нас нашлись эс-деки, поспешившие использовать их в защиту идеи «рабочего съезда» или чего-то вроде Ларинской «широкой рабочей партии». Почему же не в защиту «левого блока»? спросим мы таких скороспелых «использователей» Энгельса. Письма, из которых взяты цитаты, относятся к тому времени, когда рабочие в Америке голосовали на выборах за Генри Джорджа. Г-жа Вишневецкая—американка, вышедшая за русского и переездившая сочинение Энгельса,—просила его, как видно из ответа Энгельса ей, раскритиковать хорошенько Генри Джорджа. Энгельс пишет (28 декабря 1886 г.), что для этого не настало еще время, ибо пусть лучше рабочая партия начнет складываться на не совсем чистой программе. Потом, де, сами рабочие поймут, в чем дело, «научатся на своих ошибках», а мешать «все равно на основании какой бы то ни было программы—национальному скреплению рабочей партии я считал бы большой ошибкой».

А, разумеется, всю нелепость и реакционность идей Г. Джорджа с точки зрения социалистической Энгельс превосходно понимал и многократно отмечал. В переписке Зорге есть интереснейшее письмо К. Маркса от 30 июня 1876 г., где он дает оценку Г. Джорджу, как идеологу радикальной буржуазии. «Теоретически Г. Джордж совсем отсталый человек» (total arrièrè), писал Маркс. И с этим настоящим социали-

стом-реакционером не боялся вместе идти на выборах Фр. Энгельс, лишь бы были люди, умеющие предсказать массам «последствия их собственных ошибок» (Энгельс, в письме от 29 ноября 1886 года).

Про «рыцарей труда» (Knights of Labor), тогдашнюю организацию американских рабочих, Энгельс писал в том же письме: «слабейшей их стороной (буквально: гнилая, *rotulste*) было—политическое воздержание»... «Одним из первых важнейших шагов всякой вновь вступающей в движение страны должна быть организация самостоятельной рабочей партии, все равно, каким бы путем это ни было достигнуто, лишь бы она была действительно рабочей партией».

Очевидно, что отсюда нельзя вывести ровно ничего в защиту прыжка от социал-демократии к беспартийному рабочему съезду и т. п. Необходимость же допускать иногда совместную выборную кампанию с радикальными «социал-реакционерами» должен вывести отсюда всякий, кто не хочет подпасть под обвинение Энгельса в принижении марксизма до «догмы», «ортодоксии», «сектантства» и т. п.

Но интереснее, конечно, остановиться не столько на этих американско-русских параллелях (мы должны были их коснуться, чтобы ответить противникам),—сколько на основных чертах англо-американского рабочего движения. Эти черты—отсутствие сколько-нибудь крупных, общенациональных демократических задач перед пролетариатом; полное подчинение пролетариата буржуазной политике; сектантская оторванность кучек, горсток социалистов от пролетариата; ни малейшего успеха социалистов на выборах перед рабочими массами и т. д. Кто забывает эти основные условия и берется делать широкие выводы из «американско-русских параллелей», тот обнаруживает крайнюю поверхностность.

Если Энгельс нападает так на экономические организации рабочих в подобных условиях, то это потому, что речь идет о наиболее установившихся демократических порядках, выдвигающих перед пролетариатом чисто-социалистические задачи.

Если Энгельс нападает на важность самостоятельной рабочей партии, хоть с плохой программой, то это потому, что речь идет о странах, где до тех пор ни намека не было ни на какую политическую самостоятельность рабочих,—где рабочие волею судьбы и волею случая в политике больше всего за буржуазией.

Пытаться распространять выводы, взятые из таких рассуждений, на страны или на исторические моменты, где пролетариат раньше создал свою партию, чем либеральные буржуа,—где про-

летариат не имеет и тени традиций в голосовании за буржуазных политиков,—где на очереди непосредственно стоят не социалистические, а буржуазно-демократические задачи,—пытаться делать это, значит издеваться над историческим методом Маркса.

Наша мысль будет еще яснее читателю, если мы сопоставим отзывы Энгельса об англо-американском движении с отзывами о немецком.

Таких отзывов тоже масса в печатаемой переписке и крайне интересных. И красной нитью через все эти отзывы проходит нечто совсем иное: предостережение против «правого крыла» рабочей партии, беспощадная (иногда—как у Маркса в 1877—1879 гг.—бешеная) война с оппортунизмом в социал-демократии.

Подтвердим это сначала цитатами из писем, а потом остановимся на оценке этого явления.

Прежде всего, тут приходится отметить отзывы К. Маркса о Хехберге и К^о. Фр. Меринг в своей статье «Der Sorgesche Briefwechsel» старается смягчить нападки Маркса, как и позднейшие нападки Энгельса на оппортунистов,—старается, по нашему мнению, несколько чрезмерно. В частности, относительно Хехберга и К^о, Меринг отстаивает свое мнение о неверной оценке Марксом Лассалья и лассалеанцев. Нас же интересует здесь, повторяем, не историческая оценка правильности или преувеличенности нападений Маркса на таких-то именно социалистов, а принципиальная оценка Марксом определенных течений в социализме вообще.

Жалуясь на компромиссы немецких с.-д. с лассалеанцами и Дюрингом (письмо от 19 октября 1877 г.), Маркс осуждает также компромисс «с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов» («доктор» по-немецки—научная степень, соответствующая нашему «кандидату» или «окончившему университет по 1-му разряду»), поставивших себе задачей дать социализму «более высокое идеалистическое» направление, то-есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, объективного изучения)—новой мифологией со всеми ее богинями: справедливостью, свободой, равенством и *fraternité* (братством). Одним из представителей этого направления является «вкупившийся» в партию издатель журнала «Zukunft», д-р Хехберг—допускаю с благими намерениями, но я на всякие «намерения» плюю. Редко появлялось на свет Божий что-либо более жалкое и с более «скромной претензией», как программа его «Zukunft'a» (письмо № 70).

В другом письме, писанном почти через два года (19 сен.

тября 1879 г.), Маркс опровергает сплетни, будто за И. Мостом стоят они с Энгельсом, и подробно рассказывает Зорге о своем отношении к оппортунистам в немецкой с.-д. партии. Журнал „Zukunft“ вели Хехберг, Шрамм и Эд. Бернштейн. Маркс и Энгельс отказались участвовать в подобном издании, а когда зашла речь об основании при участии того же Хехберга и при его денежной помощи нового партийного органа, то Маркс и Энгельс сначала требовали для контроля за этой „смесью из докторов, студентов и катедр-социалистов“ принятия назначенного ими ответственного редактора Гирша, а затем обратились с прямым циркуляром к Бебелю, Либкнехту и другим вождям с.-д. партии, предупреждая: что будут открыто бороться против „такого опошления (Verluderung еще более сильное слово по-немецки) теории и партии“, если направление Хехберга, Шрамма, Бернштейна не изменится.

Это была та пора в немецкой с.-д. партии, про которую Меринг писал в своей „Истории“ — „Год смуты“ („Ein Jahr der Verwirrung“). После „исключительного закона“, партия не сразу нашла верный путь, ударившись сначала в анархизм Моста и оппортунизм Хехберга и К^о. „Эти люди,—пишет Маркс про последнего,—в теоретическом отношении нули, а в практическом никуда не годные, хотят социализм, о котором они имеют понятие по университетскому рецепту, и, главным образом, социал-демократическую партию, сделать умереннее, а рабочих просветить или, как они выражаются, привить им „элементы образования“, сами имея только путанные полужнания, и, кроме того, они раньше всего ставят себе задачей поднять значение партии в глазах мелкой буржуазии. Все же они представляют из себя ни больше, ни меньше, как убогих контр-революционных болтунов“.

„Бешеная“ атака Маркса привела к тому, что оппортунисты отступили и... стушевались. В письме от 19 ноября 1879 г. Маркс извещает, что Хехберга из редакционной комиссии удалили, а от его идей отреклись все влиятельные вожаки партии, Бебель, Либкнехт, Бракк ^{138b}) и т. д. Партийный орган с.-д. „Социал-Демократ“ стал выходить под редакцией Фольмара, который тогда стоял на революционном крыле партии. Еще год спустя (5 ноября 1880 г.) Маркс рассказывает, что они с Энгельсом постоянно боролись против „жалкого“ (miserabel) ведения этого „Социал-Демократа“ и боролись часто резко („wobei's oft scharf hergeht“). Либкнехт был у Маркса в 1880 г. и обещал, что наступит „улучшение“ во всех отношениях.

Мир был восстановлен, и война не выплыла наружу. Хехберг

отошел, а Бернштейн стал революционным с.-д.-том... по крайней мере, до смерти Энгельса в 1895 году.

От 20-го июня 1882 г. Энгельс пишет к Зорге, рассказывая об этой борьбе уже как о прошлом: «В общем дела в Германии идут прекрасно. Правда, господа партийные литераторы пытались вызвать в партии реакционный поворот, но с треском провалились. Издевательство, которым всюду подвергаются рабочие социал-демократы, сделали их еще более революционными, чем они были три года тому назад. ...Эти господа (партийные литераторы) во что бы то ни стало хотели, ценою кротости, смирения и подлизывания, выклянчить отмены закона против социалистов ¹³⁹⁾, так беспардонно лишившего их литературного заработка. С падением этого закона раскол, несомненно, обнаружится, и господа Фирэки и Хехберги и т. д., образовав из себя правое крыло, отпадут; с ними можно будет от времени до времени вступать в переговоры, пока они наконец совершенно не стушуются. Это мнение было нами высказано сейчас же после введения закона против социалистов, когда Хехберг и Шрамм напечатали в «Ежегоднике» в высшей степени гнусную оценку партийной деятельности и требовали более благопристойного, воспитанного и элегантного образа действия со стороны партии» («gebildetes» — вместо gebildetes. Энгельс подразумевает берлинский акцент немецких литераторов).

Предсказание бернштейниады, сделанное в 1882 году, замечательно подтвердилось в 1898 и следующих годах.

И с тех пор, особенно после смерти Маркса, Энгельс,—можно без преувеличения сказать: неустанно—«перегибает палку», искривляемую немецкими оппортунистами.

Конец 1884 года. Осуждаются «мещанские предрассудки» немецких с.-д. депутатов рейхстага, голосовавших за субсидию пароходству («Dampfersubvention» см. в «Истории» Меринга). Энгельс сообщает Зорге, что ему приходится много переписываться по этому поводу (письмо от 31 декабря 1884 г.).

1885 год. Оценивая всю историю с «Dampfersubvention», Энгельс пишет (3 июня), что «дело чуть не дошло до раскола». «Филистерство» депутатов с.-д. было «колоссально». «Мелко-буржуазно-социалистическая фракция неизбежна в такой стране, как Германия»,—говорит Энгельс.

1887 год. Энгельс отвечает Зорге, который писал ему, что партия срамит себя выбором в депутаты людей вроде Фирэка (социал-демократ Хехбергского покроя). Ничего не поделаешь,—оправдывается Энгельс,—не откуда взять рабочей партии хороших депутатов в рейхстаг. «Господам же правого крыла извест-

но, что они терпимы только вследствие закона против социалистов и что в первый же день, в который партия легче вздохнет, они будут из нее выброшены». Да и лучше вообще, «пусть партия стоит выше своих парламентских героев, чем обратно» (3 марта 1887 г.). Либкнехт—примиренец,—жалуется Энгельс,—он все фразами прикрывает разногласия. Но когда дойдет дело до раскола,—в решительную минуту он будет с нами.

1889 год. Два международных социал-демократических конгресса в Париже. Оппортунисты (с французскими POSSIBILISTAMI во главе их) раскололись с революционными с.-д. Энгельс (ему было тогда 68 лет) бросается в бой, как юноша. Ряд писем (начиная с 12 января до 20 июля 1889 г.) посвящен борьбе с оппортунистами. Достается не только им, но и немцам, Либкнехту, Бебелю и др., за их примиренство.

Поссибилисты продались правительству,—пишет Энгельс 12 января 1889 г. А членов английской «С.-Д. федерации» (S. D. F.) он изобличает в союзе с поссибилистами. «Беготня и громадная переписка по поводу этого проклятого съезда не оставляют мне времени ни для чего другого» (11 мая 1889 г.). Поссибилисты хлопчут, а наши спят,—сердится Энгельс. Теперь даже Ауэр и Шиппель требуют, чтобы мы шли на конгресс поссибилистов. Но это открыло «наконец» глаза Либкнехту. Энгельс вместе с Бернштейном пишет памфлеты (подписанные Бернштейном,—Энгельс их называет: «наши памфлеты») против оппортунистов. «За исключением S. D. F., поссибилисты во всей Европе не имеют на своей стороне ни одной из социалистических организаций (8 июня 1889 г.). Им, следовательно, ничего другого не остается, как вернуться назад к несоциалистическим трэд-юнионам» (к сведению наших поклонников широкой рабочей партии, рабочего съезда и т. д.!). «Из Америки к ним прибудет один только делегат от рыцарей труда». Противник тот же, что и в борьбе с бакунистами: «с тою только разницей, что знамя анархистов заменено знаменем поссибилистов; та же продажа своих принципов буржуазии за концессии в розницу, а главное за теплые местечки для вожаков (члены городской думы, биржи труда и т. д.)». Брус (вождь поссибилистов) и Гайндман (вождь соединившейся с поссибилистами S. D. F.) нападают на «авторитарный марксизм» и хотят составить «ядро нового Интернационала».

«Ты не можешь себе представить, до чего немцы наивны! Мне стоило громадных усилий разъяснить даже самому Бебелю, в чем собственно тут дело» (8 июня 1889 г.). И когда оба кон-

гресса состоялись, когда революционные с.-д. превзошли числом POSSИБИЛИСТОВ (объединенных с трэд-юнионистами, с S. D. F., с частью австрийцев и т. д.), то Энгельс ликует (17 июля 1889 г.). Его радует, что примиренческие планы и предложения Либкнехта и др. не удались (20 июля 1889 г.). «А нашей сентиментальной примиренческой братии, за все ее дружелюбие было по делом получить грубый пинок в самое мягкое место». «Авось, это их вылечит на некоторое время».

...Прав Меринг («Der Sorgesche Briefwechsel»), что Маркс и Энгельс в «хорошем тоне» смыслили мало: «не долго раздумывали, нанося удар, но и не хныкали по поводу каждого ими полученного удара». «Если вы думаете,—писал однажды Энгельс,—что ваши булавочные уколы могут пронзить мою старую, хорошо выдубленную, толстую кожу,—то вы ошибаетесь». И эту нечувствительность, приобретенную ими,—пишет Меринг о Марксе и Энгельсе,—они предполагали и у других.

1893-ий год. Расправа с «фабианцами», которая сама собою напрашивается... для суждения о бернштейнианцах (не даром ведь Бернштейн «воспитал» свой оппортунизм в Англии на «фабианцах»). «Фабианцы здесь в Лондоне представляют из себя банду карьеристов, имеющих, однако, достаточно здравого смысла, чтобы понять неизбежность социального переворота; но не доверяя эту гигантскую работу одному грубому пролетариату, они благоволили встать во главе его. Страх перед революцией—их основной принцип. Они «интеллигентны» par excellence. Их социализм есть муниципальный социализм: коммуна, а не нация должна, по крайней мере, на первых порах, сделаться собственницей средств производства. Свой же социализм они рисуют крайним, но неизбежным следствием буржуазного либерализма. Отсюда их тактика: не вести решительной борьбы с либералами, как с противниками, а толкать их к социалистическим выводам, т.-е. надуть их, «пропитывать либерализм социализмом», не противопоставлять либералам социалистических кандидатов, а подсовывать их либералам, т.-е. обманным путем проводить их... Но, что они при этом либо сами будут обмануты, либо надуют социализм, они, конечно, не понимают.

Фабианцы издали, на-ряду с разной дрянью, и несколько хороших пропагандистских сочинений, и это наилучшее из всего того, что в этой области было сделано англичанами. Но как только они возвращаются к своей специфической тактике: затушевыванию классовой борьбы, так дело плохо. Из-за классовой борьбы они фанатически ненавидят Маркса и всех нас.

Фабианцы насчитывают, конечно, много буржуазных сторонников, а потому они и располагают „большими деньгами“...

Классическая оценка интеллигентского оппортунизма в социал-демократии.

1894 год. Крестьянский вопрос. „На континенте,— пишет Энгельс 10 ноября 1894 г.,— по мере того, как движение разрастается, увеличивается и стремление к еще большим успехам, а охота на крестьян, в буквальном смысле этого слова, входит в моду. Сначала французы устами Лафарга заявили в Нанте, что не только не наше дело ускорять разорение мелкого крестьянства— для нас об этом позаботится капитализм,— но что нужно прямо-таки защищать крестьянина против фиска ростовщиков и крупных землевладельцев. Но с этим мы уж согласиться никак не можем, ибо это, во-первых, глупо, а во-вторых— и невозможно. Вслед за этим во Франкфурте выступает Фольмар, который вообще намеревается подкупить крестьян, при чем крестьянин, с которым он имеет дело в верхней Баварии, не то, что прирейнский мелкий, задавленный долгами крестьянин, а средний и самостоятельный крупный земледелец, эксплуатирующий батраков и батрачек и торгующий скотом и хлебом. А с этим без отказа от всех принципов согласиться невозможно“.

1894 год, 4-го декабря: ...„Баварцы сделались очень и очень оппортунистичны и превратились чуть ли не в простую народную партию (я говорю о большинстве вождей и о многих новичках, вошедших в партию); в баварском ландтаге они голосовали за бюджет в целом, а особенно Фольмар организовал агитацию среди крестьян с целью привлечь на свою сторону не батраков, а верхнебаварских крупных земледельцев— людей, владеющих от 20—80 акров земли (от 10—13 гектаров), т.-е. совершенно не могущих обойтись без наемных рабочих“...

Отсюда мы видим, что на протяжении более чем десяти лет Маркс и Энгельс систематически, неуклонно боролись с оппортунизмом в немецкой с.-д. партии и преследовали интеллигентское филистерство и мещанство в социализме. Это крайне важный факт. Широкая публика знает, что немецкая с.-д-тия считается образцом марксистской политики и тактики пролетариата, но не знает, какую постоянную войну приходилось вести основоположниками марксизма против „правого крыла“ (выражение Энгельса) этой партии. Что вскоре после смерти Энгельса эта война из

тайной стала явной,—это не случайность. Это—неизбежный результат десятилетий исторического развития германской с.-д-тии.

И теперь перед нами особенно отчетливо встают две линии Энгельсовских (и Марксовских) советов, указаний, поправок, угроз и назиданий. Англо-американских социалистов они всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух. Немецких с.-д. они всего настойчивее учили: не впадайте в филистерство, в «парламентский идиотизм» (выражение Маркса в письме от 19-го сентября 1879 г.), в мещански-интеллигентский оппортунизм.

Разве не характерно, что наши социал-демократические кулушки затрещали о советах первого рода и поджали губы, обходя молчанием советы второго рода? Разве такая односторонность в оценке писем Маркса и Энгельса не является лучшим показателем некоторой нашей, российской, социал-демократической... «Односторонности»?

В настоящее время, когда международное рабочее движение проявляет симптомы глубокого брожения и шатания, когда крайности оппортунизма, «парламентского идиотизма» и филистерского реформизма вызвали обратные крайности революционного синдикализма,—в настоящее время общая линия «поправок» Маркса и Энгельса к англо-американскому и немецкому социализму приобретает исключительную важность.

В таких странах, где нет социал-демократической рабочей партии, нет с.-д. депутатов в парламентах, нет никакой систематической, выдержанной с.-д. политики ни на выборах, ни в прессе и т. д.,—в таких странах Маркс и Энгельс учили социалистов во что бы то ни стало рвать узкое сектантство и примыкать к рабочему движению, чтобы политически встряхнуть пролетариат. Ибо ни в Англии, ни в Америке пролетариат в последней трети XIX века не проявлял почти никакой политической самостоятельности. Политическая арена в этих странах—при почти абсолютном отсутствии буржуазно-демократических исторических задач—была всецело заполнена торжествующей, самодовольной буржуазией, которая по искусству обманывать, развращать и подкупать рабочих не имеет себе равной на свете.

Думать, что эти советы Маркса и Энгельса по адресу англо-американского рабочего движения могут быть просто и прямо применены к российским условиям,—значит использовать марксизм не для выяснения его метода, не для изучения кон-

кретных исторических особенностей рабочего движения в определенных странах, а для мелких фракционных, интеллигентских счетов.

Наоборот, в такой стране, где буржуазно-демократическая революция осталась незаконченной, где царил и царит «обшитый парламентскими формами военный деспотизм» (выражение Маркса в его «Критике Готской программы»), где пролетариат давно уже втянут в политику и ведет социал-демократическую политику,—в такой стране Маркс и Энгельс всего больше боялись парламентского опошления, филистерского примирения задач и размаха рабочего движения.

Эту сторону марксизма мы тем более обязаны подчеркивать и выдвигать на первый план в эпоху буржуазно-демократической революции в России, что у нас обширная, «блестящая», богатая либерально-буржуазная пресса тысячами голосов трубит пролетариату об «образцовой» лойяльности, парламентской легальности, скромности и умеренности соседнего немецкого рабочего движения.

Эта корыстная ложь буржуазных предателей русской революции вызвана не случайностью и не личной испорченностью каких-нибудь бывших или будущих министров из кадетского лагеря. Она вызвана глубокими, экономическими интересами российских либеральных помещиков и либеральных буржуа. И в борьбе с этой ложью, с этим «отуплением масс» («*Massenverdummung*» — выражение Энгельса в письме от 29 ноября 1886 г.) письма Маркса и Энгельса должны послужить незаменимым оружием для всех российских социалистов.

Корыстная ложь либеральных буржуа показывает народу образцовую «скромность» немецких с.-д. Вожди этих с.-д., основоположники теории марксизма, говорят нам:

«Революционное выступление французов выставило лицемерие Фирэкса и К^о (оппортунисты с.-д. немецкой парламентской с.-д. фракции) еще в более непритялном виде» (речь идет об образовании рабочей партии во французской палате и о Деказвильской стачке, отколовшей французских радикалов от французского пролетариата). «В последних социалистических дебатах выступали уже только Либкнехт и Бебель и оба очень удачно. С такими дебатами мы снова можем показаться в порядочном обществе, что, к сожалению, раньше не всегда имело место. Это вообще хорошо, что у немцев, в особенности после того, как они послали в рейхстаг такое большое число филистеров (что, однако, было неизбежно), оспаривается роль руководителей ме-

ждународного социального движения. В спокойное время в Германии все становится филистерским и в такие моменты абсолютно необходимо жало французской конкуренции...» (письмо от 29 апреля 1886 года).

Вот какие уроки должна тверже всего усвоить себе Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, находящаяся под преобладающим идейным влиянием немецкой с.-д-тии.

Эти уроки преподает нам не то или иное отдельное место из переписки величайших людей XIX века,—а весь дух и все содержание их товарищеской, прямой, чуждой дипломатии и мелких расчетов, критики международного опыта пролетариата.

До какой степени проникнуты действительно все письма Маркса и Энгельса этим духом, могут показать еще следующие, правда, сравнительно частные, но зато крайне характерные места.

В 1889 году начиналось в Англии молодое, свежее, полное нового, революционного духа, движение необученных, неквалифицированных, простых рабочих (газовых, докеров и т. д.). Энгельс в восторге от него. Роль дочери Маркса, «Тасси» (Tussy), агитировавшей среди них, он подчеркивает с торжеством. «Самое отвратительное здесь,—пишет он из Лондона 7 декабря 1889 г.,—это всосавшаяся в плоть и кровь рабочих буржуазная «респектабельность». Социальное расчленение общества на бесчисленные, бесспорно всеми признанные, градации, из которых каждая в отдельности имеет свой «гонор» и проникнута врожденным ей чувством уважения к «лучшим» и «высшим», столь старо и столь устойчиво, что надувать массы для буржуазии не представляет большого труда. Я, например, далеко не уверен, что Джон Бёрнс (Burns) гордится в душе более своею популярностью среди своего класса, чем своею популярностью у кардинала Маннинга, лорд-мэра и вообще у буржуазии. А Чэмпιον (Champion)—лейтенант в отставке—еще много лет тому назад вел какие-то делишки с буржуазными и, главным образом, консервативными элементами, а на поповском церковном съезде проповедывал социализм и т. д. И даже сам Том Мэн (Mann), которого я считаю среди них самым лучшим, и тот любит рассказывать о том, как он будет завтракать у лорд-мэра. И лишь при сопоставлении их с французами убеждаешься, до чего в этом отношении благотворно влияет революция».

Комментарии излишни.

Еще пример. В 1891 г. была опасность европейской войны¹⁴⁰). Энгельс переписывался об этом с Бебелем, и они соглашались насчет того, что при нападении России на Германию немецкие

социалисты должны будут отчаянно биться и с русскими и с какими угодно союзниками русских. «Если Германия будет задушена, то и мы вместе с нею. В случае же благоприятного поворота борьба примет такой ожесточенный характер, что Германия сумеет держаться лишь революционными мерами, почему мы, легко возможно, и будем вынуждены встать у кормила правления и разыграть 1793 г.» (письмо от 24 октября 1891 г.).

К сведению тех оппортунистов, которые кричали на весь мир о несоциал-демократичности «якобинских» перспектив для русской рабочей партии в 1905 году! Энгельс прямо указывал Бебелю на возможность того, что с.-д-там придется участвовать во Временном Правительстве.

Вполне естественно, что при таких взглядах на задачи социал-демократических рабочих партий Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение. На протяжении почти двадцати лет мы видим в данной переписке это страстное ожидание революции в России.

Вот письмо Маркса от 27 сентября 1877 года. Восточный кризис вызывает восторг у Маркса. «Россия давно уже стоит на пороге больших переворотов, и все необходимые для этого элементы уже созрели. Взрыв ускорен на многие годы, благодаря ударам, нанесенным молодцами турками... Переворот начнется *secundum artem* («по всем правилам искусства») с конституционных заигрываний и буча выйдет отменная (*il y aura un beau tapage*). И при благосклонности матери-природы мы доживем до этого торжества». (Марксу был тогда 61 год).

До «этого торжества» мать-природа не дала—да и не могла, пожалуй, дать дожить Марксу. Но «конституционные заигрывания» он предсказал, и его слова так и кажутся вчера написанными про первую и про вторую российскую Думу. А ведь предостережение народа насчет «конституционных заигрываний» и составляло «душу живу» столь ненавидимой либералами и оппортунистами тактики бойкота...

Вот письмо Маркса от 5 ноября 1880 года. Он ликует по поводу успеха «Капитала» в России и становится на сторону народовольцев ¹⁴¹⁾ против только что возникшей тогда группы чернопредельцев. Анархические элементы в их взглядах верно схвачены Марксом, и—не зная и не имея возможности знать тогда о грядущей эволюции чернопредельцев-народников в социал-демократов ¹⁴²⁾—Маркс нападает на чернопредельцев со всей силой своего бичующего сарказма:

„Эти господа против всяких политически-революционных выступлений. Россия, по их мнению, должна сделать скачок прямо в анархически-коммунистически-атеистическое тысячелетие. Скачок же этот они тем временем готовят скучнейшим доктринерством. Так называемые принципы их доктрин взяты у покойного Бакунина“.

Можно видеть отсюда, как оценил бы Маркс для России 1905 и следующих годов важность „политически-революционных выступлений“ социал-демократии*).

Вот письмо Энгельса от 6 апреля 1886 г. „Зато, кажется, предстоит кризис в России. Последние покушения вызвали большое замешательство...“. Письмо от 9 апреля 1887 г.—то же самое... „Армия полна недовольными конспирирующими офицерами“ (Энгельс находился тогда под впечатлением народовольческой революционной борьбы, возлагая надежды на офицеров и не видя еще обнаружившейся так блестяще 18 лет спустя революционности русского солдата и матроса...). „... Не думаю, чтобы теперешнее положение вещей продержалось хотя бы еще с год. А когда в России вспыхнет революция („losgeht“), тогда ура!“

Письмо от 23 апреля 1887 года: „В Германии идет преследование (социалистов) за преследованием. Бисмарк, кажется, хочет все подготовить к тому, чтобы в тот момент, когда в России вспыхнет революция, являющаяся вопросом нескольких месяцев, Германия могла бы немедленно последовать ее примеру“ („losgeschlagen werden“).

Месяцы оказались очень и очень длинными. Нет сомнения, что найдутся филистеры, которые, нахмутив лоб, наморщивши чело, резко осудят „революционаризм“ Энгельса или снисходительно посмеются над старыми утопиями старого революционера-эмигранта.

Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции (напр., в 1848 г. в Германии), в вере в близость германской „республики“ („умереть за республику“, писал про ту эпоху Энгельс, вспоминая свое настроение, как участника военной кампании за имперскую конституцию — 1848 — 1849 годы). Они ошибались в 1871 году, когда заняты были тем, чтобы „под-

*) Кстати. Если память мне не изменяет, Плеханов или В. И. Засулич рассказывали мне в 1900 — 1903 годах про существование письма Энгельса к Плеханову о „Наших Разногласиях“ и о характере предстоящей в России революции. Интересно было бы узнать в точности — было ли такое письмо, цело ли оно и не пора ли его опубликовать.

ять юг Франции, для чего они (Беккер пишет: «мы» про себя и ближайших друзей: письмо № 14, от 21 июля 1871 года) жертвовали и рисковали всем, что было в силах человека...». В том же письме: «Если бы у нас в марте и апреле было побольше денег, то мы подняли бы всю южную Францию, и спасли бы Парижскую Коммуну» (стр. 29). Но такие ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач,—в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контр-революционных «конституционных» бредней...

Русский рабочий класс завоеует свободу себе и даст толчок вперед Европе своими полными ошибок революционными действиями—и пусть кичатся пошляки безошибочностью своего революционного бездействия.

6 апреля 1907 г.

Сила и слабость русской революции.

I.

Статья под этим заглавием во вчерашней «Народной Думе» представляет из себя образец спокойного, ясного, простого изложения действительно принципиальных разногласий среди с.-д. На такой почве столь же приятно и полезно вести спор, как неприятно и невозможно отвечать на истерику в «Привете» или в «Отголосках».

Итак, к делу. Разногласия вызывает оценка кадетов и народников. Относительно кадетов разногласия сводятся, по совершенно правильному мнению «Народной Думы», к вопросу о том, кого они представляют. «Среднюю и мелкую, преимущественно городскую буржуазию», отвечает «Н. Д.». «Экономической основой таких партий,—гласит резолюция большевиков,—является часть средних помещиков и средней буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция, тогда как часть демократической городской и деревенской мелкой буржуазии идет еще за этими партиями только в силу традиции и будучи прямо обманываема либералами».

Ясно, что меньшевики оптимистичнее оценивают кадетов, чем мы. Они затушевывают или отрицают их связь с помещиками, мы ее подчеркиваем. Они подчеркивают их связь с городской демократической мелкой буржуазией, мы эту связь считаем крайне слабой.

Что касается помещиков, то «Н. Д.» объявляет наивным наше рассуждение в № 7 «Н. Э.», где мы насчитали 20 помещиков не в прошлой (это ошибка «Н. Думы»), а в теперешней кадетской думской фракции *). Есть миллионеры и штатские генералы даже среди с.-д., иронизирует «Н. Д.».

Ирония легонькая! Все понимают, что Зингеры, Аронсы, Наливкины—явления персонального перехода от буржуазии к пролетариату. Что же, господа, вы серьезно станете утверждать, что 20 помещиков (из 79 сосчитанных членов фракции к.-д., т.-е. четвертая часть) идут персонально за 60 буржуазными интеллигентами, а не наоборот?? Вы станете утверждать, что помещик ведет либерально-интеллигентскую политику, а не либеральные интеллигенты ведут помещичью политику?? Ваша шутка насчет Зингера и тов. Наливкина—милая шутка для прикрытия безнадежной позиции, не более того.

Конечно, состав думской фракции к.-д.—не основное доказательство, а лишь симптом. Основное доказательство состоит, во-1-х, в истории помещичьего либерализма на Руси (это признала и «Нар. Дума»); во-2-х,—и это главное,—в анализе современной политики к.-д. «Кадетская аграрная политика есть по существу дела (это заметьте) помещичья политика» («Наше Эхо» № 7). Кадетский «либерализм» есть либерализм буржуазного адвоката, который мирит крестьянина с помещиками и мирит в пользу помещика» (там же).

На этот довод «Нар. Думе» ответить нечего.

Далее. Чем доказывают классовую связь партии к.-д. с демократической мелкой буржуазией городов? Статистикой выборов. Города дают больше всего кадетов. Этот факт верен. Но он не доказателен. Во-1-х, наше избирательное право дает предпочтение не демократическим слоям городской буржуазии. Всем известно, что народные собрания точнее выражают взгляды и настроение «демократической мелкой буржуазии городов». Во-2-х, в городской курии крупных городов сильнее кадеты и слабее левые, чем в городской курии мелких городов. Это показывает статистика выборщиков. А отсюда следует, что кадеты—не демократическая мелкая буржуазия, а либеральная

*) См. прим. на стр. 326 и 324 этого тома. Р е д.

средняя буржуазия. Чем крупнее город, тем резче антагонизм пролетариата с буржуазией, тем сильнее в городской (буржуазной) курии кадеты против левых. В-3-х, в 22 крупных городах, где был левый блок, правые собрали 17 т. голосов, октябристы — 34, к.-д. — 74 и левые — 41 тыс. Отнять сразу так много у к.-д. можно было только потому, что к.-д. — не демократы. Либеральные адвокаты везде на свете обманывали демократическую мелкую буржуазию, но были разоблачены социалистами.

„Верно ли, — спрашивает „Н. Д.“, — что наша средняя и мелкая буржуазия уже заинтересована в подавлении революции, чтобы сломить непосредственно угрожающую ей силу пролетариата?“ — и отвечает: „безусловно неверно“.

Здесь безусловно неверно переданы наши взгляды. Это уже, дорогие товарищи, не принципиальная полемика... Вы сами прекрасно знаете, что мы контр-революционность кадетов отличаем от контр-революционности октябристов; — что на мелкую буржуазию мы отнюдь не распространяем обвинения в контр-революционности; — что кадетских помещиков мы считаем боящимися не только рабочих, но и крестьян. Это не возражение, а искажение.

Возражением является следующий довод „Н. Д.“. „Кадеты становятся умереннее и реакционнее не с подъемом революции, а с понижением ее, т.-е. не вследствие своей контр-революционности, а вследствие своей слабости. Тактика кадетов, — пишет „Н. Д.“ курсизм, — это — тактика не контр-революционной силы, это — тактика революционного бессилия“.

Выходит, что кадеты тоже революционеры, только бессильные. Вывод чудовищный. Чтобы договориться до этой вопиющей несообразности, надо было начать рассуждение с коренной ошибки. Эта ошибка — отрицание помещичьего характера к.-д. (помещик — контр-революционен в России либо на манер черносотенца и октябриста, либо на манер кадета) и отрицание того, что среди к.-д. преобладает буржуазная интеллигенция. Исправив эти две ошибки, получим правильный вывод: тактика к.-д. есть тактика помещичьей контр-революционности и буржуазно-интеллигентского бессилия. Помещик — контр-революционная сила. Крупные буржуа — тоже: Буржуазный интеллигент и либеральный чинавник — их трусливый слуга, прикрывающий свое прислужничество контр-революции „демократическим“ лицемерием.

Неверно, что кадеты „правили“ только с понижением, а не с подъемом революции. Вспомните „Начало“. товарищи, из „Н. Д.“.

Вспомните статьи—в духе «Витте—агент биржи, Струве—агент Витте». Хорошие это были статьи! Хорошее было время... с меньшевиками мы тогда не расходились в оценке кадетов... Чтобы правильно осветить отношение кадетов к подъему революции или к подъемам революции, надо сказать: революция показывается на улицу—кадет показывается в передней у министра.

Струве у Витте—в ноябре 1905 г. Кто-то из кадетов у кого-то из черносотенцев—в июне 1906 г. Миллюков у Столыпина—15-го января 1907 г. Так было — так будет...

* *
*

Экономически обосновывая свои взгляды на кадетов, «Нар. Дума» заключает:

«При слабом развитии городов в России и при преобладающем влиянии в городской промышленности крупной индустрии, наша средняя и мелкая городская буржуазия имеет слишком мало влияния на общую экономическую жизнь страны, чтобы чувствовать себя такой же самостоятельной политической силой, какой себя чувствовали в свое время английская или французская... Очень хорошо и вполне справедливо. Только это не к кадетам относится. И затем, тут уже вполне отпадает то, якобы марксистское противопоставление «крупной городской прогрессивной» и «мелкой сельской отсталой» буржуазии, которым пытались не раз оправдать меньшевистскую тактику... «Сделать же своим орудием пролетариат она не может, потому что пролетариат борется уже под собственным с.-д. знаменем...» Верно!.. «Вот где источник всех ее шатаний, всей ее нерешительности в борьбе с самодержавным крепостническим строем... То же верно, только не про кадетов, а про трудовые партии и группы, опирающиеся не только на сельскую, но и на городскую мелкую буржуазию!

«...Этой же относительной слабостью городской буржуазной демократии объясняется и то, что как только наши буржуазные демократы начинают леветь, они сейчас же теряют городскую почву под ногами и начинают вязнуть в крестьянско-народническом болоте».

Верно! Тысячу раз верно! О таком полном подтверждении «Нар. Думой» большевистской тактики мы не смели и мечтать. «Как только наши буржуазные демократы начинают леветь,—они становятся народниками». Именно так: левые буржуазные де-

мократы, это и есть народники. А кадеты только прикидываются демократами, а на деле—вовсе не демократы. Поэтому, поскольку пролетариату приходится делать буржуазную революцию вместе с буржуазной демократией,—постольку ему суждено выступать в политическом «блоке» в широком смысле слова, относя сюда не только избирательные и не только парламентские соглашения, но и совместные действия без всяких соглашений с левой, т.-е. народнической мелкой буржуазией, против черных и против к.-д.!

Quod erat demonstrandum—что и требовалось доказать.

В следующий раз побеседуем с «Нар. Думой» специально о народниках.

II *).

Если признать, что «народники—левые соседи кадетов», что они «постоянно колеблются между к.-д. и с.-д.», то отсюда неизбежно вытекает признание большевистской политики: заставлять народников становиться на сторону с.-д. против черносотенцев и против к.-д.

Этот неизбежный вывод из своих признаний меньшевики стараются ослабить или отклонить ссылкой на то, что крестьянство, будучи «революционнее и демократичнее» либералов, в то же время «проникнуто реакционными социальными утопиями» и стремится «в области экономической повернуть назад колесо истории».

Это рассуждение, очень обычное в нашей с.-д. литературе, включает в себе большую и логическую и историко-экономическую ошибку. Сравнивают аршины с пудами, реакционность крестьянских идей в социалистической революции с реакционностью либеральной политики в буржуазной революции.

Если по отношению к задачам социализма крестьяне стоят, несомненно, за реакционные утопии, то либеральные буржуа по отношению к этим задачам стоят за реакционные расправы вроде июня 1848 г. или мая 1871-го года.

Если же в данной, т.-е. буржуазной, революции крестьянство и его идеологи, народники, ведут реакционную политику по сравнению с либералами, то марксист никогда не признает народников более левыми, более революционными, более демократичными, чем либералов.

*) Ввиду закрытия правительством „Народной Думы“ мы устроим, по возможности, непосредственную полемику с ней и остановимся на принципиальной оценке народничества марксизмом.

Ясно, что тут что-то не так.

Сравните аграрную политику либералов и народников. Есть ли в ней экономически-реакционные черты в данное время? Стремление ограничить мобилизацию землевладения реакционно у обеих партий. Но чиновнический характер кадетской аграрной политики (помещичьи бюрократические земельные комитеты) делает ее реакционность гораздо более опасной практически и немедленно. Значит, по этому пункту сравнение всецело не в пользу либералов.

«Уравнительность» землепользования... Идея равенства мелких производителей реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции. Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобществленного производства. Но та же идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач. Марксистам, забывшим это, можно посоветовать обратиться к первому тому «Капитала» Маркса и к «Анти-Дюрингу» Энгельса. Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества, борьбу за самое широкое и чистое развитие товарного производства.

У нас часто забывают об этом, когда говорят о реакционности народнических «уравнительных» аграрных проектов.

Равенство не только идейно выражает наиболее полное осуществление условий свободного капитализма и товарного производства. И материально, в области экономических отношений земледелия, вырастающего из крепостничества, равенство мелких производителей является условием самого широкого, полного, свободного и быстрого развития капиталистического сельского хозяйства.

Это развитие идет в России давно. Революция ускорила его. Весь вопрос в том, пойдет ли оно по типу, так сказать, прусскому (сохранение помещичьего хозяйства с закабалением кнехта, платящего «по справедливой оценке» за голодный надел) или по типу американскому (уничтожение помещичьего хозяйства, переход всей земли к крестьянам).

Это—основной вопрос всей нашей буржуазно-демократической революции, вопрос ее поражения и ее победы.

Социал-демократы требуют перехода всей земли к крестьянам без выкупа, т.-е. решительно борются за второй, выгодный для народа, тип развития капитализма. При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом

в борьбе за землю является идея равенства,—и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков.

Поскольку народники мечтают, что равенство может держаться на основе товарного производства, что это равенство может быть элементом развития к социализму,—постольку их воззрения ошибочны, их социализм реакционен. Это должен знать и помнить всякий марксист. Но марксист изменил бы своему делу исторического рассмотрения особых задач буржуазно-демократической революции, если бы он забыл, что эта же самая идея равенства и всевозможные планы уравнительности являются самым полным выражением задач *не* социалистической, а буржуазной революции, задач борьбы не с капитализмом, а с помещичьим и бюрократическим строем.

Либо эволюция прусского типа: крепостник-помещик становится юнкером. На десятилетие укреплена помещичья власть в государстве. Монархия. «Обшитый парламентскими формами военный деспотизм» вместо демократии. Наибольшее неравенство в сельском и в остальном населении. Либо эволюция американского типа. Уничтожение помещичьего хозяйства. Крестьянин становится свободным фермером. Народовластие. Буржуазно-демократический строй. Наибольшее равенство среди сельского населения, как исходный пункт и условие свободного капитализма.

Такова на деле историческая альтернатива, подкрашиваемая лицемерием кадетов (ведущих страну по первому пути) и социально-реакционным утопизмом народников (ведущих ее по второму).

Ясно, что пролетариат должен все силы направить на поддержку второго пути. Только в этом случае трудящиеся классы всего скорее изживут последние буржуазные иллюзии,—ибо социализм равенства есть последняя буржуазная иллюзия мелкого хозяина. Только в этом случае народные массы, учась не из книг, а из опыта, на деле испытают в самое короткое время бессилие всех и всяких уравнительных проектов, бессилие—против власти капитала. Только в этом случае пролетариат скорее всего стряхнет с себя «трудовые», т.-е. мещанские традиции, избавится от неизбежно падающих на него теперь буржуазно-демократических задач и всецело отдастся своим собственным, действительно классовым, т.-е. социалистическим задачам.

Только непонимание соотношения между буржуазно-демократическими и социалистическими задачами заставляет иных с.-д. бояться политики доведения до конца буржуазной революции.

Только непонимание задач и сущности буржуазной революции порождает рассуждения вроде следующих: «Она (наша революция) в последнем счете порождена не интересами крестьян, а (??) интересами развивающегося буржуазного общества» или «эта—революция буржуазная и потому (!!??) она не может идти под крестьянским знаменем и руководством» («Нар. Дума», № 21, от 4 апр.). Выходит, что крестьянское хозяйство в России стоит на какой-то иной, не на буржуазной, почве! Интересы крестьянской массы это и есть интересы самого полного, быстрого и широкого «развития буржуазного общества», развития «американского», а не «прусского». Именно поэтому буржуазная революция может идти под «крестьянским руководством» (вернее: под пролетарским руководством, если крестьяне, колеблясь между к.-д. и с.-д., пойдут в общем и целом за с.-д.). Буржуазная революция под руководством буржуазии может быть только неоконченной революцией (т.-е. не революцией, а реформой, говоря строго). Она может быть действительной революцией только под руководством пролетариата и крестьянства.

*„Наше Эхо“ № 10-12
от 5 и 7 апреля 1907 г.*

С.-Петербург, 10 апреля.

Настроение так-называемого российского «общества» подавленное, запуганное, растерянное. Статья г. Ф. Маловера, чрезвычайно удачно выбравшего свой псевдоним, в воскресном (8 апр.) «Товарище» потому и представляет из себя поучительное и характерное явление, что верно отражает это настроение.

Статья г. Маловера называется «Дума и общество». Под обществом разумеется здесь, согласно старинному русскому словоупотреблению, кучка либеральных чиновников, буржуазных интеллигентов, тоскующих рантье и прочей высокомерной, самодовольной, бездействующей публики, которая мнит себя солью земли, гордо называет себя «интеллигенцией», творит «общественное мнение» и т. д., и т. д.

Г-ну Маловеру «представляется крайне рискованный тот поход против Думы, который наблюдается в последние дни на

страницах левой печати». Это — основная мысль статьи. Аргументация г. Малова состоит в том, что он ссылается на настроение общества. Общество, де, устало, «отмахивается» от политики, не протестует против безобразий, читает в библиотеках и покупает в магазинах «легкую» беллетристику. «Среда рыхлая...», «чтобы ожила Дума, надо, чтобы снова ожила страна». «Дума могла бы, конечно, в каждый данный момент погибнуть геройской смертью, но, судя по циркулирующим слухам, это было бы только на руку ее невольным восприимчикам. А что бы выиграл от этого народ, кроме нового избирательного закона?»

Мы приводим эти цитаты, ибо они типичны для громадной массы российских либералов и для всех интеллигентских задворков либерализма.

Заметьте: в последней фразе вместо «общество» выскочил вдруг «народ»! Г. Малов, лукавя сам перед собой (как делают всегда все интеллигентские маловеры), фальсифицировал всю свою аргументацию, представлял дело так, будто пресловутое «общество» действительно определяет «поддержку извне» или отношение масс. Но как ни тонка была эта подделка, а все же сорвалось: пришлось от «общества» перейти к «народу». И вся пыль, накопленная в тщательно отгороженных и защищенных от улицы душных и затхлых кабинетах людей из «общества», поднимается столбом, как только приотворяется дверь на «улицу». Софистика вяленой воблы, которая мнил себя интеллигентной и «образованной», вскрывается воочию.

Тезис: поход левых против Думы — рискован.

Доказательство: общество устало и отмахивается от политики, предпочитая легкую беллетристику.

Вывод: от геройской смерти Думы народ ничего бы не выиграл.

Политический лозунг: «теперь, кажется, уже ни для кого нет сомнения, что в ближайшем будущем политическая борьба может вестись лишь за укрепление и расширение прав Думы, как единственного (!), имеющегося пока в руках народа (!), орудия борьбы с правительством».

Не правда ли, бесподобная логика контр-революционных лицемеров, одетых в благородный плащ скептицизма и пресыщенного равнодушия?

Тезис: мы, «общество», сидим в грязи. Вы, левые, пробуете отчистить? Не троньте — грязь не мешает.

Доказательство: мы устали от попыток (не нами сделанных) убрать грязь. У нас настроение насчет уборки нерешительное.

Вывод: рискованно прикасаться к грязи.

Рассуждения господ Малочеров имеют важное значение, ибо они верно, повторяем, отражают настроение, источником которого является в последнем счете борьба классов в русской революции. Усталость буржуазии и ее тяготение к «легкой» беллетристике—явление не случайное, а неизбежное. Группировка населения по партиям,—этот важнейший урок и важнейшее политическое приобретение революции во время выборов во II-ю Думу,—наглядно показала на фактах общенационального масштаба этот поворот широких слоев помещиков и буржуазии вправо. «Общество» и «интеллигенция»—просто жалкий, убогий, трусливо-подленький прихвостень этих верных десяти тысяч.

Большая часть буржуазной интеллигенции живет с теми и кормится около тех, кого потянуло прочь от политики. Лишь немногие интеллигенты идут в кружки пропагандистов рабочей партии, которые по опыту знают «волчий голод» народных масс на политическую книжку, газеты и на социалистическое знание. Но, конечно, такие интеллигенты идут если не на геройскую смерть, то действительно на геройскую каторжную жизнь плохо оплачиваемого, полуголодного, вечно переутомленного, издерганного до невозможности партийного «рядовика». Вознаграждением такой интеллигенции служит то, что она избавилась от навозных куч «общества» и забыла думать о равнодушии ее аудитории к общественно-политическим вопросам. А ведь «интеллигент», не умеющий найти себе равнодушной к этим вопросам аудитории, так же похож на «демократа» и на интеллигента в хорошем смысле слова, как продавшаяся за деньги в законный брак женщина похожа на любящую жену. И здесь, и там—простые разновидности официально-приличной и вполне легальной проституции.

Левые же партии лишь постольку действительно являются левыми и заслуживают этого названия, поскольку они выражают интересы и отражают психологию не «общества», не кучек всякой новой интеллигентской дряни, а народных низов, пролетариата и известной части мелко-буржуазной, сельской и городской, массы. Левые партии это те, аудитория которых никогда не бывает равнодушна к общественно-политическим вопросам,—как никогда не бывает голодный равнодушен к вопросу о куске хлеба. «Поход против Думы» этих левых партий есть отражение известного течения в народных низах, есть отзвук некоторого массового... ну, скажем, что ли, возбуждения против самодовольных нарциссов, влюбленных в окружающие их навозные кучи.

Один из таких нарцисов, г. Ф. Маловер, пишет: «Психология народных масс для переживаемого периода величина абсолютно неизвестная, и никто не поручится, что эти массы будут иначе реагировать на роспуск второй Думы, чем они реагировали на роспуск первой Думы».

Чем это отличается от психологии «честной женщины» из буржуазного общества, которая говорит: никто не поручится, что я не выйду замуж по любви за того, кто за меня дороже заплатит?

А ваши собственные чувства, мадам, никакой никому порукой не могут служить? А вы, господа Маловеры, не чувствуете себя частичкой «народных масс», не чувствуете себя участником (не зрителем только), не сознаете себя одним из творцов общего строения, одним из двигателей вперед?

Буржуазия «не поручится» за то, что пролетариат от поражений идет к победе. Пролетариат поручится за то, что буржуазия отличается одинаковой низостью и при поражениях и при победах народа в борьбе за свободу.

Пусть социал-демократы, склонные к колебаниям и сомнениям, учатся на примерах господ Маловеров, учатся понимать, до какой степени реакционны теперь не только разговоры об «односторонне-враждебной» позиции, занимаемой с.-д. по отношению к либералам, но и разговоры об «общенациональной» (с Малове-рами во главе!?) революции.

*„Наше Эхо“ № 14
от 10 апреля 1907 г.*

Ларин и Хрусталеv.

В первом номере меньшевистской «Народной Газеты» (10 апреля) тов. Г. Хрусталеv¹⁴³) выступил с боевым, чрезвычайно интересным и превосходным (с большевистской фракционной точки зрения) фельетоном о рабочем съезде. Превосходным мы считаем этот фельетон потому, что меньшевик Хрусталеv так же—если не больше—помогает нам своим выступлением, как и меньшевик Ларин. Будучи одинаково благодарны им обоим, мы разберем по существу их идеи, наглядно сопоставляя того и другого.

Припомним, что проповедывал Ю. Ларин в своей брошюре: «Широкая рабочая партия и рабочий съезд». Широкая рабочая партия, по идее Ларина, должна включить, примерно,

900 тысяч из 9 миллионов всего российского пролетариата. „Вывеску“ надо снять — т.-е. социал-демократической эта партия быть не должна. С.-д. и с.-р. должны слиться. Новая партия должна быть, собственно, „беспартийной партией“ (выражение самого Ларина). С.-д., как и с.-р., должны играть роль „пропагандистских обществ внутри широкой партии“.

Всякий видит, что план Ларина вполне ясен, и его идеи о рабочем съезде отличаются отсутствием всякой недоговоренности, всякой туманности, которых так много у Аксельрода. За эту ясность мысли мы, большевики, хвалили правдивого тов. Ларина и противопоставляли ее туманностям „казенного меньшевизма“ (выражение Ларина). В то же время план Ларина мы объявляем оппортунистической авантюрой, ибо ничего, кроме затемнения сознания рабочего и затруднения социал-демократической организации, не может дать слияние с с.-р. и „беспартийная партия“.

Теперь пусть читатель обсудит со вниманием план тов. Хрусталева. Он пишет прямо: „Партия не должна брать в свои руки работу по созыву съезда“. Инициатива его сознания должна принадлежать профессиональным союзам и специальным комитетам по созыву съезда“.

Как должны составляться эти комитеты?

Прямого ответа на это тов. Хрусталева не дает. Но в следующих словах содержится довольно ясный, хотя и косвенный ответ:

„Каков же предполагается состав съезда? Устанавливается ли какой-нибудь ценз?— спрашивает он и отвечает:— Раз мы стремимся к расширению организации, мы этим самым высказываемся против всякого ограничения. На съезде место — всем выбранным представителям рабочих. Профессиональные союзы, потребительные общества, рабочие классы, рабочие общества взаимопомощи, заводские комитеты, комитеты, созданные специально для устройства съезда, выбранные депутаты от заводов и фабрик, где нет заводских комитетов, — все должны иметь своих представителей на всероссийском рабочем съезде. Таков его состав“.

Это вполне ясно. „Против всякого ограничения“ — идите все, кто так или иначе избран рабочими. О том, как ограничить „рабочих“ от всяких служащих (торговые, почтовые, телеграфные, жел.-дорожные и т. п.) и от крестьян, входящих и в наши с.-д. организации и в „потребительные общества“, — автор не говорит. Это, верно, техническая мелочь, с его точки зрения: „про-

тив всякого ограничения"! К чему же ограничивать мелко-буржуазные элементы?

Но пойдем далее. Состав съезда тов. Хрусталеv определил ясно. О задачах его он тоже высказался ясно. „Во всяком случае,— пишет он,— комитеты рабочего съезда и местные с.-д. организации будут существовать одновременно“.

„...Первой организационной ячейкой явятся заводские комитеты. Участвуя во всех проявлениях заводской жизни, начиная от улаживания конфликтов между трудом и капиталом, в планомерном руководстве экономическими стачками, приискания работы и т. д. вплоть до устройства касс, клубов, лекций, библиотек,— заводские комитеты, выборные и подотчетные, захватят в свои рамки широкие слои пролетариата.

„Заводские комитеты одного города или промышленного центра составят комитет рабочего съезда. На его долю выпадет руководство, углубление и расширение профессионального и кооперативного движения, организация помощи безработным, воздействие на городские самоуправления по устройству общественных работ, агитация против вздорожания съестных припасов, сношения с думской комиссией по оказанию помощи безработным, обсуждение на местах всех законопроектов, затрагивающих интересы рабочего класса (курсив автора); при реформе местного самоуправления — проведение избирательной кампании и т. д.

„Рабочий съезд явится только руководящим и направляющим органом всего движения. Такова примерная схема. Конечно, жизнь внесет свои коррективы“.

Это вполне ясно. Беспартийные заводские комитеты. Беспартийные комитеты рабочего съезда. Беспартийный рабочий съезд. „Через эти комитеты и при посредстве их,— говорит тов. Хрусталеv,— партия приобретет могучий рычаг воздействия на весь рабочий класс“.

Спрашивается, чем это отличается от Ларина? Это — совершенно тот же самый план, выраженный только чуточку иными словами. Фактически это совершенно такое же сведение с.-д-тии к роли „пропагандистского общества внутри широкой партии“, ибо на деле „план“ тов. Хрусталева никакой иной задачи с.-д-тии не оставил. Политическую деятельность рабочего класса он совершенно так же, как и Ларин, отдал „беспартийной рабочей партии“, ибо „обсуждение всех законопроектов“, „проведение избирательной кампа-

пии и т. д.), это и есть вся политическая деятельность рабочего класса.

Ларин только правдивее и откровеннее Хрусталева, а на деле оба они предлагают и проводят «уничтожение С.-Д. Рабочей Партии и замену ее беспартийной политической организацией пролетариата». Именно это и говорит первый же пункт той большевистской резолюции о беспартийных рабочих организациях, на которую страшно рассердился тов. Хрусталеv, обругал нас прокурарами и т. п.

Рассердился тов. Хрусталеv потому, что чувствовал необходимость уклониться от прямо поставленного в нашей резолюции вопроса: кто должен руководить борьбой пролетариата, социал-демократическая ли партия или «беспартийная политическая организация пролетариата»? Кто должен быть «руководящим и направляющим органом» в воздействии на городские самоуправления, в сношениях с думской комиссией (тов. Хрусталеv промолчал о думской с.-д. фракции! Случайность это или «провиденциальная обмолвка» человека, который смутно почувствовал, что беспартийные «комитеты рабочего съезда» станут сноситься и с с.-д. и с с.-р. и с трудовиками безразлично?), обсуждением законопроектов, проведением избирательной кампании и т. д.?

Тов. Хрусталеvу ничего не остается, как сердиться при постановке перед ним этого вопроса, ибо признаться в том, что политической деятельностью пролетариата должны руководить беспартийные «комитеты», неловко. «Кто из с.-д.,—спрашивает он в гневе,—вел или ведет агитацию за созыв антипартийного съезда? Противники не укажут ни одного имени». Не сердитесь, тов. Хрусталеv, мы указали ряд имен в первом же пункте нашей резолюции, и мы могли бы добавить к ним теперь и м я т. Г. Хрусталева. На деле тов. Хрусталеv агитирует, подобно Ларину, за широкую трудовую партию*). Говорим «трудовую», а не рабочую, ибо (1) из состава беспартийной политической организации ни Ларин, ни Хрусталеv не устраняют трудовой, т.-е. мелко-буржуазной, демократии (например, делегаты на рабочий съезд от «потребительных обществ» или лозунг: «против всякого ограничения»), а (2) беспартийность рабочей политической организации неизбежно означает смешение социал-демократической и трудовой точек зрения.

*) Это выражение принадлежит тов. Г. Линдову, который прекрасно обосновал и доказал его правильность в статье „Рабочий съезд“, помещенной в сборнике „Вопросы тактики“.

Тов. Хрусталеv пишет: «Организации, созданные Зубатовым¹⁴⁴) и Гапоном ¹⁴⁵), быстро освободились от полицейского привкуса и повели чисто-классическую политику». Освободились благодаря сознательному участию в этом деле организованной с.-д. партии, никогда не соглашавшейся передавать руководство политикой пролетариев беспартийным организациям. Тов. Хрусталеv, кажется, отличает «чисто-классовую» политику от социал-демократической политики? Очень просили бы его откровенно пояснить свою мысль.

«Рабочий съезд будет,—повелевает тов. Хрусталеv,—и с.-д. примут в нем участие». Конечно, примем, если будет. Мы принимали участие в Зубатовском и Гапоновском рабочем движении для борьбы за с.-д-тию. Примем участие и в трудовом рабочем съезде для борьбы против трудовых и трудовическо-беспартийных идей за с.-д-тию. Это не довод ни в пользу старой Гапоновщины, ни в пользу новой беспартийности.

Тов. Хрусталеv обращается к «большевикам рабочим» и при этом старается поссорить их с большевиками, агитировавшими против Совета Рабочих Депутатов. На эту выходку мы отвечать не станем. Сошлемся на нефракционного тов. Троцкого. Пусть прочтет тов. Хрусталеv его книгу: «В защиту партии», пусть откроет статью под этим заглавием, § 2: «Злопыхательное беспристрастие г. Прокоповича», страницу 82-ю. Когда тов. Хрусталеv прочтет ее, ему станет стыдно за прикрывание фракционных выходов идеей нефракционного рабочего съезда.

Сознательным же рабочим мы только в двух словах укажем на то, что руководящая роль беспартийных комитетов в политике пролетариата (избирательная кампания и т. д.) есть чисто интеллигентская причуда, которая повела бы лишь к удешевленной сваре и склоке, а через эту свару и склоку «назад к социал-демократии».

В заключение еще раз поблагодарим тов. Хрусталева за ясность и договоренность его проповеди рабочего съезда. Ларин и Хрусталеv—лучшие союзники большевиков против Аксельрода.

„Труд“ № 1

от 15 апреля 1907 г.

Реорганизация и ликвидация раскола в Петербурге.

Читателям известно уже из ежедневной легальной прессы, что в Петербургской организации Р. С.-Д. Р. П. закончена, наконец, давно уже намеченная большинством местных членов пар-

тии реорганизации. Особо выбранная конференция от всех членов местной организации собралась 25 марта 1907 г. ¹⁴⁸), обсудила проект реорганизации П. К. (напечатан в № 15 «Пролетария») и контр-проект меньшевиков (напечатан в № 51 «Русской Жизни») и приняла с незначительными изменениями проект П. К.

Сущность этого организационного устава состоит в последовательном проведении принципа демократического централизма. Во главе всей организации стоит к о н ф е р е н ц и я, выбранная всеми членами партии прямыми выборами (двустепенные лишь при непреодолимых препятствиях) по определенной норме (первая конференция состояла из делегатов, выбранных по 1 на каждые 50 членов партии). Это конференция является постоянным учреждением. Она собирается не реже двух раз в месяц и является верховным органом организации. Переизбирается она каждые полгода.

Конференция выбирает П. К. из всех членов партии, не только работающих в том или ином районе местной организации.

При этом типе организации устраняется всякая неравномерность представительства районов, а главное — вместо громоздкой, многоэтажной, недемократичной системы составления П. К. от представителей районов создается действительное единство всех членов партии, объединенных непосредственно единой руководящей конференцией. Состав этой конференции дает возможность и делает неизбежным участие большинства выдающихся рабочих в руководстве всеми делами всей местной организации.

Конференция ввела уже в жизнь этот новый тип организации, объявила себя постоянным учреждением, выбрала новый П. К. из 19 товарищей и имела два заседания (вернее: дважды собиралась на заседания) для решения всех текущих вопросов.

Для характеристики того, каков был отвергнутый конференцией меньшевистский проект реорганизации, отметил одно, самое важное, обстоятельство. Во главе организации этот проект ставит такую же конференцию (называя ее советом). Но исполнительный орган конференции, Петербургский Комитет, устраняется по этому проекту совершенно! «Общегородской совет, — гласит проект меньшевиков, — для ведения текущей работы распадается на целый ряд комиссий (пропагандистская, агитационная, литературная, профессиональная, финансовая и т. п.)». А «представительство организации перед другими партиями и сношения с центральными учреждениями нашей партии поручается президиуму» из 5 лиц, выбранных Советом

Можно себе представить, какова была работоспособность организации, в которой т е к у щ у ю р а б о т у ведут разрозненные

комиссии, не объединенные одним исполнительным органом конференции! Демократический централизм превращен здесь в фикцию: по существу дела, этот шаг в сторону знаменитого Ларинского плана свести с.-д. партию на роль пропагандистского общества среди возможно менее крепко связанной в единую организацию рабочей массы. Нечего и говорить, что этот проект меньшевиков был отвергнут сразу. Остается только попросить его авторов о том, чтобы они познакомили нас с опытом работы меньшевистских комитетов или организаций Р. С.-Д. Р. П. на таких началах.

Далее. Чрезвычайно важно отметить, что новая конференция петербургской организации положила конец петербургскому расколу. Как известно, меньшевики произвели раскол в Петербурге во время выборов во вторую Думу, уйдя (по формальным, якобы, причинам) с конференции 6-го января 1907 г.,— с той конференции, которая решила вопрос о выборной кампании Р. С.-Д. Р. П. в Петербурге. Выборы на новую конференцию, впервые собравшуюся 25 марта, были произведены под непосредственным контролем особой комиссии, назначенной Ц. К.-м Р. С.-Д. Р. П. специально для этой цели и включавшей члена Ц. К. от латышской социал-демократии. Конференция 25-го марта (продолжающая действовать и теперь, ибо она объявила себя, как мы уже сказали, постоянным учреждением) явилась поэтому первой с.-д. конференцией за последний год в Петербурге, конституировавшейся без малейших споров о правильности представительства, о законности и числе мандатов и т. д.

Для Петербурга с его наиболее ожесточенной борьбой между большевиками и меньшевиками это—не виданный доселе факт. И бойкотная конференция (февраль 1906 года), и конференция по вопросу о поддержке требования «думского» министерства (июнь 1906 г.) дали победу большевикам, но начинались каждый раз обязательными спорами о правильности представительства.

В высшей степени поучительно поэтому воспользоваться этими бесспорными, впервые бесспорными, данными о силе обеих фракций с.-д. в Петербурге для уяснения себе истинных причин и истинного значения миновавшего теперь раскола перед выборами в Петербурге. Как известно, меньшевики оправдывали этот раскол формальными причинами: 1) неправильным представительством на конференции 6-го января (большевики обвинялись во вздувании числа голосов, особенно приказчичьих, и в незаконном кассировании меньшевистских мандатов); 2) отказом кон-

ференции исполнить требование Ц. К. о разделении на городскую и губернскую конференцию

Что второе «оправдание» сводится на деле к участию Ц. К. (т.-е. меньшевистской его части) в устройстве петербургского раскола, это уже достаточно выяснено в предыдущих номерах «Пролетария». Это легко понять и всем иногородним членам нашей партии, прекрасно знающим, что нигде Ц. К. не требовал и не мог требовать разделения общегородских конференций на городские и губернские. Ультимативный характер этого требования понадобился Ц. К-ту в Петербурге, чтобы расколоть Спб. организацию и помочь затем отколовшимся меньшевикам начать (или продолжать) переговоры с кадетами.

Но первое «оправдание» раскола остается совершенно неясным и спорным для всех членов нашей партии, кроме петербургских. Они не в состоянии судить о правильности представительства на конференции 6-го января и о действительном соотношении большевистских и меньшевистских сил в Петербурге. Доказывать это документами—совершенно непосильная задача для с.-д. печати, ибо документы могла бы собрать и изучить только особая комиссия. Но благодаря проверенным и бесспорным цифрам представительства на конференции 25 марта мы получаем возможность показать всей нашей партии сколько было правды в меньшевистском оправдании предвыборного раскола в Петербурге. Для этого стоит только сравнить порайонные данные о числе с.-д., голосовавших за большевиков и за меньшевиков при выборах на конференцию 6-го января и на конференцию 25-го марта.

Данные о голосованиях по выборам на конференцию 25-го марта бесспорны: они проверены цекистской комиссией и приняты как большевиками, так и меньшевиками.

Чтобы взять бесспорные же данные о голосовавших на выборах в конференцию 6-го января, мы возьмем меньшевистские цифры. Уйдя с конференции 6-го января, 31 меньшевик издали особое заявление—печатный листок под заглавием: «Почему мы были вынуждены оставить конференцию? (заявление 31 члена конференции, внесенное в Ц. К.)». В № 12 «Пролетария» мы разобрали этот листок *). Теперь мы возьмем те «цифровые данные о составе избирателей на конференцию петербургской организации» (на конференцию 6 января), которые напечатаны на страницах 7 и 8 этого листка. Здесь приведено по

*) См. выше стр. 137—140 этого тома. Ред

каждому из 11 районов число голосовавших за большевиков *) и за меньшевиков, при чем все голоса подразделены еще на бесспорные и спорные, а эти последние на оспоренные большевиками и оспоренные меньшевиками.

Нам нет надобности здесь воспроизводить все эти детальные разделения. В примечании мы оговорим особо все исправления, вносимые меньшевиками. Для сравнения же возьмем итоги «числа голосовавших» за большевиков и за меньшевиков, т.-е. сложим бесспорные и спорные голоса вместе, чтобы путем сравнения этих данных с данными о голосах при выборах на конференцию 25-го марта всякий член партии мог сам убедиться в том, какие неправильности и с чьей стороны имели место при выборах на конференцию 6-го января.

По 12-му району Петербургской организации, приказчиьему, нет табличных данных в листке 31-го. В тексте (стр. 4) они говорят, что П. К. дал право 313 организованным приказчикам выбрать 5 представителей, считая по 1 не на 50 (общая норма), а на 60 ввиду недемократического характера выборов. Меньшевики не признали на этом основании во все приказчиьих голосов. Так как из 5 представителей 1 был меньшевик и 4 большевика, то мы будем считать 63 голоса за меньшевиков и 250 за большевиков.

Затем мы разделяем все 12 районов петербургской с.-д. организации на шесть бесспорных и шесть спорных. К последним относили такие, по которым либо меньшевики, либо большевики оспаривали на конференции 6-го января больше половины поданных за большевиков или за меньшевиков голосов. Сюда относятся районы: Выборгский (из 256 голосов за меньшевиков были оспорены большевиками 234, как не вполне правильно полученные), Городской (из 459 за меньшевиков оспорены большевиками 370), Московский (из 248 голосов за меньшевиков оспорены большевиками 97, меньшевиками 107; 185 голосов за большевиков оспорены **) все меньшевиками), железнодорожный (из 21 голосов за большевиков оспорены 5; из 154 голосов за меньшевиков оспорено 107); эстонский (все 100 голосов за больше-

*) Эти цифры подразделены еще на голоса большевистские и диссидентские („платформа революционного блока“). И те и другие большевики, спорившие между собой по вопросу: левый блок или чистый с.-д. список.

**) Оспоренными везде называются голоса, которые другая сторона считала не вполне правильными, не проверенными, преувеличенными, но не вовсе фиктивными. Большевики решили на конференции 6-го января повысить норму представительства для всех оспоренных голосов, считая для них по 1 делегату на 75, вместо одного делегата на 50.

виков оспорены меньшевиками) и приказчиий (все 313 голосов целиком опротестованы меньшевиками, которые эти голоса и только эти голоса объявляли вовсе не поданными: выбирали, де, верхи организации вместо членов организации).

К бесспорным районам отнесены: Василеостровский, Нарвский, Окружной, Латышский (по этим 4-м районам все голоса были бесспорны), затем Невский (из 150 голосов за большевиков оспорено 15; из 40 за меньшевиков оспорено 4) и Петербургский (из 120 голосов за меньшевиков оспорено 22).

Порайонные данные о числе голосовавших получают следующий вид:

		Слб. организация Р. С.-Д. Р. П.			Конференция 6 января.			Конференция 25 марта.		
		Число голосов за:			Число голосов за:					
Р А Й О Н Ы:										
Бесспорные районы.		б.	м.	В с е г о .	б.	м.	В с е г о .			
	Вас.-Островский	329	339	668	798	435	1.233			
	Петербургский	161	120	281	528	254	782			
	Нарвский	24	6	30	202	231	433			
	Невский	150	40	190	585	173	758			
	Окружной	451	63	514	737	—	737			
	Латышский	117	47	164	100	—	100			
В с е г о . . .		1.232	615	1.847	2.950	1.093	4.043			
Спорные районы.	Выборгский	97	256	353	155	267	422			
	Городской	220	459	679	701	558	1.259			
	Московский	185	248	433	331	83	414			
	Железнодорожный	21	154	175	29	105	134			
	Эстонский	100	—	100	150	—	150			
	Приказчиий	250	63	313	300	50	350			
В с е г о . . .		873	1.180	2.053	1.666	1.063	2.729			
И т о г о . . .		2.105	1.795	3.900	4.616	2.156	6.772			

Из этих данных вытекают следующие выводы:

1) Петербургские с.-д. рабочие проявили несравненно больше интереса к реформе Петербургской организации (цель конференции 25 марта), чем к выборам по городской курии в Думу (цель конференции 6 января).

Число членов с.-д. организации не могло измениться очень значительно за $2\frac{1}{2}$ месяца. Полицейские условия для собраний и подсчета голосов были в марте не лучше, а скорее хуже (не было собраний в университете; усилились преследования рабочих).

Число голосовавших членов с.-д. организации возросло более, чем в полтора раза, более на две третьих (с 3.900 до 6.772).

2) Перевес большевиков над меньшевиками при более значительном числе голосовавших оказался несравненно сильнее, чем при слабом участии в голосованиях. 6 января меньшевики имели 1.795 голосов из 3.900, т.-е. 46 процентов, 25 марта они получили 2.156 из 6.772, т.-е. 32 процента.

3) В бесспорных (первых 6) районах возросло число голосов, поданных и за большевиков и за меньшевиков (первое число возросло гораздо значительнее). В спорных (последних шести) районах возросло число голосов, поданных за большевиков, и уменьшилось число голосов, поданных за меньшевиков.

Число голосов за большевиков возросло с 873 до 1.666. Число голосов за меньшевиков уменьшилось с 1.180 до 1.063. Перевес меньшевиков в спорных районах оказался не существующим.

Этот факт решает вопрос о том, на чьей стороне лежит виновность в расколе.

Проверочные и проверенные особой цекистской комиссией выборы показали, что число большевистских голосов в спорных районах было меньше действительного, — число же меньшевистских голосов было больше действительного!

Меньшевики говорили и печатали, что большевики вздули число голосов в спорных районах. Большевики обвиняли в этом меньшевиков. Проверочные выборы дали увеличение числа большевистских голосов и уменьшение меньшевистских. Разве можно себе представить более убедительное и более решающее доказательство правоты большевиков?

Нельзя ссылаться в опровержение этого вывода ни на то, что данные по районам могли быть случайны, ни на то, что мы взяли 6 января спорные и бесспорные голоса вместе. Первое

возражение отпадает, ибо мы взяли нарочно не отдельные только районы, а группы районов, сравнили шесть и шесть районов именно для того, чтобы устранить всякие ссылки на случайное. Данные по отдельным районам (Московский, например!!) были бы для нас вдесятеро благоприятнее.

Второе возражение отпадает, ибо мы основывались нарочно на меньшевистских цифрах, к которым сами меньшевики вносили ничтожные поправки. «Действительно подлежали неутверждению», по мнению 31-го, выраженному ими печатно в их листке (стр. 7), только следующие голоса: 15 голосов из 150 большевистских по Невскому району и все эстонские большевистские; 107 голосов из 248 меньшевистских по Московскому району и 41 из 154 меньшевистских по Железнодорожному району, т.-е. всего на всего 115 голосов большевистских и 143 меньшевистских. Приказчицы голоса (все 313) меньшевики отвергали целиком. Легко видеть, что эти поправки нисколько не колеблют общих выводов, сделанных нами.

Конференция 25-го марта, выборы на которую были особо проверены цекистской комиссией и всеми признаны за бесспорные, доказала, что в споре из-за представительства на конференции 6-го января правда была всецело на стороне большевиков, перевес которых оказался очень значительным; перевес же меньшевиков окончательно был опровергнут. Конечно, можно попытаться еще возразить против нашего рассуждения указанием на то, что конференция 25-го марта была после выборной кампании и отразила, таким образом, переход с.-д. рабочих на сторону большевиков в этом вопросе, переход уже после 6-го января 1907 г. Но такое возражение, конечно, не ослабляет, а скорее усиливает (хотя несколько с другой стороны) виновность именно меньшевиков в расколе из-за выборов.

Вина за петербургский раскол на выборах во вторую Думу всецело лежит на меньшевиках. Мы это всегда утверждали и обязывались доказать перед партией.

Теперь мы это окончательно доказали.

*„Пролетарий“ № 16
от 2 мая 1907 года.*

К вопросу об общенациональной революции.

В известном смысле слова, победоносной может быть только общенациональная революция. Это верно в том смысле, что для победы революции необходимо объединение в борьбе за требо-

вания этой революции громадного большинства населения. Это громадное большинство либо должно сплошь состояться из одного класса, либо из разных классов, имеющих некоторые одинаковые задачи. По отношению к современной русской революции тоже, конечно, верно, что она может победить лишь как общенациональная революция в том смысле этого слова, что для ее победы необходимо сознательное участие в борьбе громадного большинства населения.

Но этим и ограничивается условная правильность ходячего выражения: «общенациональная» революция. Никаких дальнейших выводов, кроме указанного, собственно говоря, тавтологии (победить против организованного и господствующего меньшинства может только громадное большинство), нельзя делать из этого понятия. Поэтому в корне неправильным и глубоко антимарксистским является применение его, как общей формулы, как шаблона, как критерия тактики. Понятие «общенациональная революция» должно указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов различных классов, которые сходятся на известных определенных, ограниченных общих задачах. Ни в каком случае не может служить это понятие для того, чтобы затушевать, заслонять изучение классовой борьбы в ходе той или иной революции. Подобное употребление понятия «общенациональная революция» есть полный отказ от марксизма и возврат к вульгарной фразе мелко-буржуазных демократов или мелко-буржуазных социалистов.

Наши с.-д. правого крыла часто забывают эту истину. Еще чаще забывают они, что с прогрессом революции изменяется соотношение классов в революции. Всякий действительный прогресс революции есть вовлечение в движение более широких масс,—следовательно, большая сознательность классовых интересов,—следовательно, большая определенность политических, партийных группировок и более точная обрисовка классовой физиономии разных партий,—следовательно, все большая замена общих, абстрактных, неясных и смутных в своей абстрактности политических и экономических требований конкретными, точно определенными различными требованиями различных классов.

Например, русская буржуазная революция, как и всякая буржуазная революция, неизбежно начинается под общим лозунгом: «политическая свобода», «народные интересы», при чем конкретное значение этих лозунгов выясняется для масс и для классов лишь в ходе борьбы, лишь по мере того, как делается практиче-

ский приступ к осуществлению этой „свободы“, к наполнению определенным содержанием такой, хотя бы, словесной пустышки, как „демократия“. Перед буржуазной революцией, в начале ее, во имя демократии выступают все: и пролетариат и крестьянство вместе с городскими мелко-буржуазными элементами, и либеральные буржуа вместе с либеральными помещиками. Лишь в ходе классовой борьбы, лишь в более или менее продолжительном историческом развитии революции вскрывается разное понимание этой „демократии“ разными классами. Мало того: вскрывается глубокая пропасть между интересами различных классов, требующими различных экономических и политических мероприятий во имя одной и той же „демократии“.

Лишь в ходе борьбы, лишь в развитии революции выясняется, что один „демократический“ класс или слой не хочет или не может идти так далеко, как другой,— что на почве осуществления „общих“ (якобы общих) задач развертываются ожесточенные столкновения за способ их осуществления, например, за ту или иную степень, широту и последовательность свободы, народовластия, за тот или иной переход земли к крестьянству и т. д.

Все эти забытые истины мы должны были напомнить, чтобы разъяснить читателю спор, который шел недавно между двумя газетами. Вот что писала одна из них, „Народная Газета“, против другой, „Нашего Эха“:

„Группировка населения по партиям,— пишет „Наше Эхо“,— этот важнейший политический урок и важнейшее политическое приобретение революции во время выборов во II Думу,— наглядно показала на фактах общенационального масштаба этот поворот широких слоев помещиков и буржуазии вправо“. Совершенно верно; но настроение и мандаты, с которыми „левые“ депутаты — с.-р., трудовики и н.-с.— приехали с мест, также „наглядно показали в общенациональном масштабе“, что „народ“ в настоящий момент не в малой степени проникнут кадетскими „конституционными иллюзиями“, что „народ“ возлагает чрезмерные надежды на самодовлеющую деятельность Думы, что он чрезмерно заботится о „сбережении“ Думы. Вот этого-то слона литераторы газеты „Наше Эхо“ не заметили. Они заметили, кого народ посылал в Думу, они не заметили, для чего он их туда посылал. Но в таком случае не согласится ли „Наше Эхо“ с тем, что, приглашая пролетариат игнорировать „общенациональные“ задачи, оно приглашает его изолировать себя не только от буржуазного „общества“, но и от мелко-буржуазного „народа“?“.

Это чрезвычайно поучительная и знаменательная тирада, вскры-

вающая три крупные ошибки оппортунизма: во-1-х, результатам выборов противопоставляют настроение депутатов; это значит подменивать настроение народа настроением депутатов, от более глубокого, широкого, основного апеллировать к более мелкому, узкому, производному *). Во-2-х, вопрос о твердой и выдержанной политической линии и тактике пролетариата подменяют вопросом об учете того или иного «настроения». В-3-х,— и это самое главное,— во имя вульгарно-демократического фетиша «общенациональной революции» пугают пролетариат «и з о л и р о в а н и е м» от мелко-буржуазного народа».

На двух первых ошибках остановимся возможно короче. Выборы затронули массы и показали не только их минутное настроение, но их глубокие интересы. Марксистам вовсе не пристало от классовых интересов (выраженных партийной группировкой на выборах) апеллировать к минутному настроению. Настроение депутатов может быть унылое, а экономические интересы масс могут вызвать массовую борьбу. Поэтому учет «настроения» может быть необходим для определения момента того или иного действия, шага, призыва и т. п., но никак не для определения тактики пролетариата. Рассуждать иначе—значит заменять выдержанную пролетарскую тактику беспринципной зависимостью от «настроения». А речь шла все время именно о линии, вовсе не о «моменте». Оправился в данный момент пролетариат или не оправился (как думает «Народная Газета»), это важно для учета «момента» действий, но не определения тактической линии действий рабочего класса.

Третья ошибка—самая глубокая и самая важная: боязнь «изолировать» с.-д. или (что то же) пролетариат от мелко-буржуазного народа. Это уже совсем неприличная боязнь.

Поскольку с.-р., трудовики и н.-с. действительно волочатся за к.-д.,—а это бывает и бывало очень часто, начиная с голосования за Головина, продолжая знаменитой тактикой гробового молчания и т. д.,—поскольку с.-д-тия обязана изолировать себя от мелко-буржуазного народа. Ибо одно из двух: либо колебания мелко-буржуазного народа показывают вообще шаткую природу мелких буржуа, показывают тяжелое и трудное развитие революции, но не означают ее конца, исчерпания ее сил (так думаем мы). Тогда изолируя себя от всех и всяких колебаний и шата-

*) Что касается „мандатов“, то мы совершенно отводим этот довод. Кто считает революционные и оппортунистические наказания и мандаты? Кто не знает, сколько газет закрыто за печатание революционных наказов?

ний мелко-буржуазного народа, с.-д. пролетариат воспитывает этот народ к борьбе, готовится к борьбе, развивает его сознание, решимость, твердость и т. д. Либо колебания мелко-буржуазного народа означают полный финал данной буржуазной революции (мы думаем, что такой взгляд неверен, и никто из с.-д. прямо и открыто не защищал его, хотя склоняются к нему крайние правые с.-д., несомненно). Тогда с.-д. пролетариат тоже обязан изолировать себя от шатаний (или от предательства) мелкой буржуазии, чтобы воспитать классовое сознание рабочих масс и готовить их к более планомерному, твердому, решительному участию в следующей революции.

Изолировать себя от проникнутого кадетскими иллюзиями мелко-буржуазного народа с.-д. пролетариат в обоих случаях, во всех случаях обязан безусловно. Он должен вести во всяком случае твердую, выдержанную политику действительно революционного класса, не давая себя смущать никакими реакционными или мещанскими рассказами ни об общенациональных задачах вообще, ни об общенациональной революции.

Возможно, при том или ином сочетании сил и стечений неблагоприятных обстоятельств, что подавляющее большинство буржуазных и мелко-буржуазных слоев заразится на время холопством, раболепством или трусостью. Это была бы «общенациональная» трусость,—и с.-д. пролетариат изолирует себя от нее во имя интересов всего рабочего движения в целом.

*„Пролетарий“ № 16
от 3 мая 1907 г.*

По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции Российской Социал-Демократической Рабочей Партии¹⁴⁷⁾.

В № 20 «Народной Думы» (от 3 апреля с. г.) напечатано: «Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. обратился к партийным организациям со следующим письмом: «На днях вышла из печати книжка, озаглавленная: «Протоколы первой конференции военных и боевых организаций» *). В целях устранения всех возможных недоразумений Ц. К. считает необходимым сделать по

*) Действительное заглавие, сокращенное Ц. К.-том, гласит: «...организаций Российской С.-Д. Рабочей Партии, — (конференции), состоявшейся в ноябре 1906 г.» (С.-Петербург 1907. Цена 60 коп. Страниц IV+168).

этому поводу следующие разъяснения: 1) Конференция эта была созвана представителями нескольких военных и боевых организаций не только без согласия, но даже вопреки решительному протесту Ц. К., находившего какие бы то ни было формы объединения боевых организаций недопустимыми. 2) Техническая группа при Ц. К. разрешения Ц. К. на участие в «конференции» не получала, и член этой группы, позволивший себе, без ведома Ц. К., принять в конференции участие, подвергся резкому порицанию со стороны Ц. К. К этому считаем нужным прибавить, что военные организации Прибалтийского края участвовали в конференции вопреки постановлению Ц. К. социал-демократического Латышского края.

Читатели видят отсюда, что наш Ц. К. очень сердится, торопясь очернить перед партией некую конференцию и заслоняя существо дела перечнем формальных неправильностей.

Советуем всем членам партии ознакомиться с чрезвычайно интересными «Протоколами военной и боевой организаций Р. С.-Д. Р. П.», чтобы самолично убедиться в забавном характере цекистского гнева и негодования. С своей стороны, считаем необходимым юстановиться на оценке этой книги (и связанного с ней «конфликта») хотя бы вкратце.

Сначала два слова о формальной стороне дела в сердитом заявлении Ц. К. Конференция была созвана вопреки его протеста, ибо он находил «недопустимыми какие бы то ни было формы объединения боевых организаций». Это очень сердито, только не логично до бессвязности. Если к «формам объединения» он не относит конференций вообще, тогда весь выстрел попадает мимо цели. Если совещание («конференция») боевиков тоже недопустимо, как «форма объединения», тогда мы спрашиваем себя с недоумением: как же можно запрещать совещаться представителям партийных организаций, пока они—партийные, пока они ни партийным съездом, ни Ц. К-том не распущены?? Ц. К., видимо, боится прямо выразить свою настоящую мысль (желание вовсе распустить всякие боевые организации) и поэтому сердится смешным образом. В самом деле, не естественно ли было бы ожидать возражений по существу против известных шагов или решений конференции вместо этого окрика: «Совещаний не допускаю»? Невольно приходит в голову мысль: не хотят ли этим окриком помешать постановке вопроса по существу?

Перейдем к истории созыва конференции военных и боевых организаций Р. С.-Д. Р. П. Осенью прошлого года на этой почве возник конфликт между Петербургской военной организацией и

Ц. К-том. Первая созывала конференцию военных и боевых организаций, ссылаясь на «предоставленное партийным уставом местным организациям право созывать конференции *). Ц. К. был против инициативы Петербургской Военной Организации и против допущения боевых организаций. Вышло так, что состоялись две конференции: 1) октябрьская конференция только военных организаций, с участием представителей Ц. К.; 2) ноябрьская конференция военных и боевых организаций, без участия представителя Ц. К. (хотя Ц. К. назначил одного своего члена для участия на этой конференции). На октябрьской конференции участвовали представители 8 военных организаций. На ноябрьской — 11 военных и 8 боевых. На обеих конференциях с совещательными голосами были представители П. Ком. Р. С.-Д. Р. П. и другие партийные работники.

Резолюции октябрьской конференции изданы Ц. К-том в указанном выше листке («Краткое извлечение»). Резолюции ноябрьской — напечатаны в № 9 «Пролетария» и затем теперь вошли в изданные особой книжкой «Протоколы». Протест Ц. К., с которого мы начали статью, относится к ноябрьской конференции.

Разумеется, нельзя не осудить того, что конференций было две. Это безусловно нежелательное явление в единой партии. Отодвигая формальную сторону, поставим вопрос о существе конфликта, породившего две конференции: полезно или вредно было участие боевых организаций в конференции? В резолюции октябрьской конференции читаем: «...насушной потребностью для партии является созыв конференции, посвященной специально военным организациям для обсуждения вопроса о подготовке войска к участию в вооруженной борьбе народа, — конференций, успеху работ которой не может принести никакой пользы участие представителей боевых дружин» (стр. 4 листка Ц. К.). И только. Это все мотивы.

Их неверность бьет в глаза. Допустим все самое худшее против боевиков. Но что они участвовали в бывших попытках восстания, — это факт. И ради одного этого совещаться с ними полезно и необходимо. Вредные их тенденции полезно вскрыть перед партией, изобличив такой-то и такой-то характер их деятельности на конференции, где они присутствуют. И Ц. К., и всякий член конференции мог и обязан был это сделать. Ни-

*) См. изданное Ц. К-том „Краткое извлечение из протоколов I-ой конференции организаций Р. С.-Д. Р. П., ведущих работу в войсках — листок в 13 страничек, изданный в типографии ЦК.

кого ни в чем не могли связать решения конференции, безусловно необязательной ни для Ц. К., ни для местных комитетов. Боязнь совместного совещания просто смешна при таких условиях.

И если Ц. К. прямо осуждает теперь конференцию с участием боевиков, не осуждая при этом столь же прямо ни одной резолюции этой конференции, то, значит, такая конференция опровергла предположения Ц. К.!

Чтобы сразу же перейти к решениям этой конференции, возьмем, например, ее резолюцию о задачах боевых организаций. Читаем: «Конференция военных и боевых организаций признает, что главные задачи боевых организаций заключаются в 1) распространении правильного понимания идеи вооруженного восстания и разъяснения тех условий, при каких вооруженное восстание может возникнуть, протекать и успешно завершиться, так как даже в среде партийных работников существует самое смутное, неправильное представление о вооруженном восстании; 2) подготовке всех необходимых технических данных для успешного проведения вооруженного восстания; 3) организации кадров сознательных рабочих, группирующихся в Р. С.-Д. Р. П., для активного выступления; 4) содействии организации в боевых целях революционно-демократических слоев населения и закрепления в них боевого руководства с.-д.-тии».

Итак, главной задачей боевых организаций объявлено, прежде всего, распространение правильного понимания вооруженного восстания. Эта мысль повторена еще резче в резолюции о роли военных и боевых организаций в вооруженном восстании: «роль боевых организаций — развитие в народных массах правильного понимания вооруженного восстания»...

Что же, совещание об этом признает «недопустимым» наш меньшевистский Ц. К.? Или он поспешил спрятаться за чиновнически-казенную ширму «недопустимы никакие действия, и даже совещания, скопом» для того, чтобы избавить себя от неприятной обязанности выступить перед партией с определенным изложением того, какие именно задачи боевых организаций считает он правильно поставленными и какие неправильно??

В том-то и дело, что среди меньшевиков распространено поистине фарисейское отношение к боевым организациям: пользоваться тем или иным «результатом» деятельности, беспартийных боевых организаций они не прочь, но зато про партийные боевые организации распространяются ими кумушкины сплетни, позволяющие во все обходить вопрос о способах распространения в массах правильного понимания военного восстания и т. д.

К числу таких сплетен относится, например, ходячее утверждение, что боевики (вслед за большевиками) преувеличивают технику восстания.

Отлично, господа! Вы обвиняете нас в преувеличении «техники»? Не угодно ли вам прочитать для выяснения правды по этому вопросу две резолюции: меньшевистской (октябрьской) и большевистской (ноябрьской) военной с.-д. конференции?

О работе среди офицеров. Резолюция меньшевистской (октябрьской) конференции: «Конференция признает, что революционная пропаганда среди офицерства является важной задачей как потому, что работа соц.-дем. военно-революционной организации среди офицеров может во многих случаях облегчить нашу работу в войсках в мирное время, так и потому, что во время вооруженного восстания революционные офицеры могут послужить в качестве технических руководителей восстания. Поэтому конференция рекомендует военно-революционной организации обратить серьезное внимание на работу среди офицеров, стараясь по возможности превратить их в сознательных сторонников соц.-демократической партии» (стр. 13 листка Ц. К.).

Резолюция большевистской (ноябрьской) конференции:

Принимая во внимание: 1) что как классовый социальный состав офицерства, так и интересы офицерства, как профессиональной военной касты, заставляют их стремиться к сохранению постоянной армии и народного бесправия; 2) что в силу этого в происходящем буржуазно-демократическом перевороте офицерство в целом играет роль реакционную; 3) что существующие оппозиционно-настроенные группы офицерства активной роли не играют; 4) что в то же время возможен переход отдельных офицеров в нашу партию, которые своими специальными знаниями и специальной военной подготовкой могут оказать значительную услугу в момент восстания армии и перехода ее на сторону народа, а также в технической подготовке к вооруженному восстанию,— конференция военных и боевых организаций признает: 1) что строить самостоятельную с.-д. организацию среди офицерства военные организации не могут; 2) что необходимо использовать существующие оппозиционно-настроенные группы офицеров в целях осведомления и привлечения отдельных членов в наши партийные военные и боевые организации в качестве инструкторов и практических руководителей» (стр. 132 «Протоколов»).

У меньшевиков ни слова ни о классовом составе офицерства, ни об его роли во всей буржуазной революции. У большевиков во главу угла поставлена оценка того и другого.

Это раз. У меньшевиков голая техника, ибо все доказательства «важности» работы среди офицеров сведены исключительно к тому, что работа среди офицеров «может облегчить» нашу работу в войсках (квартиры давать? легальное прикрытие составлять?) и затем может дать технических руководителей. У большевиков технике отведено подчиненное место, как услугам «отдельных офицеров», а на первый план выдвинуто доказательство того, что «самостоятельной с.-д. организации» среди офицерства рабочая партия строить не может. Это два. У меньшевиков мешанская работа мысли, боящейся указать классовую связь офицерства с буржуазией, дополняется робостью вывода: «по возможности превратить в сознательных сторонников с.-д. партии». У большевиков открытая пролетарская оценка реакционного в целом слоя привела к решительному выводу: оппозиционных офицеров использовать «для осведомления», а «отдельных членов» привлекать в наши партийные военные и боевые организации. Это три.

Спрашивается, как не назвать после этого кумушкиной сплетней меньшевистские толки о преувеличении «техники» большевиками вообще, большевистскими боевиками в частности? На деле эти толки послужили, как мы видим, для прикрытия, с одной стороны, технической узости меньшевистского взгляда на офицерство, а, с другой стороны, для прикрытия чисто-интеллигентской оппортунистической боязни оценить буржуазный классовый состав офицерства и внести в работу среди войска идею классовой розни массы «нижних чинов» из крестьян и рабочих и кучки дворянских сынков или буржуев, пролезающих через военную службу в дворянство.

Этот «технический» и мешанско-оппортунистический взгляд на офицерство и обнаружили не только меньшевистские члены маленькой октябрьской конференции. Тот же взгляд мы видим у нашего меньшевистского Ц. К.: стоит вспомнить его знаменитое 4-е письмо к организациям*) (эпоха разгона Думы), где лозунг «за Думу», как орган власти, созывающей Учредительное Собрание, оправдывается стремлением подделаться под интересы и уровень сознания «средней буржуазии и офицерства». В том же самом письме Ц. К. договорился до того, что победа Советов Рабочих Депутатов в борьбе за власть привела бы лишь к военной диктатуре армии, перешедшей на сторону народа! Без «либе-

*) См. статью: „Политический кризис и провал оппортунистической тактики“ в VII томе Собр. сочинений. Ред.

ральных» офицеров, видите ли, солдаты не сумели бы даже вместе с Советом Рабочих Депутатов обеспечить что-либо иное, кроме военной диктатуры!

Мещанский взгляд на офицерство видим мы и у Плеханова, идейного вождя меньшевиков. В течение всего 1906 года мы видим у него потуги обвинить большевиков в преувеличении технических задач восстания. О какой же стороне восстания писал сам почтенный т. Плеханов за это время? О массовых жорнях восстания, о роли крестьянских и пролетарских элементов в нем? Ничего подобного. За все это время т. Плеханов писал только в № 7 «Дневника» (август 1906 г.) об одном письме одного либерального офицера, которого он вежливо-превежливо «поправлял» по поводу его буржуазных взглядов на «нижнего чина», на «спокойный» характер периода министерства Витте и т. п. «Я думаю даже,—писал т. Плеханов,—что только (заметьте это «только»!) участие офицеров в военных организациях положит конец этим бунтам (солдат и матросов), представляющим собой неплановую и непроизводительную затрату сил, нужных для революции». Видите, как энергично: только участие офицеров положит конец бунтам!! Без офицеров не будет конца «неплановой» трате глупых мужицких сил. А когда большевистские боевики соберутся на совещание и пожелают дать с.-д. партии скромный совет: сделать главной задачей боевых организаций обучение масс военным знаниям, пониманию хода восстания, пониманию условий планомерного его ведения, — тогда фарисеи казенного меньшевизма завопят: какое узко-техническое понимание «планомерности»! Какое «недопустимое» совещание боевиков против воли Ц. К.!

Но довольно об этих фарисеях. Вернемся к протоколам. В одном месте мы нашли там не «скромные советы» с.-д. партии, а претенциозное и нелепое прожектерство. Это в докладе т. Изарова о роли партии в вооруженном восстании. Т. Изаров действительно дошел здесь до абсурдов, вроде деления всех партийных организаций на три главные типа: военные, боевые и пролетарские!! Он договорился даже до «планов» составлять «военно-боевые советы» из равного числа делегатов от трех этих типов организаций (стр. 95) и т. п. Разумеется, от такого «боевизма» мы, большевики, отгородим себя всегда самым решительным образом. Безусловно преобладающий характер и решающий голос за общепролетарской организацией, — полнейшее подчинение ей всех военных и боевых организаций — необходимость базировать те же боевые организации

всецело на кадрах партийных с.-д. рабочих (или, может быть, даже заменить боевую организацию партийной милицией), все это стоит вне сомнения для нас.

И если из фракционных целей нам станут преподносить нелепые увлечения тов. Изарова, то мы попросим подобных «критиков» не забывать, что большевистская военно-боевая конференция не пошла за Изаровскими крайностями! Лучшее опровержение наветов на наших боевиков, это—то, что они сами, на своей конференции, просто отодвинули в сторону Изаровское прожектерство. Чтобы их голос по вопросу о роли с.-д. партии в вооруженном восстании не мог быть воспринят, как претенциозное навязывание или повеление и т. п., они сами превратили свою конференцию по этому вопросу в частное совещание (см. № 9 «Пролетария» и стр. 116 «Протоколов»). И лишь на частном совещании единогласно вынесли резолюцию, в которой нет никакого прожектерства à la Изаров, а говорится только об «обеспечении самой тесной связи и взаимодействия общепролетарских, военных и боевых организаций». При этом в резолюции о задачах военных организаций особо подчеркнуто «подчинение всей работы» «политическому руководству общепролетарских организаций» (№ 9 «Пролетария» и стр. 137 «Протоколов»). Если даже одни большевистские боевики сумели исправить Изарова, то можно себе представить, какова основательность страхов Ц. К. перед общим совещанием военных и боевых организаций всей партии.

Место не позволяет нам с такой же подробностью остановиться на других сторонах работы конференции. Отметим, что почти половина объемистой книги посвящена докладам о работе в войсках (стр. 10—49) и о бывших попытках вооруженного восстания (стр. 53—59, 64—79). Это—чрезвычайно ценный материал и за почин в его собирании и обработке все сознательные с.-д. рабочие поблагодарят военно-боевую конференцию. Отметим доклад т. Варина «о бывших попытках вооруженного восстания»; в этом докладе на первый план выдвинуто изучение вооруженного восстания, как особого вида движения масс, особого вида классовой борьбы пролетариата. Подчеркивается исторический момент крайнего обострения борьбы определенных классов, как условие восстания. Рассматривается роль отдельных классов,—зависимость движения в войсках от соотношения общественных сил,—неотделимость политической стороны восстания от боевой,—значение «широких демократических организаций народных масс», как предпосылок Временного Революционного Пра-

вительства и т. д. Конечно, изучать такие вопросы—немного потруднее, чем писать «тактические платформы» с кадетскими фразами о «вере пролетарских масс в чудо внезапного восстания» (см. «Тактическую платформу» Мартова и К^о).

Отметим, наконец, прения о текущем моменте с замечательной речью тов. Ильяна, который в ноябре 1906 г. на военно-боевой конференции сумел выразить взгляд на вторую Думу, блестяще подтвержденный событиями. «Позволю себе коснуться Думы,—говорит он.—В Думе мы будем иметь совершенно не тот состав, чем мы имели в прошлой Думе. Мы будем иметь мобилизованную революцию и мобилизованную реакцию. Крестьянство, особенно вследствие невыполнения его ожиданий, пошлет более революционный элемент, чем в предыдущую Думу. Несомненно, что то же произойдет и с пролетариатом... Наша беда в том, что часть с.-д. стремится заполнить Думу каким-то промежуточным слоем либералов» (стр. 84 «Протоколов»).

На боевой конференции вернее сумели оценить политику, чем Плеханов и меньшевистский Ц. К. в ноябре 1906 г.!

Исчерпать содержание «Протоколов» в газетной статье, разумеется, невозможно, и мы закончим горячим советом изучать их,—советом по адресу тех с.-д., которые способны говорить о вопросах восстания без либерального хихиканья.

*„Пролетарий“ № 16
от 2 мая 1907 года.*

РЕЧИ НА ЛОНДОНСКОМ СЪЕЗДЕ ¹⁴⁸⁾
Р. С.-Д. Р. П.

Ангел—май 1907 г.

*Протоколи Лондонского Съезда
Р. С.-Д. Р. П.
Париж 1909 г.*

1. Речь по докладу о деятельности Ц. К. ¹⁴⁹).

Я хотел бы говорить исключительно о политической стороне вопроса. Но последняя речь т. Абрамовича ¹⁵⁰) заставляет меня вкратце коснуться его замечаний. Когда т. Абрамович говорил об «осажденном» меньшевистском Ц. К., я думал про себя: «Бедные меньшевики! Опять они в осадном положении. Их «осаждают» не только тогда, когда они в меньшинстве, но и тогда, когда они в большинстве!».

Нет ли таких внутренних причин, коренящихся в самом характере меньшевистской политики, которые заставляют меньшевиков вечно жаловаться на осаду их пролетарской партией?

Каковы факты относительно осады меньшевистского Ц. К., приведенные т. Абрамовичем? Их три: агитация за экстренный съезд, конференция военных и боевых организаций, наконец, «другие организационные вопросы», как выразился т. Абрамович.

Рассмотрим эти три факта. Агитация за экстренный съезд развернулась широко тогда, когда выяснилось, что политика Ц. К. идет безусловно против воли большинства партии. Напомню, что это было после выдвинутого Ц. К-том лозунга о поддержке ответственного министерства. В это время в партию нашу еще не вошел Бунд, но уже вошли поляки и латыши. И те и другие вполне определенно отвергли политику Ц. К. Значит, факт совершенно неоспоримый, что Ц. К. разошелся тогда с громадным большинством партии. Кто же кого осаждал: большинство ли партии осаждало партийный Ц. К., требуя от него отчета съезду? или Ц. К., идя против партии, осаждал партию? Припомните, до чего дошел тогда Плеханов. Его письмо против съезда перепечатал официально издаваемый Ц. К-том «Социал-Демократ». А в этом письме Плеханов отвечал на призыв к съезду заподозриваниями мотивов агитации и тирадами о рабочих грошах! Подумайте: не был ли неправ Плеханов, позволявший себе подобные вещи против большинства партии, требующего съезда?

А я скажу только: после решения ноябрьской Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. агитация за экстренный съезд прекратилась.

Второй факт: конференция военных и боевых организаций. Конференций получилось две *). Это печально, конечно, но видеть здесь «осаду» Ц. К-та странно. Не лучше ли было объяснить, чем плохи были решения состоявшейся помимо Ц. К. конференции, чем отделяться жалобами на осаду? Напомню, что на обеих конференциях были представители и Московского комитета и Петербургского комитета,—значит, какая-либо фракция партии не связала себя ни с одной конференцией, как фракция. А революции конференции военных и боевых организаций, напечатанные в ноябре 1906-го года, до сих пор не встретили серьезной критики.

Третий факт: «другие организационные вопросы». Что это такое? Какое конкретное содержание сюда вложено? Не раскол ли в Петербурге, устроенный меньшевиками при помощи Ц. К. во время выборов? но по этому поводу говорить об осаде Ц. К-та было бы прямо смешно.

Перехожу к политической стороне вопроса. Наша главная задача состоит в том, чтобы рассмотреть, как руководил Ц. К. классовой борьбой пролетариата, как применял он на деле тактику, принятую на Объединительном Съезде.

Первым лозунгом, преподанным партии Ц. К-том, был лозунг поддержки требования «думского» или «ответственного» министерства. Т. Мартов ¹⁵⁰⁾ сказал здесь перед нами, что этот лозунг был выдвинут для расширения и углубления конфликта Думы с правительством.

Так ли это? В чем должно состоять пролетарское расширение и углубление конфликта? Конечно, в том, чтобы указывать настоящую арену борьбы и столкновений, вызвавших конфликт,—арену классовой борьбы вообще, а в данном случае—борьбы народа со старой властью. Чтобы расширить и углубить думский конфликт, надо было понять самим и разъяснить народу, что думский конфликт лишь очень неполно и извращенно отражает конфликт народа со старой властью, что борьба в Думе является слабым отзвуком революционной борьбы вне Думы. Чтобы расширить и углубить, надо было от думских лозунгов поднять политическое сознание и политические требования до лозунгов общей революционной борьбы. Ц. К. поступил

*) См выше 372 стр. этого тома. Р е д.

наоборот. Он притуплял и суживал лозунги революционной борьбы до лозунгов думского министерства. Он звал народ не к борьбе за власть, хотя эта борьба вытекала из всего объективного положения вещей, а к борьбе за сделку либералов с властью. Вольно или невольно, Ц. К. звал партию принять лозунги парламентского «мирного» пути в такое время, когда на деле из объективных условий вытекала революционная внепарламентская борьба. На деле никакого, сколько-нибудь серьезного общественного движения за «ответственное министерство» не было и быть не могло. Даже меньшевистская думская с.-д. фракция (1-й Думы) не приняла этого лозунга Ц. К. (Мартов: Неверно!) Нет, верно, т. Мартов, и простая справка с резолюцией Ц. К. и с стенографическими отчетами I-ой Думы покажет, что это верно.

Лозунг Ц. К. был на деле, независимо от желаний и мотивов Ц. К., приспособлением к либеральной политике. И из этого приспособления не могло выйти никаких результатов, ибо либеральная политика выражала не действительное общественное движение того времени, а мечту о прекращении революции, хотя она еще вовсе не прекратилась. Ход событий доказал, что вся эта история с «ответственным министерством» была покушением с негодными средствами.

Второй лозунг Ц. К. относится к эпохе июльской забастовки.

За неудачу тогдашнего выступления упрекать Ц. К. нельзя. Это—не упрек, а скорее похвала для такого Ц. К., как меньшевистский, что он все же пошел тогда навстречу революции. Не вина Ц. К., что он, сидя в Петербурге, не знал о настроении пролетариата во всей России. Нельзя объявить ошибкой и то, что мы верили тогда в восстание и ждали его. Восстание действительно произошло, и наши предварительные лозунги, наша политика перед восстанием были одним из элементов удачи или неудачи этого восстания.

Ошибку Ц. К. я вижу в том, что революционную борьбу, дошедшую до восстания, он стремился замкнуть в рамки неревolutionонных или урезанных революционных лозунгов. Это выразилось в лозунгах Ц. К.: «частичные массовые выступления» Это выразилось еще более в лозунге: «за Думу, как орган власти для созыва Учредительного Собрания». Бросать такие безжизненные лозунги значило приспособлять пролетарскую политику к политике либеральной буржуазии. И опять-таки события показали всю тщету и все бессилие попыток подобного приспособления. У нас часто раздаются жалобы и хныканье на бессилие рабочей

партии. А я скажу: оттого вы и бессильны, что притупляете свои лозунги!

Пойдем дальше. Посмотрим на вопрос о блоке с к.-д. на выборах во II-ю Думу. Мартов, в прочитанном им отчете Ц. К., отделался от этого вопроса удивительно благодушным формализмом: дескать, Ц. К. постановил, что блоки допустимы, и блоки, на точном основании директивы Ц. К., были допускаемы! (Смех.) Не грех бы в политическом отчете Ц. К. сослаться не на формальную законность постановлений, а на проверку жизнью верности данной политики по существу ее. Мы, большевики, утверждали все время, что пресловутая черносотенная опасность на деле сводится к либеральной защите от опасности слева, что, руководясь в своей политике страхом перед черносотенной опасностью, мы в действительности попадаем на удочку либералов. Итоги выборов доказали, что мы были правы. В целом ряде городов выборная статистика опровергла рассказы либералов и меньшевиков. (Возгласы: А Киев, Польша, Вильна!) У меня нет времени заниматься отдельными местностями, я буду говорить об общих политических результатах. Статистик Смирнов сосчитал по 22-м городам число голосов за левый блок—41 тыс.; за к.-д.—74 тыс.; за октябристов—34½ т. и за монархистов—17 тыс. По другим 16-ти городам из 72-х тыс. голосов за оппозицию было подано 58,7%, а за реакцию—21%. Выборы разоблачили фиктивность черносотенной опасности, и политика «допустимых» якобы в виде исключения блоков с к.-д. оказалась политикой зависимости пролетариата от либеральной буржуазии.

И я скажу вам: не пренебрегайте теоретическими спорами, не машите рукой презрительно по поводу фракционных измышлений насчет разногласий. Наши старые споры, наши теоретические и особенно тактические разногласия постоянно превращаются в ходе революции в самые непосредственные практические разногласия. Нельзя сделать ни шагу в практической политике, не наталкиваясь на те же основные вопросы об оценке буржуазной революции, о соотношении к.-д. и трудовиков и т. д. Практическая жизнь не стирает разногласий, а обостряет и оживляет их. И не случайно же такие видные меньшевики, как Плеханов, доводили до абсурда политику блоков с к.-д. Плеханов, выдвигая свою пресловутую «полновластную Думу», проповедывал общий лозунг для пролетариата и для либеральной буржуазии. Плеханов только рельефнее, сильнее других выражает внутреннюю сущность, основную тенденцию всей меньше-

вистской политики: замену самостоятельной линии рабочего класса приспособлением к либеральной буржуазии. Банкротство нашего ЦК было прежде всего и больше всего банкротством этой политики оппортунизма.

2. Речь по докладу о деятельности думской фракции.

Я хотел бы снова вернуть прения к принципиальной оценке политики думской фракции. Тов. Церетели говорил: „У нас были ошибки, но не было шатаний“. Я думаю, что осуждать за ошибки молодую, начинающую думскую фракцию было бы совершенно неправильно. Но суть-то именно в том, что были несомненно шатания в самой политике фракции. И не для осуждения лиц, а для воспитания пролетарской партии в целом, мы прямо должны признать эти шатания и поставить своей задачей устранение их.

Тов. Церетели ссылаясь на историю Европы. „1848 год,—говорил он,—научил нас не только тому, что не созрели еще условия для социализма, но и тому, что за свободу нельзя бороться без того или иного союза с буржуазной демократией“. Этот вывод тов. Церетели есть чистейший ревизионизм. Напротив, и революция 1848 года и последующий исторический опыт научили международную с.-д. как раз обратному, именно: что буржуазная демократия все более становится против пролетариата, что борьба за свободу ведется только там последовательно, где пролетариат руководит ею. Не союзам с буржуазной демократией учит 1848 год, а необходимости высвободить последние по степени развития слои народных масс из-под влияния буржуазной демократии, неспособной бороться даже за демократию. Тов. Церетели своей ссылкой на опыт 1848 года в духе бернштейнианства обнаружил гот самый ревизионизм, о котором Плеханов неосновательно сказал, что он слаб в нашей партии.

Характерно также для всей шаткости принципиальной позиции тов. Церетели было его заявление по поводу продовольственной комиссии. „Мы недостаточно подчеркнули легальность нашего предложения расследовать дело на местах,—говорил Церетели.—Мы увлеклись общими рассуждениями, упустив случай убедить других доводами о легальности нашего плана. В другой раз исправим эту ошибку“.

В этой постановке вопроса замечательно ярко бросается в глаза вся шаткость позиции нашей фракции. Подумайте только: люди печалются о недостаточности их мотивировки в пользу легальности

сти! Неужели они не видят, что дело вовсе тут не в мотивах, не в ссылках на легальность, не в «убеждении» кадетов или кого-либо иного? Неужели им не ясно, что правительство по существу дела не могло допустить и не допустило бы расследования на местах, видя в этом (и справедливо видя) апелляцию к массам?

Какие бы ссылки на легальность ни были пущены в ход, суть дела от этого не изменилась бы. И вместо того, чтобы смотреть вниз,—убедить народные массы, показать им правду,—Церетели смотрит вверх, желая убедить либералов, привлечь легальностью...

Это настоящий буржуазный парламентаризм. А бесплодность подобного мелкого, убогого, жалкого политиканства бьет в глаза, ибо ясно, что Столыпина от его политики никакие парламентские уловки ни меньшевиков, ни кадетов отклонить не могли бы. Отстранение от масс—факт на-лицо, выгоды от легального убеждения Столыпиных и кадетов—праздные мечты праздного интеллигента.

Такие же праздные потуги оппортунизма вижу я в переговорах с н.-д.; защита их ссылкой на Бебеля совсем слаба. Бебель, дескать, сказал: если нужно для дела, хоть с чортовой бабушкой войдем в сношения. Бебель-то прав, товарищи: если нужно для дела, конечно, тогда можно и с чортовой бабушкой. Ну, а для какого дела оказались нужными ваши сношения с народовцами? Ни для какого. Пользы от них—ноль. И выходит, что Бебель говорил хорошо, а вы понимаете его плохо.

И хождение к народовцам, и голосование за Головина, и попытка выбросить конфискацию,—все это отдельные части одной неверной линии. Все это—проявления не неопытности, а именно политического шатания. И с этой точки зрения не мелочь и приглашение г. Н. (151а). Нам говорили здесь г. Н. отсутствует без него нельзя осуждать его вступление. Это похоже на то, что нас отсылают от Понтия к Пилату. В Петербурге на конференции нам говорили: отложим до съезда, нельзя разбирать без съезда. Теперь на съезде говорят: нельзя без Н, отложим и перенесем в Петербургскую организацию. Это—софизм.

Н—литератор, и его произведения всем известны. Н—тип буржуазного интеллигента, внедряющегося в нашу партию для определенных, оппортунистических целей. Вступление его в жел.-дор. район—явная насмешка. Это—прикрытие для работы в думской среде. И вина нашего Ц. К., что он таким прикрытием пользовался. Вина нашей думской фракции, что она облегчала вход в нашу партию с думской лесенки именно неработающих в партии

и принципиально враждебных партии либеральных литераторов, сотрудничающих в «Товарище».

Череванин (151b) защищал здесь политику думской фракции, говоря: допустим что кадеты теперь отстали, теперь реакционны. Но это не навсегда. Не надо этого фиксировать. Кадеты плохи в эпохи упадка, они могут пригодиться в эпохи подъема, когда они быстро влевеют.

Это обычное меньшевистское рассуждение, только выраженное особенно прямо и резко. От этого фальшь его становится еще виднее. Возьмите два крупные верстовые столба революции: октябрь 1905 г. — наибольший подъем, и весну 1907 г. — наибольший упадок. Годились ли кадеты для демократии в 1905 г.? Нет. Это признали сами меньшевики в «Начале»¹⁵²). Витте — агент биржи, Струве — агент Витте, так писали тогда меньшевики, и писали правильно.

Тогда меньшевики были согласны с нами, что не поддерживать к.-д., а разоблачать их мы должны, ронять их престиж среди демократии.

Теперь, весной 1907 г., тоже все вы начинаете соглашаться с нами, что к.-д. — негодные демократы. И выходит, что ни в эпоху подъема, ни в эпоху упадка к.-д. не годятся. А промежуток между этими эпохами всякий историк назовет именно порой колебаний, когда колебалась в сторону мелкой буржуазной политики и часть с.-д., когда эта часть тщетно пыталась «поддержать» к.-д., принесла этим лишь вред рабочей партии и, в конце-концов, увидела свою ошибку.

Несколько слов о Троцком. Он говорил от «центра», он выражал взгляды Бунда. Он громил нас за внесение нами «неприемлемой» резолюции. Он грозил прямо расколом, уходом думской фракции, якобы оскорбляемой нашею резолюциею. Я подчеркиваю эти слова. Я призываю вас перечитать внимательно нашу резолюцию.

Видеть оскорбление в спокойном признании ошибок, без всякого порицания в резкой форме, говорить по поводу этого о расколе, разве это не чудовищно?? Разве это не показывает болезнь нашей партии, боязнь признания ошибок? Боязнь критики думской фракции?

Одна возможность такой постановки вопроса показывает, что есть непартийное нечто в нашей партии. Это непартийное — в отношениях думской фракции к партии. Думская фракция должна быть более партийна, более тесно связана с партией, более подчинена всей пролетарской работе. Тогда исчезнут вопли об оскорблении и угрозы расколом.

Когда Троцкий говорил: „Ваша неприемлемая резолюция мешает провести ваши верные мысли“, я крикнул ему: „Дайте же вашу резолюцию!“. Троцкий ответил: „Нет, сначала снимите свою“.

Не правда ли, хорошая позиция „центра“? За нашу (по мнению Троцкого) ошибку („нетактичность“) он наказывает всю партию, лишая ее своего „тактичного“ изложения тех же принципов! Почему вы не провели своей резолюции? спросят нас на местах. Потому, что на нее обиделся центр и отказался по обиде от изложения своих принципов!! Это не принципиальная позиция, а беспринципность центра.

Мы пришли на съезд с двумя давно известными партии тактическими линиями. Неумно и недостойно рабочей партии скрывать разногласия и прятать их. Сопоставим яснее обе точки зрения. Выразим их в применении ко всем вопросам нашей политики. Подведем ясные итоги партийному опыту. Только так мы выполним свой долг и положим конец шатаниям в политике пролетариата.

3. Фактическое заявление на XVIII заседании.

Т. Мартов, цитируя из „L'Huanité“¹⁵³) интервью со мной (за подписью Etienne Avenard), неверно осветил некоторые места.

В интервью значится, что Ц. К. (т.-е., конечно, меньшевистская его часть) тайно и подпольно осведомлял кадетов. Это мое заявление подтвердили теперь прения на съезде. На съезде выяснилось, что еще в ноябре 1906 г. Данилов был приватно „на чашке чая“ с Милюковым, Набоковым, с вождями эс-эров и эн-эсов. Об этом Данилов не счел нужным доложить ни в Ц. К., ни в П. К. Это свидание с к.-д., без сообщения о нем ни в Ц. К., ни в П. К., было именно тайным и подпольным осведомлением кадетов.

Далее в интервью сказано, что меньшевики не опровергли позорного кадетского предложения отдать меньшевикам места рабочих за помощь кадетам со стороны меньшевиков. Т. Мартов доказывает, что меньшевики это опровергли словами. Заявляю фактически, что дела меньшевиков противоречили их словесному опровержению: 1) словесно меньшевики обещали все места отдать рабочей курии. На деле, когда все рабочие уполномоченные, собравшись вместе, призвали меньшевиков (большинством 220—230 голосов против 10—20) отказаться от „скрытой поддержки“ к.-д.,— меньшевики отказались повиноваться; 2) после 25 января, после заключения левого блока, меньшевики печатно

ставили условие своей помощи ему: свободу действия выборщиков меньшевиков на 2-й стадии. Это условие объективно могло значить лишь одно: готовность поддержать кадетов против с.-д. на 2-й стадии.

4. Заявление на XX заседании.

Бюро было право (Голос: „Конечно!“), когда оно разъяснило, что отмена вчерашнего решения недопустима. Для отмены его требуется специальное постановление съезда о допустимости постановки такого предложения на голоса. В данном случае никто не предлагает отменить вчерашнее решение. Оно остается в силе. Допустима ли отсрочка? Абрамович упустил самый существенный момент, именно то, что вопрос об отложении вызван новым обстоятельством (мотировкой латышей), возникшим после вчерашнего голосования о директивах. Это есть новый мотив, которого не учел Абрамович. Предложение Вернера таким образом формально правильно.

5. Доклад по вопросу об отношении к буржуазным партиям.

Вопрос об отношении к буржуазным партиям стоит в центре принципиальных разногласий, давно уже разделяющих на два лагеря российскую с.-д. Еще до первых крупных успехов революции или даже до революции — если можно так выразиться о первой половине 1905 года — было уже две вполне наметившиеся точки зрения на этот вопрос. Споры были связаны с оценкой буржуазной революции в России. Оба направления среди с.-д. сходились на том, что революция эта — буржуазная. Но они расходились в понимании этой категории и в оценке практически-политических выводов из нее. Одно крыло с.-д-тии — меньшевики — толковали это понятие так, что в буржуазной революции главным двигателем ее является буржуазия, пролетариат же способен занимать лишь положение „крайней оппозиции“. Брать на себя задачу самостоятельного проведения этой революции, руководство ею он не может. Особенно рельефно проявились эти разногласия на спорах о Временном Правительстве (вернее: об участии с.-д. во Временном Правительстве), — спорах, которые велись в 1905 году. Меньшевики отрицали допустимость участия с.-д. во Временном Революционном Правительстве прежде всего именно потому, что считали главным двигателем или вождем буржуазной революции буржуазию. С полной яркостью обнаружился этот взгляд в резолюции кавказских меньшевиков (1905 год)¹⁵¹), одобренный

новою „Искрой“. В резолюции этой говорилось прямо, что участие с.-д. во Временном Правительстве могло бы отпугнуть буржуазию и тем ослабить размах революции. Здесь ясно признается, что пролетариат не может и не должен идти дальше буржуазии в буржуазной революции.

Обратного взгляда держались большевики. Они безусловно стояли на том, что революция наша буржуазная в смысле ее общественного экономического содержания. Это значит вот что: задачи данного, происходящего теперь в России, переворота не выходят из рамок буржуазного общества. Даже самая полная победа современной революции, т.-е. завоевание наиболее демократической республики и конфискация всей помещичьей земли крестьянством, нисколько не затрагивает основ буржуазного общественного строя. Частная собственность на средства производства или частное хозяйство на земле, кто бы ни был ее юридическим владельцем, и товарное хозяйство — остаются. Противоречия капиталистического общества, и главное из них — между наемным трудом и капиталом — не только не стираются, а, напротив, еще больше обостряются и углубляются, развиваясь более широко и в более чистом виде.

Все это для всякого марксиста должно быть совершенно бесспорно. Но отсюда вовсе еще не следует вывода, будто главным двигателем или вождем революции является буржуазия. Такой вывод был бы опощением марксизма, был бы непониманием классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Дело в том, что наша революция происходит в такое время, когда пролетариат уже начал сознавать себя особым классом и объединяться в самостоятельную, классовую организацию. При таких условиях пролетариат пользуется всяческими завоеваниями демократии, пользуется каждым шагом свободы, чтобы усиливать свою классовую организацию против буржуазии. Отсюда неизбежно вытекает стремление буржуазии притупить острые углы революции, не позволить довести ее до конца, не дать пролетариату возможности с полной свободой вести его классовую борьбу. Антагонизм буржуазии и пролетариата заставляет буржуазию стремиться сохранить известные орудия и учреждения старой власти, чтобы применять эти орудия против пролетариата.

Поэтому в лучшем случае, в эпохи наибольшего подъема революции, буржуазия представляет из себя (и представляет не случайно, а необходимо, в силу ее экономических интересов) элемент, колеблющийся между революцией и реакцией. Таким образом буржуазия не может быть вождем нашей революции. Круп-

нейшей особенностью этой революции является острота аграрного вопроса. Он обострен в России гораздо больше, чем это было при соответствующих условиях в какой бы то ни было иной стране. Так называемая крестьянская реформа 1861 года была проведена настолько непоследовательно и недемократично, что крупнейшие основы крепостнического помещичьего господства оказались непоколеблены. Поэтому аграрный вопрос, т.-е. борьба крестьян за землю против помещиков, оказался одним из оселков настоящей революции. Эта борьба за землю неизбежно толкает громадные массы крестьянства на демократический переворот, ибо только демократия может дать им землю, давая им господство в государстве. Условием победы крестьянства является полный разгром помещичьего землевладения.

Из такого соотношения общественных сил получается неизбежный вывод: буржуазия не может быть ни главным двигателем, ни вождем революции. Довести ее до конца, т.-е. до полной победы, в состоянии только пролетариат. Но эта победа может быть достигнута лишь при том условии, если пролетариату удастся повести за собой большую часть крестьянства. Победа современной революции в России возможна только как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства

Такая постановка вопроса, данная еще в начале 1905 г., — я говорю о III съезде Р.С.-Д.Р.П. весной 1905 года ¹⁵⁵), — нашла себе полное подтверждение в событиях всех крупнейших этапов русской революции. Наши теоретические выводы подтвердились на деле, в ходе революционной борьбы. Во время крупнейшего подъема, в октябре 1905 года, пролетариат шел во главе, буржуазии колебалась и виляла, а крестьяне громили помещичьи усадьбы. В зачаточных органах революционной власти (Советы Рабочих Депутатов, Советы Крестьянских и Солдатских Депутатов и т. д.) участвовали, главным образом, представители пролетариата, а затем передовики восставшего крестьянства. Во время первой Думы крестьяне сразу дали демократическую «трудовую» группу, более левую, т.-е. более революционную, чем либералы — к.-д. Во время выборов во вторую Думу крестьяне прямо разбили либералов. Пролетариат шел вперед, крестьянство, более или менее решительно, двигалось за ним против самодержавия и против колеблющихся либералов

Перехожу к проектам резолюций, имеющих перед нами *). Описанное мною различие взглядов вполне выразилось в противоположности большевистской и меньшевистской резолюции. Боль-

*) См. приложение к этому тому, № 2. Р е д.

шевистский проект построен на том, что определяется классовое содержание основных типов в буржуазных партий. Такое построение дано еще в нашей резолюции к Объединительному, Стокгольмскому съезду. Мы наметили уже там три основных типа буржуазных партий: октябристов, либералов и крестьянских демократов (тогда еще они не обрисовались вполне, и слово «трудовик» не существовало в русском политическом лексиконе). Наша теперешняя резолюция сохранила то же построение. Она представляет из себя лишь видоизменение Стокгольмской резолюции. Ход событий настолько подтвердил ее основные положения, что потребовались самые небольшие изменения для учета опыта первой и второй Думы.

Меньшевистская резолюция к Объединительному съезду не давала никакого анализа ни типа партий, ни классового содержания их. Резолюция беспомощно говорит, «что буржуазно-демократические партии только еще складываются в России и потому не успели еще приобрести характер устойчивых партий», и «что в настоящий исторический момент в России не имеется налицо таких партий, которые уже теперь сочетали бы в себе одновременно последовательный демократизм и революционность». Разве это не беспомощные заявления? Разве это не уклонение от марксистской задачи? Полной устойчивости партий не будет никогда, как не будет никогда и вполне «последовательного» демократизма вне пролетариата. Но наша обязанность—вскрывать классовые корни всех партий, которые выступают на историческую сцену. И что это—дело выполнимое, показала наша резолюция. Намеченные ею три типа партий оказались достаточно «устойчивыми» в течение целого года революции, как я уже показал на примере первой и второй Думы.

Неустойчивыми оказались взгляды меньшевиков. Их теперешняя резолюция—громадный шаг назад даже по сравнению с их прошлогодними проектами. Рассмотрим эту резолюцию, напечатанную в № 12 «Народной Думы» (от 24 марта 1907 года). В мотивировочной части указывается, во-первых, на «ряд задач общих» у пролетариата с буржуазной демократией; во-вторых, на необходимость для пролетариата «комбинировать свои действия с действиями других общественных классов и групп»; в-третьих, что в стране преобладающего крестьянства и слабой городской демократии пролетариат «своим собственным движением двигает вперед»... «всю буржуазную демократию страны»; в-четвертых, «что в наличной группировке буржуазных партий демократическое движение страны не нашло еще своего законченного выражения», от-

разив на одном полюсе «реализм» и неготовность к борьбе городской буржуазии, а на другом полюсе—крестьянские «иллюзии мелко-буржуазного революционизма и аграрных утопий». Такова мотивировочная часть. Посмотрим теперь на выводы: вывод первый состоит в том, что, ведя самостоятельную политику, пролетариат должен бороться как с оппортунизмом и конституционным иллюзиями одних, так и с революционными иллюзиями и экономически-реакционными проектами других. Вывод второй: надо «комбинировать свои действия с действиями этих партий».

Подобная резолюция не отвечает ни на один вопрос из тех, которые обязан себе поставить всякий марксист, если он желает определить отношение рабочей партии к партиям буржуазным. Каковы эти общие вопросы? Прежде всего необходимо определить классовый характер партии. Затем надо уяснить себе основное соотношение различных классов в данной революции вообще, т.-е. как относятся интересы этих классов к продолжению или развитию революции. Далее, от классов вообще надо перейти к теперешней роли разных партий или разных групп и партий. Наконец, надо дать практические указания относительно политики рабочей партии в этом вопросе.

Ничего этого нет в меньшевистской резолюции. Это—какая-то отписка от вопроса, отписка посредством общих фраз о «комбинировании политики пролетариата с политикой буржуазии». Как именно «комбинировать» и с какими именно буржуазно-демократическими партиями, об этом не говорится ни слова. Это—резолюция о партиях без партий. Это резолюция для определения нашего отношения—ровно ничего не определяющего—нашего отношения к различным партиям. Руководствоваться такой резолюцией нельзя, ибо она оставляет полнейший простор «комбинировать» что угодно и как угодно. Такая резолюция никого не стесняет; она—самая «либеральная» резолюция в полном смысле этого слова. Ее можно толковать и вкось и вкривь. Но марксизма в ней нет ни грана. Основные положения марксизма забыты здесь настолько основательно, что любой левый к.-д. подписал бы такую резолюцию. Возьмите ее главные пункты: «общие задачи» пролетариата и буржуазной демократии. Разве об этом не кричит вся либеральная печать?.. — Необходимость «комбинирования»—этого как раз требуют кадеты... Борьба с оппортунизмом направо и с революционизмом налево,—да ведь это самое излюбленное словечко левых кадетов, желающих якобы сидеть между трудовиками и буржуазными либералами! Это не позиция рабочей партии, стоящей особо и самостоятельно вне буржуаз-

ной демократии, это—позиция либерала, желающего занять «центр» среди буржуазной демократии.

Рассмотрите по существу положение меньшевиков: пролетариат своим движением «двигает вперед» «всю буржуазную демократию страны». Верю ли это? Безусловно нет. Припомните крупнейшие события нашей революции. Возьмите Булыгинскую Думу. На призыв царя встать на легальный путь, принять его, даря, условия созыва первого народного представительства, пролетариат ответил решительным отказом. Пролетариат звал народ сме-сти это учреждение, не дать ему возникнуть. Пролетариат звал все революционные классы бороться за лучшие условия созыва народного представительства. Это нисколько не предreshало во-проса об использовании даже худого учреждения, если бы оно действительно вошло в жизнь вопреки всем нашим усилиям. Это была борьба против того, чтобы осуществились именно худшие условия созыва народного представительства. Оценивая бойкот, слишком часто делают эту логическую и историческую ошибку, что смешивают борьбу на почве данного учреждения с борьбой против осуществления этого учреждения.

Как же ответила либеральная буржуазия на призыв пролетариата? Она ответила повальными воплями против бойкота. Она звала в Булыгинскую Думу. Либеральные профессора звали студентов учиться вместо того, чтобы устраивать стачки. На призыв пролетариата к борьбе, буржуазия ответила борьбой против про-летариата. Антагонизм этих классов даже в демократической ре-волюции сказался уже тогда с полной определенностью. Буржуа-зия хотела сузить размах борьбы пролетариата, не дать ему вый-ти за рамки учреждения о Булыгинской Думе.

Профессор Виноградов¹⁵⁶), звезда либеральной науки, писал тогда: было бы счастьем для России, если бы наша революция пошла по пути 1848—1849 г.г., было бы несчастьем, если б она пошла по типу революции 1789—1793 г.г. Счастьем называл сей «демократ» путь неоконченной революции, путь побежденного восстания! Если бы наша революция расправилась со своими врагами так же беспощадно, как французская в 1793 г., то тогда, по мнению «ли-берала», пришлось бы призвать для восстановления порядка прус-ского вахмистра. Меньшевики говорят о «неготовности к борьбе» нашей буржуазии. А на деле уже тогда буржуазия была готова к борьбе, именно к борьбе против пролетариата, к борьбе про-тив «чрезмерных» побед революции.

Пойдем дальше. Возьмем октябрь—декабрь 1905 года. Что в эту эпоху величайшего подъема нашей революции буржуазия

обнаружила «готовность к борьбе» против пролетариата,—это нечего и доказывать. Это вполне признавала тогдашняя меньшевистская печать. Буржуазия, и кадеты в том числе, старались всячески очернить революцию, представить ее в виде слепой и дикой анархии. Буржуазия не только не поддерживала созданных народом органов восстания—всех этих Советов Рабочих Депутатов, Советов Крестьянских и Солдатских Депутатов и т. д.—буржуазия боялась этих учреждений и боролась против них. Вспомните Струве, который называл эти учреждения зрелищем унижительным. Буржуазия видела в них слишком далеко зашедшую вперед революцию. Либеральная буржуазия хотела ввести энергию революционной борьбы народа в узкое русло полицейски-конституционной реакции.

О поведении либералов в первой и во второй Думе нет надобности долго говорить. И меньшевики признали, что в первой Думе кадеты мешали революционной политике с.-д. и частью трудовиков, тормозили их деятельность. А во второй Думе кадеты прямо присоединились к черной сотне, прямо поддержали правительство. Говорить теперь, что пролетариат своим движением «двигает вперед всю буржуазную демократию страны»—значит издеваться над фактами. Умалчивать в настоящее время о контрреволюционности нашей буржуазии значит совершенно сходить с марксистской точки зрения, совершенно забывать точку зрения классовой борьбы.

М-ки говорят в своей резолюции о «реализме» городских буржуазных классов. Странная терминология, которая выдает их против их воли. Мы привыкли у с.-д. правого крыла встречать особое значение слова реализм. Например, Плехановская «Современная Жизнь» противопоставляла «реализм» с.-д. правого крыла «революционной романтике» левых с.-д. Что же имеет в виду меньшевистская резолюция, говоря о реализме? Выходит, что она хвалит буржуазию за умеренность и аккуратность!

Эти рассуждения меньшевиков о «реализме» буржуазии, о «неготовности ее к борьбе»—в связи с прямым заявлением их тактической платформы об «односторонней враждебности» с.-д. к либералам—говорят одно и только одно. На деле все это означает, что самостоятельная политика рабочей партии подменяется политикой зависимости от либеральной буржуазии. И эта суть меньшевизма не выдумана нами, не выведена только из их теоретических рассуждений: она проявлялась во всех крупных шагах их политики за истекший год. Возьмите «ответственное министерство», блоки с кадетами, голосование за Головина и т. д. На деле это и была как раз политика зависимости от либералов.

А что говорят меньшевики о крестьянской демократии? Резолюция ставит рядом и противопоставляет, как равнозначные или во всяком случае вполне однородные вещи, «реализм» буржуазии и «аграрные утопии» крестьянства. Надо бороться,—говорят меньшевики,—одинаково с империализмом буржуазии и с утопизмом, с «мелкобуржуазным революционизмом» крестьянства. Это—типичное рассуждение меньшевизма. И на нем стоит остановиться, ибо оно в корне неправильно. Из него вытекает неизбежно целый ряд ошибочных выводов в практической политике. Под критикой крестьянских утопий здесь скрывается непонимание задач пролетариата толкать вперед крестьянство на полную победу в демократической революции.

В самом деле, присмотритесь к значению аграрных утопий крестьянства в теперешней революции. В чем состоит главная его утопия? Несомненно, в идее уравнительности, в убеждении, будто уничтожение частной собственности на землю и раздел земли (или землепользования) поровну способны уничтожить источники нужды, нищеты, безработицы, эксплуатации.

Нет спора о том, что с точки зрения социализма это—утопия, утопия мелкого буржуа. С точки зрения социализма это—реакционный предрассудок, ибо пролетарский социализм видит идеал не в равенстве мелких хозяев, а в крупном обобществленном производстве.

Но не забывайте, что мы оцениваем теперь значение крестьянских идеалов не в социалистическом движении, а в данной, буржуазно-демократической революции. Утопично ли, реакционно ли в данной революции то, чтобы все земли были отняты у помещиков и розданы или распределены поровну между крестьянами?! Нет! Это не только не реакционно, а, напротив, это выражает самым решительным, самым последовательным образом стремление самого полного уничтожения всего старого порядка, всех остатков крепостничества. Утопична мысль, будто «уравнительность» может удержаться при товарном производстве и даже послужить началом полу-социализма. Не утопично, а революционно в самом полном, в самом строгом, научном смысле слова стремление крестьян теперь же отнять у помещиков земли и разделить их поровну. Такое отнятие и такой раздел создали бы основу для самого быстрого, самого широкого, самого свободного развития капитализма.

Объективно, не с точки зрения наших желаний, а с точки зрения данного экономического развития России, основной вопрос нашей революции сводится именно к тому, обеспечит ли

она развитие капитализма через полную победу крестьян над помещиками или через победу помещиков над крестьянами. Буржуазно-демократический переворот в экономике России абсолютно неизбежен. Никакая сила в мире не может помешать ему. Но этот переворот возможен в двоякой форме: по прусскому, если можно так выразиться, или по американскому типу. Это значит вот что: помещики могут победить, навязать крестьянам выкуп или иные жалкие уступки, соединиться с кучкой богатеев, разорить массу окончательно, и превратить свои хозяйства в юнкерские, капиталистические. Буржуазно-демократическим такой переворот будет, но он будет наименее выгодным для крестьян—наименее выгодным с точки зрения быстроты развития капитализма. Наоборот, полная победа крестьянского восстания, конфискация всей помещичьей земли, раздел ее поровну означает наиболее быстрое развитие капитализма, наиболее выгодную для крестьян форму буржуазно-демократического переворота.

И не только для крестьян это выгоднее. То же самое и для пролетариата. Сознательный пролетариат знает, что нет и быть не может иного пути к социализму, как через буржуазно-демократический переворот.

Значит, чем менее полон, и чем менее решителен этот переворот, тем дольше и сильнее будут тяготеть на пролетариате не социалистические задачи, не чисто классовые пролетарские задачи, а общедемократические. Чем полнее победа крестьянства, тем скорее выделится пролетариат окончательно, как класс, тем яснее выдвинет свои чисто социалистические задачи и цели.

Отсюда вы видите, что крестьянские идеи об уравнилности—реакционные и утопичные с точки зрения социализма,—революционны с точки зрения буржуазного демократизма. Поэтому сопоставлять реакционность либералов в данной революции с реакционным утопизмом крестьян в идеях о социалистической революции, значит делать вопиющую логическую и историческую ошибку. Ставить на одну доску стремления либералов в данную революцию обкарнать до выкупа, до конституционной монархии, до кадетской аграрной программы и проч. и попытки крестьян утопически идеализировать в реакционном духе свои стремления немедленно разгромить помещиков, отнять всю землю, пустить всю ее под раздел—ставить это на одну доску, значит совершенно покидать не только точку зрения пролетариата, но даже и точку зрения последовательного революционного демократизма. Писать резолюцию о борьбе с оппортунизмом либерала и революционизмом мужика в данной революции—значит писать не с.-д. резолю-

цию. Это не с.-д. пишет, а интеллигент, сидящий между либералом и мужиком в стане буржуазной демократии.

Я не могу остановиться здесь так подробно, как следовало бы, на знаменитой тактической платформе меньшевиков с их пресловутом лозунгом борьбы против «односторонней враждебности пролетариата к либерализму». Не марксистский и не пролетарский характер такого лозунга более, чем очевиден.

Я останавлиюсь, в заключение, на одном, часто делаемом якобы возражении против нас. «Ваши» трудовики, говорят нам, сплошь и рядом идут с кадетами против нас. Это верно. Но это не возражение против нашей точки зрения и нашей резолюции, ибо мы с полной определенностью и решительностью признали это.

Трудовики, несомненно, не представляют из себя вполне последовательных демократов. Трудовики (и с.-р. в том числе), несомненно, колеблются между либералами и революционным пролетариатом. Это сказано у нас и это должно быть сказано. Такие колебания вовсе не случайность, они неизбежны вследствие самой сущности экономического положения мелкого производителя. С одной стороны, он угнетен, он подвергается эксплуатации. Он невольно толкается к борьбе против такого положения, к борьбе за демократию, к идеям об уничтожении эксплуатации. С другой стороны, он — мелкий хозяин. В крестьянине живет инстинкт хозяина, — если не сегодняшнего, то завтрашнего хозяина. Этот хозяйский, собственнический инстинкт отталкивает крестьянина от пролетариата, порождает в крестьянине мечты и стремления выйти в люди, самому стать буржуа, замкнуться против всего общества на своем клочке земли, на своей, как злобно говорил Маркс, кучке навоза.

Колебания крестьянства и крестьянских демократических партий неизбежны. И поэтому с.-д.-тия ни на минуту не должна смущать себя боязнью изолировать себя от подобных колебаний. Всякий раз, когда трудовики проявляют малодушие и волочатся за либералами, — мы должны безбоязненно с полной твердостью выступать против трудовиков, изобличать и бичевать мелко-буржуазную невыдержанность и дряблость.

Наша революция переживает трудные времена. Нужна вся сила воли, вся выдержанность и стойкость сплоченной пролетарской партии, чтобы уметь противостоять настроениям неверия, упадка сил, равнодушия, отказа от борьбы. Мелкая буржуазия всегда и неизбежно будет легче всего поддаваться подобным настроениям проявлять бесхарактерность, изменять революционному пути, хныкать и каяться. И во всех подобных случаях рабо-

чая партия будет изолировать себя от колеблющейся мелко-буржуазной демократии. Во всех подобных случаях надо уметь даже и с думской трибуны открыто разоблачать нетвердых демократов. «Крестьяне!—должны мы говорить в Думе при таких обстоятельствах,—крестьяне! знайте, что ваши представители изменяют вам, идя в хвосте за либеральными помещиками. Ваши думские депутаты предают дело крестьянства либеральным болтунам и адвокатам». Пусть знают крестьяне—мы должны на фактах доказать им это,—что только рабочая партия является действительно надежным, до конца верным защитником интересов не только социализма, но и демократии, не только всех трудящихся и эксплуатируемых, но и всей крестьянской массы, борющейся против крепостнической эксплуатации.

Если мы будем стойко и неуклонно вести такую политику,—мы извлечем из нашей революции громадный материал для дела классового развития пролетариата, извлечем, во всяком случае, какие бы превратности судьбы нам ни пришлось пережить, какие бы поражения революции (при особенно неблагоприятно складывающихся обстоятельствах) ни выпали нам на долю. Твердая пролетарская политика даст всему рабочему классу такой запас идей, такую ясность понимания и выдержанность в борьбе, которые ничто в мире не в силах будет отнять у с.-д-тии. Даже если бы революция терпела поражения,—пролетариат научится прежде всего понимать экономически-классовые основы и либеральных, и демократических партий,—а затем он научится ненавидеть измены буржуазии и презирать дряблость и шатания мелкой буржуазии.

И именно с таким запасом знаний, именно с таким навыком мысли пролетариат пойдет дружнее и смелее на новую социалистическую революцию.

6. Заключительное слово по вопросу об отношении к буржуазным партиям.

Начну с затронутого здесь вопроса о позиции польской делегации. Польских товарищей упрекали—особенно бундисты—в том, что они непоследовательны, соглашаясь на нашу резолюцию, которую сами же они объявляли в комиссии неудовлетворительной. Подобные упреки основаны на очень простой уловке: на обходе существа тех вопросов, которые стоят перед

съездом по данному пункту порядка дня. Кто не захочет обходить этого существа вопроса, тот легко увидит, что мы, большевики, все время сходились и теперь сходимся с поляками в двух самых коренных вопросах. Во-первых, мы сходимся на том, что во имя социалистических задач пролетариата безусловно необходимо его классовое обособление по отношению ко всем остальным, буржуазным партиям, как бы революционны они ни были, какую бы демократическую республику ни защищали. Во-вторых, мы сходимся на том, что признаем право и обязанность рабочей партии вести за собой на борьбу не только против самодержавия, но и против предательской либеральной буржуазии мелко-буржуазные демократические партии, крестьянские в том числе.

В предложенной съезду польскими товарищами резолюции по отчету думской с.-д. фракции *) эта мысль, эти положения выражены с полнейшей ясностью. Там прямо сказано о классовом обособлении от всех партий, кончая с.-р.-ами. Там прямо сказано о возможности и необходимости совместных выступлений с.-д. с трудовыми группами против либералов. Это именно то, что называется у нас в России левым блоком или левоблокистской политикой.

Отсюда ясно, что нас объединяет с поляками действительная солидарность по основным пунктам вопроса об отношении к буржуазным партиям. Отрицать это говорить о противоречивости поведения поляков значит уклоняться от прямой постановки принципиального разногласия.

Социалистическое обособление пролетариата от всех, самых хотя бы революционных и республиканских партий,— затем, руководство со стороны пролетариата борьбой всей революционной демократии в данной революции. Разве можно отрицать, что именно таковы основные и руководящие идеи и польской и большевистской резолюции?

Несколько слов о Троцком. Останавливаться на наших разногласиях с ним мне здесь некогда. Отмечу только, что Троцкий в книжке „В защиту партии“ печатно выразил свою солидарность с Каутским, который писал об экономической общности интересов пролетариата и крестьянства в современной революции в России. Троцкий признавал допустимость и целесообразность левого блока против либеральной буржуазии. Для меня достаточно этих фактов, чтобы признать приближение Троцкого к нашим взглядам. Независимо от вопроса о „непре-

*) См. приложение к этому тому, № 2, Ред.

рывной революции“ здесь налицо солидарность в основных пунктах вопроса об отношении к буржуазным партиям.

Тов. Либер очень энергично упрекал меня за то, что я вычеркиваю даже трудовиков из числа буржуазно-демократических союзников пролетариата. Либер опять увлекся здесь фразой, невнимательно относясь к сути спора. Не об исключении совместных действий с трудовиками говорил я, а о необходимости отделять себя от колебаний трудовиков. Надо не бояться „изолировать“ себя от них, когда они склонны волочиться за к.-д. Надо беспощадно разоблачать трудовиков, когда они не стоят на последовательной точке зрения революционного демократа. Одно из двух, тов. Либер: либо рабочая партия ведет действительно самостоятельную пролетарскую политику, — тогда мы допускаем совместные действия с частью буржуазии лишь тогда, когда она, эта часть, принимает нашу политику, а не наоборот. Либо наши слова о самостоятельности классовой борьбы пролетариата останутся пустыми словами.

Вместе с Либером и Плеханов обходил существо спора, только на другой образец. Плеханов говорил о Розе Люксембург, изображая ее в виде Мадонны, сидящей на облаках ¹⁵⁷). Что и говорить! Полемика изящная, галантная, эффектная... Но я бы все же спросил Плеханова: Мадонна Мадонной, а вот как же вы думаете по существу вопроса?.. Плохо ведь это, если Мадонна понадобилась для уклонения от разбора вопроса по существу. Мадонна Мадонной, а как нам быть с „полновластной Думой“? Что это? похоже на марксизм или на самостоятельную политику пролетариата?

„Соглашения от случая к случаю“, — говорят нам на разные лады и Либер и Плеханов. Это очень удобная формула. Но она совершенно беспринципна. Она совершенно бессодержательна. Ведь и мы, товарищи, допускаем в определенных случаях соглашения с трудовиками тоже только от случая к случаю, исключительно от случая к случаю. Мы охотно вставим эти слова и в свою резолюцию.

Не в этом ведь вопрос. Вопрос в том, какие совместные действия от случая к случаю допустимы, с кем, ради какой цели! Эти существенные вопросы замазывал, затемнял и Плеханов своими галантными остротами и Либер своим пустым пафосом. А это вопрос не теоретический, а самый живой практический вопрос. Мы на опыте, видели что означают у меньшевиков пресловутые соглашения от случая к случаю, пресловутые „технические“ соглашения! Они означают политику зави-

симости рабочего класса от либералов,—ничего более. «От случая к случаю» есть плохое прикрытие этой оппортунистической политики.

Плеханов приводил цитаты из сочинений Маркса о необходимости поддержки буржуазии. Напрасно не привел он цитат из «Новой Рейнской Газеты», напрасно забыл он о том, каким образом «поддерживал» Маркс либералов в эпоху разгара буржуазной революции в Германии. Да и не к чему так далеко ходить за доказательством того, что бесспорно. И старая «Искра» не раз писала о необходимости поддержки либералов—даже предводителей дворянства—с.-д-ской рабочей партии. В период до-буржуазной революции, когда с.-д-тия должна еще была будить к политической жизни народ, это было вполне законно. Теперь, когда на сцену выступили уже разные классы, когда показало себя крестьянское революционное движение, с одной стороны, и либеральные измены, с другой—теперь не может быть и речи о поддержке нами либералов. Мы все согласны в том, что с.-д. должны требовать теперь конфискации помещичьей земли, а как относятся к этому либералы?

Плеханов говорил: все сколько-нибудь прогрессивные классы должны стать орудием в руках пролетариата. Я не сомневаюсь, что таково желание Плеханова. Но я утверждаю, что на деле из меньшевистской политики выходит совсем не это, а нечто обратное. На деле во всех случаях в течение минувшего года, во время так называемой поддержки кадетов меньшевиками, именно меньшевики были орудием кадетов. Так было и при поддержке требования думского министерства и во время выборов блоков с к.-д. Опыт показал, что орудием в этих случаях оказывался именно пролетариат, вопреки «желаниям» Плеханова и других меньшевиков. Я уж и не говорю о «полновластной Думе» и о голосовании за Головина.

Необходимо со всей определенностью признать, что либеральная буржуазия стала на контр-революционный путь, и вести борьбу против нее. Только тогда политика рабочей партии станет самостоятельной и не на словах только революционной политикой. Только тогда мы будем систематически воздействовать и на мелкую буржуазию и на крестьянство, которые колеблются между либерализмом и революционной борьбой.

Напрасно жаловались здесь на неправильность нашей послышки об обмане мелкой буржуазии либералами. Не только наша революция, но и опыт других стран показали, что именно об-

маном поддерживается влияние либерализма среди многих слоев населения. Борьба за освобождение этих слоев из-под влияния либералов—наша прямая задача. Германские с.-д. в течение десятилетий разрушали и разрушили, напр., в Берлине влияние либералов на широкие слои населения. Мы можем и должны достичь того же и лишить кадетов их демократических сторонников.

Покажу на примере, к чему приводила меньшевистская политика поддержки к.-д. В меньшевистской газете «Русская Жизнь» от 22 февраля 1907 г. (№ 45) в неподписанной, т.-е. редакционной, статье говорилось по поводу выбора Головина и его речи:

«Председатель Гос. Думы взял на себя великую ответственную задачу,—сказать такое слово, в котором бы кристаллизовались главные требования и нужды 140-миллионного народа... Г. Головин не смог хоть на один момент стать выше члена кадетской партии, стать выразителем воли всей Думы». Видите ли, как это поучительно выходит? Из простой поддержки голосованием меньшевики выводят ответственную задачу либерала—говорить от имени «народа». Это—прямая передача идейно-политического руководства либерализму. Это полный отказ от классовой точки зрения. И я скажу: если бы при левом блоке какой-нибудь с.-д. вздумал писать об ответственной задаче трудовика выражать нужды «труда»,—я всецело подписался бы под решительным осуждением такого с.-д. Это—идейный блок с к.-д. у меньшевиков, а мы не должны допускать ни с кем, ни даже с с.-р., никаких подобных блоков.

Кстати, Мартынов говорил, будто мы опускаемся до такого блока, когда говорим о всей земле и всей воле. Это неверно. Напомню вам меньшевистский «Социал-Демократ». Там, в проекте избирательной платформы, составленном Ц. К-том, мы встречаем те же лозунги земли и воли! Слова Мартынова—не более, как придирка.

В заключение я хотел бы сказать несколько слов по адресу т. т. поляков. Может быть, некоторым из них казалась бы ненужной точная характеристика мелко-буржуазных партий.

Более обостренная классовая борьба в Польше, может быть, делает это излишним. Но для русских с.-д. это необходимо. Точное указание классового характера трудовых партий чрезвычайно важно для руководства всей пропагандой и агитацией. Только исходя из классового анализа партий мы можем с пол-

ной определенностью поставить перед всем рабочем классом нашу тактическую задачу: социалистическое классовое обособление пролетариата и борьба под его руководством как против самодержавия, так и против предательской буржуазии.

7. Речь об отношении к польскому проекту резолюции о буржуазных партиях *).

Из предыдущей речи вы могли видеть, насколько справедливы были слова т. Попова о бесплодности настоящих прений. В полнейшей непринципиальности речи Либера вы убедились сами. Я только напомню, что в нашей неудавшейся комиссии за взятие за основу польского проекта голосовали против нас и латышей 4 меньшевика, 1 бундовец, 2 поляка.

Итак, польский проект взяли за основу в комиссии те люди, которые принципиально всего дальше стояли от поляков. Сделали они это для того, чтобы внести в проект поправки в меньшевистском духе, — для того, чтобы сделать резолюцию неприемлемой для ее авторов! Либер сам голосовал с меньшевиками и в этом случае и при голосовании допустимости блоков с к.-д. После этого его патетические речи о принципах прямо смешны.

Я вполне понимаю поляков, когда они добивались взятия за основу своего проекта. Им казались ненужными подробности нашей резолюции. Они хотели ограничиться двумя основными и действительно объединяющими нас с ними принципами: 1) классовое обособление пролетариата во всем, что касается социализма, от всех буржуазных партий; 2) соединение общих действий и с.-д. и мелко-буржуазной демократии против предательского либерализма. Обе эти идеи проходят красной нитью и через большевистский проект. Но краткость польского проекта оставляла слишком много простора для меньшевистских лазеек. Своими поправками они заставили самих авторов голосовать против своего проекта в целом. И в то же время ни меньшевики, ни бундовцы не решились сами защищать „исправленный“ ими подобным образом польский проект. Получился полный крах работ всей комиссии.

Теперь нам всем вообще, товарищам полякам в особенности, остается одно: попытаться взять за основу большевистский проект. Если к нему будут сделаны неприемлимые поправки, тогда придется съезд признать неработоспособным. Но возможно, что

*) См. приложение к этому тому, № 2. Ред.

на основе этого проекта, точно анализирующего все основные типы партий, удастся достигнуть решения, достаточно определенного в духе революционной социал-демократии.

Против нашего проекта возражают, что он слишком мелко рисует партии. Партии-де могут расколоться, перегруппироваться — и вся резолюция окажется негодной.

Это возражение крайне несостоятельно. У нас обрисованы именно не мелкие группы и даже не отдельные партии, а крупные группы партий. Группы эти так крупны, что быстрое изменение взаимоотношений между ними гораздо менее возможно, чем полная смена революционного упадка подъемом, или наоборот.

Возьмите эти группы и всмотритесь в них. Реакционная и более или менее прогрессивная буржуазия — неизменные типы всех капиталистических стран. К этим двум неизменным типам у нас добавлено только два типа: октябристы (среднее между черносотенцами и либералами) и трудовые группы. Могут ли быстро изменяться эти типы? Не могут, если революция наша не совершит такого радикального переворота, который все равно и во всяком случае заставит нас радикально пересмотреть не только наши съездовские резолюции, но даже нашу программу.

Подумайте о нашем программном требовании конфискации всей помещичьей земли. Ни в одной другой стране с.-д. никогда не могла бы поддержать конфискационных вождедений мелкой буржуазии. Это было бы шарлатанством в обычной капиталистической стране. У нас, в эпоху буржуазно-демократической революции, это — необходимость. И можно ручаться, что основные вопросы в оценке трудовых партий придется пересматривать не раньше, чем наше программное требование конфискации.

Я укажу еще, что, во избежание всяких недоразумений и ложных толкований левого блока, мы точно определяем содержание борьбы трудовых партий. На деле они борются не против эксплуатации вообще (как им самим кажется) и совсем уже не против капиталистической эксплуатации (как изображают дело их идеологи), а только против крепостнического государства и помещичьего землевладения. И точное указание этого действительного содержания борьбы сразу кладет конец всяким ложным мыслям о возможности общих действий рабочей партии и крестьянства в борьбе за социализм, в борьбе против капитализма.

Кроме этого, мы в своей резолюции говорим ясно о „псевдосоциалистическом характере“ трудовых партий, мы призываем к решительной борьбе против затушевания классовой розни между

хозяйчиком и пролетарием. Мы зовем разоблачать туманную социалистическую идеологию мелких буржуа. Это обязательно надо сказать про мелко-буржуазные партии. Но это все, что надо сказать. Глубоко неправы меньшевики, когда они к этому добавляют борьбу с революционизмом и утопизмом крестьянства в современной революции. Именно так выходит у них из их революции. А подобная мысль объективно сводится к тому, что зовут бороться против конфискации помещичьей земли. К этому сводится дело потому, что самые влиятельные и широкораспространенные идейно-политические течения либерализма именно конфискацию объявляют революционизмом, утопизмом и пр. Не случайно, а необходимо сбивались меньшевики за истекший год от подобных принципов к отказу на практике от отстаивания конфискации.

Вы не должны допустить до этого, товарищи!

Данилов заметил в одной своей речи; остря: плохи наши критики, если всего более критикуют за то, чего мы не сделали. Мы только хотели отказаться от конфискации, но не отказались!

А я отвечу на это: если бы вы отказались, у нас уже не было бы единой партии. Доводить до таких отказов мы не должны. Если мы хоть тень мысли допустим о такой политике, мы поколеблем все революционные основы самостоятельной классовой борьбы пролетариата в буржуазно-демократической революции.

8. Реплика о поправке Мартынова.

Поправка Мартынова снова пытается провести меньшевистский взгляд, что крестьяне более реакционны (или могут быть более реакционными) в теперешней революции, чем кадеты, ибо о реакционности кадетов меньшевики не говорят ни слова. Аргументация Мартынова путает: двойственность не в том, что крестьяне колеблются между революцией и реакцией, а в том, что они колеблются между к.-д. и с.-д. Под анархические тенденции, о которых говорит Мартынов, неизбежно и неминуемо меньшевики будут подводить свою излюбленную идею о реакционности конфискации помещичьей земли и о прогрессивности выкупа. „Анархические тенденции“ крестьян, это — фраза либеральных помещиков. А о подчинении пролетарского движения крестьянскому смешно говорить после того, как мы десятки раз заявляли обратное и выражали это в резолюциях.

9. Доклад комиссии по выработке резолюции о Гос. Думе ¹⁾.

Наша комиссия не пришла к соглашению. За проект большевиков высказалось 6 за и 6 против. За проект меньшевиков — 5 за и 5 против. Один воздержался. Мне предстоит вкратце защитить перед вами наш большевистский проект, на котором сошлись и П. С.-Д. и латыши.

Мы исходим из того, что все, сказанное уже в резолюции о буржуазных партиях, должно быть удалено из резолюции о Г. Д., ибо думская борьба есть лишь одна часть, и не главная часть, всей нашей борьбы против буржуазных партий и самодержавия.

В настоящей резолюции мы говорили только о том, какова должна быть наша политика в Думе. Что касается до оценки того, как мы попали в Думу, то эту часть резолюции — пункт о бойкоте — мы удалили по следующим причинам. Мне лично кажется, как и всем большевикам, что ввиду положения, занятого всей либеральной печатью, следовало бы дать оценку того, как мы попали в Думу. Против всей либеральной буржуазии рабочая партия обязана заявить, что именно буржуазные измены виноваты в том, что нам на время приходится считаться с таким уродливым учреждением. Но тт. латыши были против этого пункта, и чтобы не мешать быстрому окончанию работы (а нам надо спешить, чтобы закрыть съезд завтра, как решено), мы этот пункт сняли. Воля съезда все равно ясна, а дебатов принципиальных вести не позволяет недостаток времени.

Остановлюсь на основных мыслях нашей резолюции. По существу все это есть повторение того, что сказано в нашем проекте резолюции на Стокгольмском съезде. В первом пункте подчеркивается полная непригодность Думы, как таковой. Это необходимая мысль, ибо весьма широкие слои крестьянства и вообще мелкой буржуазии до сих пор возлагают самые наивные надежды на Думу. Разоблачить эти наивные иллюзии, поддерживаемые либералами в их корыстно-классовых целях, — наш прямой долг.

2-я часть 1-го пункта говорит о негодности парламентского пути вообще и о выяснении неизбежности открытой борьбы масс. Здесь выясняются положительные наши взгляды на средства выхода из современного положения. Подчеркнуть это и ясно повторить наши революционные лозунги мы непременно должны, ибо шатания и колебания, даже среди с.-д., по такому вопросу не ред

¹⁾ Проекты резолюций о Гос. Думе см. в приложении к этому тому. № 2 Р е д.

кость. Пусть знают все, что с.-д.-тия остается на своем старом, революционном пути.

Второй пункт посвящен выяснению отношения между непосредственно «законодательной» работой в Думе и агитацией, критикой, пропагандой, организацией. На связь думской и внедумской работы рабочая партия смотрит совсем не так, как либеральная буржуазия. Это коренное отличие взглядов надо подчеркнуть. На одной стороне — буржуазные политики, уношенные парламентской игрой за спиной народа. На другой стороне — один из отрядов организованного пролетариата, посланный во вражеский лагерь и ведущий дружную работу в связи со всей борьбой пролетариата. Для нас есть только одно, единое и нераздельное, рабочее движение, классовая борьба пролетариата. Этой борьбе мы должны подчинить всецело все отдельные частные формы ее, в том числе и парламентскую. Внедумская борьба пролетариата является для нас определяющей. Недостаточно было бы сказать, что мы считаемся с экономическими интересами и нуждами масс и т. п. Подобные фразы (в духе старой меньшевистской резолюции) туманны и могут быть подписаны любым либералом. Всякий либерал готов поговорить об экономических нуждах народа вообще. Но ни один либерал не станет подчинять думскую деятельность классовой борьбе, а именно этот взгляд мы, с.-д., должны выразить с полной рельефностью. Только этим принципом и отличаемся мы на деле от всей и всяческой буржуазной демократии.

Указывают иногда (особенно бундовцы — якобы примиренцы), что надо отметить и обратное: связь внедумской с.-д. борьбы с работой думской с.-д. фракции. Я утверждаю, что это неверно и могло бы посеять лишь самые вредные парламентские иллюзии. Часть должна сообразоваться с целым, а не наоборот. Дума может быть временно одним из поприщ классовой борьбы в ее целом, но лишь тогда, если это целое не упускается из виду, если революционные задачи классовой борьбы не затушевываются.

Следующий пункт нашей резолюции посвящен либеральной политике в Думе. Лозунг этой политики — «беречь Думу» — прикрывает лишь соединение либералов с черносотенцами. Это надо прямо сказать и разъяснить народу. Либеральный лозунг систематически развращает политическое и классовое сознание масс. Беспощадная борьба с этим либеральным туманом — наш долг. Сорвать маску с либерализма, показать, что за фразой о демократии прячется голосование рука об руку с черносотенцами — значит оторвать остатки демократии от буржуазных предателей свободы.

Чем должны мы руководиться в определении своей думской политики? Наша резолюция, отстраняя всякую мысль о вызывании конфликтов ради конфликтов, дает положительное определение «своевременности» в с.-д. смысле слова: надо считаться с развивающимся вне Думы, в силу объективных условий, революционным кризисом.

Последний пункт посвящен пресловутому «ответственному министерству». Этот лозунг выдвинула не случайно, а неизбежно либеральная буржуазия, чтобы использовать в своих целях моменты затишья для ослабления революционного сознания масс. Этот лозунг поддерживали меньшевики и в первой и во второй Думе, а Плеханов прямо писал в меньшевистской газете во время второй Думы, что с.-д. должны «сделать своим» это требование. Таким образом этот лозунг сыграл вполне определенную роль в истории нашей революции. Определить свое отношение к этому лозунгу неизбежно для рабочей партии. Нельзя руководиться тем, что сейчас либералы его не ставят: они временно сняли его, по оппортунистическим соображениям, но по существу к сделке с царизмом они стремятся еще сильнее. А лозунг «думское министерство» всего рельефнее выражает эти имманентные тенденции либерализма к сделке.

Мы не отрицаем, и не можем отрицать, ни того, что думское министерство может оказаться этапом революции, ни того, что обстоятельства могут заставить нас использовать его. Дело не в этом. С.-д. использует реформы, как побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата, но не наше дело звать народ к половинчатым реформам, которые неосуществимы без революционной борьбы. С.-д. должна разоблачать всю непоследовательность таких лозунгов даже с чисто демократической точки зрения. С.-д. должна выяснить пролетариату условия победы его, а не связывать своей политики наперед с возможностью неполной победы, с возможностью частичного поражения — а именно таковы условия проблематического осуществления «думского министерства».

Пусть либералы разменивают на гроши демократию и бросают прочь целое ради пошлых и бессильных, жалких мечтаний о жалкой подачке. С.-д. должна оживлять в народе сознание целостных демократических задач и вести пролетариат к ясно сознанным революционным целям. Мы должны просвещать сознание рабочих масс и развивать их готовность к борьбе, а не затемнять сознание притуплением противоречий, притуплением задач борьбы.

Отношение к буржуазным партиям ¹⁵⁶).

Вопрос об отношении с.-д.-тии к буржуазным партиям принадлежит к числу так называемых „общих“ или „теоретических“ вопросов, т.-е. не связанных непосредственно с какой-либо определенной практической задачей, в данный момент стоящей перед партией. Против включения таких вопросов в порядок дня Лондонского съезда РСДРП велась ожесточенная борьба меньшевиками и бундовцами, поддержанными здесь, к сожалению, внефракционным тов. Троцким. Оппортунистическое крыло нашей партии, как и других с.-д. партий, защищало „деловой“ „практический“ порядок дня съезда. Оно чуждалось „общих широких“ вопросов. Оно забывало, что, в конце-концов, широко-принципиальная политика есть единственная, действительно практическая политика. Оно забывало, что кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натыкаться“ на эти общие вопросы. А натыкаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность.

Большевикам, настаивавшим на включении в порядок дня съезда целого ряда „общих вопросов“, удалось отвоевать, при помощи поляков и латышей, только один вопрос: об отношении к буржуазным партиям. И этот вопрос встал во главе не только всех принципиальных вопросов съезда, но и всех работ вообще. Так вышло и так должно было выйти именно потому, что действительным источником почти всех и безусловно всех существенных разногласий, всех расхождений по вопросам практической политики пролетариата в русской революции была разная оценка нашего отношения к непролетарским партиям. С самого начала русской революции наметилось среди с.-д. два

основных взгляда на ее характер и на роль пролетариата в ней. Кто будет разбирать тактические разногласия в РСДРП., не касаясь различия этих основных взглядов, тот безнадежно будет путаться в мелочах и частностях.

I.

Два течения в русской социал-демократии по вопросу об оценке нашей революции и задач пролетариата в ней вполне наметились уже в самом начале 1905 года и получили полное точное и формально признанное известными организациями выражение весной 1905 года на большевистском III съезде РСДРП в Лондоне и одновременной конференции меньшевиков в Женеве. И большевики и меньшевики поставили тогда на обсуждение и приняли резолюции, которые слишком склонны игнорировать теперь люди, забывающие историю своей партии или даже фракции, или желающие уклониться от выяснения действительных источников принципиальных разногласий. По взгляду большевиков, на пролетариат ложится активная задача довести до конца буржуазно-демократическую революцию, быть вождем ее. Возможно это лишь при том условии, если пролетариату удастся повести за собой массы демократической мелкой буржуазии, особенно крестьянство, в борьбе с самодержавием и с предательской либеральной буржуазией. Неизбежность предательства этой буржуазии выводилась большевиками еще тогда, до открытого выступления главной либеральной партии к.-д., — выводилась из классовых интересов буржуазии, боявшейся пролетарского движения *).

Меньшевики склонялись к взгляду, что в буржуазной революции двигателем и определителем размаха ее должна быть буржуазия. Пролетариат руководить буржуазной революцией не может, он должен выполнить лишь роль крайней оппозиции, не стремясь к завоеванию власти. Идею революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства меньшевики самым решительным образом отвергали.

Тогда, в мае 1905 года (т.-е. ровно два года тому назад), разногласия определялись часто теоретически, отвлеченно, ибо никакой непосредственной практической задачи перед нашей партией не возникало. Поэтому особенно интересно проследить,—

*) Полная победа революции, говорили большевики, возможна лишь в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

в поучение тем людям, которые любят вычеркивать с порядка дня съездов отвлеченные вопросы и заменять их «деловыми» практическими,—как именно проявились потом на практике эти разногласия.

Большевики утверждали, что на деле из меньшевистских взглядов вытекает принижение лозунгов революционного пролетариата до лозунгов и тактики либерально-монархической буржуазии. Большевики страстно доказывали в 1905 году, что только они отстаивают истинно пролетарскую политику, а большевики растворяют-де рабочее движение в буржуазной демократии. Что у меньшевиков были самые искренние пожелания насчет самостоятельной политики пролетариата, это видно из следующей крайне поучительной тирады в одной из их тогдашних резолюций, принятой меньшевистской конференцией в мае 1905 г. «Социал-демократия—говорится в этой резолюции—будет выступать по-прежнему против лицемерных друзей народа, против всех тех политических партий, которые, выставляя избирательное демократическое знамя, отказываются от действительной поддержки революционной борьбы пролетариата». Несмотря на все эти благие пожелания, неверные тактические теории меньшевиков привели на деле к принесению пролетарской самостоятельности в жертву либерализму монархической буржуазии.

Вспомним, по каким практическим вопросам политики раздробились между собой большевики и меньшевики за эти два года революции. Булыгинская Дума осенью 1905 г. Большевики—за бойкот, меньшевики—за участие. Виттевская Дума—то же. Политика в I Думе (лето 1906 г.)—меньшевики за лозунг: ответственное министерство, большевики против: они за Исполнительный Комитет левых, т.-е. с.-д. и трудовиков. Разгон Думы (июль 1906 г.)—меньшевики выдвинули лозунг: «за Думу, как орган власти, созывающий Учредительное Собрание», большевики отвергают это либеральное искажение революционного лозунга. Выборы во II Думу (конец 1906 г. и начало 1907 г.): меньшевики за «технические блоки» с к.-д. (а Плеханов за политический блок с платформой: «полновластная Дума»). Большевики против блоков с к.-д. и за самостоятельную кампанию с допущением левого блока. Сопоставьте эти крупнейшие факты из истории социал-демократической тактики за два года с изложенными выше основными принципиальными разногласиями. Вы увидите сразу, что общий теоретический анализ большевиков подтвержден двумя годами революции. Социал-демократии

пришлось идти против предательского либерализма, пришлось „бить вместе“ с трудовиками и народниками: вторая Дума окончательно установила это преобладание большинством думских голосований. Меншевистские добрые пожелания разоблачать, как лицемерных друзей народа, всех, отказывающихся от поддержки революционной борьбы пролетариата, оказались мостящими ад политических блоков с либералами вплоть до принятия их лозунгов.

Большевики предсказали в 1905 году, на основании теоретического анализа, что гвоздем тактики с.-д. в буржуазной революции является вопрос о предательстве либерализма и о демократических способностях крестьянства. Все последующие практические разногласия в политике рабочей партии около этого именно гвоздя и вращались. Из неверных основ меньшевистской тактики действительно развилась исторически политика зависимости от либералов.

Перед объединительным Стокгольмским съездом 1906 г. большевики и меньшевики выступили с двумя существенно различными резолюциями о буржуазных партиях *) Большевики в своей резолюции целиком проводили основную мысль о предательстве либерализма и о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, давая лишь новые иллюстрации этой мысли фактами и событиями после октябрьского периода (раскол октябристов и кадетов; образование крестьянского союза и радикальных интеллигентских союзов и проч.) Анализируя классовое содержание основных типов разных буржуазных партий, большевики вписывали, так сказать, конкретные данные в рамки старой, абстрактной своей схемы. Меньшевики отказались в резолюции к Стокгольмскому съезду дать анализ классового содержания разных партий, ссылаясь на недостаточно „устойчивый“ их характер. В сущности, это было уклонение от ответа по существу. И это уклонение с полной рельефностью выразилось в том, что победившие на Стокгольмском съезде меньшевики сами сняли свою резолюцию об отношении к буржуазным партиям в России. Весной 1905 года меньшевики в резолюции предлагают разоблачать, как лицемерных друзей народа, всех либералов и демократов, отказывающихся от поддержки революционной борьбы пролетариата. Весной 1906 года не меньшевики, а большевики в резолюции говорят о лицемерии определенной либеральной партии, именно к.-д., меньшевики же предпочитают оста-

вить вопрос открытым. Весной 1907 года, на Лондонском съезде, меньшевизм разоблачает себя еще более: старое требование поддержки либералами и демократами революционной борьбы пролетариата совершенно выкинуто за борт. Меньшевистская резолюция (см. проект ее в «Народной Думе» 1906 г., № 12—крайне важный документ) прямо и откровенно проповедует «комбинирование», т.е. согласование, говоря по-русски, действий пролетариата и буржуазной демократии вообще!!

Со ступеньки на ступеньку. Благие намерения социалиста и плохая теория в 1905 году. Никакой теории и никаких намерений в 1906 году. Никакой теории и открыто оппортунистическая политика в 1907 году. «Согласование» социал-демократической и либерально-буржуазной политики—таково последнее слово меньшевизма. Иначе и не могло быть после блоков с к.-д., голосования за Головина, частных совещаний с кадетами, попыток удалить конфискацию помещичьей земли из числа обязательных наших требований и прочих перлов меньшевистской политики.

На Лондонском съезде провал меньшевистской политики по отношению к либерализму был самый полный. Свою первую, напечатанную в «Народной Думе» (№ 12), резолюцию меньшевики не решились вовсе внести. Они взяли ее обратно, не выступив с ней даже в комиссии, где были 15 представителей от всех пяти фракций съезда (4 большевика, 4 меньшевика, 2 поляка, 2 латыша, 3 бундовца). Вероятно, лозунг «комбинирования», согласования социалистической и либеральной политики оттолкнул не только бундовцев, но даже многих меньшевиков. В комиссию меньшевики явились «подчистившись»: резолюцию они написали новую, «комбинирование» убрали из нее совершенно. Вместо «комбинирования» вставили использование пролетариатом других партий для своих целей, признание политической задачи пролетариата установление республики и пр. Но ничто не помогло. Слишком ясно было для всех, что этот нарядный мундир нарочно раскрашен пестро для прикрытия той же политики «комбинирования». Практический вывод из резолюции был все тот же: «вступать в отдельных, определенных случаях с этими партиями (и с либералами, и с народниками) в соглашения». Взять за основу подобную резолюцию согласились из 15 членов комиссии только четверо, т.е. только одни меньшевики! Более полного поражения меньшевистской политики, как таковой, и быть не могло. Резолюция большевиков была взята за основу на съезде и затем принята в целом, после несущественных попра-

вок, 158—163 голосами против ста с небольшим (106 в одном случае) при 10—20 воздержавшихся. Но, прежде чем переходить к разбору основных мыслей этой резолюции и значения вносившихся меньшевиками поправок, остановимся еще на одном, не лишенном интереса, эпизоде при обсуждении резолюции в комиссии.

В комиссию было представлено не два, а три проекта резолюций: большевистский, меньшевистский и польский. Поляки сходились с большевиками в основных мыслях, но отвергали наш тип резолюции с анализом каждой отдельной группы партий. Полякам казалось это литературщиной; резолюцию нашу они считали тяжеловесной. Свой проект они построили на кратком формулировании двух общих принципов пролетарской политики по отношению к буржуазным партиям: 1) классовое обособление пролетариата от всех остальных партий во имя его социалистических задач, как бы ни были революционны и даже республикански решительны эти остальные партии; 2) соединение с трудовыми партиями против самодержавия и против предательского либерализма.

Бесспорно, что эти две существенные мысли польской резолюции прекрасно схватывают самую сердцевину вопроса. Бесспорно также, что привлекателен план дать краткую определенную директиву для пролетариата всех национальностей России, без «социологического» рассуждения о типах разных партий. Но тем не менее опыт показал, что на почве польской резолюции данному съезду не удастся прийти к полному, ясному и определенному решению вопроса. Чтобы отвергнуть меньшевизм, надо было со всей подробностью определить положительные взгляды с.-д-тии на разные партии, ибо иначе оставалась почва для неясностей.

Меньшевики и бундовцы сразу схватились в комиссии за польскую резолюцию, именно для того, чтобы воспользоваться такой почвой. Комиссия взяла за основу польский проект семью голосами (4 меньшевика, 2 поляка, 1 бундовец) против семи (4 большевика, 2 латыша, 1 бундовец, пятнадцатый член комиссии воздержался или отсутствовал). Затем к польскому проекту комиссия принялась приделывать такие «поправки», которые возвращали его до неузнаваемости. Приняли даже поправку о допустимости «технических» соглашений с либералами. Естественно, что поляки взяли тогда назад свой изуродованный меньшевиками проект. Оказалось, что кроме поляков вносить такой проект на съезд не согласны ни бундовцы, ни меньшевики. Все

работа комиссии пропала даром, и съезду пришлось прямо голосовать взятие за основу большевистского проекта.

Спрашивается теперь, каково принципиальное значение принятия съездом за основу этого проекта? Ради каких основных пунктов пролетарской тактики сплотился съезд на этом проекте и отверг меньшевистский?

Внимательно вчитываясь в оба проекта, легко уловить два таких основных пункта. Во-первых, большевистская резолюция на деле осуществляет социалистическую критику непролетарских партий. Во-вторых, эта резолюция точно определяет тактику пролетариата в данной революции, вкладывая вполне ясное конкретное содержание в понятие „вождя“ революции, указывая, с кем можно и должно „вместе бить“, кого бить и при каких именно условиях.

Основной грех меньшевистской резолюции в том и состоит, что она не дает ни того, ни другого, открывая этой пустотой настежь двери для оппортунизма, т.-е., в конечном счете, для подмены политики социал-демократической политикой либеральной. В самом деле: посмотрите на социалистическую критику непролетарских партий у меньшевиков. Эта критика сводится к такому положению: „общественно-экономические условия и историческая обстановка, при которых совершается эта (т.-е. наша) революция, тормозят развитие буржуазно-демократического движения, на одном полюсе порождая неготовность к борьбе и иллюзии конституционной мирной ликвидации старого порядка, а на другом — иллюзии мелко-буржуазного революционизма и аграрных утопий“.

Во-первых, перед нами резолюция о партиях без указания партий. Во-вторых, перед нами резолюция, не дающая анализа классового содержания различных „полюсов“ буржуазной демократии. В-третьих, в этой резолюции нет и намек на определение того, каким должно быть отношение разных классов к „нашей революции“. Сводя вместе все эти недостатки, надо сказать, что в резолюции исчезло марксистское учение о классовой борьбе.

Не коренные интересы различных классов капиталистического общества порождают различные типы буржуазных партий, — не классовые интересы порождают мирные иллюзии или „примирительные тенденции“ у одних, „революционизм“ у других. Нет. Какие-то неведомые общественно-экономические условия и историческая обстановка тормозят развитие буржуазно-демократического движения вообще. Выходит, что при-

мирительность капитала и революционизм мужика вытекают не из положения буржуазии и крестьянства в капиталистическом, освобождающемся от крепостничества, обществе, а из каких-то условий и обстановки всей «нашей революции» вообще. Следующий пункт говорит даже, что «эти отрицательные тенденции, тормозящие развитие революции», с особенной силой «выступают наружу в данный момент временного затишья».

Это теория не марксистская, а либеральная, ищущая корней различных социальных тенденций вне интересов разных классов. Это—резюмация не социалистическая, а лево-кадетская; порицаются крайности обоих полюсов, порицается оппортунизм кадетов, революционизм народников и тем самым фактически восхваляется нечто среднее между теми и другими. Невольно является мысль, не эн-эсы ли перед нами, ищущие золотой середины между к.-д. и с.-р.?

Если бы наши меньшевики не сбились с теории Маркса о классовой борьбе, то они поняли бы, что различное классовое положение буржуазии и крестьянства в борьбе против «старого порядка» объясняет различные типы партий: либеральные, с одной стороны, народнические,—с другой. Что все различные и различнейшие партии, группы и политические организации, которые в таком необычайном изобилии возникали в течение русской революции, тяготели всегда и неизменно (исключая реакционные партии и партию пролетариата) к этим именно двум типам,—это не подлежит сомнению и не требует доказательства. Ограничиваясь указанием на «два полюса» единого буржуазно-демократического движения, мы не даем ничего, кроме общего места. Во всем и всегда можно отметить две «крайности», два полюса. Во всяком сколько-нибудь широком общественном движении неизменно имеются и такие «полюсы», и более или менее «золотая» середина. Так характеризовать буржуазную демократию значит сводить марксистское положение к ничего не говорящей фразе вместо того, чтобы применять это положение к анализу классовых корней различных типов партий в России. Социалистической критики буржуазных партий у меньшевиков нет, ибо назвать все оппозиционные непролетарские партии буржуазно-демократическими вовсе еще не значит дать социалистическую критику. Если вы не показали, интересы каких классов и какие именно преобладающие в данное время интересы определяют сущность различных партий и их политики, то вы на деле марксизма не применили, вы на деле теорию классовой борьбы выкинули. Слово «буржуазно-демократический»

является у вас тогда не более, как платоническим выражением почтения к марксизму, ибо употребление этого слова вами не сопровождается сведением такого-то типа либерализма или демократизма к таким-то корыстным интересам определенных слоев буржуазии. Неудивительно, что наши либералы, начиная с п. д. р. и кадетов и кончая беспартийными беззаглавцами из «Товарища», видя такое применение марксизма меньшевиками, с восторгом подхватывают «идеи» о вреде крайностей оппортунизма и революционизма в демократии... ..ибо это не идея, а пошлое общее место. В самом деле, ведь не слово же: «буржуазная демократия» пугает либералов! Их пугает разоблачение перед народом того, к каким материальным интересам каких именно имущих классов сводятся их либеральные программы и фразы. В этом суть, а не в слове «буржуазная демократия». Не тот применяет учение о классовой борьбе, кто постоянно ограждает себя, точно крестным знаменем, словом «буржуазная демократия», а тот, кто показывает на деле, в чем именно буржуазность данной партии проявляется.

Если понятие «буржуазная демократия» призывает лишь к тому, чтобы осудить крайности и оппортунизма, и революционизма, тогда это понятие принижает марксистское учение до дюжинной либеральной фразы. Либералу не страшно такое употребление этого понятия, ибо, повторяем, ему страшно не слово, а дело. На принятие неприятного для него и «отдающего марксизмом» термина он может согласиться. На принятие того взгляда, что он, кадет, выражает интересы буржуа, продающего революцию тем-то и тем-то,—на это не пойдет ни либерал, ни бернштейнианствующий «интеллигент» из «Товарища». Именно поэтому, что в своем применении марксизма меньшевики принимают его до голой, ничего не говорящей и ни к чему не обязывающей фразы, именно поэтому беззаглавцы, Прокоповичи, Кусковы, кадеты и прочие хватаются обеими руками за поддержку меньшевизма. Меншевицкий марксизм есть марксизм, перекраиваемый на мерку буржуазного либерализма.

Итак, первый основной грех меньшевистской позиции в данном вопросе тот, что на деле социалистической критики непролетарских партий меньшевизм не дает. На деле с почвы Марксова учения о классовой борьбе он сходит. Лондонский съезд покончил с этим искажением социал-демократической политики и теории. Второй основной грех—меньшевизм на деле не признает самостоятельной политики пролетариата в данной революции, не указывает ему определенной тактики. Избегай крайностей оппор-

тунизма и революционизма, вот одна заповедь меньшевизма, вытекающая из их резолюции. От случая к случаю заключаёшь соглашения с либералами и демократами,—вот другая заповедь. Комбинируй (согласуй) свою политику с либеральной и демократической,—такова третья, высказанная в «Народной Думе» и тогдашней резолюции меньшевиков, заповедь. Выкидывайте отсюда, сколько угодно, упоминание о третьей заповеди; добавляйте пожелания и требования: «пролетарская политика должна быть самостоятельна», добавляйте требования республики (как это сделали меньшевики на Лондонском съезде),—вы несколько не устраните этим второго основного греха меньшевизма. Самостоятельность пролетарской политики определяется не тем, что слово: «самостоятельный» в соответствующем месте вписывается, и не тем, что упоминание о республике включается,—она определяется лишь точным указанием пути действительно самостоятельного. А этого меньшевизм не даёт.

На деле, по объективному соотношению классов и общественных сил, перед нами происходит борьба двух тенденций: либерализм стремится прекратить революцию, пролетариат—довести ее до конца. Если пролетариат при этом не сознает такой тенденции либерализма, не сознает своей задачи прямой борьбы с ним, не борется за освобождение демократического крестьянства из-под влияния либерализма, то на деле политика пролетариата не самостоятельна. Меньшевики как раз эту, на деле несамостоятельную, политику и узаконяют: именно такое значение имеет допущение соглашений от случая к случаю без определения линии и этих соглашений, без определения главной демаркационной черты, отделяющей две тактики в нашей революции. «Соглашение от случая к случаю»,—эта формула на деле прикрывает и блок с к.-д., и «полновластную Думу», и ответственное министерство, т.-е. всю политику фактической зависимости рабочей партии от либерализма. В данной исторической обстановке не может быть и речи о самостоятельной политике рабочей партии, если эта партия не ставит своей прямой задачей борьбу за доведение революции до конца не только против самодержавия, но и против либерализма, борьбу с либерализмом за влияние на демократическое крестьянство. Историческая обстановка буржуазной революции в Европе в начале XX века такова, что всякая иная политика с.-д. на деле сведется к подчинению политике либеральной.

Принятие большевистской резолюции о непролетарских партиях Лондонским съездом означает решительное отклонение ра-

бочей партией всяких отступлений от классовой борьбы, признание на деле социалистической критики непролетарских партий и самостоятельных революционных задач пролетариата в данной революции.

Отклонение меньшевистских поправок к резолюции еще больше подчеркнуло это.

II.

Когда большевистский проект резолюции об отношении к буржуазным партиям был взят съездом за основу,—со стороны меньшевиков и бундовцев посыпался целый дождь поправок. Общее число поправок определялось в некоторых протестующих заявлениях, поданных в бюро съезда, до 70 и свыше. Я не стану описывать здесь перипетий борьбы за прекращение этой обструкции, далеко оставившей назад знаменитые Акимовские 22 поправки на втором съезде, я не стану перечислять массу совершенно пустых и мелочных поправок. Перечислю только пять поправок, имевших действительно крайне важное принципиальное значение. Вот эти поправки в порядке их обсуждения на съезде.

Пункт третий мотивов нашей резолюции говорит прямо о задаче пролетариата—«выполнить роль вождя в буржуазно-демократической революции». Меньшевики вносили поправки: заменить слово: «вождя» словом: «авангарда», «передового отряда» или словами: «главного двигателя». Все эти поправки были отклонены. Повторить сколько угодно раз о сохранении полной классовой самостоятельности пролетариата,—против этого большевики ничего не имели. Но ослабить указание на роль вождя в революции—значило открыть двери для оппортунизма. Пролетариат может быть «главным двигателем» и помещичьи-урезанной буржуазной революции. Можно быть главным двигателем победы другого класса, не умея отстаивать интересов своего класса. Революционная с.-д.-тия, не изменяя себе, не в праве ограничиться этим. Она должна помочь пролетариату из пассивной роли главного двигателя подняться до активной роли вождя,—из зависимого положения борца за урезанную свободу, до наиболее самостоятельного положения борца за полную свободу, выгодную для рабочего класса. В этом, можно сказать, гвоздь отличия оппортунистической и революционной тактики с.-д. в буржуазной революции, что первая тактика мирится на роли пролетариата, как главного двигателя, а вторая тактика направляется к осуществлению им роли вождя, отнюдь не только «двигателя».

Выражение «передовой отряд» тоже ослабляло бы признание задачи пролетариата руководить другими демократическими классами или, по крайней мере, могло бы быть истолковано, как такое ослабление.

Вторая поправка: выкинуть из пункта третьего собственно-резолютивной части (характеристика либеральных партий) указание на обман демократической мелкой буржуазии либералами. Удалить или изменить это необходимо во имя марксизма, говорили меньшевики, ибо недостойно материалистов объяснять «обманами» социальный состав партий. Софизм этого рассуждения слишком бил в нас, чтобы съезд мог поддаться на удочку. Во имя марксизма отрицать роль обмана в политике буржуазии, это все равно, что отрицать всякое насилие во имя «экономического фактора». Так понимают марксизм только Давиды, Фольмары и прочие столпы оппортунизма. В частности же отрицать или пытаться ослабить роль обмана в теперешней политике кадетов по отношению к крестьянам и мещанству в России—значит подкрашивать либерализм, извращая факты в его пользу. Ибо прямой обман кадетами их избирателей из крестьян и мещан—самый неоспоримый факт. Неуместно говорить об обмане партией своих избирателей тогда, когда интересы класса порождают известные теоретические иллюзии, т.-е. обманчивые представления (например, когда интересы крестьянства порождают обманчивые ожидания всех благ от экспроприации помещичьей земли). Обязательно говорить открыто и во всеуслышание об обмане известных слоев народа их парламентскими представителями, когда эти представители приносят в жертву прямые интересы этих слоев их эксплуататорам (крестьян предают помещикам и т. п.). Немецкая буржуазия предала крестьян, писал Маркс в 1848 году. Если мы в России 1907 года не решимся сказать этого про нашу буржуазию и про наших кадетов, не сумеем доказать этого массе народа, тогда мы втопчем в грязь великое звание социал-демократов.

Третья поправка: признать в добавление к тому же 3-му пункту допустимость «технических соглашений» с к.-д. Эта поправка была отклонена именным голосованием съезда. Мы заявили, что принятие ее заставит нас взять обратно всю резолюцию: это наше право, если поправками искажается основная мысль резолюции. Мы не говорим ничего о специальном запрещении всяких соглашений с к.-д.—заявили мы. Речь идет не о запрещении или допущении казусов, а об общей политической линии. Кто добросовестно захочет применять данную резо-

люцию съезда, тот не пойдет на избирательные соглашения с к.-д. или на общие лозунги с ними, хотя возможность какого-нибудь «казуса» с совместным голосованием в Думе этим не исключена. Недобросовестных же исполнителей резолюции съезда было бы вообще бесполезно пытаться «уловить» на ту или иную формулировку. На практике вся наша партия слишком хорошо ознакомилась с тем, что значат «технические соглашения» с либералами для наших меньшевиков.

Четвертая поправка: добавить к 4-му пункту указание на необходимость борьбы с аграрным утопизмом и революционизмом народников—была внесена меньшевиками несколько раз с постоянными изменениями отдельных слов в тексте поправки или в определении места ее включения в резолюцию. Все эти поправки съезд отклонил. Дебаты по поводу этих поправок имели, несомненно, принципиальное значение. Меньшевики опять пытались здесь, под флагом марксизма, провести нечто, глубоко враждебное марксизму. Несомненно, что марксизм отвергает и аграрные утопии народников, и приемы мелко-буржуазного революционизма. Если так,—рассуждали меньшевики,—то скажите же это здесь, в вашей резолюции.—Извините, дорогие товарищи,—отвечали мы им,—здесь уже сказано все именно так, как это сказать следует. Ваша же добавка, независимо от вашей воли и сознания, приобретает значение выходки против конфискации помещичьей земли. Мы ведь не забыли, что именно эту конфискацию объявляют «утопизмом» и «революционизмом» не только все либералы, но и многие беспартийные с.-д. à la г.г. Прокоповичи, Кусковы и некоторые (немногие, к счастью) партийные с.-д., предлагавшие и думской с.-д. фракции, и Ц. К-ту партии не настаивать ультимативно на конфискации.

Резолюция должна быть написана так, чтобы ее нельзя было не понять. Она должна считаться со всеми наличными политическими тенденциями в действительной политике, а не с хорошими намерениями той или иной части с.-д. (допуская всегда самые хорошие намерения). «Псевдо-социализм» народников мы прямо и определенно признали в нашей резолюции. Их «социалистическая» идеология прямо названа у нас простым «туманом». Борьба против затушевывания ими классовой противоположности между пролетариатом и мелким хозяйчиком отнесена к безусловной обязанности с.-д. Этим все сказано, этим осужден уже действительно утопический элемент в народничестве, этим осужден и мелко-буржуазный «вне-классовый» революционизм. Мало того. У нас есть не одно только осуждение в резолюции, не одно

только отрицание, но и указание положительного содержания данных партий. «Борьба против помещичьего землевладения и крепостнического государства», вот как определено у нас это содержание. И тот не марксист, кто забыл бы об нем из-за борьбы против «тумана» меланхолического социализма. Это реальное содержание имеет в современной революции неизмеримо более важное значение, чем туманные мечтания народников о завтрашнем дне. Из-за этой реальной борьбы расходится теперь кардинальным образом либеральная и пролетарская политика. Либеральная считает утопией и пустым революционизмом полное уничтожение помещичьего землевладения и крепостнического государства: буржуазии не выгоден и опасен такой разгром. В действительной политике наших дней именно такой, корыстно-классовый интерес буржуазии, и не что иное, выражается в нападках на утопизм и революционизм народников. Наоборот, пролетарская политика отделяет утопизм, революционизм и вообще туман «уравнительных» мечтаний неклассового социализма от реальности решительной борьбы с помещиками и с крепостниками. То, что для либералов есть вредная утопия, для нас есть самый насущный в данное время интерес пролетариата: полный разгром помещичьего землевладения и крепостнического государства. На этой почве мы должны сейчас вести самую ожесточенную непосредственно-практическую борьбу с либерализмом, борьбу за освобождение из-под его влияния демократического крестьянства.

Разбираемые поправки меньшевиков отражали одну из самых распространенных ошибок меньшевизма: приравнивание реакционности буржуазии в данной революции (т.-е. реакционности в борьбе с помещиками и с самодержавием) с реакционностью крестьянства (тогда как эта реакционность относится не к борьбе с помещиками и с самодержавием, а к борьбе с капиталом, т.-е. к задачам не данной, буржуазной, а будущей, социалистической, революции). Эту коренную ошибку меньшевиков отверг съезд. А практическое значение этой ошибки велико, ибо ею прикрывалась политика, одинаково допускающая совместные действия пролетариата с либералами и с крестьянской демократией.

Последняя, представляющая общий интерес, поправка меньшевиков относилась тоже к 4-му пункту, именно к концу его. Меньшевики предложили выкинуть отсюда указание на борьбу с к.-д. (...«становиться на сторону с.-д. против черносотенцев и к.-д.»). Чтобы сделать эту абсолютно неприемлемую для данного съезда поправку хоть сколько-нибудь по виду приемлемой, они предложили заменить неприятные для них слова указанием на борьбу

за доведение демократической революции до конца. Это было своеобразной попыткой «позолотить пилюлю», провести неприемлемую для большевиков политику (не бороться прямо с к.-д.) под прикрытием особенно приемлемого для большевиков лозунга. Флаг пусть будет твой, а груз наш,—вот что, в сущности, говорили меньшевики, как истые политики-оппортунисты, своим предложением.

Невинная военная хитрость меньшевиков была, конечно, сразу разоблачена при смехе на большевистских скамьях (в Лондонской церкви мы сидели действительно на скамьях, так что здесь не тереносное выражение). На тех же скамьях раздался прямо гомерический, долго не смолкавший смех и гром иронических аплодисментов, когда после провала поправки меньшевиков один поляк внес другую поправку: сохранить указание на борьбу с к.-д. и добавить вместе с тем признание борьбы за доведение революции до конца. Эту поправку съезд, конечно, принял. Иронические аплодисменты были особенно заслужены меньшевиками, голосовавшими за нее («положение обязывает»!),—после того, как Л. Мартон метал против нас в «Отголосках» (№ 5) громы и молнии за эту якобы буржуазно-республиканскую идею доведения революции до конца.

Неудачная хитрость меньшевиков оказалась очень удачной услугой нам, ибо благодаря этой поправке съезд признал крайне важную мысль другой, не предложенной съезду нашей резолюции, именно: резолюции о классовых задачах пролетариата.

III.

Не надо фиксировать теперешнего отношения к к.-д.,—говорил один видный меньшевик на съезде (кажется, Мартынов), желая, так сказать, чтобы вместо бегства меньшевизма получилось отступление в образцовом порядке. Теперь кадеты никуда не годны, пусть так. Но не фиксируйте этого, ибо они еще могут пригодиться.

В этих словах была неудачно формулирована одна очень существенная мысль меньшевизма, на которой стоит остановиться в заключение разбора вопроса об отношении к буржуазным партиям. Неудачна эта формулировка потому, что возможность использовать все, что способно «пригодиться», несколько не исключена резолюцией, определяющей классовые корни данной, теперешней, контр-революционной политики. Существенна тут та

мысль, что если теперь к.-д. не оправдали доверия меньшевиков, то было время, когда они его оправдывали.

Эта мысль ошибочна. Никогда кадеты доверия меньшевиков к ним не оправдывали. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять самый крупный подъем нашей революции, октябрь — декабрь 1905 г., и сопоставить с ним теперешний период, период едва ли не максимального упадка. И во время наибольшего подъема, и во время наибольшего упадка кадеты не оправдали доверия меньшевиков, не подтвердили их тактики, а разрушили ее своим поведением. В период подъема меньшевики сами вели активную борьбу с либералами (вспомните «Начало»), а в настоящее время совокупность всех голосований во II-й Думе яснее ясного говорит в пользу политики «левобложистской» и против политики поддержки кадетов.

Время, лежащее между этим наибольшим подъемом и наибольшим упадком нашей революции, будущий историк с.-д-тии в России должен будет назвать эпохой шатания. Социал-демократия в лице меньшевиков пошатнулась в это время в сторону либерализма. Год споров (конец 1904—конец 1905 г.) был исторической подготовкой спорных вопросов и общей оценкой их. Полтора года революции (конец 1905 г.—половина 1907 г.) были практическим испытанием этих спорных вопросов в области практической политики. Это испытание показало на опыте полное фиаско политики поддержки либерализма, это испытание привело к признанию единственной революционной политики пролетариата в буржуазной революции: бороться за доведение революции до конца, присоединяя к себе демократическое крестьянство против предательского либерализма.

Рискованно было бы сказать, что Лондонский съезд положил конец этому периоду шатаний с.-д. в сторону либерализма. Но во всяком случае серьезный почин к ликвидации шатаний сделан.

Р. С. Буржуазная печать усиленно пользуется вынужденным молчанием с.-д. и «полулегальностью» Лондонского съезда, чтобы клепать на большевиков, как на мертвых. Конечно, без ежедневной газеты нам нечего и думать угоняться за беспартийным «Товарищем», где бывший социал-демократ А. Брам, затем г. Юрий Переяславский¹⁵⁹) и *tutti-quantì* отплясывают настоящий канкан, — благо, протоколов нет, и врать можно безнаказанно. В статьях этих А. Брамов, Переяславских и К^о нет ничего, кроме обычной злобности беспартийных буржуазных интеллигентов, так что на эти

статьи достаточно указать, чтобы они встречены были заслуженным ими презрением. Другое дело—беседа с г. Струве, переданная «Биржевой» и до сих пор, кажется, не опровергнутая. Кроме презрения, она заслуживает научного внимания к этому... экземпляру. Его тяготение к октябристам, его ненависть к левым—поистине классическое выражение имманентных тенденций либерализма. Г. Струве признает старые слухи и о том, что он в бюро (Думы) проводил октябриста, и о том, что он вообще вел переговоры и совещания с октябристами. Он за объединение с октябристами! Благодарим вас, г. Струве, вы прекрасно подтверждаете то, что еще прошлой осенью писал «Пролетарий» (№ 4: «Опыт классификации русских политических партий») об октябристах и кадетах!). Г. Струве чувствует бессилие буржуазной интеллигенции и хочет переставить центр тяжести либерализма поближе к имущим классам. Соглашения с короной не выходит у либералов типа к.-д.,—долгой к.-д., пусть выйдет соглашение хотя бы с «либералами» типа октябристов. Это последовательно. И это для нас выгодно, ибо вносите ясность и определенность в положение. Новая, помещичья Дума. Новый избирательный закон, превосходно разделяющий, со всей желательной отчетливостью, надежных помещиков и тузов буржуазии от ненадежных крестьян, городского мещанства и рабочих. Новое течение в либерализме: война г. Струве с «авантюристской политикой левых», с их «эксплуатацией темных социальных инстинктов!! («социальные инстинкты»—безграмотно, но тем рельефнее в своей безграмотности. Писания г. Струве будут, видимо, тем безграмотнее и тем яснее, чем ближе этот господин будет приближаться к недалеко уже стоящему от него союзу русского народа) неразвитой крестьянской массы».

Да, это не случайность. Буржуазный либерализм бессилен, как партия интеллигентская. Он бессилен вне борьбы с революционным («темные социальные инстинкты») крестьянством. Он бессилен вне тесного союза с денежным мешком, с помещичьей массой, с фабрикантами... с октябристами. Что правда, то правда. Мы давно говорили кадетам: «что делаешь, делай скорее». Кто за соглашение с короной—к октябристам, к Столыпиным, к союзу русского народа.

Кто за народ,—идите за социал-демократией, которая одна только вела и ведет беспощадную борьбу против влияния либерализма на трудовиков.

*) См. стр. 89—90 II части VII тома Собрания сочинений Н. Ленина. Ред.

Некоторые думали, что именно меньшевистская политика способна была расколоть кадетов. Наивная иллюзия! Раскалывала и расколет кадетов только левоблочнистская политика революционной социал-демократии. Только такая политика ускорит неизбежное размежевание: буржуазные либералы к октябристам, буржуазные демократы к трудовикам. Социал-демократия будет и впредь, как до сих пор, заставлять этих последних делать выбор между пролетарским последовательным демократизмом и либерализмом.

Смело вперед, политики à la Струве!

*Сборник „Итоги Лондонского съезда Р.С.-Д.Р. П.“,
СПБ. 1907 г.*

Памяти графа Гейдена *).

(Чему учат народ беспартийные „демократы?“)

«Вся прогрессивная печать отнеслась к понесенной Россией тяжелой утрате в лице графа П. А. Гейдена с выражением глубокого соболезнования. Прекрасный образ Петра Александровича привлекал к себе всех порядочных людей без различия партий и направлений. Редкий и счастливый удел!!!» Следует обширная цитата из право-кадетских «Русских Ведомостей», где умиляется жизнью и деятельностью «чудного человека» князь Пав. Дм. Долгоруков, один из той Долгоруковской породы, представители которой созидались прямо в корнях своего демократизма! Лучше миром поладить с крестьянами, чем дожидаться, пока они сами возьмут землю... «Мы глубоко разделяем чувства горечи, причиненные смертью графа Гейдена всем, кто привык ценить человека, в каком бы партийном облачении он ни появлялся. А покойный Гейден был именно прежде всего человек».

Так пишет газета «Товарищ» № 296, вторник, 19 июня 1907 г.

Публицисты «Товарища» — не только самые ярые демократы в нашей легальной прессе. Они считают себя социалистами, —

*) Написанная еще в июне, непосредственно за появлением панегирика „Товарища“, статья эта по „независящим“ от автора обстоятельствам не была напечатана. Давая ей место в настоящем сборнике — редакция полагает, что хотя повод, вызвавший статью, утратил уже значение для данного момента, тем не менее содержание ее и теперь сохраняет всю свою ценность.

критическими социалистами, конечно. Они—почти-что социал-демократы; и меньшевики, Плеханов, Мартов, Смирнов, Переяславский, Дан и проч., и проч., встречают самое радушное гостеприимство в газете, столбцы которой украшают своей подписью г.г. Прокопович, Кускова, Португалов и иные «бывшие марксисты». Не подлежит, одним словом, ни малейшему сомнению, что публицисты «Товарища»—самые «левые» представители нашего «просвещенного», чуждого узкой подпольщины, «демократического» и т. д. общества.

И когда попадают на глаза такие строки, как приведенные выше,—трудно удержаться от восклицания по адресу этих господ: Какое счастье, что мы, большевики, заведомо не принадлежали к кругу порядочных людей «Товарища»!

Господа «порядочные люди» российской просвещенной демократии! Вы оупляете русский народ и заражаете его миазмами низкопоклонства и холопства во сто раз более, чем пресловутые черносотенцы, Пуришкевич, Крушеван, Дубровин, с которыми вы ведете такую усердную, такую либеральную, такую дешевенькую, такую выгодную и безопасную для вас, войну. Вы пожимаете плечами и обращаетесь ко всем «порядочным людям» вашего общества с пренебрежительной усмешкой по адресу столь «нелепых парадоксов»? Да, да, мы знаем прекрасно, что ничто в мире не способно поколебать вашего пошленького либерального самодовольства. Именно потому и радуемся мы, что нам удалось всей своей деятельностью отгородить себя прочной стеной от круга порядочных людей русского образованного общества.

Можно ли найти примеры того, что черносотенцы развратили и сбили с толку сколько-нибудь широкие слои населения? Нет.

Ни их пресса, ни их союз, ни их собрания, ни выборы в I-ю или II-ю Думу не могли дать таких примеров. Черносотенцы озлобляют насильями и зверствами, в которых участвуют полиция и войска. Черносотенцы возбуждают к себе ненависть и презрение своими мошенничествами, подвохами, подкупам. Черносотенцы организуют на правительственные деньги кучки и шайки пропойц, способных действовать только с разрешения полиции и по наущению ее. Во всем этом нет и следа сколько-нибудь опасного идейного влияния на сколько-нибудь широкие слои населения.

И, наоборот, столь же несомненно, что такое влияние оказывает наша легальная, либеральная и «демократическая» пресса. Выборы в I-ю и II-ю Гос. Думу, собрания, союзы, учебное

дело—все доказывает это. А рассуждение «Товарища» по поводу смерти Гейдена показывает воочию, каково это идейное влияние.

«...Тяжелая утрата.. прекрасный образ... счастливый удел... был прежде всего человек».

Помещик, граф Гейден, благородно либеральничал до октябрьской революции. Сейчас же после первой победы народа, после 17 октября 1905 года, он без малейших колебаний перешел в лагерь контр-революции, в партию октябристов, в партию озлобленного против крестьян и против демократии помещика и крупного капиталиста. В I-й Думе сей благородный мужчина защищал правительство, а после разгона первой Думы договаривался,—но не договорился,—об участии в министерстве. Таковы основные крупнейшие этапы в жизненной карьере этого типичного контр-революционного помещика.

И вот являются прилично одетые, просвещенные и образованные господа, с фразами о либерализме, демократизме, социализме на устах, с речами о сочувствии делу свободы, делу крестьянской борьбы за землю против помещиков,—господа, которые располагают фактически монополией легальной оппозиции в печати, в союзах, на собраниях, на выборах, и проповедают народу, вознеся очи горе: «Редкий и счастливый удел!.. Покойный граф был прежде всего человек».

Да, Гейден был не только человек, но и гражданин, умевший возвышаться до понимания общих интересов своего класса и отстаивать эти интересы весьма умно. А вы, господа просвещенные демократы, вы—просто слезоточивые дурачки, прикрывающие либеральным юродством свою неспособность быть чем-либо иным, как культурными лаксами того же помещичьего класса.

Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние интеллигенции, непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в принцип внеклассовых партий и внеклассовой политики,—влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут и только тут есть на-лицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой.

— Гейден был человек образованный, культурный, гуманный, терпимый,—захлебываются либеральные и демократические слюняки, воображая себя возвысившимися над всякой «партийностью», до «общечеловеческой» точки зрения.

Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолупская. Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не-сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам. Вот вы именно такие хамы, господа из «Товарища». Вы с юмерзительным благодушием умиляетесь тем, что контр-революционный помещик, поддерживавший контр-революционное правительство, был образованный и гуманный человек. Вы не понимаете того, что, вместо того, чтобы превращать раба в революционера, вы превращаете рабов в холопов. Ваши слова о свободе и демократии—напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалеванная вывеска. А сами по себе вы—гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся ваша образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаете свои души и продаете не только из нужды, но и из «любви к искусству»!

— Гейден был убежденный конституционалист,—умиляетесь вы. Вы лжете или вы уже совершенно одурачены Гейденами. Называть перед народом, публично, убежденным конституционалистом человека, который основывал партию, поддерживавшую правительство Витте, Дубасова, Горемыкина и Столыпина, это все равно, что называть какого-нибудь кардинала убежденным борцом против папы. Вместо того, чтобы учить народ правильному понятию конституции,—вы, демократы, сводите в своих писаниях конституцию к севрюжине с хреном. Ибо не подлежит сомнению, что для контр-революционного помещика конституция есть именно севрюжина с хреном, есть вид наибольшего усовершенствования приемов ограбления и подчинения мужика и всей народной массы. Если Гейден был убежденным конституционалистом,—значит, Дубасов и Столыпин тоже убежденные конституционалисты, ибо их политику на деле поддерживал и Гейден. Дубасов и Столыпин не могли бы быть тем, чем они были, не могли бы вести своей политики без поддержки октябристов, и Гейдена в том числе. По каким же основаниям, о, ве-

ликомудрые демократы из «порядочных» людей, надо судить о политической физиономии человека («конституционалист»)? по его речам, по его биению себя в грудь и проливанью крокодиловых слез? или по его действительной деятельности на общественной арене?

Что характерно, что типично для политической деятельности Гейдена? То ли, что он не мог стовориться со Столыпиным об участии в министерстве после разгона I-ой Думы, или то, что он пошел после такого акта договариваться со Столыпиным? То ли, что он прежде, тогда-то и тогда-то, говорил такие-то либеральничатые фразы, или то, что он стал октябристом (=контр-революционером) сейчас же после 17-го октября? Называя Гейдена убежденным конституционалистом, вы учите народ тому, что первое характерно и типично. А это значит, что вы бессмысленно повторяете отрывки демократических лозунгов, не понимая а з б у к и демократии.

Ибо демократия,—запомните это себе, господа порядочные люди из порядочного общества,—означает борьбу против того самого господства над страной контр-революционных помещиков, каковое господство поддерживал г. Гейден и воплощал во всей своей политической карьере.

— Гейден был человек образованный,—умиляются наши салонные демократы. Да, мы уже это признали и юхотно признаем, что он был образованнее и умнее (это не всегда бывает соединено с образованностью) самих демократов, ибо он лучше понимал интересы своего класса и своего контр-революционного общественного движения, чем вы, господа из «Товарища», понимаете интересы освободительного движения. Образованный контр-революционный помещик умел тонко и хитро защищать интересы своего класса, искусно прикрывал флером благородных слов и внешнего джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников, настаивал (перед Столыпиными) на ограждении этих интересов наиболее цивилизованными формами классового господства. Все свое «образование» Гейден и ему подобные принесли на алтарь служения помещичьим интересам. Для действительного демократа, а не для «порядочного» хама из русских радикальных салонов, это могло бы послужить великозепной темой для публициста, показывающего пр о с т и т у и р о в а н и е образования в современном обществе.

Когда «демократ» болтает об образованности, он хочет вы-

звать в уме читателя представление о богатых знаниях, о широком кругозоре, об облагораживании ума и сердца. Для господ Гейденов образование—легонький лак, дрессировка, «натасканность» в джентльменских формах обделывания самых грубых и самых грязных политических гешефтов. Ибо весь октябризм, все «мирнообновленство» Гейдена, все переговоры его со Столыпиным после разгона I-ой Думы были по существу обделыванием самого грубого и грязного дела, обстраиванием того, как бы понадежнее, по-хитрее, по-искуснее, прочнее изнутри, незаметнее снаружи, защитить права благородного российского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья», ограбляемого этими Гейденами всегда и непрестанно, и до 1861 г., и в 1861 году, и после 1861 года, и после 1905 года.

Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследства, принадлежащего к кадетской партии *) или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина...

— Гейден был «человек»,—захлебывается от восторга салонный демократ. Гейден был гуманен.

Это умиление гуманностью Гейдена заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки Охотника» Тургенева. Перед нами—цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «насчет Федора... распорядиться».

Вот вам образчик Гейдеповской «гуманности» или гуманности à la Гейден. Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идет сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли рас-

*) Кадеты проявили во сто раз больше холопства в оценке Гейдена, чем г.г. из „Товарища“. Мы взяли последних, как образец „демократизма“ у „порядочных людей“ российского „общества“.

порядились выпороть Федора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в сочной воде розог, которыми секут Федора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбранить лакея, он только «распоряжается» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»...

Совершенно такова же гуманность Гейдена. Он сам не участвовал в порке и истязании крестьян с Луженовскими и Филоновыми. Он не ездил в карательные экспедиции вместе с Ренненкампами и Меллерами-Закомельскими¹⁶⁰). Он не расстреливал Москвы вместе с Дубасовым. Он был настолько гуманен, что воздерживался от подобных подвигов, предоставляя подобным героям всероссийской «конюшни» «распоряжаться» и руководя в тиши своего мирного и культурного кабинета политической партией, которая поддерживала правительство Дубасовых и вожди которой пили здравицу победителю Москвы Дубасову... Разве это не гуманно в самом деле: посылать Дубасовых «на счет Федора распорядиться» вместо того, чтобы быть на конюшне самому? Для старых баб, ведущих отдел политики в нашей шберальной и демократической печати, это—образец гуманности... — Золотой был человек, мухи не обидел! «Редкий и счастливый удел» Дубасовых поддерживать, плодами Дубасовских ласправ пользоваться и за Дубасовых не быть ответственным.

Салонный демократ считает верхом демократизма воздыхание о том, почему не управляют нами Гейдены (ибо этому салонному турачку в голову не приходит мысль о «естественном» разделении гурда между Гейденом и Дубасовыми). Слушайте:

«...И как жаль, что он (Гейден) умер именно теперь, когда был бы всего полезнее. Теперь он боролся бы с крайними правыми, развертывая лучшие стороны своей души, отстаивая конституционные начала со всей свойственной ему энергией и находчивостью» («Товарищ» № 299, пятница, 22 июня, «Памяти гр. Гейдена», корреспонденция из Псковской губернии).

Жаль, что образованный и гуманный Гейден—мирнообновленец не прикрывает своим конституционным фразерством наготы III-ей октябрьской Думы, наготы уничтожающего Думу самодержавия! Задача «демократа»-публициста не разрывать лживые облачения, не показывать народу гнетущих его врагов во всей их наготе, а жалеть об отсутствии испытанных лицемеров, украшающих ряды октябристов... Was ist der Philister? Ein hohler Darm, voll Furcht und Hoffnung, das Gott erbarm! Что такое

филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что Бог сжалятся. Что такое российский либерально-демократический филистер кадетского и около-кадетского лагеря? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что контр-революционный помещик сжалятся!

*Сборник „Голос Жизни“
СПБ. 1907 г.*

Против бойкота ¹⁶¹⁾.

(Из заметок с.-д. публициста)

Недавно состоявшийся учительский съезд, на котором большинство было под влиянием социалистов-революционеров, принял, при непосредственном участии видного представителя партии с.-р., резолюцию о бойкоте III-й Думы. Учителя с.-д. вместе с представителем Р. С.-Д. Р. П. воздержались от голосования, считая необходимым решать подобный вопрос на партийном съезде или конференции, а не в беспартийном, профессионально-политическом союзе.

Вопрос о бойкоте III-й Думы выходит таким образом на сцену, как очередной вопрос революционной тактики. Партия с.-р., судя по выступлению ее представителя на указанном съезде, вопрос этот уже решила, хотя ни официальных постановлений этой партии, ни литературных документов из эс-эровской среды мы еще не имеем. Среди с.-д. вопрос поставлен и обсуждается.

Какими же доводами защищают свое решение с.-р.? Резолюция учительского съезда говорит, по существу дела, о полной негодности III-й Думы, о реакционности и контр-революционности правительства, совершившего государственный переворот 3 июня, о помещичьем характере нового избирательного закона и т. д., и т. п. *). Аргументация построена так, как будто из ультра-реакционности III-й Думы вытекала сама собой необходимость и законность такого средства борьбы или такого лозунга, как бойкот. Дич

*) Вот текст этой резолюции: „Принимая во внимание: 1) что новый избирательный закон, на основе которого созывается III-я Гос. Дума, отнимает у трудящихся масс даже ту скромную долю избирательных прав, которую они до сих пор обладали, и приобретение которых им так дорого стоило; 2) что закон этот представляет собою явную и грубую фальсификацию народной воли в пользу наиболее реакционных и привилегированных слоев населения; 3) что Дума третьего созыва по способу ее избрания и составу явится плодом реакционного переворота;

всякого социал-демократа негодность такого рассуждения бьет в глаза, ибо здесь отсутствует совершенно разбор исторических условий применимости бойкота. Социал-демократ, стоя на почве марксизма, выводит бойкот не из степени реакционности того или иного учреждения, а из наличия тех особых условий борьбы, при которых, как показал уже теперь опыт в русской революции, применимо своеобразное средство, называемое бойкотом. Кто станет рассуждать о бойкоте, не учитывая двухлетнего опыта нашей революции, не вдумываясь в этот опыт, про того придется сказать, что он многое забыл и ничему не научился. И свой разбор вопроса о бойкоте мы именно с попытки анализа этого опыта и начнем.

I.

Крупнейшим опытом нашей революции в применении бойкота был, несомненно, бойкот Булыгинской Думы. Этот бойкот увенчался, кроме того, самым полным и самым непосредственным успехом. Поэтому нашей первой задачей должен быть разбор исторических условий бойкота Булыгинской Думы.

Два обстоятельства сразу выдвигаются, при рассмотрении этого вопроса, на первый план. Во-первых, бойкот Булыгинской Думы был борьбой против перехода (хотя бы временного) нашей революции на путь монархической конституции. Во-вторых, этот бойкот происходил в обстановке самого широкого, всеобщего, сильного, быстрого революционного подъема.

Остановимся на первом обстоятельстве. Всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против возникновения или, говоря несколько шире, против реализации данного учреждения. Поэтому тот, кто, подобно Плеханову и многим другим меньшевикам, боролся против бойкота общими рассуждениями о необходимости для марксиста использовать представительные учреждения, обнаруживал этим только смешное доктринерство. Рассуждать так, значило обходить посредством пережевывания бесспорных истин сущность спорного вопроса. Бесспорно, что мар-

4) что правительство воспользуется участием народных масс в думских выборах, чтобы придать эту участь значение народной санкции государственного переворота,—IV делегатский съезд всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию постановляет: 1) отказаться от каких бы то ни было сношений с Думой третьего созыва и ее органами; 2) не принимать в качестве организации ни прямо, ни косвенно участия в выборах; 3) распространять в качестве организации тот взгляд на третью Гос. Думу и выборы в нее, который выражен в настоящей резолюции“.

ксист должен использовать представительные учреждения. Вытекает ли отсюда, что марксист не может стоять при известных условиях за борьбу не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь? Нет, не вытекает, ибо это общее рассуждение относится только к тем случаям, когда для борьбы против возникновения подобного учреждения нет места. Спорность же вопроса о бойкоте в том и состоит, есть ли место для борьбы против самого возникновения подобных учреждений. Плеханов и К^о своими доводами против бойкота обнаруживали непонимание самой постановки вопроса.

Далее. Если всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь, то бойкот Булыгинской Думы, кроме того, был борьбой против введения в жизнь целой системы учреждений монархически-конституционного типа. 1905 год показал с очевидностью, что есть на-лицо возможность непосредственной массовой борьбы в виде всеобщих стачек (стаечная волна после 9-го января) и военных восстаний («Потемкин» ¹⁶²)). Непосредственная революционная борьба масс была, следовательно, фактом. С другой стороны, фактом был и закон 6-го августа ¹⁶³), пытавшийся перевести движение с революционного (в самом непосредственном и узком значении слова) пути на путь монархической конституции. Объективно неизбежна была борьба между тем и другим путем: между путем непосредственной революционной борьбы масс и путем монархической конституции. Предстоял, так сказать, выбор пути ближайшего развития революции, при чем решала этот выбор, конечно, не воля тех или иных групп, а сила революционных и контр-революционных классов. Силу же можно было измерить и испытать только в борьбе. Лозунг бойкота Булыгинской Думы и был лозунгом борьбы за путь непосредственно-революционной борьбы против пути конституционно-монархического. И на последнем пути, конечно, возможна была борьба и не только возможна, но и неизбежна. И на почве монархической конституции возможно продолжение революции и подготовка нового подъема ее; и на почве монархической конституции возможна и обязательна борьба революционной социал-демократии,—эта азбучная истина, которую с таким усердием и так некстати доказывали в 1905 г. Аксельрод и Плеханов, остается истиной. Но исторически поставленный тогда вопрос был не тот: «не на тему» рассуждали Аксельрод или Плеханов, или, другими словами, они заменяли вопрос, исторически поставленный на разрешение борющихся сил, вопросом, взятым из последнего издания немецкого социал-демократического учебника. Историче-

ски неизбежно предстояла борьба за выбор пути для борьбы в ближайшем будущем. Старая ли власть созывает первое в России представительное учреждение и таким образом на известное время (может быть, на очень короткое, может быть, на сравнительно продолжительное время) переведет революцию на монархически-конституционный путь, или народ прямым натиском сметет,—на худой конец: пошатнет,—старую власть, лишит ее возможности перевести революцию на монархически-конституционный путь и обеспечит (опять-таки на более или менее продолжительное время) путь непосредственной революционной борьбы масс? Вот какой вопрос, не замеченный в свое время Аксельродом и Плехановым, исторически встал осенью 1905 года перед революционными классами России. Проповедь активного бойкота с.-д-тией и была формой постановки этого вопроса, формой сознательной постановки его партией пролетариата, лозунгом борьбы за выбор пути для борьбы.

Проповедники активного бойкота, большевики, верно поняли объективно поставленный историей вопрос. Октябрьско-декабрьская борьба 1905 года была действительно борьбой за выбор пути для борьбы. Борьба эта шла с переменным счастьем: сначала осилил революционный народ, вырвал у старой власти возможность немедленно перевести революцию на монархически-конституционные рельсы, создал на место представительных учреждений полицейски-либерального типа представительные же учреждения чисто революционного типа, Советы Рабочих Депутатов и т. д. Октябрьско-декабрьский период был периодом максимальной свободы, максимальной самостоятельности масс, максимальной широты и быстроты рабочего движения на почве, очищенной натиском народа от монархически-конституционных учреждений, законов и зацепок, на почве «междувластья», когда старая власть была уже обессилена, а новая революционная власть народа (Советы Рабочих, Крестьянских, Солдатских Депутатов и проч.) еще не достаточно сильна для полной замены старой власти. Декабрьская борьба решила вопрос в иную сторону: старая власть победила, отбив натиск народа, удержав за собой позицию. Но, само собой разумеется, эту победу не было еще тогда оснований считать решительной победой. Декабрьское восстание 1905 года имело свое продолжение в виде целого ряда разрозненных и частичных военных восстаний и стачек лета 1906 года. Лозунг бойкота Виттевской Думы был лозунгом борьбы за сосредоточение и обобщение этих восстаний.

Итак, первый вывод, который вытекает из рассмотрения опы-

та русской революции с бойкотом булыгинской Думы, состоит в том, что объективной подкладкой бойкота была, поставленная историей на очередь дня, борьба за форму ближайшего пути развития, борьба за то, старой ли власти или новой, самочинной народной власти, достанется созыв первого в России представительного собрания, борьба за непосредственно-революционный путь или (на известное время) за путь монархической конституции.

В связи с этим стоит часто всплывавший в литературе и постоянно выплывающий при обсуждении разбираемой темы вопрос о простоте, ясности и «прямолинейности» лозунга бойкота, а также вопрос о прямом и зигзагообразном пути развития. Непосредственное свержение или, на худой конец, расслабление и обессиление старой власти, непосредственное создание народом новых органов власти,—все это, несомненно, самый прямой путь, самый выгодный для народа, но зато требующий и наибольшей силы. При подавляющем перевесе силы можно победить и прямой фронтальной атакой. При недостатке сил могут потребоваться и обходные пути, выжидания, зигзаги, отступления и т. д., и т. п. Путь монархической конституции несколько не исключает еще, конечно, революции, элементы каковой этот путь тоже подготавливает и развивает косвенным образом, но это путь более длинный, зигзагообразный.

Через всю меньшевистскую литературу, особенно 1905 года (до октября), красной нитью проходит обвинение большевиков в «прямолинейности», назидании по их адресу насчет того, что надо считаться с зигзагообразным путем, которым идет история. Эта черта меньшевистской литературы есть тоже образчик рассуждения о том, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море,—рассуждения, засоряющего разжевыванием бесспорного суть того, что спорно. Что история обыкновенно идет зигзагообразным путем, и что марксист должен уметь считаться с самыми запутанными и причудливыми зигзагами истории,—это бесспорно. Но эта бесспорная жвачка несколько не относится к вопросу о том, как быть марксисту, когда та же самая история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути. В такие моменты или в такие периоды, когда это бывает, отделяться рассуждениями об обычной зигзагообразности истории,—значит именно превращаться в человека в футляре и углубляться в созерцание той истины, что лошади кушают овес. А революционные периоды являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил

решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время. Необходимость считаться с зигзагообразным путем несколько не устраняет того, что марксисты должны уметь разъяснять массам в решающие моменты их истории предпочтительность прямого пути, должны уметь помогать массам в борьбе за выбор прямого пути, давать лозунги такой борьбы и так далее. И только безнадежные филистеры и совсем тупые педанты могли бы после окончания решительных исторических битв, определивших зигзагообразный путь, вместо прямого, хихикать над тем, 'кто до конца боролся за прямой путь. Это было бы похоже на хихиканье немецких казенно-полицейских историков вроде Трейчке над революционными лозунгами и революционной прямолинейностью Маркса в 1848 году.

Отношение марксизма к зигзагообразному пути истории сходно, по существу дела, с отношением их к компромиссам. Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс, компромисс между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого. Марксизм не зарекается от компромиссов, марксизм считает необходимым использование их, но это несколько не исключает того, что марксизм в качестве 'живой и действующей исторической силы со всей энергией борется против компромиссов. Кто не умеет усвоить себе этого, якобы, противоречия, тот не знает азбуки марксизма.

Энгельс однажды выразил чрезвычайно наглядно, ясно и кратко отношение марксизма к компромиссам, именно в статье о манифесте бланкистов—беглецов Коммуны (1873 г.)^{*)}. Бланкисты, беглецы Коммуны, писали в своем манифесте, что они не допускают никаких компромиссов. Энгельс посмеялся над этим манифестом. Не в том дело,—сказал он,—чтобы зарекаться от использования компромиссов, на которые осуждают нас обстоятельства (или к которым принуждают нас обстоятельства: я должен извиниться перед читателем, что должен цитировать на память, не имея возможности справиться с текстом). Дело в том, чтобы ясно сознавать истинные революционные цели пролетариата и уметь преследовать их через все и всякие обстоятельства, зигзаги и компромиссы.

Только с этой точки зрения можно оценивать простоту, пря-

^{*)} Статья эта вошл в немецкий сборник «Internationales aus dem Volksstaat». Рус. перевод: «Стать из «Volksstaat» изд. «Знания».

моту и ясность бойкота, как апеллирующего к массам лозунга. Все указанные качества этого лозунга хороши не сами по себе, а лишь постольку, поскольку в объективной ситуации, к которой этот лозунг применяется, есть на-лицо условия борьбы за выбор прямого или зигзагообразного пути развития. В эпоху Булыгинской Думы этот лозунг был верным и единственно-революционным лозунгом рабочей партии не потому, что он был самый простой, прямой и ясный, а потому, что исторические условия поставили тогда перед рабочей партией задачу участия в борьбе за простой и прямой революционный путь против зигзагообразного пути монархической конституции.

Спрашивается, в чем же критерий того, что были тогда на-лицо эти особые исторические условия? В чем главный признак той особенности в объективном положении дел, которая делала простой, прямой и ясный лозунг не фразой, а единственно соответствующим действительной борьбе лозунгом? К этому вопросу мы теперь и перейдем

II.

Когда смотришь назад, на борьбу уже оконченную (по крайней мере, законченную в ее прямой и непосредственной форме), тогда нет ничего легче, разумеется, как учесть общий итог из различных, противоречащих друг другу, признаков и симптомов эпохи. Исход борьбы решает все сразу и очень просто устраняет всякие сомнения. Но нам нужно теперь определить такие признаки явления, которые могли бы помочь разобраться в положении дел до борьбы, ибо мы хотим применить уроки исторического опыта к III Думе. Мы указали уже выше, что условием успеха бойкота в 1905 г. был самый широкий, всеобщий, сильный и быстрый, революционный подъем. Надо рассмотреть теперь, во-первых, в какой связи стоит особенно сильный подъем борьбы с бойкотом, а, во-вторых, каковы характерные черты и отличительные признаки особенно сильного подъема.

Бойкот, как мы уже сказали, есть борьба не на почве данного учреждения, а против его возникновения. Всякое данное учреждение может исходить только от существующей уже, т.-е. старой власти. Значит, бойкот есть такое средство борьбы, которое направлено непосредственно на свержение старой власти или, в худшем случае, т.-е. при недостатке натиска для свержения,—на такое ослабление ее, чтобы она не могла обеспечить создания этого

учреждения, не могла провести его в жизнь *). Бойкот требует, следовательно, для своего успеха, непосредственной борьбы со старой властью, восстания против нее и массового неповиновения ей в целом ряде случаев (такое массовое неповиновение есть одно из условий, подготавливающих восстание). Бойкот есть отказ признавать старую власть и, конечно, отказ не на словах, а на деле, т.-е. проявляющийся не в возгласах только или лозунгах организаций, а в известном движении масс народа, систематически нарушающих законы старой власти, систематически создающих новые, противозаконные, но фактически существующие учреждения и т. д., и т. д. Связь бойкота с широким революционным подъемом, таким образом, очевидна: бойкот есть самое решительное средство борьбы, отвергающее не формы организации данного учреждения, а самое его существование. Бойкот есть объявление войны старой власти, прямая атака на нее. Вне широкого революционного подъема вне массового возбуждения, повсюду переливающегося, так сказать, через края старой легальности, не может быть и речи об успехе бойкота.

Переходя к вопросу о характере и признаках подъема осенью 1905 года, мы легко увидим, что тогда происходило массовое и непрерывное наступление революции, систематически нападавшей, теснившей врага. Репрессии не принижали, а расширяли движение. За 9-м января пошла гигантская стачечная волна, баррикады в Лодзи, восстание «Потемкина». В области печати, в области союза, в области учебной, повсюду легальные рамки, старой властью установленные, нарушались систематически и нарушались, вовсе не «революционерами» только, а обывателями, ибо старая власть действительно была ослаблена, действительно выпускала из дряхлеющих рук вожжи. Особенно рельефным и безошибочным (с точки зрения революционных организаций) показателем силы подъема было то, что лозунги революционеров не только не оставались без отклика, а прямо отставали от жизни. И 9-е января, и массовые стачки после него, и «Потемкин»,—все эти явления опережали непосредственные призывы революционеров. Такого призыва с их стороны, который бы массы встретили пассивно, молчанием, отказом от борьбы, не было

*) Речь идет везде в тексте об активном бойкоте, т.-е. не о простом отстранении от участия в предприятиях старой власти, а о натиске на эту власть. Читателям, незнакомым с с.-д. литературой эпохи бойкота Булыгинской Думы, надо напомнить, что с.-д. прямо говорили тогда об активном бойкоте, решительно противопоставляя его пассивному бойкоту, даже более того: решительно связывая активный бойкот с вооруженным восстанием.

в 1905 году. Бойкот в такой обстановке являлся естественным пополнением заряженной электричеством атмосферы. Этот лозунг ничего не «выдумывал» тогда, он только формулировал точно и верно идущий вперед и вперед, идущий к прямому натиску подъем. В положении «выдумывающих» были, напротив, наши меньшевики, которые, отстраняясь от революционного подъема, увлекались пустым обещанием царя в виде манифеста или закона 6 августа и брали в серьез обещанный поворот на конституционно-монархические рельсы. Меньшевики (и Парвус) строили тогда свою тактику не на факте самого широкого, сильного и быстрого революционного подъема, а на обещании царем конституционно-монархического поворота! Неудивительно, что подобная тактика оказалась смешным и жалким оппортунизмом. Неудивительно, что во всех меньшевистских рассуждениях о бойкоте заботливо выкидывается теперь анализ бойкота Булыгинской Думы, т.-е. самого крупного опыта бойкота в революции. Но мало признать эту, едва ли не крупнейшую, ошибку меньшевиков в революционной тактике. Надо дать себе ясный отчет в том, что источником этой ошибки было непонимание объективного положения вещей, делавшего революционный подъем действительностью, а конституционно-монархический поворот пустым полицейским посулом. Не потому оказались меньшевики не правы, что они отнеслись к вопросу без субъективной революционности настроения, а потому, что эти горе-революционеры отстали в своих идеях от объективно-революционной ситуации. Ту и другую причину ошибки меньшевиков легко смешать, но марксисту смешивать их непозволительно.

III.

Связь бойкота с особыми историческими условиями известного периода русской революции должна быть рассмотрена еще с одной стороны. Каково было политическое содержание бойкотистской с.-д. кампании осенью 1905 и весной 1906 г.? Содержание этой кампании не состояло, конечно, в повторении слова бойкот или в призыве не участвовать в выборах. Это содержание не исчерпывалось и призывами к прямому натиску, игнорирующему предлагаемые самодержавием обходные и зигзагообразные пути. Кроме того, и даже не рядом с указанной темой, а скорее в центре всей бойкотистской агитации стояла борьба с конституционными иллюзиями. Эта борьба была, поистине, живой

душой бойкота. Припомните речи бойкотистов и всю их агитацию, взгляните на главнейшие резолюции бойкотистов, и вы убедитесь в правильности такого положения.

Меньшевикам никогда не дано было понять эту сторону бойкота. Им всегда казалось, что борьба с конституционными иллюзиями в эпоху зарождающегося конституционализма есть нелепость, бессмыслица, «анархизм». И в речах на Стокгольмском съезде, особенно—помнится—в речах Плеханова, эта точка зрения меньшевиков выражена ярко, не говоря уже о меньшевистской литературе.

На первый взгляд, позиция меньшевиков в этом вопросе действительно может показаться столь же непререкаемой, как позиция человека, самодовольно поучающего своих ближних, что лошади кушают овес. В эпоху нарождающегося конституционализма провозглашать 'борьбу' с конституционными иллюзиями! Разве это не 'анархизм'? Разве это не сапоги в смятку?

Опошление вопроса, производимое при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл в таких рассуждениях, основывается на том, что обходят молчанием особый период русской революции, забывают о бойкоте Булыгинской Думы, подменяют конкретные ступени пройденного нашей революцией пути общим обозначением всей, прошлой и будущей, нашей революции в целом, как революции, порождающей конституционализм. Это—образчик нарушения методов диалектического материализма людьми, которые, подобно Плеханову, с наибольшим пафосом об этом методе говорили.

Да, наша буржуазная революция, в целом, как и всякая буржуазная революция, есть в конце концов процесс создания конституционного строя, и ничего более. Это—истина. Это—полезная истина для разоблачения quasi-социалистических аллюров той или иной буржуазно-демократической программы, теории, тактики и т. п. Но сумеете ли вы извлечь пользу из этой истины в вопросе о том, к какому конституционализму должна вести рабочая партия страну в эпоху буржуазной революции? в вопросе о том, как именно должна бороться рабочая партия за определенный (и именно республиканский) конституционализм в известные периоды революции? Нет. Излюбленная Аксельродом и Плехановым истина так же мало просветит вас на счет этих вопросов, как мало убеждения в том, что лошади кушают овес, для выбора подходящей лошади и уменья на ней ездить.

Борьба с конституционными иллюзиями,—говорили большевики в 1905 и в начале 1906 г., должна стать лозунгом момен-

та, ибо именно в данный период объективное положение вещей ставит на решение борющихся общественных сил вопрос о том, восторжествует ли на ближайший период прямой путь непосредственной революционной борьбы и непосредственно революцией созданных представительных учреждений на основе полного демократизма или обходный, зигзагообразный путь монархической конституции и полицейски-«конституционных» (в кавычках!) учреждений типа «Думы».

Действительно ли объективное положение вещей выдвигало этот вопрос, или его «выдумывали» из теоретического разорства большевики? На этот вопрос ответила уже теперь история русской революции.

Октябрьская борьба 1905 года и была борьбой против поворота революции на монархически-конституционные рельсы. Октябрьско-декабрьский период и был периодом осуществления конституционализма пролетарского, истинно демократического, широкого, смелого, свободного, действительно выражавшего волю народа, в отличие от лже-конституционализма Дубасовской и Столыпинской конституции. Революционная борьба во имя действительно демократического (т.-е. существующего на почве, совершенно очищенной от старой власти и всех связанных с нею мерзостей) конституционализма требовала самой решительной борьбы против приманки народа полицейски-монархической конституцией. Этой нехитрой вещи и не могли никак понять социал-демократические противники бойкота.

Теперь перед нами две полюсы в развитии русской революции выступают с полнейшей ясностью. Полоса подъема (1905 год) и полоса упадка (1906—1907 годы). Полоса максимального расцвета народной самостоятельности, свободных и широких организаций всех классов населения, максимальной свободы печати, максимального игнорирования народом старой власти, ее учреждений и велений, и все это при отсутствии всякого бюрократически-признанного и в формальных уставах или положениях выраженного конституционализма. А затем полоса наименьшего развития и неуклонного упадка народной самостоятельности, организованности, свободной печати и т. д. при существовании Дубасовыми и Столыпиными сочиняемой, Дубасовыми и Столыпиными признаваемой, Дубасовыми и Столыпиными охраняемой, прости господи, «конституции».

Теперь, когда назад все так хорошо, просто и ясно видно, не найдется даже, пожалуй, ни одного педанта, который бы решился отрицать законность и необходимость революционной

борьбы пролетариата против поворота событий на конституционно-монархические рельсы, законность и необходимость борьбы против конституционных иллюзий.

Теперь не найдется, наверное, ни одного сколько-нибудь путного историка, который бы не разделил хода русской революции с 1905 по осень 1907 года именно на эти два периода: период «анти-конституционного» (если позволено будет мне так выразиться) подъема и период «конституционного» упадка, период завоевания и осуществления народом свободы без полицейского (монархического) конституционализма и период угнетения и подавления народной свободы посредством монархической «конституции».

Теперь период конституционных иллюзий, период первой и второй Думы, обрисовался перед нами вполне, и понять значение тогдашней борьбы революционных с.-д. против конституционных иллюзий уже не трудно. Но тогда, в 1905 и в начале 1906 года, этого не понимали ни либералы в буржуазном лагере, ни меньшевики—в пролетарском.

А период I-й и II-й Думы был во всех смыслах и во всех отношениях периодом конституционных иллюзий. Торжественное обещание: «никакой закон да не приемлет силы без одобрения Гос. Думы», не было нарушено в этот период. Значит, конституция на бумаге существовала и непрестанно умиляла все холопские души российских кадетов. И Дубасов, и Столыпин испытывали на деле, примеряли, пробовали в этот период российскую конституцию, стараясь подладить и приспособить ее к старому самодержавию. Они были, казалось, самыми могущественными людьми этой эпохи, г.г. Дубасов и Столыпин, они всемерно трудились над превращением «иллюзий» в действительность. Иллюзия оказалась иллюзией. Правильность лозунга революционной социал-демократии всецело подтверждена историей. Но не только Дубасовы и Столыпины пробовали осуществить «конституцию», не только кадетские холопы восхваляли ее и лакейски распинаясь (à la г. Родичев в первой Думе), доказывая, что монарх безответственен и что дерзостно было бы считать его ответственным за погромы. Нет. И широкие народные массы, несомненно, верили еще в большей или меньшей степени в «конституцию» в течение этого периода, верили в Думу, вопреки предубеждениям социал-демократии.

Можно сказать, что период конституционных иллюзий в русской революции был таким же периодом общенационального увлечения буржуазным фетишем, как увлекаются иногда целые нации западной Европы фетишем буржуазного национализма, антисеми-

тизма, шовинизма и т. п. И заслугой социал-демократии является то, что она одна не поддалась буржуазному обморочению, она одна в эпоху конституционных иллюзий держала все время развернутым знамя борьбы с конституционными иллюзиями.

Почему же, спрашивается теперь, бойкот явился специфическим средством борьбы против конституционных иллюзий?

В бойкоте есть одна черта, которая сразу и на первый взгляд невольно отталкивает от него всякого марксиста. Бойкот выборов есть отстранение от парламентаризма, есть нечто такое, что не может не казаться пассивным отказом, воздержанием, уклонением. Так смотрел учившийся по немецким только образцам Парвус, когда он столь же сердито, сколько неудачно бушевал осенью 1905 года, пытаясь доказать, что активный бойкот все же есть плохая вещь, аки бойкот... Так смотрит и до сих пор ничему не научившийся от революции и все более превращающийся в либерала Мартов, доказывающий своей последней статьей в «Говарище» неумение даже поставить вопрос, как приличествует революционному социал-демократу.

Но эта, наиболее антипатичная, так сказать, для марксистов черта бойкота находит себе полное объяснение в особенностях той эпохи, которая породила такое средство борьбы. Первая монархическая Дума, Булыгинская Дума, была приманкой, должествующей отвлечь народ от революции. Приманка была чучелом, одетым в костюм конституционализма. Все и вся склонно было пойти на удочку. Кто из корыстных классовых интересов, кто по недомыслию склонен был ухватиться за чучело Булыгинское и потом за чучело Виттевской Думы. Все увлекались, все искренне верили. Участие в выборах не было будничным, простым выполнением обычных гражданских обязанностей. Оно было инаугурированием монархической конституции. Оно было поворотом от непосредственно-революционного пути к монархически-конституционному.

Социал-демократия должна была в такое время развернуть свое знамя протеста и предупреждения со всей энергией, со всей демонстративностью. А это и значило отказаться от участия, не идти самим и отзывать народ, бросать клич натиска на старую власть вместо работы на почве учреждения, создаваемого этой властью. Всенародное увлечение буржуазно-полицейским фетишем «конституционной» монархии требовало от социал-демократии, как партии пролетариата, такого же всенародного «оказательства» ее протестующих и разоблачающих этот фетиш взглядов, требова-

лю борьбы из всех сил против осуществления учреждений, воплощавших в себе этот фетишизм.

Вот в чем полное историческое оправдание не только бойкота Булыгинской Думы, увенчавшегося непосредственным успехом, но и бойкота Виттевской Думы, который, по видимому, окончился неудачно. Теперь видно, почему это была лишь кажущаяся неудача, почему должна была с.-д-тия до конца отстоять свой протест против конституционно-монархического поворота нашей революции. Поворот этот на деле оказался поворотом в тупик. Иллюзии монархической конституции оказались только прелюдией или вывеской, украшением, отводом глаз для подготовки отмены этой «конституции» старою властью...

Мы сказали, что с.-д-тия должна была до конца отстоять свой протест против подавления свободы посредством «конституции». Что значит это «до конца»? Это значит: до тех пор, пока учреждение, против которого с.-д. боролись, не стало фактом вопреки с.-д.,—пока тот монархически-конституционный поворот русской революции, который неминуемо означал (на известное время) упадок революции, поражение революции, не оказался фактом вопреки с.-д. Период конституционных иллюзий был попыткой компромисса. Мы боролись и должны были бороться из всех сил против него. Нам пришлось идти во II-ю Думу, нам пришлось считаться с компромиссом, раз обстоятельства павязали его нам против нашей воли, вопреки нашим усилиям, ценой поражения нашей борьбы. На какое время считаться,—это, разумеется, вопрос иной.

Какой же вывод вытекает из всего этого по отношению к бойкоту III-й Думы? Может быть, тот, что бойкот, необходимый в начале периода конституционных иллюзий, необходим и в конце этого периода? Это было бы «игрой ума» в духе «аналогической социологии», а не серьезным выводом. Того содержания, которое имел бойкот в начале русской революции, теперь уже не может быть в бойкоте. Ни предупреждать народ против конституционных иллюзий, ни бороться против поворота революции на конституционно-монархический тупик теперь нельзя. Прежней живой души в бойкоте быть не может. Если и будет бойкот, то он получит во всяком случае иное значение, он будет заполнен во всяком случае иным политическим содержанием.

Мало того. Рассмотренная нами историческая своеобразность бойкота дает нам одно соображение против бойкота III-й Думы. В эпоху начала конституционного поворота внимание всей нации неизбежно устремлялось на Думу. Бойкотом мы боролись и

должны были бороться против этого устремления внимания по направлению к тупику, бороться против увлечения, которое было результатом темноты, неразвитости, слабости или корыстной контрреволюционности. Теперь ни о каком не только общенациональном, но даже вообще сколько-нибудь широком увлечении Думой вообще или III-й Думой не может быть и речи. В бойкоте нет надобности с этой стороны.

IV.

Итак, условий применимости бойкота надо искать, несомненно, в объективном положении вещей данного момента. Сравнивая с этой точки зрения осень 1907 и осень 1905 года, нельзя не прийти к выводу, что мы не имеем оснований провозглашать с е й ч а с бойкот. И с точки зрения соотношения между прямым революционным путем и конституционно-монархическим «зигзагом», и с точки зрения массового подъема, и с точки зрения специфической задачи борьбы с конституционными иллюзиями современное положение вещей самым резким образом отличается от того, которое было два года тому назад.

Тогда монархически-конституционный поворот истории был не более, как полицейским посулом. Теперь этот поворот—факт. Было бы смешной боязнью правды нежелание прямо признать этот факт. И было бы ошибкой выводить из признания этого факта признание того, что русская революция закончена. Нет. Для этого последнего вывода еще нет данных. Марксист обязан бороться за прямой революционный путь развития, когда такая борьба предписывается объективным положением вещей, но это, повторяем, не значит, чтобы мы не должны были считаться с определившимся уже фактически зигзагообразным поворотом. С этой стороны ход русской революции определился уже вполне. В начале революции мы видим линию короткого, но необыкновенно широкого и головокружительно-быстрого подъема. Затем перед нами линия чрезвычайно медленного, но неуклонного упадка, начиная с декабрьского восстания 1905 года. Сначала период непосредственной революционной борьбы масс, затем период монархически-конституционного поворота.

Значит ли это, что этот последний поворот есть окончательный поворот? Что закончилась революция и наступил «конституционный» период? Что нет оснований ни ожидать нового подъема, ни готовить таковой? Что надо выкинуть за борт республиканский характер нашей программы?

Ничего подобного. Такие выводы способны делать лишь либеральные пошляки, вроде наших кадетов, готовых оправдывать холопство и низкопоклонство первыми попавшимися доводами. Нет. Это значило только, что, защищая целиком всю нашу программу и все наши революционные взгляды, мы должны непосредственные призывы сообразовать с объективным положением вещей данного момента. Проповедуя неизбежность революции, готовя систематически и неуклонно накопление горючего материала во всех отношениях, заботливо оберегая в этих целях и культивируя, очищая от либеральных паразитов революционные традиции лучшей эпохи нашей революции, мы, вместе с тем, не отказываемся работать по-будничному на будничном монархически-конституционном повороте. Только и всего. Готовить новый широкий подъем мы должны, но соваться, не спросясь броду, с лозунгом бойкота нет никаких оснований.

Бойкот, как мы уже говорили, может иметь в России в данное время какой-нибудь смысл лишь как активный бойкот. Это означает не пассивное отстранение от участия в выборах, а игнорирование выборов ради задачи прямого натиска. Бойкот в этом смысле неизбежно равняется призыву к самому энергичному и решительному наступлению. Есть ли в данную минуту налицо такой широкий и общий подъем, без которого подобный призыв не имеет смысла? Конечно, нет.

Вообще, что касается «призывов», то разница в этом отношении между теперешним положением вещей и осенью 1905 года особенно ярка. Тогда, как мы уже указывали, за целый предшествующий год не бывало призывов, которые бы масса встречала молчанием. Энергия массового наступления шла впереди призывов организаций. Теперь мы стоим в периоде такой паузы революции, когда целый ряд призывов систематически оказывался не встречающим отклика в массах. Так было с призывом смести Виттевскую Думу (начало 1906 года), с призывом к восстанию после разгона первой Думы (лето 1906 года), с призывом к борьбе в ответ на разгон второй Думы и государственный переворот 3 июня 1907 года. Возьмите листок нашего Ц. К. по поводу этих последних актов. Вы найдете в этом листке прямой призыв к борьбе в той форме, которая возможна по местным условиям (демонстрации, стачки, открытая борьба с вооруженной силой абсолютизма). Это был призыв словесный. Военные восстания июня 1907 года в Киеве и в Черноморском флоте были призывами посредством действия. Ни тот, ни другой призыв не встретил никакого массового отклика. Если самые яркие и непосред-

ственные проявления реакционного натиска на революцию,—разгоны двух Дум и государственный переворот—не вызвали подъема в данное время, то где основания для немедленного повторения призыва в форме провозглашения бойкота? Не ясно ли, что объективное положение вещей таково, что «провозглашение» рискует оказаться при этом пустым выкриком? Когда борьба идет, ширится, растет, надвигается отовсюду,—тогда «провозглашение» закономерно и необходимо, тогда дать боевой клич есть обязанность революционного пролетариата. Но ни выдумать этой борьбы, ни вызвать ее одним только кличем нельзя. И когда целый ряд боевых призывов, испытанных нами по поводам, более непосредственным, оказались безрезультатны, — мы естественно должны искать серьезных оснований для «провозглашения» лозунга, бессмысленного вне условий осуществимости боевых призывов.

Кто хочет убедить социал-демократический пролетариат в правильности лозунга бойкота, тот не должен дать себя увлечь одним только звуком слов, в свое время сыгравших великую и славную революционную роль. Тот должен вдуматься в объективные условия применимости подобного лозунга и понять, что бросать его значит уже предполагать косвенно наличие условий широкого, общего, сильного, быстрого, революционного подъема. Но в такие эпохи, как переживаемая нами, в эпохи временной паузы революции, такое условие ни в каком случае нельзя косвенно предполагать. Его надо прямо и отчетливо сознать и выяснить себе самому и всему рабочему классу. Иначе рискуешь попасть в положение человека, который употребляет большие слова, не сознавая настоящего значения их или не решаясь прямо и без обиняков назвать вещи своим именем.

V

Бойкот принадлежит к одной из лучших революционных традиций самого богатого событиями, самого героического периода русской революции. Мы сказали выше, что одна из наших задач—заботливо оберегать эти традиции вообще, культивировать их, очищать от либеральных (и оппортунистических) паразитов. Необходимо остановиться несколько на разборе этой задачи, чтобы правильно определить ее содержание и устранить легко возможные перетолкования и недоразумения.

Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции

с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,—а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами. Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базисе обновленных производственных отношений. И, в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не отклонения от «нормального» пути, не проявления «социальной болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ. В деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи, оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты. Идейные вожди либерализма, вроде Зомбарта, не даром ненавидят от всей души эту черту в деятельности и в литературных произведениях Маркса, относят ее на счет «озлобленности эмигранта». Ведь это так под стать клопам полицейски-буржуазной университетской науки—сводить к личной озлобленности, к личным тягостям эмигрантского положения то, что является у Маркса и Энгельса самой неразрывной составной частью всего их революционного мирозерцания!

В одном из своих писем, кажется, к Кугельману, Маркс бросает мимоходом одну, в высшей степени характерное и особенно интересное с точки зрения занимающего нас вопроса замечание. Он замечает, что реакции удалось в Германии почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848 года. Здесь рельефно сопоставляются задачи реакции и задачи партии пролетариата в отношении к революционным

традициям данной страны. Задача реакции—вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия»—Струвенский перевод немецкого «das tolle Jahr» («безумный год»—выражение немецких полицейски-буржуазных историков, даже шире: немецкой профессорски-университетской историографии о 1848 годе). Задача реакции—заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха. Как тулые хвалители английского мещанства, Уэббы, стараются представить чартизм, революционную эпоху английского рабочего движения, простым ребячеством, «грехом молодости», наивничанием, не заслуживающим серьезного внимания, случайным и ненормальным уклонением, так и немецкие буржуазные историки третируют 1848 год в Германии. Таково же отношение реакции к Великой Французской Революции, которая доказывает до сих пор жизнеспособность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть. Так и наши герои контрреволюции, особенно из вчерашних «демократов» вроде Струве, Милюкова, Кизеветтера и «tutti quanti» соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции. Не прошло и двух лет: с тех пор, как непосредственная массовая борьба пролетариата завоевала ту частичку свободы, которой восхищаются либеральные холопы старой власти,—а в нашей публицистической литературе создалось уже громадное течение, называющее себя либеральным (!!), культивируемое в кадетской печати и посвященное сплошь тому, чтобы представлять нашу революцию, революционные способы борьбы, революционные лозунги, революционные традиции, как нечто низменное, элементарное, наивное, стихийное, безумное и т. д... вплоть до преступного... от Милюкова до Камышанского ¹⁶⁴) il n'y a qu'un pas! Наоборот, успехи реакции, загнавшей народ сначала из Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов в Дубасовски-Столыпинские Думы, а теперь загоняющей его в октябристскую Думу, эти успехи рисуются героям русского либерализма, как «процесс роста конституционного сознания в России».

На русскую с.-д-тию, несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений, неуклонное разоб-

лачение всей низости тех самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами „конституционного“ низкопоклонства, предательства и молчалинства. Один день октябрьской стачки или декабрьского восстания во сто раз больше значил и значит в истории борьбы за свободу, чем месяцы лакейских речей кадетов в Думе о безответственном монархе и монархически-конституционном строе. Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее, чем те месяцы „конституционного“ удушья и Балалайкинско-Молчалинского преуспеяния, о которых при благосклонном попустительстве Столыпина и его цензурно-жандармской свиты благовестят так усердно органы нашей партийно-либеральной и беспартийно-„демократической“ (тьфу! тьфу!) печати.

Нет сомнения, симпатии к бойкоту вызываются у многих именно этим достойным всякого уважения стремлением революционеров поддержать традицию лучшего революционного прошлого, оживить безотрадное болото современных серых будней огнем смелой, открытой, решительной борьбы. Но именно потому, что нам дорого бережное отношение к революционным традициям, мы должны решительно протестовать против того взгляда, будто применением одного из лозунгов особой исторической эпохи можно содействовать возрождению существенных условий этой эпохи. Одно дело — хранение традиций революции, умение использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое — дело повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным.

Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, требовал в то же время умения мыслить от революционеров, умения анализировать условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов. „Национальные“ традиции 1792 года во Франции останутся, может быть, навсегда образцом известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 году в знаменитом „Адресе“ Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи.

Так и у нас. Изучить условия применения бойкота мы должны, внедрить в массы ту идею, что бойкот является вполне законным и необходимым иногда приемом в моменты революционного подъема (что бы ни говорили педанты, всеу приемляющие имя Маркса), мы должны. Но есть ли на-лицо этот подъем, это основное условие провозглашения бойкота, — этот вопрос надо уметь поставить самостоятельно и решить его на основании серьезного разбора данных. Наш долг — готовить наступление такого подъема, поскольку это в наших силах, и не зарекаться от бойкота в соответствующий момент, но считать лозунг бойкота вообще применимым ко всякому худому или очень худому представительному учреждению было бы безусловной ошибкой.

Возьмите ту мотивировку, которой защищался и доказывался бойкот в «дни свободы», и вы сразу увидите невозможность простого перенесения таких доводов в условия теперешнего положения вещей.

Участие в выборах принижает настроение, сдает позицию неприятелю, сбивает с толку революционный народ, облегчает соглашение царизма с контр-революционной буржуазией и т. п., говорили мы, отстаивая бойкот в 1905 и в начале 1906 года. Какова основная предпосылка этих доводов, не всегда высказывавшаяся, но всегда подразумеваемая, как нечто по тем временам само собою разумеющееся? Эта предпосылка — богатая революционная энергия масс, ищущая и находящая себе непосредственные выходы помимо всяких «конституционных» каналов. Эта предпосылка — бесперывное наступление революции на реакцию, которое преступно было ослаблять занятием и обороной позиции, намеренно предоставляемой неприятелем с целью ослабить общий натиск. Попробуйте повторить эти доводы вне условий этой основной предпосылки, — и вы сразу почувствуете фальшь во всей своей «музыке», неверность основного тона.

Безнадежна также была бы попытка оправдать бойкот различием второй и третьей Думы. Считать серьезной и коренной разницу между кадетами (во второй Думе окончательно предававшими народ в руки черной сотне) и октябристами, придавать сколько-нибудь реальное значение пресловутой «конституции», порванной государственным переворотом 3-го июня, — все это вообще соответствует гораздо больше духу вульгарного демократизма, чем духу революционной социал-демократии. Мы всегда говорили, твердили, повторяли, что «конституция» I-й и II-й Думы есть только призрак, что болтовня кадетов только отвод глаз

для прикрытия их октябристской сущности, что Дума—совершенно негодное средство для удовлетворения требований пролетариата и крестьянства. Для нас 3-е июня 1907 года—естественный и неизбежный результат декабрьского поражения в 1905 году. Никогда не были мы «очарованы» прелестями «думской» конституции, не может нас и разочаровать особенно переход от реакции, подкрашенной и Родичевской фразой, политикой, к реакции голой, открытой, грубой. Может быть, даже последняя—гораздо лучшее средство для отрезвления всяких хамствующих либеральных дурачков или сбитых ими с толку групп населения...

Сравните меньшевистскую, Стокгольмскую, и большевистскую, Лондонскую, резолюцию о Гос. Думе. Вы увидите, что первая—напыщенна, фразиста, полна громких слов о значении Думы, надута сознанием величия Думской работы. Вторая—проста, суха, трезва, скромна. Первая резолюция проникнута духом мещанского торжества по поводу венчания социал-демократии с конституционализмом («новой властью из недр народа» и проч., и проч. в духе той же казенной фальши). Вторая может быть пересказана примерно так: ежели проклятая контр-революция загнала нас в этот проклятый хлеб, будем и там работать на пользу революции, не хныкая, но и не хвастаясь.

Защищая Думу от бойкота еще в период непосредственной революционной борьбы, меньшевики, так сказать, ангажировались перед народом насчет того, что Дума будет чем-то вроде орудия революции. И они преторжественно провалились с этим ангажементом. Мы же, большевики, если чем ангажировали, то только уверениями, что Дума—исчадие контр-революции, и добра от нее сколько-нибудь серьезного ждать нельзя. Наша точка зрения подтверждалась до сих пор великолепно, и можно ручаться, что ее еще подтвердят дальнейшие события. Без «исправления» и повторения на основании новых данных октябрьско-декабрьской стратегии не бывать на Руси свободе.

Поэтому, когда мне говорят: III-ю Думу нельзя использовать, как вторую, нельзя объяснить массам необходимости участвовать в ней, то мне хочется ответить: если под «использованием» разуметь нечто меньшевистски-велеречивое, вроде орудия революции и т. п., тогда, конечно, нельзя. Но ведь и первые две Думы оказались на деле только ступеньками к октябристской Думе, и все же мы их использовали для той простой и скромной *) цели (пропаганда

*) Сравни „Пролетарий“ (Женевский) 1905 г., статью о бойкоте Булыгинской Думы 168 с указанием на то, что мы не зарекаемся от использования ее возможности, но теперь решаем иную, поставленную перед нами задачу: задачу борьбы за непосред-

и агитация, критика и разъяснение массам происходящего), для которой мы сумеем всегда использовать самые скверные представительные учреждения. Речь в Думе никакой революции не вызовет, и пропаганда в связи с Думой никакими особыми качествами не отличается, но пользы от того и от другого с.-д.-тия получит не меньше, а иногда и побольше, чем от инд. напечатанной или произнесенной в другом собрании речи.

И объяснять массам наше участие в октябристской Думе мы должны так же просто. Вследствие поражения в декабре 1905 г. и неудачи попыток 1906—1907 годов «исправить» это поражение, реакция неизбежно загоняла нас и постоянно будет дальше загонять в худшие и худшие quasi-конституционные учреждения. Мы будем отстаивать всегда и везде наши убеждения и проводить наши взгляды, повторяя всегда, что пока держится старая власть, пока она не вырвана с корнем, добра ждать нечего. Будем готовить условия нового подъема, а до его наступления и для наступления надо упорнее работать, не бросая лозунгов, имеющих смысл только в условиях подъема.

Неверно также было бы смотреть на бойкот, как на линию тактики, противопоставляющую пролетариат и часть революционной буржуазной демократии либерализму совместно с реакцией. Бойкот, это—не линия тактики, а особое средство борьбы, годное при особых условиях. Смешивать большевизм с «бойкотизмом»—такая же ошибка, как смешивать его с «боевизмом». Различие линии тактики у меньшевиков и большевиков вполне уже выяснилось и отлилось в принципиально различные резолюции весной 1905 года во время большевистского III съезда в Лондоне и меньшевистской конференции в Женеве. Ни о бойкоте, ни о «боевизме» тогда не было и не могло быть речи. И на выборах во вторую Думу, когда мы не были бойкотистами, и во II Думе наша линия тактики отличалась самым решительным образом от меньшевистской, как известно всем и каждому. Линии тактики расходятся при всех приемах и средствах борьбы, на каждом поприще борьбы, отнюдь не создавая каких-то специальных, той или иной линии свойственных способов борьбы. И если бы бойкот III Думы оправдывался или вызывался крахом революционных ожиданий от первой или второй Думы, крахом «законной», «сильной», «прочной» и «истинной» конституции, то это было бы меньшевизмом худшего сорта.

ственно революционный путь. Сравни также „Пролетарий“ (русский 1906-го года № 1, статью: „О бойкоте“, ¹⁶⁶) где подчеркивается скромный размер приносимой думскою работою пользы.

VI.

Мы отложили на конец рассмотрение наиболее сильных и единственно марксистских доводов за бойкот. Активный бойкот не имеет смысла вне широкого революционного подъема. Пусть так. Но широкий подъем развивается из неширокого. Признаки некоторого подъема есть на-лицо. Лозунг бойкота должен быть выставлен нами, ибо этот лозунг поддерживает, развивает и расширяет начинающийся подъем.

Такова, по моему мнению, основная аргументация, определяющая собой, в более или менее ясной форме, склонность к бойкоту в с.-д. кругах. И при этом товарищи, ближе всего стоящие к непосредственно-пролетарской работе, исходят не из „построенной“ по известному типу аргументации, а из некоторой суммы впечатлений, получаемых ими от соприкосновения с рабочей массой.

Один из немногих вопросов, по которым нет или не было до сих пор, кажется, разногласий между двумя фракциями с.-д., это— вопрос о причине длительной паузы в развитии нашей революции. „Пролетариат не оправился“,— такова эта причина. И действительно, октябрьско-декабрьская борьба почти целиком легла на один пролетариат. За всю нацию систематически, организованно, непрерывно боролся один только пролетариат. Не удивительно, что в стране с наименьшим (по европейскому масштабу) процентом пролетарского населения пролетариат должен был оказаться неимоверно истощенным такой борьбой. К тому же объединенные силы правительственной и буржуазной реакции обрушились после декабря и обрушивались с тех пор непрерывно именно на пролетариат. Полицейские преследования и казни децимировали пролетариат в течение полутора года, а систематические локауты, начиная с „карательного“ закрытия казенных заводов и кончая заговорами капиталистов против рабочих, доводили нужду рабочих масс до невиданных размеров. И вот теперь, говорят некоторые с.-д. работники, среди масс замечаются признаки подъема настроения, накопления сил у пролетариата. Это не вполне определенное и не вполне уловимое впечатление дополняется более сильным доводом: в некоторых отраслях промышленности констатируется несомненное оживление дел. Увеличенный спрос на рабочих неминуемо должен усилить стачечное движение. Рабочие должны будут попытаться возместить хоть часть тех огромных потерь, которые они понесли в эпоху репрессий и локаутов. Наконец, третий и наиболее сильный довод состоит в

указании не на проблематическое и вообще ожидаемое стачечное движение, а на одну крупнейшую, назначенную уже рабочими организациями, стачку. Представители 10.000 текстильных рабочих еще в начале 1907 г. обсуждали свое положение и намечали шаги по усилению профессиональных союзов этой отрасли промышленности. Второй раз собрались уже представители 20.000 рабочих и постановили объявить в июле 1907 г. всеобщую забастовку текстильных рабочих. Движение это может охватить непосредственно до 400.000 рабочих. Исходит оно из Московской области, т.-е. из самого крупного центра рабочего движения в России и из самого крупного торгово-промышленного центра. Именно в Москве и только в Москве массовое рабочее движение может получить всего скорее характер широкого народного движения, имеющего решающее политическое значение. А текстильные рабочие из общей рабочей массы представляют из себя элемент наихуже оплачиваемый, наименее развитой, слабее всего участвовавший в предыдущих движениях, теснее всего связанный с крестьянством. Инициатива таких рабочих может указывать на то, что движение будет охватывать несравненно более широкие слои пролетариата, чем прежде. Связь же стачечного движения с революционным подъемом в массах продемонстрирована уже неоднократно в истории русской революции.

Прямой обязанностью с.-д.-тии является сосредоточение громадного внимания и экстренных усилий именно на этом движении. Работа именно в этой области должна получить безусловно первенствующее значение по сравнению с выборами в октябристскую Думу. В массы должно быть внедрено убеждение в необходимости превратить это стачечное движение в общий и широкий натиск на самодержавие. Лозунг бойкота и означает перенесение внимания с Думы на непосредственную массовую борьбу. Лозунг бойкота и означает пропитывание нового движения политическим и революционным содержанием.

Таков приблизительно ход мысли, приводящий некоторых с.-д. к убеждению о необходимости бойкотировать III-ю Думу. Это—аргументация за бойкот, несомненно, марксистская и не имеющая ничего общего с голым повторением лозунга, вырванного из связи особых исторических условий.

Но, как ни сильна эта аргументация, она все же таки, по моему мнению, недостаточна еще для того, чтобы заставить нас сейчас же принять лозунг бойкота. Эта аргументация подчеркивает то, что и вообще не должно бы подлежать сомнению для русского социал-демократа, думавшего над уроками, преподанными

нашей революцией, именно: что мы не можем зарекаться от бойкота, что мы должны быть готовы выдвинуть этот лозунг в подходящий момент, что наша постановка вопроса о бойкоте не имеет ничего общего с либеральной, филистерски-убогой и лишенной всякого революционного содержания постановкой вопроса: уклоняться или не уклоняться? *).

Примем за доказанное и вполне соответствующее действительности все то, что говорят сторонники бойкота из с.-д. об изменении в настроении рабочих, о промышленном оживлении и об июльской забастовке текстильщиков.

Что вытекает из всего этого? Перед нами начало некоторого частного подъема, имеющего революционное значение **:). Обязаны ли мы приложить все усилия, чтобы поддержать и развить его, стремясь превратить в общий революционный подъем, а затем и в движение наступательного типа? Безусловно. Среди социал-демократов (кроме разве сотрудничающих в «Товарище») об этом не может быть двух мнений. Но нужен ли в данную минуту, в начале этого частного подъема, до его окончательного перехода в общий, нужен ли лозунг бойкота для развития движения? Способен ли этот лозунг содействовать развитию современного движения? Это вопрос иной, и на этот вопрос, по моему мнению, придется ответить отрицательно.

Развивать общий подъем из частного можно и должно прямыми и непосредственными доводами и лозунгами, без отношения к III Думе. Весь ход событий после декабря — одно сплошное подтверждение с.-д. взгляда на роль монархической конституции, на необходимость непосредственной борьбы. Граждане! будем говорить мы. Если вы не хотите, чтобы дело демократии в России так же неуклонно и все быстрее и быстрее шло под гору, как шло оно после декабря 1905 года, во время гегемонии над демократическим движением господ кадетов, если вы не хотите этого,—поддержите начинающийся подъем рабо-

*) См. в „Товарище“ образец либеральных рассуждений у бывшего сотрудника с.-д. изданий, нынешнего сотрудника либеральных газет, Л. Мартова.

**) Есть мнение, что текстильная забастовка является движением нового типа, обособляющим профессиональное движение от революционного. Но мы проходим мимо этого взгляда, во-1-х, потому, что толковать все симптомы явлений сложного типа в пессимистическую сторону есть прием вообще опасного свойства, часто сбивавший с толка многих, несомненно „твердых в седле“ социал-демократов. Во-2-х, если бы в текстильной забастовке были отмеченные черты, то мы, с.-д., несомненно должны бы были самым энергичным образом бороться против них. В случае успеха нашей борьбы вопрос стоял бы, следовательно, именно так, как мы его и ставим.

чего движения, поддержите непосредственную массовую борьбу. Вне ее нет и не может быть гарантий свободы на Руси.

Агитация этого типа будет, несомненно, вполне последовательной революционно-социал-демократической агитацией. Обязательно ли добавлять к ней: не верьте, граждане, в III-ю Думу и смотрите на нас, с.-д., бойкотирующих ее в доказательство нашего протеста!

Подобное добавление по условиям переживаемого времени не только не необходимо, но звучит даже странно, звучит почти как пасмешка. Да в III-ю Думу и без того никто не верит, т.-е. в слоях населения, способных питать демократическое движение, нет и быть не может того увлечения конституционным учреждением III-ей Думы, как было, несомненно, широкое увлечение I-ой Думой, первыми попытками создания на Руси каких бы то ни было, только конституционных учреждений.

Центром тяжести внимания широких кругов населения в 1905 и в начале 1906 г. было первое представительное учреждение, хотя бы на основе монархической конституции. Это факт. Против этого должны были с.-д. бороться и демонстрировать самым наглядным образом.

Теперь не то. Не увлечение первым «парламентом» составляет характерную черту момента, не вера в Думу, а неверие в подъем.

При таких условиях, выдвигая преждевременно лозунг бойкота, мы нисколько не усиливаем движения, не парализуем действительных помех этому движению. Мало того: мы рискуем даже этим ослабить силу нашей агитации, ибо бойкот есть лозунг, сопутствующий уже определившемуся подъему, а вся беда теперь в том, что широкие круги населения в подъем не верят, силы его не видят.

Надо сначала позаботиться о том, чтобы на деле была доказана сила этого подъема, а потом мы успеем всегда двинуть лозунг, косвенно выражающий эту силу. Да и то еще вопрос: нужен ли будет для революционного движения наступательного характера особый лозунг, отвлекающий внимание от... III-ей Думы. Возможно, что нет. Для того, чтобы пройти мимо чего-либо важного и действительно способного увлечь неопытную и невидывавшую еще парламентов толпу, необходимо, может быть, бойкотировать то, мимо чего пройти надо. Но для того, чтобы пройти мимо учреждения, совершенно неспособного увлечь современную демократическую или полудемократическую толпу, не обязательно провозглашать бойкот. Не

в бойкоте теперь суть, а в прямых и непосредственных усилиях превратить частный подъем в общий, профессиональное движение в революционное, оборону от локаутов в наступление на реакцию.

VII.

Резюмируем. Лозунг бойкота порожден особым историческим периодом. В 1905 и в начале 1906 года объективное положение вещей ставило на решение борющихся общественных сил вопрос о выборе ближайшего пути: непосредственно-революционный путь или монархически-конституционный поворот. Содержанием бойкотистской агитации при этом была главным образом борьба с конституционными иллюзиями. Условием успеха бойкота был широкий, общий, быстрый и сильный революционный подъем.

Во всех этих отношениях положение вещей к осени 1907 года вовсе не вызывает необходимости в таком лозунге и не оправдывает его.

Продолжая свою будничную работу по подготовке выборов и не отказываясь заранее от участия в самых реакционных представительных учреждениях, мы должны всю свою пропаганду и агитацию направить на выяснение народу связи между поражением в декабре и всем последующим упадком свободы и поруганием конституции. Мы должны внедрить в массы твердое убеждение в том, что без непосредственной массовой борьбы такое поругание неизбежно будет продолжаться и усиливаться.

Не зарекаясь от применения лозунга бойкота в моменты подъема, когда могла бы возникнуть серьезная надобность в таком лозунге, мы в настоящее время должны направить все усилия на то, чтобы путем прямого и непосредственного воздействия стремиться превратить тот или иной подъем рабочего движения в движение общее, широкое, революционное и наступательное по отношению к реакции в целом, по отношению к ее устоям.

*Сборник „За и против бойкота“
СПБ. 1907 г.*

Август.

Заметки публициста.

После разгона второй Думы преобладающей чертой политической литературы стало уныние, покаяние, ренегатство. Начиная с г. Струве, продолжая «Товарищем», кончая рядом писателей, примыкающих к с.-д. — мы видим отречение от революции, ее традиций, ее приемов борьбы, стремление приладиться так или иначе поправее. Для характеристики того, как говорят и пишут теперь некоторые социал-демократы, мы возьмем первые попавшиеся их произведения в текущей периодической печати: статью г. Неведомского в № 7 «Образования» и г. Вл. Горна в № 348 «Товарища».

Г. М. Неведомский начинает свою статью самой резкой критикой кадетов во второй Думе, самой решительной защитой лево-блокистской тактики и поведения с.-д. Кончает же он статью так:

«Говоря в изъяснительном наклонении, я скажу, что для всякого социал-демократа должно быть очевидно — одно: на той стадии политической эволюции, на которой мы находимся, деятельность социалистических партий, в конечном счете, все же лишь пробивает дорогу для партий буржуазных, подготавливает их временное торжество.

«Отсюда вытекает повелительное наклонение такого рода: что бы из себя ни представляла эта «мимитическая» («сейчас брюнет, сейчас блондин») кадетская партия, пока она является единственной оппозиционной партией, приходится с ее деятельностью координировать деятельность социалистическую. Это диктуется принципом экономии сил»... «В общем, говоря без всякой иронии (г. М. Неведомскому пришлось делать такую оговорку, ибо он не может писать без вывертов и выкрутасов, сбивающих с толку и читателей, и самого автора), «эта фраза

Милюкова совершенно верно определяет в существенных чертах взаимоотношение тех и других партий...» (речь идет о следующей фразе Милюкова: «угрозы вмешательством народа можно осуществить лишь тогда, когда это вмешательство предварительно подготовлено,—и на эту подготовку и должна быть направлена работа всех тех, кому собственная власть Думы кажется недостаточной для выполнения ее огромных задач»; пусть левые готовят и создают движение—правильно толкует эту фразу г. Неведомский,—«а г.г. кадеты и Дума эту работу учитывали бы»)... «Может быть, это не лишено цинизма, когда исходит из уст представителя партии учитывающей, но когда подобная постановка вопроса делается Плехановым, например, то это лишь точное и реалистическое определение линии поведения для с.-д.-тии и метода использования ею сил либеральной оппозиции».

Мы готовы допустить, что Плеханов испытывает некоторое чувство... ну, скажем мягко, неловкости, когда подобные господа любезно похлопывают его по плечу. Но своими кадетскими лозунгами, вроде единой платформы с.-д. и к.-д. или бережения Думы, Плеханов несомненно дал право использовать его речи именно таким образом.

Теперь послушайте г. Вл. Горна.

«Ясно, что для того, чтобы одолеть ее» (антидемократическую коалицию землевладельцев и крупных буржуа, создаваемую избирательным законом 3-го июня) «необходимы два условия. Во-первых, всем слоям демократии, не исключая пролетариата, нужно спеться друг с другом, чтобы противопоставить одной коалиции другую, а, во-вторых, вести борьбу не путем придумывания наиболее решительных лозунгов в видах откалывания недостаточно революционных элементов и форсирования движения заведомого революционного меньшинства (курсив г. Горна), а путем реальной конкретной борьбы, втягивающей самые массы, с конкретными же мерами антидемократической коалиции. Для того, чтобы создать демократическую коалицию, не нужно слияния, необходимо лишь соглашение в путях и непосредственных целях борьбы. А эти соглашения—если сознательные представители масс—партии—станут на почву достижения реальных изменений условий социального существования, а не только на агитационную точку зрения,—вполне возможны».

Разве не ясно из этих выписок, что оба наши героя модных кадетских словечек говорят в сущности одно и то же? Г. Горн

только чуточку пооткровеннее и чуточку больше обнажился, но его отличие от г. Неведомского ничуть не больше, чем отличие г. Струве от г. Набокова или от г. Маклакова.

Политика имеет свою внутреннюю логику. Сколько раз указывали на то, что между с.-д. и либералами возможны соглашения технические, несколько не ведущие к политическому блоку, от которого отрекались всегда и все партийные социал-демократы (о непартийных или таких, которые ведут двойную игру, говоря в партии одно, а в «вольной», беспартийной газете, другое, мы здесь не говорим). И жизнь неизменно разбивала эти красивые построения и добрые пожелания, ибо из-за прикрытия «технических» соглашений неуклонно пробивали себе дорогу идеи политического блока. В мелко-буржуазной стране, в период буржуазной революции, при обилии мелко-буржуазных интеллигентов в рабочей партии, тенденция к политическому подчинению пролетариата либералам имеет самые реальные корни. И эта тенденция, коренящаяся в объективном положении вещей, оказывается действительным содержанием всякого квази-социалистического политиканства на тему о коалициях с к.-д. Г. Горн, с наивностью интеллигента, у которого только словечки социал-демократические, а все помыслы, вся идейная подоплека, все «нутро», — чисто либеральные или мещанские. Г. Горн проповедует прямо-таки политический блок, «демократическую коалицию», не больше и не меньше.

В высшей степени характерно, что г. Горну пришлось делать оговорку: «не нужно «слияния»! Делая эту оговорку, он выдал только этим остатки нечистой социалистической совести. Ибо, говоря: «не нужно «слияния, а лишь соглашение», он тут же, невступно, дал такое описание этого «соглашения», такое определение его содержания, которое с полнейшей ясностью обнаруживает его социал-демократическое ренегатство. Не в словечке ведь дело, не в названии вещи «слиянием» или «соглашением». Дело в том, каково реальное содержание этого «соединения». Дело в том, за какую цену предлагаете вы Социал-Демократической Рабочей Партии стать содержанкой либерализма.

Цена определена ясно.

- 1) Покинуть агитационную точку зрения.
- 2) Отказаться от «придумывания» решительных лозунгов.
- 3) Перестать откалывать недостаточно революционные элементы.

4) Отказаться от «форсирования» движения заведомого революционного меньшинства.

Я готов был бы дать премию тому, кто сумел бы составить более ясную и более точную программу самого полного и самого гнусного ренегатства. От г-на Струве г. Горн отличается только тем, что г. Струве ясно видит свой путь и до известной степени «самостоятельно» определяет свои шаги. Господина же Горна просто ведут на поводу его кадетские пестуны.

— Покинуть агитационную точку зрения—этому все время учили народ кадеты во второй Думе. Это значит не развивать создание и требовательность рабочих масс и крестьянства, а принижать то и другое, тушить, гасить, проповедывать социальный мир.

— Не придумывать решительных лозунгов—значит, отказаться, как и сделали кадеты, от проповеди тех лозунгов, которые выставили с.-д. еще задолго до революции.

— Не откалывать недостаточно революционных элементов—значит, отказаться от всякой критики перед массами кадетского лицемерия, лжи и реакционности, значит, обниматься с господином Струве.

— Не форсировать движения заведомого революционного меньшинства,—значит, по существу дела, отказаться от революционных приемов борьбы. Ибо совершенно неоспоримо, что в революционных выступлениях на всем протяжении 1905-го года участвовало заведомое революционное меньшинство: именно потому, что боролись хотя и массы, но все же массы, бывшие в меньшинстве, именно поэтому полного успеха в борьбе они и не имели. Но все те успехи, каких только вообще достигло освободительное движение в России, все те завоевания, которые оно вообще сделало,—все это целиком и без исключения завоевано только этой борьбой масс, бывших в меньшинстве. Это, во-первых. А, во-вторых, то, что либералы и их подголоски называют «форсированными движениями», было единственным движением, в котором массы (хотя на первый раз, к сожалению, и в меньшинстве) участвовали самостоятельно, а не через заместителей,—единственным движением, которое не боялось народа, которое выражало интересы масс, которому сочувствовали (это доказали выборы в первую и, особенно, во вторую Думу) гигантские, не участвовавшие непосредственно в революционной борьбе, массы.

Говоря о «форсировании движения заведомого революционного меньшинства», господин Горн совершает одну из самых рас-

пространенных, чисто буренинских, передержек. Когда газета Буренина ¹⁶⁷⁾ воевала с Алексинским в эпоху второй Думы, она всегда представляла дело так, что ее вражда к Алексинскому вызывается не бсрьбой его за политическую свободу, а тем, что Алексинский хочет свободы... бить стекла, лазить на фонари и т. п. Именно такую же черносотенную подготовку делает и публицист „Товарища“. Он старается представить дело так, что соглашению социалистов с либералами мешает вовсе не то, что социалисты всегда стоят и будут стоять за развитие революционного сознания и революционной активности масс вообще, а только то, что социалисты форсируют, т.-е. подхватывают, искусственно взвинчивают движение, что они разжигают движения, заведомо безнадежные.

На эти выходки мы ответим коротко. Вся социалистическая печать и в эпоху первой и в эпоху второй Думы, и меньшевистская и большевистская, осуждала всякое „форсирование“ движения... не за форсирование движения воюют кадеты с эсдеками и в первой, и во II Думе, а за то, что с.-д. развивают революционное сознание и требовательность масс, разоблачают реакционность кадетов и мираж конституционных иллюзий. Этих общеизвестных исторических фактов нельзя обойти никакой газетной эквилибристикой. Что касается формы выступления г-на Горна, то она до-нельзя характерна для нашего времени, когда „образованное общество“, отрекаясь от революции, хватается за порнографию. Субъект, считающий себя социал-демократом, отправляется в беспартийную газету, чтобы перед широкой публикой говорить нововременские речи на счет „форсирования“ рабочей партией движения „заведомого“ меньшинства! Ренегатские настроения создают у нас и ренегатские нравы.

* * *

Подойдем теперь к вопросу с другой стороны. Взгляды господ Неведомских и Горнов, которые возбуждают такое отвращение, когда эти взгляды преподносят якобы социал-демократы,—являются, несомненно, высокотипичными и естественными взглядами широких кругов нашей буржуазной интеллигенции, либеральничающего „общества“, фрондирующих чиновников и т. п. Эти взгляды недостаточно характеризовать, как выражение политически-бесхарактерной, дряблой и неустойчивой мел-

кой буржуазии. Их надо, кроме того, объяснить с точки зрения данного положения вещей в развитии нашей революции.

Почему именно теперь, перед III Думой, известные круги мещанства порождают такие взгляды? Потому, что эти круги, покорно меняя свои убеждения вслед за каждым поворотом правительственной политики, верят в октябристскую Думу, т.-е. считают выполнимой ее миссию, и спешат приладиться к „октябристским реформам“, спешат идейно обосновать и оправдать свое приспособление к октябризму.

Миссия октябристской Думы, по замыслу правительства, состоит в том, чтобы завершить революцию прямой сделкой старой власти с помещиками и крупнейшей буржуазией на основе известного минимума конституционных реформ. Говоря абстрактно, в этом нет ничего абсолютно невозможного, ибо на западе Европы ряд буржуазных революций завершается упрочением „октябристских“ конституционных порядков. Вопрос только в том возможны ли в современной России октябристские „реформы“, способные остановить революцию? Не осуждены ли октябристские „реформы“, в силу глубины нашей революции, на такой же крах, как и кадетские „реформы“. Не будет ли октябристская Дума столь же кратким эпизодом, как Думы кадетские,— эпизодом на пути к восстановлению господства черносотенцев и самодержавия?

Мы пережили период непосредственной революционной борьбы масс (1905 год), давшей некоторые завоевания свободы. Мы пережили затем период остановки этой борьбы (1906 и половина 1907 года). Этот период дал ряд побед реакции и ни одной победы революции, потяравшей завоевания первого периода. Второй период был периодом кадетским, периодом конституционных иллюзий. Массы верили еще более или менее в „парламентаризм“ при самодержавии, и самодержавие, понимая опасность чистого господства черносотенцев, пыталось столкнуться с кадетами, делало опыты, примиряло разного типа конституционные костюмы, испытывало, какую меру реформы способны принять „хозяева“ России, господа крупнейшие помещики. Опыт кадетской конституции кончился крахом, несмотря на то, что кадеты вели себя во второй Думе совершенно по-октябристски, не только не нападали на правительство, не возбуждали против него масс, но и систематически успокаивали массы, борясь с „левыми“, т.-е. с партиями пролетариата и крестьянства, поддерживали прямо и решительно данное правительство (бюджет и т. д.). Опыт кадетской конституции не удал-

ся, одним словом, не потому, что у кадетов или у правительства не было доброго желания, а потому, что объективные противоречия русской революции оказывались слишком глубоки. Эти противоречия оказались настолько глубоки, что кадетского мостика через пропасть перебросить оказалось невозможно. Опыт показал, что даже при полном подавлении на данное время массовой борьбы, при полном самоуправстве старой власти в подтасовке выборов и т. д., крестьянские массы (а в буржуазной революции исход зависит больше всего от крестьянства) предъявили такие требования, которые никакое дипломатическое искусство кадетских посредников не в состоянии приспособить к господству привилегированных помещиков. Если г. Струве злобствует теперь против трудовиков (не говоря уже о с.-д.), если «Речь» ведет целый поход против них, то это не случайность и не простая досада буржуазного адвоката, услуги которого отвергнуты мужиком. Это—неизбежный политический шаг в эволюции кадетов: не удалось помирить помещиков с трудовиками,—значит (для буржуазной интеллигенции вывод может быть только такой), значит, надо не более широкие массы поднять на борьбу против помещиков, а понизить требования трудовиков, еще уступить помещикам, «отбросить революционные утопии», как говорит Струве и «Речь», или отбросить придушивание решительных лозунгов и форсирование движения, как говорит новый слуга кадетов, г. Горн.

Правительство приспособляется к помещикам тем, что отдает выборы всецело в их руки, лишает фактически избирательных прав крестьянство. Кадеты приспособляются к помещикам тем, что громят трудовиков за революционность и уступчивость. Беспартийные политиканы, вроде сотрудников «Товарища» вообще, и г. Горна в особенности, приспособляются к помещикам тем, что зовут пролетариат и крестьянство «согласовать» («координировать» у г. Неведомского) свою политику с кадетской, войти в «демократическую коалицию» с кадетами, отречься от «решительных лозунгов» и проч. и т. п.

Правительство действует систематически. Шаг за шагом отбирает оно то, что завоевано «форсированным движением» и что осталось без защиты при затишье этого движения. Шаг за шагом пробует оно, на какие «реформы» можно бы было пригласить господ помещиков. Не смогли этого сделать кадеты? Не смогли в силу помех со стороны левых, вопреки искреннему желанию и потугам самих кадетов? Значит, надо обкарнать изби-

рательные права «левых» и отдать решение в руки октябристов: только в случае неудачи и этого опыта придется целиком отдаться во власть «совету объединенного дворянства».

В действиях правительства есть смысл, система, логика. Это—логика классовых интересов помещика. Надо отстоять эти интересы и надо оберегать как-никак буржуазное развитие России.

Для осуществления этих планов правительства нужно насильственное подавление интересов и движения масс, отнятие у них избирательных прав, отдача их на расправу 130 тысячам. Удастся ли осуществить эти планы,—этого вопроса никто не решит теперь. Этот вопрос решит только борьба. Мы, с.-д., решаем этот вопрос своей борьбой. И кадеты решают этот вопрос борьбой... против левых. Кадеты борются за правительственное решение этого вопроса: они делали это систематически во второй Думе на арене парламентской. Они делают это систематически и теперь своей идейной борьбой против с.-д. и против трудовиков.

Конечно, для рядового русского интеллигента, как и для всякого полуобразованного мещанина, это звучит парадоксом; кадеты, называющие себя демократами, говорящие либеральные речи, борются за правительственное решение вопроса! Это—явная несообразность! Демократы—значит, вали их в «демократическую коалицию»! Ведь это такой ясный вывод для политических простачков, которых даже два года русской революции не научили искать в борьбе разных классов истинной подкладки и правительственных мероприятий и либеральных слововизвержений. И сколько у нас «марксистов» из интеллигентского лагеря, исповедующих принцип классовой борьбы, а на деле чисто по-либеральному рассуждающих и о кадетях, и о роли Думы, и о бойкоте! И сколько еще кадетских голосований за бюджет понадобятся для этих политических простофилей, чтобы переварить давно уже знакомое Европе явление: либерал, ораторствующий против правительства и во всяком серьезном вопросе поддерживающий правительство.

Смена второй Думы третьей Думой есть смена кадета, действующего по-октябристски, октябристом, действующим при помощи кадета. Во второй Думе главенствовала партия буржуазных интеллигентов, которые за счет народа называли себя демократами и за счет буржуазии поддерживали правительство. В третьей Думе должна главенствовать партия помещиков и крупных буржуа, нанимающих себе для показной оппозиции и для деловых услуг буржуазную интеллигенцию. Эта нехитрая вещь до-

казана всем политическим поведением партии к.-д. и второй Думой в особенности. Эту нехитрую вещь начал понимать теперь даже обыватель: мы сошлемся на такого свидетеля, как г. Жилкин¹⁶⁸), которого смешно было бы заподозрить в симпатии к большевизму или в предвзятой и непримиримой вражде к к.-д.

В сегодняшнем (№ 351) «Товарища» г. Жилкин так передает впечатления «бодрого» (sic! «бодрость» понимает г. Жилкин примерно так же, как Горн или Неведомский) провинциала: «Помещики из октябристов, с которыми я разговаривал, рассуждают так: «кадетов можно выбирать. Они чем хороши? Уступчивы. В I-й Думе запросили много. Во II-й—уступили. Даже в программе урезки сделали. Ну, в III-ей еще уступят. Глядишь, до чего-нибудь и доторгуются. А потом, если уже по чистой правде говорить, некого нам из октябристов проводить.

«...Пускай уж кадеты проводят. Разница между нами не так уж велика. Поправеют и они в III-ей Думе... С октябристами по нужде дружбу ведем... Где у них ораторы или крупные люди?»

Кто судит о партиях по их названиям, программам, посулам и речам, или кто удовлетворяется аляповатым, бернштейнизированным «марксизмом», состоящим в повторении истины о поддержке буржуазной демократии в буржуазной революции,— тот может питать надежды насчет демократической коалиции левых и к.-д. при III-ей Думе. Но у кого есть хоть капля революционного чутья и вдумчивого отношения к урокам нашей революции или кто действительно руководится принципом классовой борьбы и судит о партиях по их классовому характеру,— тот несколько не удивится тому, что партия буржуазной интеллигенции годна лишь на лакейские услуги по отношению к партии крупных буржуа. Господа Горны и Неведомские способны думать, что расхождение кадетов с демократией есть исключение, расхождение их с октябристами есть правило. Дело обстоит как раз наоборот. Кадеты—настоящая родня октябристам по всей их классовой природе. Кадетский демократизм—мишура, временное отражение демократизма масс, или прямой обман, которому поддаются российские бернштейншанцы и мещане, особенно из газеты «Товарищ».

И вот, если вы взглянете на интересующий нас вопрос с этой стороны, если вы поймете действительную историческую роль кадета,—этого буржуазного интеллигента, помогающего помещику удовлетворить мужика нищенской реформой,—тогда для вас откроется вся бездна премудрости господ Горнов и Неведомских,

советующих пролетариату согласовать свои действия с кадетами! Картина октябристских „реформ“, которые нам сулят, вполне ясна. Помещик „устраивает“ мужика и устраивает так, что без карательных экспедиций, без порки крестьян и расстрелов рабочих нельзя заставить население принять реформы. Кадетский профессор чинит оппозицию: он доказывает с точки зрения современной науки права, необходимость конституционного утверждения правил о карательных экспедициях, осуждая чрезмерное усердие полиции. Кадетский адвокат чинит оппозицию, но доказывает, что по закону надо давать по 60, а не по 200 ударов, и что следует ассигновать правительству деньги на розги, поставив условие о соблюдении законности. Кадетский врач готов считать пульс Акомолову и писать исследование о необходимости понижения предельного числа ударов вдвое.

Разве не такова была кадетская оппозиция во второй Думе? И разве не ясно, что за такую оппозицию октябристский помещик не только выберет кадета в Думу, но и согласится платить ему профессорское или иное какое жалованье?

Демократическая коалиция социалистов с кадетами во второй Думе, после второй Думы или при III Думе, означало бы на деле, в силу объективного положения вещей, не что иное, как превращение рабочей партии в слепой и жалкий придаток либералов, как полное предательство социалистами интересов пролетариата и интересов революции. Г.г. Неведомские и Горны, очень может быть, не понимают, что делают. У таких людей очень часто убеждения сидят не глубже, чем на кончике языка. Но по существу их стремления сводятся к тому, чтобы покончить с самостоятельной партией рабочего класса, покончить с социал-демократией. Социал-демократия, понимающая свои задачи, должна покончить с такими господами. У нас слишком односторонне, к сожалению, понимают до сих пор категорию буржуазной революции. У нас упускают, напр., из виду, что эта революция должна показать пролетариату — и только она может впервые показать пролетариату, какова на деле буржуазия данной страны, накопившие национальные особенности буржуазии и мелкой буржуазии в данной национальной буржуазной революции. Настоящее, окончательное и массовое обособление пролетариата в класс, противопоставление его всем буржуазным партиям может произойти только тогда, когда история своей страны покажет пролетариату весь облик буржуазии, как класс, как политического целого, — весь облик мещанства, как слоя, как известной идейной и политической величины, обнаруживавшей себя в та-

ких-то открытых широко-политических действиях. Мы должны неустанно разъяснять пролетариату теоретические истины, касающиеся сущности классовых интересов буржуазии и мелкой буржуазии в капиталистическом обществе. Но эти истины войдут в плоть и кровь действительно широких пролетарских масс лишь тогда, когда эти классы будут видеть, осязать поведение партий того или иного класса,—когда к ясному сознанию их классовой природы прибавится непосредственная реакция пролетарской психики на все обличье буржуазных партий. Нигде в мире, может быть, буржуазия не проявила в буржуазной революции такого реакционного зверства, такого тесного союза со старой властью, такой «свободы», от чего-нибудь хоть отдаленно похожего на искренние симпатии к культуре, к прогрессу, к охране человеческого достоинства, как у нас,—пусть же наш пролетариат вынесет из русской буржуазной революции тройную ненависть к буржуазии и решимость к борьбе против нее. Нигде в мире, вероятно, мелкая буржуазия—начиная от «народных социалистов» и трудовиков и кончая затесавшимися в социал-демократию интеллигентами—не проявляла такой трусости и бесхарактерности в борьбе, такого подлого разгула ренегатских настроений, такой угодливости по отношению к героям буржуазной моды или реакционного насилия,—пусть же наш пролетариат вынесет из нашей буржуазной революции тройное презрение к мелко-буржуазной дряблости и неустойчивости. Как бы ни шла дальше наша революция, какие бы тяжелые времена ни приходилось подчас переживать пролетариату,—эта ненависть и это презрение сплотят его ряды, очистят его от негодных выходцев из чужих классов, увеличат его силы, закалят его для нанесения тех ударов, с которыми он обрушится в свое время на все буржуазное общество.

Сборник „Голос Жизни“
СПБ. 1907 г.

Написано
22 августа 1907 г.

Сентябрь.

Предисловие к сборнику: „За 12 лет“.

Предлагаемый читателю сборник статей и брошюр охватывает период с 1895 по 1905 год. Темой соединяемых здесь вместе литературных произведений являются программные, тактические и организационные вопросы русской социал-демократии. Вопросы эти ставятся и разрабатываются все время в борьбе против правого крыла марксистского течения в России.

Сначала эта борьба идет в области чисто теоретической, против главного представителя нашего легального марксизма 90-х годов, г-на Струве. Конец 1894 и начало 1895 годов были периодом крутого поворота в нашей легальной публицистике. Впервые пробрался в нее марксизм, представленный не только заграничными деятелями «Группы Освобождения Труда»¹⁶⁹), но и русскими социал-демократами. Оживление в литературе и горячие споры марксистов со старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский¹⁷⁰) в передовой литературе, было преддверием подъема массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896 года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения,—этого самого могучего фактора всей нашей революции.

Условия тогдашней литературы заставляли социал-демократов говорить эзоповским языком и ограничиваться самыми общими положениями, наиболее далекими от практики и политики. Это обстоятельство особенно облегчило союз разнородных элементов марксизма в борьбе с народничеством. Наряду с заграничными и русскими социал-демократами эту борьбу вели такие люди, как г.г. Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п. Это

были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму.

Теперь история русской революции вообще, история кадетской партии в частности, эволюция г-на Струве (почти до октябризма) в особенности, сделали эту истину самоочевидной, превратили ее в ходячую разменную монету публицистики. Тогда, в 1894—1895 годах, эту истину приходилось доказывать на основании небольших, сравнительно, уклонений того или иного писателя от марксизма, тогда эту монету приходилось только еще чеканить. И поэтому свою, направленную против г. Струве работу (статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» за подписью К. Тулин в сожженном цензурой сборнике: «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России», Спб. 1895 г. ¹⁷¹) я перепечатаваю теперь целиком в тройных целях. Во-первых, поскольку читающая публика ознакомилась с книгой г. Струве и статьями народников против марксистов в 1894—1895 гг., постольку имеет значение и критика точки зрения г. Струве. Во-вторых, предостережение г-ну Струве со стороны революционного социал-демократа, сделанное одновременно с нашими общими выступлениями против народников, имеет значение и для ответа тем, кто неоднократно обвинял нас за союз с подобными господами, и для оценки очень знаменательной политической карьеры г. Струве. В-третьих, старая и во многих отношениях устаревшая полемика со Струве имеет значение поучительного образчика. Образчик этот показывает практически политическую ценность непримиримой теоретической полемики. За излишнюю склонность к такой полемике и с «экономистами», и с бернштейнцами, и с меньшевиками упрекали революционных социал-демократов бесчисленное число раз. И теперь эти упреки самый ходкий товар у «примиренцев» внутри с.-д. партии, у «сочувствующих» полу-социалистов вне ее. У нас очень любят говорить о том, что чрезмерную склонность к полемике и к расколам имеют русские вообще, с.-д. в частности, большевики в особенности. У нас любят также забывать о том, что чрезмерную склонность к перескакиванию от социализма к либерализму порождают условия капиталистических стран вообще, условия буржуазной революции в России в частности, условия жизни и деятельности нашей интеллигенции в особенности. С этой точки зрения очень бесполезно посмотреть на то, что было десять лет тому назад, какие тео-

ретические разногласия со „струвизмом“ намечались уже тогда, из каких небольших (на первый взгляд небольших) расхождений произошло полное политическое размежевание партий и беспощадная борьба в парламенте, в целом ряде органов печати, на народных собраниях и т. д.

Я должен заметить еще по поводу статьи против г. Струве, что в основу ее положен реферат, читанный мною осенью 1894 года в небольшом кружке тогдашних марксистов. От группы с.-д., работавших тогда в Петербурге и создавших, год спустя, Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класа¹⁷³⁾, в этом кружке были Ст., Р.¹⁷³⁾ и я. Из легальных литераторов - марксистов были П. Б. Струве, А. Н. Потресов и К. В. В этом кружке я читал реферат, озаглавленный: „Отражение марксизма в буржуазной литературе“. Как видно из заглавия, полемика со Струве была здесь несравненно более резка и определена (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 г. статье. Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради „союза“ с легальным марксизмом для совместной борьбы против народничества. Что „толчок влево“, данный тогда г-ну Струве петербургскими социал-демократами, не остался совсем безрезультатен, это ясно доказывает статья г-на Струве в сожженном сборнике (1895 г.) и некоторые статьи его в „Новом Слове“¹⁷⁴⁾ (1897 г.).

Кроме того, при чтении статьи 1895 года против г. Струве, необходимо иметь в виду, что во многих отношениях она является конспектом позднейших экономических работ (особенно „Развития капитализма“). Наконец, следует обратить внимание читателей на последние страницы этой статьи, где подчеркиваются положительные, в глазах марксиста, черты и стороны народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции. Это — теоретическая формулировка тех самых положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в „левом блоке“ на выборах во II Думу и в „лево-блокистской“ тактике. Та часть меньшевиков, которая боролась против идеи о революционно-демократической литературе пролетариата и крестьянства и отстаивала абсолютную недопустимость левого блока, изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционных социал-демократов, — традиции, усиленно поддерживавшейся „Зарей“ и старой „Искрой“. Само собою понятно, что условная и ограниченная допустимость „лево-блокистской“ тактики вытекает неизбежно из тех же основных теоретических взглядов марксизма на народничество.

За статьей против Струве (1894—1895 г.г.) идут «Задачи русских социал-демократов», написанные в 1897 г. на основании опыта работы с.-д. в Петербурге в 1895 году. Те взгляды, которые в других статьях и брошюрах настоящего сборника излагаются в виде полемики с правым крылом социал-демократии, в этой брошюре изложены в положительной форме. Различные предисловия к «Задачам» перепечатываются для того, чтобы указать ту связь, которую имела эта работа с различными периодами в развитии нашей партии (напр., предисловие Аксельрода подчеркивает связь брошюры с борьбой против «экономизма», а предисловие 1902 года подчеркивает эволюцию народовольцев и народоправцев).

Статья «Гонители земства и Аннибалы либерализма» была напечатана в заграничной «Заре» в 1901 г.¹⁷⁵). Эта статья ликвидирует, так сказать, социал-демократические сношения со Струве, как политиком. В 1895 году его предостерегали и от него отмежевывались, как от союзника. В 1901 году ему объявляется война, как либералу, неспособному отстаивать сколько-нибудь последовательно даже чисто демократические требования.

В 1895 году, за несколько лет до «бернштейниады» на Западе и до полного разрыва с марксизмом целого ряда «передовых» литераторов в России,—я указывал на то, что г. Струве—марксист ненадежный, от которого социал-демократы должны отгородиться. В 1901 году, за несколько лет до выступления партии к.-д. в русской революции и до политического фиаско этой партии в I-й и во II-й Думах, я указывал именно те черты буржуазного либерализма в России, которые проявились в 1905—1907 годах в массовых политических действиях и выступлениях. Статья «Аннибалы либерализма» критикует ошибочные рассуждения одного либерала, и эта критика оказывается теперь почти целиком применимой к политике крупнейшей либеральной партии в нашей революции. Тем, кто склонен думать, будто мы, большевики, изменили старой социал-демократической политике по отношению к либерализму, когда боролись беспощадно с конституционными иллюзиями и с партией к.-д. в 1905—1907 годах,—этим людям статья «Аннибалы либерализма» покажет их ошибку. Большевики остались верны традициям революционной социал-демократии и не поддались буржуазному угару, который поддерживали либералы в эпоху «конституционного зигзага» и который временно затемнил сознание правого крыла нашей партии.

Следующая брошюра: «Что делать?» вышла за границей в самом начале 1902 года¹⁷⁶). Она посвящена критике правого кры-

Та уже не в литературных течениях, а в социал-демократической организации. В 1898 году состоялся 1-й съезд с.-д.¹⁷⁷⁾ и положено основание Российской С.-Д. Рабочей Партии. Заграничной организацией партии стал заграничный «Союз русских социал-демократов»¹⁷⁸⁾, включавший и «Группу Освобождения Труда». Но центральные учреждения партии были разгромлены полицией и не могли быть восстановлены. Фактически единства партии не было: оно осталось лишь идеей, директивой. Увлечение стачечным движением и экономической борьбой породило тогда особую форму социал-демократического оппортунизма, так наз. «экономизм». Когда группа «Искры» в самом конце 1900 года начала свою деятельность за границей, раскол на этой почве был уже фактом. Плеханов весной 1900 года вышел из заграничного «Союза русских с.-д.» и образовал особую организацию «Социал-Демократа»¹⁷⁹⁾.

«Искра» начала свою работу формально независимо от обеих фракций, по существу—вместе с плехановской группой против «Союза». Попытка слияния (июнь 1901 г., съезд «Союза» и «Социал-Демократа» в Цюрихе) не удалась¹⁸⁰⁾. Брошюра «Что делать?» систематически излагает причины расхождения и характер искровской тактики и организационной деятельности.

Брошюру «Что делать?» часто упоминают теперешние противники большевиков—меньшевики,—а также писатели из буржуазно-либерального лагеря (кадеты, «беззаглавцы» из газеты «Товарищ» и т. п.). Я перепечатаваю поэтому ее с самыми небольшими сокращениями, опуская лишь подробности организационных отношений или мелкие полемические замечания. По существу содержания этой брошюры необходимо обратить внимание современного читателя на следующее.

Основная ошибка, которую делают люди, в настоящее время, полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии. Наглядно обнаружил эту ошибку, напр., Парвус (не говорю уже о многочисленных меньшевиках), писавший много лет спустя после выхода брошюры об ее неверных или преувеличенных идеях насчет организации профессиональных революционеров.

В настоящее время подобные заявления производят прямо смешное впечатление: как будто люди хотят отмахнуться от целой полосы в развитии нашей партии, от тех завоеваний, ко-

торые в свое время стояли борьбы, а теперь давно уже упрочились и сделали свое дело.

В настоящее время рассуждать о преувеличении „Искрой“ (в 1901 и 1902 годах!) идеи организации профессиональных революционеров, это все равно, как если бы после русско-японской войны стали упрекать японцев за преувеличение русских военных сил, за преувеличенные заботы до войны о борьбе с этими силами. Японцам надо было собрать все силы против максимально возможных русских сил, чтобы одержать победу. К сожалению, многие судят о нашей партии со стороны, не зная дела, не видя того, что теперь идея организации профессиональных революционеров уже одержала полную победу. А победа была невозможна без того, чтобы не выдвинуть эту идею на первый план в свое время, без того, чтобы „преувеличенно“ не втолковать ее людям, которые мешали осуществлению этой идеи.

„Что делать?“ есть сводка искровской тактики, искровской организационной политики 1901 и 1902 годов. Именно: „сводка“, не более и не менее. Кто возьмет на себя труд ознакомиться с „Искрой“ 1901 и 1902 годов, тот несомненно убедится в этом *). А кто судит об этой сводке, не зная искровской борьбы с преобладавшим тогда экономизмом и не понимая этой борьбы, тот просто [роняет слова на ветер. „Искра“ боролась за создание организации профессиональных революционеров, боролась особенно [энергично в 1901 и 1902 годах, поборола преобладавший тогда экономизм, создала эту организацию в 1903 году окончательно, удержала эту организацию, несмотря на последующий раскол искровцев, несмотря на все тревожения в эпоху бури и натиска, удержала ее в течение всей русской революции, удержала и сохранила ее с 1901 — 1902 до 1907 года

И вот теперь, когда борьба за эту организацию давно кончена, когда посев сделан, зерно созрело, жатва окончена, — являются люди и возвещают: „преувеличение] идеи организации профессиональных революционеров!“ Разве это не смешно?

Возьмите весь предреволюционный период и первые 2¹/₂ года революции (1905 — 1907 г.г.) в целом. Сравните за это время нашу с.-д. партию с другими партиями в отношении ее сплоченности, организованности, преемственной цельности. Вы долж-

*) В 3-м томе настоящего издания будут перепечатаны важнейшие статьи из „Искры“ за эти годы. Этот том не появился в печати. Ред.

ны будете признать, что в этом отношении превосходство нашей партии над всеми остальными — и над к.-д., и над с.-р., и т. д. — бесспорно. С.-д. партия до революции выработала себе формально признанную всеми с.-д. программу и, внося ее изменения, не раскалывалась из-за программы. С.-д. партия, несмотря на раскол, с 1903 по 1907 год (формально с 1905 по 1906 год ¹⁸¹) дала публике наибольшие сведения о своем внутреннем положении (протоколы съездов: второго общего, III большевистского, IV или Стокгольмского общего). С.-д. партия, несмотря на раскол, раньше всех других партий воспользовалась временным просветом свободы для осуществления идеального демократического строя открытой организации, с выборной системой, с представительством на съездах по числу организованных членов партии. Этого до сих пор нет ни у с.-р., ни у к.-д. — этой, почти легальной, наилучше организованной буржуазной партии, которая обладает неизмеримо большими, по сравнению с нами, фанансовыми средствами, простором в пользовании прессой и возможностью жить открыто. А выборы во II Думу, в которых участвовали все партии, разве они не доказали наглядно, что организационная сплоченность нашей партии и нашей думской фракции выше, чем у всех других партий?

Спрашивается, кто же реализовал, кто воплотил в жизнь эту наибольшую сплоченность, прочность и устойчивость нашей партии? Это сделала создававшаяся больше всего при участии „Искры“ организация профессиональных революционеров. Кто знает хорошо историю нашей партии, кто переживал сам ее строительство, тому достаточно простого взгляда на состав делегации любой фракции, скажем, Лондонского съезда, чтобы убедиться в этом, чтобы сразу заметить то старое, основное ядро, которое усерднее других партий пестовало и партию выпестовало. Конечно, основным условием этого успеха было то, что рабочий класс, цвет которого создавал социал-демократию, отличается, в силу объективных экономических причин, из всех классов капиталистического общества наибольшей способностью к организации. Без этого условия организация профессиональных революционеров была бы игрушкой, авантюрой, пустой вывеской, и брошюра „Что делать?“ многократно подчеркивает, что лишь в связи с „действительно-революционным и стихийно-поднимающимся на борьбу классом“ имеет смысл защищаемая в ней организация. Но объективно-максимальная способность пролетариата к объединению в класс реализуется живыми людьми, реализуется не иначе, как в определенных формах органи-

зации. И никакая другая организация, кроме искровской, не могла бы в наших исторических условиях, в России 1900—1905 годов, создать такой Социал-Демократической Рабочей Партии, которая теперь создана. Профессиональный революционер сделал свое дело в истории русского пролетарского социализма. И никакие силы не разрушат теперь этого дела, которое давно переросло узкие рамки «кружков» 1902—1905 годов, никакие запоздалые сетования по поводу преувеличения боевых задач теми, кто в свое время только борьбой мог обеспечить правильный приступ к выполнению этих задач, не поколеблют значения сделанных уже завоеваний.

Я упомянул только что об узких рамках кружков времен старой «Искры» (с конца 1903 года, с № 51 «Искра» повернула к меньшевизму¹⁸²) и провозгласила: «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть»,—слова Троцкого в брошюре, одобренной меньшевистской редакцией «Искры»). Об этой кружковщине современному читателю приходится сказать несколько пояснительных слов. И в брошюре «Что делать?», и в печатаемой дальше брошюре «Шаг вперед, два шага назад» читатель видит перед собой страстную, подчас озлобленную, истребительную борьбу за граничных кружков.. Несомненно, что эта борьба имеет много непривлекательных сторон. Несомненно, что эта борьба кружков представляет из себя явление, возможное только при очень еще юном, незрелом состоянии рабочего движения в данной стране. Несомненно, что современные деятели современного рабочего движения в России должны порвать со многими кружковщинскими традициями, должны забыть и отбросить многие мелочи кружковой жизни и кружковой свары, чтобы усиленно выполнить задачи социал-демократии в данную эпоху. Расширение партии пролетарскими элементами одно только может, в связи с открытой массовой деятельностью, вытравить все унаследованные от прошлого и не соответствующие задачам настоящего следы кружковщины. И переход к демократической организации рабочей партии, провозглашенный большевиками в «Новой Жизни» в ноябре 1905 года¹⁸³), сейчас же, как только создались условия для открытой деятельности,—этот переход был уже, по существу дела, бесповоротным разрывом с тем, что отжило в старой кружковщине.

Да, «с тем, что отжило», ибо недостаточно осудить кружковщину, надо уметь понять ее значение при своеобразных условиях прежней эпохи. В свое время кружки были необходимы и сыграли положительную роль. В самодержавной стране—вообще,

в тех условиях, которые созданы были всей историей русского революционного движения в особенности, социалистическая рабочая партия не могла развиваться иначе, как из кружков. Кружки, т.е. тесные, замкнутые, почти всегда на личной дружбе основанные сплочения очень малого числа лиц, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России. По мере роста этого движения стала задача объединения этих кружков, создания прочной связи между ними, установления преемственности. Решить эту задачу нельзя было без создания крепкой операционной базы «за пределами досягаемости» самодержавия, т.е. за границей. Заграничные кружки возникли таким образом в силу необходимости. Между ними не было связи, над ними не было авторитета русской партии, они расходились неизбежно в понимании основных задач движения в данный момент, т.е. в понимании того, как именно следует строить ту или иную операционную базу и в каком направлении помогать общепартийному строительству. При таких условиях борьба между этими кружками была неотвратима. Теперь, глядя назад, мы ясно видим, какой кружок действительно в состоянии был выполнить функцию операционной базы. Но тогда, в начале деятельности различных кружков, этого никто не мог сказать, и только борьба могла решить спор. Парвус, помнится, упрекал впоследствии старую «Искру» в истребительной кружковой борьбе и проповедывал задним числом примирительную политику. Но это легко сказать задним числом, и сказать это—значит обнаружить непонимание тогдашних условий. Во-первых, не было никакого критерия силы и серьезности тех или иных кружков. Много было дутых, которые теперь забыты, но которые в свое время борьбой хотели доказать свое право на существование. Во-вторых, разногласия между кружками состояли в том, как направить новую еще тогда работу. Я отмечал уже и тогда (в «Что делать?»), что разногласия кажутся малыми, но на деле имеют громадное значение, ибо в начале новой работы, в начале социал-демократического движения, определение общего характера этой работы и этого движения скажется на пропаганде, агитации и организации самым существенным образом. Все позднейшие споры между с.-д. шли о том, как направлять политическую деятельность рабочей партии в тех или иных отдельных случаях. Тогда же речь шла об определении самых общих основ и коренных задач всякой социал-демократической политики вообще.

Кружковщина сделала свое дело и теперь, конечно, пережила

себя. Но она пережила себя потому и только потому, что борьба кружков самым острым образом поставила краеугольные вопросы социал-демократии, решила их в непримиримом революционном духе и создала тем прочную базу для широкой партийной работы.

Из частных вопросов, возбужденных литературой в связи с брошюрой «Что делать?», отмечу только два следующие. Плеханов в «Искре» 1904 года, вскоре после выхода брошюры «Шаг вперед, два шага назад», провозгласил принципиальное разногласие со мной по вопросу о стихийности и сознательности. Я не отвечал ни на это провозглашение (если не считать одного примечания в женевской газете «Вперед»), ни на многочисленные повторения на эту тему в меньшевистской литературе, не отвечал потому, что плехановская критика носила явный характер пустой придирки, основывалась на вырванных из связи фразах, на отдельных выражениях, не вполне ловко или не вполне точно мною сформулированных, при чем игнорировалось общее содержание и весь дух брошюры. «Что делать?» вышло в марте 1902 года. Проект партийной программы (плехановский, с поправками редакции «Искры») напечатан в июне или июле 1902 года¹⁸⁴). Отношение стихийного к сознательному было сформулировано в этом проекте по общему согласию редакции «Искры» (споры в программе между Плехановым и мной велись внутри редакции, но как раз не по этому вопросу, а по вопросам о вытеснении мелкого производства крупным, при чем я требовал формулировки более определенной, чем плехановская, и о различии точки зрения пролетариата или трудящихся классов вообще, при чем я настаивал на более узком определении чисто пролетарского характера партии).

Следовательно, ни о какой принципиальной разнице между проектом программы и «Что делать?» по этому вопросу не могло быть и речи. На втором съезде (август 1903 г.) Мартынов, тогдашний экономист, стал спорить против наших взглядов на стихийность и сознательность, выраженных в программе. Мартынову возражали все искровцы, как я подчеркиваю в брошюре «Шаг вперед и т. д.». Ясно отсюда, что разногласие по существу было между искровцами и экономистами, которые нападали на то, что было общего в «Что делать?» и в проектах программы. Специально же свои формулировки, данные в «Что делать?», я и на втором съезде не думал возводить в нечто «программное», составляющее особые принципы. Напротив, я употребил выражение, впоследствии часто цитировавшееся, о перегибании палки. В «Что делать?» выгибается палка, искривляемая экономистами, сказал я

(см. протоколы второго съезда Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г., Женева, 1904 г.), и именно потому, что мы энергично выгибаем искривления, наша «палка» будет всегда наиболее прямая.

Смысл этих слов ясен: «Что делать?» полемически исправляет экономизм, и рассматривать его содержание вне этой задачи брошюры—неправильно. Замечу, что статья Плеханова против «Что делать?» не перепечатана в сборнике новой «Искры» («За два года»), и поэтому я не касаюсь теперь доводов Плеханова, а объясняю только суть дела современному читателю, который может встретить ссылки на этот вопрос в очень многих меньшевистских произведениях.

Другое замечание относится к вопросу об экономической борьбе и о профессиональных союзах. В литературе нередко превратно излагаются мои взгляды по этому вопросу. Необходимо подчеркнуть поэтому, что многие страницы в «Что делать?» посвящены разъяснению громадного значения экономической борьбы и профессиональных союзов. В частности, я высказался тогда за нейтральность профессиональных союзов. С тех пор ни в брошюрах, ни в газетных статьях, я не высказывался иначе, вопреки многим утверждениям моих оппонентов. Только Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. и Штутгартский международный социалистический конгресс заставили меня прийти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов принципиально отстаивать нельзя. Теснейшее сближение союзов с партией—таков единственно верный принцип. Стремление сблизить и связать союзы с партией—такова должна быть наша политика, при чем проводить ее необходимо настойчиво и выдержанно во всей нашей пропаганде, агитации, в организационной деятельности, не гоняясь за простыми «признаниями» и не выгоняя несогласно-мыслящих из профессиональных союзов.

Брошюра «Шаг вперед, два шага назад» вышла в Женеве летом 1904 года. Она описывает первую стадию раскола между меньшевиками и большевиками, начавшегося на втором съезде (август 1903 года). Из этой брошюры я выкинул около половины, ибо мелкие подробности организационной борьбы, особенно из-за личного состава партийных центров, абсолютно не могут интересовать современного читателя и заслуживают, по существу дела, забвения. Существенным кажется мне здесь анализ борьбы тактических и других взглядов на втором съезде и полемика с организационными взглядами меньшевиков: то и другое необходимо для понимания меньшевизма и большевизма, как течений,

наложивших свой отпечаток на всю деятельность рабочей партии в нашей революции.

Из прений на втором съезде с.-д. партии отмечу прения об аграрной программе. События, несомненно, доказали, что наша тогдашняя программа (возвращение отрезков) была непомерно узка и не дооценивала силы революционно-демократического крестьянского движения,—об этом я скажу подробнее во втором томе настоящего издания. Здесь же важно подчеркнуть, что и эта непомерно узкая аграрная программа казалась слишком широкой правому крылу с.-д. партии в то время. Мартынов и другие экономисты боролись против нее за то, что она идет будто бы слишком далеко! Отсюда можно видеть, какое серьезное практическое значение имела вся борьба старой «Искры» с экономизмом, борьба против сужения и принижения всего характера социал-демократической политики.

Разногласия с меньшевиками в то время (первая половина 1904 года) ограничивались организационными вопросами. Я формулировал позицию меньшевиков, как «оппортунизм в организационных вопросах». П. Б. Аксельрод, возражая на это, писал Каутскому: «со своим слабым рассудком я не в состоянии понять, что это за штука такая: «оппортунизм в организационных вопросах»,—выдвигаемый на сцену, как нечто самостоятельное, вне органической связи с программными и тактическими взглядами» (письмо от 6 июня 1904 года, перепечатано в сборнике новой «Искры»—«За два года», ч. II, стр. 149).

Какова органическая связь оппортунизма в организационных и в тактических взглядах, это достаточно показала вся история меньшевизма в 1905—1907 годах. Что же касается до «непонятной штуки»: «оппортунизм в организационных вопросах», то жизнь подтвердила правильность моей оценки так блестяще, как я не мог и ожидать. Достаточно указать, что меньшевик Череванин и тот вынужден признать теперь (см. его брошюру о Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. 1907 года), что из организационных планов Аксельрода (пресловутый «рабочий съезд» и т. д.) вытекают лишь губящие дело пролетариата расколы. Мало того. Тот же меньшевик Череванин рассказывает там, что Плеханову в Лондоне пришлось бороться внутри меньшевистской фракции против «организационного анархизма». Итак, не напрасно боролся я в 1904 году с «оппортунизмом в организационных вопросах», если в 1907 году и Череванину, и Плеханову пришлось признать «организационный анархизм» влиятельных меньшевиков.

От организационного оппортунизма меньшевики пошли к тактическому. Брошюра «Земская кампания и план «Искры» (вышла в Женеве в конце 1904 года, кажется, в ноябре или декабре)¹⁸⁵) отмечает первый шаг их по этому пути. В современной литературе нередко можно встретить места, что разногласия по вопросу о земской кампании были вызваны отрицанием—со стороны большевиков—всякой пользы за демонстрациями перед земцами. Читатель увидит, что это совершенно ошибочный взгляд. Разногласие было вызвано тем, что меньшевики заговорили тогда о невызывании паники у либералов, а еще более тем, что после ростовской стачки 1902 г., после летних стачек и баррикад 1903 года, накануне 9 января 1905 года меньшевики превозносили демонстрации перед земцами, как высший тип демонстраций. В № 1 большевистской газеты «Вперед» (Женева, январь 1905 г.), эта оценка меньшевистского «плана земской кампании» была выражена в заглавии посвященного вопросу фельетона: «Хорошие демонстрации пролетариев и плохие рассуждения некоторых интеллигентов» *).

Последняя перепечатываемая здесь брошюра: «Две тактики социал-демократии в демократической революции» вышла в Женеве летом 1905 года¹⁸⁶). Здесь излагаются уже систематически основные тактические разногласия с меньшевиками,—резюмации весеннего «III-го съезда Р. С.-Д. Р. П.» в Лондоне (большевистского) и меньшевистской конференции в Женеве вполне оформили эти разногласия и привели их к коренному расхождению в оценке всей нашей буржуазной революции с точки зрения задач пролетариата. Большевики указывали пролетариату роль вождя в демократической революции. Меньшевики сводили его роль к задачам «крайней оппозиции». Большевики положительно определяли классовый характер и классовое значение революции, говоря: победоносная революция, это—«революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Меньшевики понятие буржуазной революции всегда толковали так неправильно, что у них получалось примирение с подчиненной и зависимой от буржуазии ролью пролетариата в революции.

Известно, как отразились на практике эти принципиальные разногласия. Бойкот Булыгинской Думы большевиками и колебания меньшевиков. Бойкот Виттевской Думы большевиками и колебания меньшевиков, звавших выбирать, но не в Думу. Поддержка кадетского министерства и кадетской политики в I-й Думе меньшевиками и решительное разоблачение конституционных иллюзий и кадетской контр-революционности большевиками вместе с про-

*) См. 24—28 стр. VI тома Собр. сочинений. Ред.

пагандой идеи «исполнительного комитета левых». Далее, левый блок у большевиков на выборах во II-ю Думу и блоки с кадетами у меньшевиков и т. д., и т. п.

Теперь «кадетский период» русской революции (выражение брошюры: «Победа кадетов и задачи рабочей партии», март 1906 года), кажется, пришел к концу. Контр-революционность кадетов разоблачена вполне. Кадеты сами начинают признаваться в том, что все время они боролись против революции, и г. Струве откровенно договаривает заветные мысли кадетского либерализма. Чем внимательнее будет оглядываться теперь сознательный пролетариат на весь этот кадетский период в целом, на весь этот «конституционный зигзаг»,—тем очевиднее будет становиться, что большевики оценили заранее и этот период и сущность партии к.-д. вполне правильно, что меньшевики, действительно, вели ошибочную политику, объективное значение которой равнялось замене пролетарской политики политикой подчинения пролетариата буржуазному либерализму.

Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895—1907), нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. «Легальный марксизм» г. Струве (1894) и ему подобных был отражением марксизма в буржуазной литературе. «Экономизм», как особое направление социал-демократической работы в 1897 и следующих годах, фактически осуществил программу буржуазно-либерального «Средо»: рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба. Меньшевизм — не только литературное течение, не только направление с.-д. работы, а сплоченная фракция, которая провела в течение первого периода русской революции (1905—1907 годы) особую политику, на деле подчинившую пролетариат буржуазному либерализму*).

Во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа — с мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образо-

*) Анализ борьбы различных течений и оттенков на втором съезде партии (см. брошюру „Шаг вперед, два шага назад“, 1904 г.) доказывает неопровержимо прямую и непосредственную связь „экономизма“ 1897 и следующих годов с „меньшевизмом“. А связь „экономизма“ в социал-демократии с „легальным марксизмом“ или „струвизмом“ 1895—1897 годов я показал в брошюре: „Что делать?“ (1902 г.). Легальный марксизм-экономизм-меньшевизм связаны не только идейно, они связаны также прямой исторической преемственностью.

вание более или менее ярко обрисованного правого крыла, которое в своих взглядах, в своей тактике, в своей организационной «линии» выражает тенденции мелко-буржуазного оппортунизма. В такой мелко-буржуазной стране, как Россия, в эпоху буржуазной революции, в эпоху первых зачатков молодой Рабочей С.-Д. Партии эти тенденции не могли не проявиться гораздо резче, определеннее, ярче, чем где бы то ни было в Европе. Ознакомление с различными формами проявления этой тенденции в Российской социал-демократии в разные периоды ее развития необходимо для укрепления революционного марксизма, для закаления русского рабочего класса в его освободительной борьбе.

Сентябрь 1907 г.

Октябрь.

Революция и контр-революция.

В октябре 1905 года Россия переживала наибольший революционный подъем. Пролетариат отбросил с своей дороги Булыгинскую Думу и вовлек широкие народные массы в прямую борьбу с самодержавием. В октябре 1907 года мы переживаем наибольший, повидимому, упадок открытой массовой борьбы. Но период упадка, начавшийся после декабрьского поражения 1905 года, принес с собой не только расцвет конституционных иллюзий, но и полный крах их. Третья Дума, созываемая после разгона двух Дум и государственного переворота 3-го июня, кладет явный конец периоду веры в мирное сожительство самодержавия с народным представительством и открывает новую эпоху в развитии революции.

В такой момент, как переживаемый нами, сравнение революции и контр-революции в России, периода революционного натиска (1905 г.) и периода контр-революционной игры в конституцию (1906 и 1907 г.г.) напрашивается само собой. Всякое определение политической линии на ближайшее время неизбежно включат в себя такое сравнение. Противопоставление «ошибок революции» или «революционных иллюзий» «положительной конституционной работе»,—основной мотив современной политической литературы. Об этом кричат кадеты на предвыборных собраниях. Об этом поет, вопиет и глаголет либеральная пресса. Тут и г. Струве, страстно и злобно вымещающий на революционерах свою досаду по поводу окончательного провала надежды на «компромисс». Тут и Милюков, которого, несмотря на все его жеманство и иезуитизм, ход событий заставил прийти к ясному, точному и—это главное—правдивому: «враги слева». Тут и публицисты в духе «Товарища», Кускова, Смирнов, Плеханов, Горн, Иорданский, Череванин и пр.,

перипетии за легкомыслие октябрьско-декабрьскую борьбу и проповедующие, более или менее открыто, «демократическую» коалицию с кадетами. Настоящие кадетские элементы этого мутного потока выражают контр-революционные интересы буржуазии и безграничное холопство интеллигентского мещанства. У тех же элементов, которые еще не совсем дошли до Струве, преобладающей чертой является непонимание связи между революцией и контр-революцией в России, неспособность взглянуть на все пережитое нами, как на одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике.

Период революционного натиска показал в действии классовый состав населения России и отношение разных классов к старому самодержавию. События научили теперь всех и каждого, даже совершенно чуждых марксизму людей, вести летоисчисление революции с 9-го января 1905 г., т.-е. с первого сознательно-политического движения масс, принадлежащих к одному определенному классу. Когда социал-демократия из анализа экономической действительности России выводила руководящую роль, гегемонию пролетариата в нашей революции,—это казалось книжным увлечением теоретиков. Революция подтвердила нашу теорию, ибо она единственная действительно революционная теория. Пролетариат на деле шел все время во главе революции. Социал-демократия на деле оказалась идейным передовым отрядом пролетариата. Борьба масс развивалась, под руководством пролетариата, необыкновенно быстро—быстрее, чем ожидали многие революционеры. На протяжении одного года она поднялась до самых решительных, какие только знает история, форм революционного натиска, до массовой стачки и вооруженного восстания. Организация пролетарских масс с поразительной быстротой росла в самом ходе борьбы. Вслед за пролетариатом стали организовываться другие слои населения, составившие боевые кадры революционного народа. Организовывалась полупролетарская масса всякого рода служащих, затем крестьянская демократия, профессиональная интеллигенция и т. д. Период пролетарских побед был периодом невиданного в России, гигантского даже с европейской точки зрения, роста массовой организованности вообще. Пролетариат добился в это время целого ряда улучшений в условиях своего труда. Крестьянская масса добилась «сокращения» помещичьего произвола, понижения арендных и продажных цен на землю. Вся Россия добилась значительной свободы собраний, слова и союзов, добилась всенародного отречения самодержавия от старых порядков и признания конституции.

Все, что завоевано доньше освободительным движением в России, завоевано всецело и исключительно революционной борьбой масс с пролетариатом во главе их.

Поворот в развитии борьбы начинается с поражения декабрьского восстания. Контр-революция шаг за шагом переходит в наступление по мере ослабления массовой борьбы. В эпоху первой Думы эта борьба выразилась еще очень и очень внушительно в усилении крестьянского движения, в широком разгроме гнезд крепостников-помещиков, в целом ряде солдатских восстаний. И реакция наступала тогда медленно, не решаясь сразу произвести государственный переворот. Лишь после подавления Свеаборгского и Кронштадтского восстаний июля 1906 года¹⁸⁷⁾ она делается смелее, водворяет военно-полевой режим, начинает по частям отнимать выборное право (сенатские разъяснения), наконец, окончательно окружает полицейской осадой вторую Думу и ниспровергает всю пресловутую конституцию. Всякие самочинные, свободные организации масс сменились в это время «легальной борьбой» в рамках полицейской конституции, истолковываемой Дубасовыми и Столыпинными. Главенство социал-демократии сменилось главенством кадетов, которые господствовали в обеих Думах. Период упадка движения масс был периодом высшего расцвета партии к.-д. Она эксплуатировала этот упадок, выступая в качестве «борца» за конституцию. Она поддерживала в народе всеми силами веру в эту конституцию и проповедывала необходимость ограничиться именно «парламентской» борьбой.

Крах «кадетской конституции» есть крах кадетской тактики и кадетской гегемонии в освободительной борьбе. Корыстно-классовый характер всех рассуждений нашего либерализма на тему о «революционных иллюзиях» и об «ошибках революции» выступает с очевидностью при сравнении обоих периодов революции. Пролетарская массовая борьба дала завоевания всему народу. Либеральное руководство движением не дало ничего, кроме поражений. Революционный натиск пролетариата неуклонно поднимал сознание масс и организованность их, ставя перед ними все более высокие задачи, развивая их самостоятельное участие в политической жизни, уча их борьбе. Гегемония либералов в период обеих Дум принижала сознание масс, разлагала их революционную организованность, притупляла сознание демократических задач.

Либеральные вожди I-й и II-й Думы великолепно продемонстрировали перед народом коленопреклоненную, легальную «борьбу», которая привела к тому, что самодержавные крепостники росчерком пера смели конституционный парадиз либеральных бол-

тунов и надсмелялись над тонкой дипломатией посетителей министерских передних. За либералами нет ни одного завоевания за все время русской революции, ни одного успеха, ни одного сколько-нибудь демократического дела, организующего народные силы в борьбе за свободу.

До октября 1905 года либералы держали иногда сочувственный нейтралитет по отношению к революционной борьбе масс, но и тогда уже они начали выступать против нее, посылая депутацию с подлыми речами к царю, поддерживая Булыгинскую Думу не из-за недомыслия, а из-за прямой вражды к революции. После октября 1905 года либералы только и делали, что позорно предавали дело народной свободы.

В ноябре 1905 года они подсылали г-на Струве интимно побеседовать с г. Витте. Весной 1906 года они подрывали революционный бойкот и своим отказом открыто перед Европой высказаться против займа помогали правительству добыть миллиарды на завоевание России. Летом 1906 года они торговались с заднего крыльца с Треповым о министерских портфелях и боролись с «левыми», т.-е. с революцией, в I-й Думе. В январе 1907 года они опять забегали к полицейским властям (визит Милюкова у Столыпина). Весной 1907 года они поддерживали правительство во II-й Думе. Революция замечательно быстро разоблачила либерализм и показала на деле его контр-революционную природу.

В этом отношении период конституционных упований прошел далеко не бесполезно для народа. Опыт первой и второй Думы не только научил понимать все беспредельное убожество той роли, которую играет либерализм в нашей революции. Нет, этот опыт и на деле ликвидировал попытку руководить демократическим движением со стороны партии, которую только политические младенцы или выжившие из ума старцы могут считать действительно конституционно-демократической.

В 1905 и в начале 1906 годов классовый состав буржуазной демократии в России еще не для всех был ясен: упования насчет того, что можно соединить самодержавие с действительным представительством сколько-нибудь широких масс народа, были не только у темных и забитых обитателей разных захолустий. Этим упованиям не чужды были и правящие сферы самодержавия. Почему избирательный закон и в Булыгинскую и в Виттевскую Думу давал значительное представительство крестьянству? Потому, что держалась еще вера в монархическое настроение деревни. «Серячек выручит», это восклицание правительственной

газеты весной 1906 года выражало надежду правительства на консервативность крестьянской массы. В те времена кадеты не только не сознавали антагонизма между демократизмом крестьян и буржуазным либерализмом, но опасались даже отсталости крестьян и желали одного: чтобы Дума помогла превратить консервативного или равнодушного крестьянина в либерала. Весной 1906 года г. Струве выражал смелое пожелание, когда писал: «крестьянин в Думе будет кадетом». Летом 1907 года тот же г. Струве поднял знамя борьбы с трудовыми или левыми партиями, как с главной помехой осуществлению сделки между буржуазным либерализмом и самодержавием. На протяжении полутора года лозунг борьбы за политическое просвещение крестьян сменился у либералов лозунгом борьбы против «чересчур» политически просвещенного и требовательного крестьянина!

Эта смена лозунгов выражает как нельзя более ясно полное банкротство либерализма в русской революции. Классовый антагонизм массы демократического сельского населения и крепостников-помещиков оказался неизмеримо глубже, чем воображали трусливые и тупоумные кадеты. Поэтому и провалилась так быстро и так бесповоротно их попытка взять на себя гегемонию в борьбе за демократию. Поэтому и потерпела крушения вся их «линия» — помирить мелко-буржуазную демократическую массу народа с октябристскими и черносотенными помещиками. Великое, хотя и отрицательное, завоевание контр-революционного периода двух Дум состоит в этом банкротстве предательских «борцов» за «народную свободу». Классовая борьба, идущая вниз, выкинула этих героев министерской передней за борт, превратила их из претендентов на руководство в простых лакеев октябризма, слегка подкрашенных конституционным лаком.

Кто не видит до сих пор этого банкротства либералов, испытывавших на деле свою пригодность в качестве борцов за демократию или, по крайней мере, борцов в рядах демократии, тот ровно ничего не понял в политической истории двух Дум. Бессмысленное повторение заученной формулы о поддержке буржуазной демократии превращается, у таких людей, в контр-революционное хныканье. Не жалеть о крахе конституционных иллюзий должны социал-демократы. Они должны сказать, как говорил Маркс про контр-революцию в Германии: народ выиграл то, что потерял свои иллюзии. Буржуазная демократия в России выиграла то, что потеряла негодных вождей и дряблых союзников. Тем лучше для политического развития этой демократии.

Партии пролетариата остается позаботиться о том, чтобы бо-

гательные политические уроки нашей революции и контр-революции были глубже продуманы и тверже усвоены широкими массами. Период натиска на самодержавие развернул силы пролетариата и научил его основам революционной тактики, показал условия успеха непосредственной борьбы масс, которая одна только в состоянии завоевать сколько-нибудь серьезные улучшения. Долгий период подготовки сил пролетариата, воспитания и организации его предшествовал тем выступлениям сотен тысяч рабочих, которые нанесли смертельные удары старому самодержавию в России. Долгая, невидная работа руководства всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, работа созидания прочной, выдержанной партии предшествовала взрыву действительно массовой борьбы и обеспечила условия превращения этого взрыва в революцию. И теперь пролетариату, как передовому борцу народа, надо укрепить свою организацию, соскрести с себя всякую плесень интеллигентского оппортунизма, сплотить свои силы для такой же выдержанной и упорной работы. Задачи, которые поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным положением широких масс, не разрешены. Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились. Наступление этого кризиса поставит опять пролетариат во главе общенародного движения. К этой роли должна быть готова Рабочая С.-Д. Партия. И на почве, удобренной событиями 1905 и последующих годов, посев даст вдесятеро лучший урожай. Если за партией в несколько тысяч сознательных передовиков рабочего класса поднялся в конце 1905 года миллион пролетариев, то теперь наша партия, насчитывающая десятки тысяч искушенных в революции и теснее в самой борьбе связавших себя с массой рабочих социал-демократов, поведет за собой десяток миллионов и сломит врага.

И социалистические и демократические задачи рабочего движения в России определились несравненно резче, выступили на первый план настоятельнее под влиянием революционных событий. Борьба с буржуазией поднимается на высшую ступень. Капиталисты сплываются во всероссийские союзы, теснее соединяются с правительством, чаще пускают в ход самые крайние средства экономической борьбы вплоть до массовых локаутов, чтобы «обуздать» пролетариат. Но преследования страшны только отживающим классам, а пролетариат увеличивается в числе и сплоченности тем быстрее, чем быстрее успехи господ капиталистов. За непобедимость пролетариата ручается экономическое развитие и России и всего мира. Буржуазия впервые начала в нашей

революции складываться в класс, в единую и сознательную политическую силу. Тем успешнее пойдет и организация рабочих по всей России в единый класс. Тем глубже будет пропасть между миром капитала и миром труда, тем яснее будет социалистическое сознание рабочих. Социалистическая агитация среди пролетариата станет определеннее, обогатившись опытами революции. Политическая организация буржуазии — лучший толчок к окончательной формировке социалистической рабочей партии.

Задачи этой партии в борьбе за демократию могут вызывать споры отныне только среди „сочувствующих“ интеллигентов, готовящихся уйти к либералам. Для массы рабочих эти задачи стали осязательно ясны в огне революции. Что основой и единственной основой буржуазной демократии, как исторической силы в России, является крестьянская масса, это пролетариат знает по опыту. Роль вождя этой массы в борьбе против крепостников помещиков и царского самодержавия уже выполнена пролетариатом в общенациональном масштабе, и никакие силы не совлекут теперь рабочей партии с верного пути. Роль либеральной партии к.-д., под флагом демократизма направлявших крестьянство под крылышко октябризма, сыграна, и социал-демократия вопреки одиночкам-нытикам будет продолжать свое дело выяснения массам этого банкротства либералов, выяснения того, что буржуазная демократия не может выполнить своего дела, не очистившись окончательно от союза с лакеями октябризма.

Никто не сможет сказать теперь, как сложатся дальнейшие судьбы буржуазной демократии в России. Возможно, что банкротство кадетов поведет к образованию крестьянской демократической партии, действительной массовой партии, а не той организации террористов, которою остались социалисты-революционеры. Возможно также, что объективные трудности политического сплочения мелкой буржуазии не дадут образоваться такой партии и оставят надолго крестьянскую демократию в современном состоянии рыхлой, неоформленной, киселеобразной трудовической массы. И в том и в другом случае наша линия одна: ковать демократические силы неумолимой критикой всяких колебаний, непримиримой борьбой против присоединения демократии к доказавшему свою контр-революционность либерализму.

Чем дальше заходит реакция, тем больше неистовствует черносотенный помещик, чем больше подчиняет он себе самодержавие — тем медленнее будет идти экономическое развитие России и освобождение ее от остатков крепостничества. А это значит: тем сильнее и шире будет развиваться сознательный и боевой демо-

кратизм в массах городской и сельской мелкой буржуазии. Тем сильнее будет массовое сопротивление голодовкам, насилиям и надругательству, на которые осуждают крестьянство октябристы. Социал-демократия позаботится о том, чтобы ко времени неизбежного подъема демократической борьбы шайка либеральных карьеристов, называемая партией к.-д., не могла еще раз разделить ряды демократии и посеять смуту в ее рядах. Либо с народом, либо против народа — эту альтернативу давно уже ставила социал-демократия всяким претендентам на роль «демократических» вождей в революции. До сих пор не все с.-д. умели последовательно выдержать эту линию; некоторые поддавались и сами посулам либералов, некоторые закрывали глаза на шашни этих либералов с контр-революцией. Теперь мы просвещены уже опытом обеих первых Дум.

Революция научила пролетариат массовой борьбе. Революция доказала, что она может вести за собой крестьянские массы в борьбе за демократию. Революция сплотила теснее чисто - пролетарскую партию, отбрасывая от нее мелко-буржуазные элементы. Контр-революция отучила мелко-буржуазную демократию от попыток искать себе вождей и союзников в либерализме, который пуще огня боится массовой борьбы. Опираясь на эти уроки событий, мы смело можем сказать по адресу правительства черносотенных помещиков: продолжайте в том же духе, г.г. Столыпины! Мы будем собирать плоды того, что вы сеете!

*„Пролетарий“ № 17
от 20 октября 1907 г.*

Резолюция Конференции Петербургской организации Р. С.-Д. Р. П.

Признавая обязательным для с.-д. фракции в III-й Думе руководиться резолюцией Лондонского съезда о Гос. Думе, а также резолюцией о непролетарских партиях,—

Конференция Петербургской организации Р. С.-Д. Р. П. в развитие этих резолюций считает необходимым высказать нижеследующее:

1. В III-й Думе уже определилось два большинства: черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. Первое контр-революционное и отстаивает особенно усиление репрессий и охрану

помещичьих привилегий, доходя до стремлений к полному восстановлению самодержавия. Второе большинство тоже безусловно контр-революционно, но склонно прикрыть борьбу с революцией некоторыми призрачными бюрократическими «реформами».

2. Такое положение в Думе чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства и со стороны кадетов. Правительство хочет, усиливая репрессии и продолжая военной силой «завоевывать» Россию, изображать из себя сторонника конституционных реформ. Кадеты хотят, голосуя на деле с контр-революционными октябристами, изображать из себя не только оппозицию, но и представителей демократии. На с.-д. ложится при этих условиях с особенной силой задача беспощадного разоблачения этой игры, разоблачения перед народом как насилий со стороны черносотенных помещиков и правительства, так и контр-революционной природы кадетов. Прямая или косвенная поддержка кадетов (в форме ли голосования за правых к.-д. или «левых» октябристов в президиум, в форме ли информационного бюро с участием кадетов, координации своих действий с их политикой и т. п.) со стороны с.-д. была бы теперь прямым ущербом делу классового воспитания рабочих масс и делу революции.

3. Отстаивая без всяких урезок свои социалистические цели и критикуя с этой точки зрения все, даже самые демократические и «трудовые» буржуазные партии, с.-д. в своей агитации должны выдвигать на первый план выяснение широким народным массам явного несоответствия III-й Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим широкая и энергичная пропаганда идеи Учредительного Собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании.

4. К числу основных задач социал-демократии в III-й Думе принадлежит разоблачение классовой подоплеки правительственных и либеральных предложений при особенном внимании к вопросам, касающимся экономических интересов широких народных масс (рабочий и аграрный вопросы, бюджет и т. д.), — тем более, что состав III-й Думы обещает исключительно обильный материал для агитационной деятельности с.-д.

5. В частности, социал-демократии в Думе необходимо использовать право запросов, для чего необходимы совместные действия с другими группами левее к.-д. без каких бы то ни было отступлений от программы и тактики с.-д. и без заключения какого бы то ни было блока.

Чтобы не повторять ошибки, сделанной с.-д. во II-й Думе, с.-д. фракция должна немедленно предложить левым и только левым (т.-е. способным к борьбе против к.-д.) депутатам Думы образовать информационное бюро, ничем не связывающее его участников, но дающее рабочим депутатам возможность систематически влиять на демократию в духе с.-д. политики.

Пролетарий № 19
от 5 ноября 1907 г.

Ноябрь.

Международный социалистический конгресс в Штутгарте ¹⁸⁸).

Состоявшийся в августе текущего года международный социалистический конгресс в Штутгарте отличался необычайным многочисленством и полнотой представительства. Все пять частей света послали делегатов, общее число которых было 886. Но, помимо грандиозной демонстрации международного единства пролетарской борьбы, конгресс сыграл выдающуюся роль в деле определения тактики социалистических партий. По целому ряду вопросов, которые до сих пор решались исключительно внутри отдельных социалистических партий, конгресс вынес общие резолюции. Сплочение социализма в одну международную силу выражается особенно ярко в этом увеличении числа вопросов, требующих одинакового принципиального решения в разных странах.

Мы печатаем ниже полный текст штутгартских резолюций. Теперь же остановимся на каждой из них вкратце для того, чтобы отметить главные спорные пункты и характер дебатов на конгрессе.

Колониальный вопрос уже не первый раз занимает международные съезды. До сих пор решения их всегда состояли в бесповоротном осуждении буржуазной колониальной политики, как политики грабежа и насилия. На этот раз комиссия съезда оказалась в таком составе, что оппортунистические элементы во главе с голландцем Ван-Колем взяли в ней верх. В проект резолюции вставлена была фраза, что конгресс не осуждает в принципе всякой колониальной политики, которая при социалистическом режиме может сыграть цивилизаторскую роль. Меньшинство комиссии (немец Лидебур¹⁸⁹), польские и русские с.-д. и многие другие, энергично протестовали против допущения такой мысли. Вопрос вынесен был на съезд, и силы обоих течений оказались настолько близкими по величине, что борьба разгорелась с невиданной страстностью.

Оппортунисты сплотились за Ван-Коля. Бернштейн и Давид¹⁹⁰)

ст имени большинства немецкой делегации говорили в пользу признания «социалистической колониальной политики» и громили радикалов за бесплодность отрицания, за непонимание значения реформ, за отсутствие практической колониальной программы и т. д. Им возражал, между прочим, Каутский, который был вынужден просить съезд высказаться против большинства немецкой делегации. Он справедливо указывал, что нет и речи об отрицании борьбы за реформы: в остальных частях резолюции, не вызвавших никаких споров, об этом говорится с полнейшей определенностью. Речь идет о том, должны ли мы делать уступки современному режиму буржуазного грабежа и насилия. Теперешняя колониальная политика подлежит обсуждению конгресса, а эта политика основана на прямом порабощении дикарей: буржуазия вводит фактически рабство в колониях, подвергает туземцев неслыханным издевательствам и насилиям, «цивилизует» их распространением водки и сифилиса. И при таком положении вещей социалисты будут говорить уклончивые фразы о возможности принципиального признания колониальной политики! Это было бы прямым переходом на буржуазную точку зрения. Это значило бы сделать решительный шаг к подчинению пролетариата буржуазной идеологии, буржуазному империализму, который теперь особенно гордо поднимает голову.

Предложение комиссии было провалено на съезде 128 головами против 108 при 10 воздержавшихся (Швейцария). Заметим, что при голосовании в Штутгарте первый раз нации получили разные числа голосов от 20 (крупные нации, Россия в том числе) до 2 (Люксембург). Сумма мелких наций, либо не ведущих колониальной политики, либо страдающих от нее, перевесила те государства, которые несколько заразили даже пролетариат страстью к завоеваниям.

Это голосование по колониальному вопросу имеет очень важное значение. Во-первых, особенно наглядно разоблачил здесь себя социалистический оппортунизм, пассующий перед буржуазным обольщением. Во-вторых, здесь сказалась одна отрицательная черта европейского рабочего движения, способная принести не мало вреда делу пролетариата и заслуживающая поэтому серьезного внимания. Маркс неоднократно указывал на одно изречение Сисмонди, имеющее громадное значение. «Пролетарии древнего мира,—гласит это изречение,—жили на счет общества. Современное общество живет на счет пролетариев».

Класс неимущих, но не трудящихся, не способен ниспровергнуть эксплуататоров. Только содержащий все общество класс про-

летариев в силах произвести социальную революцию. И вот, широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетарий отчасти попадает в такое положение, что не его трудом содержится все общество, а трудом почти поработанных колониальных туземцев. Английская буржуазия, например, извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом. Это может быть, конечно, лишь проходящим явлением, но тем не менее надо ясно сознать зло, понять его причины, чтобы уметь спланировать пролетариат всех стран для борьбы с таким оппортунизмом. И эта борьба неизбежно приведет к победе, ибо «привилегированные» нации составляют все меньшую долю в общем числе капиталистических наций.

Вопрос о женском избирательном праве почти не вызвал споров на конгрессе. Нашлась только одна англичанка из крайне оппортунистического английского «Фабианского общества»¹⁹¹), которая попробовала защищать допустимость социалистической борьбы за ограниченное избирательное право женщин, т.-е. не всеобщее, а цензовое. Фабианка осталась совсем одинокой. Подкладка ее взглядов—простая: английские буржуазные дамы надеются получить для себя избирательные права, не распространяя их на женский пролетариат.

Одновременно с международным социалистическим конгрессом происходила в Штутгарте в том же помещении первая международная социалистическая конференция женщин. На этой конференции и в комиссии съезда, при обсуждении резолюции, произошли интересные споры между немецкими и австрийскими социал-демократами. Последние, во время своей борьбы за всеобщее избирательное право, отодвинули несколько назад требование уравнять женщин с мужчинами: из практицизма они подчеркивали не всеобщее, а мужское избирательное право, как свое требование. В речах Цеткиной и других немецких с.-д. справедливо было указано австрийцам, что они поступали неправильно, что они ослабляли силу массового движения, не выставляя со всей энергией требования избирательных прав не только для мужчин, но и для женщин. Последние слова штутгартской резолюции («необходимо выставлять требование всеобщего избирательного права одновременно и для мужчин, и для женщин») имеют несомненное отношение к этому эпизоду чрезмерного «практицизма» в истории австрийского рабочего движения.

Резолюция об отношении между социалистическими партиями и профессиональными союзами имеет особенно большое значение для нас, русских. Стокгольмский съезд РСДРП высказался за беспартийные союзы, встал, таким образом, на точку зрения нейтральности. Эту же точку зрения защищали всегда наши беспартийные демократы, бернштейнианцы и с.-р.-ы. Напротив, Лондонский съезд выдвинул иной принцип: сближение союзов с партией вплоть до признания союзов (при известных условиях) партийными *). В Штутгарте с.-д. подсекция русской секции (социалисты каждой страны образуют самостоятельные секции на международных конгрессах) раскололась при обсуждении этого вопроса (по остальным вопросам раскола не было). Именно: Плеханов принципиально отстаивал нейтральность. Большевик Воинов¹⁹²) отстаивал анти-нейтралистскую точку зрения Лондонского съезда и бельгийской резолюции (напечатанной вместе с докладом де-Брукера в материалах конгресса; доклад этот скоро появится по-русски). Кл. Цеткина справедливо заметила в своей газете „Die Gleichheit“ („Равенство“), что доводы Плеханова в защиту нейтральности были так же неудачны, как и доводы французов. И резолюция штутгартского съезда, как справедливо отметил Кутуский и как убедится всякий из внимательного ознакомления с нею, кладет конец принципиальному признанию „нейтральности“. О нейтральности или беспартийности в ней нет ни слова. Напротив, необходимость тесных связей союзов с социалистической партией и упрочения этих связей признана вполне определенно.

Лондонская резолюция РСДРП о профессиональных союзах имеет теперь под собой прочный принципиальный базис в виде штутгартской резолюции. Штутгартская постановляет вообще и для всех стран необходимость прочных и тесных связей союзов с социалистической партией; лондонская указывает, что для России формой этой связи должна быть, при благоприятных к тому условиях, партийность союзов и что к этому должна быть направлена деятельность членов партии.

Заметим, что принцип нейтральности обнаружил свои вредные стороны в Штутгарте тем, что половина немецкой делегации, представители профессиональных союзов, стояла всего решительнее на оппортунистической точке зрения. Поэтому, например, в Эссене немцы были против Ван-Коля (в Эссене был съезд только партии, а не профессиональных союзов), а в Штутгарте за Ван-Коля. Проповедь нейтральности фактически принесла вред-

*) См. приложение к этому тому, № 2. Ред.

тые плоды в Германии, сыграв на руку оппортунизму в социал-демократии. С этим фактом нельзя отныне не считаться и особенно надо считаться в России, где так многочисленны буржуазно-демократические советчики пролетариата, рекомендующие ему «нейтральность» профессионального движения.

О резолюции об эмиграции и иммиграции мы скажем всего несколько слов. В комиссии и здесь была попытка защищать узко-цеховые взгляды, провести запрещение иммиграции рабочих из юстальных стран (кули—из Китая и т. п.). Это—тот же дух аристократизма среди пролетариев некоторых «цивилизованных» стран, извлекающих известные выгоды из своего привилегированного положения и склонных поэтому забывать требования международной классовой солидарности. На самом конгрессе не нашлось защитников этой цеховой и мещанской узости. Резолюция вполне отвечает требованиям революционной социал-демократии:

Переходим к последней и едва ли не самой важной резолюции конгресса: по вопросу об антимиитаризме. Пресловутый Эрвэ, много на шумевший во Франции и в Европе, защищал по этому вопросу полуанархическую точку зрения, наивно предлагая «ответить» на всякую войну стачкой и восстанием. Он не понимал, с одной стороны, того, что война есть необходимый продукт капитализма, и пролетариат не может зарекаться от участия в революционной войне, ибо возможны такие войны и бывали такие войны в капиталистических обществах. Он не понимал, с другой стороны, того, что возможность «ответить» на войну зависит от характера того кризиса, который война вызывает. В зависимости от этих условий стоит выбор средств борьбы, при чем эта борьба должна состоять (это—третий пункт недоразумений или недомыслия эрвэизма) не в одной замене войны миром, а в замене капитализма социализмом. Не в том суть, чтобы помешать только возникновению войны, а в том, чтобы использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии. Но за всеми полуанархическими нелепостями эрвэизма таилась одна практически верная подкладка: дать толчок социализму в том смысле, чтобы не ограничиваться парламентскими только средствами борьбы, чтобы развить в массах сознание необходимости революционных приемов действия в связи с теми кризисами, которые война несет с собой неизбежно,—в том смысле, наконец, чтобы распространить в массах более живое сознание международной солидарности рабочих и лживости буржуазного патриотизма.

Резолюция Бебеля, которую предложили немцы и которая во всем существенном совпадала с резолюцией Гэда, страдала именно тем недостатком, что не содержала в себе никакого указания на активные задачи пролетариата. Это давало возможность читать ортодоксальные положения Бебеля сквозь оппортунистические очки. Фольмар немедленно превратил эту возможность в действительность.

Поэтому Роза Люксембург и русские делегаты с.-д. внесли свои поправки к резолюции Бебеля. В этих поправках: 1) говорилось, что милитаризм есть главное оружие классового угнетения; 2) указывалась задача агитации среди молодежи; 3) подчеркивалась задача соц.-дем. не только бороться против возникновения войн или за скорейшее прекращение начавшихся уже войн, но и за то, чтобы использовать создаваемый войной кризис для ускорения падения буржуазии.

Все эти поправки подкомиссия (выбранная комиссией по вопросу об антимилитаризме) включила в резолюцию Бебеля. Кроме того, Жорес предложил счастливый план: вместо указания средств борьбы (стачка, восстание) указать исторические примеры борьбы пролетариата против войны, начиная с демонстраций в Европе и кончая революцией в России. В результате всей этой переработки вышла резолюция, правда, непомерно длинная, но зато действительно богатая мыслями и точно указывающая задачи пролетариата. В этой резолюции строгость ортодоксального, т.-е. единственно научного марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы. По-Фольмаровски нельзя читать этой резолюции, как нельзя и вместиť ее в узенькие рамки наивного эрвэизма.

В общем и целом, Штутгартский съезд рельефно сопоставил по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма. Резолюции этого съезда, освещенные дебатами на съезде, должны стать постоянным спутником всякого пропагандиста и агитатора. Единство тактики и единство революционной борьбы пролетариев всех стран сильно двинет вперед дело, сделанное в Штутгарте.

Доклады на Конференции Петербургской организации¹⁹³⁾ Р. С.-Д. Р. П.*).

1) III Государственная Дума.

Докладчик прежде всего охарактеризовал состав III Думы. Правительство простым эмпирическим путем так скроило избирательный закон 3 июня, что в Думе оказалось два возможных большинства: октябристско-черносотенное и октябристско-кадетское. И то и другое — безусловно контр-революционные. Правительство в своей реакционной политике будет опираться то на одно из них, то на другое. При этом свои самодержавно-крепостнические действия правительство будет прикрывать фразами о бумажных „реформах“. При этом кадеты, на деле проводя предательскую политику контр-революции, будут на словах выставлять себя партией истинно-демократической оппозиции.

Сделка кадетов с октябристами в Думе неминуема, и первые шаги к ней, — как доказывает докладчик рядом цитат из партийных газет к.-д. и октябристов, рядом фактов из жизни этих партий и сообщениями с последнего съезда кадетской партии, — уже сделаны. Кадетская политика сделки со старым режимом в III Думе обрисовывается еще более ярко, чем до сих пор, и насчет истинного ее характера ни для кого не останется сомнений.

Но ни первое ни второе думское большинство объективно не в состоянии удовлетворить насущные экономические и политические требования сколько-нибудь широких масс пролетариата, крестьянства и городской демократии. Выразителем нужд этих слоев народа будет, как и до сих пор, прежде всего, социал-демократия. Состав и деятельность III Думы обещают дать социал-демократии обильный и прекрасный агитационный материал, который должен быть использован против черносотенного правительства, явных крепостников-помещиков, октябристов и против кадетов. Задачей с.-д. по-прежнему остается популяризация в самых широких массах народа идеи всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права. О поддержке „левых“ октябристов или кадетов в

*) Точной записи докладов тов. Ленина на Конференции не сохранилось. Приводим эти доклады в изложении „Пролетария“. Ред.

Думе, поэтому, не может быть и речи. С.-д., как ни малочисленны они в III Думе, должны вести самостоятельную социалистическую и последовательно демократическую линию, пользуясь думской трибуной, правом запросов и т. д. Некоторые соглашения допустимы только с группой левых депутатов (особенно ввиду необходимости 30 подписей для внесения запроса), но только такие соглашения, которые не идут вразрез с программой и тактикой с.-д. Для этой цели необходима организация информационного бюро, никого не связывающего, а лишь дающего возможность с.-д. влиять на левых депутатов.

Из с.-д. рядов—заметил далее докладчик—раздаются уже голоса о поддержке „левых“ октябристов (напр., при выборах президиума), об организации информационного бюро с кадетами и о т. н. „бережении“ нашей думской фракции. Разговоры о поддержке октябристов, идущие со стороны меньшевиков, как нельзя нагляднее свидетельствуют о полном провале меньшевистской тактики. Была Дума кадетская, и меньшевики вопили о поддержке к.-д. Стоило Столыпину изменить избирательный закон в благоприятную для октябристов сторону, и меньшевики готовы поддерживать октябристов. Куда же меньшевики, в конце концов, пойдут по этому пути?

Информационное бюро с к.-д. докладчик считает недопустимым, ибо это значило бы информировать своих явных врагов.

По поводу „бережения“ фракции докладчик сказал: беречь фракцию действительно следует. Но для чего? Только для того, чтобы она в Думе высоко держала знамя с.-д., только для того, чтобы она в Думе вела непримиримую борьбу против контрреволюционеров всех видов и оттенков, начиная с союзников и кончая кадетами. Но ни в коем случае не для того, чтобы она поддерживала „левых“ октябристов и кадетов. Если бы ее существование было обусловлено необходимостью поддерживать эти группы, т.-е. поддерживать сделку со Столыпинским самодержавием, тогда ей лучше с честью вовсе прекратить свое существование, выяснивши всему народу, за что она была изгнана из Думы, если это изгнание последует

* * *

2) Участие с.-д. в буржуазной печати.

Второй доклад т. Ленина касался вопроса об участии с.-д. в буржуазной печати. Докладчик изложил точку зрения двух крыльев международной социал-демократии на этот счет и в осн-

бенности взгляды ортодоксов и ревизионистов из Германской с.-д. партии. Ортодоксы на Дрезденском партийтаге согласились на формулу допустимости участия в печати, не враждебной с.-д., мотивируя тем, что практически это равносильно полному запрещению, ибо в нынешнем развитом капиталистическом обществе нет буржуазных газет, не враждебных с.-д.

Докладчик стоит на точке зрения безусловной недопустимости политического участия в буржуазной печати, особенно в якобы беспартийной. Такие газеты, как, напр., «Товарищ», своей скрыто-лицемерной борьбой против с.-д. приносят ей гораздо больше вреда, нежели явно враждебные с.-д. партийные буржуазные газеты. Лучшей иллюстрацией этому могут служить выступления в «Товарище» Плеханова, Мартова, Горна, Когана и т. п. Все эти выступления направлены против партии и на деле не т.т. с.-д. использовали буржуазную газету «Товарищ», а эта газета использовала названных т.т. против ненавистной ей Р. С.-Д. Р. П. Ни одной статьи с.-д., которая не понравилась бы редакции «Товарища», до сих пор не появлялось.

*„Пролетарий“ № 20
от 19 ноября 1907 г.*

Приготовление „отвратительной оргии“.

Оценивая задачи с.-д. во всей русской Думе и стремления русских либералов, известный немецкий марксист Франц Меринг писал, что немецкий либерализм уже 60 лет идет жалким и позорным путем, прикрываясь лозунгом: «положительная работа». Когда Национальное Собрание в одну ночь лета 1789-го года совершило освобождение французских крестьян, гениально-продажный авантюрист Мирабо, величайший герой конституционной демократии, окрестил это событие крылатым словечком: «отвратительная оргия». А по-нашему (по-социал-демократически), это была положительная работа. Наоборот, освобождение прусских крестьян, тянувшееся черепашьям шагом в течение 60 лет, с 1807 по 1865 г.г., при чем было грубо, безжалостно загублено бесчисленное количество крестьянских жизней, с точки зрения наших либералов было «положительной работой», о которой они звонят во все колокола. По-нашему, это была «отвратительная оргия».

Так писал Меринг. И нельзя не вспомнить его слов теперь, когда открывается III-я Дума,—когда октябристы хотят вплотную

приняться за отвратительную оргию,—когда кадеты готовы с левейшим усердием участвовать в ней,—когда находятся и среди с.-д. (к стыду нашему) плехановцы, готовые помогать этой оргии. Присмотримся поближе ко всем этим приготовлениям.

Канун третьей Думы ознаменовался усиленными совещаниями разных партий относительно думской тактики. Октябристы выработали на московском совещании проект программы парламентской фракции союза 17 октября, а их оратор, г. Плевако, поднял на банкете в Москве «знамя русской либерально-конституционной партии». Кадеты в три или четыре дня закончили свой так называемый «партийный» V-й съезд. Левые кадеты разбиты наголову и совершенно изгнаны из Ц. К. кадетов (а Ц. К. состоит у них из 38 человек, всецело ворочающих «партией»). Правые кадеты получили полную свободу действия—в духе «доклада о тактике в III-ей Думе», этого замечательного, «исторического» оправдания «отвратительной оргии». Социал-демократы начали обсуждать тактику в III-ей Думе в Ц. К. и на конференции Спб. организации Р. С.-Д. Р. П.

Парламентская программа октябристов отличается откровенным признанием той контр-революционной политики, которую, в сущности, вели и кадеты во II-й Думе, прикрываясь всяческими фразами и отговорками. Например, октябристы откровенно заявляют, что пересмотр основных законов и избирательного закона «несвоевременен»: пусть-де сначала «рядом неотложных реформ» будет внесено «успокоение и устранена борьба страстей и классовых интересов». Кадеты этого не говорили, но действовали они во II-ой Думе именно так, а не иначе. Еще пример. Октябристы стоят «за привлечение к участию в самоуправлении возможно широкого круга лиц», но вместе с тем за «обеспечение соответствующего представительства» дворянству. Эта откровенная контр-революционность правдивее кадетской политики: сулить всеобщее, прямое, равное, тайное, а на деле отчаянно бороться и в I-ой и во II-ой Думе против такого выбора местных земельных комитетов и предлагать такие комитеты из крестьян и помещиков поровну, т.-е. то же самое «обеспечение представительства дворянству». Еще пример. Октябристы открыто отвергают принудительное отчуждение помещичьей земли. Кадеты его «признают», признают так, что голосуют во II-ой Думе вместе с правыми против трудовиков и с.-д. по вопросу о заключении аграрных прений общей формулой с признанием принудительного отчуждения.

На условии упрочения «побед» контр-революции октябристы

готовы обещать какие угодно либеральные реформы. Тут и „расширение бюджетных прав Думы“ (не шутите!), и „расширение ее прав надзора над закономерностью действий власти“, и обеспечение самостоятельности суда, и „прекращение стеснений рабочих хозяйственных организаций и экономических стачек“ („не угрожающих государственным и общественным интересам“), и „укрепление начал правомерной гражданской свободы“, и прочее и тому подобное. Правительственная партия „октябри“ так же щедро отпускает „либеральные“ фразы, как само правительство г. Столыпина.

Как же поставили на своем съезде кадеты вопрос об отношении к октябристам? Горстка левых кадетов оказалась состоящей из крикунов, не сумевших даже толком поставить вопроса. А масса правых рыцарей переодетого октябризма крепко сплестилась для самого подлого замазывания правды. Беспомощность левых кадетов выражена всего рельефнее в их проекте резолюции: первый пункт ее предлагает кадетам „стоять на резко оппозиционной почве, не идя на сближения с чуждыми ей (партии к.-д.) по духу и программе октябристами“. Второй же пункт призывает „не отказываться от поддержки законопроектов, ведущих страну по пути к освобождению и к демократическим реформам, откуда бы таковые ни исходили“. Это комизм, ибо ниоткуда больше, кроме как от октябристов, не могут в III Думе исходить законопроекты, способные собрать большинство! Г.г. левые кадеты вполне заслужили свое поражение, ибо они вели себя, как жалкие трусы или глупцы, не умеющие ясно и прямо сказать, что в подобной Думе неприлично собираться законодательствовать, что голосование с октябристами есть поддержка контр-революции. Единичные лица из левых к.-д., видимо, понимали дело, но в качестве салонных демократов струсили на съезде. По крайней мере, г. Жилкин передает в „Товарище“ такую приватную речь кадета Сафронова: „Кадетская фракция должна теперь, по-моему, занять положение трудовой группы I Думы. Оппозиция, сильные речи — и больше ничего. А они законодательствовать собираются. Каким же это образом? Дружба, союз с октябристами? Странное тяготение вправо. Вся страна левая, мы вправо“ („Тов.“ № 407). Очевидно, у г. Сафронова бывают светлые промежутки стыда и совести... но только приватно!

Зато г. Милюков и его шайка проявили во всем блеске свои давние качества бесстыдных и бессовестных карьеристов. В принятой резолюции суть дела замазали, чтобы надуть широ-

кую публику, как всегда надували народ либеральные герои парламентской проституции. В резолюции съезда («тезисы») нет ни единого слова об октябристах!! Это невероятно, но это факт. Весь гвоздь кадетского съезда—вопрос о голосовании к.-д. с октябристами. Все прения вертелись около этого. Но все искусство буржуазных политиканов в том и состоит, чтобы обманывать массы, чтобы скрывать свои парламентские проделки. «Тезисы о тактике», принятые 26 октября съездом к.-д., представляют из себя классический документ, показывающий, во-1-х, как кадеты сливаются с октябристами, и, во-2-х, как пишутся резолюции, предназначенные для обмана масс либералами. Документ этот надо сравнивать с «парламентской программой» союза 17 октября. Документ этот надо сопоставить с «докладом о тактике», прочтенным Милюковым на съезде к.-д. («Речь» № 255). Вот самые важные места этого доклада:

«Поставленная в положение оппозиции, партия, однако» (именно: однако!) «не будет играть роли безответственного меньшинства, в том смысле, в каком она сама употребляла этот термин для характеристики поведения в Думе крайних левых» (в переводе с парламентского на простой и прямой язык: смилюстивьтесь, дайте нам местечко, г.г. октябристы, ведь мы только для звания оппозиция!). «На Думу она не будет смотреть, как на средство для подготовки внедумских выступлений, но как на высший государственный орган, обладающий точно определенной в законе долей верховной власти» (не честнее ли октябристы, которые говорят прямо: пересмотр основных законов несвоевременен?). «В III-ю Думу, как и в первые две, партия идет с твердым намерением принять активное участие в ее законодательной работе. Этого рода деятельность партия всегда считала главной и основной, одинаково противопоставляя ее и агитационным целям левых и конспиративной деятельности правых». Ну, насчет «конспирации» вы тоже лжете, господа, ибо в обеих Думах вы конспирировали с министрами или лакеями министров! А отречение от агитации есть полное и бесповоротное отречение от демократии.

Чтобы законодательствовать в III-ей Думе, надо так или иначе, прямо или косвенно, соединиться с октябристами и встать всецело на почву контр-революции и охраны ее побед. К.-д. стараются умолчать об этой очевидной вещи. Они проговариваются, однако, в другом месте доклада: «Пользование законодательной инициативой должно быть поставлено в зависимость от предварительного выяснения практической проводимости».

мости партийных проектов». Практическая проводимость зависит от октябристов. Выяснить проводимость—значит с заднего крыльца забежать к октябристам. Поставить свою инициативу в зависимость от этого выяснения—значит в угоду октябристам урезывать свои проекты, значит поставить свою политику в зависимость от «октябрей».

Середины нет, господа. Либо партия действительной оппозиции, и тогда—безответственное меньшинство. Либо партия активного контр-революционного законодательства, и тогда—лакейство перед октябристами. Кадеты выбрали второе, и в награду за это черносотенная Дума проводит, говорят, правого кадета Маклакова в президиум! Маклаков заслужил это.

Но как же могли найтись с.-д., способные даже теперь говорить о поддержке кадетов? Таких с.-д. породило мещанство интеллигенции, мещанство всей русской жизни. Таких с.-д. воспитало плехановское опознание марксизма. На конференции Спб. с.-д. организации выяснилось, что меньшевики вслед за правой Думой идут еще дальше вправо. Они готовы поддерживать октябристов, т. е. правительственную партию! Почему же не голосовать эс-декам за Хомякова, который лучше Бобринского? Это вопрос целесообразности! Почему не голосовать за Бобринского, если выбор есть только между ним и Пуришкевичем? Почему не поддерживать октябристов против черносотенцев, когда Маркс учил поддерживать буржуазию против феодалов?

Да, стыдно сознаться, да, грех утаить, что Плеханов довел своих меньшевиков до бесконечного опозорения социал-демократии. Как истый человек в футляре, твердил он заученные слова о «поддержке буржуазии» и своей долбней засорил всякое понимание особых задач и особых условий борьбы пролетариата в революции и борьбы с контр-революцией. У Маркса весь анализ революционных эпох вращается около борьбы истинной демократии и особенно пролетариата с конституционными иллюзиями, с предательством либерализма, с контр-революцией. Плеханов признает Маркса,—подделанного под Струве. Пусть жнет теперь Плеханов то, что посеял!

Контр-революционный характер либерализма в русской революции доказан всем ходом событий перед 17 октября и, особенно, после 17-го октября. Третья Дума заставит и слепых прозреть. Сближение кадетов с октябристами есть политический факт. Никакие отговорки и увертки не могут затушевать его. Пусть газета тупоумных бернштейнианцев, «Товарищ», ограничива-

ется беспомощным хныканьем по этому поводу, перемешивая это хныканье с подталкиваньём кадетов к октябристам, с политическим сводничеством. Социал-демократия должна понять классовые причины контр-революционности российского либерализма. С.-д-тия должна беспощадно разоблачать в Думе все подходы к.-д. к октябристам, всю низость якобы демократического либерализма. Рабочая партия отбросит с презрением всякие соображения о «бережении огонька» и развернет знамя социализма и знамя революции!

*„Пролетарий“ № 1,
от 5 ноября 1907*

А судьи кто?¹⁹⁴⁾

В буржуазной печати злорадное хихиканье по поводу раскола между меньшевиками и большевиками в Р. С.-Д. Р. П. вообще и по поводу резкой борьбы на Лондонском съезде в частности стало постоянным явлением. Никто не помышляет об изучении разногласий, об анализе двух тенденций, об ознакомлении читающей публики с историей раскола и со всем характером расхождения меньшевиков и большевиков. Публицисты «Речи» и «Товарища», г.г. Вергежские, Е. К., Переяславские и прочие penny-a-liners (писачки из-за почасовой платы) просто ловят на лету всякие слухи, подбирают «пикантные» для пресыщенных салонных болтунов подробности «скандалов» и всячески стараются засорить мозги шелухой анекдотов насчет нашей борьбы.

В этот жанр прошлого зубоскальства впадают и социалисты-революционеры. Персидовая в № 6 «Знамени Труда» вытаскивает рассказ Череванина о случае истерики на Лондонском съезде, хихикает по поводу затраты «десятков тысяч», смакует «недурную картину внутреннего состояния русской социал-демократии в настоящий момент». Для либералов подобные введения служат переходом к возвеличению оппортунистов à la Плеханов, для эс-эров — к грозному разному их (с.-р. повторяют теперь доводы революционных с.-д. против рабочего съезда! спохватились!). Но злорадство по поводу тяжелой борьбы внутри с.-д. у тех и других одинаково.

Скажем несколько слов о либеральных героях этого похода и остановимся подробно на эс-эровских героях «борьбы с оппортунизмом».

Либералы хихикают над борьбой внутри с.-д., чтобы прикрыть свое систематическое обманывание публики насчет партии к.-д. Обман у них сплошной, внутренняя борьба самих к.-д. и переговоры их с властями скрываются систематически. Все знают, что левые к.-д. журят правых, все знают, что г.г. Милоковы, Струве и К^о ездили по передним г.г. Столыпиных. Но точные факты скрыты. Разногласия замазаны, о спорах господ Струве с левыми к.-д. не сообщено ни слова. Протоколов кадетских съездов нет. Числа членов своей партии ни в итоге, ни по организациям либералы не сообщают. Направление разных комитетов не известно. Сплошные потемки, сплошная официальная ложь «Речи», сплошное надувание демократии министерскими собеседниками,—вот что такое партия к.-д. Адвокаты и профессора, делающие себе карьеру на парламентаризме, фарисейски осуждая подполье, восхваляют открытую деятельность партий, а на деле издеваются над демократическим принципом гласности и скрывают от публики различные политические тенденции в своей партии. Нужна вся близорукость коленопреклоненного перед Милоковым Плеханова, чтобы не видеть этого грубого, грязного, подкрашенного лаком культуриности обмана демократии кадетами.

Ну, а эс-эры? Исполняют ли они долг честных демократов (о социалистах мы не говорим, когда речь идет об с.р.)—давать народу ясное и правдивое изложение борьбы разных политических тенденций в среде тех, кто хочет вести за собой народ?

Посмотрим на факты.

Декабрьский съезд партии с.-р. в 1905 г. Первый и единственный, опубликовавший протоколы. Г. Тучкин, делегат Ц. О., восклицает: «Когда-то с.-д., повидимому, совершенно искренно были убеждены, что наступление политических свобод будет политической смертью нашей партии... Эпоха свобод доказала иное» (стр. 28 добавления к проток.). Полно, так ли, г. Тучкин? То ли доказала эпоха свобод? То ли доказала действительная политика партий с.-р. в 1905 г.? в 1906 г.? в 1907 г.? Посмотрим на факты!

В протоколах съезда с.-р. (декабрь 1905 г. опубликовано в 1906 г.!) читаем, что одна литературская группа, имевшая совещательный голос на этом съезде, после 17 окт. «настаивала перед Ц. К. с.-р. на организации открытой партии» (стр. 49 протоколов; дальнейшие цитаты отсюда же). Ц. К-ту с.-р. «было предложено создать не откры-

тую организацию партии с.-р., а особую параллельную ей народно-социалистическую партию“ (51). ЦК отказался и вынес вопрос на съезд. Съезд отверг предложение эн-эсов большинством всех против 1 при 7 воздержавшихся (66). „Разве мыслимо быть рядом в двух партиях?“ восклицал, бия себя в грудь, г. Тучкин (стр. 61). А г. Шевич намекнул на близость н.-с. к либералам, так что хладнокровие стало покидать (стр. 59) эн-эса г. Рождественского, уверявшего, что „никто не имеет права“ называть их „полулибералами“ (59 *).

Таковы факты. В 1905 г. с.-р-ы порвали с „полулибералами“ н.-с-ами. Порвали ли?

Крупнейшим средством открытого воздействия партии на массы была в 1905 г. печать. В октябрьские „дни свобод“ с.-р-ы вели газету в блоке с н.-с., правда, до декабрьского съезда. Формально эс-эры тут правы. По существу дела, они в период самых больших свобод, самого открытого воздействия на массы скрыли от публики две различные тенденции внутри партии. Разногласия были не меньше, чем внутри с.-д., но с.-д-заботились об их выяснении, а с.-р. об их дипломатическом скрывании. Таковы факты 1905 года.

Берем 1906 год. Перводумский период „маленьких свобод“. Возрождаются социалистические газеты. Эс-эры опять в блоке с н.-с., газета у них общая. Разрыв с „полулибералами“ на съезде не даром был дипломатический: хотите, разрыв; хотите, никакого разрыва! Предложение отклонили, высмеяли мысль „быть рядом в двух партиях“ и... и продолжали сидеть рядом в двух партиях, благоговейно восклицая: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на дерущихся друг с другом эс-деков! Таковы факты. Оба периода свободной печати в России ознаменовались тем, что эс-эры шли в блоке с н.-с., обманом („дипломатией“) скрывали от демократии две глубоко различные и внутри их партии проявившие себя тенденции.

Берем 1907 год. После первой Думы н.-с-ы формально образовали свою партию. Это было неизбежно, ибо в I думе, в первом выступлении партий перед выборами от крестьян по всей России н.-с. и с.-р. выступили с разными аграрными проектами (104-х и 33-х). Н.-с-ы победили эс-эров перед де-

*) Г. Шевич немножечко отступил перед этой обидой потерявшего хладнокровие эн-эса и „поправился“, — стр. 63 — сказав „в виде личного (!) объявления“ „причислить оратора к либеральной партии я не собирався“.

путатами-трудовиками, собрав более чем втрое больше подписей под своим проектом, под своей аграрной программой. Эта программа, по признанию с.-р. Вихляева («Наша Мысль», Сборник № 1, Спб. 1907, статья: «Народно-социалистическая партия и аграрный вопрос»), «одинаково» с законом 9 ноября 1906 г. «приходит к отрицанию коренного начала общинного землепользования». Эта программа узаконяет «проявления своекорыстного индивидуализма» (стр. 89 статьи г. Вихляева), «загрязняет широкий идейный поток индивидуалистической мутью» (стр. 91 той же статьи), встает на «путь поощрения индивидуалистических и эгоистических течений в народных массах» (стр. 93 там же).

Кажется, ясно? Крестьянские депутаты в подавляющем большинстве проявили буржуазный индивидуализм. Первое выступление с.-р-ов перед крестьянскими выборными всей России подтвердило блестяще теорию с.-д., фактически превратив с.-р-ов в крайнее левое крыло мелко-буржуазной демократии.

Но, может быть, с.-р-ы хоть после того, как н.-с-ы отошли от них и провели свою программу в трудовой группе, отмежевывались от них с полной определенностью? Нет. Выборы во II-ю Думу в Петербурге доказали обратное. Блоки с кадетами были тогда крупнейшим проявлением социалистического оппортунизма. Черносотенная опасность была фикцией, которая прикрывала политику подчинения либералам. Кадетская печать особенно ясно вскрыла это, подчеркивая «умеренность» меньшевиков и н.-с-ов. Как держали себя с.-р-ы? Наши «революционеры» шли в блоке с н.-с-ами и трудовиками; условия этого блока от публики скрывались. Наши революционеры тащились за кадетами, совсем как меньшевики. Представители с.-р. предлагали кадетам блок (совещание 18 января 1907 г. Ср. брошюру Н. Ленина «Услышишь суд глупца», Спб. 15 января 1907 г. *), в которой констатируется, что с.-р-ы вели себя политически нечестно в вопросе о соглашениях, ведя переговоры одновременно и с с.-д., объявившими 7 января 1907 г. войну кадетам, и с кадетами). В левый блок с.-р-ы попали вопреки своей воле, в силу отказа кадетов.

Итак, после полного разрыва с н.-с-ами с.-р-ы на деле ведут политику н.-с-ов и меньшевиков, т.-е. оппортунистов. «Пре-

1) См. 117—133 стр. этого тома. Ред.

имущество» их состоит в том, что они скрывают от глаз света мотивы этой политики и свои течения внутри партии.

Экстренный съезд партии с.-р.-ов в феврале 1907 г. не только не поднял этого вопроса о блоках с к.-д., не только не оценил значения подобной политики, а, напротив, подтвердил ее! Напомним речь Г. А. Гершуни на этом съезде, своевременно расхваленную «Речью» совершенно так же, как хвалит она всегда Плеханова. Гершуни говорил, что остается «при старом мнении, кадеты пока не наши враги» (стр. 11 брошюры: «Речь Г. А. Гершуни на экстр. съезде П. с.-р.», 1907 г., стр. 1—15, с партийным девизом с.-р.: «в борьбе обрешь ты право свое»). Гершуни предостерегал от взаимной борьбы внутри оппозиции: «не разуверится ли народ в самой возможности управления посредством народного представительства» (там же). Очевидно, что в духе этого кадетолюбца съезд с.-р. принял резолюцию, в которой, между прочим, говорится:

«Съезд находит, что резкая партийная группировка внутри Думы при изолированном выступлении каждой отдельной группы и острой междупартийной борьбе могла бы совершенно парализовать деятельность оппозиционного большинства и тем дискредитировать в глазах трудящихся классов самую идею народного представительства» (№ 6 «Партийных Известий» п. с.-р., 8 марта 1907 г.).

Это уже чистейший оппортунизм, хуже нашего меньшевизма. Гершуни немного более аляповато заставил съезд с.-р. повторить плехановщину. И вся деятельность думской фракции с.-р. отразила этот дух кадетской тактики попечения о единстве национальной оппозиции. Разница между с.-д. Плехановым и эсером Гершуни только та, что первый — член партии, которая не прикрывает подобного декадентства, а разоблачает его и борется с ним, второй же — член партии, в которой все тактические принципы и теоретические воззрения спутаны и закрыты от глаз публики плотной занавесью кружковой дипломатии. «Сора из избы не выносить», это г.г. эсеры умеют. Но его и нельзя им вынести, ибо кроме сора ничего нет! Им нельзя было сказать всей правды об их отношениях к н.-с.-ам в 1905, 1906 и 1907 годах. Им нельзя раскрыть того, как может партия... партия, а не кружок... сегодня 67 головами против 1 принимать архи-оппортунистическую резолюцию, а завтра истекать в «революционных» выкриках.

Да, господа «судьи», мы не завидуем вашему формальному праву ликования по поводу резкой борьбы и расколов внутри

с.-д. Много дурного в этой борьбе, слов нет. Много гибельного в этих расколах для дела социализма, бесспорно. И все же ни на одну минуту не пожелали бы мы променять этой тяжелой правды на вашу „легонькую“ ложь. Тяжелая болезнь нашей партии — болезнь роста массовой партии. Ибо не может быть массовой партии, партии класса без полной ясности существенных оттенков, без открытой борьбы между разными тенденциями, без ознакомления масс с тем, какие деятели партии, какие организации партии ведут ту или иную линию. Без этого нельзя сложить партии, достойной этого слова, и мы складываем ее. Мы добились того, что взгляды наших обоих течений стоят перед всеми правдиво, ясно, отчетливо. Личная резкость, фракционная склока и свора, скандалы и расколы, — все это мелочь по сравнению с тем, что на опыте двух тактик учатся действительно пролетарские массы, учатся действительно все, способные сознательно относиться к политике. Наши драки и расколы позабудутся. Наши тактические принципы, отточенные и закаленные, войдут в историю рабочего движения и социализма России как краеугольные камни. Пройдут годы, — может быть, даже десятилетия, а на сотне разнообразных практических вопросов будут проследживать влияние того или иного направления. И рабочий класс России и весь народ знают, с кем имеют они дело в лице большевизма или меньшевизма.

Знают ли они кадетов? Вся история партии к.-д. есть сплошное политическое жонглерство с умалчиванием о самом главном, с одной вечной заботой: скрыть во что бы то ни стало правду.

Знают ли они с.-р.-ов? Пойдут ли с.-р. завтра опять в блок с социал-кадетами? Не идут ли с.-р. в нем теперь? Отделяют ли они себя от „индивидуалистической мути“ трудовиков или наполняют все больше свою партию этой мутью? Стоят ли они по-прежнему на почве теории единства национальной оппозиции? Приняли ли они эту теорию только вчера? Бросят ли они ее на несколько недель завтра? Этого никто не знает, этого сами г.г. эс-эры не знают, ибо вся история их партии есть сплошное систематическое, непрерывное затушевыванье, запутывание, замазывание разногласий словами, фразами и фразами.

Отчего это так? Не оттого, что эс-эры — буржуазные карьеристы, как к.-д. Нет, в их искренности, как кружка, нельзя сомневаться. Беда их — невозможность созидать массовую партию, невозможность стать партией класса. Объективное положение

такого, что приходится быть только крылом крестьянской демократии, несамостоятельным, неровным придатком, «группой при» трудовиках, а не самодовлеющим целым. Период бури и пати́ска не помог эс-эрам выпрямиться во весь рост,—этот период бросил их в цепкие объятия эн-эсов, такие цепкие, что даже раскол не разрывает их. Период контр-революционной войны не закалил их связь с определенными общественными слоями,—он вызвал только новые (усиленно скрываемые теперь эс-эрами) шатания и колебания насчет социалистичности мужика. И когда читаешь теперь обильные пафосом статьи «Знамени Труда» о героях эс-эровского террора,—то невольно говоришь себе: ваш терроризм, господа, не есть следствие вашей революционности. Ваша революционность ограничивается терроризмом.

Нет, далеко таким судьям до того, чтобы судить социал-демократию!

„Пролетарий“ № 19
от 5 ноября 1907 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Несколько документов из истории
Р. С.-Д. Р. П.

№ 1.

1-я Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П.

Конференция имела место в начале ноября 1906 г. Характер ее был чисто совещательный. Делегатов было 32: 7 от Бунда, 5 от с.-д. Польши, 3 от с.-д. Латышского края, 1 от Спб., 4 от Москвы и всего центрального промышленного района, 1 от Поволжья, 2 от Донецкого бассейна, 1 от Северо-Западного союза, 1 от Спилки, 1 от Киева, 1 от Одессы, 1 от Сев. Кавказа, 3 от Южн. Кавказа и 1 от Средней Азии. Не явились два делегата: 1 от Урала и 1 от Сибири. Члены Ц. К. и ред. Ц. О. присутствовали с совещательным голосом.

Порядок дня был принят такой: 1) Избирательная кампания. 2) Партийный съезд. 3) Рабочий съезд. 4) Борьба с черной сотней и программами. 5) Партизанские выступления.

По 1 вопросу было 4 докладчика: 2 за блоки с кадетами (Мартов и Абрамович от Бунда), 2 против (Ленин и Барский от с.-д. Польши). После 2-дневных прений была принята 18 против 14 голосов (т.-е. меньшевики и бундовцы против большевиков латышей и поляков) резолюция за блоки с либералами.

1. О тактике Р. С.-Д. Р. П. в избирательной кампании.

I.

В своей избирательной кампании Р. С.-Д. Р. П., выступая как самостоятельная классовая партия пролетариата, ставит своей целью:

1) распространить возможно шире программу революционной с.-д.-тии и организовать на почве классовой борьбы возможно более широкие слои пролетариата;

2) разъяснить массам иллюзорность всяких надежд на мирный исход борьбы за власть между народом и самодержавным правительством. Разоблачать половинчатость и несостоятельность тактических методов и программных лозунгов буржуазно-оппозиционных партий, противопоставляя им революционные методы и цели пролетариата и толкая демократические элементы на путь революционной борьбы;

3) разбить контр-революционные планы реакции, стремящейся овла-

деть Думой, чтобы сгруппировать при ее помощи вокруг монархии остальные общественные элементы,

и 4) поднять политическую активность масс и, организуя силы революции вне Думы и внутри ее, создать условия для превращения последней в опорный пункт революции. Обнаруживать все бессилие Гос. Думы, как законодательного учреждения при самодержавной монархии, и необходимость борьбы за полновластное Учредительное Собрание.

II.

1) В своей избирательной агитации соц.-демократия везде выступает на основе самостоятельной партийной платформы.

2) Согласно резолюции Объединительного съезда отвергаются всякие союзы, заключенные между партиями в целом или связывающие отдельные группы партии на весь период избирательной кампании.

3) При выборах в рабочей курии признаются недопустимыми для первой стадии выборов какие бы то ни было частные и местные соглашения с группами и партиями, не стоящими на точке зрения классовой борьбы пролетариата.

4) Во всех остальных куриях, если в ходе избирательной кампании выясняется опасность прохождения списков правых партий, допустимы местные соглашения с революционными и оппозиционно-демократическими партиями, соответственно местным условиям, под общим контролем центральных учреждений. При этом, однако, совершенно недопустимо связывание себя со стороны партийных кандидатов или партийных организаций какими бы то ни было принципиальными уступками по отношению к договаривающимся группам.

5) Формы таких соглашений должны сообразоваться с местными условиями и могут заключаться как в территориальном распределении кандидатур в пределах одного избирательного округа, так и в составлении общих списков кандидатов в выборщики.

Примечание: При этом следует стремиться составлять общие списки по возможности лишь в самый последний момент перед выборами, когда выборная агитация приходит к концу.

2. По вопросу о единстве избирательной кампании на местах.

Конференция выражает свое убеждение, что в пределах одной и той же организации для всех ее членов обязательно проводить все касающиеся избирательной кампании решения, принятые компетентным органом местных организаций в пределах общих директив Ц. К., причем Ц. К. может запрещать местным организациям выставлять не чисто социал-демократические списки, но не должен обязывать их выставлять не чисто социал-демократические списки.

3. Поправка к проекту избирательной платформы, предложенной Ц. К.

1) Развить подробнее цели нашего участия в выборах в Думу, подчеркнуть значение революционных организаций и самодеятельность масс и роль Думы, как опорного пункта революции; 2) иллюстрировать общую характеристику оппозиционных и революционных течений конкретными примерами отдельных партий (к.-д., с.-р. и т. д.), подчеркнуть классовый характер соц.-дем.; 3) изложить более подробно пункт 6 платформы; 4) переработать платформу в смысле популярности, имея в виду особенности крестьянства; 5) вставить указание на классовый характер с.-д. и конечную цель пролетарского движения; 6) ни в каком случае из платформы не выпускать упоминания о республике, как конкретнй форме народовластия; 7) не упускать также указания на средства борьбы (восстание и т. п.), т.-е. указать конкретно, что вся предшествовавшая борьба поставила нацию над необходимостью всенародного восстания, захвата власти народом для созыва Учр. Собрания; 8) точно и недвусмысленно указать основное отличие точки зрения с.-д. от всех главных партий, играющих роль в думской кампании, точно указать классовое содержание различных партий, именно охарактеризовать и определенно назвать к.-д., трудовиков и т. д.; 9) выразить в платформе идею б о р ь б ы пролетариата с б у р ж у а з и е й, — идею, совершенно затушеванную в платформе; 10) выпустить из платформы выражения: отмена самодержавия, амнистия и др.

4. По вопросу о партийном съезде.

Принята резолюция о желательности очередного съезда не позже 15-го марта.

5. Об обязательности резолюции конференции

Конференция выражает свое убеждение, что в пределах одной и той же организации для всех ее членов обязательно проводить все, касающиеся избирательной кампании, решения, принятые компетентными органами местных организаций, в пределах общих директив Ц. К.

При чем Ц. К. может запрещать местным организациям выставлять не чисто социал-демократические списки, но не может обязывать их выставлять не чисто социал-демократические списки.

6. О пределах агитации за рабочий съезд.

Конференция полагает, что активные шаги по организации созыва рабочего съезда совершенно недопустимы и являются нарушением пар-

тийной дисциплины до тех пор, пока по этому вопросу не состоялось соответственного решения партийного съезда.

Поскольку же дискуссия по вопросу о рабочем съезде ведется в партийной прессе и на собраниях, она не должна выходить из границ чисто принципиального обсуждения.

7. Об участии организаций в расходах по созыву съезда.

I.

Конференция постановляет, что все партийные организации должны внести в кассу ЦК для организации очередного съезда взнос, пропорциональный количеству членов, состоящих в соответствующей организации. Не меньше, чем половина этого взноса, должно быть внесено в кассу ЦК за месяц до срока, назначенного ЦК для созыва съезда. Взнос определяется для каждой организации в 20 коп. с каждого организованного рабочего.

II.

Ввиду значительности расходов, каких потребует созыв съезда, и невозможности возложить эти расходы на ЦК, конференция постановляет, что все местные организации должны сами взять на себя все расходы, снабжая каждого делегата всей необходимой, указанной ЦК суммой. С ЦК должна быть снята всякая ответственность за недостаток у делегата денег и за невозможность для ЦК отправить вследствие этого делегата на съезд.

№ 2

Резолюции Лондонского съезда РСДРП.

1. Регламент.

1. Слово к порядку просится письменно, при чем на записке отмечается, о чем делегат желает говорить.

По поводу предложений к порядку слово дается одному за, другому против, каждому не более 3-х минут.

2. По каждому вопросу каждый делегат может получить слово не более 2-х раз: первый раз — 15 минут, второй — 5 минут.

3 Докладчики и содокладчики получают по 45 минут, и на заключительное слово по 20 минут. Для отчетов организаций время докладов определяется каждый раз особо.

4. Примерное голосование производится лишь в том случае, если того требует не менее 20 голосов.

5. Все заявления, фактические и личные замечания вносятся пись-

менно, за подписью вносящего. Вопрос о времени оглашения заявления, а также о том, должно ли заявление быть оглашено в подлинном виде, решается президиумом по большинству голосов. На решение бюро допускается апелляция к съезду.

6. Все решения принимаются абсолютным большинством голосов, присутствующих в зале заседания. Перебаллотировка считается окончательной, хотя бы дала только относительное большинство. При равенстве голосов предложение считается отклоненным.

7. Предложения вносятся письменно, и письменно же просится слово.

8. Съезд заседает от 10—2 и от 3—6 часов. Заседания открываются в назначенное время, при любом числе делегатов.

9. Каждый оратор обязан не позже следующего дня представить в секретариат конспект своей речи.

2. Проект большевистской резолюции об отчете Центрального Комитета.

Рассмотрев деятельность Ц. К-та за истекший год, съезд признает, что:

1. Ц. К. отступил от постановлений Объединительного съезда, что выразилось:

а) в провозглашении лозунгов: «ответственного министерства» и «борьба за Думу как орган власти»;

б) в попытках отказаться от требования конфискации земли без выкупа и заменить его требованием отчуждения земли;

в) в тактике соглашений с контр-революционной либерально-монархической буржуазией во время избирательной кампании;

г) в тактике соглашений с той же буржуазией в Г. Думе и в отказе от углубления и обострения конфликтов в Думе и вне Думы;

д) в нарушении партийного единства, как это было в Петербурге и в других местах.

2. По существу деятельность Ц. К-та во многом не соответствовала классовым интересам пролетариата, что особенно ярко выразилось:

а) в перечисленных выше отступлениях от постановлений Объединительного съезда, приводящих не только к отказу от независимой тактической позиции пролетарской партии, но отчасти даже к отступлению от партийной программы;

б) в недостаточной отзывчивости Ц. К-та на важные проявления пролетарской борьбы—локауты и целый ряд других фактов.

3. Что в своей практической, организационной, осведомительной деятельности Ц. К. не был высшим практическим центром партии, а лишь представителем одной ее части.

Принимая все это во внимание, съезд констатирует, что ни в один момент своей годичной деятельности нынешний Ц. К. не выражал воли большинства партии.

3 Принятая резолюция по поводу Ц. К.

(Проект Бунда).

Съезд, выслушав отчет Ц. К-та, переходит через все резолюции к очередным делам.

4. Проект большевистской резолюции по поводу отчета Думской фракции.

Выслушав отчет думской социал-демократической фракции, съезд признает, что фракция обнаружила в общем стремление быть достойной представительницей рабочего класса, не всегда, к сожалению, вполне последовательно проводила точку зрения пролетарской классовой борьбы, что проявилось:

1) в ошибочном голосовании с.-д-тов за кадетов в председатели Думы; 2) в несоциалистической и неревolutionной мотивировке декларации, 3) в опущении социал-демократической обосновки бюджетной резолюции, 4) в усвоении буржуазно-либерального лозунга—подчинение исполнительной власти Государственной Думе и в некоторых других случаях.

Констатируя этот факт, съезд считает необходимым дать к руководству фракции на будущее время следующие указания:

1. Фракция должна возможно полнее проводить во всей своей деятельности и подчеркивать в своих декларациях и важнейших заявлениях те черты, которые специально свойственны социал демократии, как партии пролетарско-социалистической, в отличие от различных буржуазно-демократических партий.

2. В своей политике по отношению к этим буржуазным партиям фракция должна употреблять все усилия к тому, чтобы отделить те их элементы, которые являются действительно демократическими и революционными (с.-р., отчасти трудовики и н.-соц.), от элементов контр-революционных, лишь прикрывающихся именем демократии (к.-д., народовцы и так далее).

3. В этих целях необходимо систематически противопоставлять в думских дебатах и в голосованиях строго революционную точку зрения точке зрения торго и соглашения со старой властью, проводимой либерально-монархическими партиями (к.-д. и им подобными), а также избегать излишних сближений с этими партиями в виде общих с ними совещаний целыми фракциями, систематической информации с ними, голосований за их представителей на ответственные выборные посты и т. п.

Съезд выражает пожелание и надежду, что на почве директив съезда и под руководством избранного им центрального учреждения партии,

работа фракции пойдет дружно и успешно не только в думской, но, что особенно важно для пролетарской партии, и во вне-думской работе фракции среди пролетариата.

5. Проект меньшевистской резолюции об отчете с.-д. думской фракции.

Съезд, выслушав отчет думской с.-д. фракции, выражает ей доверие за энергичное и последовательное отстаивание интересов пролетариата и дела революции.

6. Проект польской резолюции по поводу отчета фракции.

Съезд, выслушав отчет с.-д. думской фракции, находит:

1) что основной задачей с.-д. представителей в Думе является содействие классовому воспитанию самых широких масс пролетариата как для защиты его интересов вообще, так и для выполнения той роли политического вождя, которую призван сыграть сознательный пролетариат в нынешней революции;

2) что сообразно с этим, руководящим началом при выступлениях с.-д. фракции должно быть изложение и выяснение при всех важнейших случаях принципиально классовой позиции социал-демократического революционного пролетариата, в отличие от всех других видов оппозиционной и революционной политики, начиная с кадетов и кончая с.-р-ами;

3) что этой задачей социал-демократия не может ни в каком случае жертвовать для целей сохранения общих оппозиционных действий с какими бы то ни было политическими группами в Думе;

4) что, наконец, тактической задачей социал-демократической фракции в отношениях к прочим группам Думы является то, чтобы, отличаясь своей крайней позицией от либеральной буржуазии, в то же время объединять по возможности под своим руководством трудовые, оппозиционные и революционные группы.

7. Проект бундовской резолюции по поводу отчета думской фракции.

Признавая, что в деятельности с.-д. фракции были отдельные ошибки, съезд констатирует, что с.-д. фракция в своей деятельности в общем и целом стояла на страже интересов пролетариата и революции, съезд выражает уверенность, что фракция и впредь будет служить делу русского пролетариата в согласии с директивами настоящего съезда и под руководством Ц. К.

8. Проект комиссионной резолюции об отчете думской фракции.

1) Съезд, выслушав отчет думской фракции, признает, что она в своей деятельности в общем и целом стояла на страже интересов пролетариата и революции;

2) формула П. С.-Д. (см. проект польской резолюции о фракции: „...основной задачей с.-д. представителей в Думе...“ и т. д.);

3) выражает уверенность, что фракция и впредь будет служить делу русского пролетариата в согласии с директивами съезда и под руководством Ц. К.

9. Принятая резолюция об отчете думской с.-д. фракции.

Съезд, выслушав отчет думской фракции, признает, что она в своей деятельности в общем и целом стояла на страже интересов пролетариата и революции, и выражает уверенность, что фракция и впредь будет служить делу русского пролетариата в согласии с директивами съезда и под руководством Ц. К.

10. Проект бундовской резолюции о национальном вопросе в Гос. Думе.

Выслушав отчет думской фракции и связанные с ним дебаты, съезд вынужден констатировать, что думская соц.-дем. фракция не использовала в достаточной мере думскую трибуну для освещения национального вопроса в России вообще и еврейского в частности; что, недооценивая вопроса, как конкретного злободневного вопроса российской действительности, фракция не воспользовалась случаем раскрыть глаза широких масс населения на националистическую и антисемитическую политику русского правительства и на тесную связь, существующую между национальным угнетением и старым порядком.

Считая, что своим недостаточно внимательным отношением к национальному вопросу фракция упустила случай связаться с широкими массами населения угнетенных национальностей, съезд выражает твердую уверенность, что с.-д. фракция приложит все усилия к тому, чтобы в области этих вопросов стать на должную высоту, как представительница интересов рабочего класса России.

11. Принятая съездом резолюция о национальном вопросе в Думе.

Считая, что своим недостаточно внимательным до последнего времени отношением к национальному вопросу фракция упустила удобный случай использовать думскую трибуну для освещения национального вопроса в России и связаться с широкими массами населения угнетенных национальностей, съезд выражает твердую уверенность, что с.-д. фракция приложит все усилия к тому, чтобы и в области этих вопросов стать на должную высоту, как представительница интересов рабочего класса России.

12. Проект бундовской резолюции о народной демократии.

Обсудив вопрос о позиции, занятой соц.-дем. фракцией в вопросе о совместных совещаниях с народной демократией, съезд пришел к следующим выводам.

Хотя народная демократия вследствие национального гнета, тяготеющего над польским народом, вынуждена пока стоять в оппозиции к самодержавному правительству, тем не менее, даже в области общегосударственной политики, эта партия не откажется от поддержки правительства в тех случаях, когда это будет вызываться контр-революционной ролью ее в самой Польше. Такая роль народной демократии во внутренней жизни Польши особенно ярко выразилась в организации черносотенных нападений на сознательных рабочих, в попытках развратить пролетарские массы путем националистической и клерикальной агитации в антисемитской и погромной травле евреев.

Такой взгляд на политический облик народной демократии заставляет признать, что какие бы то ни было общие совещания с народной демократией недопустимы, так как они способствуют затемнению классового сознания пролетариата и затушевыванию действительного характера народной демократии.

13. Принятая резолюция о народной демократии (польский проект).

Принимая во внимание, что с.-д. фракция в Государственной Думе является естественной выразительницей интересов пролетариата всей России, а следовательно, и Польши, что одной из самых близких задач ее является постоянное разоблачение политики буржуазных партий и борьба с ними, что польское коло, руководимое национальной демократией, пользуясь отсутствием непосредственных представителей польского пролетариата и недостаточной осведомленностью нынешней с.-д. фракции относительно своеобразных условий общественно-политической жизни Польши, может тем успешнее вести псевдо-либеральную политику и, выступая в качестве единственного представителя всего польского народа, содействовать затемнению классового сознания пролетариата.

Принимая далее во внимание, что н.-д. партия, как организация контр-революционных элементов польского общества, является сознательным и непримиримым врагом пролетариата и социал-демократии, стремясь путем националистической, антисемитской и независимовской агитации использовать отсталую часть польских рабочих, как орудие контр-революции; принимая, наконец, во внимание, что н.-д. проповедует прямо убийства революционных рабочих и открыто организует вооруженные банды, убивающие сотни борцов революции, съезд:

1) обращает внимание социал-демократической фракции на необходимость и громадное значение не только для польского пролетариата,

но и для всего дела революции неутомимого беспощадного разоблачения контр-революционной, черносотенной физиономии и деятельности народных демократов, как союзников царизма в борьбе с революцией;

2) находит, что польская национал-демократическая фракция должна быть причислена к тем думским группам, с которыми с.-д. фракция не должна входить в какие бы то ни было переговоры и соглашения;

3) поручает комитету с.-д. думской фракции организационным путем снестись с правлением С.-Д. Польши и Литвы, затем, чтобы организовать систематическое получение необходимых материалов как для критики н.-д., так и для того, чтобы успешно защищать интересы польского пролетариата в Думе.

14. Проект резолюции членов Думы — большевиков об отношениях между думской фракцией и ЦК.

В дополнение и изменение устава думской фракции предлагаем съезду принять следующие пункты:

1. Каждая фракционная комиссия имеет право приглашать специалистов-членов партии с ведома комитета фракции и с утверждения общего собрания фракции.

2. Специалисты и члены ЦК пользуются в комиссиях правом совещательного голоса.

3. Комиссии выбирают докладчиков перед фракцией и кандидатов в ораторы в Думу.

4. Комитет фракции входит в комиссии в целях осведомления.

5. Окончательный выбор ораторов в Думу зависит от общего собрания фракции, а в экстренных случаях, когда фракция не может собраться, от комитета фракции.

6. ЦК должен иметь официальное представительство во фракции и сообщать фракции директивы ЦК.

15. Принятая резолюция об отношениях между думской фракцией и ЦК.

ЦК должен иметь официальное представительство во фракции и сообщать фракции директивы ЦК.

16. Проект большевистской резолюции об отношении к буржуазным партиям.

Принимая во внимание:

1) что перед социал-демократией в настоящее время выдвигается с особенной настоятельностью задача определить классовое содержание различных непролетарских партий, учесть взаимоотношение классов в

данный момент и в соответствии с этим определить свое отношение к другим партиям;

2) что социал-демократия всегда признавала в своей программе необходимость поддержки всякого оппозиционного и революционного движения, направленного против существующего в России общественного и политического порядка;

3) что на социал-демократии лежит обязанность сделать все для выполнения пролетариатом роли вождя в буржуазно-демократической революции.

Принимая это во внимание, съезд признает:

1) что черносотенные партии (союз русского народа, монархисты, совет объединенного дворянства и проч.) все решительнее и определеннее выступают, как классовые организации крепостников-помещиков, все наглее вырывают из рук народа завоевания революции и тем вызывают неизбежное обострение революционной борьбы; социал-демократия должна разоблачать теснейшую связь этих партий с царизмом и с интересами крупного крепостнического землевладения, разъясняя необходимость непримиримой борьбы за полное уничтожение этих остатков варварства;

2) что такие партии, как союз 17-го октября, торгово-промышленная партия, отчасти партия мирного обновления и т. д., представляют из себя классовые организации части помещиков и в особенности более отсталых слоев буржуазии, вполне уже ставших на сторону контр-революции, явно поддерживающие правительство, ставящие своей задачей осуществление цензовой и самой антидемократической конституции, с которыми социал-демократия должна вести самую беспощадную борьбу;

3) что партия либерально-монархической буржуазии и главная из этих партий, к.-д., определенно отвернулись уже теперь от революции и преследуют задачу прекращения ее путем сделки с контр-революцией; что социальной основой таких партий являются экономически более прогрессивные слои буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция, тогда как часть демократической городской и деревенской мелкой буржуазии идет еще за этими партиями только в силу традиции и будучи прямо обманываема либералами; что идеалы этих партий не выходят за пределы упорядоченного буржуазного общества, защищенного монархией, полицией, двухпалатной системой, постоянной армией и пр. от посягательств пролетариата; социал-демократия должна использовать в целях политического воспитания народа деятельность этих партий, противопоставляя их лицемерно-демократической фразеологии последовательный демократизм пролетариата, разоблачая распространяемые ими конституционные иллюзии и беспощадно борясь против их гегемонии над демократической мелкой буржуазией;

4) что народнические или трудовые партии (н.-соц., трудовая группа, с.-р.) более или менее близко выражают интересы и точку зрения широких масс крестьянской и городской мелкой буржуазии, колеблясь между подчинением гегемонии либералов и последовательной борьбой

против помещичьего землевладения и крепостнического государства; эти партии облекают свои, в сущности, буржуазно-демократические задачи более или менее туманной социалистической идеологией; социал-демократия должна неуклонно разоблачать их псевдо-социалистический характер и бороться с их стремлением затушевать классовую противоположность между пролетариатом и мелким хозяйчиком, а с другой стороны, всеми силами вырывать их из-под влияния и руководства либералов, заставляя эти партии делать выбор между политикой к.-д. и политикой революционного пролетариата и принуждая их таким образом становиться на сторону с.-д. против черносотенцев и к.-д.;

5) вытекающие отсюда совместные действия должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска одновременно против реакции и против предательской либеральной буржуазии.

17. Первоначальный проект меньшевистской резолюции об отношении к буржуазным партиям.

Принимая во внимание, во-первых, что в процессе буржуазной революции перед пролетариатом возникает ряд задач, общих у него с задачами всех буржуазно-демократических элементов страны; во-вторых, что эти задачи он может осуществить, только лишь комбинируя свои действия с действиями других общественных классов и групп; в-третьих, что в стране преобладающего крестьянства и слабо развитой городской буржуазной демократии, пролетариат, как наиболее последовательный представитель демократического движения страны, с одной стороны, и как тот класс, сплочение и усиление которого непосредственно связаны с капиталистическим развитием страны—с другой стороны, преодолевая благодаря всем этим условиям тем большие трудности, что своим собственным движением он двигает вперед на путь решительной борьбы с существующим режимом всю буржуазную демократию страны; в-четвертых, что в наличной группировке буржуазных партий демократическое движение страны не нашло еще своего законченного выражения, на одном своем полюсе отразив буржуазную неготовность к борьбе и готовность к уступкам, тот реализм, который свойственен городским буржуазным классам, наряду с им же свойственными иллюзиями конституционной мирной ликвидации старого порядка, на другом отразив иллюзии мелко-буржуазного революционизма и аграрных утопий,—социал-демократия, как партия пролетариата, ставит себе задачей: во-первых, своей самостоятельной политикой, имеющей в своей основе движение класса, отражающееся на капиталистическом развитии страны, влиять на оппозиционные и революционные партии, борясь с их иллюзиями как конституционного, так и революционного происхождения, как с оппортунизмом одних, так и с экономически реакционными проектами других, при чем, во-вторых, она стремится комбинировать свои действия с дей-

ствиями этих партий, руководясь теми требованиями, которые ставят перед ней задачу совместного натиска на противника, и регулируя эти действия общими нормами своего самостоятельного классового поведения. (Напечатано в «Народной Думе», № 12, суббота 24 марта 1907 г.)

18. Внесенный на съезде проект меньшевистской резолюции об отношении к буржуазным партиям.

Принимая во внимание:

1) что пролетариат является главным двигателем российской революции;

2) что политической задачей его в ходе этой революции является низвержение самодержавия и установление демократической республики, как наилучшего условия борьбы за социализм;

3) что задача эта должна быть разрешена лишь путем более или менее продолжительной революционной борьбы, в ходе которой перед пролетариатом возникают также промежуточные политические формы;

4) что, насколько пролетариат сознает свою великую политическую задачу, он может и должен смотреть на движение всех других общественных классов исключительно с точки зрения возможности использовать их для своих целей ради ее решения;—

съезд находит, что, ведя свою революционную классовую борьбу и тем пробуждая другие общественные классы, пролетариат поддерживает те оппозиционные и революционные шаги этих классов, которые идут в направлении демократических требований пролетариата, и тем самым делает эти шаги исходной точкой широких народных движений, направленных к углублению и расширению русла революции

Далее, принимая во внимание:

1) что, с одной стороны, наша революция еще не создала основных политических условий для развития буржуазного общества и потому не удовлетворила еще среднюю и мелкую буржуазию города и деревни;

2) что, с другой стороны, общественные экономические условия и историческая обстановка, при которых совершается эта революция, тормозят развитие буржуазно-демократического движения, на одном полюсе порождая нерешительность в борьбе и иллюзии конституционной мирной ликвидации старого порядка, а на другом—иллюзии мелко-буржуазного революционизма и аграрных утопий;

3) что в данный момент временного затишья с особенной силой выступают наружу эти отрицательные тенденции, тормозящие развитие революции, парализуя оппозиционную энергию либеральных и демократических партий и толкая их на путь примирения с существующим режимом, делая в то же время пролетариат особенно восприимчивым к народническим утопиям.

Принимая это во внимание, социал-демократия ставит себе задачей:

1) своей самостоятельной политикой влиять на либеральные и демо-

кратические партии, беспощадно борясь как с их примирительными тенденциями, особенно проявившимися теперь у кадетов, так и с аграрными утопиями и поверхностным революционизмом народников, и поддерживая в то же время проявления их борьбы с существующим порядком.

2) вступать в отдельных, определенных случаях с этими партиями в соглашения, руководясь теми требованиями, которые ставит перед социал-демократией задача усиленного натиска на самодержавие, чтобы использовать их в интересах расширения русла революции и достижения поставленной пролетариатом себе высокой цели.

19. Принятая резолюция об отношении к непролетарским партиям.

Принимая во внимание:

1) что перед Р. С.-Д. Р. П. в настоящее время выдвигается с особенной настоятельностью задача определить классовое содержание различных непролетарских партий, учесть взаимоотношение классов в данный момент и в соответствии с этим определить свое отношение к другим партиям;

2) что социал-демократия всегда признавала необходимость поддержки оппозиционного и революционного движения, направленного против существующего в России общественного и политического порядка;

3) что на социал-демократии лежит обязанность сделать все для выполнения пролетариатом роли вождя в буржуазно-демократической революции, при сохранении полной самостоятельности его классовой позиции.

Принимая это во внимание, съезд признает:

1) что реакционные и черносотенные партии (союз русского народа, монархисты, совет объединенного дворянства и проч.) все решительнее и определеннее выступают, как классовые организации крепостников-помещиков, что они путем национальной травли и организации погромов стремятся потопить революцию в крови междоусобной войны;—социал-демократия должна, указывая на теснейшую связь этих партий с царизмом, разъяснять необходимость непримиримой борьбы за полное уничтожение всех социальных и политических остатков крепостнического варварства;

2) что такие партии, как союз 17-го октября, торгово-промышленная партия, отчасти партия мирного обновления и т. п., представляют из себя организации, опирающиеся на часть помещиков и более отсталые слои самой буржуазии, вполне уже ставшие на сторону контр-революции, явно поддерживающие правительство и ставящие своей задачей осуществление цензовой и самой анти-демократической конституции; социал-демократия должна вести с этими партиями самую беспощадную борьбу;

3) что партия либерально-монархической буржуазии и главная из этих партий—к.-д. определенно отвернулись уже теперь от революции и преследуют задачу прекращения ее путем сделки с контр-револю-

цией; социальной основой таких партий являются экономически более прогрессивные слои буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция, тогда как часть городской и деревенской мелкой буржуазии идет еще за этими партиями только в силу традиций и будучи прямо обманываема либералами; что политические стремления этих партий не выходят за пределы конституционной монархии, защищенной полицией и двухпалатной системой, постоянной армией и проч. от посягательств пролетариата; социал-демократия должна использовать в интересах политического воспитания народа деятельность этих партий, противопоставляя их лицемерно-демократической фразеологии последовательный демократизм пролетариата, разоблачая распространяемые ими конституционные иллюзии и беспощадно борясь против их гегемонии над демократической мелкой буржуазией;

4) что народнические или трудовые группы (н.-соц., трудовая группа, с.-р.) более или менее близко выражают интересы и точку зрения широких народных масс деревенской и городской мелкой буржуазии, колеблясь между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против помещичьего землевладения и крепостнического государства; эти партии облекают свои, в сущности, буржуазно-демократические задачи более или менее туманной социалистической идеологией; социал-демократия должна неуклонно разоблачать их псевдо-социалистический характер и бороться с их стремлениями затушевать классовую противоположность между пролетариатом и мелким хозяйчиком, а с другой стороны, всеми силами вырывать из-под влияния и руководства либералов, заставляя эти партии делать выбор между политикой к.-д. и политикой революционного пролетариата и принуждая их таким образом в борьбе за доведение демократической революции до конца, становиться на сторону с.-д., против черносотенцев и к.-д.;

5) вытекающие отсюда совместные действия должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска как против реакции, так и против предательской тактики либеральной буржуазии.

20. Проект большевистской резолюции о Гос. Думе.

1. Непосредственно политическими задачами социал-демократии в Думе являются: а) выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства; б) выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства и выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма, как единственного исхода революции, способного обеспечить полноту ее победы — переход власти в руки народа

и созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

2. На первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандистская, агитационная и организационная роль с.-д. думской фракции, как одной из наших партийных организаций, именно этим, а не непосредственно законодательным целям, должны служить и законопроекты, вносимые с.-д. думской фракцией. Общий характер думской борьбы должен быть подчинен всей внедумской борьбе пролетариата, при чем особенно важно использование массовой экономической борьбы и служение ее интересам.

3. Борясь не только с самодержавием но и с предательским буржуазным либерализмом, который во имя лозунга «беречь Думу» фактически предаёт народные интересы на жертву черной сотне, социал-демократическая фракция и с.-д. партия, считаясь исключительно с ходом развивающегося вне Думы в силу объективных условий революционного кризиса, не должна ни вызывать несвоевременных конфликтов, ни искусственно предотвращать или отсрочивать конфликт путем понижения своих лозунгов, способного лишь дискредитировать в глазах массы социал-демократию и оторвать ее от революционной борьбы пролетариата.

4. Принимая во внимание, что «подчинение» исполнительной власти данной Думы (в форме так наз. ответственного министерства и т. п.), выражая непосредственно стремление либеральной буржуазии к сделке с самодержавием, могло бы на деле осуществиться лишь при революционном напоре, недостаточно сильном для победы,—соц.-демократия не может ни выставлять, ни делать своими подобных лозунгов, затемняющих демократическое сознание масс и затрудняющих этим борьбу масс.

21. Проект меньшевистской резолюции об отношении к Гос. Думе.

Признавая, что Государственная Дума, при всем ее безвластии и недемократичности положенного в ее основу избирательного права, является завоеванием народа в его революционной борьбе с самодержавием и потому может и должна быть использована в целях дальнейшей борьбы за народовластие, социал-демократия участвует в выработке, обсуждении и голосовании законопроектов, в осуществлении права запросов и других работах Думы, преследуя при этом следующие цели:

а) разоблачать непримиримую враждебность самодержавно-крепостнического государства и поддерживающих его реакционных партий интересам широких народных масс и особенно пролетариата;

б) развивать в народных массах сознание неизбежности революционной борьбы за государственную власть;

в) внедрять в сознание народных масс идеи последовательного демократизма, разоблачая измены либеральных партий принципам демократии и вскрывая непоследовательность и противоречивость политики народных партий;

г) связывать ближайшие политические задачи с социально-экономическими нуждами и запросами пролетариата;

д) вскрывать различия между социально-экономическими интересами пролетариата и других классов в настоящей революции и разъяснять противоречие между интересами рабочего класса и всем буржуазным строем;

е) всю эту деятельность втягивать широкие народные массы и особенно пролетариат в борьбу, тем самым давая толчок повышению политической самостоятельности масс и их организации в ходе борьбы и подготавливая таким образом условия для решительной победы над самодержавием и завоевания Учредительного Собрания, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Принимая во внимание, что обострение внутри думского конфликта с правительством может явиться лишь следствием обострения народной борьбы вне Думы, и признавая, что размах и значение деятельности фракций находятся в теснейшей зависимости от движения рабочих масс и состояния общественных сил в стране,—

съезд признает:

1) что думская фракция должна поддерживать на почве своей работы самую тесную связь со всевозможными рабочими организациями и с своей стороны предпринимать шаги для сплочения рабочих масс вокруг фракции;

2) что все партийные организации должны самым энергичным образом поддерживать фракцию во всех ее выступлениях.

22. Принятая резолюция о Гос. Думе.

1) Непосредственно политическими задачами социал-демократии в Думе являются: а) выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства; б) выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, и выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма, борьбы, имеющей целью обеспечение полноты победы,— переход власти в руки народных масс и созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

2. На первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандистская, агитационная и организационная роль Думы, как одной из наших партийных организаций. Именно этим, а не непосредственно законодательным целям, должны служить и законопроекты, вносимые с.д. думской фракцией. Общий характер думской борьбы должен быть подчинен всей внедумской борьбе пролетариата, при чем особенно важно использование массовой экономической борьбы и служение ее интересам.

3. Борясь не только с самодержавием, но и с предательской поли-

тикой буржуазного либерализма, который во имя лозунга «беречь Думу» фактически предает народные интересы на жертву черной сотне, социал-демократическая фракция, считаясь исключительно с ходом развивающегося вне Думы, в силу объективных условий, революционного кризиса, не должна ни вызывать несвоевременных конфликтов, ни искусственно предотвращать или отсрочивать конфликт, путем принижения своих лозунгов, способного лишь дискредитировать в глазах массы социал-демократию и оторвать ее от революционной борьбы пролетариата.

4. Принимая во внимание, что «подчинение» исполнительной власти данной Думе (в форме так наз. ответственного министерства и т. п.), выражая непосредственно стремления либеральной буржуазии к сделке с самодержавием, могло бы на деле осуществиться лишь при революционном напоре, недостаточно сильном для победы,—

социал-демократия не может ни выставлять, ни делать своими подобными лозунгов, затемняющих демократическое сознание масс и затрудняющих этим борьбу масс.

23. Проект большевистской резолюции о рабочем съезде и беспартийных рабочих организациях.

Принимая во внимание:

1) что Социал-Демократическая Рабочая Партия является единственной организацией, объединяющей сознательную часть пролетариата, как авангард, руководящий борьбой рабочего класса за социалистический строй и необходимые к осуществлению его политические и экономические условия;

2) что в деле защиты и обслуживания экономических интересов рабочих масс, главной формой организации являются профессиональные союзы и вслед за ними другие виды рабочей организации, как-то: кооперативы и т. п.;

3) что в момент революционного подъема является возможность организовать или использовать в целях развития социал-демократии беспартийные представительные учреждения рабочего класса, как-то: Советы Рабочих Депутатов, Советы Уполномоченных и т. п.;

4) что идея рабочего съезда ведет по существу своему к замене социал-демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера, а организационная и агитационная подготовка рабочего съезда неизбежно ведет к дезорганизации партии и содействует подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии,—

съезд признает, что:

1) в целях расширения и укрепления влияния социал-демократии на широкие массы пролетариата необходимо, с одной стороны, усилить работу по организации профессиональных союзов и с.д. пропаганду и агитацию внутри их, а, с другой стороны, привлекать все более и более

широкие слои рабочего класса к участию во всякого рода партийных организациях;

2) допустимо участие организаций с.-д. партии, в случае необходимости, в беспартийных Советах Рабочих Уполномоченных, Советах Рабочих Депутатов и съездах их представителей, а также устройство таких учреждений при условии строго партийной постановки этого дела, в целях развития и укрепления С.-Д. Рабочей Партии;

3) идея беспартийного рабочего съезда, подхваченная анархо-синдикалистами для борьбы с социал-демократическим влиянием на рабочие массы, безусловно вредна для классового развития пролетариата и

4) при полной необходимости свободы обсуждения вопроса о рабочем съезде в органах партийной печати (газеты, журналы) съезд считает в то же время недопустимой агитационную и организационную работу в широких рабочих массах по подготовке рабочего съезда, недопустимой ни для отдельных членов, ни для организаций С.-Д. Р. П.

24. Проект меньшевистской резолюции о массовых рабочих организациях и о рабочем съезде.

Принимая во внимание:

1) что общенациональная революционная борьба в России в сравнительно короткое время значительно подняла политическую сознательность и активность широких слоев русского пролетариата и вызвала в них стремление и попытки сплотиться в массовые организации для борьбы за свои экономические и политические интересы;

2) что, подготавливая широкую и прочную основу для объединения самых масс нашего пролетариата в классовую политическую организацию, пробудившееся в них стремление к самоорганизации является вместе с тем показателем того, что в их среде имеются уже на-лицо элементы, способные при благоприятных условиях положить начало для такого политического объединения русских рабочих;

3) что возможно скорое сплочение русского пролетариата в классовую политическую организацию является для него насущной потребностью и неотложной задачей, так как, только выступая в качестве большой самостоятельной политической силы, он может планомерно и успешно бороться с правительственной реакцией и капиталистами и систематически противодействовать буржуазным партиям остановить революцию на пути, в угоду эксплуататорским классам и во вред классам эксплуатируемым;

4) что русская социал-демократия, зародившись в подпольных интеллигентских кружках, в эпоху, когда русский пролетариат представлял собой еще сословно приниженную и политически безразличную массу, сложилась в революционную организацию, которая, в силу своего прошлого, своих традиций и той же господствующей и определяющей роли, которую в ней играет интеллигенция по сравнению с ее пролетарскими

элементами, в своем теперешнем виде отнюдь не является еще действительно пролетарской массовой организацией;

5) что, с другой стороны, идейное и политическое влияние, приобретенное русской социал-демократией на передовые слои пролетариата, дает ей возможность внести в самый процесс зарождения и первоначального развития у нас массовых рабочих организаций дух учения международной социал-демократии и пропитать их своими принципиальными стремлениями;

6) что, поэтому, соединяя свои силы с политически сознательными элементами пролетариата, на почве практического осуществления их организационных стремлений, русская социал-демократия тем самым чрезвычайно ускорит процесс своего полного организационного слияния с этими элементами и превращения в действительно классовую пролетарскую организацию, способную выполнить те сложные и противоречивые задачи, которые выдвинуты перед ней революцией и которые не по плечу ей одной в настоящем виде, с ее собственными, унаследованными от дореволюционной эпохи силами, средствами и приемами деятельности и практическими навыками,—

Принимая все указанные соображения во внимание, съезд признает важнейшим очередным делом русской социал-демократии работу рука об руку с передовыми элементами рабочих масс над сплочением последних в самостоятельные организации, какой бы политический и скромный характер, по обстоятельствам места и времени, те подчас не носили или должны были носить

Съезд заявляет, что пассивное, а тем более отрицательное, отношение со стороны партии к организационным стремлениям и попыткам пролетариата, поставило бы ее в вопиющее противоречие с ее принципиальной задачей—развитие классового самосознания и классовой самостоятельности рабочих масс и лишило бы ее возможности до конца выполнить свою историческую миссию в современном освободительном движении России.

Принимая далее в соображение:

1) что массовые рабочие организации, зарождающиеся и складывающиеся на почве одних только профессиональных, местных и вообще групповых нужд и потребностей, сами по себе, без воздействия на них пролетарских социал-демократических партий или организаций, имеют непосредственную тенденцию суживать умственный и политический кругозор рабочих масс узкой средой профессиональных и вообще частных интересов и повседневных потребностей отдельных слоев или групп пролетариата;

2) что встретившая сочувствие в рабочих кругах мысль о созыве обще-русского рабочего съезда, с целью положить на нем начало политическому объединению русских рабочих, внесет объединяющее начало в организационное строительство рабочих масс и выдвинет перед ними на первый план общие интересы рабочего класса и его задачи в современной русской революции;

3) что, внося в разрозненные организационные попытки социально-активных масс пролетариата такую объединяющую конкретную цель, как созыв общего рабочего съезда, пропаганда и агитация в пользу его созыва в свою очередь даст сильный толчок стремлению этих слоев к самоорганизации и поднимет их активность в этом направлении;

4) что, ввиду растущей в рабочих кругах популярности мысли о рабочем съезде, пассивное и в особенности враждебное отношение со стороны партии к попыткам проводить ее в жизнь открыло бы широкий простор беспринципным авантюристам для того, чтобы толкнуть рабочих на ложный путь, и бросило бы их в объятия разных демагогов;

5) что, с другой стороны, вопросы о задачах рабочего съезда, о путях и способах его подготовки еще очень мало выяснились в социал-демократических кругах, что стремление самих рабочих к его созыву не проявилось еще какими-нибудь серьезными практическими шагами с их стороны для подготовки его, и что съезд только в том случае явится действительным, а не мнимым выразителем коллективной воли сознательных слоев пролетариата и послужит делу его классового объединения, если созыв его будет подготовлен их собственной организованной самодеятельностью при усиленном и планомерном содействии партии;—

исходя из всех этих соображений, съезд Р. С.-Д. Р. П. предлагает товарищам рабочим и интеллигентам заняться всесторонним обсуждением вопросов, относящихся к программе и задачам рабочего съезда и пропагандистской, организационной и агитационной ролью по его подготовке и к путям и способам его созыва.

Партийный съезд считает в то же время обязанностью партийных учреждений оказывать всяческую поддержку пропагандистским, агитационным и организационным попыткам, направленным на подготовку рабочего съезда; враждебную же агитацию против попыток этого рода, съезд признает принципиально недопустимой, так как она стремится сохранить и упрочить устарелый партийный режим в русской социал-демократии, ставший уже несовместимым ни с современным уровнем развития и запросами группирующихся внутри и вокруг нее пролетарских элементов, ни с запросами революции.

25. Принятая резолюция о рабочем съезде и беспартийных рабочих организациях.

Принимая во внимание:

1) что Социал-Демократическая Рабочая Партия является единственной организацией, объединяющей сознательную часть пролетариата, как авангард, руководящий борьбой рабочего класса за социалистический строй и необходимые к осуществлению его политические и экономические условия;

2) что в деле защиты и обслуживания экономических интересов рабочих масс главной формой организации являются профессиональные

союзы и вслед за ними другие виды рабочей организации, как-то: кооперативы и т. д.;

3) что в момент революционного подъема является возможность организовывать или использовать в целях развития социал-демократии беспартийные представительные учреждения рабочего класса, как-то: Советы Рабочих Депутатов, Советы Рабочих Уполномоченных и т. п.;

4) что идея рабочего съезда ведет по существу своему к замене социал-демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера, а организационная и агитационная подготовка рабочего съезда неизбежно ведет к дезорганизации партии и содействует подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии,—

съезд признает, что:

1) в целях расширения и укрепления влияния социал-демократии на широкие массы пролетариата необходимо, с одной стороны, усилить работу по организации профессиональных союзов и с.-д. пропаганду и агитацию внутри их; а, с другой стороны, привлекать все более и более широкие слои рабочего класса к участию во всякого рода партийных организациях;

2) желательно участие с.-д. партии в беспартийных советах рабочих уполномоченных, Советах Рабочих Депутатов и съездах их представителей, а также устройство таких учреждений, при условии строго партийной постановки этого дела, в целях развития и укрепления С.-Д. Рабочей Партии;

3) агитация за беспартийный рабочий съезд, подхваченная анархо-синдикалистами для борьбы с социал-демократическим влиянием на рабочие массы, вредна для классового развития пролетариата.

26. Проект резолюции о партизанских выступлениях, внесенный за подписью 2-х большевиков.

Принимая во внимание:

1) что в настоящий момент российской революции нет еще достаточных условий для победоносного всенародного восстания;

2) что, при данных условиях экономического и политического кризиса, растущее недовольство широких народных масс, направляясь по линии наименьшего сопротивления, неизбежно выливается в формах отдельных партизанских актов против непосредственных виновников экономического и политического гнета;

3) что организация партизанских выступлений и участие в них социал-демократии допустимо лишь в момент непосредственной массовой борьбы;

4) что, с другой стороны, в настоящий момент сравнительного политического затишья, партизанские выступления неизбежно вырождаются в чисто анархические приемы борьбы, ослабляя партию в ее борьбе

против анархической агитации в рабочем классе и внося деморализацию в ее собственные ряды;

5) что боевые дружины, существующие при партийных комитетах, принимая участие в партизанской борьбе при условиях настоящего момента, неизбежно превращаются в замкнутые заговорщические кружки, отрываются от широких масс и, деморализуясь, вносят дезорганизацию в ряды партии,—

принимая все это во внимание, съезд признает:

1) что в настоящий момент, при отсутствии условий для массового политического взрыва, партизанские выступления нежелательны, и съезд рекомендует идейную борьбу с ними;

2) что и допустимые при условиях массовой революционной борьбы партизанские выступления могут быть совершаемы лишь по инициативе местных партийных комитетов, с разрешения областных центров и под их строжайшим контролем;

3) что формой боевых организаций, наиболее соответствующей задаче подготовки боевого авангарда пролетариата к вооруженному восстанию, является система партийной милиции, заключающаяся в обучении военному делу всех членов партии в рамках существующих партийных ячеек.

27. Проект резолюции о партизанских выступлениях (проект Мартова).

Принимая во внимание:

1) что в борьбе за свое политическое и экономическое освобождение пролетариат может рассчитывать только на силу своего собственного организованного классового движения;

2) что под влиянием обострения экономической нужды, безработицы и политического гнета среди известных слоев пролетариата замечается склонность к борьбе помощью партизанских выступлений, т.-е. единоличных и групповых нападений против жизни агентов правительства и представителей буржуазии;

3) что в связи с этим и на той же почве развиваются и усиливаются экспроприации казенного и частного имущества;

4) что эти анархические приемы борьбы вносят дезорганизацию в ряды пролетариата, затемняя его классовое самосознание и порождая в нем иллюзию о возможности замены его организованной борьбы усилиями единичных самоотверженных личностей;

5) что поэтому практика партизанских выступлений не только не может рассматриваться как способ приготовления народных масс к восстанию, но, напротив, сама убивает в пролетариате стремление и привычку к самостоятельным массовым выступлениям;

6) что, кроме того, партизанские действия и экспроприации, кото-

рыми правительство пользуется для усиления репрессий против мирного населения, отталкивают последнее от дела революции;

7) что, несмотря на постановления Стокгольмского съезда, партизанские выступления и экспроприации практиковались в некоторых местах с революционными целями даже членами партии или при их содействии;

8) что такого рода участие членов партии в партизанских выступлениях и экспроприациях не только связывает партию в ее борьбе против анархистских настроений в рабочем классе, но и компрометирует в глазах широких масс населения и вносит деморализацию в ее собственные ряды;—

принимая все это во внимание, съезд постановляет:

1) партийные организации должны вести энергичную борьбу против партизанских выступлений и экспроприаций, разъясняя рабочим массам всю несостоятельность этих средств в борьбе за политические и экономические интересы рабочего класса и весь их вред для дела революции;

2) какое бы то ни было участие в партизанских выступлениях и экспроприациях или содействие им воспрещается членам партии под угрозой исключения из нее.

Вместе с тем, не предрешая вопроса о формах организации вооружения (народных) масс в периоде открытых выступлений, а также для целей самозащиты против погромов, съезд находит, что дружины, существующие при партийных организациях, как постоянные учреждения с специально боевыми функциями, ведя по необходимости обособленное от рабочих организаций существование, являются склонными к увлечению террористической тактикой в революционной борьбе и сами способствуют распространению партизанских действий и экспроприаций. Ввиду этого, съезд постановляет, что все специальные боевые дружины, имеющиеся при партийных организациях, должны быть распущены.

Ведя таким образом энергичную борьбу против распространения в пролетариате анархистских стремлений, партийные организации должны в то же время нести в массах агитацию против варварской политики правительства и имущих классов, которые, с одной стороны, подавляют все попытки рабочего класса бороться с растущей экономической нуждой, а, с другой стороны, обрушиваются чрезвычайными мерами против тех, кто под влиянием голода и отчаяния совершает преступления против жизни и собственности эксплуататоров.

28. Комиссионный проект резолюции о партизанских выступлениях (проект 4-х делегаций комиссии, кроме большевиков).

Принимая во внимание:

1) что под влиянием обострения экономической нужды, безработицы и кровавой политики царизма среди известных слоев пролетариата замечается склонность к борьбе помощью партизанских выступлений, т.-е.

единичных и групповых нападениях против жизни агентов правительства и представителей буржуазии;

2) что в связи с этим на той же почве развиваются и усиливаются экспроприации казенного и частного имущества;

3) что эти анархические приемы борьбы вносят дезорганизацию в ряды пролетариата, затемняя его классовое самосознание и порождая в нем иллюзии о возможности замены его организованной борьбы усилиями единоличных самоотверженных личностей и тем убивая в пролетариате стремление и привычку к самостоятельным и массовым выступлениям;

4) что, кроме того, партизанские действия и экспроприации, которыми правительство пользуется для усиления репрессий против мирного населения, создают почву для черносотенной агитации как в народных массах, так и особенно в войсках;

5) что такого рода участие членов партии в партизанских выступлениях и экспроприациях не только связывает партию в ее борьбе против анархистских настроений в рабочей массе, но и компрометирует ее в глазах широких масс населения и вносит деморализацию в ее собственные ряды;

принимая все это во внимание, съезд постановляет:

1) партийные организации должны вести энергичную борьбу против партизанских выступлений и экспроприаций, разъясняя рабочим массам всю неосостоятельность этих средств в борьбе за политические и экономические интересы рабочего класса и весь их вред для дела революции;

2) какое бы то ни было участие в партизанских выступлениях и экспроприациях или содействие им воспрещается членам партии под угрозой исключения из нее.

Вместе с тем, не предпреляя вопроса о формах организации вооружения масс в периоде открытых выступлений, а также для целей самозащиты, съезд находит, что дружины, существующие при партийных организациях, как постоянные учреждения с специально боевыми целями, ведя по необходимости обособленное от рабочих организаций существование, являются склонным к увлечению террористической тактикой в революционной борьбе и сами способствуют распространению партизанских действий и экспроприаций.

Ввиду этого съезд постановляет, что все специальные боевые дружины, имеющиеся при партийных организациях, должны быть распущены.

29. Принятая резолюция о партизанских выступлениях.

Предыдущий проект со следующими изменениями: в 1 пункте мотивировочной части вместо «среди известных слоев пролетариата наблюдается склонность к борьбе» — «известные слои пролетариата толкаются на борьбу»; в 5 пункте мотивировочной части вместо «анархических настроений» — «анархических тенденций»; во 2 пункте резолютивной части выброшено «под угрозой исключения из нее».

30. Принятая резолюция о профессиональных союзах. (комиссионный проект).

Подтверждая резолюцию Объединительного съезда о работе в профессиональных союзах, съезд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них—содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установлению организационной связи с ней и необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь.

31. Принятая резолюция о работе в армии.

Признавая необходимым усилить организационную и агитационную работу в армии и всесторонне осветить вопросы, связанные с этой работой,—

съезд поручает Центральному Комитету созвать возможно более полную конференцию военных организаций Р. С.-Д. Р. П. и обратить серьезное внимание на издание органа и с.-д. агитационной литературы для солдат и матросов.

32. Принятая резолюция об объединении с армянской с.-д. организацией.

Съезд, принимая во внимание, что комиссия по организационным вопросам признала представленный армянской с.-д. рабочей организацией проект со внесенными в него комиссией поправками в общем и целом приемлемым в качестве основы для объединения, поручает Ц. К. осуществить это объединение в возможно скором времени.

33. О з а й м е.

Принимая во внимание:

1) что самодержавное русское правительство является непримиримым врагом народов России, ведущих с ним героическую борьбу за свои элементарные права;

2) что западные государства, оказывая русскому правительству моральную и финансовую поддержку, фактически оказываются его союзниками в подавлении народов России;

3) что проектируемое соглашение английского правительства с рус-

ским явилось бы громадной моральной поддержкой для злейшего врага цивилизации, —

съезд апеллирует к английской демократии, призывая ее своим давлением помешать правительству Англии совершить это преступление по отношению к освободительному движению в России.

34. Принятый Съездом Организационный Устав Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

1. Членом партии признается всякий, принимающий партийную программу, поддерживающий партию материальными средствами и входящий в какую-либо партийную организацию.

2. Все организации партии строятся на началах демократического централизма.

3. Все организации партии автономны во внутренней своей деятельности. Всякая утвержденная организация партии имеет право издавать от своего имени партийную литературу.

4. Новые партийные организации утверждаются областными конференциями или 2-мя соседними организациями. Контроль над утверждением принадлежит Ц. К.; обо всех вновь утвержденных организациях Ц. К. своевременно публикует в партийной печати.

5. Организации одного района могут объединяться в областные союзы; областной центр выбирается на областных конференциях или съездах.

6. Все партийные организации должны поддерживать Ц. К. средствами в размере 10 процентов всех поступлений.

7. Ц. К. выбирается на съезде. Ц. К. представляет партию в сношениях с другими партиями, организует различные учреждения партии и руководит их деятельностью, назначает редакцию Ц. О., работающую под его контролем, организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение, распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии, разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их и вообще объединяет всю деятельность партии. В случае выбытия членов Ц. К. состав его пополняется из числа назначенных съездом кандидатов в порядке, определенном съездом.

8. Для обсуждения наиболее крупных вопросов партийной жизни Ц. К. созывает периодически, не реже одного раза в 3 — 4 мес., совещание из представителей областных союзов, отдельных организаций Бунда, С.-Д. Польши и Литвы и С.-Д. Лат. Края, пропорционально количеству организ. рабочих, принимавших участие в выборах на последний партийный съезд, с расчетом по 1 дел. на каждые 5000.

Все организации, не объединенные в областные союзы, выбирают делегатов на своих конференциях на тех же основаниях.

Постановления совещаний вступают в силу лишь в случае утверждения их Ц. К.

Верховным органом партии является съезд. Очередные съезды созываются Центральным Комитетом ежегодно. Экстренный съезд должен быть созван в двухмесячный срок по требованию не менее половины всех членов партии.

В случае отказа Ц. К. созвать при таких условиях съезд, половина партии, потребовавшая его созыва, имеет право образовать организационный Комитет, который пользуется всеми правами Ц. К. по созыву съезда.

Представительство на съезде имеют все утвержденные за 3 месяца до срока созыва съезда организации по расчету одного делегата на каждую полную 1000 членов, участвовавших в выборе делегатов. Организации, не имеющие достаточного числа членов, могут объединяться с соседними организациями для посылки общего делегата, если они вместе имеют не менее 1000 избирателей. Выборы на съезд производятся на демократических началах.

Съезд считается действительным, если на нем представлено более половины всех членов партии.

Созыв всякого съезда и порядок дня объявляются Ц. К. партии или, в соответствующих случаях, Орг. Ком., не менее как за полтора месяца до съезда.

№ 3.

III общероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П. ¹⁹⁵).

Третья общероссийская Конференция Р. С. Д.-Р. П. собиралась в начале ноября 1907 г., в составе 27 делегатов с решающим голосом (10 большевиков, 4 меньшевика, 5 бундовцев, 5 поляков и 3 латыша).

Резолюции II общероссийской Конференции.

1. О тактике с.-д. фракции в Гос. Думе.

Исходя из резолюции Лондонского съезда о Гос. Думе и о непролетарских партиях, Всероссийская Конференция Р. С. Д.-Р. П. в развитие этих резолюций считает необходимым высказать нижеследующее:

1) в III Думе, являющейся результатом государственного переворота 3 июня, возможны два большинства: черносотенно - октябристское и октябристско-кадетское. Первое, выражая по преимуществу интересы крепостников-помещиков, контр-революционно и отстаивает, главным образом, охрану помещичьих интересов и усиление репрессий, доходя до стремления к полному восстановлению самодержавия. Второе большинство, выражая интересы, главным образом, крупной буржуазии, тоже безусловно контр-революционно, но склонно прикрыть борьбу с революцией некоторыми призрачными бюрократическими реформами:

2) такое положение в Думе чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства и со стороны кадетов. Правительство хочет, усиливая репрессии и продолжая военной силой «завоевывать» Россию, изображать из себя сторонника конституционных реформ. Кадеты хотят, голосуя на деле с контр-революционными октябристами, изображать из себя не только оппозицию, но и представителей демократии. На с.-д. ложится при этих условиях с особенной силой задача беспощадного разоблачения этой игры, разоблачения перед народом как насилий со стороны черносотенных помещиков и правительства, так и контр-революционной политики кадетов. Прямая или косвенная поддержка кадетов—в форме ли информационного бюро с участием кадетов или приспособления своих действий к их политике и т. п.—со стороны с.-д. была бы теперь прямым ущербом делу классового воспитания рабочих масс и делу революций;

3) отстаивая свои социалистические цели и критикуя с этой точки зрения все буржуазные партии, с.-д. в своей агитации должны выдвигать на первый план выяснение широким народным массам полного несоответствия III-ей Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим широкую и энергичную пропаганду идеи Учредительного Собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании;

4) к числу основных задач соц.-демократии в III-ей Думе принадлежит разоблачение классовой подкладки правительственных и либеральных предложений и систематическое противопоставление им требований соц.-демократической программы-минимум без всяких урезок, при особенном внимании к вопросам, касающимся экономических интересов широких народных масс (рабочий и аграрный вопросы, бюджет и т. д.), тем более, что состав III-ей Думы обещает исключительно обильный материал для агитационной деятельности с.-д.;

5) с.-д. фракция должна особенно заботиться о том, чтобы те или иные внешние совпадения голосования с.-д. с голосованиями черносотенно-октябристского или октябристско-кадетского блока не могли быть использованы в смысле поддержки того или другого блока;

6) соц.-дем. в Думе необходимо вносить законопроекты и использовать право запросов, для чего необходимы совместные действия с другими группами левее к.-д. без каких бы то ни было отступлений от программы и тактики с.-д. и без заключения какого бы то ни было блока. С.-д. фракция должна немедленно предложить левым депутатам Думы образовать информационное бюро, ничем не связывающее его участников, но дающее рабочим депутатам возможность систематически влиять на демократию в духе с.-д. политики;

7) из числа первых конкретных шагов с.-д. фракции в Думе Конференция считает нужным особенно подчеркнуть необходимость: 1) выступить с особой декларацией, 2) внести запрос по поводу государственного переворота 3-го июня, 3) поднять в Думе в наиболее целесообразной форме вопрос о суде над с.-д. фракцией II-й Госуд. Думы.

2. О фракционных центрах и укреплении связи Ц. К. с местными организациями.

Считая естественным и неизбежным, в виду всей предшествовавшей истории русской с.-д.-тии, существование в партии различных тактических течений и различий в понимании ее задач, — Конференция, тем не менее, находит:

1) что объединение большевистских или меньшевистских местных организаций между собою в особые организации внутри партии, точно так же, как и существование особых фракционных центров, конкурирующих в своих функциях с Ц. К. недопустимо и не-согласимо с существованием единой партии;

2) что равно недопустима рассылка по организации директив анонимными для партии не ответственными перед нею группами;

3) что органы местных, областных и национальных организаций должны приложить все усилия к тому, чтобы идейная борьба между различными частями партии ни в коем случае не принимала формы организационной борьбы, т.-е. подавления посредством механических средств в данной местности одной части партии другою.

Конференция ставит на вид местным организациям, что Ц. К., проводя в своих выступлениях определенную тактическую линию на основании резолюций Лондонского съезда, является учреждением общепартийным и внефракционным и что только он один призван руководить партией.

Конференция вменяет поэтому всем партийным организациям в обязанность обращаться в случае надобности за помощью и указаниями к Ц. К. и только к нему одному и требует от них прежде всего охранения интересов единства партии на местах.

Конференция находит, что для установления тесных связей между Ц. К. и местными организациями необходимо:

1) Сделать все возможное для немедленного издания Ц. О.

2) Организовать сношения с местными организациями путем периодического личного посещения их членами Ц. К. и его представителями.

3) Напомнить всем местным и национальным организациям об их обязанности поддерживать Ц. К. денежными средствами.

4) Напомнить всем местным и национальным организациям о необходимости присылать Ц. К. ежемесячные подробные отчеты об их деятельности.

5) Сделать все возможное для скорейшего объединения национальных организаций на местах.

6) Принять меры к поддержке и укреплению парт. дисциплины.

Наконец, Конференция ставит на вид Ц. К. необходимость положить конец тому расколу, который обнаружился в нескольких партийных организациях на местах и который выразился в образовании местных фракционных организаций.

3. Об участии в буржуазной прессе.

1) Конференция полагает, что участие с.-д. в либеральной и либерально-демократической печати приняло в данное время в России такой характер, который наносит серьезный вред партии и при дальнейшем развитии этого участия способен вести к серьезному идейному и организационному разложению с.-д. рабочей партии.

2) Конференция полагает, что недопустимо такое участие в непартийной печати, которое связано с прямой или косвенной борьбой против Р. С.-Д. Р. П. и ее руководящих учреждений или против тактических взглядов той или иной части партии.

3) Конференция полагает, что также недопустимо такое участие с.-д. в непартийной печати, при котором темы и направление разработки политических вопросов ограничиваются интересами буржуазной редакции, что фактически ведет к идейно-политическому блоку социалистов и не-социалистов, единомышленников по острым вопросам международного социализма.

4) Конференция полагает, что участие с.-д. в непартийной печати вне указанных условий допустимо, но должно быть поставлено под контроль организаций Р. С.-Д. Р. П. во всех случаях, когда это участие способно иметь какое-нибудь практически-политическое значение и влияние на массы.

5) Недопустимо участие с.-д. в буржуазной прессе в качестве членов редакции, а также помещение статей без подписей.

6) Конференция полагает, что партийная хроника может вестись исключительно лицами, уполномоченными партийными организациями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы, относящиеся к I Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. (начало ноября 1906 г.), собраны в Приложении к этому тому под № 1.

2. О последствиях разгона 1-й Гос. Думы Столыпиным 8 июля 1906 г. см. брошюру Ленина: «Роспуск Думы и задачи пролетариата»—в VII томе Собрания сочинений.

3. Польская социалистическая партия (Р. Р. С.) образовалась в 1893 г., в период реакции против т. н. «варшавского позитивизма», идеологии польского капитализма с программой «органического труда». Социализм Р. Р. С. был окрашен в ярко-националистические цвета, отражая стремление профессиональной интеллигенции и наиболее революционной части мелкой буржуазии. Центральный пункт программы—восстановление национального польского государства, основной тактический путь—подготовка национального восстания. После революции 1905 года Р. Р. С. распалась на 2 фракции: 1) «левицу»—социалистическую (в декабре 1918 г. слилась с Соц.-Дем. Польши и Литвы в Польскую Комм. Парт.) и 2) «правую»—националистическую («фраки»), которая теперь стоит фактически у власти в Польше. Пилсудский—виднейший член Р. Р. С., а затем ее националистической фракции.

4. Народно-социалистическая партия, или сокращенно эн-эсы (н. с.), была организована оппортунистическим кружком литераторов-народников, группировавшихся около журнала «Русское Богатство». Партия считала легализацию непременным условием своей деятельности и ради этого шла на крупные программные и тактические компромиссы, выбрасывала республику, признавала выкуп за отчуждаемые помещичьи земли, стояла за избирательные блоки с либералами.

Особой политической роли н.-с. не пришлось играть ни осенью 1906 г., ни после.

Трудовики—трудовая группа в 1-й Гос Думе—вторая по численности (107 чел.) после к.-д., расплывчатая по своему составу, профессиональному и партийному, организации, программе («левее к.-д.») и тактике; отражавшая настроения радикальной мелкой буржуазии—среднего крестьянства (ее лидеры—Аладьин, Аникин и Жилкин); в начале своей работы в Г. Д. трудовики подчинялись руководству к.-д., под конец вступили в оппозицию оппортунистической

тактике к.-д. и действовали по большей части совместно с организовавшейся с.-д. фракцией; трудовики внесли в Думу аграрный проект 104 (прим. 77 к этому тому), но очень скоро вера в законодательную силу Думы оказалась изжитой: трудовики предпочли использовать думскую кафедру в агитационных целях.

5. К.-д. — сокращенное название конституционно-демократической (к.-д.) партии либеральной буржуазии; образовалась в октябре 1905 г. из: 1) земцев-конституционалистов—либеральных помещиков и 2) членов «Союза Освобождения»—представителей буржуазно-демократической интеллигенции и лиц свободных профессий.

Основные пункты программы: 1) парламентарная монархия; 2) принцип отчуждения части помещичьих земель по справедливой оценке; 3) улучшение быта рабочих с допущением, где возможно, 8-часового рабочего дня.

Тактика — обычная для оппортунизма либералов: для «народа» громкие оппозиционные фразы, особенно в моменты подъема революции, на деле постоянное стремление к сделкам со старой властью, отсюда Выборгское воззвание после I-й Думы и лозунг: «беречь Думу» во что бы то ни стало, во-вторых, пресмыкательство перед хозяевами III и IV Дум, шовинизм и поддержка царизма в империалистскую войну.

В февральскую революцию правительственная партия, быстро вбирающая в себя все контр-революционные буржуазные элементы, поддерживает авантюру Корнилова и все дальнейшие контр-революционные выступления и вооруженную борьбу русской и международной буржуазии против октябрьской революции. Теперь, в связи с крахом вооруженной контр-революции, к.-д.—в состоянии раскола: левые во главе с Милюковым (Париж) стоят за «демократический» блок с правыми с.-р.-ами; правые (Берлин)—за коалицию с монархистами.

6. Речь идет о манифесте 17-го октября 1905 г.; основные пункты манифеста см. в прим. 21 к VII тому.

7. Указ 11. XII 1905 года о выборах в Гос. Думу, сохраняя куриальную систему, многостепенность выборов, установленные для Булыгинской Думы, предоставлял избирательные права некоторым разрядам средней и мелкой буржуазии и отчасти рабочим; участие последних в выборах было обставлено большой сложностью процедуры и крайним формализмом.

8. О бойкоте I-й Гос. Думы революционной соц.-демократией см. в VII томе Собрания сочинений Н. Ленина ряд его статей: 1) «Рабочая партия и ее задачи при современном положении», 2) «Платформа большинства», 3) «Гос. Дума и соц.-демократическая тактика», 4) «Современное положение России и тактика раб. партии» и др.

9. Кадеты повели усиленную агитацию за выборы в I Гос. Думу, создавая «конституционные иллюзии», в смысле перевода революционной борьбы на мирные парламентские рельсы. Надлежащую оценку тактике кадетов дал Н. Ленин в брошюре: «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (перепечатана в VII томе Собр. сочинений).

10. Монархисты или черносотенцы слагались из реакционеров дворян («зубров») и деклассированных элементов общества («союз русского народа»). Монархисты стояли за неограниченное царское самодержавие за полицейское православие и за преследование инородцев, особенно евреев

П. п. п. возникла в октябре 1905 г. из представителей умеренно-реакционной бюрократии и крупной буржуазии; «правопорядцы» — сторонники сильной государственной власти, единой, неделимой России и решительных мер против революции; в почтово-телеграфную забастовку в XII. 1905 г. (см. прим. 25 к VII тому) члены партии во главе с проф. Янжулом выступили в роли активных штрейкбрехеров. В 1906 г. партия распалась; ее члены по большей части перешли в ряды монархистов.

Союз 17 октября сложился из: 1) правого меньшинства земских съездов 1904—1905 г.г., 2) реакционной крупной буржуазии и 3) разных элементов «порядка», организованных бюрократией в противовес революции 1905—1906 г.г. Его вожди — Д. Шипова, М. Стахович и А. Гучков; члены союза сокращенно звались октябристами.

Союз сразу же занял контр-революционную позицию, выступил в защиту усмирительной политики Витте-Дурново, военно-полевой юстиции Столыпина. Ни в первой, ни во второй Думе никакой роли не играл, расцвел только в третьей думе, где стал «правительственной» партией, при чем и там скоро оказался чересчур левым для растущей реакции. В империалистскую войну занял позицию «войны до полной победы», с аннексиями и контрибуцией. 2-я революция сразу же отбросила октябристов в черный стан монархической контр-революции.

Партия мирного обновления — см. прим. 313 к VII тому.

11. См. первые две статьи этого тома и № 1-й Приложения к этому тому.

12. «Социал-Демократ» — орган Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в конце 1906 г. и начале 1907 г., всецело проводивший взгляды меньшевиков, которые составляли после Объединительного съезда большинство в Ц. К.

13. «Проект избирательной платформы», предложенный Ц. К.:

Граждане России!

Приближается день новых выборов в Государственную Думу.

Правительство насильственно разогнало в июле народных представителей, но непрекращающееся революционное состояние страны делает даже невозможным его существование без Думы, и с ее созывом нужно спешить, так как полное истощение государственных финансов делает неизбежным заключение нового займа, а иностранные кредиторы не дают правительству денег для обеспечения народными представителями уплаты долга.

Вынужденное против воли созвать Думу, правительство принимает все меры, чтобы выбраны были угодные ему люди, согласные послужить простой ширмой для его самовластия и произвола.

С этой целью правительство в течение нескольких месяцев занимается тем, что у него называется «успокоением» России. Оно отдало

страну на произвол военно-полевых судов, задушило всю свободную печать, распустило все союзы, все сколько-нибудь прогрессивные партии, наводнило всю страну человеконенавистнической черносотенной литературой и, наконец, чтобы окончательно подготовиться страну к пользованию благами «конституции», оно при помощи угодливого Сената изменило избирательный закон, ограничив избирательные права квартирантчиков, крестьян, рабочих и железнодорожных служащих и запретив крестьянам выбирать таких однообщественников, которые не живут в деревне и не являются домохозяевами.

Граждане России! Теперь вам предстоит сказать свое слово, заглушенное в течение нескольких месяцев. Теперь вы можете ясно для всех сказать, как русский народ смотрит на нынешнее правительство, на его политику.

Если вы одобряете насильственный разгон старой Думы и преследования, возбужденные против ее членов, — голосуйте так, как будет советовать и приказывать вам правительство. Если вы одобряете карательные экспедиции, полевые суды, военное положение, ссылки без суда, бесконечные казни — голосуйте за членов «Союза русского народа», «Правового порядка», «Союза 17 октября» и прочих прихвостней и друзей правительства.

Если вы верите нынешним министрам, что России нужен такой «конституционный» порядок, при котором бюрократия самовластно управляет всеми делами, а граждане превращены в жалких рабов, бесправных перед последними полицейскими, — тогда выбирайте тех, кто объявляет себя сторонниками нынешнего «порядка».

Если вы думаете, что собранные с народа деньги должны идти на постоянное увеличение полиции и жандармерии и на выкуп у помещиков их имений по тройным ценам, — тогда отдайте свои голоса тем, чье управление в течение десятков лет привело народ к полному разорению.

Но если вы считаете, что царское правительство обмануло народ, что обещания, данные в прошлом году 17 октября, нагло нарушены, что все, совершаемое ныне правительством, является преступлением перед страной, — тогда покажите своим голосованием, что насилия и ужасы нынешнего управления не заглушили в вас чувства протеста.

Если вы страстно стремитесь увидеть свою родину действительно свободной, а себя самих и своих детей полноправными гражданами, если вы хотите, чтобы в России установился истинно конституционный порядок, — то вы со всей энергией будете голосовать против всех защищающих, прославляющих и прикрывающих преступную тиранию правящей камарильи.

Играя благом народа, эта камарилья силой штыков прогнала избранных Россией представителей, как только они попробовали выразить некоторые действительные нужды народа. Пусть же новые выборы покажут правительству, покажут всему миру, что русские граждане твердо решили стать свободными.

Для чего же, граждане, будете вы теперь выбирать в Думу новых представителей?

Пошлете ли вы их в Таврический дворец снова для того лишь, чтобы они выразили ваши сокровенные желания и обличили деятельность правительства?

Но опыт с прошлой Думой показал вам ясно, что правительство не желает считаться с желаниями народа, выраженными его представителями, что правительство не обращает никакого внимания на всенародное обличение его агентов.

Ни один из постановленных Думою законов не был проведен в жизнь. Ни один из чиновников, обличенных Думой в беззаконии и преступлениях, не был наказан и смещен.

На опыте убедились вы, граждане, что Государственная Дума сама по себе не может ничего сделать для удовлетворения нужд народа. Вы видели, что у Думы нет никакой власти.

17 октября было возвещено, что Дума получит законодательную власть. Но, дав такое обещание из страха перед революционным движением, правительство нарушило его, как только это движение временно ослабело после поражения московского восстания в прошлом декабре. 20 февраля и 23 апреля правительство собственной самодержавной властью отменило те права, которые должны принадлежать Думе. И эти права совершенно ничтожны. Без согласия верховной власти и чиновничьего Государственного Совета Дума не может ничего делать, не может отменить ни одного закона, не может издать ни одного нового. Напротив, верховная власть, министры и вся вообще бюрократия может делать все, что ей угодно.

Таково положение, созданное теми „основными законами“, которые составлены правительством самодержавно, без участия народных представителей, и которых не имеет права отменить Государственная Дума.

Это значит, граждане, что, вопреки обещаниям 17 октября, Россия не стала конституционным государством, она осталась государством самодержавным, а безвластная Дума есть только ширма для прикрытия самодержавной власти правительства.

И так как управление Россией осталось самодержавным, то и народ не получил политической свободы: свобода слова и печати, союзов и собраний, неприкосновенность личности возможны только в государстве конституционном, в котором власть принадлежит народу и его представителям.

И потому также народ не получил той земли, которой он добивается, чтобы улучшить свое ужасное положение. Ибо нет земли, пока нет воли, и нет воли у народа, пока нет у него власти.

Но если народ и теперь, при Думе, так же бесправен, как до 17 октября, и так же вся власть осталась у бюрократического самодержавного правительства, то значит, граждане, надо продолжать ту всенародную борьбу за землю и волю, за политическую свободу и народовластие, которую русский народ вел до 17 октября.

Надо всему народу всеми средствами добиваться отмены самодержавия и установления действительной политической свободы.

В новую Думу нужно выбирать представителей для того, чтобы, собравшись со всех концов России, они объединили и согласовали силы народа и содействовали организации его борьбы за народо-властие.

Только перед объединенным, организованным и единодушным движением миллионов народа падет, наконец, твердыня векового рабства, только такое движение завоюет русским людям землю и волю.

Первая Дума, по самому составу своему, при тех партиях, которые в ней преобладали, не могла взять на себя сознательно выполнения этой задачи. Вторая Дума должна сделать это.

В Думу нужно выбирать не смиренных ходатаев за народ перед самовластной камарильей, ибо все теперь видят, что бесполезны всякие мольбы, всякие ходатайства.

В Думу нужно выбирать не таких людей, которые надеются сами, без помощи народа, без борьбы с его стороны, переговорить бюрократию и убедить ее, во имя блага страны, отказаться от самодержавия, потому что на заявления народных представителей бюрократия отвечает: «У вас речи, а у нас пулеметы».

Нет! В Думу нужно выбирать борцов, готовых вместе со всем народом, во главе его, добиваться для народа воли, всей земли.

Нужно выбирать людей, которые не отделяться будут от борющегося народа и не «успокаивать» его, когда он сам ищет путей к освобождению, но которые сами возьмут на себя обязанность помочь народу собрать свои силы и двинуть их на новую борьбу.

Нужно выбирать людей, которые твердо разбираются в интересах различных классов населения и общественных силах страны, которые ни одному классу не обещают того, что в наличной исторической обстановке неосуществимо, но зато готовы поддержать усилия всех классов в их стремлении к выполнению насущных народных задач и направить все силы народа на путь решительной борьбы за свободу людей, которые не только горят пламенем революционного воодушевления, но и умеют наметить путь к победе.

Нужно послать в Думу людей, которые способны будут руководить борьбой народа за переход всей государственной власти в руки народа, за созыв Учредительного Собрания.

Только созыв Учредительного полномочного Всенародного Собрания сделает народ русский свободным, только такое Учредительное Собрание выработает основные законы, устанавливающие действительную, а не бумажную политическую свободу, дающие всем гражданам действительные политические права. Только такое Учредительное Собрание разрешит земельный вопрос в интересах миллионов крестьян, не склоняясь перед корыстными интересами помещиков.

Выбирайте же, граждане, в Государственную Думу людей, искренно готовых бороться за созыв Учредительного Собрания.

Пролетариат прежде всех других классов выступил на сознательную борьбу за свободу; он последовательнее и решительнее всех вел борьбу с царским самовластьем и нанес ему самые сильные удары; он непримиримее всех других порвал с позорным прошлым самодержавного деспотизма; он первый выставил на своем знамени требование Всенародного Учредительного Собрания.

Граждане, выбирайте представителей этого класса, членов Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Социал-демократическая партия есть партия рабочего класса. Но рабочий класс защищает интересы всех трудящихся, подвергающихся эксплуатации при современном общественном строе, без различия национальности, языка и веры, то-есть громадного большинства народа. Рабочий класс стремится к объединению всех трудящихся и эксплуатируемых для борьбы за полное их освобождение от всех видов гнета, порабощения и эксплуатации. Рабочий класс во всех странах добивается того, чтобы созданные трудом общественные богатства стали собственностью всего народа, перестав принадлежать кучке праздных эксплуататоров-капиталистов и помещиков.

На пути к этой цели социал-демократия стремится к тому, чтобы при совершающейся ныне в России перемене старого государственного порядка, трудящиеся массы получили полный простор для беспрепятственной защиты своих интересов в будущем.

Поэтому социал-демократическая партия требует:

1. Чтобы основные законы государства были установлены свободно избранными представителями всего народа; чтобы для этой цели было создано Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного избирательного права, с прямой и тайной подачей голосов, без различия веры, пола и национальности.

2. Чтобы все власти и все должностные лица избирались народом и смещались им. В стране не может быть иной власти, кроме поставленной народом и ответственной перед ним и его представителями.

3. Чтобы все органы местного самоуправления, городские и сельские, выбирались всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, чтобы земства и городские думы перестали служить интересам одних богатых, а удовлетворяли нужды всего населения.

4. Чтобы все граждане пользовались равными политическими правами и обладали полной неограниченной свободой слова и печати, свободой совести, свободой союзов, собраний и стачек и неприкосновенностью личности. Социал-демократическая партия будет решительно бороться против всяких попыток ограничить эти свободы для граждан путем установления особого чиновничьего надзора за собраниями и союзами и путем

установления специальных наказаний за выражение каких бы то ни было убеждений, как это предлагалось большинством Думы; против всяких видов «усиленной охраны», военного положения и, вообще, исключительных законов.

5. Чтобы нынешняя, оторванная от народа, постоянная армия была заменена всеобщим вооружением народа.

6. Чтобы все национальности, живущие в России, пользовались равными правами и получили свободу самоопределения, т.е. право распоряжаться своей судьбой. В свободной России не место насильственному угнетению одних наций другими.

7. Чтобы вся земля, находящаяся в собственности помещиков, уделов, кабинетов, церквей и монастырей, была обращена на нужды народа, для чего должна быть конфискована (отчуждена без всякого выкупа) и передана выбранным всеми гражданами областным органам самоуправления, которые на местах распорядятся землей по воле населения.

8. Чтобы образование перестало быть достоянием одних богатых и стало всеобщим, даровым и обязательным.

9. Чтобы государство взяло на себя обязанность притти на помощь тем миллионам безработных рабочих и обнищавших крестьян, которых нынешнее правительство довело до голода. Чтобы были организованы общественные работы и продовольственная помощь в самых широких размерах и на демократических началах.

10. Чтобы полная амнистия была распространена на всех тех, кто осужден или подвергся административному преследованию за борьбу с правительством, помещиками, духовенством или капиталистами.

Емесе с тем, социал-демократическая партия будет добиваться всех законодательных мер, которые могут улучшить теперь же положение ~~наемных~~ рабочих и облегчить им борьбу против эксплуатации.

Главнейшие из этих мер: Установление в законодательном порядке 8-часового рабочего дня для всех рабочих и служащих в промышленности, торговле, перевозочном деле, земледелии и на общественных службах. Государственное страхование рабочих. Запрещение сверхурочных работ. Выборная фабричная инспекция.

Граждане-избиратели! Злейшим врагом против самодержавного порядка давно уже выступил пролетариат России, и его, исполненная страданий и самоотвержения, борьба пошатнула устой бюрократического произвола к тому времени, когда вся страна, разбуженная позорной Японской войной, стала требовать свободы. И с той горы рабочий класс под знаменем социал-демократии идет неизменно в первых рядах борющегося народа, всегда готовый принять на себя самые тяжелые удары на опасном посту. Во имя будущих целей идущего вперед человечества, во имя водворения на земле царства труда и равенства, пролетариат смело и неуклонно добивается полного уничтожения полицейско-самодержавного строя, полного и бесповоротного лишения власти нынешних

властителей России. В этой великой борьбе российский пролетариат отстаивает дело всех трудящихся и угнетенных классов, которым политическая свобода нужна не для угнетения других, а для избавления от гнета, лежащего на них самих. И партия рабочего класса — социал-демократия — в праве рассчитывать, что под сень знамени, водруженного ею, стекутся все те граждане, которые сознали необходимость самой решительной, самой неумолимой борьбы со всеми врагами народа, наполнившими русскую землю стонами, проклятиями и скрежетом зубным. Партия рабочего класса — социал-демократия — ожидает, что в дни выборов ее требозвания будут поддержаны всеми теми, кто желает видеть во вновь избираемой Думе главный военный штаб всенародной армии, ведущей борьбу.

За всю землю и всю волю!

За созыв полновластного Всенародного Учредительного Собрания!

14. Думская декларация Р. С.-Д. Р. П. В деле освобождения России от политического рабства и от безграничного произвола чиновников, угнетающих и разоряющих страну, равно заинтересованы все классы населения, изнемогающие под игом самодержавия. Ненависть к нынешнему государственному порядку объединяет подавляющее большинство населения, без различия классов, веры и национальности. И в этой общенародной борьбе против всенародных поработителей и угнетателей впереди всех других классов идет пролетариат, раньше всех поднявший знамя восстания за право и свободу и более всех других классов принеший жертв делу освобождения родины.

Сознавая свою солидарность с теми стремлениями других классов, которые направлены к достижению политической свободы и равенства, рабочий класс не может, однако, слиться с другими классами в одну нераздельную армию, не может по той причине, что городские и сельские рабочие массы страдают не только от политического рабства, но и от экономического; не только от произвола нынешней власти, но и от господства и эксплуатации капиталистов и землевладельцев.

Благодаря враждебной противоположности интересов буржуазии и рабочего класса первая неизбежно стремится к тому, чтобы при переживаемом Россией демократическом перевороте были урезаны, по возможности, политические права неимущих и тем самым была стеснена их борьба за собственные интересы. Между тем рабочий класс нуждается в самой широкой и неограниченной свободе, необходимой ему для борьбы как за свои насущные повседневные интересы, так и за свое полное освобождение от ига капитала. Поэтому слияние рабочего класса с эксплуататорскими классами и с другими слоями, хотя и угнетенными, но поставленными в другое положение, не только ослабило бы борьбу рабочего класса за неограниченную политическую свободу, но и сделало бы невозможной борьбу пролетариата за конечную цель — социализм.

Таковы соображения, которые побуждают пролетариат организоваться в самостоятельную политическую партию. Эти же соображения обязывают представителей пролетариата в Государственной Думе образовать в ней самостоятельную фракцию (группу), выступающую под знаменем той партии, которая во всем мире представляет классовое движение пролетариата.

Выступая в Государственной Думе, как представители организованного в социал-демократическую партию пролетариата, постоянно вскрывая противоречия между интересами различных классов общества, мы будем отстаивать в ней все требования, заключающиеся в программе Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Мы будем бороться за полное народовластие, за неограниченную свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек, за равенство граждан и неприкосновенность личности, за выборность всех чиновников народом. Мы будем требовать замены постоянной армии народной милицией. Для рабочего класса мы будем требовать 8-мичасового рабочего дня, увеличения платы, уничтожения штрафов и т. д., для крестьян — отчуждения без всякого выкупа всех удельных, кабинетских, церковных, монастырских и помещичьих земель и передачи их в распоряжение органов местного самоуправления, выбранных на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Для всех национальностей, населяющих Россию, мы будем требовать равноправия и свободы самоопределения.

Все эти требования обнимают интересы подавляющего большинства населения, и поэтому, отстаивая их, социал-демократическая фракция будет бороться за свободу и благосостояние всех угнетенных классов и наций, населяющих Россию.

Органом, который может осуществить эти требования во всей полноте, может явиться не нынешняя Государственная Дума, а только полновластное Учредительное Собрание, свободно избранное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, без различия веры, пола и национальности. Только такое Учредительное Собрание, опираясь на революционные народные массы и имея в своей среде многочисленное и влиятельное представительство городского и сельского пролетариата, будет иметь и силу, и охоту для проведения в жизнь коренных преобразований, необходимых народу.

В то же время фракция признает, что Государственная Дума является центром общенародного движения против полицейского самодержавия в настоящий момент, и ее победа над безответственными палачами и насильниками, терзающими Россию, может явиться этапом в борьбе народа за Учредительное Собрание. Поэтому социал-демократическая фракция будет поддерживать все усилия Государственной Думы подчинить

себе исполнительную власть и тем положить начало переходу всей государственной власти в руки народа.

Но чтобы достигнуть этого и сыграть указанную роль, Государственная Дума должна в своих столкновениях с правительством искать поддержку у широких народных масс и поддерживать эти массы в их организованных выступлениях на борьбу за свободу и за свои экономические интересы. Пробным камнем серьезности стремлений разных партий к народовластию мы будем поэтому считать их готовность содействовать народным массам в деле организации их для планомерной борьбы против экономических и политических угнетателей. И мы, представители пролетариата в Государственной Думе, будем настаивать на том, чтобы она пользовалась своим положением высшего государственного учреждения и своим авторитетом в глазах народа для того, чтобы брать под свою защиту граждан во всех тех случаях, когда их попытки к организации и к расширению уступленных им на бумаге прав будут встречать противодействие со стороны правительства. Мы будем требовать от Государственной Думы, чтобы она помогала крестьянам организовывать силы для борьбы за землю и волю; чтобы она содействовала пролетариату в его попытках выйти путем организованной борьбы из его нынешнего приниженого положения; чтобы она поддерживала требования низших чинов армии, флота и казачьих войск, об улучшении их экономического и правового положения, об облегчении условий и немедленном сокращении срока казарменной службы. Поскольку другие партии проявят готовность идти этим путем, они встретят нашу поддержку.

Но самый решительный отпор встретят с нашей стороны всякие попытки, от кого бы они ни исходили, затушевать непримиримую враждебность между интересами народа и старым порядком, и всю свою силу направим мы против всяких стремлений затормозить народное движение обманом бумажных уступок, ложью примирения между хищниками реакции и демократией.

Стремясь сделать Государственную Думу одним из органов общенародного движения, мы будем направлять всю нашу деятельность в первом представительном учреждении России к тому, чтобы содействовать делу политического пробуждения самых широких масс народа и их сплочению в грозную революционную силу. Возвышая свой голос в Думе, мы вместе с тем будем обращаться к народным массам, стремясь возбудить в них борьбу за народовластие и стремление организоваться для этой борьбы. Наши предложения, наша критика чужих предложений, законопроектов и тактики других партий, наши обвинения всех явных врагов народа и всех лицемерных его друзей будут преследовать цель способствовать организации народного движения, направленного к переходу власти в руки Учредительного Собрания, подчиненного верховной воле народа, и содействовать объединению городских и сельских

рабочих масс в самостоятельную классовую силу, неуклонно идущую к социализму.

Вступая в Государственную Думу в качестве немногочисленной группы, мы знаем, что голоса неимущих будут слишком слабо раздаваться в стенах «первого русского парламента». Но мы твердо уверены в том, что наша работа в Думе будет поддержана всем рабочим классом, и рассчитываем на поддержку неимущего крестьянства и народных масс вообще.

15. Большевицкий контр-проект думской декларации. В лице нашей группы партия сознательного пролетариата всех наций нашего государства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, выступает перед всем народом с трибуны Государственной Думы.

Наша партия — один из отрядов международной армии социал-демократического пролетариата. Во всем мире поднялся на борьбу организованный и сознавший свои классовые интересы пролетариат. Он борется против ига капитала. Он добивается полного освобождения всех трудящихся от гнета бесправия, нищеты, угнетения, безработицы. Он стремится к социалистическому устройству общества, уничтожающему всякое деление на эксплуататоров и эксплуатируемых. Социал-демократия зовет в свои ряды всех трудящихся и эксплуатируемых, не только наемных рабочих, но и мелких хозяйчиков, если они сознали свои общие интересы с пролетариатом, если они ищут спасения не в укреплении одиночного мелкого хозяйства, а в совместной борьбе с рабочим классом за полное ниспровержение господства буржуазии. И международный социалистический пролетариат своей дружной и неуклонной борьбой достигнет своей цели.

Но у нас в России борьба идет сейчас не за социализм, а за политическую свободу. Великая российская революция находится в полном разгаре. Гнет самодержавия сделал невозможным никакое развитие страны. Произвол безответственных чиновников, варварская эксплуатация помещиками крестьянской массы вызвали возмущение всего народа. Пролетариат боролся во главе народа. Геройской октябрьской забастовкой он вырвал у врага признание свободы. Геройским декабрьским восстанием он уничтожил всякую возможность оттягивать созыв народного представительства. И, как ни поддельвало самодержавие избирательного закона, как ни мучило, ни избивало оно лучших борцов за свободу, как ни томило их в тюрьмах, — все же-таки Государственная Дума оказалась противником самодержавия.

Теперь народ стоит накануне новой великой борьбы. Самодержавие глумится над народным представительством, издевается над его требованиями. Возмущение рабочих, крестьян, солдат все растет. От поведения различных классов общества зависит исход великой российской революции.

Либеральная буржуазия, представленная в Государственной Думе особенно влиятельной партией к.д., неизбежно стремится к тому, чтобы при переживаемом Россией демократическом перевороте были урезаны, по возможности, права неимущих, и особенно пролетариата, и тем была

стеснена их борьба за полное, а не одно только политическое, освобождение. Это стремление либеральной буржуазии так же неизбежно порождает ее непоследовательность и перешителюсть в борьбе за свободу, ее колебания между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности. Против этих колебаний мы поведем, в интересах свободы и в интересах социализма, самую беспощадную борьбу. Самый решительный спор встретят с нашей стороны попытки—от кого бы они ни исходили—затушевать непримиримую враждебность интересов народа старому порядку и интересов пролетариата интересам буржуазии. И всю свою силу направим мы против стремлений затормозить народное движение обманом бумажных уступок, ложью примирения между хищниками реакции и революционной, т.-е. единственно истинной и последовательной, демократией. Пробным камнем этой последовательности будет для нас в особенности стремление и готовность организовать свободное, действительно всенародное и массовое, никакими полицейскими преградами не стесненное, движение для широкой борьбы вне Думы за политическое и экономическое освобождение.

В крестьянстве видим мы главного из возможных союзников пролетариата в деле довершения борьбы за свободу. Всей душой поддерживаем мы до самого конца борьбу крестьян против помещичьего, полукрепостнического землевладения и против азиатского политического строя России. Не разделяя утопий о возможности уравнительного землепользования при капитализме, не допуская ни малейшего затушевывания различия интересов пролетария и мелкого хозяйчика, мы будем отстаивать конфискацию всех удельных, церковных, монастырских и всех помещичьих земель. Мы будем бороться против выкупа—этой петли, накидываемой либеральной буржуазией на шею крестьянской бедноты. Пока не достигнута еще победа революции, пока не завоевано полностью действительно демократическое государство, мы будем предостерегать крестьян от передачи земли в руки полицейски-буржуазных органов власти, все равно местной или центральной. Мы будем отстаивать, при полном проведении в жизнь демократического государства, передачу всех земель в руки местных органов самоуправления. Мы будем предостерегать крестьян самым решительным образом от передачи вопросов о земле на решение не демократических местных комитетов вроде предлагаемых партией к.-д. чиновничьи-помещичьих комиссий.

На протяжении всего хода революции мы будем неуклонно отстаивать борьбу рабочих за 8-ми часовой рабочий день, за увеличение платы, за уничтожение штрафов, одним словом, за все требования нашей партийной программы-минимум. И в союзе пролетариата с широкими массами городской и сельской бедноты видим мы залог полной победы революции. Государственная Дума есть непригодное учреждение для осуществления и закрепления этой победы. Только созданное революционным путем Всенародное Учредительное Собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всех граждан без различия пола, религии

и национальности, и обладающее всей полнотой государственной власти, — только оно в состоянии будет провести в жизнь полную свободу. Только оно создаст в России демократическую республику, заменит постоянную армию всеобщим вооружением народа, уничтожит невыборное и неответственное перед народом чиновничество, введет полную и неограниченную политическую свободу.

К этой цели будем мы неуклонно стремиться в настоящей революции. Для этой цели должна послужить и Государственная Дума. Она должна помочь народу организовать и понять вполне и до конца необходимость свержения царской власти. Она должна разъяснить народу все бессилие и всю жалкую роль «народного представительства», как новой ширмы старого самодержавия. Она должна заниматься не политическим прожектерством, не составлением мертворожденных «законопроектов», — она должна обращаться к народу, беспощадно раскрывать ему всю правду, — беспощадно изобличать перед ним все преступления той шайки, которая называется правительством России, — звать его на борьбу, выдержанную, стойкую, упорную и согласованную борьбу. И, если этой задачи не сумеет или не решится выполнить Государственная Дума в целом, — ее выполним мы в союзе с действительно революционными группами или членами Думы.

Победа народа недалека. Дело свободы в надежных руках. Пролетариат стоит на своем посту, собирая силы, гордо отбрасывая жалких провокаторов, стремящихся вызвать его на одиночный бой, — объединяя и группируя вокруг себя миллионы и десятки миллионов угнетенных и эксплуатируемых, вечно трудящихся и вечно бедствующих.

И как ни слаба, как ни малочисленна наша группа в Государственной Думе — мы знаем, что за этой группой стоит и в связи с ней борется многомиллионный пролетариат, передовой отряд всех трудящихся и эксплуатируемых масс. Он победит в своей борьбе. Он не оставит камня на камне из чудовищного здания терзающего Россию самодержавия.

16. Прокопович — экономист и общественный деятель. Некогда — член «Союза русских с.-д.-тов», защитник «экономизма», отсюда делает следующий шаг, переходит к либералам — вступает в «Союз Освобождения», в октябре 1905 г. — член Ц. К. организовавшейся к.-д. партии, которую скоро бросает, заняв своеобразную позицию «левее к.-д.». Либеральный оппортунизм характерен для Прокоповича и во 2-й русской революции, когда он занимает министерский пост в правительстве Керенского; организатор Кооперативного Института в Москве, автор ряда работ по рабочему вопросу с буржуазно-демократической точки зрения.

Е. Кускова — публицист и общественный деятель, первоначально склонялась к марксизму в его оппортунистической форме, к «экономизму» (автор знаменитого «Credo»: см. следущ. примеч.), затем подходит к «Союзу Освобождения», в революцию 1905—1906 г.г. занимает колеблющуюся политическую позицию, то приближаясь к к.-д.-там, то «левее к.-д.». В эпоху реакции вполне отдается буржуазно-демо-

кратической идеологии и тактике, принимает большое участие в легальном кооперативном движении.

17. «Credo» (Символ веры) — составлено Кусковой, отражает взгляды «молодых» с.-д.; здесь под практику «экономистов» был подведен модный теоретический фундамент в духе бернштейнианства. Рабочий класс в России может и должен вести, как класс, одну только экономическую борьбу за непосредственные «реальные» улучшения, не притязая на самостоятельные выступления за свободу политическую; политическая борьба — достояние «общества — буржуазно-либеральной оппозиции», рабочий класс должен только поддерживать либералов. «Credo» вызвало резкий протест со стороны 17 представителей революционного крыла с.-д-тии во главе с Н. Лениным («Протест» перепечатывается в I томе Собр. сочинений. История составления протеста рассказана в воспоминаниях П. Н. Лепешинского: «На повороте»).

18. Бернштейниада — тесно связанное с именем видного теоретика марксизма Эд. Бернштейна оппортунистическое течение в рядах немецкой с.-д-тии, а потом и международного социализма. Бернштейн в 80 г.г. стоял на крайнем левом крыле с.-д-тии, судился за оскорбление величества, жил эмигрантом в Цюрихе; оттуда вынужден был переехать в Лондон, где стал учеником Ф. Энгельса. К концу 90 г.г. он значительно меняет свою позицию. В нашумевшей книге: «Предпосылки социализма и задачи с.-д-тии» Б. подвергает «пересмотру» философское и экономическое учение Маркса. Исторический процесс ведет не к углублению пропасти между враждебными классами — буржуазией и пролетариатом, а к ее заполнению; ожидание социалистического переворота, «прыжка из царства необходимости в царство свободы» заменяется верой в постепенное достижение социализма через парламентскую борьбу; фабричное законодательство, демократизация местного самоуправления — важнейшие этапы на путях к конечной цели. Неверен тезис, что у пролетария нет отечества, что социализм знаменует торжество интернационализма. Таково «ревизионистское» течение в рядах с.-д-тии в противовес «ортодоксально-марксистскому», которое возглавлял Каутский. Империалистская война 1914 г. сблизила врагов: Бернштейн сделал шаг налево, Каутский — направо, и оба они очутились в стане «независимых с.-д-тов», — колеблющегося центра между последовательными революционерами «спартаковцами» и соглашателями с буржуазией — «шейдемановцами».

19. Столыпин — министр внутренних дел в эпоху I Гос. Думы; премьер-министр 1906—1911 г.г., выразитель дворянской реакции после революции 1905—1906 г. г., разгоняет I Гос. Думу, организует контрреволюционный террор в форме военно-полевых судов, провоцирует «заговор с.-д. фракции» во II-й Думе, устраивает переворот 3/VI 1907 г., мобилизующий помещичьи («зубры») и реакционно-буржуазные слои общества, проводит аграрную реформу с разрушением общин и ставкой на сильного хозяйственного мужика. Погиб от руки охранника-провокаatora Богрова.

20. После письма Г. Плеханова в «Товарищ» от 31/X 1905 г. меньшевистский Ц. К. высказался за допущение блоков с буржуазными партиями на первой стадии выборов в Думу.

21. «Волна»: открытие I Гос. Думы дало большевикам возможность временно возобновить свою легальную прессу. «Волна» выходила с 26/IV по 24/V 1905 г. (всего 25 №№); после закрытия ее сменили: «Вперед» и «Эхо». В «Волне» и ее преемниках принимали участие все лучшие литературные силы большевиков во главе с Н. Лениным.

22. «Речь», «Век», «Товарищ» и «Русские Ведомости» — органы либералов разных оттенков.

23. Сенатские разъяснения. После роспуска I Гос. Думы правительство Столыпина еще не решилось на радикальное изменение избирательного закона в Думу; но, чтобы парализовать по возможности влияние левых партий, Столыпин прибег к окольным путям — к праву Сената толковать избирательный закон, и при помощи целого ряда так наз. «сенатских разъяснений» добился сужения круга демократических избирателей: так, рабочие замыкались в пределах своей курии и лишались избирательных прав в качестве квартиранимателей, самый термин «квартиронаниматель» подвергся строгому разъяснению в смысле выключения из него неимущих элементов общества и т. д.

24. Ф. Лассаль — один из вождей и организаторов рабочего движения в Германии после революции 1848 г., основатель Обще-Германского Рабочего Союза, считал необходимой предпосылкой для захвата власти пролетариатом введение всеобщего и равного избирательного права. Чтобы добиться «четыреххвостки», Лассаль не стеснялся входить в сношения с главой реакционного прусского правительства, Бисмарком. Только в 1874 г. лассальянцы в Готе слились с марксистами, руководимыми Бебелем и Либкнехтом, в одну Германскую с.-д. партию, образуя в ней правое, оппортунистическое крыло.

25. Плеханов был председателем Совета партии, — по уставу, принятому II съездом Р. С.-Д. Р. П., высшего партийного учреждения, объединявшего Ц. К. и Ц. О. (его состав: 2 представителя от Ц. К., 2 — от Ц. О. и пятый — председатель). Совет партии был уничтожен на III-м съезде Р. С.-Д. Р. П. (май 1905 г.).

26. Ю. Ларин — см. прим. 258 к XIV тому.

27. «Голос Труда» — меньшевистский орган, выходящий в Петербурге в эпоху I Думы с 21/VI по 7/VII 1906 г. (всего 16 №№) взамен прикрытых правительством Горемыкина газет: «Невская Газета» и «Курьер», — с прежним составом сотрудников.

«Отклики Современности» — меньшевистский еженедельник, выходил осенью 1906 г. — придерживался крайних оппортунистических взглядов в области тактики.

28. Резолюция большевиков к Объедин. съезду о современном моменте демократической революции. Принимаемая во внимание: 1) что при массовом уничтожении производительных сил и небывалом разорении народа экономический и финансовый кри-

зис, переживаемый Россией, не только не ослабевает, а, напротив, расширяется и обостряется, порождая безработицу в городах и голод в деревне; что сохранение кабально-крепостнических отношений в деревне, стоящее в непримиримом противоречии с развитием производительных сил буржуазного общества, еще более углубляет этот кризис; 2) что хотя в среде крупно-капиталистического и помещичьего класса, напуганного самостоятельностью народа, угрожающей его привилегиям и хищническим интересам, и происходит резкий переход от оппозиции к сделке с самодержавием, в целях подавления революции, но зато требования действительного осуществления политической свободы и социально-экономических преобразований крепнут и ширятся в новых слоях мелкой буржуазии и крестьянства; 3) что теперешнее реакционное правительство, стремясь к сохранению на деле старого самодержавия, попирая провозглашенные уже свободы, фактически давая лишь совещательный голос верхушкам имущих классов, грубо подделывая народное представительство, вводя режим военных репрессий, зверских экзекуций и массовых казней во всей стране, усиливая до небывалых размеров полицейский и административный произвол, тем самым вызывая брожение и недовольство среди широких слоев буржуазии, озлобление и возмущение в массах пролетариата и крестьянства, готовит почву для нового более широкого политического кризиса; 4) что весь ход событий с конца 1905 г., массовые стачки в городах, возмущения в деревнях, декабрьское вооруженное восстание, вызванное стремлением отстоять добытые народом и отобранные правительством свободы, наконец, беспощадное военное подавление освободительного движения—показал тщету конституционных иллюзий и открыл глаза широким массам народа на вред таких иллюзий в эпоху, когда борьба за свободу достигла напряженности открытой гражданской войны, — ввиду всего этого, мы признаем и предлагаем съезду принять:

1) что демократич. революция в России не только не идет на убыль, а, напротив, идет к новому подъему, и теперешний период относительного затишья следует рассматривать, как период накопления энергии, усвоения политич. опыта пройденных стадий, вовлечение новых слоев народа в движение и, следовательно, подготовки нового, еще более могучего натиска; 2) что главной формой освободительного движения в настоящее время являются движения широких масс, ломающих полицейско-крепостнические законы, творящих революционное право и разрушающих насильственным путем органы угнетения народа; 3) что интересы пролетариата, как передового класса современного общества, требуют борьбы против тех конституционных иллюзий, которые распространяет либерально-монархическая буржуазия (партия к.-д. в том числе), прикрывая этим узко-классовые интересы, и которые в период гражданской войны оказывают самое развращающее влияние на политич. самосознание народа.

29. Австрийский революционный 1848 год привел к падению вождя общеевропейской (начиная с Венского конгресса 1815 г.)

реакции, гр. Меттерниха, и к установлению конституции; но уже в следующем 1849 году, при содействии соседа—императора Николая I— все завоевания революции были уничтожены, и водворился старый абсолютистский строй с угнетением национальностей, населявших «лоскую монархию».

30. Формула большевиков о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в русской буржуазной революции, выдвинутая весной 1905 г. в дискуссиях против переоценки меньшевиками роли буржуазии в революции, развита в ряде статей Н. Ленина в женевской газете «Вперед»: «Пролетариат и крестьянство», «Социал-демократия и Временное Революционное Правительство», «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (перепечатаны в VI томе Собр. сочинений) и зафиксирована в резолюциях III съезда Р. С.-Д. Р. П. (май 1905 г.).

31. Резолюция III съезда Р. С.-Д. Р. П. о вооруженном восстании. Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственно последовательным революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России;

2) что это движение в настоящий момент уже пришло к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть, лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически, его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников,

32. Муромцев С. А. — председатель I Гос. Думы, проф. Московского университета—юрист, долголетний земский деятель, участник земских съездов 1905 г., член к.-д. партии умеренного ее крыла, сыграл видную роль в организации Думы, ее работ; был посредником в переговорах между старой властью и к.-д. относительно образования думского министерства (см. об этом в «Воспоминаниях» Д. Шипова и брошюре Милокова: «Три попытки»). Выборгское воззвание и последующая Столыпинская реакция закончили его политическую деятельность.

33. Родичев Ф. И.—тверской помещик, видный представитель земского либерализма, участник земско-городских съездов 1904—1905 г. г., организатор к.-д. партии, член всех 4-х Государственных Дум; после февральской революции министр по делам Финляндии.

34. Португалов — представитель так наз. «критического социализма», т.е. ярко оппортунистического направления в рядах с.-д.тии; потом переходит в ряды радикальной буржуазии, сотрудник газеты «Товарищ» (см. прим. 116 к VII тому).

Изгоев А. С. — член «Союза Освобождения», впоследствии к.-д. правого крыла, сотрудник «Речи» и «Русской Мысли»; вместе с Струве защитник империалистской политики Столыпина.

35. Прудон — см. прим. 256 к XIV тому.

36. Булыгинская Дума — на основании закона 6/VIII 1905 г. — законосовещательный орган, придаток к бюрократическому Государственному Совету, избираемый на основе высоко имущественного ценза. Революционная с.-д.тия, не колеблясь, объявила бойкот Булыгинской Думе, «меньшинство» решило принять участие в выборах.

37. Виттевская Дума — на основании закона 11/XII 1905 расширяла избирательные права в Гос. Думу — сравнительно с Булыгинской Думой — на среднюю и мелкую городскую буржуазию и на рабочих; курialsная система, многостепенность выборов остались и в Виттевской Думе. «Большинство» Р. С.-Д. Р. П. и с.-р. продолжали бойкотировать Думу, «меньшинство» оставило открытым вопрос, должно ли участие в выборах завершиться попыткой провести в Думу кандидатов партии, или должно быть использовано исключительно в организационных и агитационных целях.

38. «Рабочая Мысль» — с.-д. газета, возникла в Спб. в 1897 г. (первые 2 № №), 3 — 11 и 16 (последний — в декабре 1902 г.) вышли за границы; виднейшие ее работники: К. Тахтарев-Петербуржец, Н. Лохов-Ольхин. «Р. М.» — самая яркая выразительница «экономизма». Программа газеты: «борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачка, как средство этой борьбы, — вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, закаляет силы и сплачивает рабочих, в ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть средство к дальнейшим победам... Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что они борются не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей»... «Р. М.» не только отстаивала необходимость сосредоточить все силы на

профессионально-экономической борьбе, но и противопоставляла эту борьбу политической, непосредственно направленной против самодержавия, как движение «чисто рабочее», классовое — движению революционно-демократическому, не входящему в задачи рабочей партии. С увлечением чисто экономической агитацией соединялось отвращение к централистической организации партии, необходимой для широких политических задач, преклонение перед стихийностью рабочего движения, приспособленчество к не оформленным рабочим союзам, недоверие к интеллигентным сознательным вождям, к с.-д-ской теории.

Акимов (Махновец) — был приглашен на Объединительный съезд Р. С.-Д. Р. П. с совещательным голосом, — крайний и самый последовательный оппортунист в рядах Р. С.-Д. Р. П., примкнул в конце 90-х г. г. к «экономизму», защищал бернштейнианство, его выступления — предмет постоянных похвал со стороны либералов за «реализм» и «научность» его «марксизма».

39. Речь идет о разгроме рабочих кварталов Парижа в июне 1849 года ген. Кавеньяком и о майской «кровавой неделе» 1871 г., когда версальцы разгромили Парижскую Коммуну.

40. Подробности см. в примечаниях к V тому Собр. сочинений, особенно в брошюре Л. Мартова: «Борьба с осадным положением в партии», Женева 1904.

41. Женевское соц.-демократическое издательство «Вперед» — выросло из издательства социал-демократической партийной литературы Н. Ленина и В. Бонч-Бруевича; с кооптацией в редакцию Ц. О. меньшевиков, отвергнутых II-м съездом Р. С.-Д. Р. П., большевики оказались без печатного органа; только в конце 1904 г. удалось им наладить издание своей газеты «Вперед», в которой работали: Н. Ленин, Орловский-Воровский, Галерка-Ольминский, Рядовой-Богданов, Воинов-Луначарский. Газета «Вперед» выходила до III съезда (всего 18 № №), после которого, по постановлению съезда, была заменена «Пролетарием», в качестве Центрального органа партии.

42. Брошюра: «Две тактики соц.-демократии в демократической революции» — перепечатана в VI томе Собрания сочинений Н. Ленина.

43. Брошюра: «Шаг вперед, два шага назад», с тонкой характеристикой работ II-го съезда Р. С.-Д. Р. П. и раскола «искровцев» — перепечатывается в V томе Собрания сочинений.

44. Брошюра Рабочего: «Рабочие и интеллигенты в наших организациях», с пред. П. Б. Аксельрода. Женева 1904.

Тезисы брошюры: 1) причина шаткости, неустройства партии, постоянных фракционных споров — в преобладающей роли интеллигенции в партийных организациях; 2) неосновательно обвинение рабочих в «экономизме», в отсутствии конспиративных навыков; 3) необходимо уравнивать рабочих с интеллигентами, изменить состав руководящих партийных организаций так, чтобы в них преобладали рабочие.

45. О переходе к демократизму Р. С.-Д. Р. П.—см. статьи Н. Ленина: «О реорганизации партии» (в №№ 9, 13 и 14 «Новой Жизни» от 10, 15 и 16 ноября 1905 г.), перепечатанную в VII томе Собрания сочинений, и постановление Ц. К. о созыве IV съезда (№ 9 «Новой Жизни»), перепечатанное во II-м Приложении к VII тому под № 1.

46. Речь идет о статье Парвуса в № 110 «Искры»: «Социал-демократия и Государственная Дума», разобранной в статье В. И.: «Игра в парламентаризм» (в № 18 женевского «Пролетария» — перепечатана на 439—481 стр. VI тома Собр. сочинений).

47. В эпоху I Гос. Думы большевики упорно разоблачали «конституционные иллюзии», овладевшие меньшевиками, оппортунизм трудовиков и закулисные сделки кадетов с царским правительством (см. статьи Н. Ленина в газетах думского периода: «Волна», «Вперед» и «Эхо» — перепечатаны в I части VII тома Собр. сочинений).

48. Эта тактика большевиков ярко выражена в брошюре Н. Ленина: «Роспуск Думы и задачи пролетариата» (перепечатана в начале II части VII тома Собр. соч.).

49. Речь идет о воззваниях: 1) «К армии и флоту», 2) «К крестьянству» и 3) «Ко всему народу» (см. прим. 266, 267 и 270 к VII тому).

50. Петрункевич И. И. — старый участник земского либерально-конституционного движения (еще в 1879 г. за конституционные выступления в Черниговском земстве был выслан в Костромскую губ.), участник левого крыла земско-городских съездов 1904—1905 г. г., участвовал в депутации 6/VI 1905 г., организатор и видный член к.-д. партий, в ноябре 1905 г. ведет переговоры с Витте о вхождении в кабинет общественных деятелей, член I Гос. Думы, произносит там первую речь об амнистии.

Мануилов — к.-д., экономист, либеральный ректор Московского университета, министр народного просвещения в первом Временном Правительстве 1917 г.

51. В конце 1905 г. П. Маслов выступил с проектом «муниципализации» земли и защищал его на Объединительном съезде в качестве докладчика от меньшевиков. Но на съезде «муниципалисты» должны были сделать уступку «разделистам». Вместо первоначальной Масловской программы получилась «кастрированная» программа, в которой оказались смешанными и национализация, и муниципализация, и раздел. См. подробности в IX т. Собр. сочинений.

52. Конференция меньшевиков в апреле—мае 1905 г. в Женеве. Эта конференция присвоила себе имя: «Первая всероссийская конференция партийных работников» и составила из отколовшихся от III-го партийного съезда меньшевистских делегатов, собравшихся одновременно с III-м съездом в Женеве.

Конференция вынесла ряд тактических резолюций: 1) о вооруженном восстании; 2) о захвате власти и участии во временном правительстве; 3) о работе среди крестьян и т. д. В них определенно сказался оппортунизм «меньшинства» и подчинение его либеральным ло-

зунгам. Решения конференции разобраны в ряде статей Н. Ленина, которые перепечатаны в VI томе Собрания сочинений.

В организационных вопросах конференция: 1) констатировала распад партии на две обособленные части; 2) признала потерявшим право на существование Совет Партии; 3) создала «Организационный Комитет», как центр меньшевиков, поручив ему вступить в переговоры с «большинством» о восстановлении партийного единства.

53. Ответный адрес Государственной Думы на тронную речь, составленный и отредактированный кадетами в конституционно-монархическом духе, робко говорил о самовластии чиновников, «отделяющих царя от народа», просил о министерстве, «пользующемся доверием большинства Гос. Думы», умолял об отмене смертной казни, намечал либеральную политическую программу и очень сдержанно подходил к аграрному и рабочему вопросам.

54. Для тактики пассивного сопротивления кадетов на IV партийном съезде осенью 1906 г. характерны главные резолюции этого съезда:

1) Съезд одобряет деятельность парламентской фракции в Думе; 2) признает «политическое значение Выборгского воззвания» и «одобряет» действия парламентской фракции, взявшей на себя почин в составлении его; 3) считает «пассивное сопротивление» согласным с общими принципами «тактики партии»; 4) «признавая широкое и организованное применение пассивного сопротивления как вообще, так и в особенности в форме отказа от отбывания воинской повинности в призыв 1906 г. в настоящее время фактически неосуществимым, съезд не находит возможным рекомендовать немедленное и по необходимости частичное его проведение в жизнь; вместе с тем, съезд настаивает на необходимости широкого распространения, обоснования и укоренения идеи пассивного сопротивления в народном сознании»; 5) ближайшей задачей партии признает «установление теснейшей связи с населением, одинаково необходимой как для подготовки избирательной кампании, так и вообще для организации общественных сил», и 6) считает необходимым избирательной платформой партии «сделать ответный адрес Государственной Думы на тронную речь, с теми дополнениями, которые вытекают из программы партии, с обращением особого внимания на необходимость расширения законодательных и бюджетных прав Государственной Думы».

55. Поправки большевиков к избирательной платформе, предложенной меньшевистским Ц. К.

1) Развить подробнее цели нашего участия в выборах в Думу, подчеркнуть значение революционных организаций и самостоятельность масс и роль Думы, как опорного пункта революции; 2) иллюстрировать общую характеристику оппозиционных и революционных течений конкретными примерами отдельных партий (к.-д., с.-р. и т. д.), подчеркнуть классовый характер соц.-дем-тии; 3) изложить более подробно пункт 6-й платформы; 4) переработать платформу в смысле популярности, имея в виду особенности крестьянства; 5) вставить указание на классовый ха-

рактер с.-д-тии и конечную цель пролетарского движения; 6) ни в каком случае из платформы не выпускать упоминания о республике, как конкретной форме народовольствия; 7) не упускать также указания на средства борьбы (восстание и т. п.), т.-е. указать конкретно, что вся предшествовавшая борьба поставила нацию перед необходимостью всенародного восстания, захвата власти народом для созыва Учредительного Собрания (точно и недвусмысленно указать основное отличие точки зрения с.-д-тии от всех главных партий, играющих роль в думской кампании, точно указать классовое содержание различных партий, именно охарактеризовать и определенно назвать к.-д., трудовиков и т. д. Выразить в платформе идею борьбы пролетариата с буржуазией,—идею, совершенно затушеванную в платформе. Выпустить из платформы выражения: отмена самодержавия, амнистия и др.

56. Выборгское воззвание — см. прим. 254 к VII тому.

57. Гейден — представитель земского либерализма; президент Вольно-экономического общества в 90-х гг., участник земских съездов, лидер крайнего правого крыла в I Гос. Думе, в качестве октябриста; после разгона Думы один из организаторов партии мирнообновленцев. См. его характеристику в статье Н. Ленина: „Памяти гр. Гейдена“, перепечатанную в этом томе.

58. Шипов Д. Н. — земский деятель, председатель Моск. губ. земской управы. Шипов — душа зарождающегося во 2-й половине 90-х гг. земского движения, постоянный участник земских „слетов“ и съездов, здесь занимает правое крыло, боится западно-европейского „парламентаризма“, мечтает о „законосовещательном органе“. После 1905 г. входит в „Союз 17 октября“, потом в партию мирного обновления, но, как политический деятель, ничем себя не проявляет. В I революцию служит посредником между Николаем II и кадетами. См. его „Воспоминания“. Москва 1919 г.

59. Франкфуртские болтуны. Речь идет о делегатах Франкфуртского парламента, т.-е. Учредительного Собрания, созданного в Германии в революцию 1848 г. для выработки общегерманской конституции. Нерешительность и слабость бюргерства, составляющего большинство в парламенте, окрылили старые реакционно-феодалные силы, и парламент во Франкфурте был скоро ликвидирован без каких-либо реальных для Германии социально-политических результатов.

60. О деятельности Бисмарка см. прим. 110 к VII тому.

Национал-либералы в Германии — партия крупной буржуазии с националистической окраской.

61. Доррер, Булацель, Пуришкевич — вожди черносотенцев во II Думе, крупные помещики.

62. Под „реакционным сенатом в Женеве“ В. И. иронически разумеет Плеханова, который настойчиво высказывался за блоки с кадетами на основе общего и для с.-д. и для к.-д. лозунга: „полновластная Дума“.

63. В. Либкнехт — отец убитого вождя спартаковцев, К. Либк-

нехта — видный деятель немецкой с.-д.-тии, изуклонный революционный борец; свою деятельность начал в революцию 1848 г. в Бадене и Пфальце. С наступлением реакции эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. С 1860 года по амнистии возвращается в Берлин, где ведет упорную борьбу с тактикой Лассаля. С 1865 г., высланный из Пруссии, живет в Лейпциге, сблизается с Бебелем, вырывает его из либерального лагеря. Отныне Ликбнехт и Бебель — два столпа немецкой с.-д.-тии и одновременно два мощных революционных борца. С 1868 г. основывает «Демократический Еженедельник» (с 1869 г. «Народное Государство» и затем «Вперед» — орган Ц. К. немецкой с.-д. партии). В 1872 г. с Бебелем арестован за государственную измену, за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии. Вместе с Бебелем выносит на своих плечах тяжесть борьбы с Бисмарком во время господства исключительных законов против социалистов. Революционный пафос не покидает его до конца; на Эрфуртском партийтаге (съезд немецкой с.-д.-тии) ожесточенно борется против социалиста Фольмара, вотиновавшего за правит. бюджет, зорко стережет чистоту революционной тактики пролетариата от примесей соглашательства с буржуазией, постоянно подвергается репрессиям за выпады против автократических замашек кайзера Вильгельма I.

64. Меринг — выдающийся деятель немецкой с.-д.-тии. В 80 г.г. он резко порвал с либеральным лагерем и перешел в ряды с.-д. партии, где примкнул к левому ортодоксально-марксистскому крылу. Редактировал «Лейпцигскую Народную Газету» и вместе с Каутским «Новое Время». Труды его жизни: «Из литературного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля» и «История немецкой с.-д.-тии». Когда грянула империалистская война 1914 г., и угар шовинизма охватил немецкую с.-д.-тию, Меринг выступил с резким протестом против войны, военных кредитов и «гражданского мира» с буржуазией, который проповедывало оппортунистическое крыло партии (шейдемановцы). Вместе с Розой Люксембург издал № журнала «Интернационал», одно название которого — программа и боевой вызов оппортунистической политике большинства партии. Лозунгам революционного социализма Меринг остался верен до конца своих дней.

65. Военно-полевые суды — были введены в августе 1906 г. Столыпиным в ответ на целый ряд террористических актов (покушение на Столыпина на Аптекарском острове 12/VIII, убийство ген. Мина (прим. 95 к VII тому) 13/VIII и др.) и экспроприаций. Так как «обыкновенное судебное производство не вполне приспособлено к обстоятельствам настоящего времени», «поэтому признано необходимым издать временные правила о военно-полевом суде для суждения обвиняемых в наиболее тяжких преступлениях в местностях, объявленных на военном положении и на положении чрезвычайной охраны». От военно-полевой юстиции (до 20/IV 1907 г.) погибло несколько тысяч человек.

66. Резолюция Международного Социалистического Конгресса в Амстердаме 1904 года:

Конгресс самым решительным образом осуждает ревизионистские

стремления изменить нашу испытанную и увенчанную успехом тактику, обоснованную на классовой борьбе, в таком направлении, чтобы вместо завоевания политической власти путем победы над нашими противниками — обратиться к политике уступок существующему порядку вещей.

Последствием подобной ревизионистской тактики было бы превращение партии, стремящейся к возможно скорому преобразованию существующего буржуазного общественного строя в социалистический, и, следовательно, партии революционной в лучшем смысле этого слова, — в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества.

Поэтому Конгресс, в противоположность ревизионистским стремлениям, выражает свое убеждение, что классовые противоречия не только не ослабляются, но все более и более обостряются, и заявляет:

1) что партия слагает с себя всякую ответственность за политические и экономические условия, проистекающие из капиталистического способа производства, и что, поэтому, она не может оправдывать таких средств, которые обусловлены поддержанием господствующего класса у власти;

2) что социал-демократия, согласно резолюции Каутского на Международном Конгрессе 1900 г. в Париже, не может стремиться к участию в правительственной власти в пределах буржуазного общества.

Далее Конгресс осуждает всякое стремление к затушевыванию существующих классовых противоречий, облегчающему сближение с буржуазными партиями.

Конгресс выражает надежду, что социал-демократические фракции будут по-прежнему употреблять ту огромную силу, которой они достигли, — как благодаря увеличению числа членов партии, так и благодаря сильному росту стоящих за ними масс избирателей, — для выяснения целей социал-демократии и воспользуются соответственными основными положениями нашей программы для того, чтобы самым энергичным и ревностным образом всюду стать на защиту интересов рабочего класса, расширения и обеспечения политической свободы и других прав; для того, чтобы вести борьбу против милитаризма, против маринизма, против колониальной политики, против бесправия, угнетения и эксплуатации, во всех ее формах, еще энергичнее, чем это было для нее возможно до сих пор, наконец, для того, чтобы энергично действовать в пользу создания социального законодательства и выполнения политических и культурных задач рабочего класса.

67. Васильев — доктор по профессии, с.-д. меньшевик, занимавший крайнюю правую позицию в предвыборную кампанию начала 1907 г.

68. Январская (1907 г.). Конференция Петербургской организации Российской Соц.-Дем. Раб. Партии по вопросу о соглашениях.

В начале января 1907 г. состоялась общегородская и губернская Петербургская Конференция Р. С.-Д. Р. П., решившая вопрос о соглашениях местной организации партии с другими партиями во время избирательной кампании по выборам в Гос. Думу.

С решающим голосом присутствовало 70 делегатов от гор. Петербурга и Пет. губ. Из них было 42 большевика, отвергавших блок с кадетами, и 28 меньшевиков, признававших необходимым такой блок. Совещательный голос имели: 2 члена редакции Центрального Органа Р. С.-Д. Р. П., 2 члена Центр. К-та, 1 член редакции органа Петербургского К-та (газеты „Пролетарий“), несколько представителей участковых избирательных комиссий и те делегаты, мандаты которых оказались недостаточными для представления им решающего голоса.

Все делегаты в общей сложности представляли собой почти 4 тысячи голосов; из них 2.177 голосов большевистских и 1.731—меньшевистских.

После выбора президиума, конференция выслушала доклады представителей комиссии по проверке мандатов. Из докладов выяснилось, что в некоторых меньшевистских подрайонах гор. Петербурга при выборах делегатов была нарушена инструкция Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П., согласно которой выборы на конференцию должны были производиться по расчету 1-го делегата на 50 организованных с.-д. на демократических началах, т.-е. путем привлечения к выборам и к обсуждению вопросов, связанных с конференцией (с обязательным присутствием докладчика Петербургского Комитета), возможно более широкой массы организованного соц.-дем. пролетариата города Петербурга и Пет. губ. Мандаты, полученные без предварительного обсуждения избирателями вопросов, стоявших в очереди дня конференции, были переданы на рассмотрение конференции, равно как и мандаты тех делегатов, при выборе которых были нарушения других пунктов инструкции Петербургского Комитета. Хотя представители Ц. К. доказывали на конференции, будто эта инструкция противоречит уставу партии (в том смысле, что требует перед выборами дискуссии), но, во-первых, эта инструкция, составленная задолго до конференции, не была опротестована Ц. К., а, во-вторых, в тексте постановления Ц. К. от 22 ноября 1906 г., в котором сам же Ц. К. предлагает передавать все вопросы избирательной кампании на предварительное обсуждение низших ячеек организаций. После этого, а также после разъяснения тов. Ленина и других, что истинно-демократическое представительство на конференции может быть лишь результатом сознательного отношения избирателей, членов партии, к задачам конференции, последняя приняла следующее постановление, внесенное группой 17-ти делегатов:

1) „признать неправильным и недемократичным голосование без платформы“;

2) „повысить до 75 голосов норму представительства от всех оспоренных той или другой стороной голосов, за исключением 185 голосов от Московского района (по платформе П. К.), которые признать правильными“*).

*) „Оспоренных голосов со стороны большевиков было 300, плюс 185 в Московском районе. Каковые 185 собраны вполне правильно. В сумме это даст 485 оспоренных меньшевиками голосов“.

Кроме того, особым постановлением дан решающий голос представителю военной организации, после чего состав конференции и определен окончательно в вышеприведенных цифрах.

Ставится на очередь вопрос об избирательных соглашениях. Представитель Ц. К. читает постановление Ц. К. о том, что рамки конференций, созываемых для обсуждения избирательной кампании, рекомендуется по возможности приурочивать к рамкам избирательных округов. Ввиду этого Ц. К., по заявлению его члена, предлагает настоящей конференции обязательно разделиться на две части—одна по городу Петербургу и другая по Петербургской губ. Другой представитель Ц. К. поясняет, что резолюция Ц. К. о приурочении конференций к избирательным округам не имеет характера обязательного. Ввиду противоречия между двумя членами Ц. К., некоторые ораторы предлагают придерживаться точного текста общей резолюции Ц. К. для всей России, из которого ясно видно, что вопрос этот ставился Ц. К. в зависимости от практической „возможности“. Большинство собрания признает, что такой возможности в данном случае нет: 1) и в техническом отношении (в смысле обслуживания всех частей организации) и в политическом,—разделение петербургской организации на 2 части с двумя отдельными конференциями — нецелесообразно, так как оно лишь ослабило бы организацию, лишив город главных пролетарских сил (крупнейшие районы: Невский, Нарвский, часть Выборгского и др. отошли бы к губернии); 2) практически это разделение неосуществимо, ибо пришлось бы иногда перетасовывать заводы и дробить естественно сложившуюся и тесно сросшуюся организацию, а, кроме того, близость избирательной кампании (начало выборов по рабочей курии 7-го января) не дает никакой возможности осуществить пожелание Ц. К., которое вдобавок, по мнению многих делегатов, направлено к тому, чтобы создать искусственное преобладание меньшевиков, стоящих за блок с кадетами, в столице, тем более, что постановление Ц. К. относительно петербургской конференции было сделано накануне самой конференции.

Ввиду всего этого конференция решила:

Принимая во внимание,

1) что постановление Ц. К. о разделении конференции, если бы оно даже и было обязательным, являлось бы безусловно незаконным с точки зрения устава партии, так как принцип автономии местных организаций совершенно исключает вмешательство Ц. К. в состав и функционирование демократически построенной организации;

2) что разделение петербургской конференции на городскую и губернскую не вызывается никакой необходимостью, ибо все особые нужды избирательной кампании в губернии вполне удовлетворяются учрежденной уже губернской избирательной комиссией, работающей в тесной связи с общей избирательной комиссией при П. К.,

3) что насильственное разделение единодушно действующей организации (если бы такое толкование резолюции Ц. К. было принято),

способно ослабить сплоченность всей избирательной кампании и повредить ее успешности;

4) что практическое осуществление такого разделения представляет почти непреодолимые трудности,—

конференция постановляет продолжать занятия в неразделенном составе. (Резолюция эта принята 42 голосами при 28 отказавшихся от голосования).

После принятия этой резолюции, представитель Ц. К. сделал от имени последнего следующее заявление: «Принимая во внимание, что конференция, созванная П. К. по вопросу об избирательной кампании, не приняла во внимание обязательных для всех партийных организаций директив Ц. К. от 10 ноября 1906 г. и 5 января 1907 г., представители Ц. К. уполномочены от имени всей коллегии заявить, что данная конференция не удовлетворяет установленным для такого рода конференций условиям и потому решения ее не носят обязательного характера для частей петербургской организации». За заявлением представителя Ц. К. следует заявление 28 делегатов меньшевиков с решающим голосом, что они не желают принимать участия в дальнейших работах конференции.

Оставшиеся 42 делегата постановляют перейти к очередным делам (представители Ц. К. остаются в заседании). Тов. Ленин делает доклад по вопросу об избирательных соглашениях на предстоящих выборах в Думу. Докладчик отмечает отсутствие в Петербурге черносотенной опасности, сказки о которой распространяются кадетами, чтобы склонить избирателей голосовать за них. Перед местной соц.-демократией стоит вопрос о том, как освободить массы столичного населения от идейной гегемонии кадетов. Значительные слои городской бедноты, полупролетарского состава, еще колеблются между к.-д. и с.-д. Кадеты подкупают их местечками в Думе, чтобы укрепить свое влияние на них. Вот почему, быть может, целесообразно войти в соглашение с революционно-демократическими партиями и группами, чтобы совместно подорвать влияние кадетов. Практическая же необходимость и возможность соглашения, а также формы его должны быть, по мнению докладчика, решены практическими работниками местной организации.

Делегаты, выступившие в прениях, в большинстве высказывались за соглашение петербургской соц.-демократии с революционно-демократическими элементами, в лице трудовиков и социалистов-революционеров. По обсуждении этого вопроса, конференция подтвердила резолюцию 14-ти делегатов на Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. в следующем постановлении:

«Признавая соглашения с кадетами в Петербурге не только принципиально недопустимыми, но и политически безусловно вредными, конференция постановляет поставить немедленно на очередь важнейший для Петербурга вопрос о соглашениях с революционной демократией».

Затем принята 38 голосами при 2-х воздержавшихся следующая резо-

люция, устаивающая основы соглашения петербургской организации Р. С.-Д. Р. П. с трудовиками и социалистами-революционерами.

Принимая во внимание:

1) что самостоятельность избирательной кампании является безусловно обязательной для социал-демократии, как классовой партии пролетариата, во всех случаях, когда нет налицо особых исключительных условий;

2) что до сих пор Петербургская социал-демократия, с Петербургским Комитетом во главе ее, вела вполне самостоятельную избирательную кампанию, оказывая влияние на все слои трудящегося населения, как стоящие на выдержанной пролетарской точке зрения, так и не вполне еще освоившиеся с ней;

3) что в настоящее время, за две недели до выборов, выясняется уже, что в Петербурге незначительны шансы правых партий, значительными же считаются (главным образом, в силу традиции) шансы кадетов. Перед Р. С.-Д. Р. П. особенно настоятельно выдвигается поэтому задача приложить все усилия, чтобы подорвать гегемонию кадетов в центре, на который обращено внимание всей России;

4) что среди широких слоев городской трудящейся бедноты, не стоящих еще на пролетарской точке зрения и способных повлиять на исход выборов в городской курии, замечается колебание между стремлением голосовать левее кадетов, т.-е. освободиться от руководства предательской либерально-монархической буржуазии, и стремлением обеспечить себе хотя бы небольшое число депутатов-трудоуиков в Думе посредством блока с к.-д.;

5) что среди колеблющихся трудовых партий замечается стремление оправдать блок с к.-д. на условии получения одного, или во всяком случае не более двух мест, из шести мест столицы,—оправдать тем, что с.-д. несогласны ни при каких условиях вступать в соглашение с не социал-демократическими слоями городской бедноты против либеральной буржуазии,—

конференция постановляет:

1) сообщить немедленно Петербургскому комитету партии с.-р. и Комитету Трудовой Группы, что Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. готов войти в соглашение с ними, под условием незаключения ими никаких соглашений с кадетами;

2) условия соглашения: полная самостоятельность соглашающихся партий в отношении лозунгов, программы и тактики вообще. Распределение шести мест в Думе следующим образом: два места рабочей курии, два—социал-демократам, одно—социалистам-революционерам и одно—трудоуикам;

3) ведение переговоров конференция поручает своему Исполнительному Органу;

4) по губернии, на основании тех же принципиальных соображений, допускаются по местам соглашения с социалистами-революционерами и трудоуиками.

Примечание: Относительно партии н.-с. (трудовая народно-социалистическая партия) постановляется: исходя из того факта, что позиция этой партии является уклончивой в отношении к основным вопросам внедумской борьбы, конференция считает допустимым соглашение с социалистами революционерами и трудовиками лишь при отсутствии соглашения между ними и партией н.-с.

Для содействия Петербургскому Комитету в проведении в жизнь резолюций конференции, т.-е. для переговоров с трудовиками и соц.-революционерами и для руководства избирательной кампанией, избран Исполнительный Орган Петербургской Конференции в составе десяти человек.

69. Петербургская общегородская конференция в июне 1906 г.

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. созвал в половине июня междурайонную конференцию для определения тактики по отношению к Государственной Думе.

Выборы на конференцию производились после предварительных дискуссий, на которых разбирались резолюции Ц. К. и П. К. Дискуссии производились в течение недели: в результате около 4.000 членов партии послали своих представителей (по одному от 50 человек) на конференцию.

При этом оказалось, что за резолюцию П. К. было подано 1.760 голосов, за резолюцию Ц. К.—952 голоса и 1.431 чел. послали своих представителей как «бесплатформенных».

В первую очередь на конференции был поставлен вопрос о выработке порядка дня. Представители Ц. К. настаивали на том, чтобы сначала рассматривался вопрос о «единстве» партии, представители же П. К. требовали, чтобы конференция раньше сделала то, зачем она была созвана, на почве чего велись все дискуссии, т.-е. определила тактику Петербургского пролетариата по отношению к Государственной Думе. Вопрос же о «единстве партии» предлагалось обсудить во вторую очередь.

После голосования оказалось, что за порядок дня, защищаемый товарищами из Ц. К., голосовало 29 делегатов, за порядок же дня П. К. подано было 42 голоса. В силу этого голосования президиум предложил выступить докладчикам той и другой тактической платформы. Предложение это, однако, не было принято, так как товарищи из Ц. К. отказались явиться докладчиками по резолюции Ц. К. Ввиду этого им было предоставлено 30 м. (время докладчика П. К.) для возражений.

Представитель «бесплатформенников» в свою очередь потребовал 30 м. для доклада. Конференция удовлетворила это требование. Прения затянулись, записалось свыше 30 ораторов. Поэтому в первом заседании конференция не исчерпала пункт первый порядка дня и закончила его лишь на втором заседании. В результате была принята следующая резо-

люция 37 при 10 воздержавшихся (нужно заметить, что к концу конференции отсутствовало много делегатов).

Принимая во внимание: 1) что обе резолюции Петербургского Комитета—об отношении к Государственной Думе и поддержке требования ответственного думского министерства—правильно определяют ближайшую тактику по отношению к Государственной Думе и задачи социал-демократии на основе решений Объединительного съезда партии; 2) что солидарно с Петербургским Комитетом высказались по этому поводу московская областная конференция, съезд польской социал-демократии (наших товарищей по партии), а также целый ряд провинциальных организаций; 3) что на основе этих обеих резолюций Петербургского Комитета необходимо выработать план ближайших действий петербургским социал-демократическим организациям,—

конференция постановила:

1) подтвердить обе вышеуказанные резолюции; 2) образовать немедленно регулярные совещания парламентской социал-демократической фракции с представителями социал-демократического пролетариата в Петербурге; 3) поставить на очередь вопрос об организации таких совещаний парламентской социал-демократической фракции с представителями фабрик и заводов, в целях расширения влияния социал-демократии на массы, влияния и давления пролетариата на Государственную Думу.

Перед началом своих работ конференция горячо приветствовала, по предложению тов. Карпова (Ленина), одного из членов социал-демократической парламентской фракции, присутствовавшего на конференции, тов. Рамишвили.

70. Организационный устав Р. С.-Д. Р. П., принятый на Объединительном съезде.

1. Членом партии признается всякий, принимающий партийную программу, поддерживающий партию материальными средствами и входящий в какую-либо партийную организацию.

2. Все организации партии строятся на началах демократического централизма.

3. Все организации партии автономны во внутренней своей деятельности. Всякая утвержденная организация партии имеет право издавать от своего имени партийную литературу.

4. Новые партийные организации утверждаются областными конференциями или двумя соседними организациями. Контроль над утверждением принадлежит Ц. К.

5. Организации одного района могут объединяться в областные союзы. Областной центр выбирается на областных конференциях или съездах.

6. Все партийные организации обязаны поддерживать Ц. К. средствами, в размере 10 проц. всех поступлений.

7. Ц. К. и ответственная редакция Ц. О. выбирается на съезде.

Ц. К. представляет партию в сношениях с другими партиями, организует различные учреждения партии и руководит их деятельностью, организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение, распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты, как между различными учреждениями партии, так и внутри их, и вообще объединяет всю деятельность партии. При разрешении вопросов политического характера в состав Ц. К. входит и ответственная редакция Ц. О. В случае выбытия членов Ц. К. состав его дополняется из числа назначенных съездом кандидатов, в порядке, определенном съездом. Выбывшие члены ответственной редакции Ц. О. пополняются Ц. К. совместно с оставшимися членами редакции.

8. Верховным органом партии является съезд. Очередные съезды созываются Центральным Комитетом ежегодно. Экстренный съезд должен быть созван в двухмесячный срок, по требованию не менее половины всех членов партии.

В случае отказа Ц. К. созвать при этих условиях съезд половина партии, потребовавшая его созыва, имеет право образовать Орган. Ком., который пользуется всеми правами Ц. К. по созыву съезда.

Представительство на съезде имеют все утвержденные организации партии, по расчету одного делегата на каждые 500 членов, участвовавших в выборе делегатов. Организации, состоящие не менее, как из 300 избирателей, имеют право на посылку одного делегата. Организации, не имеющие достаточного числа членов, могут объединяться с соседними организациями для посылки общего делегата, если они вместе имеют не менее 500 избирателей. Выборы на съезд производятся на демократических началах.

Съезд считается действительным, если на нем представлено более половины всех членов партии.

Созыв всякого съезда и порядок дня объявляется Ц. К. партии или в соответствующих случаях О. К. не менее, как за полтора месяца до съезда.

71. Милюков—см. прим. 83 к VII тому Собр. сочинений.

Набоков—см. прим. 75 к VII тому Собр. сочинений.

72. Об основании Р. С.-Д. Р. П. в 1898 г. см. материалы в № 1 журнала: «Пролетарская Революция».

73. «Рабочее Дело»—с.-д. орган (вышло всего 12 № №, с IV/1899 по III/1902), издавался «Союзом русских соц.-демократов» (редакторы Б. Кричевский, Мартынов),—выразитель оппортунистических течений в рядах русской с.-д.тии. «Р. Д.» пытается сделать шаг вперед сравнительно с «Рабочей Мыслью», но постоянно срывается в плоскость «экономизма». Тезисы «Р. Д.»: 1) пропаганда «экономистов» и «политиков»—различные, но необходимые стадии одного и того же процесса; 2) самое важное—стихийное движение рабочих масс, идеологам социал-демократии нужно считаться с особенностями русского рабочего дви-

жения на данной ступени его развития; 3) переход к «политике» обусловливается лишь прямой невозможностью при условиях самодержавно-полицейского режима вести стачечную борьбу и т. д.

С тенденциями «Рабочего Дела» вели ожесточенную борьбу «Искра» и Н. Ленин (см. его брошюру: «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» в V томе Собр. сочинений).

74. Речь идет о герое Тургеневского рассказа: «Ася», который испугался слишком пылких чувств со стороны своей героини.

75. 9 января—см. прим. 67 к VI тому Собр. сочинений.

76. Речь идет о великой октябрьской забастовке 1905 года.

77. Аграрные проекты 104 и 33 в I Гос. Думе.

а) Проект 104-х. «Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала всему народу, при чем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать собственным трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование ею.

«Для этого должен быть образован «общенародный» земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные и помещичьи земли, превышающие установленную для каждой местности «трудовую» норму. Наделенные и мелкие частновладельческие земли, не превышающие трудовой нормы, остаются за теперешними владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках, и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность.

«Вознаграждение за отчуждаемые частновладельческие земли должно производиться за счет государства.

«Земля, поскольку она служит для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, при чем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим. Во всяком случае, каждый трудящийся имеет право на усадьбную оседлость в местности, где он живет.

«Наделение земель из общенародного фонда производится в пределах трудовой нормы. Если земли для наделения всего земледельческого населения данной местности не хватает, то все имеющие менее продовольственной нормы, получают право на переселение за счет государства в те местности империи, где земли имеется избыток.

«Лицам, получившим землю для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий.

«Для подготовительных действий к земельной реформе и для упорядочения экономических отношений в течение переходного периода должны быть учреждены местные комитеты: губернские, уездные и во-

лостные, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, для организации всего населения в участии и обсуждении реформы».

б) Проект 33-х. Все граждане должны иметь равное право пользования землею. «С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть отчуждены помещичьи и проч. частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму.

«Вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться за счет государства.

«Продажные, залоговые и дарственные сделки на землю должны быть немедленно приостановлены.

«Земля, поскольку таковая может служить для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, при чем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим. Каждый трудящийся имеет право на усадьбную оседлость в той местности, в которой он живет, и право на надел в той местности, где имеется свободная земля.

«Наделение земель производится в пределах трудовой нормы. Все имеющие менее продовольственной нормы получают право на переселение за счет государства в те местности империи, где в земле имеется избыток.

«Лицам, не имеющим достаточно средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства, в форме ссуд и пособий».

78. Пешехонов А. В.—народник,—сотрудник «Русского Богатства», специалист по аграрному вопросу, где проповедывал «умеренность и аккуратность», допускал «выкуп» при отчуждении в крестьянскую пользу помещичьих земель, организатор н.-с. партии. Министр продовольствия в коалиционном временном правительстве 1917 г.

79. См. статьи Н. Ленина в №№ 7 и 8 «Пролетария» за 1906 г.

80. Лидваляда—нашумевшее дело тов. министра вн. дел Гурко, заведывавшего продовольственным делом, и крупного спекулянта, поставщика продовольствия в голодающие губернии в 1906 г.—Лидваля. Спекуляция на голоде крупного сановника в контакте с крупным нефтяником заставила даже Столыпина довести дело до судебного разбирательства, которое, впрочем, не привело к каким-либо опасным последствиям для сановных спекулянтов.

81. Речь идет об убийстве члена I Гос. Думы, кадета Герценштейна, в Финляндии 18 июля 1906 г., организованном черной сотней. Правительство Столыпина пустило в ход все меры, чтобы убийцы Герценштейна, всжди черносотенцев, остались безнаказанными, несмотря на все усилия финляндских судей.

82. Отчет Семянниковского подрайонного союза Невского района РСДРП от 15 ноября по 15 янв. 1907 г.

1. Деятельность союза освещается следующими цифрами.

НАЗВАНИЕ СОБРАНИЙ.	Число собраний.	Число участников (в среднем).	Всего посещало.
Собраний организационного характера было:			
Подр. союз	11	50	550
Предст. от ядер	2	10 — 15	25
Отдельных ядер	10	10	100
Подрайонных комитетов	3	12	36
Мелких завод. ядер	12	10	120
Уличн. избират. комит.	5	6	30
Всего	43	—	861
Собраний пропаганд-агитационных.			
Больших лекций	1	—	200
Для представит. от ядер и для подрост- ков союза	4	30	120
Лекции по истории с.-д.	3	10	30
Собр. п. д. р. с. по поводу избират. кампании	3	50	150
Дискуссий	5	50	250
Лекц. сп. по истор.	1	20	20
Агитаторск. кружк.	3	20	60
Мелк. зав. кружк.	2	10	20
Всего	22	—	750
Всего	65	—	1611

И за нынешний отчетный период опять наблюдается перевес чисто организационных собраний над пропагандистско-агитационными, при чем разница теперь еще более значительная. Лекций почти не было, кружков не велось. Причины отчасти те же, что и в прошлом, главная же — то особенное внимание, которое пришлось уделить избирательной кампании. На большинстве собраний, занесенных в рубрику организационных, приходилось обсуждать вопросы, связанные так или иначе с избирательной кампанией, что ясно из того, например, что только 4 собрания касались вопросов, в тесном смысле слова программных и теоретических, остальные 18 ушли на избирательную кампанию.

Число посетивших собрания почти не возросло; это объясняется отчасти праздничным перерывом, отчасти «независящими обстоятельствами», отчасти тою излишнею щепетильностью при определении членства партии, какая у нас наблюдается. «Старые почтенные рабочие» почти не считают членами партии молодежь, мало зарабатывающую. Пропагандистская сторона работы поставлена по-прежнему неудовлетворительно, и опять по тем же старым причинам: у нас рабочие выросли из кружков, на которых приходящие пропагандисты в сотый раз повторяют рабочим давно известные вещи, слова и фразы; нам нужен опытный, начитанный товарищ, который бы сумел ответить на все запросы слушателя; необходимы широкие лекции по вопросам программы, тактики и истории соц.-демократии. Поставить такие лекции, несмотря на все наши усилия, мы не могли. Наши постоянные обращения к верхам оставались гласом вопиющего в пустыне, пускать же малоопытных и мало-знающих товарищей мы считали прямо преступным.

Систематический курс больших лекций был прерван по «независящим обстоятельствам», так что за истекшие два месяца была только одна такая лекция об избирательных соглашениях. Были попытки провести систематический курс лекций по истории с.-д., но состоялось их всего три, так как товарищ, ведущий этот курс, неожиданно попал в плен к самодержавному правительству.

Вот темы лекций и чтений (включая и темы по поводу избирательной кампании):

1. Избирательные соглашения (т. В.); 2) избирательные соглашения на Западе и у нас (т. Л.); 3) о соглашениях с к.-д. (т. В.); 4) различные точки зрения большевиков и меньшевиков на роль буржуазной демократии в русской революции (т. В.—для представителей от ядер); 5) начало революционного движения в России (т. С.); 6) первые шаги рабочего движения и начало соц.-демократии (тоже); 7) «экономизм» (тоже); 8) о парламентаризме (т. Г.); 9) и 10) агитаторский кружок для избирательной кампании (т. Г.); №№ 5, 6 и 7 из систематич. курса по истории с.-д. в России; № 8—первая лекция в агитаторском кружке.

Как бы то ни было, вопрос о пропаганде у нас—острый вопрос. На последнем собрании подрайонного комитета он снова был выдвинут т. М. После обсуждения решено приложить усилия к тому, чтобы курс по истории продолжался, агитаторский кружок созвать снова, а кроме того, образовать агитаторскую коллегию для ведения лекций по ядрам.

II. Гвоздем нашей работы была избирательная кампания, которая кончилась небывалым доселе поражением. Еще в конце ноября и весь декабрь подрайонный союз разрешал вопрос о соглашениях. К сожалению, приходится констатировать, что постановление П. К. о выборах на конференцию по платформам было встречено с крайним предубеждением. Этому вопросу мы отдали целиком 3 собрания и после длинных и горячих споров принято было выборы производить по платформам (34 головами против 10, при 14 воздержавшихся).

Характернейшим эпизодом этих обсуждений была горячая речь одного, так называемого противника платформ, который произнес горячую филиппику против Плеханова, называя последнего оппортунистом и лицемером.

Дискуссии тоже затянулись, несмотря на незначительное число членов, принявших участие в голосовании. В Семяниновском подрайоне проголосовало едва 70 человек, из которых за платформу Ц. К. было только 9, а остальные за П. К.

Это объясняется, главным образом, независимыми обстоятельствами. Следует отметить, что у нас в подрайонном союзе, несмотря на всю страстность обсуждения, оспоренных голосов было только 2 и соглашение в контрольной комиссии было достигнуто быстро.

Что касается работы специальных органов для избирательной кампании, то, к крайнему сожалению, приходится сказать, что некоторые из этих органов проявили недостаток энергии,—например, подрайонная избирательная комиссия, составленная исключительно из рабочих.

Нельзя того же сказать об уличных избирательных комитетах, тоже составленных исключительно из рабочих. За короткое время своего существования эти комитеты успели совершить массу работы. Образованы уличные комитеты на улицах Стеклоной, Глазурной, Фаянсовой, Фарфоровой, Смоляной, Глиняной, на Проспекте, Безымянной и других, распространена масса литературы (около 2-х пудов), совершен почти поголовный обход всех избирателей нашего участка; теперь производится анкета избирателей, намечены выборщики, была попытка устроить предвыборное собрание, собираются деньги и т. д.

Но и здесь приходится отметить равнодушное отношение некоторых частей нашей организации: на все наши просьбы у студенческой социал-демократической группы дать нам разносчиков и агитаторов для улиц, мы получали отказ. Согласится какой-нибудь юный студентик, придет раз другой, да как увидит, что уйма работы, и удержит.

Анкета скоро будет опубликована, пока же можно сказать, что две трети избирателей согласны голосовать за социал-демократов.

Что касается выборов в рабочей курии, то можно и нужно было бы поработать поэнергичней, но теперь уж потерянного не воротишь. Несколько собраний было посвящено следующим вопросам: 1) сила с.-р. на Семяниновском заводе, 2) предложение с.-р. выбирать пропорционально, 3) техника выборов. После святок специально два собрания ушло на выборы кандидатов, которых подрайонный союз должен был

выставить на заводе; решено было, что будет выставлен социал-демократический список из 5 лиц, так что с.-р-ам бросалась перчатка бороться чисто на партийной почве. Кандидатами намечены были все меньшевики. Решено было провести своего председателя, при чем одна часть товарищей настаивала на кандидатуре меньшевика Х., другая на У. Последний, несмотря на свою огромную популярность, упорно отказывался. Против первого возражали многие из т.т., указывая на эс-эровскую агитацию против него (Х.), как против лица, которое блюдет интересы мастеров и хозяев, а не рабочих. (Это же обстоятельство ставилось на вид, когда Х. намечался в кандидаты).

Чтобы подготовить почву, рабочие пытались устроить предвыборное общезаводское собрание, но полиция не допустила его. За первой неудачей пошли другие. Подрайонный союз провел гибельное постановление: «На большие предвыборные собрания агитаторы-интеллигенты» допускаются, но вступают только в том случае, если будут говорить интеллигенты с.-р. На чисто соц.-демократических собраниях рабочие обходятся своими силами, и «интеллигенты» не допускаются». Очень немногие товарищи протестовали против этого. Многие члены подрайонного союза отсутствовали, были в отъезде, так что даже на выборах было вместо 6 тов. только около 2 тов. Накануне самых выборов т. В. были доложены товарищам угрожающие признаки, что против Х. ведется агитация, но кандидатура Х. снята не была. Затем, когда тот же т. В. предложил для избирательного собрания имеющихся в запасе агитаторов, предложенный агитатор встретил противников, и был потребован другой. Тов. В. были приняты меры, но явился, благодаря т. У. (опять верхи забросили нас), агитатор, менее знакомый с положением дел на заводе (хотя говорил он блестяще, был награжден орденами, не в пример с.-р-у).

Далее, наконец, самая техника выборов у с.-д. была обставлена не так тщательно, как у с.-р.: «как в Александровском рынке силой тянули к урнам», говорили про с.-р. рабочие. Настал день выборов... и с.-д. торжественно провалились. Почему?

Прежде всего, конечно, в силу общих причин, в силу которых с.-д. провалились по всему Питеру, это—те соглашения с кадетами, которые так рьяно проповедывались т.т. меньшевиками. Когда масса узнала, что соц.-демократические кандидаты стоят за соглашения с кадетами, что эти кандидаты—меньшевики, то прямо говорилось здесь же, что за меньшевиков голосовать не будут. Не дремали и с.-р., которые во время самых выборов вели агитацию против эс-деков в том же направлении. На Семянниковском заводе были и свои специальные причины, кроме ранее перечисленных: именно, прямо кричали против кандидата Х. На предвыборном собрании в заводе выступавший интеллигент с.-р. подвергнул беспощадной критике меньшевистские доводы товарища Х. за соглашения с к.-д., и т. Х., как говорили т. т. рабочие, «сел в лужу». Но что главной причиной поражения были соглашательские тенденции меньшевиков, это доказывается цифрами по всему району.

№№ по пор.	НАЗВАНИЕ ЗАВОДОВ.	Число выбранных уполном.		
		С.-р.	С.-д.	Сочув. с-д.

С е м я н н и к о в с к и й п о д р а й о н .

(Работают большевики и меньшевики).

1	Семянниковский завод, кандидаты меньшевики	Раб. только большев.	5	—	—
2	Русско-Америк. мех. завод		—	1 б.	—
3	Арматурный		—	1 „	—
4	Оффенбахер		—	1 „	—
5	Упэнэк		—	1 „	—
6	Шпало-пропиточный		—	1 „	—
7	Бывший Онуфриев		—	1 „	—
8	Стропильный		—	—	1
Всего			5	6 б.	1

Ф а б р и ч н ы й п о д р а й о н .

Работают и меньшевики (в большинстве) и большевики.

1	Паль (только большев)	Только меньшев.	1	2 б.	—
2	Максвель		1	1 м.	—
3	Торнтон		—	1 „	—
4	Громов		—	1 „	—
5	Науманн		—	1 „	—
6	Грапп		—	1 „	—
7	Алексеев		—	1 „	—
8	Стеариновый Невский		1	—	—
9	Варгунин		1	—	—
Всего			4	8	—

№№ по пор.	НАЗВАНИЕ ЗАВОДОВ.	Число выбранных уполном.		
		С.-р.	С.-д.	Сочув. с.-д.

А л е к с а н д р о в с к и й п о д р а й о н .

Работают явно только большевики.

1	Вена	—	1	—
2	Атлас	—	1	—
3	Александр в. вагон-строительный	—	1	—
4	Чугунный	1	—	—
Всего		1	3	—

О б у х о в с к и й п о д р а й о н .

Только меньшевики.

1	Обуховский завод	4	—	—
2	Карточный	—	1	не выяс. нен.
Всего		4	1	не выяс. нен.

Еще наглядней те же цифры представляются в следующей табличке:

С в о д н а я т а б л и ц а .

Названия подрайонов.	Число заводо-в.	Выб. прох. под меньш. флагом.			Выб. прох. под больш. лозунг.			Всего выбрано.		
		Выбраны:			Выбраны:					
		С.-р.	С.-д.	Сочув. с.-д.	С.-р.	С.-д.	Сочув. с.-д.	С.-р.	С.-д.	Сочув. с.-д.
Семяниковский	8	5	—	—	—	6	1	5	6	1
Фабричный	9	3	6	—	1	2	—	4	8	—
Александровский	4	—	—	—	1	3	—	1	3	—
Обуховский	2	4	—	—	—	—	—	4	—	—
Всего	23	12	6	—	2	11	1	14	17	1

Из этой таблицы видно, что там, где выборы проходили под меньшевистскими лозунгами, прошло 12 с.-р., и мы, следовательно, потеряли 12 мест; там же, где выборы шли под большевистскими лозунгами, прошло 2 с.-р., и мы, следовательно, потеряли 2 места. Кроме того, под меньшевистскими лозунгами нам удалось провести 6 с.-д., из которых несколько не чистые с.-д., а только сочувствующие, в то время, как большевистские лозунги дали 11 чистых с.-д. и 1 сочувств. с.-д. Далее из таблицы видно, что всего с.-р. 14 и с.-д. 17 при одном сочувствующем с.-д. и 1 невыясненном. По фракциям с.-д. делятся так: 11 б., 6 м. и 1 сочувств. с.-д. больш. Теперь вполне понятным станет то явление, которое совершилось, напр., в фабричном подрайоне у меньшевиков, на Невском стеариновом заводе: рабочий Н. М., которого наметили в уполномоченные, прямо заявил: «я, после того, как узнал, что с.-д. за соглашение с ж.-д., перехожу к с.-р.». И перешел и был выбран в уполномоченные!

III. Из других событий нашего подрайонного существования следует упомянуть о заводском комитете и о бойкоте Зубка. Заводской комитет—беспартийное учреждение, избранное всем заводом по мастерским и орудующее всей массой и даже всей округой. Заводской комитет—сила, и ни одно явление заводской жизни не ускользает от его влияния, за исключением, конечно, партийной работы. Сборы, суды, бойкоты и проч., все это в ведении комитета. Состав членов его таков: две трети с.-д., остальные с.-р. и беспарт. Рабочие составом и ходом работ не особенно довольны, но тем не менее все трепещут перед заводским комитетом. Не раз он накладывал бойкот на какого-нибудь не в меру расхвалившегося хулигана-обывателя или лавочника, не раз он налагал свою карающую руку и на товарищей. Горькая участь постигла и обывателя Зубка. Еще в октябрьские дни этот черносотенец провинился своим содействием черным и полиции. На него, на его дом и на всех, кто у него живет, был наложен бойкот. С тех пор дом Зубка опустел, трактир перестал посещаться, и Зубок со всеми своими обитателями взвыл. Он и его жильцы ходили на поклон к комитету. Зубок предлагал и предлагает выкуп, но комитет остается неумолимым.

Теперь Зубок опять обращается с просьбой к комитету снять бойкот: не помогла и полиция, которую он пустил в свои пустующие хоромы. Несколько раз заводской комитет обсуждал вопрос о снятии бойкота, но пока ни к чему определенному не пришли. Зубок сулит всякие блага, кается, плачет крокодиловыми слезами, а грозный бойкот все висит и висит над ним.

IV. 9-го января великую годовщину отпраздновал и Семяниковский завод. Были устроены митинги, рабочие разошлись по домам и ни один удар молотка не огласил спящий завод. Пролетариат умеет помнить и чтить своих борцов!

V. Литературная деятельность Семяниковского подрайонного союза выразилась всего в одном листке в честь павшего тов. Стольфеда. Объясняется это тем, что литературы и от П. К. и от Ц. К. впослед-

нее время было порядочно. К сожалению, «Пролетарий» и «Вперед», которые читаются довольно охотно, запаздывают и дают старый материал.

Работников в подрайонном союзе мало. В последние дни союз лишился нескольких ценных работников, которым через стены тюрьмы товарищи шлют братский привет. Прежний т. секретарь выбыл по болезни из подрайона и заменен новым.

Состав работников: 3 организатора, 2 лектора и 1 секретарь.

Убит шпион Никон, неизвестно кем.

VI. Работа среди мелких заводов после ареста т. С. месяц тому назад опять налаживается. Число организованных товарищей там около 40 человек. В течение отчетного периода было 2 митинга там.

83. Кутлер Н. Н.—министр земледелия в кабинете Витте, к.-д. правого крыла, специалист по аграрному и крестьянскому вопросам.

Гурко В. И.—тов. министра вн. дел, Столыпина, защищал в I Гос. Думе интересы reactionеров-агrarianов против отчуждения помещичьих земель, после разгона I-й Думы проворовался в продовольственном деле вместе с Лидвалем, потом—видный член правой, дворянской группы Гос. Сов. Теперь в Берлине лидер монархистов в блоке с правыми к.-д-тами (сторонниками недавно убитого Набокова).

84. Витте С. Ю.—русский государственный деятель конца XIX в. и нач. XX в.; много содействовал развитию капитализма в России: развитием железнодорожной сети, укреплением валюты, протекционизмом. Как политик, Витте—яркий оппортунист: то доказывает в союзе с Победоносцевым несовместимость существования земства с самодержавием, то создает «Совещание о нуждах с.-хоз. промышленности», где с удобством разворачивается земская оппозиция; здесь он сталкивается с новым временщиком, Плеве, и, побежденный, отступает временно на задний политический план. Неудачная японская война 1904—1905 г. г. выдвинула его, как единственно годного дипломата, для ликвидации дальневосточного позора. В октябрьские дни 1905 г. «граф Пуртсмутский» является незаменимой опорой шатающегося престола. Витте создает манифест 17 октября и заводит двойную игру: заигрывает с либералами земских съездов, уговаривается с общественными деятелями о вступлении в его «конституционный» кабинет, а одновременно его коллега по министерству, Дурново, организует патриотически-черносотенные банды. Перед созывом I Гос. Думы Витте получил отставку и с тех пор не играл уже видной государственной роли.

Дурново П. Н. — крупный деятель царского режима, министр внутр. дел в кабинете Витте, проводник всех мер подавления революции 1905 г. Перед открытием I Думы выходит в отставку с кабинетом Витте, уступая место Столыпину; был потом лидером reactionной «правой» Государств. Совета—в оппозиции против «либеральничающего» Столыпина.

85. Петрункевич—см. выше 50 прим. Родичев—см. выше 33 прим. Винавер—см. прим. 81 к VII тому Собр. сочинений. Кутлер—см. выше прим. 83.

86. Водовозов—см. прим. 137 к VII тому.

Громан—статистик по профессии, примыкал к социал-демократам меньшевикам.

87. Грингмут—редактор «Московских Ведомостей», лидер черносотенцев.

88. Плюсы в таблице обозначают выборщиков, которые могли бы достаться черносотенцам при разбивке голосов на выборах между кадетами и левым блоком.

89. Отчет о деятельности Московского района.

После продолжительного затишья в работе, наступившего вместе с усилением реакции и зимними холодами,—теперь интерес рабочих к деятельности партийной организации возрастает. Вопросы, связанные с предвыборной борьбой, выступления меньшевиков и большевиков со своими разногласиями, результаты выборов в рабочей курии и наши задачи в Государственной Думе—обсуждаются в рабочих кружках. К сожалению отсутствие квартир сильно затрудняет широкую агитационную работу в массах, а митинги на заводах не могут быть устраиваемы достаточно часто. Организация, после продолжительного кризиса, понемногу становится на ноги. Затяжной конфликт с отколовшейся еще летом группой меньшевиков, все время тормозивший работу, закончился, вероятно, окончательным разрывом этой группы с районным центром. Отколовшиеся не пожелали привести в исполнение предложение Ц. К. о немедленном слиянии с организацией района и предпочли существовать самостоятельно, в качестве фракционной организации.

Необходимость объединить и расширить партийную работу в массе небольших заводов района, в общем составляющих около 11.000 рабочих, непригодность для этой цели старого типа организации уже давно выдвинули вопрос о реорганизации. И теперь, после того, как в собраниях Р. К. нет более регулярно повторявшихся столкновений с отколовшеюся группой, ему удалось выработать новый организационный план, который и проводится постепенно в жизнь. План этот основан на принципе пропорционального представительства, от каждого заводского собрания в общерайонном собрании, которое и является руководящим органом района. В настоящий момент районное собрание состоит из 26 решающих и 7 совещательных голосов. Район. Ком должен выбираться районным собранием и действовать в пределах его директив как исполнительный орган.

Весь район поделен на 5 подрайонов; при чем в особые подрайоны выделены фабрики мех. обуви (3.500 раб.) и вагоностроит. зав. Речкина (1.369 раб.). Остальные подрайоны объединяют: 1) 14 заводов, лежащих по Обводному каналу и вблизи его (Обводн. подр.); 2) 8 небольших механич. заводов (Механич. подр.); 3) 18 небольших зав. разного производства (Смешанный подр.).

Попытки организовать пропаганду посредством чтений лекций в больших аудиториях не удалось вследствие отсутствия вблизи района соответствующих помещений. Благодаря этому пришлось вернуться

к прежней кружковой пропаганде. Для ведения ее существует 2 пропагандистско-агитаторских коллектива. Первый состоит из пропагандистов, вполне подготовленных к самостоятельному руководству кружками; занимаясь в более сознательных кружках, они в то же время коллегиально руководят занятиями 2-ой группы пропагандистов. Эта вторая группа состоит, главным образом, из рабочих, ведущих пропаганду в кружках более низкого уровня. Программа пропаганды разбита на 12 отдельных рефератов.

Выборы уполномоченных в рабочей курии в общем дали в Московском районе цифры, неблагоприятные для с.-д.: на 22 заводах прошло 10 с.-р., 3 с.-д., 5 сочувств. с.-д., 3 беспарт. и 1 невыясненный. В большинстве случаев этот неуспех не был неожиданным, потому что в то время, как у нас Московск. район существует вообще очень недавно (напр., на заводах Обводного подрайона лишь с сентября начали завязывать связи), с.-р. считают его одною из своих твердынь. Однако есть некоторые заводы, на которых поражение с.-д. следует приписать исключительно агитации меньшевиков за блок с кадетами. Характерным в этом отношении случаем представляется провал с.-д. кандидата на заводе Речкина, где влияние меньшевиков было особенно сильно. Там на вопрос, почему у них прошел не с.-д., некоторые рабочие прямо отвечали, что с.-р-а они выбрали потому, что не хотели выбирать «кадета». Несмотря на то, что меньшевики считали на этом заводе около 250 одних только членов партии, кроме сочувствующих, за них подано было всего 94 голоса (в том числе 10 большевистских голосов, не выставивших своего кандидата), а за кандидата с.-р. подано 500 голосов. (Здесь кстати следует напомнить те баснословные цифры, которые меньшевики сообщали в № 5 «Социал-Демократа» о составе своей организации в Московском районе. Не желая подробно останавливаться на содержании упомянутой корреспонденции, указываем лишь на очевидную склонность их слишком неосторожно искажать факты).

Из текущих событий надо еще отметить удачно проведенную Районным комитетом забастовку на газовом заводе. Длилась она всего около суток и кончилась полною победою рабочих.

Приток новых работников в район позволил бы надеяться, что в дальнейшем организация, наконец, окончательно окрепнет.

90. Д и ц г е н И.—рабочий-кожевник, философ-материалист; его работы (в особенности: «Сущность головной работы человека» и «Аквизит философии»), как стоящие на плоскости диалектического материализма, Маркс и Энгельс, а также и Н. Ленин, в книге: «Материализм и эмпириокритицизм» (см. X том Собр. сочинений), оценивают гораздо выше вульгарного материализма Бюхнера, Молешота и Фохта.

91. Д ю р и н г—немецкий философ и экономист, враг революционного социализма, защитник «природных устремлений индивидуального духа, как основы общественного строя»; пропагандировал в Германии идеи о возрастании абсолютной доли рабочих в распределении благ в связи с общественным прогрессом, о необходимости гармонии анта-

гонистичных в процессе производства общественных классов. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс подверг резкой критике основные пункты учения Дюринга.

92. Т ю н е н — немецкий экономист; в своей работе «Der isolierte Staat» («Изолированное государство») (вышла в 1826 г.) он отчетливо выяснил значение пространственного момента для возникновения земельной ренты.

93. Б у л г а к о в — представитель так называемого «легального марксизма» — в 90 г.г. вместе с Струве и Туган-Барановским; он очень скоро перешел в ряды «критиков Маркса», в аграрном вопросе («Капитализм и сельское хозяйство»), а потом покатился по наклонной дорожке «от марксизма к идеализму». Проповедь мистицизма и совершенствования личности в целом ряде статей и книг, участие в знаменитых «Вехах» сделали его одним из вождей общественной реакции, охватившей русское общество после разгрома 1-й русской революции в Столыпинские дни.

94. П. П. М а с л о в — меньшевик, автор ряда исследований по аграрному вопросу в России. В 1903 г. (до II съезда Р. С.-Д. Р. П.) Маслов, подписавший свою брошюру буквой Х., выступил против аграрной части проекта программы Р. С.-Д. Р. П., принятой затем II-м съездом. Н. Ленин отвечал тогда Маслову специальной статьей «Ответ тов. Иксу» (перепечатывается в IX томе Собраний сочинений).

В 1905 г. Маслов выступил с проектом «муниципализации» земли и защищал его на Объединительном съезде в качестве докладчика от фракции меньшевиков. Проект «муниципализации» как с теоретической, так и с тактической точки зрения подробно рассмотрен Н. Лениным еще раз в работе: «Аграрный вопрос в первой русской революции», которая входит в IX том Собрания сочинений.

95. М а т е р и а л и з м Ф о х т а, Б ю х н е р а и М о л е щ о т а, видных естествоиспытателей второй половины XIX в., является философской основой для материалистического истолкования истории: см. работу Бельтова (Г. В. Плеханова): «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

96. Л а н г е — немецкий профессор философии; его основная работа: «История материализма», пропитанная непониманием основ диалектического материализма, типична для буржуазно-философской мысли Германии.

97. 30-тилетняя война в Германии (1618—1648 г.г.) вспыхнула на почве религиозно-национальной вражды между католиками и протестантами, немцами и чехами, осложнилась вмешательством иноземцев: датчан, шведов, французов, закончилась упадком Германии на долгие годы: обнищанием, убылью населения, политическим раздроблением.

98. Б р е н т а н о — представитель современной немецкой буржуазной экономической науки, проф. Мюнхенского университета, тонкий защитник буржуазных интересов под флагом наилучшего с ученой точки зрения разрешения социального вопроса. Главные его тезисы: 1) Марксова трудовая теория ценности — неверна; 2) неверно и вредно учение Маркса о прибавочной ценности, ввиду социальных заслуг предпринимателя;

3) только создание планомерной организации из рабочих и предпринимателей, охватывающей все отрасли труда, только «гармония классов» сможет облегчить недуги капиталистического общества.

В. Зомбарт — профессор, представитель современной немецкой буржуазной науки. Тезисы Зомбарта: 1) обоготворение инициативы и творческой энергии капитала, открывающих необъятные культурные возможности для человеческой личности; 2) отвращение к американской форме капитализма — трестам, тейлоризму и т. п., порабощающим личность. Взгляды Зомбарта характерны для психологии вырождающегося рантье.

99. Бланки — см. прим. 30 к XIV тому.

100. Крушеван — издатель «Бессарабца», черносотенной погромной газеты. Член II Государственной Думы, где принадлежал к крайнему правому крылу.

101. Пронунциаменто — испанское слово для обозначения военного заговора и государственного переворота под руководством кучки военных.

102. В это же время В. И. написал брошюру: «Речь на партийном суде» (перепечатана во 2 части XVIII тома Собр. сочинений) и выступал с речами на Конференции Петербургской Организации. Приводим здесь описание работ Конференции и речи Ленина, как они даны в отчете № 14 «Пролетария».

25 марта состоялась третья сессия конференции петербургской (городской и окружной) с.-д. организации. Присутствовало с решающим голосом 27 членов, с совещательным 14 (в том числе несколько выборщиков от рабочей курии).

Порядок дня был следующий: 1. Предстоящие выборы депутатов в Гос. Думу в городе Петербурге и рабочая курия. 2. Думская кампания и думская тактика с.-д. 3. Съездовская кампания, т.-е. подготовка к партийному с.-д. съезду. 4. Реорганизация петербургской организации. 5. Суд по делу Н. Ленина. 6. Отношение к отколовшимся меньшевикам. 7. Литературная агитация в Петербурге.

По второму пункту порядка дня докладчиком был тов. Ленин. Докладчик указал, что вопрос о думской тактике является безусловно центральным вопросом политики в настоящее время, а следовательно, и главным пунктом, около которого будет вращаться съездовская кампания. Два вопроса, намеченные Центральным Комитетом в его проекте съездовского порядка дня, — известного из газет, — выдвигаются при этом на первый план, именно: вопрос о «ближайших политических задачах» и о Гос. Думе.

Что касается первого вопроса, то он сформулирован очень неопределенно. Возможно, что меньшевики понимают под этим поддержку кадетского министерства, не желая высказать этого прямо. Во всяком случае, заметно их желание снова устранить, как и на IV (объединительном) съезде, основные принципиальные вопросы с.-д. тактики в русской революции. Между тем, устранение этих вопросов, как показал уже теперь и опыт, ведет только к отсутствию всякой выдержанной партий-

ной тактики с.-д. Достаточно вспомнить, что тактику Ц. К. в вопросе о поддержке думского, т.-е. кадетского министерства (июнь 1906 г.) не поддержала не только партия вообще, но и думская с.-д. фракция в частности. После разгона Думы знаменитые «массовые частичные проявления протеста», предложенные Ц. К., имели ту же участь. Теперь на выборах отношение к к.-д. оказалось до того неустановившимся в партии, что среди самых влиятельных и ответственных меньшевиков выделились Череванин до Всер. ноябр. (1906 г.) Конф. Р. С.-Д. Р. П. и Плеханова (не говоря уже о Васильеве) после нее.

При таком положении дела революционные с.-д. безусловно обязаны воспользоваться полнотой представительства на V парт. съезде, где впервые будут участвовать поляки, латыши и бундовцы, для возбуждения основных принципиальных вопросов о тактике с.-д. в буржуазной российской революции. Нельзя с пользой для дела говорить о «ближайших политических задачах», если не выяснены основные вопросы о задачах пролетариата в нашей революции вообще, о том, есть ли объективные условия для дальнейшего развития революции, о современной группировке классов и партий и о классовом характере партии к.-д. в особенности. Без выяснения этих вопросов, облегчаемого богатым опытом первой Думы и выборов во вторую, немислимо принципиальное, осмысленное решение вопроса о кадетском министерстве, о тактике в случае разгона второй Думы и пр. и пр.

Докладчик остановился поэтому вкратце на намеченных им вопросах. Экономическое положение широких масс населения, несомненно, свидетельствует о том, что основные задачи революции не разрешены; объективная почва для непосредственных массовых движений есть на-лицо. В политике это отражается обострением противоречий между самодержавием, сближающимся с организацией черносотенных помещиков, и массой не только пролетариата, но и деревенской бедноты (крестьянская курия дала н а и в ы с ш и й, после рабочих, конечно, процент левых выборщиков!) и городской бедноты (гегемония кадетов над мелкобуржуазной городской демократией, несомненно, серьезно подорвана на выборах в вторую Думу). Отсюда вытекает, что растет и надвигается не конституционный, а революционный кризис, что думская борьба опять порождает—в силу объективных условий—тем более близкий переход к внедумской борьбе, чем успешнее развернется деятельность с.-д. и буржуазной демократии в Думе. Задачи пролетариата, как вождя демократической революции, состоят в развитии революционного сознания, решимости и организованности масс, в вырывании мелкой буржуазии из-под руководства либералов. О поддержке якобы ответственного перед Думой либерального министерства, на деле же зависимого от черносотенной царской шайки, не может быть и речи. Возможность использовать такое министерство (если бы оно оказалось реальностью, а не таким же дутым посулом с целью обмануть кадетов, как столыпинское обещание легализации к.-д. в январе 1907 г., сделанное в видах отвле-

чения к.-д. от блоков с левыми)—эта возможность всецело зависит от силы революционных классов, их сознательности и сплоченности.

Что касается до классового содержания различных партий, то общим явлением надо признать поправление высших классов и полевение низших за последний год. Середина—центр—ослабевает, его вымывает поток идущего вперед революционного развития. Черносотенцы усилились и организовались, сблизилась с крупнейшей экономически-классовой силой старой России, именно с крепостниками-помещиками. Октябристы остаются партией контр-революционной крупной буржуазии. Кадеты сделали крупный поворот вправо. Все более выясняется, что их социальная опора—либеральный (средний) помещик, средняя буржуазия и крупная буржуазная интеллигенция. Городскую бедноту они ведут за собой в силу традиции, обманывая их звоном слов о «народной свободе». Выборы во вторую Думу показали сразу, что первый же натиск левых, при самых неблагоприятных условиях отрывает «низы» городской демократии от кадетов в весьма значительной степени.

Кадеты ушли вправо, к октябристам. Демократическая мелкая буржуазия, городская и особенно сельская, всего более окрепла и полевела. Докладчик напомнил, что весной 1906 г. не было никакого массового политического опыта относительно открытой партийной организации этой мелкой буржуазии. Теперь опыт уже очень значительный есть налицо, начиная от трудовиков в первой Думе и кончая неожиданно большим количеством «левых» и «трудовиков», прошедших во II-ю Думу.

Большевистские взгляды на русскую революцию, совершить которую может не либерализм, а только пролетариат, если он в состоянии будет перетянуть к себе массу крестьянства, замечательно подтверждены опытом 1906—1907 годов.

Думская тактика революционной социал-демократии вытекает всецело из предыдущих посылок. С.-д. должны рассматривать Думу, как одно из орудий революции, выкидывая решительно, открыто и отчетливо перед массами свое последовательное пролетарски-революционное знамя, ведя агитационную, пропагандистскую и организационную работу в целях развития революции, разъясняя массам неизбежность новой великой борьбы за стенами Думы. Фразы кадетов о «взрывании Думы» есть гнусная провокация либерала, беседующего тайком со Столыпиным. Не «взорвать» Думы—не дать разогнать Думы—значит: не сделать ничего очень неприятного Столыпину и К^о. С.-д. должны разъяснять провокаторский характер этого полицейски-кадетского лозунга и показывать, что уже в первой Думе поведение с.-д. партии (как меньшевиков, так и большевиков) исключало всякие искусственные революционные «пути», «провозглашение» и т. п. Кадеты знают это и чисто-по-нововременски подменяют тактику развития массовой, народной революции тактикой «взрывов».

С.-д. в Думе должны поступать так, как мы поступали на выборах в Петербурге: выкидывать свое революционное знамя; заставлять колеблющуюся мелкую буржуазию выбирать между нами и к.-д.; в моменты ре-

шительных выступлений не отказываться от частичных соглашений, от случая к случаю, с теми мелко-буржуазными демократами, которые пойдут за нами и против черных и против к.-д. Выясняя таким образом значение и условия применения «левого блока» в Думе, докладчик особенно предостерегал от взгляда на него, как на постоянное соглашение, в чем либо связывающее с.-д., как на сколько-нибудь длительный, заранее заключенный, договор. Если бы с.-д. в Петербурге связали себя постоянным соглашением или хотя бы даже предварительным договором о народниками, которые вплоть до «революционных» эс-эров ходили вместе с меньшевиками продавать демократию кадетам, то левого блока не вышло бы в Петербурге на выборах! Только самостоятельной и твердой политикой,—а не дипломатичаньем, не мелкими сделками,—может социал-демократия обеспечить себе в необходимые моменты содействие тех элементов буржуазной демократии, которые действительно способны на борьбу.

В прениях по поводу этого доклада, затронут был, между прочим, вопрос о том, не следует ли ограничить соглашения с революционной демократией исключительно боевыми моментами в смысле восстания или забастовки и не нужна ли в таких случаях общая и единая революционная организация.

Докладчик в заключительном слове высказался против этого. С одной стороны, даже в самые боевые моменты с.-д. должны непременно оставаться самостоятельной и независимой партией с особой организацией даже внутри «общих» советов рабочих, крестьянских депутатов и т. п. С другой стороны, с.-д. не должны впадать в ошибку меньшевиков, противопоставляющих «политический блок» «боевому соглашению», ибо все и всякие соглашения допустимы лишь в пределах известной политической линии. Понятно, что с.-д., выступив в Думе по известному вопросу против кадетов, не смогут отказаться от соглашений с левыми, если левые пойдут в этом вопросе за с.-д. и если для парламентской победы над кадетами (напр., исправление закона; удаление какого-нибудь подлого пункта из обращения, заявления, решения и т. п.) такое соглашение потребуется. Но связать себе руки сколько-нибудь постоянным, сколько-нибудь стесняющим социал-демократию соглашением, с кем угодно было бы безумием и преступлением.

Конференция не принимала резолюций по вопросам о думской тактике и съездовской кампании, ограничившись выбором делегатов на совещание представителей нескольких большевистских организаций для выработки платформы революционной социал-демократии.

103. Проекты резолюций большевиков к V съезду Р. С.-Д. Р. П. были выработаны на собрании представителей П. К., М. К., Моск. Окр. Ком., Областного Бюро Центральн. Промышл. Района в качестве материалов для партийной дискуссии перед съездом и для съезда по некоторым из важнейших тактических вопросов.

104. Идея всероссийского «рабочего съезда», выдвинутая П. Б. Аксельродом, поддержанная Плехановым, преследовала старую

цель меньшевизма—создать бесформенную, расплывчатую организацию широких масс в легальных рамках. Такая постановка организационной задачи с неизбежностью вела, как выясняет В. И., к оппортунизму и программному и тактическому, делала рабочих простым орудием в руках либерально-буржуазных политиков. Идея «рабочего съезда» упорно держится впоследствии у «ликвидаторов».

105. Щегло, Эль, Ивановский, Миrows—с.-д. меньшевики, поддерживавшие идею беспартийного рабочего съезда.

106. Совет объединенных дворянских обществ—сорганизовался зимой 1905—1906 г.г., когда ослабел натиск революционной волны; представлял интересы реакционно-крепостнических землевладельческих элементов страны, направляя всю политику страны в годы контр-революции, при Столыпине и его преемниках.

107. Камарилья—испанское слово для обозначения тесного кружка придворных, захвативших всю полноту власти в государстве при слабом и ничтожном монархе. Таким именем называли реакционную придворную клику, фактически управлявшую страной в эпоху I Гос. Думы.

108. О смене лозунгов меньшевистского Ц. К. после разгона I Гос. Думы см. в ст. Н. Ленина: «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» (во II-ой ч. VII т. Собр. сочинений); первый лозунг: борьба «за возобновление сессии Думы»; второй лозунг—«в защиту Думы против камарильи для созыва Учр. Собр.», и третий—«за Думу, как орган власти, который созывает Учред. Собрание».

109. Головин—к.-д., председатель Моск. губ. земской управы, выбранный председателем II Г. Думы при поддержке лево-народнического блока, бесцветный выразитель резкого уклона кадетов вправо во II Гос. Думе, хранитель лозунга—«бережения Думы» во что бы то ни стало.

110. См. ст. Парвуса в № 110 «Искры»: «Социал-дем. и Гос. Дума».

11. Ковалевский М. М.—русский ученый и политический деятель; член I Гос. Думы от Харьковской губ., умеренный либерал, но не подчинявшийся к.-д.ской дирижерской палочке: выступал в Думе с защитой полной свободы собраний и печати против «каторжных» к.-д. законопроектов, ссылаясь на американскую и английскую практику. После разгона Думы организовал партию демократических реформ. После был членом «верхней палаты»—Гос. Совета и в нем лидером крайней левой—«академической группы».

112. См. II Приложение к VII тому Собр. сочинений, № 8.

113. О кадетских законопроектах в Гос. Думе см. 209 и 228 прим. к VII тому.

114. Поддержка Столыпиным Родичева во II Гос. Думе. Для рассмотрения действий правительства по оказанию помощи голодающим за 1905 и 1906 г.г. с.-д. фракция II Думы предложила образовать парламентскую комиссию, которая, между прочим, должна была произвести анкету на местах. Родичев заявил: «посылка

странствующих контролеров от Думы—предприятие не государственное», что компетенция комиссии должна быть ограничена проверкой министерского отчета в Петербурге. Столыпин заявил, что «правительство всецело и всемерно присоединяется к его предложению».

115. Переговоры кадетов с правительством в июне 1906 г. скрывались, по словам Милокова, в течение пяти лет; теперь завеса над ними несколько приоткрыта, насколько можно судить по «Воспоминаниям» Шипова (Москва 1919 г.) и вынужденной (в ответ на «воспоминания» Шипова) брошюре Милокова: «Три попытки». (Париж 1921 г.).

116. См. ряд статей Н. Ленина в газете «Эхо» в конце июня и начале июля 1906 г. (перепечатаны в I части VII тома Собр. сочинений).

117. См. в этом томе статьи: «Со ступеньки на ступеньку» и «Политическая Лидваляда».

118. Дубасов В. Ф.—адмирал, московский ген.-губернатор, усмиритель московского вооруженного восстания в декабре 1905 г.

119. Ж. Клемансо—вождь империалистской французской буржуазии, «низвергатель министерства», непримиримый противник социализма. Премьер-министр и милитаризатор Франции в эпоху империалистской войны, один из творцов Версальского мира, непримиримый враг Советской России.

120. Победоносцев—обер-прокурор синода, глава русской церкви и фактический премьер при Александре III и Николае II (до октября 1905 г.); вождь темной реакции 80 и 90 г.г., защитник полицейского «православия» (с угнетением всех инаковерующих—особенно старообрядцев и сектантов), дворянского «самодержавия» (с преследованием либералов и революционеров) и «народности» (с насильственной руссификацией окраин, травлей инородцев). Был сметен революцией 1905 г.

121. Педераки—от п. д. р.—члены партии демократических реформ.

122. Кадеты давали дипломатические обещания обуздать левые крыла Думы, вести работу Думы в контакте с кабинетом. Но правительство Столыпина, учитывая упадок революционного движения в стране, скоро отбросило игру с кадетами и повело дело к государственному перевороту 3 июня.

123. Васильчиков—крупный помещик, министр земледелия в эпоху II-й Гос. Думы.

124. Освобождение французского крестьянства от феодально-крепостнического ига произошло в историческую ночь 4 августа 1789 г., когда дворяне «добровольно», под влиянием аграрных волнений, прокатившихся летом 1789 г. по всей Франции, отказались от своих помещичьих прав.

125. Мирабо (1749—1791)—блестящий оратор и неловкий оппортунист в первую эпоху Великой Французской Революции. В Учредительном Собрании горячо стоял за священные права французской нации и одновременно вел закулисные переговоры с придворными кругами

126. «Новая Рейнская газета»—издавалась в Кельне кружком коммунистов во главе с Марксом и Энгельсом (1/VI 1848—19 V 1849)—в самый разгар немецкой революции. Это ярко революционный орган, поддерживавший в качестве крайнего левого крыла буржуазную демократию. Маркс считался с тогдашней отсталостью германских общественных отношений, а с другой стороны, еще не потерял надежды на революционные способности немецкого бюргерства: отсюда его попытка известного, хотя бы временного, политического контакта с ним. Когда окрепшая реакционная власть стала давить на буржуазное Национальное Собрание, газета призывает народные массы противопоставить реакционным силам тоже силу вооруженного восстания, организовывать комитеты общественной безопасности, захватывать всюду коммунальные советы. Сочувствие «Н. Р. Г.» майским инсургентам 1849 г. повело к ее закрытию властями. Последним, прощальным словом ее сотрудников было: «Освобождение рабочего класса».

127. Партия демократических реформ—была организована редакцией умеренно либерального «Вестника Европы» (К. Арсеньев, М. Ковалевский, И. Иванюков, В. Кузьмин-Караваев, А. Постников, Д. Стасов и М. Стасюлевич); партия заняла позицию правее к.-д.-тов, высказывалась за двухпалатную систему, против автономии отдельных областей, против Учредительного Собрания, против всякого стеснения личной свободы и личных прав и справа и слева. «Профессорская» партия оказалась нежизнеспособной и никакой политической роли не играла.

128. Трейчке (1834—1896)—немецкий историк, проф. Берлинского университета, защитник реакционно-абсолютистских интересов немецких аграриев-юнкеров.

129. Церетели—прим. 24 к XIV тому.

130. Караваев—депутат II Думы от Екатеринославской губ., трудовик, погиб жертвой черносотенного террора.

131. Ермолов, А. С.—министр земледелия, проводник крепостнических дворянских тенденций в сельско-хозяйственной промышленности. В книге «Неурожай и сельское хозяйство» он доказывал, что нет надобности разрешать переселение в Сибирь тем крестьянам, которые могут найти «заработки» у местных помещиков. Содействовал хищническому переходу казенных земель в Сибири в руки дворянства и крупной буржуазии.

132. Бюджетные права Гос. Думы, по закону 6 марта 1906 г., далеко уступали соответствующим правам западно-европейских парламентов; оставались «забронированными» от Думы—министерство имп. двора, 10-миллионный фонд на экстренные расходы, кредиты, открытые на основании прежних высочайших повелений; сверх того, в экстренных случаях, совет министров мог открывать кредиты и без согласия Гос. Думы.

Кадеты рассчитывали на мирное, «легальное» смягчение «острых

углов» бюджетных правил в обмен на разрешение крупного заграничного займа министру финансов Коковцеву.

133. Ротшильды, Мендельсоны—вожди крупного западно-европейского финансового капитала.

134. Жорес—см. прим. 315 к XIV тому.

135. Алексинский—прим. 168 к XIV тому.

136. Ростовская демонстрация 1902 г.—см. о ней ст. Н. Ленина: «Мобилизация реакционных сил и наши задачи», а также «Прокламацию Ростовского Комитета» в IV томе Собр. сочинений.

137. Летние стачки 1903 г. охватили весь южный район России (Кавказ, Украину), являясь первым смотром рабочих сил накануне революции 1905 г.

138а. Генри-Джордж (1839—1897)—американский экономист; автор книги: «Прогресс и бедность», защитник национализации земли, как главного средства к исцелению всех социальных бедствий; в программе Г. Джорджа, национализация обозначала передачу всей земли, как главного орудия производства, в руки всего народа или государства и раздачу ее участками в аренду лично трудящимся; в качестве средства к установлению национализации, предполагалось введение налога на землю, равного ее доходу, что побудило бы нынешних частных собственников продать свои земли или передать их в полное распоряжение государственной власти.

138б. Бракке—см. прим. 304 к XIV тому.

139. Исключительные законы против социалистов в Германии—см. прим. 86 к VI тому.

140. Опасность грозила со стороны немецких аграриев, с кайзером Вильгельмом II во главе, боявшихся падения хлебных цен на немецких рынках при подвозе русского хлеба; «таможенная война» между Германией и Россией кончилась выгодным для первой торговым договором 1894 г.

141. Народовольцы—см. прим. 275 к VII тому.

142. Речь идет о Плеханове, В. И. Засулич, Л. Г. Дейче, П. Б. Аксельроде и В. Н. Игнатове, образовавших в 1883 году «Группу Освобождения Труда».

143. Хрусталеv—председатель Петербургского С. Р. Д. (см. прим. 12 к VII тому) в октябре-ноябре 1905 г.; «беспартийный» социалист, одно время склонялся к меньшевикам; арестован 26/XI, приговорен в ссылку в Сибирь, откуда бежал за границу. Ни за границей, ни в революцию 1917 г. никакой политической роли не играл.

144. Зубатов—начальник Московского охранного отделения. Усердный исполнитель провокационной политики Плеве—направить грозно растущее пролетарское движение по желательному для высших сфер руслу, хотя бы при помощи организации среди рабочих профессионально-экономических союзов под непосредственным руководством жандармских органов. Под руководством Зубатова возникло в Москве в 1902 г. «Общество взаимопомощи рабочих механических мастерских». Во главе

общества стояли рабочие, бывшие одновременно агентами охраны. Общество развило энергичную деятельность, организовало несколько стачек, из них особенно на шумела стачка на фабрике Гужона — и в результате привело лишь к углублению классовой вражды против буржуазии и к развитию организационных навыков среди пролетарских масс. «Зубатовщина» стала нарицательным именем для полицейских провокационных маневров по отношению к рабочему классу.

145. Га по н—священник, организатор «Общества русских фабрично-заводских рабочих» (см. прим. 69 к VI тому Собрания сочинений) в Петербурге, инициатор и вождь движения рабочих масс к Зимнему дворцу 9 января; после «кровавого воскресенья» эмигрировал за границу; там склонялся к социал-революционерам (см. статью Н. Ленина в VI томе: «О боевом соглашении для восстания» и его речь на III съезде Р. С.-Д. Р. П.: «По поводу соглашения с соц.-рев.»). Убит, уличенный в сношениях с охранным отделением и с гр. Витте, в Озерках (по Финляндской жел. дороге), при содействии того же с.-р. Рутенберга, весной 1906 г.

146. Конференция Петербургской с.-д. организации, март-апрель 1907 г.).

I.

В последних числах марта 1907 г. состоялась первая сессия Спб. с.-д. организации. Выборы на конференцию продолжались больше месяца, благодаря чему в них приняло участие огромное большинство членов организации. Ввиду раскола, происшедшего на январской конференции, выборы на этот раз происходили под контролем специально назначенной Центральным Комитетом комиссии. И правильность всех выборов была признана е д и н о г л а с н о.

Всего в голосовании приняло участие 6.777 членов организации *). Организация значительно выросла вопреки всем невзгодам и несмотря на раскол.

По районам результаты выборов получились следующие:

	Б-ков.	М-ков.	Всего.
Городской район	700	550	1250
Васильевский остров	800	450	1250
Невский район	600	200	800
Петербургский »	500	250	750
Окружный »	750	—	750
Выборгский »	150	300	450
Московский »	320	80	400
Ремесленный »	350	—	350
Нарвский »	200	200	400
Железнодорожн. »	50	100	150
Латыши и эстонцы	250	—	250

*) В дополнительных выборах приняло участие еще 550 членов партии, все — большевики

Вместе с дополнительными выборами, также единогласно признанными правильными, в Спб. организации большевиков около 5.100 а меньшевиков—около 2.200.

Таким образом, левое крыло нашей партии одержало в организации блестящую победу. Последние выборы на конференцию, производившиеся под контролем Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П., лучшим образом обнаружили, насколько несправедливы были постоянные меньшевистские рассказы в литературе на тему о том, что П. К. держится-де представительством от фиктивных районов и т. д. Эти выборы должны послужить также прямым обвинительным актом против Ц. К., который вместе с местными меньшевиками в январе, в разгаре избирательной кампании, расколол петербургскую организацию, под тем предлогом, что представительство в ней было якобы неправильно. Пусть теперь «31 меньшевик» и Ц. К. дадут ответ перед всей партией!

Конференция в первую голову занялась вопросом о реорганизации, для каковой цели она, главным образом, и была созвана. После обсуждения подавляющим большинством голосов принят был проект реорганизации, выработанной большевиками. Центр тяжести проекта заключается в том, что конференция становится постоянным, периодически собирающимся, законодательным органом местной организации. Конференция же выбирает свой исполнительный орган—Петербургский Комитет, действующий в рамках ее директив.

Огромным большинством голосов, настоящий состав конференции и объявлен постоянным на 6 месяцев с допущением перевыборов (там, где рабочие пожелали бы) в течение 2-х недель.

Группой рабочих на этом заседании был поднят вопрос о допустимости участия с.-д. в буржуазной прессе. Непосредственным поводом послужило сообщение о том, что редактор и постоянный сотрудник одной из столичных буржуазных газет, Прокопович, принят меньшевиками в Железнодорожный район. Все высказавшиеся рабочие резко осуждали какое бы то ни было участие с.-д. в буржуазной печати. Резолюции по техническим обстоятельствам вынесено не было.

Состав конференции преимущественно рабочий. В ней больше 100 рабочих и около 25 интеллигентов. Норма представительства—1 на 50.

II.

8-го апреля состоялась вторая очередная сессия Петербургской с.-д. организации. Порядок дня был следующий: 1) празднование 1-го мая; 2) митинговая кампания; 3) совет уполномоченных; 4) выборы на V съезд; 5) доклад депутатов Алексинского и Петрова; 6) организационные вопросы; 7) кооперативное движение; 8) борьба с черной сотней; 9) безработица.

I. По первому пункту после тщательного обсуждения принято решение праздновать 1 мая по старому стилю однодневной всеобщей забастовкой и митингами. 18 апреля решено отпраздновать митингами

там, где это будет возможно. Агитацию решено вести под обычными с.-д. лозунгами с присовокуплением лозунга: работы безработным и лозунгов с.-д. в связи с текущей думской жизнью. Для успеха забастовки, решено поставить вопрос о практической подготовке ее, кроме партийных ячеек, также перед всеми беспартийными рабочими организациями, т.-е. перед заводскими и фабричными комитетами, перед профессиональными союзами и т. д.

II. По второму пункту решено в один назначенный день, в виде протеста против постановления градоначальника, устроить на всех фабриках и заводах митинги.

III. По третьему пункту решено организовать совет уполномоченных города Петербурга и Петербургской губернии, и с этой целью немедленно созвать всех уполномоченных с.-д. и примыкающих к с.-д. по районам.

IV. По четвертому пункту решено выработку техники выборов на 2-й стадии поручить П. К. Конференция же ограничилась выбором из своей среды мандатной комиссии из семи человек.

V. Доклад Алексинского. Официальные представители фракции по неизвестным причинам не явились, о чем конференция выразила свое глубокое сожаление. Депутат Алексинский сделал подробный доклад, начиная с открытия Думы. Докладчик указал на ряд заслуг в деятельности фракции (выступление против Столыпинской декларации, поведение во время дебатов по продовольственному вопросу, бюджетная политика и некоторые другие), но подчеркнул также ряд ошибок и мелких промахов, обусловливаемых меньшевистским курсом политики фракции. Таковыми ошибками докладчик считает: голосование за кадета Головина, посещение частных собраний „оппозиции“, со включением польских черносотенцев - народовцев, недостаточно социалистический и недостаточно революционный характер декларации, отказ от защиты срочности запроса по рижским событиям и т. д. и т. д.

Докладчик указал, однако, и на то, что под влиянием событий и особенно благодаря поведению к.-д. партии, фракция все более вынуждена склоняться к тактике левого крыла партии.

Конференция в своей резолюции вполне солидаризировалась с депутатом Алексинским и высказала ему полное одобрение за действия его в Думе и внутри фракции. Редакция резолюции поручена особой комиссии. Доклад по предложению рабочих решено напечатать.

Разобран был также ряд важных организационных вопросов.

Остальные вопросы обсуждению не подверглись за недостатком времени.

147. Конференция военных и боевых организаций Р. С.-Д. II. Р. (Ноябрь 1906 г.).

Присутствовало 19 делегатов с решающими голосами и 9 совещательных, — представители военных организаций: петербургской, рижской, финляндской, финской революционной с.-д., либавской, калужской, воронежской, казанской, нижегородской, боевых ор-

ганизаций петербургской, московской, саратовской, уральского горного завода; военно-технических: военно-техническое бюро при Ц. К., южное военно-техническое бюро (меньшев.). Представитель от Ц. К., уже назначенный, по неизвестным причинам не явился. С совещательными голосами присутствовали т.т.: Львов (докладчик по вопросу о текущем моменте), Григорьев, секретарь редакции «Казарма» (докл. о Ц. О. и литературе), представители московского и петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П. и, кроме того, т.т.: Остотченко, Васин, Гладков и Виктор. Председателем единогласно избран секретарь орг. бюро, т.—в. Принят следующий порядок дня (исчерпан почти целиком): 1) Отчет орг. бюро; 2) Отчеты делегатов; 3) О бывших попытках вооруженного восстания; 4) Оценка момента; 5) Роль военных и боевых организаций в воор. восстании; 6) Задачи военных и боевых организаций в связи с характером работы в о.; 7) Об отношении к в. и б. о. других организаций и беспартийным; 8) О работе среди офицеров; 9) О создании в.-б. центров в связи с организационным вопросом; 10) Об отношении в. и б. о. к общепролетарским; 11) Доклад партийному съезду; 12) Об основах представительства на съезде; 13) О центральном органе и литературе; 14) Об отношении к конференции в. о., созванной Ц. К.; 15) Выборы; 16) О партизанских выступлениях; 17) Об экспроприациях. Помещаем более важные резолюции принятые на конференции:

I. Резолюция о текущем моменте.

Принимая во внимание: 1) что, как самый факт разгона Думы, так и вся дальнейшая политика правительства выражает не что иное, как временное торжество реакционных сил страны; 2) что правительство в ответ на более, чем скромные требования Думы как в области политических и гражданских прав, так и экономических преобразований, подавив частичные выступления армии и пролетариата, учредило по всей стране военную диктатуру с полевыми судами; 3) что эта политика восстановления старого крепостнического самодержавного режима показывает воочию даже наиболее отсталым слоям населения, что царское правительство отнюдь не намерено поступиться хотя бы частицей своей власти, пока голая сила на его стороне, а, наоборот, старается потопить в море народной крови все революционное движение; 4) что эта политика, уже давно подорвав экономическое благосостояние страны, ведет теперь быстро к полной гибели ее производительных сил, к разорению и обнищанию широких народных масс и окончательному финансовому банкротству; 5) что все это вместе взятое, несмотря на внешне-модальное состояние революционных сил и кажущееся спокойствие страны, усиливает лишь ненависть народных масс к правительству и стремление их во что бы то ни стало избавиться от векового рабства, развивает в них сознание необходимости и беспощадной борьбы за власть—одним ом, все шире и глубже революционизирует наиболее угне-

тенные слои населения, усиливая в то же время брожение и дезорганизацию в рядах армии; 6) что поспешные попытки правительства путем «аграрных реформ» успокоить и привлечь на свою сторону крестьянскую буржуазию, подкупая лишь незначительную часть крестьянства, в то же время еще больше усиливает революционное настроение всей остальной массы крестьянства и углубляет классовый антагонизм в деревне; 7) что та же реакционная политика все более дифференцирует и отмежевывает либерально-оппозиционное «общество», в том числе и среднюю буржуазию от всего революционного народа, и 8) что, наконец, для последнего перестают быть тайной возжелания этого «общества» построить благополучие и политическое господство на спине этого народа, для чего и стремится оно ликвидировать революцию и спешит на «мирное» соглашение с правительством.

Принимая все это во внимание, конференция военных и боевых организаций Р. С.-Д. Р. П. находит:

1) что революционная энергия народа не только не ослабевает, но, наоборот, непрерывно идет на подъем;

2) что стремления либерально-оппозиционных слоев общества при помощи новой Думы поставить предел нарастанию революционной волны ни в коем случае увенчаться успехом не могут;

3) что страна вступает в новую дальнейшую форму развития российской революции, и

4) что настоящий политический момент следует рассматривать, как канун новой, еще более грандиозной вооруженной борьбы революционного народа с царским правительством и реакционными силами страны.

(Принято единогласно.)

II. О роли партии в вооруженном восстании *).

Принимая во внимание: 1) что в неизбежно предстоящем вооруженном восстании интересы пролетариата могут восторжествовать лишь при действительной подготовленности его к роли организованного авангарда; 2) ограничиваясь одной голой проповедью вооруженного восстания, партия во всех бывших до сих пор частичных восстаниях, оказывалась неспособной в достаточной мере выполнить свое историческое назначение — вождя пролетариата; 3) что опыт тех же восстаний подчеркивает полную возможность их планомерного и организованного проведения — конференция в. и б. организаций Р. С.-Д. Р. П. признает: 1) что партия, учитывая опыт всех прошлых выступлений пролетариата, армии и крестьянства, должна приспособить свой организационный аппарат к назревающим формам революционной борьбы; 2) что в этом направлении, обеспечивающем планомерное участие в руководстве восстанием,

*) Эта резолюция принята единогласно на частном совещании лишь как мнение присутствовавших на конференции членов партии.

должна пойти наша работа военных и боевых организаций; 3) что работа партии в целом должна свестись: во-первых, к возможно большему расширению и углублению нашего идейного и организационного влияния на демократические массы населения (пролетариат, крестьянство и мелкое мещанство); во-вторых, к приведению этих идейно и организационно закрепленных за партией масс в состояние боевой готовности (работа боевых орг.) и, в-третьих, к идейной и организационной боевой работе в армии (дейтельн. в. о-ий); в-четвертых, к обеспечению самой тесной связи и взаимодействий общепролетарских, военных и боевых организаций.

III. Задачи военных организаций.

Принимая во внимание: 1) что Р. С.-Д. Р. П. наиболее полно и последовательно выражает интересы не только рабочего класса, но и всех угнетенных слоев народа; 2) что революционизирование различных элементов в армии в значительной степени является результатом происходящей в России буржуазно-демократической революции; 3) что в этой революции расслоение армии на монарх.-реакционную и демократические революционные части неизбежно ставит перед в. о-ми задачу выяснить перед армией цели и задачи происходящего бурж.-демокр. переворота, к-ция в. и б. о-ий признает: 1) задачей в. о-ий в настоящий момент является: а) создание прочных организационных партийных ячеек с.-д. в каждой единице войсковых частей, б) организация вокруг них и через них всех революционных элементов армии для активной поддержки народных требований, открытого перехода на сторону восставшего народа, в) полное согласование своей деятельности с деятельностью обще-пролетарских и боевых организаций, взаимная их поддержка и подчинение всей работы в целом общеполитическим задачам переживаемого нами момента и политическому руководству общепролетарских организаций; кроме того, конференция считает: 1) что самый характер работы в армии должен определяться задачами, выдвигаемыми пролетариатом, как авангардом борющегося народа, 2) что как эти задачи, так и самый состав элементов армии, способных к революционизированию, указывают путь к достижению наибольших результатов работы в. о-ий Р. С.-Д. Р. П. — идейное и организационное влияние соц.-демократии, пропаганда и агитация соц.-демократических идей в армии, 3) что только дружная работа всех в. о-ий Р. С.-Д. Р. П. в этом направлении может обеспечить переход широких демократических слоев армии на сторону восставшего народа.

IV. Задачи боевых организаций.

Конференция в. и б. организаций признает, что главные задачи б. о. заключаются в: 1) распространении правильного понимания идеи во-

оруж. восстан. и разъяснения тех конкретных условий, при таких во-
оруж. восстан. может возникнуть, протекать и успешно завершиться, так
как в среде партийных работников существует самое смутное, непра-
вильное представление о вооруженном восстании; 2) подготовке всех
необходимых технических данных для успешного проведения вооружен-
ного восстания; 3) в организации кадров сознательных рабочих, группи-
рующихся в Р. С.-Д. Р. П., для активного выступления; 4) в содействии
организации в боевых целях рев.-демократических слоев населения и
закреплении в них боевого руководства с.-д-тии.

V. Об отношении к подобным организациям других партий и беспартийным.

Принимая во внимание, что 1) в целях успешного проведения в. в.
необходима согласованность действий в. и б. организаций Р. С.-Д. Р. П.
с действиями соответствующих организаций других партий и беспартийных
в момент открытых выступлений; 2) что, с другой стороны, соответствую-
щие организации других партий руководятся директивами, зачастую не-
согласными с программой и тактикой Р. С.-Д. Р. П. и часто носят
авантюристский характер,—

конференция признает: 1) что недопустимы никакие другие со-
глашения между в. о. и б. о. Р. С.-Д. Р. П. и соответствующими
организациями других партий и беспартийных, кроме соглашений ка-
ждый раз на определенный предмет при наличии общей боевой цели
и всякий раз руководствуясь в этих соглашениях директивами мест-
ных или общих политических центров; 2) что единственно допустимая
форма постоянной связи есть информационное бюро без руководящих
функций; 3) в существующие беспартийные организации рекомендуется
входить партийным товарищам в целях проведения в них нашего идей-
ного влияния.

VI. Роль военных и боевых организаций в вооруженном восстании.

Ввиду того, что в. и б. о-и выдвинуты потребностями борьбы народа
с правительством и задачами в. в-ия, что такие организации признаны
Р. С.-Д. Р. П., как соответствующие тактике революционной с.-д-тии,—

конференция в. и б. организаций признает, во-первых, что роль
военных организаций в период вооруженной борьбы революцион-
ного народа с правительством должна свестись к ослаблению ар-
мии, как орудия подавления в руках правительства, путем внесения
дезорганизации в ее ряды и укрепления в ней влияния социал-демокра-
тии; во-вторых, что роль боевых организаций—развитие в народных
массах правильного понимания в. в-ия и подготовка, как организацион-
ная, так и техническая, народных масс к в. в-ию.

VII. О работе среди офицеров.

Принимая во внимание: 1) что как классовый социальный состав офицерства, так и интересы офицерства, как профессиональной военной касты, заставляют их стремиться к сохранению постоянной армии и народного бесправия; 2) что в силу этого в происходящем буржуазно-демократическом перевороте офицерство в целом играет роль реакционную, 3) что существующие оппозиционно-настроенные группы офицерства активной роли не играют; 4) что в то же время возможен переход отдельных офицеров в нашу партию, которые своими специальными знаниями и специальной военной подготовкой могут оказать значительную услугу в момент восстания армии и перехода ее на сторону народа, а также в технической подготовке к в. в.,—

конференция в. и б. организаций признает: а) что строить самостоятельную с.-д. организацию среди офицерства в. организации не могут; б) что необходимо использовать существующие оппозиционно настроенные группы офицеров в целях осведомления и привлечения отдельных членов в наши партийные в. и б. организации в качестве инструкторов и практических руководителей.

VIII. Об экспроприациях.

Принимая во внимание: 1) что вооруженная борьба с правительством не есть дело отдаленного будущего, что она давно уже началась, выражаясь во всевозможных крупных и мелких выступлениях; 2) что в борьбе с правительством мы должны стремиться вырвать орудия и средства борьбы из его рук и захватить их в свои руки; 3) что одним из таких средств, дающих правительству возможность бороться с народом, являются денежные средства; 4) что экспр. есть не что иное, как изъятие из рук правительства средств борьбы и передача их в руки народа; 5) что IV съезд партии, отрицая экспр. казенных средств, как бы признает право распоряжения этими средствами исключительно за правительством; 6) что запрещением экспроприации Объединительный съезд толкнул назревшую боевую энергию масс на путь самостоятельных выступлений, не подверженных контролю партии, а потому деморализующих пролетариат и тем вредящих интересам движения; 7) что, разрешая и даже рекомендуя экспроприации боевых средств, съезд впал в противоречие, так как деньги более всего обеспечивают успешную подготовку боевых средств,—

конференция военных и боевых организаций, разделяя точку зрения IV съезда по вопросу об экспроприации частной собственности, в то же время признает необходимым вести самую энергичную агитацию как перед V съездом, так и на самом съезде, за партийное разрешение экспроприации всякого казенного имущества, при условии са-

мого строгого контроля со стороны партии и полной отчетности перед всем населением. (Последние два пункта приняты по предложению представителей южного военно-технического бюро—меньшевиков.)

IX. Об отношении к конференции, созванной Ц. К.

Мы, члены военных и боевых организаций, выражаем глубокое сожаление по поводу принятого товарищами созванной Ц. К. конференции решения не принимать участия в настоящей конференции. Соображения, руководившие товарищами, принявшими это решение, не могут быть нами признаны достаточно основательными. Вполне соглашаясь в общем с определением задач военной организации («подготовка войск к вооруженной борьбе народа»), мы, однако, полагаем, что, поскольку эта область партийной работы имеет общие точки соприкосновения с соответствующей работой боевых организаций (подготовка пролетарских и широких слоев населения к вооруженной борьбе), — совместная работа в. и б. организаций в высшей степени необходима в интересах лучшей подготовки всей партии к вооруженному восстанию. Опыт нашей конференции привел к тому, что задачи как военной, так и боевой организаций и глубже и полнее освещены. Наконец, общая конференция военных и боевых организаций там, где вопросы касаются только тех или других организаций, не исключает возможности отдельных заседаний по секциям. Если же наша конференция не отличается желательной полнотой, чего товарищи, принявшие решение не участвовать в ней, «имели основания опасаться», то заявляем, что причину этой неполноты усматриваем в невнимательном отношении Ц. К. к заявлениям военных организаций, объясняющемуся общим отношением Ц. К. к задаче подготовки партии к военному восстанию.

Приветствуя попытку Ц. К. разрешить уже давно назревшую потребность объединения военных организаций путем созываемой им конференции, — конференция военных и боевых организаций, идя навстречу этой потребности, предлагает Ц. К.-ту согласовать свои действия по созываемой им конференции с действиями временного бюро военной и боевой организаций. В целях созыва возможно более полной всероссийской конференции военных и боевых организаций, — предлагает всем членам конференции и партии в целом вести энергичную агитацию на местах за созыв такой конференции, самую серьезную подготовку к ней и самое энергичное в ней участие. Кроме того, конференция считает, что такая всероссийская конференция военных и боевых организаций должна быть созвана перед ближайшим партийным съездом и не раньше января ввиду необходимости подготовки к ней и всестороннего обсуждения порядка дня на местах.

X. О докладе съезду.

Конференция военных и боевых организаций поручает временному бюро составить доклад к ближайшему партийному съезду о результатах ее работ, а также по возможности о положении в остальных

военных и боевых организациях, делегировать представителя на съезд для защиты взглядов настоящей конференции, опубликовавши этот доклад до съезда вместе с протоколами конференции.

XI. Об основах представительства на съезде.

Принимая во внимание: 1) что военные и боевые организации являются неразрывной частью партии, что члены их являются ее полноправными членами, конференция военных и боевых организаций полагает, что в выборах на предстоящий партийный съезд представители с решающим голосом военных и боевых организаций должны участвовать на равных с остальными частями партии основаниях, кроме того, призывая настоятельную необходимость наиболее полной осведомленности съезда о деятельности и нуждах военн. и боев. организаций, —

конференция находит крайне желательным, чтобы воен. и боев. центрам дана была возможность послать своего представителя с совещательным голосом. Считает нужным рекомендовать местным комитетам предоставлять местным воен. и боев. организациям возможность для выбора делегата на съезд объединяться в особую курию.

XII. О временном бюро военных и боевых организаций.

Конференция выбирает временное бюро военных и боевых организаций. Функции его: 1) сношения с центральными учреждениями партии и всеми партийными учреждениями по созыву всероссийской конференции военных и боевых организаций; 2) обслуживание нужд местных организаций, присутствовавших на конференции и присоединившихся к мнениям ее после окончания ее; 3) издание органа и литературы, обслуживающих эти организации; 4) информирование всех военных и боевых организаций; 5) широкая агитация за идеи и решения настоящей конференции; 6) издание протоколов и доклад к съезду; 7) сосредоточение заведывания технической деятельностью по подготовке к вооруженному восстанию.

XIII. О литературном органе и издательстве.

А) При временном бюро военных и боевых организаций издается орган, задачи которого: 1) широкая пропаганда в партии идеи подготовки к вооруженному восстанию; 2) разработка тактических вопросов в области военно-боевой деятельности; 3) взаимное информирование военных и боевых организаций.

В) Редакция органа назначается временным бюро, кооптация допускается лишь с санкции последнего.

С) При органе учреждается издательство военных и боевых орга-

низаций, как-то: 1) выпуск «второго издания» органа в виде образцового популярно-солдатского органа со всеми отделами органов подобного типа (популярные статьи по программе, тактике и организационному вопросу, обзоры, хроники, солдатские письма, беллетристика и т. д.); 2) выпуск образцовых листов по вопросам, имеющим общероссийское значение; 3) широкое развитие популярной брошюрной литературы по всем вопросам, интересующим армию (отдельные пункты программы, аграрный вопрос, милиция, демократическая республика и т. д.); 4) всестороннее изучение армии; описание имевших место военных выступлений (со слов очевидцев и участников); биографии выдающихся солдат, погибших в борьбе за свободу; 5) брошюрная литература по вопросам военно-боевого дела (тактика, фортификация, подрывное дело и т. д.).

Д) Редакция «II издания» органа назначается редакцией органа и утверждается временное бюро; ответственный редактор входит в состав редакции органа.

XIV. О местной и областной литературе.

Помимо издания образцового солдатского органа, при общем военном и боевом центре, конференция считает необходимым самое широкое развитие областных солдатских органов для обслуживания нужд целых районов, где подбных органов не имеется. Находя крайне желательным образование и местных органов при местных центрах, конференция признает, однако, первым делом этих центров создание литературы листковой, освещающей каждое сколько-нибудь значительное событие в жизни местной казармы и непосредственно руководящей повседневными солдатскими выступлениями.

148. Деятельность (V) Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. (30 апреля — 19 мая 1907 г.) подробно освещена в большевистском сборнике: «Итоги Лондонского съезда» со статьями Н. Ленина, Г. Зиновьева, В. Ногина, М. Лядова и др. (оттуда перепечатывается в этом томе статья Н. Ленина: «Отношение к буржуазным партиям») и в статье Л. Б. Каменева: «Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. 1907 г.» в Сборнике статей: «Между двумя революциями», стр. 60 — 81: см. также материалы для истории Лондонского съезда в № 5 журнала «Пролетарская Революция» и в соответствующих местах книги: «Р. К. П. в резолюциях ее съездов и конференций».

149. В дополнение к речи Н. Ленина приводим здесь доклад Максимова (А. А. Богданова) о деятельности Ц. К.

Начну с небольшого разъяснения. Т. Мартов не мог или не хотел понять, что я выступаю здесь не с отчетом Ц. К., а с докладом о деятельности Ц. К., свидетелем которой я был в течение года. Отчет Ц. К. может представить только лицо, им выбранное и уполномоченное, в данном случае т. Мартов, доклад же о его жизни и работе может представить всякий, кто ее видел, и определенным образом

ее понимает,— в данном случае с таким докладом выступаю не только я, но и т. Абрамович, к которому т. Мартов, однако, не направляет своих упреков. Ясно, что для такого доклада вовсе не надо разрешения Ц. К., и я взял это разрешение у съезда. Нет в моих действиях и той внутренней несправедливости, о которой говорил т. Мартов,— будто я выступаю в бой лучше вооруженным, так как имел целый месяц, чтобы подготовить критику отчета Ц. К. Моя задача вовсе не в том, чтобы давать критику этого отчета, я хочу дать цельную картину работы Ц. К. за год, как ее видел и как я ее понимаю.

Объединительный съезд оставил партии ряд директив, которыми должна была руководиться за этот год партия в целом, и которые должно было проводить в жизнь ее центральное учреждение,— ряд директив, выработанных, как это здесь подчеркивалось, м-ками. Действительно, преобладающая роль меньшевиков в выработке этих директив несомненна; однако и другие течения партии не остались без влияния на них, так что, будучи по существу меньшевистскими, резолюции Объединительного съезда не были фракционными насквозь, фракционными всецело и абсолютно.

И отнюдь не в одной фракционности заключались существенные недостатки этих директив. Существенно важно было и то, что они были даны без объединяющей директивы, без общей резолюции, которая освещала бы классовые задачи пролетариата в данный период революции, которая связывала бы частные директивы и позволяла бы контролировать их понимание и их применение. Имелись только отдельные резолюции по отдельным тактическим вопросам,— оказывавшиеся, благодаря отсутствию объединяющей и руководящей директивы, неизбежно неполными и неясными. И нередко случалось, что в идейной работе партии, в идейной борьбе ее течений различные тактики обосновывались различными местами отдельных резолюций, при чем, например, для вопроса о думской тактике или об отношении к разным партиям в Думе приходилось искать ответа или освещения, положим, в резолюции по аграрному вопросу. Таким образом, в своей сумме резолюции не давали строго определенной линии для Ц. К.

Самый этот Ц. К., оставленный партии Объединительным съездом, как его исполнительный орган, представлял много важных особенностей.

Прежде всего — его организация. Был применен принцип двоецентриа. Имелась редакция Ц. О. и административный состав Ц. К.-та. Редакция должна была являться политическим руководителем по преимуществу.

В самом деле, в редакции Ц. О. были наиболее видные лица из господствующего в партии течения. За ними оставались наиболее важные, широко-политические функции Ц. К., от мелких же административных функций они были освобождены. Практики из административного состава ни по своим силам, ни по своему влиянию в партии не могли идти ни в какое сравнение с литераторами из Ц. О. Это означало господство литераторов, преобладающее влияние специалистов-идеологов в центральном учреждении. А такие литераторы, такие специали-

зированные идеологи всегда в наиболее законченном, в наиболее кристаллизованном виде выражают то течение, к которому принадлежат. И в данном случае редакция Ц. О. состояла из наиболее решительных и ярких фракционеров; она была гораздо более меньшевистской, чем даже собственно меньшевистская часть делегатов Объединительного съезда, взятая в целом, и уж несравненно более меньшевистской, чем весь Объединительный съезд, на котором, ведь, были не одни меньшевики. И эта редакция руководила политикой Ц. К.

Таким образом не было внутреннего соответствия между теми директивами, которые были даны партийным Объединительным съездом, и составом центрального учреждения. Ц. К. и Ц. О., взятые вместе, представляли из себя не просто фракционно-окрашенное Центральное учреждение партии, — нет, будучи гораздо более фракционны, чем избравший их съезд, они должны были неизбежно стать центром ф р а к ц и о н н ы м. Редакция Ц. О. не сочла даже возможным для себя издавать партийный Ц. О. Так и объяснил это т. Данилов. Но логически из этого следовало бы сделать тот вывод, что и Ц. К. не должен был функционировать: он был также всецело фракционным. Что в нем было 3 большевика, это ничего не изменяет; что значит 3 большев., находящиеся в систематическом осадном положении, среди коллегии из 15 чел., действующей по большинству голосов?

Замечу кстати, что другой мотив, приведенный т. Даниловым в объяснение того, почему не издавался Ц. О., — будто при недостатке денег у партии редакция не хотела тратить партийн. деньги на явно-фракцион. орган, — этот мотив опровергается фактом: ведь издавала эта же редакция «Социал-Демократ», орган Ц. К., на парт. средства.

Первую точку опоры для своей деятельности меньше. Ц. К. мог и должен был найти в думской фракции первой Думы. Из различных моментов ее деятельности я коснусь прежде всего, только в двух словах, воззвания 14 раб. деп. Левое крыло нашей партии приветствовало этот шаг, как первое прямое обращение депутатов к народу и приглашало трудовиков последовать этому примеру — обратиться таким же образом к крестьянам, но неверно, будто оно т о л ь к о приветствовало это обращение: оно также подвергло его критике в своих органах и указало его слабые места, в том числе и то, которое относится к вопросу об ответств. министерстве. Но, конечно, это обращение было все же одним из хороших моментов жизни первой фракции.

Подробнее я остановлюсь на двух других моментах.

Один из них относится к программному вопросу, к пункту о конфискации земли б е з в ы к у п а, принятому Объедин. съездом. Когда в Думе поднялся вопрос об аграрном обращении к народу в ответ на обращение правительства, то официальные представители Ц. К. проводили и провели в думской фракции о т к а з о т п р и н ц и п а к о н ф и с к а ц и и. Именно было постановлено, что, если к.-д. внесут проект обращения к народу с указанием на принцип «принудительного отчуждения», без пояснения с выкупом или без выкупа, то под-

держивать этот проект. Но официальные представители Ц. К. встретили противодействие, — и не только со стороны членов Ц. К. большев., но и со стороны кавк. депутат. меньшев. Кавказцы поддерживали большевиков Ц. К.-истов, и резолюция, отменявшая программу, была отменена. Правда, затем т.т. Мартов и Данилов успели повернуть дело назад: им удалось провести резолюцию, которая обязывала фракцию в том случае, если от ее голосов будет зависеть судьба всего обращения к народу, голосовать за кадетское обращение в целом, не только с «принудительным отчуждением без оговорок, но и с призывом к успокоению народа, заключавшемся в конце кадетск. проекта, при чем, для смягчения факта, предполагалось только внесение особой мотивировки голосования со стороны с.-д. фракции. К счастью, в критический момент к.-д. своим поведением сумели настолько толкнуть с.-д. фракцию влево, что она даже не воздержалась при голосовании, как предполагалось первоначально, а голосовала против. Но если дело таким образом окончилось благополучно, то это произошло не по вине Ц. К., а только благодаря поведению к.-д.

Другой момент — кампания за ответственное министерство. Я не стану останавливаться на том, в какой мере этот лозунг — «за ответственное, т.-е. фактически за кадетское «министерство» — не встретил поддержки ни в стране, ни в Думе; ни здесь, ни там не вызвал серьезных демонстраций, не создал не только массовых выступлений в стране, но даже не был выдвинут открыто меньшевистской с.-д. фракцией первой Думы.

Но этот лозунг сыграл важную роль в эволюции самого Ц. К. В кампании за этот лозунг Ц. К.-ту была необходима организованная поддержка со стороны пролетариата, и на первом плане, конечно, пролетариата Петербурга, политического центра России, где находилась Дума. Но тут Ц. К. наткнулся на невозможность найти такую поддержку в организованном с.-д. пролетариате Петербурга, так как в Петербургской организации преобладали большевики, противники лозунга «думское министерство». И тут внутренняя диалектика фактов привела к новому превращению Ц. К.-та: из общего меньшевистского центра в местный фракцион. комитет меньшевиков.

Раз Ц. К. при посредстве думск. фракции хотел проводить, во что бы то ни стало, свою политику, ему необходимо было создать для этой политики опору в петерб. пролетариате — иначе и думск. фракция, и с нею Ц. К. оказывались в своей работе оторванными от пролетариата, лишенными живой связи с ним на месте своей работы. Таким образом из объективного положения вещей для фракционного Ц. К. вытекала задача — вырвать из рук большевиков господство в Петербурге или, если это не удастся, создать, на-ряду с большевистской, другую самостоятельную меньшевистскую организацию. И вот кампания начинается. Т а й н о т П е т. К о м. Ц. К. приступает к организации сношений между думской фракцией и рабочими массами фабрик и заводов Петербурга. Происходят выборы представи-

телей от фабрик и заводов для общения с думскими с.-д. депутатами. Когда П. К. узнает об этом, он протестует. Ц. К. вынужден идти на уступки: незаконность его действий слишком очевидна. Создается комиссия для организации этих сношений из представителей П. К., Ц. К. и думской фракции.

Но это не значит, что Ц. К. отказался от борьбы. Он начинает открытую агитацию среди петербургского пролетариата за свой лозунг думского министерства и принимает, в лице своих представителей, дискуссию с большевиками Ц. К. на собраниях организованных рабочих. Таким путем Ц. К. надеется вырвать Петербург из рук большевиков, но это ему не удается, он терпит поражение. Большинство делегатов, выбранных на Петерб. общую конференцию на почве этой дискуссии, — опять большевики. Конференция высказывается против думского министерства. Применить против нее власть и репрессии невозможно — Ц. К. сам признал дискуссию, сам шел на нее. Тогда Ц. К. предпринимает шаг, который нельзя назвать иначе, как местью за поражение. Когда в думской фракции поднимается вопрос о связи с Петербургской, демократически избранной, конференцией, то представители Ц. К. проводят решение, что фракции не нужно непосредственных сношений с выборными представителями петерб. с.-д. пролетариата, что достаточная деловая связь создается участием думских депутатов в той комиссии по сношениям фракции с петербургским пролетариатом, где участвуют и два представителя от П. К.

Разгон Думы меняет декорации. Выступает картина полной растерянности. Ц. К. — в критическом положении. Он мечется из стороны в сторону, от одного лозунга к другому, от одной тактики к другой. Иллюстрирую эту картину выдержкой из особого мнения членов Ц. К. большевиков, поданного 20 июля.

На первом организованном заседании Ц. К., после выборгских совещаний, где он был в неполном составе и заседал совместно с фракцией, был поставлен вопрос об общем тактическом плане. (Читает выдержку из заявления, поданного в Ц. К. т. т. Богдановым, Строевым и Красиным 20 июля 1906 г.). «Мы внесли следующее предложение. Немедленно выпустить по соглашению со всеми революционными партиями и теми союзами, которые способны сыграть значительную роль во всеобщей забастовке и восстании, общий манифест, который предложить также подписать Трудовой группе и с.-д. фракции, или хотя бы отдельным их депутатам; в манифесте этом, разъясняя политическое значение момента, призывать к немедленной организации всеобщей всероссийской забастовки с лозунгом Учредительного Собрания, при чем о моменте непосредственного ее открытия должно последовать особое извещение через жел.-дорожные почтово-телеграфные организации». Наш план был отвергнут. Было, правда, признано, что для данного момента является желательным призыв к организации и подготовке всеобщей всероссийской забастовки,

но лозунг для нее был принят: „возобновление сессии Думы для созыва Учредительного Собрания“. По поводу этого лозунга мы внесли в ЦК письменный протест. Мы указывали, что лозунг этот обязывает партию прекращать всеобщую забастовку и возникающее из нее вооруженное восстание, как только царю угодно будет возвратить распущенную Думу; что Дума эта, состоящая в громадном большинстве из заведомых противников революционного созыва Учредительного Собрания, несомненно отвергнет мысль о нем, и за ничтожные уступки войдет в союз со старой властью против революционного пролетариата, который тогда окажется изолирован и бессилён; что лозунг этот не будет принят пролетариатом, как принижающий его до роли прислужника буржуазных партий Думы и принижающий самое движение по сравнению с октябрьско-декабрьским, которое шло под знаменем борьбы за Учредительное Собрание; что лозунг этот противоречит резолюции Объединительного Съезда, которая говорит о непригодности Думы для разрешения коренных вопросов революции, о том, что мы обязаны выяснить эту непригодность, а, очевидно, не скрывать и не затушовывать ее.

На следующем заседании, по инициативе отсутствовавших накануне товарищей, был произведен пересмотр вынесенного решения. Оно было изменено в том смысле, что необходимо немедленное выступление, призыв не к организации всеобщей забастовки, а прямо к забастовке; но, разумеется, окончательное решение этого вопроса было поставлено в зависимость от соглашения с другими партиями и организациями. Что касается до лозунга, то он был принят в таком виде: „борьба с правительством в защиту Думы в целях созыва Учредительного Собрания“.

Немедленное выступление было возможно, разумеется, только по соглашению с другими революционными организациями,—и они его отвергли. Но лозунг „в защиту Думы“ остался—и это не послужило к престижу партии, ибо представители других партий и союзов, революционные демократы и просто демократы, справедливо оценили этот лозунг, указывая, что нельзя революционную борьбу связывать с таким неревolutionным учреждением, как Дума, которая в это время, к тому же несомненно умерла и распалась.

Но затем ЦК снова совершает крутой поворот, и поворот не к лучшему. (Читает выдержку из того же заявления.)

„Была принята новая резолюция, в которой говорилось: „...рекомендовать теперь же частичные массовые проявления протеста во всех слоях населения против разгона Государственной Думы... лозунгом тактическим выставить „за Думу, как за орган власти, который созывает Учредительное Собрание“. Необходимость такого лозунга мотивировалась тем, что „в глазах широких сельских и городских масс, армии, офицерства и оппозиционных слоев буржуазии роль естественного преемника власти играет пока Гос. Дума. Тщетно мы указывали, что нелепо нашей партии брать на себя роль идеологов „офицерства и оппозиционных слоев бур-

жуазии», что во всякой революционной борьбе различные общественные силы идут со своими отдельными лозунгами против общего врага, и, развиваясь в своем ходе борьбы, темные массы переходят к лозунгам авангарда борьбы — в данном случае пролетариата, а оппозиционная буржуазия вынуждается мириться с этими же лозунгами, что именно поэтому пролетариат должен выдвигать с в о й лозунг — Учредительное Собрание, а не чужой лозунг — Думу. Нам отвечали кадетскими фразами об «общенациональном движении», «общенациональной оппозиции» и т. д. Невероятная резолюция была принята и специально развита в особом «Письме к организациям».

«Нецелесообразная в своей первой части (растрата сил на частичные массовые выступления накануне общего революционного взрыва), непартийная в своей последней части (лозунге «за Думу», н е п р и г о д н у ю, по мнению Объединительного Съезда, не социал-демократичная в своей мотивировке (желание быть идеологами «общенационального движения, офицеров, темного крестьянства и оппозиционной части буржуазии»), она вызовет большую смуту в нашей партии и большое унижение партии в глазах революцион. народа».

Потом Ц. К. под давлением событий и общественного мнения партии изменил свою тактику; вместе с другими партиями он подписал обращение ко всем гражданам, где был лозунг Учредительного Собрания без всяких «думских» привесков, но он сделал это только тогда, когда он давал уже сигнал к восстанию.

Я не знаю, можно ли винить Ц. К. за то, что он призывал ко всеобщей забастовке и восстанию, когда гремели пушки Свеаборга и Кронштадта, — я думаю, что нет, что эта попытка была неизбежна при тогдашних обстоятельствах и что она говорит даже в пользу Ц. К., доказывая, что он был еще способен к революционным действиям. Но принижение тактических лозунгов партии — это то, в чем Ц. К. был безусловно виновен. Я не знаю, в какой мере это принижение лозунгов могло способствовать неуспеху самой борьбы, — но если поражение и было даже все равно неизбежным, то принижение лозунгов жестоко обостряло боль поражения.

После неудач борьбы наступило затишье. В это время произошло включение в Р. С.-Д. Р. П. национальных организаций. Ц. К., морально разбитый, должен был несколько «подобраться», несколько смягчить проявление своей фракционности. Он, конечно, оказывает противодействие польской и латышской агитации за экстренный съезд, но в виде уступки он соглашается созвать конференцию, предложенную П. С.-Д. для обсуждения вопросов избирательной кампании. Конференция оказалась в своем большинстве еще меньшевистская, но, конечно, далеко не в такой степени, как Ц. К.; и ее резолюция во многом не соответствует общей линии Ц. К. Там была принята, например, резолюция о рабочем съезде, совершенно несогласная со взглядами большинства Ц. К.

Ц. К. принужден утвердить решения конференции, которую сам же

созвал. Но он не может отказаться от своей линии и ему остается **одно**: **гнать** решения конференции вправо.

И он начинает это делать.

Во-первых, Ц. К. ведет борьбу против всяких соглашений с левыми партиями, когда эти соглашения направлены против к.-д.

Ц. К. Бунда рекомендовал такие соглашения, но Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. разъяснил, что соглашения с другими партиями возможны только против черносотенной, а ни в каком случае не против кадетской опасности. При черносотенной же опасности—соглашения вплоть до к.-д. **Словом**, заключай соглашение либо с к.-д., либо уж ни с кем.

Во-вторых, Ц. К. обнаруживает явное попустительство, когда т. Плеханов выступает в буржуазной прессе с самостоятельными политическими лозунгами, идущими далеко вправо от решений конференции и в прямом противоречии с ними. Ц. К. сначала ничего не предпринимал по этому делу, как будто ничего и не случилось. Потом, когда явились большевики и подняли вопрос об этом, то Ц. К. принял сначала решение сделать запрос т. Плеханову и предложить ему объяснить свой шаг письменно Ц. К., а затем, если Ц. К. найдет нужным, то и в печати. Но под давлением редакции Ц. О., которая здесь проявила всю свою силу и влияние на Ц. К., решение это сначала было просто не приведено в исполнение Бюро Ц. К., а потом и отменено. Мотивировалась отмена тем, что неизвестно чьими руками сделанное опубликование в газете «Речь», в грубо искаженном виде, резолюции о т. Плеханове причинило уже Плеханову достаточные неприятности. Как будто дело шло не о политическом вопросе! Очевидно, эта мотивировка была только предлогом, в основе же дела лежало политическое сочувствие и вытекающее из него попустительство.

Между тем приближалось время созыва второй Думы, и пред Ц. К. вставал прежний вопрос—об опоре для его думской тактики в Петербурге, о том, чтобы вырвать Петербург из рук большевиков или создать особую меньшевистскую организацию. На первое было мало надежды после прежних неудач, оставалось второе. Кампания готовилась постепенно. Начало ей было положено резолюцией 10 ноября. Вот история этой резолюции.

(Читает выдержку из особого мнения, поданного в Ц. К. т.т. Красиным, Строевым, Богдановым 8 января). Часть своих сил и средств Петербургская организация отделяет для работы в «Окружном районе», т.-е. в уездах Петербургской губ. Среди т.т. «меньшевиков» существовало уже давно предположение (до сих пор, однако, не подтверждено фактами), что если бы удалось оторвать от Петербургской организации Окружной район, то в остальной части организации перевес оказался бы за «меньшевиками»...

На заседании 10-го ноября была проведена резолюция, в которой Ц. К. «рекомендует» для избирательной кампании «по возможности» расширять и сжимать рамки существующих организаций, сообразно с рамками избирательных единиц, и—специально для городских избиратель-

ных округов—созывать конференцию выборных от организованных рабочих, живущих в черте такого избирательного округа. Единственный член Ц. К., «большевик», присутствовавший на этом собрании, был не из числа петербургских партийных работников и, не зная истории внутренней борьбы в Петербурге, не мог видеть, что эта резолюция имеет подкладкой определенные фракционные интересы в определенном частном случае; в дебатах же эта подкладка не обнаруживалась, так как и самые дебаты велись с точки зрения объединения местной избирательной работы, а не раскалывания местных организаций. К тому же вполне корректная и осторожная, считающаяся с автономией местных организаций, формулировка резолюции (Ц. К. «рекомендует» поступать «по возможности» так-то) никак не позволяла предполагать, что она сделается исходной точкой бюрократического давления на какую-либо организацию.

В декабре сущность дела начинает выясняться. Меньшевистский сборник «Отклики», ссылаясь на резолюцию 10-го ноября, определенно и открыто ставит вопрос на фракционную почву и делает ясные намеки на возможность раскола в Петербургской организации.

Затем, 22-го декабря на заседании Ц. К. в составе, по разным случайностям всего 5 человек из расширенной коллегии Ц. К., в том числе ни одного «большевика» и двоих незнакомых с сущностью дела представителей национальных организаций, принимается, со ссылкой на резолюцию 10-го ноября, новая резолюция, специально о предстоящей Петербургской конференции. В новой резолюции, то, что раньше «рекомендовалось» и притом «по возможности», уже строго предписывается и объявляется обязательным: конференция «должна» разделиться. Резолюция немедленно публикуется в газете «Товарищ» с открыто фракционным комментарием о том, что «большевики» должны «подчиниться».

Мы заявили протест, и на следующем заседании Ц. К-та предложили Ц. К-ту возвратиться к точному смыслу резолюции от 10-го ноября—не предписывать Петербургской конференции разделение, а рекомендовать его, считаясь с практической возможностью и с автономными правами местной организации. Наше предложение было отвергнуто, было принято решение прибегнуть ко всей «полноте власти», чтобы усмирить еще не проявлявшую никакой непокорности Петербургскую конференцию.

Ц. К. поставил Петербургской, демократически избранной конференции ультиматум о разделении, заявляя, что иначе ее решения будут недействительны. Это было грубое нарушение автономии местной организации, и оно было направлено к тому, чтобы дать предлог для раскола.

Большевики из Ц. К. так это и поняли, так и заявили на том заседании, которое происходило еще до осуществления раскола. И они заранее указали дальнейшую тактику, которой должно было следовать большинство Ц. К. с этой точки зрения. (Читает выдержку из того же отдельного мнения).

«Теперь вопрос заключается в дальнейшей тактике Ц. К. Логически

продолжением сделанного до сих пор является освобождение товарищей меньшевиков в Петербурге от организационной дисциплины местной организации вообще, предоставление им права вести самостоятельную избирательную кампанию на весь Петербург или по участкам (а значит, отдельные, и, по всей вероятности, общие у меньшевиков с к.-д.-тами избирательные списки против «большевистских» с.-д. списков); затем, либо утверждение в Петербурге особой меньшевистской местной организации, то-есть устройство формального раскола в политическом центре России (как это уже было сделано один раз в начале 1905 г., когда была утверждена меньшевистская Петербургская группа),—либо взятие Ц. К-том в свои руки ведения избирательной кампании в Петербурге, то-есть почти уже формальное его выступление в роли местного меньшевистского комитета. Вред для общепартийного дела во всех этих случаях будет громадный!»

Ц. К. фактически выполнил все, что было заранее указано большевиками. Он освободил отколовшихся 31 меньшевика от дисциплины местной организации и предоставил им право вести избирательную кампанию самостоятельно. Это не было сделано формально, но это было несомненно.

В самом деле, когда Петербургская конференция была сорвана постановлением Ц. К., то, очевидно, руководить избирательной кампанией в Петербурге должен был П. К., как он руководил бы ею, если бы конференции вовсе не было. И вот, когда П. К. обратился к Ц. К-ту с предложением призвать к порядку и дисциплине отколовшихся членов местной организации, то Ц. К. отказался сделать это. Когда в Ц. К. большевик Зимин предложил принять резолюцию, напоминающую, что в местной петербургской работе П. К. является единственным законным представителем партии, то Ц. К. отказался голосовать эту резолюцию. Это было сделано в присутствии представителя отколовшихся меньшевиков. Они, конечно, должны были понять это именно в смысле освобождения их от дисциплины местной организации. А если бы этого было еще мало, то участие лидера меньшевиков Ц. К. в их самостоятельной кампании и во всех их переговорах с к.-д. говорило достаточно ясно. Правда, Ц. К. устраивал «примирительные собрания» представителей П. К. и отколовшихся меньшевиков; но и на этих собраниях он рассматривал обе стороны, как равноправные, что было опять-таки подтверждением все того же факта.

В отчете Ц. К. говорится о «самоустранении» части меньшевиков от избирательной кампании в Петербурге. Странное «самоустранение», когда ведутся переговоры с к.-д. о соглашении и когда в самом конце избирательной кампании заключается соглашение отколовшихся меньшевиков с беспартийными избирателями, как это было в Коломенской части, где разрыв уже состоявшегося соглашения был произведен, вопреки воле меньшевиков, другой стороною.

Так был создан раскол в Петербурге; и очень ошибался т. Троцкий, когда говорил, что «великая дискуссия привела к расколу». Нет, дискуссии в Петербурге за этот год ни разу не приводили к расколу.

Раскол был в верхах и шел сверху. Оттого он и не пошел далеко в низы. Меншевистские рабочие приняли участие в общей избирательной кампании петербургских с.-д., и петербургские организованные рабочие в своем громадном большинстве отвергли раскол, потому что они получили политическое воспитание,—а в этом воспитании и дискуссии сыграли свою роль. Петербургский пролетариат уничтожает тот раскол, который шел сверху.

Из истории руководства Ц. К. работами второй думской фракции отмечу новую попытку Ц. К. сорвать программный пункт об отчуждении земли без выкупа. Думской фракции опять предложено было голосовать за принудительное отчуждение без оговорок о выкупе. Вскоре Ц. К., вспомнив, вероятно, прошлогоднюю историю, спохватился и отменил свое решение, но он опоздал—комитет фракции уже успел принять такое же решение, и ему тоже пришлось отменять его. Тут важно для нас самое повторение прежней попытки, которое показывает, что она не была случайною, что за ней скрывалась определенная тенденция.

Закончу обзор деятельности Ц. К. тем эпизодом, который произошел перед самым съездом. Меншевики Ц. К. отказались включить в состав Ц. К. нового большевика, взамен того, который вышел в отставку. Этот поступок меньшевиков присутствовавший на заседании латыш, который сам сходил с ними в практических соображениях по данному вопросу,—этот поступок он заклеил, как нарушение моральных обязанностей.

Я резюмирую.

Мы имели Ц. К., который вместо того, чтобы быть партийным, лишь фракционно окрашенным Ц. К., был центром чисто фракционным, и дошел до превращения в местный фракционный центр. Во главе этого Ц. К. стояла литературская коллегия; практики имели в нем лишь ничтожное влияние. Если не считать формального представительства партии и некоторых технических функций (созыв конференции, созыв съезда), то этот Ц. К. партии не представлял, и у партии Ц. К. не было.

Практические выводы таковы:

1) Нам нужен иначе организованный Ц. К., не разделенный на две части и не находящийся под преобладающим влиянием литераторов, выражающих свое фракционное направление в наиболее кристаллизованном, наиболее окаменелом виде. И это нужно также и потому, что нам нужен партийный, а не узко фракционный центр.

2) То течение, которое при своем господстве не могло дать нам партийного центра и руководства партий, — то течение показало этим самым, я полагаю, и свою неспособность руководить партией вообще.

Ни по организации, ни по составу, ни по направлению такого Ц. К., какой был, нам не надо.

150. Мартов выступал на Лондонском съезде в качестве докладчика о деятельности Ц. К. от меньшевиков. Абрамович, выступавший от Бунда, поддерживал точку зрения меньшевиков.

151a. Речь идет, вероятно, о Прокоповиче.

151b. Череванин (Ф. А. Липкин)—с.-д.-меньшевик крайнего правого крыла (см. о нем статью В. И. в VII томе: «Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати») и впоследствии видный ликвидатор. На Объединительном съезде выступал докладчиком от м-ков по вопросу о вооруженном восстании.

152. «Начало»—меньшевистский орган; выходивший в Петербурге с 13 ноября 1905 года, сгруппировал около себя видные литературные силы новой «Искры»: Парвус, Л. Троцкий, А. Мартынов, Ф. Дан, А. Потресов, Л. Мартов, Л. Дейч, Н. Иорданский и друг. В № 1 газеты было помещено заявление Организац. Комиссии о том, что по соглашению с редакцией «Искры» и «Социал-Демократа» эти заграничные органы приостанавливаются, а взгляды, проводившиеся ими, будет представлять «Начало». Газета была закрыта в декабрьские дни.

153. «L'Humanité» («Человечество») — главный орган французских социалистов; теперь орган Французской Коммунистической партии.

154. Резолюции кавказских меньшевиков, изданные новой «Искрой», частично приведены и разобраны Н. Лениным в § 12 брошюры: «Две тактики» (365—366 стр. VI тома Собр. сочинений).

155. О III съезде Р. С.-Д. Р. П. см. подробности в VI томе Собрания сочинений Н. Ленина, в книге: «Р. К. П. в резолюциях ее съездов и конференций» и в № 3 журнала «Пролетарская Революция».

156. Виноградов—московский историк, испугавшийся либерал, стоял в сентябре 1905 г. за скорейшую ликвидацию разгоравшегося революционного движения.

157. Речь Плеханова на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. по вопросу об отношении соц.-демократии к буржуазным партиям.

Товарищи! Я начну свою речь одним частным замечанием терминологического свойства.

Т. Ленин напал на «Плехановскую» «Современную Жизнь», которая будто бы постоянно говорит о политическом реализме. Это не верно фактически. Я никогда не говорил о политическом реализме. И если бы тов. Ленин был не совсем беззаботен насчет философии, то он знал бы, что я и не могу употреблять термин «реализм». Термином этим сильно злоупотребляют в философии, и мы, материалисты,—ведь я, как вам известно, материалист,—относимся к нему с большим недоверием. Так основательны ленинские нападки! Впрочем, если понимать термин реализм в том смысле, в каком его употребляет здесь тов. Либер, то, конечно, и я реалист. Либер говорит: наша тактика должна основываться на реальном соотношении общественных сил, а не на субъективных желаниях наших. Это неоспоримо. Однако, ведь это-то и есть марксистская тактика; марксистская же тактика есть тактика современных материалистов. Этой тактики мы всегда держались и именно этим вызывали неудовольствие наших противников. Правда, нас упрекают теперь не за марксизм, а, во

и м я марксизма. Т. Роза Люксембург утверждает, что мы составили себе известную схему на основании действий Маркса в 1847—1848 г.г. и ни за что не хотим отступить от этой схемы. И потому мы, по ее словам, сами являемся какими-то окаменелостями,—почтенными окаменелостями: этот комплимент согласна сделать нам т. Роза Люксембург,—но все-таки окаменелостями. Это было бы жаль, но так ли это? Посмотрим, о какой схеме идет речь у т. Розы Люксембург. Эта схема может быть определена словами: поддержка пролетариатом революционной буржуазии в интересах революции. И эту схему Роза Люксембург объявляет ошибочной.

В 1847—1848 г.г. Маркс считал буржуазию революционной и потому,—и только потому,—советовал пролетариату идти рядом с ней в ее борьбе со старым порядком. Но Маркс ошибался. Германская буржуазия не была революционной. Тем более ошибаемся мы, считая революционной российскую буржуазию. Так говорят нам. И так сказала тов. Роза Люксембург. Но тут очень большое недоразумение. Маркс уже в сороковых годах не смотрел на германскую буржуазию, как на революционный класс. Вот вам доказательство. В полемике с К. Гейнценом он писал:

«Германии, как я уже показал это в своих «Немецко-французских летописях», не везет на особый, христиански-германский лад. Ее буржуазия явилась на сцену так поздно, что она начинаст борьбу с абсолютизмом и стремится к завоеванию политической власти в такой момент, когда во всех развитых странах буржуазия уже ведет ожесточенную борьбу с рабочим классом и когда ее политические иллюзии уже пережиты в европейском сознании. В нашей стране,—где еще не уничтожена политическая гниль абсолютизма с его придатком полуфеодальных и сословных отношений,—отчасти уже существует, благодаря развитию промышленности и зависимости Германии от мирового рынка, новейшая противоположность между буржуазией и пролетариатом и вытекающая из нее борьба, о чем свидетельствуют восстания рабочих в Силезии и Богемии. Таким образом, немецкая буржуазия уже попала в антагонизм с пролетариатом прежде, чем она организовалась политически, как класс. Война между «подданными», наперекор всем Гамбахским песням, вспыхнула еще раньше, чем удалось разделаться с государями и с дворянством. Чтобы объяснить себе это полное противоречий положение, которое, разумеется, отражается и в немецкой литературе, г. Гейнцен не умеет придумать ничего лучшего, как свалить ответственность за него на своих противников и выставить его результатом контрреволюционной деятельности коммунистов. Между тем, немецкие рабочие прекрасно знают, что абсолютизм ни на минуту не поколеблется и не может колебаться попотчивать их на службе буржуазии бичем и пучками. С какой же стати предпочли бы они грубый гнет абсолютного правительства, с его полуфеодальной обстановкой, непосредственному господству буржуазии? Рабочие прекрасно знают не только то, что буржуазия должна будет сделать им более значительные уступки, чем

абсолютизм, но и то, что она против своей воли создает, в интересах собственной промышленности и торговли, почву для сплочения рабочего класса; сплочение же рабочих есть первое условие их победы. Рабочие знают, что уничтожение буржуазных имущественных отношений не достигается сохранением феодальных. Они знают, что революционное движение буржуазии против феодальных сословий и абсолютной монархии может лишь ускорить их собственное революционное движение. Они знают, что их собственная борьба против буржуазии может начаться лишь в тот день, когда победит буржуазия. И все-таки они вовсе не разделяют буржуазных иллюзий г. Гейнцена. Они могут и должны признать буржуазную революцию необходимым условием рабочей революции. Но они не могут ни на одну секунду видеть в ней свою конечную цель.

Маркс смотрел на германскую буржуазию совершенно так, как смотрим мы на—российскую. Он видел ее половинчатость и все-таки считал необходимым поддерживать ее в ее хотя бы и половинчатой борьбе со старым порядком. Нам говорят: в то время германское рабочее движение было еще в зародыше. Положим. Но это, как и известно, не помешало Марксу надеяться, что буржуазная революция в Германии послужит лишь прологом—пролетарской. Вы видите лишь пролог, и все-таки надо поддерживать буржуазию. Так обстоит дело с так называемой схемой. Это вовсе не схема, а метод,—наш материалистический метод в его применении к политике. И Маркс применял его не только в Германии. Вот что он говорит об Англии, где тогдашняя буржуазия уж, конечно, не была, по его мнению, революционной. «Что рабочие смотрят именно так,—продолжает он в споре с К. Гейнценом,—это блестяще доказали английские чартисты во время недавнего движения против хлебных законов. Ни одной минуты не верили они измышлениям и фантазиям буржуазных радикалов, ни на одну минуту не отказывались они от своей борьбы против них; но они вполне сознательно помогали своим врагам одержать победу над ториями; а на другой день после отмены хлебных законов на поле битвы стояли друг против друга уже не тории и фритредеры, а фритредеры и чартисты. И последние завоевали места в парламенте против буржуазных демократов».

Таков метод,—повторяю, метод, а не схема—Маркса. Мы верны ему. Т. Роза Люксембург ему изменяет. Это жаль. Т. Абрамович назвал ее бланкистской. Это не точно. Ее взгляды, это все-таки марксизм,—бланкизм надо целиком оставить товарищам б-кам. И это не «окаменелый» марксизм. Это марксизм испарившийся, улетучившийся в жару революционной фразеологии.

Тов. Либер спросил т. Розу Люксембург, на каком стуле она сидит. Наивный вопрос! Тов. Роза Люксембург не сидит ни на каком стуле. Она, подобно Рафаэлевой мадонне, носится на облаках... отрадных мечтаний. (Аплодисменты.)

Нам говорят: вы делаете пролетариат орудием буржуазии. Это совсем

твердно. Мы делаем буржуазию орудием пролетариата. Прошли те времена, когда пролетариат служил орудием буржуазии, миновали без возврата. Теперь пролетариат является Демиургом нашей революционной действительности. Теперь он—главная сила. И это дает ему особые права, это налагает на него особые обязанности. Гегель говорит в своей «Философии истории», что народ, являющийся носителем великой исторической идеи, может рассматривать все другие породы, как орудие для осуществления его великой цели; он может топтать их ногами и может употреблять их, как средства. Мы стоим не на национальной, а на классовой точке зрения. Но и мы думаем, что пролетариат, этот носитель великой идеи нашего времени, может топтать ногами все отжившее и пользоваться всем существующим для своей великой цели. Он может и он должен поступать так, ибо он был, есть и будет главным двигателем революции в настоящее время! (Аплодисменты.)

158. Статья Н. Ленина: «Отношение к буржуазным партиям» из сборника «Итоги Лондонского съезда» (см. выше прим. 148) дает точную картину сложной фракционной борьбы на Лондонском съезде по вопросу об отношении к буржуазным партиям. Все проекты резолюций, о которых упоминается в статье, приведены в Приложении к этому тому, № 2.

159. А. Брам—псевдоним Н. Крыленко, Юрий Переяславский—псевдоним Г. Хрусталева, В. Горн—меньшевистский литератор, стоявший тогда вместе с Череваниным на крайнем правом крыле меньшевиков.

160. Ренненкампф и Меллер-Закомельский—генералы, усмирители вооруженного восстания в конце 1905 г. и начале 1906 г., первый—в Забайкалье, второй—в Прибалтике.

161. «Тезисы против бойкота», составленные тов. Лениным, редакцией пока не найдены. Приводим здесь проект избирательной платформы Р. С.-Д. Р. П. в III-ю Гос. Думу:

Товарищи-рабочие и все граждане России!

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия призывает нас принять самое деятельное участие в выборах в третью Государственную Думу. Она высказывается против бойкота Думы.

Два раза социал-демократия бойкотировала Государственную Думу,— в первый раз то была Дума Булыгинская, которую царь пытался созвать по закону 6 августа 1905 г., во второй раз—Дума Виттевская, созванная на основании закона 11 декабря 1905 года. Бойкот Булыгинской Думы был провозглашен во время широкого, всеобщего и быстрого революционного подъема, и Булыгинская Дума была сметена прямым натиском народа на старую власть—великой всеобщей октябрьской забастовкой. Народ не сложил своего оружия и после того,—в октябре, ноябре и декабре 1905 г. он продолжал самоотверженную борьбу за Учредительное Собрание, за полновластие народа, за всеобщее, прямое, равное и

тайное избирательное право. Когда декабрьское восстание было подавлено грубой силой самодержавия,—социал-демократия провозгласила бойкот новой, Виттевской Думы, потому что она хотела этим бойкотом бороться с конституционными иллюзиями, с верой в то, что путем мирной работы в Думе, без самостоятельности народных масс, путем сделки, соглашения с самодержавием можно добиться свободы и земли.

Таковы были основы бойкота, проводившегося социал-демократией в прошлом. Тактика бойкота правильна только при наличии широкого, всеобщего и быстрого революционного подъема, сопряженного с прямым натиском на старую власть, или в целях борьбы с распространенными в народе конституционными иллюзиями.

Конституционные иллюзии теперь, после разгона двух Дум, глубоко, почти до основания разрушены; об этом свидетельствует и отношение народных масс к выборам в третью Думу, в значительной степени отрицательное. Пролетариат, крестьянство, городская беднота сознают безвластие Думы, непригодность ее для непосредственного осуществления основных требований народа.

В то же время перед народом все еще только стоит задача сорганизоваться для нового, всеобщего, быстрого и широкого революционного подъема, направленного непосредственно к прямому натиску на старую власть. И потому прежде всего Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия не считает правильной тактику бойкота и призывает вас, товарищи-рабочие и все граждане, к участию в выборах в третью Государственную Думу.

Но не только поэтому зовет она вас к избирательным урнам, не только потому, что нет тех условий, при которых бойкот явился бы действительным средством борьбы, но и потому также, что есть условия, требующие участия в выборах и в самой Думе.

Социал-демократия участвовала в выборах в недавно разогнанную Столыпинскую Думу, несмотря на то, что царское правительство посредством беспримерных по своему наглому лицемерию «сенатских разъяснений» отбросило тогда от избирательных урн сотни тысяч крестьян и рабочих. Почему она делала это? Потому что, неустанно организуя сознательный пролетариат для великой борьбы за всенародное освобождение и привлекая на его сторону широкие массы крестьян и городской бедноты, социал-демократия хотела воспользоваться и выборами в Думу и участием в Думе для той же заветной своей цели.

Изменилось ли что-нибудь после этого?

Великое революционное движение народа временно ослабело, но не разбито. Пролетариат—передовой борец этого движения—неустанно и настойчиво развивает свои экономические и политические организации: вопреки всяким гонениям растет и крепнет пролетарская политическая организация—Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, множатся, растут и крепнут профессиональные союзы. Неустанно ведут рабочие свою борьбу против гнета капиталистической эксплуатации. Проясняется сознание крестьянства, которое все более проникается убежде-

нием, что под оболочкой затишья революции происходит накопление и подготовка массовых сил для новой решительной борьбы. Не может существовать Россия без широкой политической свободы, не может дольше терпеть разорение и голод обездоленное крестьянство, рвется к свету человеческого существования пролетариат. Силы революции зреют в тишине, чтобы затем смести старую власть без остатка. Перед социал-демократией стоит, следовательно, задача, содействовать организации этих сил не одним каким-либо средством, а всеми средствами, ей доступными,—стало быть, и участием в выборах и в самой Думе.

3 июня 1907 года, разогнав вторую Государственную Думу, царь и его министры совершили еще одно насилие, лишили представительства громадную часть населения Польши, Кавказа и других окраин, изменили избирательный закон, имея в виду достигнуть того, чтобы в новой Думе подавляющее большинство депутатов принадлежало к числу помещиков, чиновников и капиталистов. Рабочих и крестьян они не лишили представительства совершенно, но устроили так, чтобы и рабочих и крестьянских представителей выбирали все те же помещики, чиновники и богачи. В 29-ти губерниях помещики имеют большинство выборщиков, во всех остальных они составляют большинство вместе с богачами из первой курии.

130 тысяч помещиков и богачей царь и министры поставили над всем 130-миллионным народом; эти 130 миллионов они хотят заставить молчать и покорно нести ярмо нищеты и несправедливости, и с помощью 130-ти тысяч помещиков и богачей хотят превратить Думу в покорную исполнительницу всех своих велений.

Велико преступление против народа, совершенное 3-го июня 1907 года. Оно отнимает у рабочих, крестьян и городской бедноты большую часть и без того жалких избирательных прав, принадлежавших им прежде. И однако революционный народ разорвал связывавшие его путы, прорвал правительственные рогатки, воспользовался своими жалкими правами для того, чтобы послать во вторую Думу значительное количество истинных представителей. Пусть теперь, под давлением нового избирательного закона, представляющего собою издевательство над народными правами, таких истинных представителей народных интересов будет гораздо меньше, но ведь дело не в числе их. Они все-таки будут, если пролетариат выберет всех своих выборщиков-социал-демократов, если крестьянство и городская беднота проведут в выборщики только борцов за землю и свободу. Тогда помещики и богачи будут вынуждены, против своей воли, голосовать за действительных защитников народных интересов. И выбор этих защитников в Думу будет резким и серьезным ответом народа на преступление 3-го июня. И даже, если бы только большинство выборщиков от рабочих, крестьян и городской бедноты оказалось состоящим из самоотверженных борцов за всенародное освобождение,—этим самым наложено было бы позорное клеймо на преступную политику царского правительства.

И пусть большинство депутатов III-ей Думы окажутся врагами народа.

Но разве в первой и во второй Думе большинство депутатов выражало народные интересы, осуществляло народную волю?

В этих Думах, рядом с кровожадными, грубыми, невежественными и наглыми черносотенцами, именующими себя «союзом русского народа», сидели октябристы, члены «союза 17-го октября»—помещики, чиновники и капиталисты, холопски ползающие на коленях перед царскими насильниками и опричниками и рукоплещущие кровавой борьбе их против народа. В этих Думах рядом с октябристами заседали представители другой буржуазной партии—кадетов, именующей себя «партией народной свободы». Эта партия многое обещала народу, заявляла о своей готовности осуществить многие народные требования, но она отрицала необходимость открытой, прямой народной борьбы со старой властью. Они уверяли, что надо бороться только в Думе мирным путем, и все будет достигнуто. Они стремились к сделке с царским самодержавием, хотели в первой Думе добиться того, чтобы царь призвал кадетское министерство, потому что кадетских депутатов было всего больше в Думе. Во второй Думе они готовы были работать даже со Столыпинским министерством военно-полевых судов, лишь бы «сберечь Думу». Когда министр Столыпин заявил в Думе: «нет воли народу, а землю пусть народ покупает по помещичьим ценам через крестьянский банк»,—кадеты призывали молчать и этим холопским молчанием беречь Думу.

Когда правительство заявило Думе, что дело продовольствия голодающих крестьян оно по-прежнему оставляет в руках своих любимцев—Гурко, Лидвалей и Фредериксов, а Дума пусть проверяет те бумажки, которые правительство само даст ей,—кадеты умоляли не требовать большего, беречь Думу.

Когда правительство заявило Думе, что оно согласно оказать кой-какую помощь безработным, пострадавшим от промышленного кризиса, но не даст помощи рабочим, изгнанным с фабрик и заводов за братское дело рабочей борьбы,—кадеты предлагали согласиться на это и тем сберечь Думу.

Когда правительство требовало, чтобы Дума утвердила Государственную роспись доходов и расходов и оставила по-прежнему в руках царских ставленников миллиарды народных денег, политых народным потом и народной кровью,—кадеты были готовы пойти на это, потому что нужно беречь Думу.

Когда правительство требовало от Думы новобранцев для кровавой борьбы против народа, для защиты царских ставленников и помещиков,—дадим правительству и новобранцев, заявляли кадеты, ибо нужно беречь Думу.

Так изменяла народу либеральная буржуазия и тем помогала правительству в его борьбе с революцией.

Кадеты привлекали под свое влияние левые партии—социалистов-революционеров, трудовиков, народных социалистов, которые стремились быть защитниками городской и сельской бедноты, но в то же время постоянно колебались, оступались, идя с кадетами против партии

пролетариата, против социал-демократии. Вслед за кадетами промолчали эти партии в ответ на наглую правительственную декларацию Столыпина в Думе; вместе с кадетами эти партии согласились избрать особую комиссию, когда правительство потребовало выдачи социал-демократических депутатов, избрать комиссию вместо того, чтобы прямо отказать правительству в этой выдаче. Вместе с кадетами две из этих партий—трудовики и народные социалисты—согласились сдать в комиссию роспись государственных доходов и расходов,—сдать в комиссию, вместо того, чтобы прямо провозгласить, что Дума не признает за правительством права распоряжаться народными деньгами.

Так благодаря деятельности всех этих партий, политика сделок и соглашений, проводившаяся в первой и второй Думах, направлена была к развращению революционного сознания масс. Так помогла она осуществлению преступления 3-го июня. Но ослепила ли эта политика народ, лишила ли она его сознания необходимости решительной борьбы? Нет! Потому что гнет правительственной реакции давил пролетариат, крестьянство и городскую бедноту в угоду помещикам и капиталистам. Потому что находились и в Думе и вне Думы смелые обличители правительственного насилия и произвола. Потому что социал-демократия—выразительница интересов рабочего класса, борющегося за всенародное освобождение, смело и стойко боролась с развращающим контр-революционным влиянием буржуазии.

Депутаты социал-демократы разоблачали перед народом преступную политику царского правительства и заодно с ним действующих черносотенцев и октябристов. Они разоблачали и трусливую кадетскую либеральную буржуазию, неспособную бороться за народные интересы, способную лишь позорно отступать перед натиском черносотенных сил. Они открыто призывали народные массы, а особенно рабочий класс спланиваться, готовиться к открытой борьбе с царской властью.

И потому всей своей грубой силой правительство обрушилось на единственного своего последовательного, непримиримого врага, социал-демократию.

Депутаты социал-демократы подверглись лицемерному, ложному обвинению в никогда не существовавшем тайном заговоре и либо брошены в тюрьмы, либо вынуждены скрываться от преследования полиции.

Что же изменилось теперь? Мы не молчали и не бездействовали прежде, не замолчим и не сложим своих рук и теперь. Вторая Дума по-кадетски говорила и по-октябристски действовала, и мы обличали ее в этом. Будем ли мы молчать в Думе открыто октябристской, откажемся ли мы от ее обличения? Конечно, нет!

Товарищи рабочие и граждане России! Социал-демократия не отделяет своей деятельности в Думе от великой борьбы за всенародное освобождение, которое она ведет вне Думы. Верная выразительница интересов пролетариата, она распространяет и укрепляет в сознании народных масс идею социализма—окончательного уничтожения всякого гнета, всякой эксплуатации, всякого неравенства путем передачи всех

средств производства в общую собственность всех трудящихся. Она знает и помнит, что героической борьбой своей пролетариат будит и вовлекает в борьбу темные отсталые слои населения. Задачей ставит себе социал-демократия—быть вождем всего народа в великом деле борьбы, за всенародное освобождение и открывать народным массам глаза на неистовства самодержавия, на ужасы реакции, на кадетский обман, показывать, что кадеты не вожди народа в деле освобождения. Социал-демократия борется за самодержавие народа, за Учредительное Собрание, за всеобщее избирательное право.

Социал-демократия знает, что только путем открытой борьбы и восстания народ может вырвать власть из рук царизма. И с этой целью она организует передовой отряд революционного народа—сознательный пролетариат, она развивает его экономическую и политическую борьбу, она организует открытые его выступления и призывает широкие народные массы стать под знаменем великой пролетарской борьбы.

В Думе, как и вне Думы, социал-демократия всегда останется верной этим своим великим задачам. Она устами своих представителей будет говорить с думской трибуны всю правду народу. В Думе, как и вне Думы, она будет всеми силами содействовать организации экономической и политической борьбы пролетариата, бороться с реакцией и с контрреволюционным влиянием кадетов. В Думе, как и вне Думы, она будет срывать маску с чиновников, помещиков и богачей, обличать лицемерный обман законопроектов, которые будут ими вноситься в Думу в интересах черносотенного и буржуазного гнета и противопоставлять им перед лицом всей страны последовательные демократические требования, направленные к удовлетворению интересов народных масс.

В Думе, как и вне Думы, социал-демократия будет распространять идею социализма,

будет укреплять в народном сознании необходимость борьбы за всенародное полновластное Учредительное Собрание, для учреждения демократической республики, полного народного правления с выборными от народа властями, с полной свободой слова и печати, свободой совести, союзов, собраний и стачек и неприкосновенностью личности, с заменой постоянной армии всеобщим вооружением народа, с полным равенством всех национальностей, живущих в России, с всеобщим, даровым и обязательным образованием народа, с демократическим устройством земств и городских дум.

В Думе, как и вне Думы, социал-демократия провозгласит перед всем народом необходимость того, чтобы

вся земля, находящаяся в собственности помещиков, уделов, кабинета, была конфискована (отчуждена без выкупа) и передана выбранным всеми гражданами областным органам самоуправления, которые на местах распорядятся землей по воле населения.

В Думе, как и вне Думы, социал-демократия открыто объявит перед

лицом всей страны и всего мира основные требования рабочих, осуществление которых облегчит им борьбу против эксплуатации:

восьмичасовой рабочий день, еженедельный непрерывный достаточный отдых,
государственное страхование рабочих за счет капиталистов,
запрещение сверхурочных работ,
выборность фабричной инспекции,
организацию общественных работ для безработных.
Товарищи рабочие и все граждане России!

Только в народной борьбе куется народная мощь; только сам борющийся народ добьется победы. Подавайте же ваши голоса за ту партию, которая и в Думе и вне Думы решительнее всех зовет народ к этой борьбе, сплачивает, объединяет народ для этой борьбы,—подавайте ваши голоса за **социал-демократию!**

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

162. Восстание на броненосце «Кн Потемкин-Таврический» вспыхнуло 14 июня 1905 г., благодаря работе Крымского с.-д. союза. Члены Одесского Ком. Р. С.-Д. Р. П. проникли на броненосец и сумели поддержать там революционный дух. Броненосец 13 дней скитался по Черному морю и сдался только румынским властям в Констанце. «Потемкинцы» предпочли изгнание—позорной сдаче русским властям.

163. Закон 6 августа 1905 г. (см. прим. 178 к VI тому) вводил законосовещательную Гос. Думу, известную под именем Булыгинской Думы.

164. Камышанский—прокурор петербургской судебной палаты—защитник «законности» в пределах военно-полевой юстиции Столыпина.

165. Здесь идет речь о статье Н. Ленина: «Бойкот Булыгинской Думы и восстание» (в № 12 Женевского «Пролетария»,—перепечатана на 408—415 стр. VI тома Собр. сочинений).

166. Статья «О бойкоте» из № 1 «Пролетария» за 1906 г. перепечатана на 28—34 стр. II части VII тома Собр. сочинений.

167. Буренин—черносотенный публицист, сотрудник «Нового Времени».

168. Жилкин, И. В.—политический деятель и публицист; сотрудник «Нашей Жизни» и «Товарища»; член I Гос. Думы от Саратовской губ., организатор трудовой группы; в эпоху последующей реакции—сотрудник умеренно-либеральных органов: «Вестника Европы» и «Русского Слова».

169. «Группа Освобождения Труда»—первая русская революционная группа за границей, ставшая на почву научного социализма. В ее состав вошли в 1883 г. бывшие народники-«чернопередыльцы»—Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и В. Н. Игнатов. Группа занялась изданием «Библиотеки современного социализма»,

куда вошли в русском переводе важнейшие произведения Маркса и Энгельса. В 80 г.г. появляются самостоятельные работы Плеханова и Аксельрода преимущественно по вопросам критики русского народничества, а в 1884 г. Группа выпускает «Проект программы русских социал-демократов». В начале 1895 г. по инициативе Группы был основан «Союз русских социал-демократов», при чем редакция изданий Союза принадлежала Группе. В ноябре 1898 г. на I съезде «Союза» Группа отказалась от редактирования его изданий, разойдясь с большинством членов Союза (Кричевский, Акимов, Иваньшин, Прскопович, Кускова и др.) в оценке очередных задач рабочего движения в России. В апреле 1900 г. на II съезде Союза произошел окончательный раскол. Группа и примыкающие к ней члены Союза (Д. Кольцов, Л. Ортодокс) покинули съезд и в мае создали Революционную Организацию «Социал-Демократ». Группа все время неуклонно выдерживала строгую, тактическую линию революционного социализма и резко восстала против оппортунизма Союза, который подменил революционные задачи мелкой стихийной борьбой за злободневные экономические интересы. Все попытки в 1901 г. привести к тактическому единству действия Группы и Союза не увенчались успехом по вине оппортунистов; в конце 1901 года Группа слилась вместе с организацией «Заря» и «Искра» в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии». Группа принимала ближайшее участие в издании «Искры» и «Зари» и вела деятельную работу по подготовке II партийного съезда (в области программных и тактических вопросов). На II-м съезде Р. С.-Д. Р. П. Группа заявляет о прекращении своего обособленного существования.

170. Михайловский, Н. К.—видный теоретик народничества, «властитель дум» второй половины 70-х г.г. Ярko выдвинул в своих работах идею «долга перед народом», который должны уплачивать «кающиеся дворяне». Идеализирует крестьянское «трудовое» хозяйство, как полную противоположность буржуазному. Долго колеблется между старым народническим аполитизмом—народу нужна не конституция, а земля, конституцией воспользуется только дворянство—и требованием представительных учреждений. Примыкает к «народовольцам», не порывая с легальной средой, составляет знаменитое письмо Исполн. Комитета Народной воли к Александру III после 1/III 1881 с требованиями Учредительного Собрания и народоправства. В 80-х г.г. борется с дворянской реакцией. С появлением в 90-х г.г. «легального марксизма», ведет с ним ожесточенную полемику. Из школы Михайловского вышли многие н.-с. (члены редакции «Русского Богатства») и с.-р. (В. Чернов и друг.).

171. Статья: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» — перепечатывается во II томе Собрания сочинений.

172. Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса—вырос из кружка пропагандистов с.-д.-тов—«Центральной группы для руководства рабочим движением». При энергичном воздействии Н. Ленина кружок организуется в союз. Вместе с Старковым, Кржижановским, Ваневым, Сильвиным, Запорожцем, Мар-

товым В. И. работает в Союзе, в его литературной группе, ведет районные рабочие кружки. Особенно оживилась деятельность Союза—после поездки В. И. летом 1895 г. за границу, где он вошел в контакт с «Группой Освобождения Труда» и наладил транспорт революционной литературы. В ночь на 9/XII 1895 г. союз был разгромлен полицией, видные вожди арестованы. С отправкой в ссылку вождей в 1897 г. деятельность Союза замирает, пышно расцветает «экономизм», и тактика «малых дел» заслоняет главную цель—освобождение рабочего класса. Когда «старики» вернулись в 1900 г. из Сибири, они уже не могли опереться на петербургских товарищей. Формально Союз прекратил свое существование на II съезде Р. С.-Д. Р. П.

173. Речь идет о Старкове и Радченко (см. о них в книге П. Н. Лепешинского: «На повороте»).

174. «Новое Слово» — легальный марксистский журнал, продержавшись, начиная с весны 1897 г., целых 8 месяцев под сильнейшим цензурно-полицейским гнетом. Его сотрудниками были Плеханов, Пётров, Засулич, Мартов, Струве, Булгаков; Н. Ленин поместил здесь статью: «К характеристике экономического романтизма».

175. Брошюра: «Гонители земства и Аппибалы либерализма» — перепечатывается в V томе Собр. сочинений.

176. Брошюра: «Что делать? Наболевшие вопросы социал-демократического движения» — перепечатывается в V томе Собр. сочинений.

177. О I съезде Р. С.-Д. Р. П. — см. в книге: «Р. К. П. в революциях ее съездов и конференций» и в № 1 журнала «Пролетарская революция».

178. «Союз русских с.-д-тов» возник в 1895 г. по инициативе «Группы Освобождения Труда». Очень скоро Союз, заполнявшийся молодежью, отошел от строго революционной позиции Группы, стал склоняться к «экономизму». В ноябре 1898 г. Группа была вынуждена отказаться от редактирования изданий Союза; тогда в Союз вошли новые члены: Б. Кричевский и Сибиряк, был создан журнал «Рабочее Дело» (см. выше прим. 73). На апрельском съезде 1900 г. Группа окончательно вышла из «Союза», решительно вступившего на путь оппортунизма, бернштейнианства. Объединительные попытки в 1901 г. между революционными и оппортунистическими крыльями заграничной с.-д-тии кончились ничем по вине Союза. «Группа Осв. Труда» и «Искра» ведут с ним ожесточенную борьбу, значение союза за границей и в России все падает, и на II съезде Р. С.-Д. Р. П. «Союз» был объявлен распущенным.

179. Революционная организация «Социал-Демократ» образовалась в мае 1900 г. после II съезда «Союза русских с.-д-тов»; в ее состав вошли «Группа Освобод. Труда» и члены «Союза», придерживавшиеся строгой революционной тактики. После неудачи объединительного съезда в октябре 1901 г. Рев. Орг. вместе с организацией «Заря» и «Искра» объединились в «Заграничную Лигу Русской Революционной Социал-демократии».

180. О неудаче слияния «искровцев» и «Союза русских соц.-демо-

кратов в июне и октябре 1901 г. см. соответствующие резолюции в книге: «Р. К. П. в резолюциях ее съездов и конференций».

181. Раскол между большевиками и меньшевиками был формально ликвидирован на Стокгольмском Объединительном съезде в апреле 1906 г.;—по существу же расхождение между оппортунистическим и революционным крыльями русской соц.-демократии и в организационном и в тактическом отношениях оставалось в полной силе и повело в последующие годы контр-революцию к образованию «двух партий» (см. брошюру Л. Б. Каменева: «Две партии»).

182. О повороте «Искры» к меньшевизму после выхода из редакции «Искры» Н. Ленина 1 ноября 1903 г. и кооптации Плехановым прежних членов редакции,—Л. Мартова, П. Аксельрода, В. Засулич и А. Потресова, см. в IV томе Собр. сочинений.

183. «Новая жизнь»—легальный орган с.-д-тов, представлявший точку зрения «большинства», выходил в Петербурге с 27/X 1903 г., был закрыт 3/XII за напечатание «Манифеста С. Р. Д. и революционных организаций». Издат. газеты—московская артистка М. Ф. Андреева, редактор—поэт Н. М. Минский; сотрудники—участники нелегального жевневского «Пролетария» (Ц. Орг. Р. С.-Д. Р. П.): П. Румянцев, А. Луначарский, Н. Ленин, А. Богданов, Л. Каменев, Н. Рожков, М. Горький, а также ряд беллетристов и поэтов, стоявших до тех пор в стороне от социализма: К. Бальмонт, Г. Чулков, Л. Андреев, Е. Чириков и др. «Новая Жизнь» была задумана еще до октябрьской стачки, как орган, в котором под прикрытием имен легальных беллетристов и публицистов, могли бы сотрудничать также руководители большевизма, не имевшие тогда возможности выступать в легальной прессе. Октябрьские события сделали возможным открытое выступление большевиков в «Новой Жизни». Взгляд большевиков на задачи легальной газеты того времени и на сотрудничество с непартийными элементами изложен в статье Н. Ленина: «Партийная организация и партийная литература» (см. I часть VII тома Собр. соч.). Она явилась ответом на нападки Г. В. Плеханова, касавшиеся состава сотрудников «Новой Жизни».

184. Проект программы Р. С.-Д. Р. П., составленный Г. В. Плехановым, перепечатан в IV томе Собрания соч. Н. Ленина, стр. 110—116.

185. Брошюра: «Две тактики соц.-демократии в демократической революции»—перепечатана в VI томе Собрания сочинений.

186. Брошюра: «Земская кампания и план «Искры»—перепечатана в VI томе Собрания сочинений.

187. Свеаборгское восстание—17—20/VII 1906 г.—организовано под непосредственным руководством офицеров с.-д-тов, Емельянова и Коханского.

Ход восстания: 17/VII—возмущение минной роты; 18/VII—восставшие овладели почти всей крепостью, арестовали офицеров и начали бой с судами, стоявшими на рейде; выступление финляндской «красной гвардии» на помощь восставшим.

19/VII восставшие заняли ряд укрепленных островков и оттеснили 6 рот пехоты.

Появление учебного отряда судов Балтийского флота с дальнобойными орудиями вынудило крепость 20/VII в полдень сдаться: восставшие частью успели скрыться на лодках из крепости и затем эмигрировать в Швецию, частью были преданы военно-полевому суду и казнены.

Кронштадтское восстание — восстание в Свеаборге вызвало восстание в Кронштадте, где работала Петербургская военная организация; 20/VII вспыхнуло восстание среди 4 и 5 морских экипажей под руководством с.-р., матроса Егорова; к восставшим примкнула часть сапер; попытка поднять весь гарнизон крепости не удалась. После обстрела форт, где заперлись восставшие, сдался, и военно-полевой суд закончил дело усмирения.

38. Резолюции Штутгартского съезда:

1. Колониальная политика.

Конгресс держится того мнения, что капиталистическая колониальная политика, в силу самой своей сущности, ведет к порабощению, принудительному труду или к истреблению туземного населения колониальных областей.

Цивилизаторская миссия, на которую ссылается капиталистическое общество, служит лишь прикрытием завоевательных и эксплуататорских вождений. Только социалистическое общество даст всем народам возможность достигнуть высшей ступени культуры.

Вместо того, чтобы увеличивать сумму производительных сил, капиталистическая колониальная политика, путем порабощения и разорения туземцев и убийственных опустошительных войн, разрушает природные богатства стран, где она насаждает свои порядки. Этим она замедляет и задерживает даже развитие торговли и сбыт продуктов промышленности цивилизованных государств.

Конгресс осуждает варварские приемы капиталистической колонизации и требует, в интересах развития производительных сил, такой политики, которая обеспечивала бы мирное культурное развитие, и при которой природные богатства земли служили бы прогрессу всего человечества в целом.

Конгресс подтверждает резолюции по колониальному вопросу, принятые на Парижском (1900 г.) и Амстердамском (1904 г.) конгрессах, и еще раз отвергает теперешний способ колонизации, который, будучи по существу своему капиталистическим, преследует одну лишь цель — завоевание чужих земель и покорение иноземных народов для беспощадной их эксплуатации в интересах ничтожного меньшинства, при чем еще увеличивается бремя, лежащее на пролетариате метрополий.

В качестве врага всякой эксплуатации человека человеком, в качестве защитника всех угнетенных без различия расы, конгресс осуждает

эту политику грабежа и завоевания, которая представляет собою не что иное, как циничное пользование правом сильного и попираание прав побежденных народов.

Колониальная политика увеличивает опасность военных осложнений между государствами, занимающимися колонизацией, а расходы на войско и флот ложатся на них еще более тяжелым бременем.

В финансовом отношении необходимо, чтобы колониальные расходы, как те, которые вызываются развитием империализма, так и те, которые делаются в интересах экономического развития колоний, ложились на тех, кто один только и извлекает пользу из ограблений чужих стран и оттуда черпает свои богатства.

Конгресс заявляет, наконец, что социалистические депутаты обязаны вести в своих парламентах непримиримую борьбу с этим способом эксплуатации и порабощения, господствующим во всех существующих колониях.

С этой целью они должны стоять за реформы, способные улучшить участь туземцев, должны противиться всякому нарушению их прав, всякой эксплуатации и порабощению их и стараться всеми имеющимися в их распоряжении средствами воспитывать в туземцах независимость.

II. Женское избирательное право.

Международный социалистический конгресс с чувством глубокой радости приветствует первую собравшуюся в Штутгарте международную социалистическую женскую конференцию и заявляет свою солидарность с выставленными ею требованиями. Социалистические партии всех стран обязаны энергично бороться за введение всеобщего избирательного права для женщин. Вот почему и их борьба за демократизацию выборов в законодательные и административные государственные и коммунальные учреждения должна включать в себя ближайшим образом борьбу за избирательные права женщин. И в парламенте и в своей агитации они должны энергично требовать этих прав и отстаивать их. В странах, где демократизация избирательных прав мужчин сделала уже значительные успехи или достигнута вполне, социалистические партии должны начать борьбу за введение всеобщего избирательного права для женщин, разумеется, развивая вместе с тем и те требования, которые должны быть еще осуществлены в интересах достижения полных гражданских прав мужской частью пролетариата. На женском социалистическом движении всех стран лежит обязанность принимать самое энергичное участие во всякой борьбе, которую ведут социалистические партии за демократизацию избирательного права, но вместе с тем энергичнее заботиться и о том, чтобы в этой борьбе требование всеобщего избирательного права для женщин отстаивалось серьезно, во всей его принципиальной важности и во всем его практическом значении. Международный конгресс полагает, что нельзя с точ-

ностью указать для каждой страны время, когда должна быть начата борьба за избирательное право, но раз она уже начата, она должна вестись лишь на основе социалистических принципов, т.-е. необходимо выставлять требование всеобщего избирательного права одновременно и для мужчин и для женщин.

III. Отношение между социалистической партией и профессиональными союзами.

1. Для полного освобождения пролетариата от духовного, политического и экономического рабства необходима в одинаковой мере как политическая, так и экономическая борьба рабочего класса. Задача социалистических партийных организаций лежит преимущественно в области политической борьбы пролетариата, задача же профессиональных организаций лежит, главным образом, в области экономической борьбы рабочего класса. Таким образом задачи партии и профессиональных союзов одинаково важны для освободительной борьбы пролетариата.

У каждой из этих двух организаций есть соответствующая ее природе область, в которой она должна действовать вполне самостоятельно. Но наряду с этим существует все расширяющаяся область пролетарской классовой борьбы, где успех может быть достигнут лишь при помощи единого, согласованного действия партийной и профессиональной организации.

Борьба пролетариата будет поэтому тем плодотворнее и успешнее, чем теснее будет связь между профессиональными союзами и партийными организациями, при чем не следует упускать из виду единство профессиональной организации.

Конгресс заявляет, что рабочий класс должен стремиться к тому, чтобы во всех странах создавалась и упрочилась тесная связь между партией и профессиональными союзами.

Партия и профессиональные союзы должны помогать друг другу в своих действиях и поддерживать друг друга нравственно и в своей борьбе употреблять лишь такие средства, которые полезны для освободительной борьбы пролетариата. Они должны сталкиваться между собою в тех случаях, когда между ними существует различие во взглядах на целесообразность того или иного средства.

Профессиональные союзы тогда только в состоянии будут выполнить свой долг в деле освободительной борьбы рабочих, когда действия их будут проникнуты социалистическим духом. На партии лежит обязанность помогать профессиональным союзам в их усилиях поднять и улучшить социальное положение рабочих.

Конгресс заявляет, что прогресс капиталистического способа производства, растущая концентрация произв. сил, растущее объединение предпринимателей, возрастающая зависимость отдел. отраслей

производства от всего буржуазного общества должны обречь деятельность профессиональных союзов на бессилие, если они будут заботиться исключительно о своих профессиональных интересах, руководясь цеховым эгоизмом и теорией гармонии интересов между трудом и капиталом.

Конгресс держится того мнения, что профессиональные союзы смогут тем успешнее вести борьбу против порабощения и эксплуатации, чем более единства будет в их организации, чем значительнее будет их фонд, необходимый для профессиональной борьбы, чем глубже будут понимать их члены общее соотношение условий экономической жизни и чем сильнее будет их готовность к жертвам и их энтузиазм, породить которые больше всего способен социалистический идеал.

II. Конгресс обращает внимание всех профессиональных союзов на постановление, которое было предложено Брюссельской конференцией 1899 года и принято на Парижском конгрессе 1900 года—именно предложить профессиональным союзам посылать своих представителей на международные конгрессы, а также вступить в тесные сношения с международным секретариатом профессиональных союзов с целью обмена сведениями, касающимися организации и пропаганды.

III. Конгресс поручает Международному Социалистическому Бюро собирать материалы, которые могли бы облегчить изучение отношений между профессиональными союзами и социалистическими партиями во всех странах, и представить следующему конгрессу отчет по данному вопросу.

IV. Иммиграция и эмиграция.

Конгресс заявляет:

Эмиграция и иммиграция такое же неразрывно связанное с сущностью капитализма явление, как безработица, перепроизводство и недоедание рабочих. Они служат средством уменьшить долю рабочих в продукте труда и принимают порою, благодаря политическим, религиозным и национальным преследованиям, ненормальные размеры.

Никакие экономические и политические запретительные меры не могут, с точки зрения конгресса, предохранить рабочий класс от грозящих ему последствий эмиграции и иммиграции, так как меры эти не приведут ни к чему и по существу своему реакционны, в особенности же конгресс не считает целесообразными ограничение свободы передвижения и исключительные законы для чуждых национальностей или рас.

Напротив того, конгресс заявляет, что организованные рабочие обязаны противиться понижению жизненного уровня, которое часто сопутствует массовой иммиграции неорганизованных рабочих, а также препятствовать вывозу и ввозу штрейкбрехеров. Конгресс понимает те затруднения, которые возникают во многих случаях для пролетариата страны, стоящей на более высокой ступени капиталистического развития, благодаря массовой иммиграции неорганизованных и привыкших к более

низкому жизненному уровню рабочих из стран земледельческой и натурально-хозяйственной культуры, конгресс знает также и те опасности, которые представляют известные формы иммиграции. Тем не менее он не считает возможным бороться с этим злом посредством запрещения иммиграции известным национальностям или расам, что недопустимо и с точки зрения пролетарской солидарности. Конгресс рекомендует следующие меры:

1. Для стран заселяемых.

1) Запрещение вывоза и ввоза тех рабочих, которые заключили контракт, лишающий их возможности свободно распоряжаться своей рабочей силой и своей заработной платой.

2) Законодательная защита рабочих при помощи сокращения рабочего дня, введения минимальной заработной платы, запрещения «потогонной» системы, регулирования домашней промышленности, строгого надзора за жилищами.

3) Отмена всех ограничений, которые лишают известные национальности или расы права селиться в стране или же пользоваться социальными, политическими и экономическими правами, которыми пользуются туземцы; всестороннее облегчение условий натурализации.

4) Профессиональные союзы всех стран должны руководиться следующими принципами: а) неограниченное допущение иммигрировавших рабочих в профессиональные союзы всех стран; б) облегчение вступления в союзы посредством установления умеренного вступительного взноса; в) безвозмездный переход из организации одной страны в организацию другой при условии выполнения всех обязательств по отношению к прежней организации; г) стремление создать международные профессиональные картели, которые сделают возможным проведение в жизнь этих принципов и условий.

5) Поддержка профессиональных организаций тех стран, из которых, главным образом, происходит выселение.

2. Для стран, откуда происходит выселение:

1) Самая деятельная профессиональная агитация. 2) Осведомление рабочих и широкой публики относительно истинного состояния условий труда в странах, куда происходит выселение. 3) Деятельные сношения профессиональных союзов с профессиональными союзами стран, куда направляются эмигранты, относительно однообразного поведения в вопросе об эмиграции и иммиграции. 4) Так как эмиграция рабочих, кроме того, часто еще искусственно стимулируется неверными и лживыми обещаниями, распродаваемыми железнодорожными и пароходными компаниями, спекулянтами по продаже земли и другими дутыми предприятиями, то конгресс требует: надзора за пароходными агентствами, переселенческими конторами, и, в случае надобности, законодательных и административных мер по отношению к ним, чтобы помешать злоупотреблению эми-

грацией в интересах подобного рода капиталистических предприятий; издания правил об условиях перевозки, в особенности на пароходах; наблюдения за соблюдением этих правил через особых инспекторов, располагающих дисциплинарной властью, которые назначаются из среды организованных рабочих тех стран, откуда и куда происходят переселения; организации попечения о прибывших переселенцах, имеющей целью не дать им немедленно же закабалить себя прихвостнями капитала.

Так как перевозка переселенцев может быть урегулирована законом лишь путем международных трактатов, конгресс поручает Международному Социалистическому Бюро выработать проекты по части урегулирования этого дела, которые нормировали бы сооружение и оборудование пароходов и минимальное количество воздуха, приходящееся на каждого переселенца, при чем следует обратить особенное внимание на то, чтобы отдельные эмигранты вступали в переговоры непосредственно с самими пароходными предприятиями без вмешательства каких бы то ни было посредников. Эти проекты следует сообщить партийным центрам для пропагандирования их и руководства при выработке законопроектов.

V. Милитаризм и международные конфликты.

Конгресс подтверждает резолюции предшествовавших международных конгрессов против милитаризма и империализма и еще раз указывает на то, что борьба с милитаризмом неотделима от социалистической классовой борьбы в ее целом.

Войны между капиталистическими государствами обычно являются следствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только обеспечить за собой область сбыта, но и завоевать новые области, при чем главную роль при этом играет порабощение чужих народов и стран. Эти войны порождаются затем непрерывными военными вооружениями, вызываемыми милитаризмом, который является главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса.

Войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизованных странах, в интересах господствующих классов, с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных классовых задач и заставить их забыть долг международной классовой солидарности.

Таким образом войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй или же, когда громадность человеческих и денежных жертв, требуемых военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устранению этой системы.

Рабочий класс, который, главным образом, поставляет солдат, и на который, главным образом, падают материальные жертвы, в особенности является естественным врагом войн, так как войны противоречат цели,

преследуемой им: созданию основанного на социалистическом принципе экономического строя, который на деле осуществит солидарность народов.

Конгресс считает поэтому обязанностью трудящегося класса, в особенности же его представителей в парламенте, указывая на классовый характер буржуазного общества и побудительные причины, заставляющие поддерживать национальную рознь, бороться всеми силами против морских и сухопутных вооружений, отказывать в ассигновках на вооружение, а также содействовать тому, чтобы молодежь из среды рабочего класса воспитывалась в духе братства народов и социализма и против милитаризма и войны.

В замене постоянного войска демократически-организованной милицией конгресс видит существенную гарантию, которая сделает невозможными наступательные войны и облегчит исчезновение национальной розни.

Интернационал не в состоянии наперед установить строго-определенные формы борьбы рабочего класса различных стран против милитаризма, ибо формы борьбы естественно видоизменяются, смотря по месту и по времени. Но своей обязанностью Интернационал считает всячески поддерживать и координировать усилия рабочего класса, направленные против милитаризма и войны.

В действительности, со времени международного конгресса в Брюсселе, пролетариат неустанно боролся против милитаризма путем отказа в ассигновках на сухопутные и морские вооружения, путем усилий демократизировать организацию военного дела; он прибегал с все возрастающей энергией и успехом ко всевозможного рода средствам, чтобы предотвратить объявление войны или положить ей конец, а также, чтобы использовать в интересах освободительной борьбы рабочего класса вызванное войной потрясение всех слоев общества; таковыми именно были: после инцидента в Фашодэ, соглашение английских и французских профессиональных союзов с целью обеспечения мира и восстановления дружественных отношений между Англией и Францией; поведение социалистических партий в немецком и французском парламенте во время Мароккского кризиса; демонстрации, которые были с тою же целью организованы французскими и немецкими социалистами; совместное выступление австрийских и итальянских социалистов, которые собрались в Триесте, чтобы предотвратить конфликт между обоими государствами; энергичное вмешательство социалистических рабочих Швеции для того, чтобы помешать нападению на Норвегию; наконец, героические жертвы и массовая борьба социалистических рабочих и крестьян в России и Польше,—борьба которая велась против начатой царизмом войны, с целью положить ей конец и использовать кризис в интересах освобождения страны и трудящихся классов. Все эти усилия свидетельствуют, о растущей силе пролетариата и о растущем стремлении его обеспечить мир путем энергичного вмешательства.

Выступление рабочего класса будет тем успешнее, чем больше будут подготовлены к нему умы постоянной агитацией и чем больше будет Интернационал оказывать в этом отношении влияние на рабочие партии различных стран и координировать их действия.

Конгресс убежден сверх того в том, что под давлением пролетариата место жалких попыток со стороны правительства займет серьезное применение третейского суда и станет осуществимым благо всеобщего разоружения народов, которое даст возможность громадные затраты энергии и денег, поглощаемые вооружениями и войнами, обратить на культурные цели.

Когда грозит война, рабочие классы соответствующих стран и их представители в парламенте должны, при поддержке Интернационального Социалистического Бюро, сделать все возможное, чтобы помешать войне такими средствами, которые они сочтут наиболее действительными и которые, естественно, изменяются в зависимости от обострения классовой борьбы и общей политической ситуации.

В случае, если война все же разразится, они должны активно выступить за скорейшее окончание ее и стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства.

VI. Резолюция с выражением симпатии русским борцам за свободу.

Конгресс отмечает факт, что русская революция, только еще начавшаяся, уже стала могучим фактором в борьбе между трудом и капиталом и шлет свой братский привет героическим борцам и революционному сельскому и городскому пролетариату России.

189. Ледебур—см. прим. 47 к XIV тому.

190. Давид—см. прим. 39 к IV тому.

191. Фабианское общество—см. прим. 294 к XIV тому.

192. Воинов—псевдоним А. В. Луначарского.

193. Конференция Петербургской организации Росс Соц.-Дем. Раб. Партии (октябрь 1907 г.).

27 октября состоялась конференция СПб. организации. Присутствовало 57 делегатов с решающим голосом и 11 с совещательным голосом, в том числе и официальный представитель Ц. К. Порядок дня был следующий: 1) отчет П. К.; 2) доклад о деятельности Ц. К.; 3) общерусская конференция; 4) суд над с.-д. думской фракцией; 5) безработица; 6) перевыборы конференции и другие организационные вопросы.

Отчет П. К. касался деятельности организации за последний месяц. Докладчик указал на крайне плохое проведение избирательной кампании, которое объясняется рядом объективных, совершенно непреодолимых трудностей. Благодаря сильному бойкотистскому настроению среди широких кругов рабочих, которое до известной степени удалось разбить

тогда, когда было уже поздно, внести в избирательные списки удалось лишь незначительный процент рабочих избирателей. В непосредственной работе по проведению выборов рабочие приняли самое незначительное участие. Устной агитации на должную высоту поставить не удалось по «независящим» причинам; ту агитацию, которая велась на предвыборных собраниях, П. К. считает в высшей степени неудовлетворительной. Легальной агитационной литературы издавать не было никакой возможности и пришлось ограничиться изданием нелегальных листов и газет, которых напечатано было сравнительно много (см. отчет в № 17 «Пролетария»). Депутат от рабочих, за невозможностью собрать всех уполномоченных и конференцию, был намечен общим голосованием П. К. и с.-д. выборщиков. В перебаллотировке П. К. решил принять участие, главным образом, потому, что считал необходимым дать выход тем нескольким тысячам избирателей, которые не хотели голосовать за к.-д. Соглашение с трудовым блоком было заключено в целях оторвать возможно большее число избирателей от к.-д. Этим же руководился П. К. при выборе одного из 3-х кандидатов, выставленного при перебаллотировке.

Доклад П. К. касался далее работы с.-д. в профессиональном движении, организации еженедельного выхода газеты «Вперед», постановки работы в дальнейшем и т. д. Докладчик указал также на существование в Петербурге совершенно самостоятельной, скрываемой от партии, организации меньшевиков с франко-русским комитетом во главе.

Доклад о деятельности Ц. К. касался последних месяцев ее. Докладчик ограничился сухим, последовательным изложением фактов, не комментируя их. Но факты эти оказались сами по себе достаточно красноречивыми. По воле съезда создан был Центральный Комитет без устойчивого большинства в нем, и это является основной причиной недостаточной работоспособности верховной партийной коллегии. В партии распространена легенда, будто нынешний Ц. К.—большевистский. Факты, сообщенные официальным представителем Ц. К., доказали, что это далеко не так. Ц. К. является большевистским лишь в том узком смысле, что его практической работе помогали, главным образом, только большевики; они же одни только помогали ему денежными средствами. Другие фракции относятся к Ц. К. в лучшем случае нейтрально, а в худшем—прямо враждебно, как т.т. меньшевики, всячески дезорганизующие всякую его работу.

Из доклада официального представителя Ц. К. выяснилось, что целый ряд предприятий Ц. К. за последние месяцы оказались невыполненными. По несколько раз Ц. К. обсуждал одни и те же вопросы (Ц. О., листок о терроре и экспроприациях, резолюция о профессиональных союзах, первые шаги думской фракции, участие в буржуазной печати и т. д., и т. д.), и никакого решения принять не удалось. Даже по вопросам, совершенно не терпящим отлагательства, каковым, например, является вопрос о том, как быть с.-д. депутатам при выборах президиума, никакого решения принять не было возможности. И вина за это

падает опять-таки не на большевиков. Объективные условия деятельности для Ц. К. вообще страшно трудны. Но состав Ц. К. и поведение отдельных фракций в нем поставят Ц. К. и партию в совершенно невозможное положение, если дело и дальше будет так продолжаться.

Докладчика Ц. К. рабочие засыпали вопросами, отвечая на которые докладчик еще более ярко осветил неприглядное положение дел в Ц. К.

От принятия какой-либо резолюции конференция воздержалась. Было высказано лишь пожелание, чтобы на предстоящей партийной конференции представители Спб. организации сделали все возможное, чтобы вывести Ц. К. из нынешнего тупика и поднять его деятельность на должную высоту.

По 3-му пункту было заслушано два доклада тов. Ленина (см. в тексте этого тома, стр. 504—506).

После доклада т. Ленина большую речь произнес один из виднейших местных меньшевиков, а вслед за ним говорили еще несколько ораторов меньшевиков. Меньшевики оспаривали доклад т. Ленина от начала до конца. Они находили неправильной его характеристику состава III Думы, они совершенно не соглашались с тем, что кадеты играют объективно контр-революционную роль, и видели главную, почти единственную задачу с.-д. фракции в борьбе с правительством и черносотенцами. Исходя из знаменитой меньшевистской идеи об общенациональной оппозиции, они находили, что и сейчас мы имеем в стране только правительство с его черносотенными опричниками, с одной стороны, и весь остальной народ—с другой. Ссылаясь—всуче!—на Маркса, они находили, что с.-д. должны поддерживать октябристов против черносотенцев потому, что октябристы являются представителями промышленного капитала, а черносотенцы—представители землевладения... С энергией, достойной лучшего применения, меньшевики разбирали вопрос о том, насколько Хомяков лучше Бобринского, Гучков лучше Хомякова и Капустин лучше Гучкова и т. д. И в качестве вывода они, следуя за своими вождями, меньшевиками из Ц. К., предлагали с.-д. депутатам голосовать при выборах в президиум за «левого» октябриста, тем более, что в выборах президиума нет де ни атома принципиальности. Весь де вопрос о президиуме есть вопрос лишь целесообразности. Больше всего было слушать рабочих меньшевиков, также твердивших о необходимости поддерживать «левых» октябристов. Велика, видимо, сила контр-революционного потока! Он не прошел даром и для некоторых сознательных рабочих.

После нескольких горячих речей работников большевиков заключительное слово получил т. Ленин. В этом своем слове он остановился, главным образом, на основной ошибке меньшевизма—идее «общенациональной оппозиции». Российская буржуазия в собственном смысле слова никогда не была революционна, и это по вполне понятной причине: в силу того положения рабочего класса в России, которое он занимает, и в силу его роли в революции. Разобравши все остальные доводы меньшевиков, он предложил резолюцию, напечатанную в № 19 «Пролетария».

37-ю голосами против 12-ти при остальных воздержавшихся резолюция т. Ленина принята за основу и сдана в специальную комиссию для окончательного редактирования.

Интересна была речь лидера меньшевиков по этому вопросу. Он совершенно согласился с тем, что систематическое сотрудничество с.-д. в буржуазной прессе вносит разврат в партию. Он всецело признал, что и газета «Товарищ» принадлежит к тем органам печати, участие в которых для с.-д. недопустимо. Последнюю статью Юрия Перяславского (Г. Хрусталева) в «Товарище» по вопросу об участии в буржуазной прессе он назвал «величайшей пошлостью». И первая часть его резолюции вполне совпадала с большевистским проектом. К неожиданности собрания, он только сделал прибавку, гласящую, что в «экстренных случаях, когда необходимо предупредить от какой-нибудь важной ошибки, допустимо» и т. д. На вопрос, кто же решает необходимость этого, он ответил: каждый автор. Прибавка его сделала резолюцию неприемлемой, но речь его была весьма значительна. Она свидетельствует о том, что и среди меньшевиков набег на партию в духе Плеханова, делаемые в буржуазных газетах, начинают вызывать сильное неудовольствие.

Других пунктов порядка дня предстоящей конференции собрание не обсуждало и лишь ограничилось избранием двух своих делегатов.

Четвертым пунктом порядка дня был вопрос о предстоящем суде над с.-д. думской фракцией, вопрос, дважды уже обсуждавшийся на конференциях и продолжительное время дискутировавшийся в партийной организации и во всевозможных беспартийных рабочих организациях.

Из докладов по фабрикам и заводам выяснилось, что все мелкие и средние заводы готовы забастовать в день суда, что фабрики, как мелкие, так и крупные, также готовы примкнуть к забастовке. Из крупных заводов есть большие шансы провести забастовку на всех кроме казенных. На последних положение рабочих очень тяжелое. Расчет следует за расчетом. Но все же и там, при напряжении сил, забастовка не безнадежна. Из союзов некоторые уже обещали свое содействие. С.-р-ы относятся к стачке не враждебно и во всяком случае мешать ей, очевидно, не будут. Из докладов выяснилось далее, что медлить с решением вопроса о забастовке более нельзя, что колебания и нерешительность вносят деморализацию в ряды пролетариата и ослабляют шансы на успех забастовки. Вопрос был достаточно зрело и всесторонне обсужден, и конференция постановила: призвать рабочих и работниц г. Петербурга и Петербургской губернии к однодневной демонстративной забастовке в день начала суда над с.-д. фракцией и пригласить все рабочие организации Петербурга оказать содействие успешному проведению этой забастовки.

Вопрос о безработице, за неимением времени, к сожалению, подробно обсудить не пришлось, и конференция после краткого обмена мнениями, решила поручить разрешение его Петербургскому Комитету.

Последним разбирался вопрос о перевыборах общегородской конференции. Полномочия нынешнего ее состава истекают. Но конференция,

принимая во внимание целый ряд обстоятельств, вследствие которых немедленное назначение о щих перевыборов вредно отразилось бы на работе организации, постановила: произвести пока частичные перевыборы там, где районы или подрайоны найдут это необходимым; одной трети организованных рабочих предоставляется требовать перевыбора своих представителей, при чем перевыборы производятся под контролем П. К. Общие же перевыборы откладываются до окончания кампании по поводу суда над с.-д. думской фракцией.

Конференция закончилась частичными дозыборами членов П. К., взамен арестованных и выбывших.

194. Сатья „А судьи кто?“ уже в 1907 г. дала точную характеристику мнимого „революционизма“ и мнимого „социализма“ партии соц.-революционеров. Вторая революция блестяще подтвердила все тезисы этой статьи.

295. Письмо о III общероссийской конференции (подписано: А. Волжский; не исключена принадлежность этой статьи Н. Ленину).

Только что закончившаяся III общероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. дает очень богатый материал для характеристики мелкобуржуазно-интеллигентских наслоений в известной части нашей партии. Поражение пролетариата и усиление реакции тесно связаной с движением вправо политических партий и групп, и если страх перед революционной волной „стихий безумия“ погнал кадетов в объятия к октябристам, то ослабление размаха революционного движения не могло не отразиться и на социал-демократии. Товарищи правого крыла спешат водрузить все глубже и крепче свое древко на покинутых кадетами позициях.

К счастью для партии (я откровенно говорю „к счастью“, потому что видеть всю партию переродившейся в кадетский приросток было бы поистине великим несчастьем), меньшевистское течение партии было представлено на конференции очень слабо. Из 27 делегатов с решающим голосом, если исключить делегатов национальных организаций (5 бундовцев, 5 поляков и 3 латышей), большевистское течение было представлено десятью, а меньшевистское всего четырьмя голосами. Да и из этих голосов нет ни одного, приходящегося на район с пролетарским населением. Три делегата имели мандаты с Кавказа, четвертый же меньшевистский делегат представлял мужицкую „Спілку“. Район влияния меньшевиков сократился в Сибири, Северном Кавказе и отчасти на Юге, где от них ускользнули, как констатировано на конференции, крупные промышленные центры — Одесса и Баку.

Носомненно, что „парламентский кретинизм“, упрек в котором так легко был брошен на конференции по адресу т. Ленина, сыграл далеко не последнюю роль в ослаблении идейного и организационного влияния меньшевиков. Что посеешь, то и пожнешь. Оппортунизму есть предел. Есть идеи, которыми нельзя безнаказанно засорять пролетарскую голову, хотя бы эти идеи и были подкрепляемы ссылками на самого Маркса,

столь часто профанируемого за последнее время на столбцах буржуазной печати.

Рельефнее всего меньшевистский оппортунизм вылился при обсуждении на конференции вопроса (первого в порядке дня) о Государственной Думе.

Точка зрения большевиков по этому вопросу являлась логическим развитием постановлений Лондонского съезда о Государственной Думе и отношении к буржуазным партиям. Со стороны большевиков было предложено две резолюции: одна—шести членов Ц. К-та и другая—Петербургской конференции. Обе резолюции сходились в своем основном содержании, различаясь лишь в несущественных частностях. Докладчик от «большинства» т. Ленин и выступавшие затем в защиту большевистских положений т. т. В—ав, Максимов (Богданов) и др. исходили из предпосылки, что объективные задачи русской революции не разрешены, что период наступившей реакции налагает на пролетариат задачу особенно твердо, в противовес всеобщему шатанию, отстаивать дело демократии и дело революции. Отсюда взгляд, что Дума должна быть использована в целях революции, использована, главным образом, в направлении широкого распространения политических и социалистических взглядов партии, а не в направлении законодательных «реформ», которые во всяком случае будут представлять из себя поддержку контр-революции и всяческое урезывание демократии.

По словам т. Ленина, «гвоздем» вопроса о Думе должно быть выяснение трех следующих положений: а) каков классовый состав Думы, б) каково должно быть и будет отношение думских центров к революции и демократии и в) каково значение думской деятельности в ходе развития русской революции.

По первому вопросу, на основании анализа состава Думы (по данным о принадлежности депутатов к той или иной партии) т. Ленин подчеркнул, что проведение взглядов пресловутой, так наз., «оппозиции» возможно в III-ей Думе лишь при одном условии: при совместном сотрудничестве по меньшей мере 87 октябристов с кадетами и левыми. У кадетов и левых для получения необходимого большинства при во-туме законопроектов не хватает 87 голосов. Значит, фактически законодательная деятельность в Думе осуществима лишь при непременном участии в ней подавляющего большинства октябристов. Ясно, во что может вылиться такая законодательная деятельность и к какому позорному столбу приводит социал-демократию совместное шествие с октябристами. Дело здесь не в абстрактном принципе. Абстрактно говоря, можно, а иногда и должно поддерживать представителей крупной буржуазии. Но в данном случае необходимо считаться с конкретными условиями развития русской, буржуазно-демократической революции. Русская буржуазия давно уже вступила на путь борьбы с революцией и компромиссов с самодержавием. Последний кадетский съезд окончательно срвал все фиговые листочки, которыми прикрывались господа Милюковы, и является крупным политическим событием, ибо кадеты с циничной

откровенностью заявили, что в октябристско-черносотенную Думу они идут законодательствовать, а с „врагами слева“ станут бороться. Таким образом, два возможных в Думе большинства, октябристско-черносотенное и кадетско-октябристское, оба различными путями будут стараться завязывать ту же узел реакции: первое — стремлением к восстановлению самодержавия, второе — сделками с правительством и призрачными реформами, прикрывающими контр-революционные стремления буржуазии. Таким образом, социал-демократия не может стать на точку зрения поддержки законодательных реформ, что равносильно поддержке правительственной, октябристской, партии. Путь „реформ“ на данной политической почве и при данном соотношении сил означает не улучшение положения масс, не расширение свободы, а бюрократическую регламентацию несвободы и порабощения масс. Таковы, напр., аграрные реформы Столыпина по 87 статье. Они прогрессивны, ибо расчищают дорогу капитализму, но такого прогресса ни один с.-д. не решался поддерживать. Меньшевики затвердили один шаблон: классовые интересы буржуазии должны столкнуться с самодержавием! Но в этом вульгарном якобы марксизме нет ни грани исторической правды. Разве Наполеон III и Бисмарк не сумели удовлетворить на время аппетиты крупной буржуазии? Разве своими „реформами“ они не затащили на долгие годы петлю на шею трудящихся масс? Какие же основания думать, что русское правительство в своей сделке с буржуазией способно согласиться на иного рода реформы?

В той же степени, в какой принципиальна и выдержана была позиция большинства, позиция большинства отличалась крайней беспринципностью. Слишком уж много ноток «практицизма» звучало в их речах. Политика „от случая к случаю“, как характерно выразился т. Данилов, политика „поддержки октябристско-кадетских законопроектов, если они будут лежать по линии соц.-демократической программы“, как сказал тов. Либер,— вот основной лейт-мотив меньшевистских речей. Большевикам был даже брошен упрек, что они занимаются бесплодной работой повторения и пережевывания резолюций Лондонского съезда. Что же делать? Во всяком случае не вина большевиков, что им приходится все время тащить оппортунистов партии на принципиальной уздечке и подчас повторять азбучные истины, твердить зазубренные фразы, которым, кажется, место не на конференции, а в пропагандистских кружках низшего типа. Один из тов. поляков (Сн — ий) сказал, что мы все немного знакомы с Марксом. Между тем, слушая речи докладчика со стороны оппортунистического крыла, право же, по временам казалось, что многим товарищам далеко не мешало бы возобновить в памяти основные догматы социал-демократического катехизиса.

Оппортунистическое течение конференции по вопросу о Государственной Думе предстало в двух вариациях. Первая вариация, в лице бундовца т. Либера, явилась, так сказать, в оголенном виде. Тов. Либер смело поставил точки над всеми „i“ и договорил до последних выводов то, что оказалось недоговоренным другими его единомышленниками. Бутоны оппортунизма, которые давно показались в известной части на-

шей партии, распустились теперь пышными цветками. Вся реч т. Либера была провозглашением реформизма в социал-демократии. Пред партией стоят теперь,—доказывал оратор,—определенные «чистопрактические» цели, диктуемые соотношением реальных сил в данный момент. В эти цели входит и участие в думском законодательстве, которое может и должно выражаться в поддержку кадетско-октябристских законопроектов, в содействии проведению в жизнь реформ, лежащих «по линии социал-демократической программы».

Исходя из точки зрения, что русская революция есть революция чисто буржуазная (а не буржуазно-демократическая) и что все думающие иначе — анархисты и бланкисты, т. Либер в основу всей своей речи положил утверждение, что классовые интересы крупной буржуазии несовместимы с интересами самодержавия. Отсюда пред социал-демократией неизбежно встанет задача поддержки кадетов (представители средней и мелкой буржуазии), мало того — поддержки октябристов (часть которых является представителями крупной буржуазии). Нельзя смотреть на октябристов как на однородное целое, нельзя приписывать буржуазии имманентно-присущее стремление к контр-революционности. В октябристской партии сейчас сошлись такие элементы, которых объединила необходимость политической борьбы. Но в дальнейшем, когда дело коснется реализации классовых интересов, в партии октябристов неминуемо произойдет расслоение, и часть их уйдет влево. Это движение влево уже началось. И социал-демократия, если не желает оставаться на метафизических высотах неприступности и изолированности, не может игнорировать возможного факта борьбы между самодержавием и кадетско-октябристским блоком, не может не стремиться к использованию последнего в смысле его поддержки. Словом, получается картина совсем как в русской сказке о дедке и репке: дедка за Жучку, Жучка за репку, тнут-потянут,—авось и вытянут конституционную репку в виде отмены каких-нибудь исключительных законов.

«Октябристские репки», которые может получить социал-демократия своим участием в думском законодательстве и голосованием за кадетско-октябрьские законопроекты (а по типичному выражению тов. Лядова кроме тюрем, мы ничего от октябристов не получим),— вот та линия, которую желает гнуть т. Либер. Скатываясь по наклонной плоскости оппортунизма, опускаясь все ниже и ниже, со ступеньки на ступеньку, он последовательно превратил меньшевизм в реформизм чистейшей воды. «Лучше то небольшое реальное, на которое буржуазия способна», нежели застывшее упорство в проведении «митинговых» резолюций. Революционные лозунги пролетариата,—ведь это все митинговые слова... Партия должна руководиться «соображениями практической целесообразности», т. е. стремиться к реформам, лежащим на столбовой дорожке нашего движения. И если соц.-демократия не поддержит того или иного октябристского законопроекта, представляющего положительный шаг вперед, то население не простит этого,—говорит т. Либер. Партия будет дискредитирована, партия очень многое потеряет при «выборах в четвертую Думу»...

Итти дальше в сторону оппортунизма, кажется, уж некуда. Речь т. Либера заслужила своей откровенностью аплодисменты большевиков. Во всяком случае партия должна быть благодарна т. Либеру, что он смелой рукой приподнял загадочное покрывало с меньшевистского «реализма» и представил его в виде далеко не «прекрасного херувима». Тов. Либер, между прочим, бросил большевикам упрек в том, что они не дают анализа классового состава кадетской и октябристской партии. И это неверно. Такой анализ был дан в ответных речах т.т. Максимова (Богданова) и др., указывавших, что октябристская буржуазия характеризуется всеми теми признаками, какими характеризуется буржуазия эпохи первоначального накопления, и потому строить свои планы в расчетах на совместные действия с этой буржуазией не приходится.

Представитель и лидер другого меньшевистского течения, т. Данилов, в сущности очень близко подошел к позиции т. Либера, но только более искусно завернул свой оппортунизм в «капустные листики». Тов. Данилов не разделяет оптимистических вожделений т. Либера касательно октябристской партии и кадетско-октябристского большинства Думы. Поэтому роли услужливой свахи между социал-демократами и левыми октябристами он на себя не брал. По его мнению, большинство Думы будет осуществлять крепостническую диктатуру помещиков, и одна из наиболее вероятных перспектив именно та, что кадеты окажутся «в оппозиции». Утверждение всем нам давно известное, и напрасно т. Данилов старался завертывать в «капустные листики» довольно прозрачные мечты об «объединении всей оппозиции».

Но, несмотря на эту разницу в оценке перспектив думской деятельности, взгляды т.т. Либера и Данилова вытекали из одинаковых принципиальных посылок. И тот и другой разными путями шли в один и тот же Рим, и тот, и другой исходили из «практической» точки зрения и отстаивали одинаковое положение, что участие в законодательной деятельности и реформы, проведенные с помощью буржуазной оппозиции («реформы, лежащие по линии нашей программы»), являются тем плюсом, которого не должна упускать из поля зрения социал-демократическая партия в своем отношении к третьей Думе. На деле т. Данилов тоже защищал реформизм, не решаясь назвать вещи своим именем и увертываясь от той истины, что без кадетско-октябристского блока невозможно реформаторство в третьей Думе, а при таком блоке невозможны реформы, достойные поддержки пролетариата.

Неудивительно, поэтому, если резолюция, предложенная меньшевиками, представляла из себя сплошное нагромождение практических «деталей» и блистала отсутствием всякой оценки октябристско-кадетского блока—предмета воздыханий наших либералов *).

*) К сожалению, не могу привести подлинного текста резолюции, который по конфузливому объяснению его авторов был просто черновым наброском (каким, например, был набросок Струва о печати), а к концу заседания конференции безнадёжно затерялся в чьих-то карманах...

Т.т. Либери и Данилов ставили в вину большевикам, что они слишком обще («по-митинговому») определяют первые шаги думской деятельности нашей фракции. Опять-таки неверно. Резолюция общероссийской конференции включает в себя и ряд практических указаний, какими должна руководиться фракция. Но эти указания спаяны органически с общими принципиальными положениями революционной социал-демократии, а не являются отдельными звеньями того беспринципного «реализма», который руководится в своей тактике правилом: «от случая к случаю», и из-за деревьев не видит леса: расплываясь в мелочах и частностях, теряет из поля зрения общую революционную цель пролетариата в русской буржуазно-демократической революции.

Конференция приняла большевистскую резолюцию о тактике в третьей Думе 17 голосами против 2, при 5 воздержавшихся.

Следующий вопрос о том, как называться социал-демократическим депутатам в Думе, фракцией или группой, не был включен в порядок дня Ц. К-том, а поставлен на обсуждение самой конференцией. Казалось бы, что в данном случае не может быть и спора о том, чтоб ячейка партии, занимающая в глазах широких масс столь ответственное место, прятала в карман свое партийное знамя. Вопрос упрощался тем более, что по заявлению представителей местных организаций (Урал) думские депутаты во время выборов выступали, как представители партии, и скрывание этого теперь в Думе произвело бы неблагоприятное впечатление на избирателей. Но и этот простой вопрос наиболее крайние представители правого крыла партии (правда, их было немного) постарались затемнить и осложнить ссылками на примеры Запада, где социалисты также бывали вынуждаемы прятать партийное знамя.

Спор вращался исключительно в узкой сфере, на тему о том, какое название должно носить партийное представительство в Думе.

Принята следующая резолюция:

«Конференция находит необходимым, чтобы представительство Р. С.-Д. Р. П. в III-ей Государственной Думе носило название социал-демократической фракции».

Не менее характерна позиция правого крыла и в вопросе об участии в буржуазной прессе. С точки зрения революционной социал-демократии тяготение т. Плеханова к бернштейнцам и «безголовым социалистам» из «Товарища» вполне объяснимо и понятно, но ведь дело не в том только, чтоб признать и объяснить факт, а дело в принципиальном значении этого факта. И напрасно некоторые меньшевики сводили весь этот крупной важности вопрос об участии в буржуазной прессе к маленькому «скандалчику в благородном семействе». Напрасно старались дать понять, что весь де сыр-бор загорелся из-за плехановских статей в газете «Товарищ», и не зачем де бросать новую «кость раздора» в партию; напрасно усматривали в резолюции стремление зажать рот меньшевикам. Напрасно, наконец, приводили в защиту своих положений такие поистине курьезные доводы, что весь гвалт поднялся вследствие новизны дела, что виноваты-де стрелочники («репортеры виноваты», как

сказал т. Данилов), если систематически извращаются сведения, касающиеся революционной социал-демократии. Сквозь прозрачный флер курьезных и некурьезных аргументов оппортунизм т. Данилова был виден во всей прелести. Носители меньшевистской идеи объединения всей оппозиции действительно могут удобно размещаться и свободно себя чувствовать в лагере людей, обертывающих в бернштейнианскую вату все острые вопросы революционной соц.-дем.

И не даром т. Данилов, отстаивая соц.-демократическую «вхожесть» в кулуары буржуазных газет, так подчеркивал в предложенной им резолюции, так выдвигал на первый план мысль о необходимости для социал-демократов участия в буржуазной прессе (ввиду отсутствия соц.-демократических легальных газет, с целью пропаганды в широких слоях социал-демократических идей и т. д.). Центр тяжести вопроса лежал вовсе не в этой плоскости. Большевики никогда не зарекались распространять идеи социал-демократии чрез легальную, хотя бы и буржуазную прессу (при известных, конечно, условиях) и вовсе не предлагали draconовских мер для обуздания партийных литераторов. Но вопрос заключается в том, как выяснил на конференции т. М—ский (см. статью в № 19 «Пролетария»), что во имя интересов партии такое участие должно быть под строгим партийным контролем. «Гвоздь» вопроса в том, что помещение статей в буржуазной прессе по тактическим вопросам превращается в идейно-политический блок части партии с бернштейнианскими представителями буржуазной демократии; такое участие увеличивает удельный вес буржуазных принципов и поднимает авторитет буржуазных газет, на аншлаге которых рядом с кадетскими подголосками красуются подписи партийных лидеров Плеханова, Мартова и т. д.

Вчитываясь в смысл принятой на конференции резолюции (принята большинством 20 при 6 воздержавшихся против 1 гол.), не трудно видеть, как далека она от той фракционной узости, какую старались придать данному спору т.т. меньшевики.

Последний острый и больной вопрос — об организационной связи Ц. К. с местными организациями и об упразднении «фракционных центров», которые являются, так сказать, «вредным средостением» между этими организациями и Ц. К. Вполне понятно, если этот вопрос был поднят представителями национальных организаций, стоящими вне фракций. Но поведение меньшевиков совсем непонятно. Т. Данилов так и не выяснил на конференции, является ли отсутствие (sic!) фракционного центра у них их бедою (вследствие вообще организационного распада их фракции) или же добродетелью.

Опуская прения, я ограничусь лишь сообщением кратких фактических сведений о фракциях партии.

Представитель большевиков выяснил, что у большевиков имеется группирующаяся вокруг газеты «Пролетарий» редакция, избранная на Лондонском съезде. Эта редакция и является идейным центром фракции.

Представитель меньшевиков т. Данилов категорически отрицал суще-

ствование у них фракционного центра, который давал бы какие-либо директивы. То, что имеется у них во фракции, представляет из себя нечто иное, как просто-на-просто «клуб», куда входит несколько литераторов. Этот «клуб» не является выборным учреждением.

Характерно, что т. Данилов высказался *п р о т и в* принятия резолюции об упразднении фракционных центров и охарактеризовал такое голосование, как лицемерие, потому что резолюция останется только на бумаге. Но тут произошел неожиданный пассаж. Из фактических сообщений на конференции выяснилось, что хотя у меньшевиков и нет (по «нелицемерному» заявлению т. Данилова) практического центра, а есть только «клуб», но какая-то, очевидно, шапка-невидимка систематически рассылает меньшевистские послания в целый ряд организаций. Мало того: послания эти писаны на бланках Ц. К. Одновременно пропадает целый ряд писем с мест в Ц. К., пропадает не бесследно, потому что та же таинственная «шапка-невидимка» аккуратно отвечает на эти исчезнувшие письма.

За исключением т. Данилова (при поименном голосовании воздержавшегося) резолюция принята *единогласно*.

Последний вопрос порядка дня о кооперативном движении по недостатку времени не был рассмотрен; его передали в Ц. К. для разработки в партийной прессе.

Таковы итоги конференции. В кратком письме, конечно, трудно охарактеризовать все оттенки настроений и мнений, представленных на конференции. Позиция меньшевиков говорит сама за себя, и мне хотелось бы отметить то новое оппортунистическое наслоение, которое так ярко вылилось в речах т. Либера: это — превращение меньшевизма в реформизм. Это наслоение, по-моему мнению, должно вызвать распад в меньшевистской фракции. Признаки его наблюдались уже и теперь. Несмотря на то, что подавляющее численное преобладание большевиков должно было теснее сплачивать небольшую меньшевистскую группу, — в голосованиях меньшевиков на конференции, как видно из приведенных мной выше цифр, не было единодушия, а чувствовалась растерянность и разброд.

Не вошли в это издание статьи Н. Ленина из №№ 1 и 2 «Простых Речей» и № 18 «Пролетария» и брошюра: «Речь на партийном суде».

*
*

VIII том Собр. сочинений Н. Ленина подготовлен к печати В. Павовым под ред. Л. Каменева.

СОДЕРЖАНИЕ

1906 год. — Ноябрь.

	<i>Стр.</i>
Особое мнение 14 делегатов 1 Всер. Конференции Р.С.-Д.Р.П. („Пролетарий“ № 8 от 23/XI)	5
Проект обращения к избирателям („Прол.“ № 8 от 23/XI)	7
О блоках с кадетами („Пролетарий“ № 8 от 23/XI)	11
Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина („Пролетарий“ № 8 от 23/XI)	21
Как Армавирские социал-демократы ведут избирательную кампанию? („Пролетарий“ № 8 от 23/XI)	24

Декабрь.

Новое сенатское разъяснение („Пролетарий“ № 9 от 7/XII)	26
Кризис меньшевизма („Пролетарий“ № 9 от 7/XII)	33
Пролетариат и его союзник в русской революции („Пролетарий“ № 10 от 20/XII)	51
По поводу одной статьи в органе Бунда („Прол.“ № 10 от 20/XII)	60
Подделка правительством Думы и задачи социал-демократии („Пролет.“ № 10 от 20/XII)	66
Предисловие к брошюре Либкнехта: „Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!“	71
Политическое положение и задачи рабочего класса („Тернии Труда“ № 1 от 24/XII)	76
Предисловие к брошюре К. Каутского: „Движущие силы и перспективы русской революции“	80
Как относятся к выборам в Думу партии буржуазные и партия рабочая? („Тернии Труда“ № 2 от 31/XII)	85

1907 год. — Январь.

Плеханов и Васильев („Прол.“ № 11 от 7/I)	90
Социал-демократия и выборы в Думу (брошюра)	97—116
„Услышишь суд глупца...“ (брошюра)	117—133
Со ступеньки на ступеньку („Прол.“ № 12 от 25/I)	134
Протест 31-го меньшевика („Прол.“ № 12 от 25/I)	137

Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика (брошюра)	141—152
Выборы по рабочей курии в Петербурге („Прол.“ № 12 от 25/I)	153
Как голосовать на выборах в Петербурге? („Зрение“ № 1 от 25/I)	156
Выборы в Петербурге и кризис оппортунизма („Прол.“ № 12 от 25/I)	165

Февраль.

Как голосовать на выборах в Петербурге? („Зрение“ № 2 от 4/II)	169
Предварительные данные о московских выборах („Зрение“ № 2 от 4/II)	174
Политическая Лидваляда („Зрение“ № 2 от 4/II)	176
Итоги выборов по рабочей курии в Петербурге („Прол.“ № 13 от 11/II)	178
Некоторые данные о выборах по рабочей курии на юге России („Прол.“ № 13 от 11/II)	183
Значение выборов в Петербурге („Прол.“ № 13 от 11/II)	186
Предисловие к русскому переводу брошюры: „К. Маркс. Письма к Кугельману“	190
Вторая Дума и вторая волна революции („Прол.“ № 13 от 11/II)	197
Итоги выборов в Петербурге („Прол.“ № 13 от 11/II)	201
Проекты резолюций к пятому съезду Р. С.-Д. Р. П. („Пролетарий“ № 14 от 4/III)	208
Петербург, 20 февраля 1907 г. („Новый Луч“ № 1 от 20/II)	216
Мелко-буржуазная тактика („Новый Луч“ № 4 от 23/II)	219
Платформа революционной социал - демократии. I. („Пролетарий“ № 14 от 4/III)	222
Устроители раскола о будущем расколе („Новый Луч“ № 5 от 24/II)	226
О тактике оппортунизма („Новый Луч“ № 5 от 24/II)	228
Большевики и мелкая буржуазия („Новый Луч“ № 6 от 25/II)	233
Близкий разгон Думы и вопросы тактики („Прол.“ № 14 от 4/III)	236
Кадеты и трудовики („Рабочая Молва“ № 1 от 1/III)	240
Выборы в Думу и задачи русской социал-демократии („Neue Zeit“ № 26 от 27/III)	243

М а р т.

Платформа революц. соц.-демократии. II. („Прол.“ № 15 от 25/III)	253
Как не следует писать резолюций (Сборник „Вопросы Тактики“, вып. II)	258
Основы сделки („Прол.“ № 15 от 25/III)	277
Фр. Меринг о второй Думе (Сборник „Вопросы Тактики“, вып. II)	280
Тактическая платформа меньшевиков (Сборник „Вопросы Тактики“, в. I)	286
Мягко стелют, да жестко спят („Наше Эхо“ № 1 от 25/III)	299
Дума и утверждение бюджета („Наше Эхо“ № 2 от 27/III)	304
Интеллигентские воители против господства интеллигенции („Наше Эхо“ № 5 от 30/III)	307
Сердитая растерянность (Сборник „Вопросы Тактики“, вып. II)	310

А п р е л ь.

Аграрный вопрос и силы революции („Наше Эхо“ № 7 от 1/IV)	321
Анемичная Дума или анемичная мелкая буржуазия („Наше Эхо“ № 8 от 3/IV)	324
Горжествующая пошлость или кадетствующие эс-эры („Наше Эхо“ № 9 от 4/IV)	327
Предисловие к русскому переводу книги: „Письма И. Ф. Беккера, И. Диггена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Зорге и др.“	330

Сила и слабость русской революции („Наше Эхо“ №№ 10 и 12 от 5 и 7/IV.	345
Петербург, 10 апреля 1907 года („Наше Эхо“ № 14 от 10/IV)	352
Ларин и Хрусталев („Труд“ № 1 от 5/IV)	355
Реорганизация и ликвидация раскола в Петербурге („Пролетарий“ № 16 от 2/V)	359
К вопросу об общенациональной революции („Прол.“ № 16 от 2/V)	366
По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции Российской Социал-Демократической Рабочей Партии („Прол.“ № 16 от 2/V).	370

М а й.

Речи на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П.	379—409

И ю н ь.

Отношение к буржуазным партиям (Сборн. „Итоги Лондонского съезда“)	410
Памяти графа Гейдена (Сборник „Голос Жизни“)	427
Против бойкота (Сборник „За и против бойкота III Думы“)	434

А в г у с т.

Заметки публициста (Сборник „Голос Жизни“)	462

С е н т я б р ь.

Предисловие к сборнику: „За 12 лет“	473

О к т я б р ь.

Революция и контр-революция („Прол.“ № 17 от 20/X)	488
Революция Конференции Петербургской организации Р. С.-Д. Р. П. („Прол.“ № 17 от 20/X)	495
Международный социалистический конгресс в Штутгарте („Пролетарий“ № 17 от 20/X)	498

Н о я б р ь.

Доклады на Конференции Петербургской организации Р. С.-Д. Р. П. („Прол.“ № 20 от 19/XI)	504
Приготовление „отвратительной оргии“ („Прол.“ № 19 от 5/XI)	506
А судьи кто? („Прол.“ № 19 от 5/XI)	511
Приложение: Несколько документов из истории Р. С.-Д. Р. П.	519—552
№ 1. I Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П.	521
№ 2. Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П.	524
№ 3. III Общероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П.	548

Примечания	553—660

